

ТАДЖИКСКИЙ

ПОЛ
АНДЕРСОН

ПОЛ АНДЕРСОН

ОСТРОУМНЫЙ СЮРПРИЗ

ОТ ПРИЗНАННОГО МАСТЕРА ФАНТАСТИКИ!

ЭКСМО

ОПЕРАЦИЯ
«ВНЕЗЕМЕЛЬЕ»

ОПЕРАЦИЯ
«ВНЕЗЕМЕЛЬЕ»

ПОЛ АНДЕРСОН

**ОПЕРАЦИЯ
«ХАОС»**

**ОПЕРАЦИЯ
«ЛУНА»**

ЭКСМО-ПРЕСС

2000

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
А 65

Poul ANDERSON
OPERATION CHAOS
OPERATION LUNA

Copyright © 1999 by Trigonier Trust

Серийное оформление
художника *С. Курбатова*

Серия основана в 1997 году

Андерсон П.
А 65 Операция «Внеземелье»: Фантастические романы/Пер. с англ. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000.— 608 с. (Серия «Стальная Крыса»).

ISBN 5-04-005740-7

В этой книге выходят под одной обложкой знаменитый роман «Операция «Хаос» и его только что появившееся продолжение «Операция «Луна». Вам предстоит погрузиться в волшебный мир, созданный неистощимой фантазией Пола Андерсона. На Земле царствует магия, оживли сказочные и мифические Создания — феи, лешие, гномы, драконы. Здесь ведьмы служат в ВВС, оборотни работают инженерами, ФБР борется с демонами, а на Луну летают на космической метле, созданной искусником-гномом.

Роман «Операция «Луна» впервые публикуется на русском языке.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

- © Издание на русском языке.
ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 2000
- © Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 2000
- © Перевод. Д. Громов, О. Ладыженский,
И. Непочатова, 2000

ISBN 5-04-005740-7

ОПЕРАЦИЯ «ХАОС»

*Роберту Хайнлайну — первому, кто
воплотил магию, — и его собственной
рыжей Вирджинии.*

Эй, вы, там!

Отзовитесь, если вы существуете!

Хотя, возможно, мы вас так и не обнаружим. Этот странный эксперимент — проверка дикой гипотезы. Но, помимо всего, это наш долг.

Я лежу, скованный сном. Лишь наполовину сознаю существование моего мира. Меня избрали, чтобы послать призыв через потоки времени, потому что то, что случилось со мной много лет назад, оставило заметные следы на моей заурядной натуре и потому, что содержащие послание мысли имеют большие шансы войти в резонанс с вашими, если будут посланы мною.

Возможность неудачи велика. Моя заурядность полностью взяла верх над крошечным остатком маны, курящейся во мне, как слабый дымок. И в любом случае весьма неприятно, что я излучаю мысль в пустоту. Скорее всего это так.

То, что время имеет больше одного измерения, — идея скорее всего чисто философская. Трудно поверить, что могут одновременно существовать различные Вселенные, совершенно чуждые нам или такие похожие, что и отличить невозможно.

(...Почему во сне я разговариваю на этом языке? Это не моя привычная речь. Препараты вызвали странное состояние. Проклятие! Когда завтра проснусь, я буду собой и не только собой. Но сейчас и всю ночь я — это я...)

Земля, где битва под Геттисбергом выиграна Ли¹, а битва при Ватерлоо — Наполеоном. Или Земля, где религия Митры² одержала верх над христианством. Или Земля, где вообще никогда не было Рима. Или Земля, где разум обрели не люди, а другие животные. Или Земля, на которой вообще не развилась разумная

¹ Роберт Эдуард Ли — главнокомандующий армии южан во время Гражданской войны в США. Его армия была наголову разбита северянами в битве при Геттисберге (1863 г.). Это сражение стало переломным моментом в истории США.

² Митра — древнеиранское божество. Его культ был очень распространен в Римской империи в первые века н.э. и конкурировал с христианством.

жизнь. Земля, принадлежащая к таким областям космоса, где иные законы природы. Для их обитателей возможно то, что мы никогда не сможем. Но они никогда не достигнут того, что мы сделаем без затруднений...

Но должен сказать, что в этой гипотезе есть нечто большее, чем умозрительные рассуждения. Имеется подтверждение в новейшей, слишком абстрактной для меня, физической теории. И есть анекдотические случаи появлений и исчезновений, наводящих на мысль, что возможны телесные перемещения от одного временного потока к другому. Бенджамин Батуст, Каспар Хаузер... То, что случилось со мной, — хотя это не самое важное. Однако именно в этом — причина того, что мы сочли своим долгом отправить послание.

Видите ли, если параллельные миры существуют, то они должны быть тесно взаимосвязаны. В противном случае гипотезу невозможно проверить и она не имеет смысла. Имея одно и то же происхождение, воплотившись в одних и тех же формах, эти миры должны иметь одну и ту же судьбу. Борьба Закона и Хаоса, какие бы разнообразные формы она ни принимала, наверняка идет во всех мирах.

Кое-чему мы научились. Мы обязаны послать вам сообщение, научить и предупредить.

Вам это может показаться всего лишь сном. Мне и самому так кажется. Но все, что мне помнится, произошло на самом деле. Сомнительно, чтобы вы — те, которые окажетесь в пределах нашей досягаемости, — смогли ответить нам. Даже если захотите. Ведь в противном случае мы бы уже получили сообщение откуда-нибудь. Но надеемся, что наше сообщение вы воспримете. Спросите себя — может ли быть обычный сон таким, как тот, что снится нам сейчас?

У нас пока нет определенного представления о том, на что вы похожи. Но предполагаем, что вы — нечто большее, чем ничто. Вы, вероятно, живете в мирах, не слишком отличающихся от нашего. В противном случае связь была бы невозможной. Как бы я мог найти отзвуки в душах поистине чуждых существ? Нет, вы тоже должны быть людьми, обладающими при этом технологической культурой.

Вы должны, как и мы, помнить Галилея, Ньютона, Лавуазье, Ватта. Вероятно, вы тоже американцы. Но в какой-то точке мы разошлись. Был ли у вас Эйнштейн? И если был, над чем он работал после своих ранних публикаций, касающихся броуновско-

го движения и специальной теории относительности? Такие вопросы можно задавать бесконечно.

Разумеется, и у вас возникнут похожие вопросы, касающиеся нас. Поэтому я хоть как-то расскажу вам свою историю. (Это все равно не избежать, и сумрак окутывает меня.) Несомненно, многое из того, о чем я буду рассказывать, вам и так известно. Может быть, вы уже знаете, как работают электрические генераторы, или чем закончилась Первая мировая война, или еще что-нибудь. Потерпите. Лучше получить слишком много сведений, чем слишком мало. Для вас это может оказаться жизненно важным.

Если вы, конечно, существуете.

С чего начать? Полагаю, что для меня все началось во время Второй мировой войны. Хотя, разумеется, история прослеживается и гораздо раньше.

ГЛАВА 1

То ли нам попросту не повезло, то ли их разведка оказалась лучше, чем ожидали, но последний налет прорвался мимо нашей воздушной обороны и снес к дьяволу палатку корпуса погоды. Проблемы снабжения — это проблемы снабжения. Мы не могли пополнять запасы неделями, а тем временем враг захватил контроль над погодой. Нашему единственному уцелевшему погоднику, майору Джексону, приходилось использовать все, что осталось от его стихии, чтобы защитить нас хотя бы от молний. Так что приходилось принимать все, что им хотелось насладиться на нас. Сейчас, к примеру, шел дождь.

Ничто так не обескураживает, как холодный дождь, льющий неделю напролет. Земля раскисает, грязь липнет к сапогам. Сапоги делаются тяжеленные — от земли не оторвешь. Форма превращается в вымокшую насквозь тряпку, липнущую к твоей промерзшей шкуре. Продовольственные пайки отсыревают, винтовки приходится чистить и смазывать по два раза на дню. И все время слышишь, как дождь барабанит по каске... Никогда мне не удастся забыть эту серую, без конца бьющую по телу воду. И через десять лет ветер, сулящий дождь, будет вызывать чувство подавленности.

«Одно утешение, — думал я. — Пока идет дождь, с воздуха хорошую атаку не проведешь. Несомненно, когда они будут готовы атаковать с бреющего полета, облачный покров уберут к черту. Однако, чуть только появятся их ковры, мы поднимем в

воздух свои метлы!» А пока что мы тащились вперед. Вся наша дивизия, вместе со вспомогательными частями — Сорок пятая Молниеносная, краса и гордость армии Соединенных Штатов, — превратилась в жалкое скопище людей и драконов, рыщущих по холмам Орегона в поисках оккупантов.

Я шел по лагерю. Вода сбегала с краев палаток и, булькая, стекала в окопы. Наши часовые, разумеется, надели шапки-невидимки, но я видел, как на грязи появляются отпечатки, слышал хлюпанье сапог и унылую ругань.

Вскоре я миновал взлетно-посадочную полосу. Военно-воздушные силы располагались рядом с нами, чтобы сразу оказать поддержку в случае необходимости. Двое, не утруждая себя невидимостью, стояли на страже возле переносного ангара. Их голубые мундиры выглядели такими же замызганными, как и мой, но сами летчики были чисто выбриты, и медные знаки различия — крылатая метла, побеждающая злого врага, — были начищены до блеска. Часовые отдали мне честь, и я лениво ответил им тем же.

Дальше лежали листы брони. Ребята соорудили из них переносное укрытие для зверюг. Я мог видеть только пробивающийся сквозь щели пар и ощущать пакостную вонь рептилий. Драконам дождь ненавистен, и их заклинателям приходилось тратить чертовски много времени, чтобы не выпустить их из-под контроля.

Поблизости расположился отряд окаменителей. В загоне, извиваясь, шипели василиски в защитных колпаках, тыкаясь своими мордами, увенчанными гребнями, в людей, которые их кормили.

Лично мне практическая ценность этого корпуса представляется сомнительной. Нужно подвести василиска вплотную к человеку и заставить змея смотреть строго прямо, пока человек не окаменеет. А отражательные алюминиевые костюм и шлем, которые следует носить для защиты от своих же питомцев, — это же готовая мишень для вражеских снайперов!

Кроме того, углерод человеческого тела, превращаясь в кремний, дает радиоактивные изотопы. Так что вы получите такую дозу радиации, что медикам придется отпаивать вас корнем святого Иоанна, добытым в новолуние на кладбище.

Кстати, если вы не в курсе: кремация отмерла отнюдь не сама собой — ее запретили законом о национальной обороне. Нам требуется множество кладбищ с мертвецами, захороненными по старинке. Так что с прогрессом науки свобод у нас стало меньше.

Я прошел мимо инженеров, командующих отрядом зомби. Те рыли очередную осушительную канаву. Часовой у палатки генерала, увидев мою эмблему — тетраграмму Разведывательного корпуса и знаки различия на погонах, — отдал честь и впустил меня внутрь.

Я вошел, остановился возле стола и отдал честь.

— Капитан Матучек прибыл, сэр, — сказал я.

Ванбрух взглянул на меня из-под лохматых седых бровей. Это был человек с лицом, похожим на выветрившийся камень. Кадровый вояка на все сто три процента. Но мы любили его, насколько солдаты могут любить старого боевого генерала.

— Вольно, — бросил он. — Садитесь. Разговор займет некоторое время.

Я нашел себе складной стул и сел. Два других стула были уже заняты незнакомыми мне людьми. Один — толстяк с круглой красной физиономией и белой пушистой бородкой. Майор с эмблемой круглых кристаллов Корпуса Связи. А другая — юная девушка. Несмотря на усталость, я уставился на нее во все глаза.

Она того заслуживала. Рослая, зеленоглазая, рыжеволосая. Лицо с высокими скулами. Фигура слишком хороша для униформы женской вспомогательной службы США. И для любой другой — тоже. Капитанские лычки. Паук Кавалерийского корпуса... Хотите официальное название — пожалуйста, не паук, а Слейпнир¹.

Генерал представил нас друг другу:

— Майор Харриган. Капитан Грейлок. Капитан Матучек. А теперь давайте займемся делом.

Он расстелил перед нами карту. Я наклонился и посмотрел на нее. На карте были обозначены наши и вражеские позиции. Враг все еще удерживал в своих руках половину побережья Тихого океана от Аляски до Орегона, хотя положение значительно улучшилось с тех пор, как в битве при Миссисипи год назад удалось повернуть нашествие вспять.

— Итак, — заявил Ванбрух, — я опишу вам ситуацию в целом. Задание предстоит опасное. Вы вызвались на него добровольцами, но тем не менее я хочу, чтобы вы в полной мере представляли себе его важность...

Ну, я-то добровольцем не вызывался. Меня им попросту назначили. В армии, да еще во время такой войны, как нынешняя,

¹ Слейпнир — в древнескандинавской мифологии — восьминогий конь Одина (отсюда и «паук»).

согласия особо не спрашивали. Когда Сарацинский Халифат напал на нас, я был актером средней руки в Голливуде. Мне бы очень хотелось вернуться к прежнему занятию, но сперва нужно было покончить с войной.

— Как видите, мы потеснили их, — продолжил генерал, — и все оккупированные страны встрепенулись и готовятся поднять восстание, как только получат шанс выиграть битву. Британия помогает в организации и вооружении подполья, а сама тем временем собирается форсировать Ла-Манш. Русские готовят наступление с севера. Мы же должны нанести врагу решительный удар, взломать линию фронта и погнать их. Это послужит сигналом. Если мы добьемся успеха, то с войной будет покончено еще в этом году. В противном случае она может растянуться года на три.

Я это знал. Вся армия это знала. Официально пока ни слова не сообщалось, но люди каким-то образом чувствуют, когда предстоит большое наступление.

Генерал неуклюже прочертил пальцем по карте:

— Девятый броневой дивизион — здесь, Двенадцатый Металльный — здесь. Саламандры — тут, где, как мы знаем, сарацины сконцентрировали своих огнедышащих. Моряки готовы высадиться на побережье и захватить достаточно кракенов. Один удар — и мы их погоним.

Майор засопел в бороду и мрачно уставился в круглый кристалл. Шар был мутный и темный. Враг создавал такие помехи для наших кристаллов, что их просто невозможно было использовать. Мы, естественно, отвечали тем же. Капитан Грейлок нетерпеливо постучала по столу безукоризненно маникюренным ногтем. Она была такая чистенькая и красивая, что я решил отказаться от мысли понравиться ей. Во всяком случае, сейчас, когда мой подбородок покрыт трехдневной щетиной.

— Но, по-видимому, вас что-то беспокоит, сэр, — отважился вмешаться я.

— Верно, будь оно проклято! — рявкнул Ванбрух. — Тролльбург.

Я кивнул. Сарацины до сих пор удерживали этот город — ключ к позиции, оседлавший шоссе №20 и охраняющий подступы к Салему и Портленду.

— Мне кажется, мы предлагали захватить Тролльбург, сэр, — пробормотал я.

Ванбрух нахмурился:

— Это должна сделать Сорок пятая, — проворчал он. — Если

мы опростоволосимся, приятель, враги сделают вылазку, отрежут Девятый и сорвут всю операцию. Кроме того, майор Харриган и капитан Грейлок из Четырнадцатого доложили мне, что у гарнизона в Тролльбурге есть ифрит.

Я присвистнул. Озноб пополз вдоль позвоночника. Халифат, не задумываясь, прибегал к использованию сверхъестественных сил в войне (в частности, поэтому остальной мусульманский мир относился к сарацинам как к еретикам и ненавидел их не меньше, чем мы). Я бы никогда не подумал, что они зайдут так далеко, что решатся сломать печать Соломона. Вышедший из повиновения ифрит может причинить невообразимые разрушения.

— Надеюсь, у них он только один... — прошептал я.

— Один, — у Грейлок был низкий голос, который мог бы казаться приятным, если бы она не говорила так отрывисто. — Они прочесали все Красное море, надеясь найти вторую бутылку Соломона. Но, кажется, эта — последняя.

— Все равно плохо, — сказал я. Усилие, которое потребовалось, чтобы голос звучал ровно, помогло мне успокоиться. — Как вы это узнали?

— Мы из Четырнадцатого, — зачем-то сообщила Грейлок.

Но на самом деле ее кавалерийский значок вызвал у меня удивление. Единственные новобранцы, которые годятся на то, чтобы разъезжать на единорогах, — это унылые школьные учительницы (и им подобные)¹.

— Я просто офицер связи, — торопливо сказал майор Харриган. — Лично я езжу на метле...

Я усмехнулся. Ни одному американскому мужику (если только он не член какого-нибудь святого ордена) не захотелось бы сознаться, что его посчитали способным справиться с единорогом.

Майор свирепо посмотрел на меня и залился краской.

Грейлок продолжала, будто диктуя. Она говорила по-прежнему резко, хотя тон ее голоса несколько изменился.

— Нам повезло, что мы взяли в плен бим-баши штурмового отряда. Я допросила его.

— Эти благородные с-с... сыны пустыни умеют держать язык за зубами, — заметил я. Время от времени я сомневался в Женевской конвенции, но мне бы не понравилась идея нарушить ее окончательно, даже если неприятель на этот счет не стесняется.

— О, мы прибегали к жестоким мерам, — сказала Грейлок. —

¹ Имеется в виду, что единороги подчиняются только девственникам. Или девственницам...

Мы поселили его в очень хороших условиях и прекрасно кормили. Но в то мгновение, когда кусок оказывался в его глотке, я превращала еду в свинину. Он сломался очень быстро. Выложил все, что знал.

Я громко расхохотался. Даже Ванбрух захихикал. Но она продолжала сидеть с невозмутимым видом. Трансформация органики — это всего лишь перетасовка молекул. Атомы не изменяются, так что риска получить дозу облучения нет. Но, конечно, трансформация требует хороших знаний в области химии.

Здесь и кроется подлинная причина, почему обычно пехотинец относится к Техническому корпусу с завистью. Как не позавидовать тем, кто может превратить НЗ в отбивную с жареной картошечкой! У квартирмейстеров хватает затруднений с заклиниванием обычных пайков, чтобы еще отвлекаться на создание изысканных блюд.

— О'кей, вы узнали, что у них в Тролльбурге есть ифрит, — прервал паузу генерал. — Какими еще силами они располагают?

— Малый дивизион, сэр. Вы бы взяли город голыми руками, если бы можно было обезвредить этого демона, — сказала Грейлок.

— Да, я знаю. — Ванбрух покосился в мою сторону. — Ну, капитан, рискнете? Если вам удастся справиться с ифритом, это означает, по меньшей мере, Серебряную Звезду... Простите, Бронзовую.

— А...

Я сделал паузу, подыскивая слова. Меня больше интересовало продвижение по службе либо полное увольнение в запас. Но, возможно... впрочем, речь идет о моей голове, и это возражение стратегического порядка.

— Сэр, в этой области мои знания чертовски малы. В колледже я чуть не завалил демонологию.

— Эту часть работы выполняю я.

Эти слова принадлежали Грейлок.

— Вы?!

Я вернул на место отвисшую до самого пола челюсть.

— До войны я была Главной ведьмой Колдовского агентства в Нью-Йорке, — холодно сказала она.

Теперь я понял, откуда у нее такие повадки. Типичная девица, сделавшая карьеру в большом городе. Да, против нее с генералом не попрешь...

— Я знаю, как справиться с демонами на побережье. Ваша задача — в сохранности доставить меня на место и обратно.

— Да, — кивнул я. — Тогда не о чем говорить.

Ванбрух прочистил горло. Ему не нравилось посылать на такое дело женщин. Но времени было мало, слишком мало, чтобы искать другую возможность.

— Честно говоря, капитан Матучек — один из лучших наших оборотней, — польстил он.

— Ave, Caesar, morituri te salutant!¹

Нет, я подразумевал совсем иное, но не беда. Померев, смогу не спеша придумать что-нибудь получше. Я не был испуган. От страха я заколдован, а кроме того, шансы выжить у меня ничуть не хуже, чем у идущего в огонь пехотинца. Ванбрух не стал бы приносить в жертву своих подчиненных, посчитай он задание безнадежным. Но, честно сказать, настроен я был не совсем оптимистично.

— Думаю, что два ловких человека проберутся не замеченными для стражей, — продолжал генерал. — Затем вам придется сымпровизировать. Если удастся нейтрализовать чудовище, то мы атакуем в полдень. Если до рассвета я не получу известия, что задание выполнено, — мрачно добавил он, — нам придется перегруппироваться и начать отступление, спасая все, что сможем. Вот полученная путем геодезической съемки карта города и его окрестностей.

Он не стал тратить понапрасну времени, выясняя, действительно ли я согласился идти добровольно...

ГЛАВА 2

Я вел капитана Грейлок к палатке, которую делил с двумя братьями офицерами, спасаясь от падающей с небес воды. По длинному откосу мокрых нитей дождя неумолимо ползла темнота. Мы тащились по мерзкой грязи и, пока не оказались под брезентовым покрытием, молчали. Мои товарищи по палатке находились в патруле, так что места для нас хватило. Я зажег огонь Святого Эльма и плюхнулся прямо на промокшие доски, положенные на пол.

— Садитесь, — пригласил я, указывая на единственный имевшийся в палатке табурет. Он был одушевленный, а купили мы его в Сан-Франциско. Не особенно проворный, он все же мог та-

¹ «Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» — обращение римских гладиаторов перед боем.

щит на себе наще снаряжение и подходить, когда его звали. Почувствовав на себе незнакомый вес, он беспокойно заерзал, а потом снова уснул.

Грейлок вытащила пачку «Крыльев» и подняла брови. Я кивнул в знак благодарности, и во рту у меня оказалась сигарета. Лично я курю в походе «Лаки-Страйк» — самовоспламеняющиеся, — что весьма удобно, если спички окажутся отсыревшими. Когда я был на гражданке и мог себе это позволить, моей любимой маркой был «Филип Моррис», потому что возникающий вместе с дымком сигареты одетый в красное эльф может заодно приготовить и порцию виски.

Некоторое время мы молча попыхивали дымом и слушали дождь.

— Ну, — сказал я наконец, — полагаю, что у вас есть какие-нибудь транспортные средства?

— Моя личная метла, — кивнула она. — Эти армейские «Виллисы» мне не нравятся. Я люблю свой «Кадиллак». К тому же я его модернизировала.

— Колдовские книги и снадобья у вас с собой?

— Только немного мела. Любое материальное средство не слишком полезно, когда его используешь против могущественного демона.

— Да? А как насчет воска, которым была запечатана бутылка Соломона?

— Не воск удерживает ифрита в бутылке, а печать. Чары создаются символом. В сущности, надо полагать, что их воздействие чисто психологическое.

Она посасывала сигарету, и на ее щеках образовались ямочки. Я обратил внимание, какие у нее правильные черты.

— У нас будет возможность проверить эту теорию сегодня ночью, — добавила она.

— Ну ладно. Надеюсь, вы прихватите с собой какой-нибудь пистолет, заряженный серебряными пулями. У них, как вы знаете, тоже есть оборотни. Я возьму пистолет-пулемет сорок пятого калибра и несколько гранат.

— Как насчет спринцовки?

Я нахмурился. Мысль об использовании святой воды в качестве оружия всегда мне казалась богохульством (хотя капитан утверждал, будто ее применение против порождений Нижнего мира допустимо).

— Бессмысленно, — сказал я. — У мусульман нет такого ри-

туала, и они, разумеется, не используют существ, которые ему подчиняются. Мне еще понадобится мой поляризующий фонарик. И вроде бы все.

В палатку сунулся огромный нос Айка Абрамса.

— Не хочется ли вам и леди капитану немного покушать, сэръ? — спросил он.

— Конечно, хочется, — сказал я. А про себя подумал: обидно провести свою последнюю ночь в Мидгарде¹ как жвачное животное...

Он исчез, а я объяснил:

— Аик всего лишь рядовой, но в Голливуде мы были друзьями. Мы вместе играли в «Зове предков» и «Серебряном жожаке». А здесь он сам вызвался быть моим ординарцем. Сейчас притащит нам поесть в палатку.

— Знаете, — заметила она, — одно хорошо: ведь не так давно у нас в стране был распространен антисемитизм, причем не только среди немногих психов, но и среди обычных респектабельных граждан...

— Да, в самом деле. По крайней мере, теперь уже никто не верит, будто все евреи — трусы и на фронте их днем с огнем не сыщешь. Теперь, когда для большинства иудеев колдовство под запретом — по религиозным причинам (а ортодоксы магией вообще не пользуются), — евреев в пехоте и в рейнджерах столько, что не заметить этого просто невозможно.

Я-то поустал от того, что герои комиксов и рассказов в дешевых журналах носят еврейские имена. Разве не принадлежим мы все к одной культуре? Но то, что она сказала, — правильно. И это доказывало, что Грейлок была чуточку больше, чем обычная машинка для делания денег. Самую крошечную чуточку.

— Кем вы были на гражданке? — спросил я главным образом для того, чтобы заглушить шум дождя.

— Я уже говорила вам, — огрызнулась она, вновь свирепея. — Служила в Колдовском агентстве. Реклама, объявления и так далее. Чушь и фальшь.

— О, Голливуд весь фальшив настолько, что даже насмешки не заслуживает, — сказал я.

Однако с этим ничего не поделаешь. Эти деятели с Мэдисон-авеню достали меня до печенок. Они стремятся использовать

¹ Мидгард (*сканд. миф.*, буквально — «Средиземье») — здесь — мир живых.

подлинное искусство только для того, чтобы делать рекламу самодовольным ничтожествам. Или для того, чтобы впаривать покупателям очередные штамповки.

«Общество защиты животных от жестокого обращения» борется против того, чтобы русалок дрессировали для создания волшебных фонтанов, и возмущается тем, что молодых саламандр запихивают в стеклянные трубки для освещения Бродвея. Я же по-прежнему полагаю, что это лучше, нежели трубные вопли о духах «Машер», которые на самом деле не что иное, как приворотное зелье.

— Вы не понимаете, — сказала она. — Это часть нашей экономики. Часть всей нашей общественной жизни. Думаете, средний отечественный чародей способен починить, ну, скажем, машину для полива газонов? Нет, черт возьми! Он скорее выпустит на волю духов воды. И если не будет противодействующих чар, затопит половину города. И тогда нам, ведьмам, придется убеждать гидр, что они обязаны подчиниться нашему волхвованию. Я ведь уже говорила вам, что, когда имеешь дело с этими существами, эффект во многом чисто психологический. Чтобы добиться понимания, я ныряла к ним с аквалангом.

Я покосился на нее с уважением. С тех пор как человечество осознало незначительность действия холодного оружия и принялось развивать магию, мир нуждается в отчаянно смелых людях. По-видимому, Грейлок относится именно к такой категории.

Абрамс притащил две дополнительные тарелки с пищевыми пайками. Вид у него был тоскливый, и я пригласил его присоединиться к нам, а после ужина попросил выйти. Задание было секретным, а еще следовало обговорить детали.

Капитан Грейлок превратила кофе в мартини (недостаточно сухой), а годную лишь для собак и пехоты жратву — в бифштекс. Не следует ожидать от женщины излишней душевной тонкости, а еда была, если честно, — лучшая, чем водилась у меня за последний месяц.

После коктейля она невольно расслабилась, и я понял, что ее отталкивающая холодность — просто защита от скользких типов, с которыми ей приходилось иметь дело. И мы выяснили, что зовут нас Стив и Вирджиния.

Но затем снаружи сумерки сменились тьмой, и нам нужно было идти...

ГЛАВА 3

Возможно, вы думаете, что отправить двух людей (из них одна — женщина) в расположение вражеских войск для выполнения такой серьезной задачи — чистой воды безумие. Казалось бы, здесь требуется по меньшей мере отряд рейнджеров. Но современная наука изменила войну в той же мере, как и промышленность, медицину, всю обычную жизнь, наконец. Данное нам задание было безрассудно-отчаянным в любом случае, и мы бы особо ничего не выиграли, будь нас намного больше.

Видите ли, хотя практически каждый может научиться некоторым простейшим видам и приемам колдовства — таким, как искусство управлять метлой, химчисткой, токарным станком и так далее, — лишь незначительное меньшинство представителей человечества можно считать подлинными знатоками. На это требуются годы учения и практики. Кроме того, необходимы врожденные способности. Возьмем, например, превращение человека в животное. Если человек относится к тем немногим, у кого есть нужные хромосомы, превращение в присущего ему зверя осуществляется почти инстинктивно. В противном случае необходимо воздействие внешней силы.

Ученые приятели поведали мне, что Искусство заключает в себе понимание Вселенной как набора кантовских бесконечностей. Внутри каждого данного класса часть равна целому и так далее. В нашем деле одна хорошо подготовленная ведьма вполне сможет сделать все, что окажется необходимым. Большой отряд просто-напросто легче засечь, а это значит — впустую рисковать ценными кадрами. Так что Ванбрух был прав, посылая лишь нас двоих. Иногда на собственной шкуре приходится удостовериться, насколько здравы принципы военных действий...

Мы с Вирджинией повернулись спинами друг к другу — чтобы переодеться. Она облачилась в брюки и куртку, я — в эластичную вязаную одежду, годящуюся мне и в волчьей ипостаси. Мы надели шлемы, нацепили свое снаряжение и обернулись. Она прекрасно смотрелась даже в этом одеянии — зеленом и мешковатом.

— Что ж, — сказал я тихо, — пойдём?

Разумеется, страха я не испытывал. Каждый новобранец, вступая в армию, получает прививку от страха. Но то, что нас ожидало, мне не нравилось.

— Думаю, чем раньше мы выедем, тем лучше, — ответила она и, шагнув к выходу, свистнула.

Помело спикировало, приземлившись рядом с нами. Яркое покрытие было с него ободрано для лучшей маскировки, но метла и сама по себе была хороша. Пенопластовые сиденья прекрасно гасили ускорение, а с умом спроектированные спинки походили на те, что использовались в армейских машинах.

Управлял помелом приятель Вирджинии — громадный кот, черный, как непроглядная ночь, и с недобро поблескивающими глазами. Он изогнулся дугой, с негодованием зафыркав. Погодно-предохранительные чары не давали дождю коснуться его, но сырой воздух коту не нравился.

Вирджиния почесала его под подбородком.

— О Свартальф¹, — прошептала она. — Хорошая киса, эльф мой драгоценный, принц тьмы... Если мы переживем эту ночь, ты будешь спать на воздушных, как облако, подушках, ты будешь пить сливки из золотой чаши...

Котьяра наострил уши и заурчал, как мотор.

Я взобрался на заднее сиденье, удобно устроил ноги на стременах и откинулся на спинку. Девушка, сидевшая передо мной, негромко запела, склонившись к метле. Помело резко рванулось вверх, земля провалилась, лагерь скрылся во мгле. Мы с Вирджинией обладали колдовским зрением (если точнее, видели в инфракрасном спектре), так что в освещении не нуждались.

Помело поднялось над облаками. Вверху был виден гигантский звездный свод, внизу — белесый крутящийся сумрак. Мельком я заметил пару описывающих круги «П-56». Патруль. Каждый «П-56» состоит из шести крепко связанных между собой метел, способных поднять груз брони и пулеметов. Мы оставили их позади и устремились на север.

Держа на коленях автомат, я сидел, слушая свист проносившегося мимо воздуха. Внизу смутно виднелись очертания холмов. Я заметил редкие вспышки. Артиллерия вела дуэль. На таком расстоянии невозможно с помощью колдовства сбить снаряд с курса или взорвать броню. Ходили слухи, что «Дженерал Электрик» работает над прибором, способным произнести закливание в течение нескольких микросекунд, но пока большие пушки продолжали свою беседу, не опасаясь чудес техники.

Тролльбург лежал в каких-то нескольких милях от наших позиций. Я видел его. Город расстилался внизу, затемненный от

¹ Svartalf — «черный эльф» (др.-норвеж.).

наших бомбардировок. Как было бы славно, если бы у нас оказалось атомное оружие! Но пока тибетцы вращают свои колеса, молясь о предотвращении атомной войны, такого рода идеи останутся ненаучной фантастикой.

Кот вытянул трубой хвост и мяукнул. Вирджиния наискось направила метлу вниз.

Мы-приземлились в гуще деревьев, и она обернулась ко мне:

— Их дозоры, должно быть, поблизости. Я не решилась сесть на крышу. Нас было бы слишком легко заметить. Придется отправиться отсюда.

Я кивнул:

— Годится. Подождите минутку.

Я осветил себя фонариком. Как трудно было всего десять лет назад поверить, что трансформация может не зависеть от наличия луны! Затем Вирнер доказал, что этот процесс — просто результат воздействия поляризованного света с правильно подобранной длиной волны на щитовидную железу. И корпорация «Поляроид» сделала очередной миллион долларов на «линзах превращения». Нелегко идти в ногу с нашим ужасным и удивительным временем, но я бы не сменил его ни на какое другое.

Превращение обычно начинается с того, что ты весь будто покрываешься рябью и начинаешь дрожать. Меня пронзила смешанная с восторгом боль, потом короткое похмельное головокружение. Атомы перегруппировались, образуя новые молекулы. Некоторые нервные окончания удлинились, другие, наоборот, исчезли. Кости на мгновение сделались текучими, мышцы растягивались, словно резиновые. Затем тело стабилизировалось. Я встряхнулся, просунул хвост через клапан облегающих брюк и ткнулся носом в ладонь Вирджинии. Она потрепала меня по шее, позади шлема.

— Ну что, — шепнула она, — в путь...

Я повернулся и нырнул в кустарник.

Многие пытались описать возникающие при превращении ощущения, но все они потерпели неудачу. Ибо нет в человеческом языке подходящих слов. Зрение сделалось менее острым. Очертания звезд над головой расплылись, мир стал плоским и бесцветным. Зато я ясно слышал все звуки ночи. Эти звуки превратились почти в рев; это были сверхзвуки.

Целая вселенная запахов была в ноздри. Аромат мокрой травы и почвы, где кишели спешно спасающиеся бегством полевые мыши. От мышей исходил горячий запах, чуть сладковатый. Отчетливый запах оружия, масла, нефти. Неясная вонь дыма... Бед-

ное человечество, с притупленными чувствами, равнодушное к этому изобилию!

Труднее всего передать, что представляла собой моя психика. Я был волком. Волком, у которого нервы, жилы и инстинкты — волчьи. И волчий же, острый, хотя и ограниченный, разум. Я сохранил человеческую память, и цели мои были целями человека, но все это сделалось каким-то нереальным, грезоподобным. Мне приходилось напрягать всю свою волю, чтобы не пуститься в погоню за первым же попавшимся зайцем. Неудивительно, что в былые времена оборотни заслужили дурную славу. Это было еще до того, как мы поняли, что превращение включает и изменение психики. До того, как оборотням начали с детства давать надлежащее воспитание.

Мой вес — сто восемьдесят фунтов, а закон сохранения материи соблюдается при превращениях столь же строго, как и все остальные законы природы. Так что я был весьма крупным волком. Но я с легкостью скользил сквозь кусты, мчался вдоль лугов и оврагов — тень среди прочих движущихся теней.

Я уже почти проник в город, когда уловил запах человека и приник к земле. Серый мех дыбом встал на загривке. Я ждал. Мимо прошел часовой. Это был высокий бородатый мужчина. Его золотые серьги слабо поблескивали в свете звезд. Обернутый вокруг шлема тюрбан казался огромным на фоне Млечного Пути.

Я дал ему пройти и двинулся следом, пока не увидел следующего караульного. Часовые были расставлены вокруг всего Тролльбурга. Каждый расхаживал по дуге в сто ярдов, встречаясь на ее концах с напарником. Нам будет непросто...

Какой-то неясный шум отозвался в ушах. Я пригнулся, стараясь слиться с землей. Вверху, словно привидение, проплыл один из ковров-самолетов. Я увидел два пулемета и мужчин, сидящих на корточках за ними. Ковер неспешно летел на малой высоте, описывая круг над кольцом караульных. Тролльбург хорошо охранялся.

Как бы то ни было, Вирджинии и мне необходимо было пробраться сквозь эти дозоры. Мне пора было совершать обратное превращение, чтобы использовать всю мощь человеческого разума. Инстинкт волка повелевал мне просто наброситься на ближайшего человека, но тогда в мои покрытые шерстью уши цепился бы весь гарнизон.

Выждать? Может быть, это действительно необходимо.

Сделав петлю, я вернулся обратно в чащу. Свартальф цапнул меня когтями и пулей взлетел на дерево. Вирджиния Грейлок ис-

пуганно вскочила, в руке ее поблескивал пистолет. Затем она расслабилась и несколько нервно засмеялась. Я мог бы и сам, в моем теперешнем облике, использовать фонарик, висящий на шее, но ее пальцы справились с этим быстрее.

— Итак? — спросила она, когда я снова стал человеком. — Что вы выяснили?

Я описал положение дел. Она нахмурилась и закусила губу. Губа, правда, была слишком хороша, чтобы с ней обращались подобным образом.

— Скверно, — сказала Вирджиния. — Я боялась чего-нибудь подобного...

— Послушайте, вы сможете быстро обнаружить этого ифрита?

— О да. Я училась в Конголезском университете и в совершенстве владею колдовским чутьем. Но что из этого?

— Я отвлеку их внимание, нападая на кого-нибудь из часовых и подниму шум. У вас появится возможность незаметно пролезть через линию караула. Оказавшись в городе, вы, надев шапку-невидимку...

— Нет. Их системы обнаружения не хуже наших. Невидимость давно устарела.

— М-м... думаю, вы правы. Как бы то ни было, в темноте будет легче добраться туда, где хранится ифрит. Ну а там уж как повезет. Заранее не угадаешь...

— Я подозревала, что нам предстоит что-то вроде этого, — ответила она и вдруг добавила с поразившей меня нежностью: — Но, Стив, у нас будут некоторые шансы спастись...

— Только не в том случае, если они поразят меня серебром. Правда, их пули в основном — обычный свинец. Расчет они ведут на той же основе, что и мы. В среднем каждая десятая пуля должна быть серебряной. У меня, вероятно, шансов девяносто из ста вернуться целым и невредимым.

— Лжец, — сказала она. — Но храбрый лжец.

Я отнюдь не храбрый. Подмывает иногда помечтать о Кузнечной долине, об Аломо, о холме Сан-Хуан... Или о Касабланке, под которой наша численно превосходящая армия остановила три панцирные дивизии Африканского корпуса фон Огерхауза. Подмывает — но только если ты сам уютно расположился где-нибудь в безопасности.

Предохраняющие от страха чары сползли с меня, в животе заворочался тяжелый ком — однако иной возможности выпол-

нить приказ я не видел. Потерпи наша попытка неудачу, и нас ожидал в лучшем случае военно-полевой суд.

— Когда они пустятся на охоту за мной, я собью их со следа. Собью и постараюсь вновь встретиться с вами.

— О'кей. — Она вдруг встала на цыпочки и поцеловала меня. Впечатление было ошеломляющее.

Я замер на мгновение, глядя на нее:

— Что вы делаете в субботу вечером?

Меня чуть-чуть трясло.

Она рассмеялась:

— Не забивайте себе голову, Стив. Я из кавалерии...

— Да, но война не может продолжаться до бесконечности.

Я улыбнулся. Улыбнулся веселой, хотя и вымученной улыбкой. Она пристально заглянула мне в глаза.

Мы обсуждали все детали так тщательно, как только возможно. Вирджиния особых иллюзий не питала. Ифрита наверняка хорошо охраняли, да и сам по себе он представлял большую опасность. Рассчитывать, что нам обоим удастся увидеть восход солнца, было слишком наивно.

Я снова принял волчий облик и ткнулся ей в руку. Она взъевошила мне мех, и я скользнул в темноту.

Я избрал часового, удалившегося на некоторое расстояние от дороги (дорогу, разумеется, перегораживала застава). По сторонам от намеченной жертвы виднелись еще люди, медленно расхаживающие вперед и назад.

Скользнув за пень, находившийся почти точно на пути часового, я выжидал.

Он приблизился, и я прыгнул. Успел увидеть глаза и зубы, блестящие на бородатом лице, услышать его вскрик, уловить исходившую от него струю страха... а затем мы столкнулись. Он опрокинулся, отбиваясь. Я шелкнул зубами, целясь в глотку. Челюсти сомкнулись на его руке, и я почувствовал горячий соленый вкус крови.

Он завизжал. Я понял, что крик услышан на линии охраны. Два ближайших сарацина мчались на помощь. Я разорвал первую глотку и сжался в ком, чтобы прыгнуть на второго.

Он выстрелил. Пуля пронзила тело, оставив зазубрину острой боли. Я зашатался. Но он не знал, как следует обращаться с оборотнем. Ему бы упасть на колени и стрелять безостановочно, пока не настанет черед серебряной пули. В случае необходимости следовало отбиться от меня, пусть даже штыком, и продолжать стрелять. А этот...

Он бежал ко мне, взывая к Аллаху своей еретической секты.

Мои мышцы сжались, и я рывком бросился на него. Поскользнулся под штыком, под дулом и ударил сарацина так, чтобы свалить его. Он устоял, вцепился в мое тело и повис. Я полукругом занес левую заднюю лапу за его шиколотку и толкнул. Он упал. Я оказался сверху. Позиция, к которой всегда должен стремиться ввязавшийся в рукопашную оборотень. Мотнув головой, я оставил на его руке глубокую рану и вырвался из захвата.

Но прежде чем я успел расставить все точки над «i», навалились еще трое. Их саперные лопатки заходили взад-вперед, вонзаясь в меня снова и снова. Обучали их вшиво. Я прогрыз себе дорогу из этой «кучи малы» (к тому времени их накопилось уже полдюжины) и вырвался на свободу.

Сквозь запах пота и крови я уловил еле слышное дуновение духов «Шанель №5». Про себя я рассмеялся. Вирджиния, оседлав метлу, пронеслась в футе над землей, на скорости обогнала свалку и была уже в Трольбурге. Теперь моя задача — унести ноги и увести погоню. И при этом не поймать серебряную пулю...

Я завыл, чтобы поиздеваться над теми, кто высыпал из стоявших вдали зданий. И прежде чем припустить через поле, дал хорошенько рассмотреть себя. Я бежал не спеша, так, чтобы они не потеряли меня, и делая зигзаги, чтобы в меня не попали. Спотыкаясь и вопя, сарацины мчались следом.

Все, что они могли знать, — состоялся налет десантников.

Их патрули перегруппировались, весь гарнизон был поднят по тревоге. Наверняка никто, за исключением нескольких избранных офицеров, не знает об ифрите. А эти офицеры не осведомлены, что нам известно об их заветной бутылочке. Так что догадаться о наших замыслах невозможно. Может быть, нам удастся осуществить эту труднейшую операцию...

Что-то внезапно устремилось на меня сверху. Один из проклятых ковров! Он пикировал, словно ястреб, винтовки выплевывали огонь. Я кинулся по ближайшей ведущей к лесу тропинке. Под деревья! Дайте мне забраться хотя бы под елочки, тогда я...

Не дали. Я услышал звук прыжков за спиной, учуял едкий запах... и мне захотелось жалобно заскулить. Тигр-оборотень способен мчаться так же быстро, как и я.

На мгновение вспомнился старик-проводник, который был у меня на Аляске. Вот бы его сюда! Он был оборотень-медведь... Затем я развернулся и встретил тигра раньше, чем тот успел наброситься на меня.

Это был огромный тигр, фунтов пятьсот, не меньше. В глазах его тлел огонь, а в пасти сверкали громадные клыки. Он занес когтистую лапу, способную переломить мой хребет. Я кинулся вперед, укусил его и отскочил, прежде чем он успел ударить. Частью своего сознания я слышал, как враги ломились через подлесок, пытаясь отыскать меня.

Тигр прыгнул. Я уклонился и бросился к ближайшим зарослям. Возможно, я сумею пробраться там, где он не сумеет...

Он несся между деревьями за мной, ревя в бешенстве.

Я увидел узкую щель между двумя гигантскими дубами, слишком маленькую для него щель, и кинулся туда. За те полсекунды, что я протискивался, он догнал меня. В голове взорвались и потухли огни...

ГЛАВА 4

Я находился вне времени и пространства. Само мое тело отделилось от меня — а может, это я отделился от тела...

Как я мог осознать бесконечную темноту и холод этой пустоты, коль скоро у меня не было соответствующих понятий?

Как я мог испытывать отчаяние, коль скоро был не чем иным, как точкой, затерявшейся в пространстве и времени?

Нет, даже не так. Ибо здесь не было ничего. Ничего, что можно было бы осознать. Ничего, что можно было бы любить, ненавидеть или бояться. Ничего, о чем можно было бы хоть как-то поведать словами. Мертвец ощущал бы себя менее одиноким, ибо единственное, что существовало во всей Вселенной, — я и мое отчаяние.

Но в то же время, или на квадриллион лет позже, или и то и другое вместе — ко мне пришло что-то еще.

На меня глядел Демиург. Беспомощный, практически ничего не понимающий, я мог лишь прикоснуться к его сознанию. Такому бесконечному, что не оставалось места даже надежде. Я вращался в бурных течениях его мыслей, слишком чужих, слишком огромных и непонятных, чтобы надеяться на спасение. Будто слышал урывками рев Ледовитого океана, в котором тонул...

Опасность. Этот и те двое. Определенно, они могут быть крайне опасны. Не в данный момент, когда они всего лишь способны уничтожению плана. Великий план, в котором эта война —

всего лишь первая страница... что-то в них предостерегает, пусть и слабо, об опасности...

Если бы только я мог более ясно видеть во времени!..

Их нужно устранить, уничтожить. Необходимо что-то предпринять до того, как возникнут и возрастут их потенциальные возможности. Но сейчас я еще ничего не могу. Может быть, как это случается на войне, их убьют. Если нет, мне следует запомнить их и попробовать сделать что-нибудь позднее. Сейчас у меня слишком много иных дел, я должен сохранить семена, насаженные мною в этом мире. Вражеские птицы летят во множестве на мои поля... голодные стаи. И с ними орлы, охраняющие птиц со все возрастающей дикой яростью. Вы попадетесь еще, птицы, в мои ловушки... и Тот, кто выпустил вас!

Так велика была под конец сила его ярости, что я оказался выброшенным на свободу...

ГЛАВА 5

Я открыл глаза. И какое-то время чувствовал лишь ужас. Меня спасла физическая боль. Она прогнала мысли об уже полузабытых кошмарах прочь, в обычное их обиталище. Теперь мне просто казалось, что после удара я какое-то время пробыл в бреду.

Человекозверь — в своей звериной ипостаси — не настолько неуязвим, как полагает большинство людей. Кроме таких штук, как серебро, которое является биохимическим ядом для процессов метаболизма оборотня, нас может убить повреждение жизненно важного органа. И ампутированные конечности тоже не восстанавливаются — если, конечно, поблизости не окажется хирурга, который пришьет ампутированное обратно до того, как отомрут клетки.

Мы, однако, крепкая порода. Вероятно, я получил удар, который сломал мне шею. Однако спинной мозг не был безвозвратно поврежден, и все заживало с обычной для оборотня скоростью.

Беда была в том, что они взяли и тут же превратили меня в человека с помощью моего же собственного фонарика — до того, как повреждения зажили. Я попытался встать, но мне это не удалось. Меня вырвало.

— Вставай!

Меня пнули под ребра.

Шатаясь, я поднялся. Все мое снаряжение тут же убрали по-дальше, в том числе и фонарик. Несколько человек держали меня под прицелом своих ружей. Рядом стоял человек-тигр. В своем человеческом обличье он достигал почти семи футов роста и был чудовищно толст. В глазах мутилось от боли, но я все же разглядел на нем знаки различия эмира. В те времена это было скорее воинское звание, чем титул, но, как бы то ни было, он был весьма важной персоной.

— Пойдемте, — сказал эмир и пошел впереди, а я — подталкиваемый — следом.

Я увидел ковры в небе, услышал вой их оборотней, рышущих в поисках других американцев. Но меня слишком шатало, чтобы заботиться еще и об этом.

Мы вошли в город, направляясь к центру. Тротуары глухо звучали под нашими сапогами. Тролльбург был город небольшой. Возможно, некогда в нем насчитывалось тысяч пять населения. Улицы в большинстве были пусты.

Я увидел несколько отрядов сарацин, палящих в небо из противовоздушных орудий. Мимо тяжело и неуклюже прополз дракон; повсюду располагались бронебойные пушки. Гражданского населения след простыл. Я знал, что с ним случилось. Привлекательные девушки угодили в офицерские гаремы. Остальные мертвы либо сидят под землей, ожидая отправления на невольничьи рынки.

Когда мы добрались до отеля, где располагался вражеский штаб, головная боль утихла. Мозг снова стал ясным. Хотя при данных обстоятельствах это было сомнительным везением. Меня провели по лестнице в номер-люкс и приказали встать перед столом. Эмир сел за стол, рядом расположился юнец-паша из разведки. Вдоль стен выстроились с полдюжины охранников.

Эмир обернулся к паше, сказав ему что-то (как я предположил, следующее: «Вести допрос буду я, а вы наблюдайте»).

— Итак, — заявил он на хорошем английском, — у нас есть несколько вопросов. Пожалуйста, назовите себя.

Я механически заявил ему, что меня зовут Шерринфорд Майкрофт, капитан армии США, и назвал свой номер.

— Это не настоящее имя, не так ли? — спросил он.

— Разумеется, нет, — ответил я. — Мне известна Женевская конвенция. Вам не удастся околдовать меня с помощью моего же имени. «Шерринфорд Майкрофт» — это мой псевдоним

— Халифат не подписывал Женевскую конвенцию, — спо-

койно сказал эмир, — и когда джихад требует крайних мер... В чем состояла цель вашей вылазки?

— Не стоит ожидать моего ответа, — сказал я. Можно было бы помолчать, все это давало выигрыш во времени Вирджинии. Но все же молчать было хуже.

— Возможно, вас удастся уговорить, — эмир задумчиво глядел на меня.

Происходи дело в кино, я бы ответил, что вышел на луг собирать маргаритки. Я безостановочно острил бы, пока они плющили в тисках мои пальцы. Но в реальной действительности их методы были слишком реальны.

— Ладно, — сказал я, — меня послали в разведку.

— В одиночку?

— Нет. Нас было несколько. Надеюсь, они удрали.

Возможно, это займет его ребяташек на некоторое время.

Пусть порыщут...

— Лжете, — быстро сказал он.

— Если вы мне не верите, ничем не могу помочь, — пожал я плечами.

Его глаза сузились:

— Скоро я выясню, говорите ли вы правду. Если нет, то пусть тогда вас милует Иблис.

Я не смог с собой справиться и вздрогнул. Лоб покрылся бисеринками пота. Эмир рассмеялся. Это был неприятный смех — какой-то рык с завыванием, ворочающийся в жирной глотке. Как у тигра, забавляющегося с добычей.

— Обдумайте свое решение, — посоветовал он и углубился в изучение расположенных на столе бумаг.

В комнате сделалось совсем тихо. Стражники замерли, словно отлитые из бронзы. Сонная физиономия юнца в тюрбане. За спиной эмира в окно глядела тьма ночи. Громко тикающие часы и шорох бумаг. Казалось, это только усугубляло тишину.

Я вымотался, голова болела, в пересохшем рту — мерзостный привкус. Я не имел права упасть, и от усилий моя крайняя физическая измотанность усугубилась еще больше. Мне пришло на ум, что эмир, должно быть, боится нас, если приложил столько сил, чтобы захватить одного-единственного пленника. Честь и слава американцам. Но меня это мало утешало.

Мои глаза изучали обстановку. Особо смотреть было не на что: обычная гостиничная обстановка. Эмир загромоздил свой стол множеством всякой всячины: круглый кристалл (бесполезный, потому что мы тоже создавали помехи), прекрасной работы

алмазная ваза (выкраденная из чьего-то дома), набор отличных хрустальных рюмок, коробка для сигар из кварцевого стекла, графин, наполненный чем-то, что выглядело хорошим шотландским виски. Я решил, что эмиру нравится все хрустальное и прозрачное.

Он захотел попотчевать себя сигарой, мановением руки открыл сигарницу, и «гавана» всплыла ему в рот и самовоспламенилась. Одна за другой лениво тащились минуты. Пепельница время от времени воспаряла вверх, чтобы получить очередную порцию пепла. Все, что эмиру было сейчас нужно, — вот так медленно поднимать и опускать пепельницу. Такой толстяк, пребывая в шкуре огромного оборотня, нуждался в комфортабельном отдыхе.

Было очень тихо. С потолка сиял ослепительный свет. В нем было нечто чудовищное, неправильное. Наши обычные, добрые огни Святого Эльма производства «Дженерал Электрик», сверкающие над увенчанными тюрбанами головами...

Я уже начал отчаиваться, когда неожиданно блеснула идея. Способа воплотить ее в жизнь я пока не видел, но хотя бы для того, чтобы быстрее прошло время, начал составлять заклинание.

Вероятно, прошло с полчаса (хотя мне показалось, что прошло столетия), когда открылась дверь и трусцой вбежал фенек — африканская пустынная лисичка. Оборотень скрылся в темной кладовке, чтобы совершить превращение. Эмир проводил его взглядом.

Вошедший, естественно, оказался карликом, едва ли в фут ростом. Он простерся ниц и зататорил прерывистым фальцетом.

Эмир медленно развернул свой подбородок ко мне:

— Мне сообщили, что не найдено никаких признаков следов, кроме ваших. Вы лгали.

— Разве я не сказал вам? — спросил я. В горле у меня словно провели наждаком. Чужое было горло. — Мы применяли сов и летучих мышей. Волком был только я.

— Лжете, — сказал он невыразительно. — Я знаю не хуже вашего, что летучие мыши-оборотни могут быть только вампирами, а все вампиры — как это у вас называется? — белобилетники.

Это была правда. Вампиры непригодны к военной службе. Некоторые кабинетные генералы без конца вопрошают, почему бы не создать подразделение Дракул. Ответ тривиален. Вампиры слишком уязвимы и легкомысленны, они не выносят солнечного света. Если не получают без перебоев своей порции крови, то способны наброситься на своих же товарищей, и их невозможно ис-

пользовать там, где есть солдаты-итальянцы. Я проклял себя, но мой разум слишком оцепенел, чтобы придумать выход из этого затруднительного положения.

— Полагаю, кое о чем вы умалчиваете, — эмир махнул рукой графину и рюмкам. Графин вылил из себя порцию виски, которое эмир принялся неторопливо потягивать.

Правящая Халифатом секта — еретичка еще и своим отношением к спиртным напиткам. Главари секты утверждают, что, хотя Пророк и запретил вино, насчет пива, джина, виски, коньяка и рома он ничего не говорил.

— Придется использовать более действенные меры, — сказал наконец эмир. — Я надеялся избежать этого.

Он кивнул охране.

Двое держали меня за руки. А обрабатывал паша. У него это хорошо получалось. Фенек-оборотень наблюдал с жадностью. Эмир попыхивал своей сигарой и продолжал заниматься бумагами.

Через несколько долгих минут он приказал прекратить. Меня отпустили, даже поставили рядом стул — он мне действительно был крайне необходим.

Я сел, тяжело дыша. Эмир мягко поглядел на меня.

— Я сожалею, — бросил он. — Мне это не доставило удовольствия...

Странно, но я ему поверил.

— Нам бы хотелось надеяться, что вы проявите благоразумие, и нам не придется повторять эту процедуру. Кстати, не хотите ли сигару?

Отлупите человека, чтобы на нем живого места не оказалось, а потом продемонстрируйте ему свою доброту. Вы изумитесь, как часто он после этого, разрыдавшись, ломается.

Сигару я взял.

— Нам необходимы сведения о вашей армии и планах командования, — сказал эмир. — Если вы согласитесь сотрудничать и примете истинную веру, вы сможете занять среди нас почетное место. Нам в Халифате по душе хорошие люди. — Он улыбнулся. — Когда война кончится, вы, если того пожелаете, сможете набрать гарем в Голливуде.

— А если я не расколюсь? — пробормотал я.

Он развел руками:

— Тогда у вас никогда не появится желания завести гарем.

— Дайте подумать. Это все нелегко...

— Пожалуйста, думайте, — вежливо ответил он и вернулся к бумагам.

Я сидел, расслабившись, и гнал дым сквозь глотку, с силой выдувая его обратно. Их техники могут снять чары армии только в том случае, если я дам добровольное согласие. А мне его давать не хотелось.

Предположим, окно за спиной эмира означает для меня шанс упасть с высоты двух этажей на мостовую. Скорее всего я просто разобьюсь насмерть. Но это более предпочтительно по сравнению со всеми другими предоставленными мне возможностями.

Я повторил про себя составленное мною заклинание. Настоящий специалист должен знать по крайней мере один мертвый язык — латынь, греческий, классический арабский, санскрит, древненорвежский и так далее, согласно общепринятым основаниям симпатических наук. С помощью обычных, повседневных слов на сверхъестественные феномены особо не повлияешь — не считая некоторых обыденных штампов того минимума, который необходим, чтобы управиться с окружающими нас в повседневной жизни механизмами. Я в этой области специалистом не был.

Тем не менее я очень неплохо знал один экзотический диалект. Я не знал, сработает ли он, но решил попытаться. Я решил. Мышцы мои напряглись и дернулись. Столбик пепла моей сигары обломился, я ткнул окурочек в пепельницу, и когда я поднял сигару снова, на ней собралось немного пепла от сигары эмира. Я повторил про себя рифмы, поднес сигару ко рту и пробормотал заклинание:

О огонь, ты чист и светел,
Ты горишь неутомимо,
Жаркий пепел, чистый пепел,
Отправляйся в глаз эмира!

Потом зажмурил правый глаз и поднес пылающий кончик сигары прямо к веку. Эмирская «Эль Сумо» подскочила и воткнулась в его правый глаз. Он завизжал и опрокинулся на спину.

Я вскочил и прыгнул. Фенек-оборотень оказался в зоне моей досягаемости. Тыльной стороной ладони я врезал ему по тощей грязной шее и содрал болтающийся на ней фонарик.

Охрана взвыла и скопом ринулась на меня. Я перелетел через стол и, прихватив по дороге графин, оказался рядом с эмиром. Обезумев от боли, он вцепился в меня. Его глаз превратился в страшную рану, на которую нельзя было смотреть без ужаса.

Замахнувшись графином, я завопил:

Я свободен, словно свет,
 Для меня преграды нет,
 И, лишившись всех преград,
 Я свободе страшно рад!

Стишки были вшивые и могли не сработать, если бы эмир осознал, насколько они вшивые. Но я высвободился и запустил графином в охрану.

А затем и шар, и пепельница, и чаша, и рюмки, и все остальное отправилось вслед за графином. В воздухе было не продонуть от битого стекла.

Стоило бы подождать и посмотреть, что получилось, но я не собирался этого делать. Наоборот, я вылетел из окна, словно дьявол, которому сказали: «Изыди!» Приземлился мячиком на обочину, подскочил, и давай бог ноги!..

ГЛАВА 6

Солдаты были повсюду. Вслед мне дождем сыпались пули. Я наверняка поставил рекорд, пока мчался до ближайшего переулка. Колдовским зрением усмотрев открытое окно, я, извернувшись, нырнул туда и, скорчившись за подоконником, слышал, как мимо несется погоня.

Это была подсобка разграбленной бакалейной лавки. В ней было достаточно темно для того, что я собрался сделать. Я повесил фонарик на шею, направил его на себя и совершил превращение. Преследователи могли вернуться в любую минуту, и мне следовало сделаться неуязвимым для свинца.

Став волком, я принял себя и поискал другой выход. Задняя дверь была приоткрыта. Я скользнул туда. Двор, забитый старыми упаковками и ящиками, был хорошим убежищем. Я залег там, стараясь совладать со своей волчьей натурой — ужасно подмывало напасть на сарацин, ползающих совсем рядом.

Они ушли, и я попытался обдумать создавшееся положение. Велико было искушение бежать из окаянного места, задрвав хвост. Вероятно, я мог бы это сделать — ведь с формальной точки зрения свою часть поставленной перед нами задачи я выполнил. Но в действительности дело еще не закончено, и Вирджиния теперь один на один с ифритом (если она еще жива), и...

Когда я попытался вспомнить, как она выглядит, в памяти всплыл образ: волчица с приятно пахнущим мехом. Я яростно за-

тряс головой. Усталость и отчаяние волнами захлестывали мой разум — верх брал инстинкт зверя. Если я собираюсь что-то делать, то делать надо быстро.

Я поразмыслил, принялся. Город был полон сбивающих с толку запахов. Но я уловил слабое, отдающее серой дуновение и осторожно затрусил в том направлении. Я держался тени, и, хотя был замечен дважды, меня не окликнули. Вероятно, они полагали, что я из их шайки. Резкий запах серы делался все сильнее.

Они хранили ифрита в здании бывшего городского суда. Хорошее на вид, прочное и солидное строение. Тщательно внюхиваясь в приносимые ветром запахи, я прошел сквозь разбитый перед зданием маленький парк. А затем стремглав перебежал улицу и понесся вверх по ступенькам. На площадке валялись тела четырех солдат, в глотках — раны. Возле двери припаркована машина-метла. Одна из деталей управления метлой представляет собой острый двенадцатидюймовый стержень, и Вирджиния успешно использовала его в качестве оружия.

Моя человеческая составляющая не избавилась еще от ложных романтических бредней и отшатнулась бы в ужасе, но волк оскалил зубы в довольной усмешке. Я ударил всем телом в дверь. Замок вылетел, дверь открылась. Я сунул нос в щель и едва успел отпрянуть, пока не признавший меня Свартальф не вцепился когтями мне в морду. Узнав меня, кот резко дернул хвостом, и я проследовал мимо него в вестибюль. Едкий запах лился с ведущей наверх лестницы. Нашупывая путь в глухой тьме, я взобрался по ней.

В помещении на втором этаже горел свет. Я толкнул неплотно закрытую дверь и вошел. Вирджиния была здесь. Задержав занавески, она как раз зажигала огни Святого Эльма и была весьма занята своими приготовлениями. Глянув на меня испытующе, она не перестала работать, при этом напевая заклинания. Я улегся около двери и принялся наблюдать.

Она нарисовала мелом обычную для таких случаев фигуру — вроде вашингтонского Пентагона. Внутри ее начертила звезду Давида и поместила в центр бутылку Соломона. Бутылка выглядела до смешного просто: старая посуда из необожженной глины. Ее полая ручка загибалась вверх и уходила внутрь бутылки. Всего-навсего «бутылка Клейна» с горлышком, запечатанным красным воском. На воске стояла Соломонова печать. Вирджиния распустила волосы, и они летучим рыжеватым облаком окружили ее бледное лицо.

Волчья часть моего сознания подумала, что сейчас бы лучше

всего схватить сосуд и смыться. Но человек напомнил волку, что эмир, без сомнения, принял меры предосторожности (магические, конечно), чтобы бутылку нельзя было раскупорить за пределами этой комнаты или вынести из комнаты. Мы обязаны вывести демона из строя, обязаны сделать это любой ценой. Но, увы, нам слишком мало известно об ифритах.

Вирджиния закончила петь. Из посуды, кипя, повалил дым, и ведьма едва успела отпрыгнуть — так стремительно вырвался на волю ифрит. Я поджал хвост и заворчал. Вирджиния тоже была испугана. Она изо всех сил старалась не показать этого, но от нее пахло страхом. Ифрит, чтобы уместиться под потолком, согнулся почти вдвое. Это было чудовищное создание с кожей серого цвета, более или менее человекоподобное, но имевшее крылья, рога и длинные уши. У него были громадные клыки и горящие глаза. К тому же он был совершенно голый. Боевыми качествами ифрита были сила, быстрота и неуязвимость.

Выпущенный на волю, он мог отразить любую атаку Ванбруха. И нанести ужасающие потери нашим войскам, как бы старательно мы ни окапывались в обороне. Главная проблема — загнать его потом обратно в бутылку. Он может превратить в пустыню всю страну. Но с какой стати это должно заботить сарацин? Ифрит должен сражаться на их стороне — вот и все, что они потребовали бы от него в качестве платы за освобождение.

Он проревел что-то на арабском. Из его рта, свиваясь, вылетали клубы дыма.

Вирджиния на фоне полуразвернутых крыльев, похожих на крылья нетопыря, выглядела совсем крохотной. Ее голос звучал не так спокойно, как ей того хотелось бы:

— Говори по-английски, Марид. Или ты слишком невежественен?

Демон вознегодовал и обиделся:

— О отроде тысячи бабуинов!

От его громового голоса у меня чуть не лопнули барабанные перепонки.

— О ты, бедная и трусливая, не верующая ни во что тварь! Тварь, которую я могу убить одним мизинцем! Приблизься ко мне, если смеешь!

Я был испуган не столько тем, что он сейчас примется крушить все подряд, сколько производимым им шумом. Ифрита было слышно, наверное, на четверть мили.

— Замолчи, проклятый Богом! — ответила Вирджиния.

Это его чуточку потрясло. Как и большинство порождений

ада, он не мог перенести упоминания Святого имени. Но чтобы это всерьез подействовало, нужны были условия, которых мы воспроизвести не могли.

Вирджиния, подбоченясь, задрала голову навстречу огненному взгляду, направленному на нее сверху:

— Вижу, что Сулейман ибн Дауд не напрасно заточил тебя! Возвращайся в свое жилище и никогда не выходи из него снова, иначе гнев небес поразит тебя!

Ифрит презрительно усмехнулся.

— Знай, что Сулейман-мудрый уже три тысячи лет как мертв! — парировал он. — Долгие и долгие годы провел я в тесной темнице. Я, для которого не было преград ни на земле, ни в небе! И вот сейчас наконец я получу свободу, и узнают мощь моей мести хилые потомки Адама!

Он указал на невидимую преграду. Невидимую, но в несколько миллионов «пси». Она надежно удержит его до тех пор, пока кто-нибудь, сведущий в этих делах, не сотрет линии.

— О ты, бесстыжая, обнажившая свое лицо распутница, с волосами как пламя ада! Знай, что я — Рашид Могучий, дробящий скалы! Приблизься ко мне и сразись, как мужчина!

Я пододвинулся ближе к девушке, шерсть на моем загривке поднялась дыбом. Ладонь, коснувшаяся моей головы, была холодной.

— Параноидальный тип, — шепнула Вирджиния. — Большинство этих вредоносных порождений Низших Миров — психопаты. А этот вдобавок глуп. Надо как-нибудь схитрить — это наш единственный шанс. У меня нет никакого волшебства, которое напрямую заставило бы его подчиниться. Но... — уже громко и ифриту: — Замолчи, Рашид, и выслушай меня. Я тоже принадлежу к твоей расе и требую соответствующего ко мне отношения.

— Ты? — он фальшиво и громко расхохотался. — Ты из рода Марида?! Ты, обладающая лицом, похожим на рыбу морду? Если ты подойдешь ближе, я докажу, что ты не годишься даже на...

Остальное он изобразил жестом. Жест я воспроизводить не буду — это было бы не по-джентльменски.

— Выслушай меня, — сказала девушка. — Смотри и внимай!

Она сделала пассы и произнесла формулу. Я узнал заклинание, которое не позволяет произнесшему его солгать во время важного для него разговора. В наших судах этот способ не используют, но я знал, что он применяется во время судебных разбирательств в других странах.

Демон тоже понял, что это такое. Я сообразил, что сарацинские эксперты накачали его английским (это повышало боевую эффективность) и добавили обрывки сведений о современном мире.

Ифрит угомонился и начал слушать внимательно.

Вирджиния сказала подчеркнуто твердо:

— Теперь я не могу говорить ничего, кроме правды. Ты согласен, что предмет и его обозначение — есть одно и то же?

— Да, — прогрохотал ифрит. — Это общеизвестно.

Я почуял ее облегчение. Первое препятствие взято! Его не обучали принципам научной магии! Хотя, разумеется, имя находится в симпатической связи с предметом (на этом основаны заклинания и многие другие методы колдовства), но Коржибский уже в текущем столетии доказал, что слова и обозначаемые ими объекты не идентичны.

— Прекрасно, — сказала Вирджиния. — Мое имя Джинни.

Он уставился на нее в изумлении:

— Это действительно твое имя?

— Да. Будешь ты теперь меня слушать? Я пришла дать тебе совет. Ты знаешь, я обладаю могуществом, и я отдаю его на милость Аллаху Всемогущему, Всезнающему, Сострадающему.

Ифрит сердито сверкнул глазами. Но, раз уж он согласился, что Джинни принадлежит к его роду, ему приходилось сдерживать свою грубость. И даже проявлять готовность быть галантным.

Она не могла лгать, давая ему совет. Ему и в голову не пришло, что ей достаточно было кое о чем умолчать, и совет превращался в западню.

— Ладно, продолжай, если хочешь, — прорычал он. — Известно ли тебе, что завтра я отправляюсь в поход, чтобы уничтожить сонмище язычников? — Сказанное подстегнуло его мечты о славе. — Я разорву и растопчу их в мелкий порошок, я освежую их! Они узнают мощь Рашида яркокрылого, яростного, безжалостного, мудрого...

Вирджиния терпеливо ждала, пока он перечислял все эти эпитеты, потом мягко сказала:

— Но, Рашид, зачем ты должен убивать, разрушать и вредить? Ты не получишь взамен ничего, кроме ненависти!

В его рыке прорезался скулежный визг:

— О да, ты говоришь правду! Весь мир ненавидит меня! Все злоумышляют против меня! Никогда Сулейман не пленил бы меня! Что бы я ни пытался сделать, всему препятствовали завистливые злопыхатели. Да, но завтра придет день расплаты!

Вирджиния недрогнувшей рукой зажала сигарету и выпустила дым в ифрита:

— Как можешь ты доверять эмиру и его приспешникам? Он тоже твой враг. Все, что он хочет, — чтобы ты сделался послушным оружием в его руках! А затем — обратно в бутылку!

— Почему... почему?! — Тело ифрита распухло так, что закрипел искривлявший пространство барьер.

Из ноздрей его с треском вылетели молнии. Сказанное Вирджинией не приходило ему в голову. Особым умом его раса не отличалась. Но, разумеется, грамотный психолог способен был понять, к чему приведет параноика его логика.

— Разве ты не ощущал вокруг себя враждебность на протяжении всей своей долгой жизни? — быстро продолжила Вирджиния. — Вспомни, Рашид, вспомни! Чем встретил тебя этот злобный, завистливый мир — это была жестокость, разве не так?!

— О да... Так и было.

Похожая на человеческую голова склонилась, голос упал до еле слышного шепота.

— Меня ненавидели с самого детства... Увы, моя собственная мать ударила меня крылом так, что сбила с ног!

— Возможно, это вышло нечаянно, — предположила Вирджиния.

— Нет! Она всегда больше любила моего старшего брата... Деревенщину!

Вирджиния села, закинув ногу на ногу.

— Расскажи мне об этом, — попросила она. В ее голосе звучало сочувствие.

Я почувствовал, как ослабела страшная сила, изнутри распирившая барьер. Ифрит опустился на свои окорока, глаза его были полузакрыты. Он вновь разворачивал в памяти происшедшее за миллионлетие. А вела его, направляя, Вирджиния. Я не понимал, что она задумала. Она наверняка не успела бы провести монстру полноценный психоанализ всего лишь за ночь. Но...

— Ах... мне было всего лишь три сотни лет, когда я упал в яму... наверное, ее вырыли враги!

— Но ведь ты вылетел из нее? — мурлыкнула Вирджиния.

Ифрит завращал глазами. Физиономия его дернулась и покрылась морщинами, став еще уродливей.

— Я сказал, что это была яма!

— Но, во всяком случае, не озеро? — сочувственно спросила Вирджиния.

— Нет! — С его крыльев посыпались молнии, грохнул гром. —

Но, хоть и не эта распроклятая мерзость... нечто темное, мокрое... нет, даже не мокрое. Это был какой-то обжигающий холод.

Я смутно понял, что девушка ухватила путеводную нить. Она опустила бледные ресницы, чтобы скрыть внезапный блеск глаз. Я не мог не понять, каким потрясением было случившееся для эфирного демона, как шипели его огни и превращались в пар, пока он тонул. И как после этого он, должно быть, внушал себе, что ничего подобного не было. Но сможет ли использовать это Вирджиния?

В зал молнией влетел Свартальф и затормозил, упершись всеми четырьмя лапами в пол. Шерсть на нем стояла дыбом, мученические глаза уставились на меня. Он прошипел что-то и снова вылетел за дверь. Отмечу, что я там оказался раньше его.

Из вестибюля доносились голоса. Я выглянул и увидел, что внизу носятся солдаты. Вероятно, они пришли выяснить, что за шум, и увидели убитых стражников. Должно быть, поскольку их было немного, они уже послали за подкреплением.

Что бы там ни пыталась сделать Джинни, ей нужно было время...

Одним прыжком я выскочил и вцепился в сарацинов. Образовалась вопящая и бурно шевелящаяся масса. Она меня чуть не расплющила, но челюсти оставались свободными, и я пользовался ими вовсю. А затем с тыла на них набросился оседлавший метлу Свартальф.

Кое-что из оружия сарацин мы затащили в вестибюль (челюсти пригодны и на это) и уселись ждать. Я решил, что пока останусь волком. Иметь руки хорошо, но еще лучше быть неуязвимым для большинства тех штучек, которыми располагали сарацины. Свартальф задумчиво обследовал пистолет-пулемет, приладил его на подпорке возле стены и согнулся над ним.

Я не спешил. Каждая минута, которую проведем мы с ним вот так, каждая минута, которую мы продержимся, отражая приближающуюся атаку, — это минута, выигранная для Джинни. Я положил голову на передние лапы и замер. Скоро, слишком скоро я услышал грохот мчащихся по тротуару солдатских сапог.

В приближающемся на подмогу отряде насчитывалась, должно быть, целая сотня сарацин. Я увидел, как они колышутся темной тучей, уловил отблеск звезд на стволах оружия. На короткое время они сгрудились вокруг ликвидированных нами охранников. А затем внезапно завопили и кинулись, атакуя, вверх по лестнице.

Свартальф уперся, как мог, и застрочил из автомата. Отдача

отбросила его, и он с воем прокатился через вестибюль. Но двоих уложить успел. А остальных в дверном проеме встретил я.

Удар, укус, прыжок... Сметай их, полосуй, рычи, рви их рожи! Они уже не спешили, неуклюже сгрудившись у входа. Еще один короткий вихрь, устроенный моими зубами, и они отступили, оставив на месте с полдюжины убитых и раненых.

Я выглянул в дверное окошко и увидел моего приятеля эмира. Глаз его скрывала повязка, но он тяжеловесно носился вокруг своих людей, побуждая их к действию. Такой энергии я от него не ожидал. Небольшие группки откалывались от главного отряда и мчались куда-то в сторону. Не куда-то, а к другим входам и окнам.

Я взвыл, когда понял, что помело мы оставили снаружи. Теперь никто не сможет спастись, даже Джинни! Негодующий вой превратился в рычание, я услышал звон стекол и грохот сбивающих замки выстрелов.

Этот Свартальф оказался умной киской. Он снова взялся за свой пистолет-пулемет и ухитрился (ведь лапы его были с когтями) открыть огонь по вспышкам. Затем мы отступили к лестнице.

Сарацины вслепую наступали на нас в темноте. Они кишели вокруг, нащупывали дорогу.

Я не мешал им, но первый, кто нащупал ступени, умер бесшумно и быстро. У второго хватило времени взвизгнуть. И вслед за ним поперла вся банда...

Они не могли стрелять в такой темноте и давке без риска уложить кого-нибудь из своих. Обезумев, они атаковали лишь с помощью кривых сабель. И этим саблям я ничего противопоставить не мог. Свартальф вел продольную стрельбу по ногам, а я рвал их, как мог, — вой, крики, треск, лязг... Аллах акбар, так сверкайте, зубы, в ночи!

Лестница была узкой, это помогло. Да и их раненые мешали нападающим. Но силы были слишком неравные. На меня одновременно лезло около сотни храбрых мужчин, и мне пришлось отступить на шаг, потом еще и еще. Не отступи — и они окружили бы меня. Но я успел добавить к тем, что уже полегли, еще более дюжины. За каждый фут, что приходилось отдавать, мы добавляли еще несколько. И выиграла время!

У меня не сохранилось отчетливых воспоминаний об этой битве. О таких вещах редко помнишь. Но, должно быть, минуло около двадцати минут, прежде чем они, разъяренно вопя, откатились. У подножия лестницы стоял эмир. Он хлестал хвостом по своим полосатым бокам.

Я постарался сбросить с себя усталость и крепче уперся лапами в пол, готовясь к последней схватке. Вверх по ступенькам на нас медленно надвигался одноглазый тигр. Свартальф зашипел. Внезапно он прыгнул через перила, за спину громадной кошки, и исчез во мраке. Что ж, он позаботился о целостности своей шкуры...

Мы уже почти сошлись нос к носу, когда эмир занес лапу с выпущенными когтями и ударил. Я кое-как увернулся и вцепился ему в глотку. Все, чего я добился, — это полная пасть отвисавшей шкуры. Но я повис на ней и постарался вгрызться глубже.

Он взревел и потряс головой. Я мотался из стороны в сторону, словно маятник. Потом зажмурился и сжал челюсти еще крепче. Он полоснул длинными когтями по моим ребрам. Я дернулся, но зубы остались на прежнем месте. Он сделал выпад и подмял меня под себя. Челюсти его лягнули. Боль пронзила мой хвост. Я взвыл и отпустил его.

Одной лапой он пригвоздил меня к месту. Занес другую, готовясь переломить мне хребет. Каким-то чудом, обезумев от боли, я извернулся и высвободился. И ударил снизу вверх. На меня глядел, ослепительно сверкая, его неповрежденный глаз — я вышиб этот глаз из глазницы!

Он взвыл и взмахом лапы отшвырнул меня, как котенка, к перилам. Я рухнул, почти теряя сознание, и уже готовился испустить дух. Слепший тигр тем временем метался в агонии. Зверь возобладав в нем над человеком, и он скатился по ступеням, учинив страшное побоище своим же собственным солдатам.

Над свалкой со свистом пронеслась метла. Добрый старый Свартальф! Он удрал только для того, чтобы вернуть нам средство передвижения. Я видел, как он подлетел к двери, за которой находился ифрит, и как он поднялся, покачиваясь, готовый встретить следующую волну сарацин.

Но они все еще пытались совладать со своим боссом.

Я согнулся, обрел дыхание и встал. Смотрел, обонял, слушал. Мой хвост, казалось, горел в огне. Половины хвоста как не бывало.

Пистолет-пулемет завел свою прерывистую песню. Я услышал, как клокочет кровь в легких эмира. Он был силен и умирал долго.

«Вот и тебе конец, Стив Матучек, — подумал сидевший во мне человек. — Они сделают то, с чего должны были начать в первую очередь. Встанут внизу и начнут поливать тебя огнем. А каждая десятая пуля — серебряная...»

Эмир упал и, разинув пасть, испустил дух. Я ждал, когда его люди очухаются и вспомнят обо мне.

Над лестницей на помеле появилась Джинни. Ее голос доносился откуда-то издалека:

— Стив! Сюда! Скорее!

Я ошеломленно помотал головой, пытаюсь понять, что означают эти слова. Я был слишком измотан, был слишком волком. Она сунула пальцы в рот и свистнула. Это до меня дошло. С помощью ремня Джинни втащила меня себе на колени и крепко обхватила. Управлял помелом Свартальф. Мы вылетели в окно на втором этаже и устремились в небо.

На нас набросился оказавшийся поблизости ковер-самолет. Свартальф добавил скорости, наш «Кадиллак» оставил врага далеко за кормой, и тут я отключился...

ГЛАВА 7

Когда я пришел в себя, то лежал ничком на койке в больничной палате. Снаружи сиял яркий дневной свет. Земля была мокрая и дымилась. Когда я застонал, в палату заглянул медик.

— Привет, герой, — сказал он. — Лучше пока так и лежи. Как ты себя чувствуешь?

Я подождал, когда ко мне полностью вернется сознание. Потом принял от него чашку бульона.

— Что со мной? — прошептал я (меня уже, разумеется, превратили в человека).

— Можно считать, что твои дела не так уж и плохи. В ранах завелась кое-какая инфекция — стафилококки, — та разновидность, что поражает и человека, и собакообразных. Но мы вычистили наглых зверушек с помощью нашей антибиотической техники. Помимо этого — потеря крови, шок и застарелое нервное истощение. Через неделю-другую будешь в полном порядке.

Я лежал, размышляя. Мысли тянулись медленно и лениво. И в основном касались того, как восхитителен на вкус этот бульон. Полевой госпиталь не может таскать с собой оборудование, от которогодохнут бактерии. Зачастую у госпиталя нет даже добавочных анатомических макетов, на которых хирург мог бы отработать симпатические операции.

— Какую технику вы имеете в виду? — спросил я.

— У одного из наших парней Злой глаз. Он смотрит на микробов в микроскоп.

Дальше я не спрашивал. Знал, что через несколько месяцев «Ридерз Дайджест» посвятит этому случаю лирическую тянучку.

Меня мучило другое.

— Атака началась?

— Ата... А, это! Она состоялась два дня назад, уважаемый Рикки-Тикки-Тави. Тебя в это время хранили под одеялом. Мы швабрим их по всему фронту. Последнее, что я слышал, — то, что они уже добрались до линии Вашингтона и продолжают драпать.

Я вздрогнул и провалился в сон.

Меня не мог разбудить даже голос врача, который что-то громко диктовал своей пишущей машинке...

Джинни пришла на следующий день. На ее плече ехал Свартальф. В открытую дверь палаты бил солнечный свет, и поэтому волосы Вирджинии отливали медью.

— Здравствуйте, капитан Матучек, — улыбнулась она. — Как только освободилась, сразу же пришла узнать, как вы себя чувствуете.

Я приподнялся на локтях. В воздухе мелькнула сигарета, которую предложила мне Вирджиния; затем сигарета оказалась у меня в зубах, и я медленно сказал:

— Брось эти церемонии, Джинни. Мы с тобой, конечно, пока не на свидании, но, думается, мы знакомы в достаточной степени.

— Да.

Она присела на койку и погладила меня по голове.

Это было восхитительно. Свартальф замурлыкал, и мне захотелось ответить тем же.

— Что с ифритом? — спросил я после паузы.

— По-прежнему в бутылке. — Она рассмеялась. — Сомневаюсь, что удастся когда-нибудь извлечь его оттуда. Если даже предположить, что кому-нибудь этого захочется.

— Но что ты сделала?

— Просто применила на практике принцип дедушки Фрейда. Если когда-нибудь об этом напечатают в газетах, на меня ополчатся все приверженцы Юнга, сколько их есть в нашей стране... Но это сработало. Я копалась в его воспоминаниях, разбиралась в иллюзиях и скоро обнаружила, что у бедного ифрита гидрофобический комплекс. Не водобоязнь, связанная с бешенством, а просто страх воды, мой Пират...

— Можешь называть меня Пиратом, — проворчал я, — но если назовешь Фидо, тогда гладь по голове.

Она не спросила, с какой стати я настолько самонадеян, что претендую и далее на ее ласку. Это меня воодушевило. Правда, она залилась румянцем, но тем не менее продолжала:

— Получив ключ к его личности, я нашла простой способ сыграть на этом комплексе. Я объяснила ему, насколько распространено это вещество — вода — и как трудно от него избавиться. Он приходил в ужас все больше и больше. Когда я сказала, что тела живых существ, включая его собственное, содержат около восьмидесяти процентов воды, — дело было сделано. Он заполз в бутылку и впал в полную прострацию.

Она помолчала и добавила задумчиво:

— Мне хотелось оставить его у себя. Я бы поставила бутылку на каминную полку. А так я просто напишу небольшую статью об использовании психиатрии в военном деле...

— Неужели бомб, драконов, использования вервольфов и прочей придуманной нами дряни еще недостаточно? — с тоской спросил я.

Бедные, незатейливые стихийные духи! Мы их считаем злодеями, но им следовало бы поучиться у человеческой расы!

Что касается меня, то я мог представить, с какими неудобствами сопряжена женитьба на ведьме, но...

— Поцелуй меня...

Что она и сделала...

У меня не очень-то много осталось сувениров от этой войны. Это поганое время, и лучше о нем не вспоминать. Но один подарок на память все-таки со мной: когда я превращаюсь в волка, хвост у меня обрубленный... А когда я человек, то при сырой погоде стараюсь не садиться.

За это я получил «Пурпурное солнце»!

Не много, черт возьми...

ГЛАВА 8

Теперь мы добрались до одной из интермедий. Я проскочу по ней быстро. По остальным (позже) — тоже. Зачастую они были для нас — для Джинни и меня — более интересными и важными, чем те эпизоды, когда на сцену выступает Враг. Подлинное дело человека — не борьба, не опасности, не мелодрамы. Подлинное дело — работа. Особенно если человеку повезло и то,

что он делает, доставляет ему удовольствие. Подлинное дело — это отдых и развлечения, встреча с любовью, создание семьи и неожиданные, но приятные маленькие приключения.

Однако то, что случилось с нами в этой области, вряд ли вас особенно заинтересует. У вас своя жизнь. Кроме того, тут многое касается только нас и никого более. И еще одно: для передачи сообщения у меня есть всего одна ночь. Еще чуть-чуть, и напряжение, возможно, станет слишком сильным. Не знаю, но без нужды рисковать не буду. Этому я научился там.

В конце концов, интермедии используют для того, чтобы вкратце изложить некоторые эпизоды.

Первый эпизод, о котором я сейчас вам расскажу, случился примерно два года назад.

Мы с Джинни оставались на службе еще в течение нескольких месяцев, но непосредственного участия в сражениях не принимали. Мы с ней не виделись, что было плохо для нас обоих. Все новые командировки и перемещения бросали нас то в одну, то в другую сторону.

Война продолжалась не слишком долго. Носящие халаты оценили вкус сепаратизма. И Халифат распался, как бьется брошенное на землю стекло. Революция, бунты, расколы, кровная месть, банды и постоянные военные поражения. Америке и ее союзникам не понадобились вооруженные силы, чтобы занять оставшуюся у врага территорию. Враг сам просил, чтобы его оккупировали для восстановления порядка, прежде чем наступит мор и голод. Благодаря нашим особым талантам мы — Джинни и я — пересекли почти полмира, но... не вместе.

Мы потратили попусту уйму времени. Тем не менее мне понадобилось немало времени, чтобы взаправду решиться сделать ей предложение. И хотя ее ответное письмо было нежным, в нем не было «да». Джинни очень рано осиротела и, повзрослев, превратилась в женщину, нуждающуюся в любви. В женщину с неистраченными запасами любви. Эта сильная духом и телом девушка не позволит, чтобы ее будущая любовь кончилась неудачей. Она не выйдет замуж, если не уверена, что это — на всю жизнь.

Почему-то меня демобилизовали раньше ее, и я вновь стал восстанавливать связи, прерванные войной. Следов войны в Соединенных Штатах осталось на удивление мало. Хотя захватчики заняли почти половину территории, они продержались там очень недолго. А потом мы погнали их, и сарацинам было не до того, чтобы причинять значительные разрушения.

Пострадали только такие долго удерживаемые завоевателями городишки, как этот несчастный Тролльбург. По пятам за армией следовали гражданские чиновники, действовавшие быстрее и эффективнее, чем я ожидал. А может, просто сама цивилизация оказалась достаточно устойчивой. Точно так же оправляется земля от вызванных опустошений, порожденных технологией.

Так что я вернулся в мир, который, если не считать нехватки некоторых продуктов (да и это вскоре прекратилось), казался вполне знакомым. Я имел в виду внешнюю сторону. Психология же сделалась какой-то иной. Люди были до глубины души потрясены случившимся. Потрясены, я полагаю, более глубоко, чем они сознавали сами, и значительная часть населения была выбита из равновесия. От немедленных социальных потрясений нас спасло, несомненно, само рбилие появившихся эксцентрических течений. Слишком много оказалось демагогов, самозванных пророков, ложных чародеев. Сумасбродов от религии, политики и науки. Психов с религиозным фанатизмом, проповедующих новые диеты и новый образ жизни. И один Бог знает, кого еще. Все они старались изничтожить друг друга. Некоторые — например, церковь иоаннитов, большинство приверженцев которой предпочли сохранить анонимность, — скоро приобрели зловещий характер.

Однако все это не привело к революционному взрыву. Тех из нас, кто сумел не заразиться фанатизмом (а мы составляли большинство), происходившее беспокоило мало. Мы полагали, что государству нужно будет или пережить этот разброд, или пресечь его. А тем временем мы вернулись к повседневной жизни, мы жили день за днем, и дни шли своим чередом.

Что касается меня, то я вернулся в Голливуд. Вновь начал играть волка-оборотня для «Метро-Голдвин-Майер». Результат оказался разочаровывающим. Надевать поддельную кисточку поверх обрубленного хвоста мне казалось отвратительным. Работникам студии это тоже не нравилось.

Кроме того, они не были уверены, что я хорошо играю свои роли. И я в этом тоже не был уверен. При съемках я не получал полного удовлетворения от своей игры в «Дракуле», «Франкенштейне», «Человеке-Волке» и в «С кем встречался Парацельс».

Не то чтобы я свысока стал поглядывать на чисто развлекательные картины, но обнаружил, что у меня появилось стремление сделать более серьезное дело.

Так что и с той и с другой стороны появились намеки, что мне пора в отставку.

Отсрочку кризису дали, вероятно, мои медали. Но героев войны было хоть пруд пруди. Кроме того, всем известно, что проявленная на войне храбрость — это в значительной мере вопрос подготовки и дисциплины. Немалое значение имело также и заклинание против страха. Но это воздействие снимается перед уходом в отставку, ибо гражданскому человеку приличествует скромность. Сам я не претендую на нечто большее, чем обычная доля свойственной человеку храбрости.

Примерно в это время Джинни демобилизовалась и сразу же навестила меня. Наш союз был полностью восстановлен. Правда, она не сразу согласилась на мое повторное предложение...

— Пока нет, Стив, дорогой. Нам обоим сперва нужно увидеть, что мы представляем собой в мирной жизни...

Через несколько дней у нас неожиданно состоялся очень серьезный разговор. Джинни вытянула на поверхность мои подлинные мечтания — покорить Огонь и Воздух, создать антигравитационные чары, достаточно сильные, чтобы можно было достичь иных планет. Если честно, мне всегда хотелось стать инженером. Но уже на первом году обучения деньги кончились, и кое-кто, видевший меня в любительских спектаклях, решил, что я талантливый парень... В общем, одно цеплялось за другое. Подобно большинству людей, я плыл по течению.

Джинни не походила на остальных, однако и ей пришлось сейчас задуматься. Она получила приглашение вернуться в Колдовское агентство. Но сомнительно, чтобы ей действительно хотелось работать для большой организации. Независимое консультативное агентство, где она будет сама себе хозяйкой, — разве оно не дает свободу действий и возможность разрабатывать собственные идеи? Ей нужно было расширить свои позиции в чародействе, и очевидный путь к этому — получение степени доктора философии.

Деньги, накопленные за время нашей армейской службы, позволили нам вернуться к учебе.

Окончательно все решилось, когда после некоторой переписки университет Трисмегиста¹ предложил ей должность преподавателя. Ведь Джинни уже получила в Конго степень магистра гуманитарных наук. Одновременно с преподаванием Джинни могла продолжать учебу. Я тут же подал заявление на инженерный факультет Трисмегистовского университета и был принят.

¹ Гермес Трисмегист («Триждывеличайший», греч.) считается покровителем магии и эзотерики.

Несколько недель спустя Стивен Матучек и «Метро-Голдвин-Майер», вежливо рыдая, распрощались. А затем упомянутый Матучек, вместе с Вирджинией Грейлок, вступили на борт суперковра, отбывающего на Средний Запад.

Сперва все шло хорошо, как по маслу. Мы подыскивали недорогие, но вполне приличные комнаты поблизости друг от друга. Занятия были интересными. Свободное время мы проводили вместе. Главным образом мы часами гуляли. Ее нежелание раннего замужества слабело такими темпами, что я видел — к Рождеству она согласится. А к концу весны я надеялся сыграть свадьбу.

Но затем мы получили неожиданный удар под дых.

Мы знали, что большую часть преподавательского состава подмял под себя президент, Бенгт Мальзус. Это было напыщенное ничтожество, главным достоинством которого было то, что он вертел попечителями университета, как хотел. Все, что Мальзус предлагал, как правило, не затрагивало работников, находящихся на более низком уровне. По крайней мере, не слишком затрагивало. Но за год до этого Мальзус предписал, чтобы весь преподавательский состав, без малейшего исключения, принес магическую клятву повиновения правилам университета до тех пор, пока контракт остается в силе.

Несколько человек наотрез отказались. Однако в основном правила были самые обычные. Новые обязательства предписания были нацелены на то, чтобы как-то преодолеть мятежные, психопатические и откровенно нигилистические настроения, в последнее время пугающе распространившиеся не только среди студентов, но и среди профессорско-преподавательского состава. А потому Джинни их подписала.

Прошло около двух недель, как кто-то заметил, что мы все время гуляем вместе, и насплетничал. Джинни вызвали в кабинет президента. Он продемонстрировал ей правила. Напечатанную мелким шрифтом фразу, которую ей и в голову не пришло прочесть: «Студентам и работникам университета, включая преподавателей, не разрешается встречаться во внеурочное время». В этот вечер при встрече настроение у нас было мрачное. Естественно, на следующий день я, разметав клерков и секретарей, прорвался в кабинет Мальзуса. Но все было бесполезно. Он не собирался ради нас менять свои правила. Правило било наповал, поскольку клятва не допускала никаких исключений. Не разрешались встречи и со студентами других учебных заведений, так что мой перевод в другой университет ничего бы не дал.

Единственное решение — пока не истек срок контракта Джинни, я выпадаю из ее поля зрения. А она проявляет железную волю и не интересуется мною. Но потерять целый год?! Кто я, волк или мышь? По этому поводу мы с ней немедленно, прямо на людях, поцапались. А когда можешь встречаться лишь случайно либо на официальных мероприятиях, выясняется, что не так-то просто кончить дело миром и поцелуями.

О, конечно, мы по-прежнему оставались добрыми друзьями. Виделись иногда в курилке, на некоторых лекциях... Настоящая «сладкая жизнь». А тем временем, как отметила Джинни с ледяной логикой, мы остались людьми (я-то знал, что эта логика — способ самозащиты, но ничего поделать не мог). Время от времени она появлялась в обществе с каким-нибудь молодым сослуживцем. И я, бывало, ухаживал за какой-нибудь случайной девушкой.

Вот так и обстояли дела у нас к ноябрю...

ГЛАВА 9

Небо было заполнено метлами. Полиция теряла голову, пытаясь справиться с движением. Игры выпускников университета всегда вызвали большой наплыв публики. Мой довоенный «Шеви» еле плелся за огромным, в двести драконьих сил, «Линкольном», рукоятка небесно-голубого цвета, полиэтиленовые прутья, плюс радио. Пассажир «Линкольна» принялся скалить зубы, но к вешалке для метел я прорвался первым. Сунув ключ в карман, я слез с метлы и принялся мрачно слоняться в толпе.

На все время игр Бюро погоды оказало нам любезность. Воздух был прохладен, свеж и звонок. Над темными зданиями университетского городка желтой тыквой поднималась полная луна. Мне подумалось, что там, за городом, — поля и леса Среднего Запада. Там пахнет мокрой землей и струится туман. И волчьей составляющей моей природы захотелось бежать отсюда и оказаться там, чтобы гоняться за кроликами. Но по-настоящему тренированный оборотень может контролировать свои рефлексy, и поляризованный свет вызывает у него не более чем приятную нервную почесуху.

Что касается меня, то порыв скоро угас в унылых раздумьях. Джинни, любимая! Если бы она оказалась сейчас рядом! Я представил ее лицо, узор изморози на длинных рыжих волосах. Да,

единственная моя спутница — нелегальная фляга в заднем кармане. Какого дьявола я вообще явился на эти игры?

Миновав Дом союза «Тет-Каф-Самет», я обнаружил, что нахожусь уже на территории университетского городка. Трисмегистовский университет был основан, когда родилась современная наука, и сей факт был отражен в его планировке. Самые большие здания принадлежали факультету языкознания — экзотические языки необходимы при создании более мощных, чем обычные, заклинаний. Вот почему так много студентов приезжает сюда из Африки, Азии — изучать американский сленг.

Но есть здесь и два английских здания — искусствоведческий колледж и колледж инженерного стихосложения. Поблизости — здание Торбантропологического факультета, где всегда демонстрируются интересные выставки, посвященные иностранной технике. В этом месяце — техника эскимосов, в честь приезда шамана антекоков, доктора Айингалака. В стороне — заботливо обнесенный пятиугольной оградой факультет зоологии. За забором были помещены длинноногие бестии, которые вряд ли могут быть названы приятными соседями.

Медицинский факультет обзавелся великолепным новым исследовательским центром — дар фонда Рокфеллера. Из этого центра уже вышло такое изумительное изобретение, как поляроидные фильтрующие линзы, дающие возможность тем, кто поражен дурным глазом, вести вполне нормальный образ жизни.

И это только начало!

Юридический факультет казался безлюдным. Юристы всегда работают в ином мире.

Я пересек бульвар, миновав мрачное здание корпуса физических наук. Меня поприветствовал доктор Грисволд. Он медленно спускался вниз по ступенькам — маленький высохший человек с козлиной бородкой и веселыми голубыми глазами. В блеске этих глаз таилось смешанное с болью недоумение. Он походил на ребенка, который никак не может до конца понять, почему никто, кроме него, не интересуется игрушками.

— А, мистер Матучек, — сказал он. — Пришли поприсутствовать при игре?

Я кивнул (не особенно любезно). Но мы шли вместе, и приходилось быть вежливым. Он вел у меня занятия по физике и химии, но это как раз неважно. Мне просто не хотелось обижать милого и одинокого старого чудака.

— Я тоже, — продолжал он. — Насколько понимаю, организаторы что-то задумали. Впервые ожидается нечто захватывающее.

— Вот как?

Он дернул головой и по-птичьему посмотрел на меня:

— Быть может, у вас проблемы, мистер Матучек? Если в моих силах помочь вам... Знайте, я сделаю все, что смогу.

— Все прекрасно, — соврал я. — Во всяком случае, благодарю вас, сэр.

— Человеку зрелого возраста нелегко вернуться к учебе. Да еще когда его окружают хихикающие юнцы. Я не забываю, как вы помогли мне в этом... м-м... инциденте в прошлом месяце. Поверьте, я вам очень благодарен.

— О, пустяки, черт возьми. Я здесь, чтобы получить образование.

Мне не хотелось перекидывать груз своих забот на его плечи. У него был достаточный запас собственных.

Грисволд вздохнул. Очевидно, он чувствовал мою отчужденность.

— Я часто ощущаю себя таким беспомощным, — сказал он.

— Что вы, сэр, — ответил я, старательно имитируя искренность. — Как стала бы в Мидгарде алхимия практической наукой, не основываясь она с начала и до конца на ядерной физике? Ведь в противном случае алхимик мог бы неожиданно для себя получить смертоносный радиоактивный изотоп. Или вещество, которое уничтожило бы половину округа.

— Разумеется, разумеется... Вы прекрасно все понимаете. Вы знаете многое о нашем мире. Во всяком случае, больше, чем я. Но студенты... ладно, думаю, что это естественно. Им хочется сказать несколько слов и получить то, чего желаешь. Именно таким образом. Не докучая себе ни изучением санскритской грамматики, ни периодической таблицы. Они не понимают, что никогда нельзя получить что-то из ничего.

— Поймут. Они повзрослеют.

— Даже администрация в этом университете просто не понимает потребности физической науки. Как раз сейчас в Калифорнийском университете установлен философский камень на миллиард вольт. А здесь... — Грисволд пожал плечами. — Извините меня. Жалость к себе вызывает только презрение.

Мы вышли к стадиону. Я отдал свой билет, но отказался от очков ночного видения. У меня сохранилось колдовское зрение, полученное во время базисного обучения. Мое место оказалось в тридцатом ряду, между студенточкой с мордочкой первокурсницы и старшекурсником. Мимо проплыл одушевленный лоток, и я купил горячих сосисок и взял напрокат хрустальный шар. Но шар был мне нужен не для того, чтобы в деталях видеть игру.

Я побормотал над ним, заглянул внутрь и увидел Джинни. Она сидела напротив меня, в пятидесятом ряду. На коленях у нее покоился черный Свартальф. Вызывающие огненные волосы Вирджинии выделялись ярким пятном на бесцветном фоне окружающей ее толпы. Это колдовство, эта ее особая магия была чем-то более древним и более сильным, чем Искусство, но в нем Джинни была искушена.

Ее отделяло от меня поле, в руках у меня был всего лишь дешевый стеклянный прибор, и все же сердце мое екнуло. В тот вечер с ней был доктор Алам Аберкромби, ассистент-профессор сравнительной магии: холеный, красивый блондин, светский лев. Он обхаживал Джинни изо всех сил. А я кипел...

Думаю, что Свартальф ставил мои моральные качества не выше, чем у Аберкромби. Я искренне намеревался хранить верность Джинни, но... Узкая улочка, ты ставишь на стоянку метлу, и к тебе прижимается хорошенькая девушка. В этом случае желтые круглые глаза, сверкающие с ближайшего дерева, как-то скрывают и окончательно отрезвляют. Я скоро сдался и посвящал вечера учебе или пил пиво.

О-хо-хо... Я плотнее запахнул плащ. Под свежим ветром меня пробирала дрожь. В воздухе пахло какой-то бедой.

«Вероятно, — подумал я, — во всем виновато мое скверное настроение...»

И все же я чуял — в недалеком будущем быть беде.

От воплей старшекурсников чуть не лопнули барабанные перепонки. В лунном свете показались команды — «Трисмегистские грифоны» и «Чародеи Альберта Великого». Глубокие старики недовольны тем, что в наше время в командах так много измученных образованием очкастых коротышек. Такие игроки кажутся им бесполезными в американском футболе. Вероятно, до эпохи магии команды комплектовались из динозавров. Но, разумеется, неотъемлемая и основная составляющая Искусства — интеллект, и он придает спорту характерную окраску.

В этой игре были интересные моменты. «Чародеи» взлетели над землей, и их защитник превратился в пеликана. Душанович, в образе кондора, закогтил его на нашей двадцатке. Андриевский был лучшим в линии оленей-оборотней (он входил в большую десятку). Он держал их так, что мяч дважды оказывался вне игры.

На третий раз мячом завладел Пилсудский, тут же превратившийся в кенгуру. Его игра была изумительной. Как он увернулся от игрока, пытавшегося отобрать мяч! (Малый был в шапке-невидимке, но можно было наблюдать по отпечаткам его ног, как он несся вперед.) И отпасовал мяч Мстиславу.

«Чародеи» опустились пониже; они ожидали, что Мстислав превратится в ворона, чтобы забить мяч с поля. Но это было как гром среди ясного неба! Он превратился в... свинью. В жирного борова! (Естественно, это были мелкие превращения. Быстрый жест — и игрок превращается в заранее намеченное животное. Там не использовались те великие и страшные слова, которые мне, бывало, приходилось слышать в предрассветной мгле.)

Чуть позднее явная грубость с нашей стороны стоила нам пятидесяти ярдов. Доминго случайно наступил на афишу, которую ветер занес на поле, и затоптал несколько имен «Чародеев». Но большого ущерба наши не потерпели, а «Чародеи» получили точно такой же пенальти, когда Троссона в азарте вынесли с поля, да еще метнули вслед молнию.

К концу первого периода счет был 13 : 6 в пользу «Трисмегистских грифонов», и толпа чуть не разнесла от восторга скамейки.

Я надвинул шляпу на лоб, бросил на старшекурсника нелюбезный взгляд и уставился в кристалл. Джинни проявляла больше энтузиазма, чем я. Она подпрыгивала и вопила и, казалось, не замечала, что Аберкромби облапил ее за плечи. Или, может, она не против? Я обиделся и надолго приложился к фляге.

На поле высыпали ликующие люди. Им понадобилось устроить парад. Дудя и барабаня, совершая в воздухе сложные, тщательно продуманные эволюции своими инструментами, они двинулись маршем туда, где восседала Королева Красоты студенческого городка. Было бы не менее традиционно, если бы она встречала их верхом на единороге. Но по некоторым причинам данный номер был в этом году опущен.

...У меня волосы встали дыбом. Я ощутил слепой инстинктивный позыв поменять кожу на шкуру. Едва успел вовремя заставить себя остаться человеком и упал на сиденье, обливаясь холодным потом. В воздухе вдруг отчетливо завоняло опасностью. Неужели никто больше не ощущает этого?!

В поисках источника опасности я сфокусировал кристалл на скандирующей команде и краем сознания смутно услышал ответственные выкрики:

Алеф, Бат, Далет, Хи, Ва!
 Комини, домини, ура, ура, ура!
 Протыкай их, жарь в огне!
 Славная еда!
 Трисмегистов ждет победа
 Ныне и всегда!
 Макилрайт!

— Эй, мистер, что с вами?

Студентка отпрянула от меня, и я понял, что рычу.

— Ох... ничего... я надеюсь, ничего, — я старался овладеть своим лицом, не дать ему превратиться в волчью морду.

Толстый белокурый мальчишка среди тех, внизу, не казался страшным, но я чувствовал, что его будущее окутано крутящейся грозовой тьмой, пронизанной ударами молний и раскатами грома. Мне уже приходилось сталкиваться с ним. Хотя я не донес на него в свое время, но это именно он чуть не уничтожил химическую лабораторию Грисволда.

Зеленый первокурсник, забавник, не злой по натуре — он представлял собой опасное сочетание природной способности к Искусству и крайней безответственности. Студенты-медики славились веселыми выходками (такими, как оживший скелет, врывающийся, приплясывая, в женскую спальню). Макилрайту хотелось приобщиться к этим проделкам как можно раньше.

Грисволд показывал студентам, как обращаться с катализаторами, и Макилрайт тут же забормотал заклинание. Он хотел сыграть на каламбуре и создать в пробирке kota. Но ошибся в расчетах и получил саблезубого тигра.

Дитя каламбура — тигр — был совершенно безмозглым, но все же это была злобная, вызывающая ужас тварь. Я тут же нырнул в темную подсобку и там с помощью фонарика совершил превращение. Став волком, я выпрыгнул в окно и шмыгнул под деревья, чтобы дожидаться, пока кто-нибудь вызовет людей из департамента Изгнания бесов.

Поняв, что все это сотворил Макилрайт, я как-то, улучив момент, отвел его в сторону и предупредил, что если ему вздумается снова показать класс, то я его сожру. Сожру в самом буквальном смысле этого слова. Шутка есть шутка, но не следует шутить за счет студентов, которые действительно желают учиться. Как и за счет тех милых, почтенных окаменелостей, которые пытаются учить студентов.

Предводитель парада взмахнул рукой, и из нее выскочил столб многоцветного пламени. Столб поднялся на высоту человеческого роста. Затем еще выше. Скачущее сияние, блеск красного, голубого, желтого, и все это окружал крутящийся вихрь из искр. Я сощурился и сумел разглядеть в пламени гибкое пестрое тело. Оно походило на тело ящерицы.

Студентка взвизгнула.

— Гермес трижды благословенный! — закудахтал старшекурсник. — Что это, демон?

— Нет, Дух Огня, — тихо заметил я. — Саламандра. Чертовски опасная тварь, если учесть, сколько дураков ее окружает...

Я не отводил глаз от поля. Огненная тварь начала свои штучки. Прыгала, кувыркалась, что-то бормотала, выбрасывала длинные языки пламени. Да, рядом с ней находился пожарный — в полном церковном облачении. Он совершал свои пассы, не давая саламандре причинить вреда. Все должно быть о'кей. Вроде бы...

Я закурил сигарету. Меня трясло. Скверно это — вызывать порождения Локи¹. Вонь опасности была мне в ноздри. Ядовитый, кислый запах...

Со стороны все это выглядело красиво, однако... В кристалле вновь появился Аберкромби. Он хлопал в ладоши. Но Джинни сидела хмурая, с озабоченным видом. Между зелеными глазами залегла морщинка. Ей все это нравилось не больше, чем мне. Я переключил шар обратно на Макилрайта. Нашего шутничка Макилрайта.

Я был, вероятно, единственным из присутствующих, кто заметил, что произошло.

Макилрайт взмахнул своим жезлом, и у саламандры выросли крылья. Толстяк-пожарник, жестикулируя и раскачиваясь взад и вперед, оказался, естественно, на пути взмаха ее крыльев. Это было подобно столкновению с паровым котлом.

— А-а-а!

Пожарный пулей взмыл в небо. Саламандра заколыхалась. Мгновенным прыжком, утоньшаясь вверх, выросла, сделавшись выше стен. Мы увидели мельком нечто вращающееся, ослепительно блестящее, с расплывшимися очертаниями — и тварь исчезла.

Моя сигарета вспыхнула, превратившись в огонь. Я отшвырнул ее. Почти ничего не соображая, догадался заодно выкинуть и фляжку. В мгновение ока она раскалилась добела, водка вспыхнула голубым пламенем.

Толпа завывала. Все отбрасывали прочь сигареты, хлопали по карманам, где воспламенялись спички, отшвыривали бутылки. Королева городка пронзительно визжала, ее тоненькое одеяние охватило пламя. Скинув платье (как раз вовремя, чтобы избежать ожогов) и вопя, она голая помчалась по полю. Возможно, это зрелище могло бы меня заинтересовать — но при других обстоятельствах.

¹ Локи — трикстер скандинавского пантеона, породивший множество чудищ.

Саламандра прекратила свои беспорядочные метания и материализовалась в воротах. Столбы задымились. Невыносимое сияние, рев и пылающая трава. Выкрикивание заклинаний тушения огня было бессмысленно. Пожарник бросился к саламандре. Из ее пасти выскочил язык пламени.

Я отчетливо услышал ее дикий хохот, и тварь снова исчезла. Диктор, которому следовало бы успокоить зрителей, истошно закричал, когда огонь вспыхнул перед его будкой. В мгновение ока пять тысяч людей, царапаясь и кусаясь, топча друг друга, кинулись к выходу. Началась давка. Люди были охвачены слепым стремлением вырваться отсюда.

Прыгая по скамейкам и головам, я скатился на поле. Эта бушующая на ярусах давка означала смерть.

— Джинни! Сюда, Джинни, здесь безопасно!

Она не могла расслышать меня в этом грохоте, но сама догадалась. За руку она тащила обезумевшего от ужаса Аберкромби. Мы взглянули в лицо друг другу. Вокруг — огонь и разрушение. Джинни вытащила из сумочки свой жезл.

Из своей раздевалки опрометью вылетели кипящие «Грифоны». Кипящие в прямом смысле этого слова. Саламандра, материализовавшись, игриво обернулась вокруг водопроводной трубы.

Загудели сирены, и, освещенные луной, над нами засновали полицейские метлы.

Полиция пыталась обуздать панику. Одну метлу тут же подожгла саламандра. Наездник снизился, соскочил. Пылающий транспорт с грохотом рухнул в траву.

— Боже! — закричал Аберкромби. — Саламандра вырвалась на свободу!

— Да что вы говорите? — фыркнул я. — Джинни, ты же ведьма! Ты можешь что-нибудь сделать?

— Я могла бы погасить эту скотину. Но для этого нужно, чтобы она была рядом, пока я читаю заклинание, — сказала она. Распущенные рыжие волосы обрамляли бледное, с высокими скулами лицо и в беспорядке падали на плечи. — Это наш единственный шанс уничтожить породившие ее чары... И она знает это!

Смятение захлестнуло меня. Но тут я вспомнил о нашем приятеле Макилрайте, бросился к нему и схватил его за шиворот.

— Совсем свихнулся? — заорал я.

Он, задыхаясь, разинул рот:

— Я ничего не делал!..

Я тряс его так, что зубы лязгали:

— Не болтай попусту! Я все видел!

Он рухнул на землю.

— Это была всего лишь шутка, — простонал он. — Я не знал!

«Что ж, — подумал я мрачно, — вот тебе, без сомнения, вся правда. Ведь вот в чем беда с Искусством, беда с любой неразумной силой природы, которой овладел человек — будь то огонь или динамит, атомная энергия или магия. Любой остолоп, нахватавшись знаний, пытается что-нибудь сделать. Начать-то он может... Сегодня остолопов ужасно потянуло на колдовство. Но не всегда его последствия удастся легко прекратить».

Как и в любом другом учебном заведении, в «Трисмегисте» постоянную проблему представляли студенческие шалости. Обычно они были безобидными. Например, надеть шапку-невидимку и пробраться в женскую спальню. Или выставить в окна украденные у девушек принадлежности нижнего белья. Иногда шутки бывали, пожалуй, и забавными. Например, как-то раз оживили статую прежнего президента (это был достойный и заслуженный человек), и она промаршировала по городу, распевая испристойные песни. Часто шутки были довольно меткими. Как, например, когда декана Уорсби превратили в камень, и дня три никто этого даже не замечал.

Но сегодняшнее происшествие уже ни в какие рамки не лезло. Саламандра могла сжечь весь город.

Я обернулся к пожарнику. Тот весь изнервничался, напрасно пытаясь остановить какое-нибудь полицейское помело. Вокруг прыгали тусклые огни, полицейские не замечали его.

— Что вы полагаете предпринять? — спросил я его.

— Необходимо послать служебный рапорт, — отрывисто сказал он. — И считаю, нам понадобится Дух Войны.

— У меня есть опыт работы с гидрами, — предложила свои услуги Вирджиния, — так что я могу оказаться вам полезной.

— Я тоже, — сказал я медленно.

Аберкромби сердито уставился на меня:

— Вы-то что можете сделать?

— Я оборотень! — рявкнул я. — Когда я волк, огонь мне не страшен. Полезная штука, не правда ли?

— Прекрасно, Стив! — Джинни улыбнулась. Старая, такая знакомая нам обоим улыбка.

Недолго думая, я сгреб ее, привлек к себе и поцеловал.

Нельзя сказать, что оплеуха была недостаточно энергичной. Апперкот, и я оказался прямо на земле.

— Нельзя! — коротко сообщила Джинни. — Это, черт бы их побрал, проклятые чары.

Я видел, что в глазах ее металась боль. Как зверь в клетке. Но ее разум вынужден был повиноваться придуманным Мальзусом правилам.

— Это... э-э... здесь не место для женщин, — забормотал Аберкромби. — Для такой очаровательной женщины, как ты... Разрешите, я провожу тебя домой, дорогая.

— Я должна это сделать, — сказала она нетерпеливо. — Что, черт возьми, творится с этими легавыми? Нам нужно убираться отсюда!

— Тогда я тоже иду с вами, — заявил Аберкромби. — Я немножко знаком с проклятиями и с благословениями. Хотя боюсь, что сегодня мои знания не бог весть что. Во всяком случае, департамент Сокровищ поглядывает на мои сокровища без одобрения.

Даже в это мгновение, когда ад разверзся на земле, оглушенному буйствующими раскатами грома, мне было радостно видеть, что Джинни не обратила ни малейшего внимания на его пресловутое остроумие. Она отрешенно нахмурилась. Неподдалеку скорчилась Королева городка, завернутая в чей-то плащ. Джинни, усмехнувшись, махнула рукой. Королева сбросила плащ и помчалась к нам.

Через минуту приземлились три полицейские метлы. Пожарный что-то им прокричал, и вся наша группа тут же поднялась по спирали и влетела в путаницу улиц.

Взлет был быстрым, но за короткое время я увидел три охваченных пламенем дома.

Саламандра разгулялась...

ГЛАВА 10

Измощенная и вымазанная сажей, с отчаявшимися лицами, вся наша компания оказалась в управлении полиции округа. Здесь уже находились шефы полиции и пожарные. Возле коммутатора бесился какой-то офицер. Джинни, завернув по дороге к себе, захватила свою метлу. Теперь у нее на плече ехал Сваргальф, под мышкой — том «Руководства по алхимии и метафизике». Аберкромби страшал и без того перепуганного Макилрайта. Под конец я сказал Аберкромби, чтобы он это прекратил.

— Мой долг... — завелся он. — Я, как видите, исполняя обязанности воспитателя...

Нет, наверно, детекторы магии в университете необходимы. Чтобы студенты не обращали воду в самогон и не вызывали к себе в комнаты нимф. Опять же, каждый год кто-нибудь да попытается проташить на экзамен свое животное-помощника, чтобы тот подсказывал ответы из-под пиджака. И все-таки не люблю я профессиональных стукачей.

— Разберемся с ним позднее, — сказал я, пинком выставив парня за дверь. — Возможно, здесь скоро появится саламандра.

Весьма раздраженный, в комнате возник Мальзус и тут же требовательно проорал:

— Что все это означает?

Над его толстыми щеками подпрыгивало пенсне.

— Как вам известно, сэр, я был занят подготовкой к очень важному предприятию. На завтра намечен официальный завтрак членов «Клуба Львов» и...

— Возможно, не будет никакого завтрака, — хрюкнул, обрывая его, полицейский, — пока у нас имеется вырвавшаяся на свободу саламандра...

— Сала... Нет! Это полностью противоречит всем правилам! Это строго запрещено!..

Офицер у коммутатора оглянулся на нас:

— Она сейчас подожгла католическую церковь на углу Четырнадцатой и Эльма! Боже мой, все наше оборудование уже задействовано!

— Невозможно! — завопил Мальзус. — Демон не может приблизиться к церкви!

— Насколько глупым делается человек на нашей работе, — не скрывая злости, прошипела Джинни. — Это не демон! Это Дух стихии!

Когда ей удалось вновь овладеть своей яростью, она медленно продолжила:

— Не стоит слишком надеяться, что гидра сможет победить саламандру. Но мы должны вызвать ее, чтобы она могла бороться с пожарами. Саламандра все время будет опережать нас, но, по крайней мере, не весь город окажется уничтоженным.

— Если только саламандра не окажется слишком сильной, — влез Аберкромби. Его лицо побледнело, губы еле двигались. — Достаточно сильной, чтобы испарить гидру.

— Вызовите двух! — заикаясь, приказал Мальзус. — Вызови-

те сотню! Я не буду требовать поданного по всем правилам официального заявления на разрешение использо...

— Эта возможность ограничена, сэр, — сказал Аберкромби. — Есть условие: в зависимости от общей массы сдерживающие силы должны возрастать по экспоненте. В этом городе, вероятно, не найдется достаточно подготовленных специалистов, чтобы удержать под контролем двух Духов одновременно. Если пробудить к жизни четырех, то городу будет грозить затопление, а саламандра просто перенесется куда-нибудь в другое место.

— Алам... — Джинни положила «Руководство» на стол, веером перелистала страницы.

Аберкромби склонился поверх ее плеч. При этом не забыл заботливо положить ладонь на ее бедро. Я проглотил все, что хотел сказать.

— Алам, ты можешь вызвать для начала одну гидру и заставить ее бороться с огнем?

— Разумеется, моя прелесть! — он заулыбался. — Это элементарная задача.

Она обеспокоенно взглянула на него и предупредила:

— С гидрами бывает так же трудно справиться, как и с Духами огня и воздуха. Одного знания теории мало.

— У меня есть некоторый опыт, — он излучал самодовольство. — Во время войны... Когда все это кончится, давай зайдем ко мне, чуть выпьем, и я тебе расскажу.

Его губы коснулись ее щеки.

— Мистер Матучек! — завизжал Мальзус. — Прекратите, пожалуйста, отращивать клыки!

Я, взяв себя в руки, справился с яростью, действующей на меня так же, как и лунный свет.

— Послушайте, — сказал начальник полиции, — мне нужно знать, что будет дальше. Все эти неприятности — из-за ваших длинноволосых, и я не желаю, чтобы ваши действия еще больше затрудняли обстановку.

Я вздохнул, понимая, что Джинни и ее красавец, в конце концов, действительно заняты, и, вытащив сигарету, предложил:

— Разрешите, я объясню. Во время войны мне пришлось немного узнать о таких делах. Дух стихии — это не то же самое, что демон. Любой демон — это отдельное существо, обладающее, скажем так, индивидуальностью. Дух стихии есть всего лишь часть одной из основополагающих сил. Саламандра возникла из первичной энергетической матрицы и обрела временную индивидуальность. Она вернется в эту матрицу, если удастся покон-

чить с ней. Это как пламя. Когда костер погасят, пламя вернется в первоначальные формы существования. Пусть будет разожжен новый костер, пусть даже он горит на недогоревших поленьях первого костра, но полученное пламя не будет идентично первоначальному. Так что легко понять, почему Дух отнюдь не стремится к первоначальному состоянию. Когда Духу удастся вырваться на свободу, как это произошло с саламандрой, он готов на все, чтобы увеличить свою мощь.

— Но как саламандра могла поджечь церковь?

— Потому что у нее нет души. Она просто физическая сила. Всякое обладающее подлинной индивидуальностью существо, будь то человек или еще кто-либо, находится под сдерживающим влиянием... э-э... определенных моральных законов природы. Так, демон не выносит вида святых символов. Поступающий неправильно человек, живя на этом свете, испытывает угрызения совести. И предстает перед Судом на том свете. Но о чем заботиться пламени? А саламандра и есть не что иное, как громадный язык пламени. Она всего лишь флюктуация физических законов нашего, то есть нормального и паранормального мира.

Так как же ее... погасить?

— Это могла бы сделать соответствующая по массе гидра. Произошло бы взаимное уничтожение. Или саламандру могла бы погрести под собой Земля. Или мог бы сдуть оказавшийся поблизости Воздух. Трудность в том, что Огонь — самая быстрая стихия. Он перескочит в другое место до того, как ему успеет повредить какой-нибудь другой Дух. Так что у нас остается лишь одна возможность — заклинание, возвращающее саламандру к первоначальному состоянию. Но оно должно быть произнесено в ее присутствии. И занимает около двух минут.

— А когда она услышит, что начали произносить заклинание, то испепелит заклинателя или удерет. Очень мило! Что же нам делать?

— Не знаю, шеф, — сказал я. — Одно знаю — это все равно что пытаться поцеловать в морду кобру, — я вздохнул. — Действовать надо быстро, потому что каждый пожар, зажженный тварью, служит ей пищей и добавляет новый запас энергии. Она делается все сильнее. Существуют определенные ограничения — например, закон кубического возрастания, — но, пока он срабатывает, саламандра может стать слишком сильной, чтобы человечеству удалось с ней справиться...

— И что же тогда произойдет?

— Всеобщая гибель... Нет, я подразумеваю не совсем это.

Люди, естественно, призовут на помощь сильных противодействующих Духов. Но только представьте себе, с какими трудностями будет сопряжен контроль над ними. Подумайте о случайностях и опасностях, которые невозможно предвидеть. Халифат по сравнению с ними — пустяк!

Джинни, разогнувшись, отошла от стола. Аберкромби начертил мелом на полу пентаграмму. Исходящему слюной Мальзусу было поручено простерилизовать на спичке карманный нож. Вся идея состояла в том, чтобы взять у кого-нибудь немного крови. Кровь могла бы заменить обычно используемые снадобья, поскольку она содержит точно такие же белки.

Девушка положила ладонь на мою руку:

— Стив, мы потратим слишком много времени, если попытаемся собрать всех местных экспертов. Боюсь, что то же самое справедливо и по отношению к полиции штата или Национальной гвардии. Бог знает, что натворит саламандра, пока чиновники, которых ты здесь видишь, будут взывать о помощи. Но мы с тобой сможем по крайней мере проследить за ней. Подвергаясь при этом меньшей опасности, чем остальные. Рискнешь?

Я был согласен:

— Конечно. Саламандра не может повредить мне, если я буду волком. Особо повредить... Не сможет, если я буду осторожен. Но ты будешь держаться на заднем плане.

— Ты когда-нибудь слышал о клятве, приносимой членами нашего ордена? Пойдем.

Выходя за дверь, я бросил на Аберкромби самодовольный взгляд. Он надрезал свое запястье, начертил кровью магические знаки, а затем начал творить заклинание. Я ощутил, как по комнате пронесся влажный вихрь.

Снаружи была осенняя пора, высоко в небе стояла луна. Сразу в дюжине мест металось багровое ослепительное сияние. Зубчатыми силуэтами на его фоне виднелись крыши, и в ушах выли сирены. В вышине, освещенные мерцанием маленьких, безразличных ко всему звезд, носилось что-то, напоминающее ворох сухих листьев. Это, оседлав метлы, спасались бегством люди.

Свартальф прыгнул на переднее сиденье «Кадиллака» Джинни. Я поместился сзади. И мы со свистом взмыли в небо.

Внизу под нами зашипело, плюясь, голубое пламя. Городские фонари погасли. По улицам хлынула вода. Она неумолимо редела, и в ее потоке подскакивал смахивающий на поплавок президент Мальзус.

— Черти полосатые! — ахнул я. — Что еще случилось?

Свартальф резко повел помело вниз.

— Этот идиот, — простионала Джинни, — дал гидре растечься! Короткое замыкание...

Она сделала несколько быстрых пассивов своим жезлом.

Поток успокоился и вошел в берега. Образовалась круглая заводь. Ее десятифутовая глубина мерцала в лунном свете. Из воды выскочил Аберкромби и побрел, хлюпая, к ближайшему очагу пожара.

Я расхохотался:

— Сходи к нему на квартиру и послушай, что он тебе расскажет о своем огромном опыте...

— Не бей лежачего! — мгновенно огрызнулась Джинни. — Ошибка сделана не без твоего участия, Стив Матучек.

Свартальф вновь повернул метлу вверх. Мы неслись над дымовыми трубами. Неужели она действительно влюбилась в этого дьявола? Точеный профиль, вкрадчивый голос, ловко подвешенный язык. Полный джентльменский набор... Я подавил приступ боли, искоса глянул вперед, пытаясь определить, где находится саламандра.

— Туда! — перекрывая свист воздуха, пронзительно завизжала Джинни. Свартальф задергал хвостом и зашипел.

Район университета старательно пытался скрыть свою бедность. Старые, псевдоготического стиля, отделанные деревом пещеры. Нечто среднее между особняками и меблированными комнатами. Район уже начал гореть. В темноте между уличных фонарей вспыхивали многочисленные красные звезды.

Приближаясь, мы заметили, как одна звезда взорвалась и обратилась в клуб белого пара. Гидра, должно быть, сорвала патрубков пожарного крана и смылась. У меня мелькнула еретическая мысль, что саламандра окажет обществу услугу, уничтожив этот архитектурный нонсенс. Но ведь речь идет также о жизни людей и судьбе их имущества...

Громадный ужасный Дух раскачивался над пожираемым домом. Саламандра уже вдвое увеличилась в размерах, и на ее раскаленную добела сердцевину невозможно было смотреть. Вокруг узкой головы метались сполохи пламени.

Свартальф затормозил. Мы отлетели на несколько ярдов и теперь парили на высоте двадцати футов, на одном уровне с алчной пастью. Дико было видеть выгравированное на фоне ночи, освещенное ярким сиянием лицо Джинни. Она плотнее вдвинула ступни в стремя и принялась читать заклинание:

— О, Индра, Люцифер, Молох, Гефест, Дони...

Ее голос был почти не слышен в грохоте обрушившейся крыши.

Саламандра услышала. Огненные глаза обратились на нас. И немедленно она прыгнула.

Свартальф взвизгнул, когда от жара скрутило его усы (возможно, ущерб был причинен только его тщеславию), и развернул помело. Мы помчались прочь. Саламандра зарычала. Ее голос был похож на треск сотни одновременно горящих лесов.

Внезапно жар, опаляющий наши спины, исчез. Тварь материализовалась перед нами.

Закрыв лицо Джинни, я свое собственное спрятал за ее спиной, и мы пролетели сквозь стеклянную стену «Пивного парка». Вслед нам метнулся огненный язык. Метнулся и свернулся кольцом. Оставшаяся снаружи саламандра бушевала.

Мы скатились с метлы, огляделись. Пивная была пуста. Темно, повсюду следы огня. Никого не было. Увидев стоящий на прилавке доверху налитый стакан пива, я выпил его залпом.

— Мог бы предложить и мне выпить, — сказала Джинни. — Алам бы предложил...

И прежде, чем я успел решить, язвит она или просто шутит, Джинни продолжала быстрым шепотом:

— Она пыталась удрать. Собирается с силами. Она уверена в себе и надумала убить нас!

Даже в эту минуту мне хотелось сказать, что рыжие и спутанные волосы и пятна на ее аристократическом носу выглядят, как ни странно, очень даже очаровательно. Но случай не казался подходящим.

— Она не вернется сюда, — выпалил я. — Все, что она может сделать, — это с помощью теплового излучения подпалить здание, а на это ей понадобится время. Пока что мы в безопасности.

— Но... ну да. Конечно, пни плохо горят. Мне говорили, что все пивные бары университета построены из пней, армированных железом.

— Да.

Я выглянул в разбитое окно. Саламандра кинулась мне навстречу, и цветные пятна заплясали у меня перед глазами.

— Наша гостья показывает характер, — сказал я. — Ну, говори быстро свое заклинание.

Джинни покачала головой:

— Она просто отлетит за пределы слышимости. Но, может быть, удастся поговорить с ней. Понять, как...

Она подошла к окну. Корчащаяся вдоль бара саламандра вы-

тянула шею и зашипела. Я стоял за спиной своей девочки и чувствовал себя беспомощным и бесполезным.

Свартальф, вылизывающий с прилавка пролитое пиво, поглядел на нас и насмешливо фыркнул.

— Эй, Дочь Огня! — крикнула девушка.

Рябь прошла сверху вниз по спине саламандры. Ее хвост безостановочно хлестал из стороны в сторону, поджигая растущие вдоль дороги деревья. Я не в силах описать ответивший Джинни голос. В нем был и треск, и рев, и свистящее шипение. Голос, порожденный огненными мозгом и глоткой.

— Дочь Евы, что ты можешь сказать такой, как я?

— Именем Высочайшего я приказываю тебе смириться, вернуться к своему подлинному состоянию и перестать вредить этому миру!

— Хо!.. О-хо-хо-хо! — Тварь уселась на свой зад (асфальт пошел пузырями) и прерывисто захохотала прямо в небо. — Ты, созданная из горючего материала, приказываешь мне?!

— Я располагаю силами такими могущественными, что они затушат тебя, маленькая искра. Эти силы вернут тебя в ничто, из которого ты пришла. Смирись и повинуйся, так будет лучше для тебя же.

Мне подумалось, что саламандра на мгновение действительно была поражена.

— Сильнее, чем я? — она заревела так, что пивная затряслась. — Ты смеешь утверждать, что существуют силы могущественнее Огня?! Чем я, которая явилась пожрать всю Землю?!

— Более могущественные и более прекрасные. Сама подумай, о Мать Пепла, ты не можешь даже войти в этот дом. Вода тебя гасит, и лишь воздух способен поддержать твоё существование. Лучше сдайся, не медли...

Я вспомнил ночь охоты на ифрита. Джинни наверняка попытается выкинуть тот же фокус — разобраться в психологии бушующей и мечущейся твари. Но на что она может надеяться?

— Более прекрасные? — Хвост саламандры забился, оставляя на мостовой глубокие борозды.

Из тела саламандры вылетели огненные шары, посылая дождь красных, голубых и желтых искр. Прямо как Четвертого июля. Мелькнула сумасшедшая мысль: так бьется об пол ребенок в припадке истерики.

— Более прекрасные! Более могущественные! Да как ты смеешь... А-а-а! — в метнувшемся языке пламени сверкнули раска-

ленные добела зубы. — Посмотрим, какой ты станешь, когда я сожгу тебя! Ты умрешь от удушья!

Голова саламандры метнулась к разбитому окну фасада. Она не смогла проникнуть сквозь железную ограду, но начала высасывать воздух. Вдыхать его и выдыхать. Волна пышущего, как из топки, жара отбросила меня назад. Я задыхался.

— Боже мой... Она хочет сожрать кислород! Оставайся здесь!

Я прыгнул к двери. Джинни пронзительно закричала. Выскочив наружу, я услышал ее слабое:

— Нет!..

На меня лился слабый лунный свет, от которого я затрепетал. Вокруг беспокойно плескались огни пожаров. Я припал к горячей обочине и содрогнулся, когда мое тело начало изменяться.

Я был волком. Волком, которого не сможет убить враг. По крайней мере, я на это надеялся. Укороченный хвост ткнулся изнутри в брюки, и я вспомнил, что некоторые раны не поддаются излечению, даже когда я принимаю звериный облик.

Брюки! Черт, будь они прокляты! В горячке я забыл о них. А вы когда-нибудь пробовали стать волком, если на вас напялена рубашка, штаны, нижнее белье — и все это рассчитано на человека?

Я изо всех сил заработал своим влажным носом. Подтяжки соскользнули и обмотались вокруг задних лап. Передние лапы запутались в галстук, а пиджак радостно превратился во что-то, напоминающее узел.

Обезумев, я катался и рвал одежду клыками. Вдруг передо мною выросла саламандра, ее хвост хлестнул меня по спине. Мгновенная опаляющая боль — и вместе с одеждой вспыхнула шерсть и кожа. Но тряпье сгорело, и я оказался свободен. Молекулы моего тела самовосстановились в считанные секунды. Полагая, что я выведен из строя, саламандра уже не обращала на меня внимания. Едва понимая, что делаю, я подхватил зубами свалившуюся с уменьшившейся ступни туфлю, приставил к ближайшему, раскаленному добела пальцу ноги саламандры и обеими лапами стал изо всех сил натягивать.

Она взревела. Развернулась крутом, готовая снова напасть на меня, и разинула пасть. Она могла перекусить меня пополам. Я быстро отскочил в сторону. Чудовище остановилось, оценило разделяющее нас расстояние. Вспыхнув, исчезло и материализовалось прямо передо мной.

Теперь мне бежать было некуда. Я вдыхал огонь, сжигающий мое отяжелевшее тело, и корчился в агонии. Я весь превратился в пламя...

ГЛАВА 11

...Одиночество. Его никак не нарушало глядящее на меня лицо. У меня нет слов, чтобы описать его. Только одно — лицо было огромным, и его глаза были глазами трупа. Но тогда я не видел его. Как и не чувствовал холода, более сильного и более мучительного, чем когда-либо прежде. Потом я услышал голос.

Я не знал его до тех пор, пока он не настиг меня, прошедший вне времени и пространства, но он потряс до основания мои чувства и разум, которых у меня не было. И меня покинула всякая надежда и всякая вера.

— Гордись, Стивен. Я лично потрудился, чтобы тебя и твоих спутников настигла смерть. Для этого я сам возбудил в голове дурака мысль о шутке, зная, что лишь такой путь обеспечит благополучное завершение проводимой мной в мире работы. Задача имела свои тонкости, и я не мог доверить ее никому. И хотя всеобщее уничтожение — это приятно, но подлинная цель — вовсе не причинять материальных бед человечеству. На самом деле мои действия по навлечению гибели на вас двоих могут оказаться хорошим аргументом, если мои слуги поддались провокации. Если они хотят вступить в отношения с тем, Другим... Но опасность, которую вы представляете, станет ясной для всех лишь тогда, когда настанет для этого время. Я не знаю, когда это произойдет, не знаю, как можно будет определить это время. Но я знаю, что ты для нас опасен уже не будешь...

То, чем я был, съезжилось от ужаса. Оно было ничтожнее, чем самая малая часть ничего.

— И все же, — мерно гремел во мне голос, — тебе не обязательно умирать, Стивен. Я предчувствую, что эта женщина, Вирджиния, может оказаться худшим врагом, нежели ты. Да, я предвижу, что, лишившись ее, ты — не угроза Плану. Но она без тебя будет представлять не меньшую опасность, если не большую. Прими во внимание ее ловкость и сноровку, ее таланты. Она, в отличие от тебя, дважды попавшего в ловушку, не попалась ни разу. Прими во внимание также силу ее духа. Желание отомстить за тебя может побудить ее к выяснению истинной подоплеки случившегося. Или, может быть, она предпримет еще что-нибудь. Не могу сказать, что именно. Но я вижу, что, хотя ты и горишь, она в ловушке еще не полностью. Хочешь ли ты жить? Хорошо жить, Стивен?..

Что-то более слабое, чем свет, дошедший от самой дальней звезды, вспыхнуло во мне.

— Что я должен для этого сделать?

— Служить мне. Подчиняться моим чарам. Саламандра выпустит тебя, не причинив непоправимого вреда. После того как раны заживут, тебя ждет одно — долгая и счастливая жизнь. Это гарантируют мои чары. Показав, что ты свободен, вызови девушку из дома. Будешь усыплять ее бдительность до тех пор, пока над нею, как над тобою раньше, не материализуется саламандра. Если ты не согласишься, то возвращайся обратно и сгори живо...

Нечто большее, чем неизмеримая бесконечность, отделяло меня от Вирджинии. У меня не было тела, которое могло бы ответить «да» или «нет». Но точка, которой я сделался, представила, что Вирджиния испытывает ту же, познанную мною, муку. И от этой мысли откуда-то из иного безвременья вырвалась неимоверная ярость, сплавленная с неимоверной ненавистью, и все, что происходило (или этого не было?), взорвавшись, кануло в породившую его пустоту...

Думаю, что бешенство настолько пересилило муку, что я вновь стал сражаться.

Я так думаю. Мне рассказывали, что я сцепил клыки на некотором месте, которым уселась на меня бестия. Говорили, что я кусался и пытался удержать ее на месте. Но боль была слишком сильной, чтобы я мог помнить что-нибудь, кроме самой боли.

Потом саламандра исчезла. Улица была пустой и темной. Лишь луна и вдали — уцелевший уличный фонарь. И неровный красный отблеск горящих зданий. Тихо, если не считать хруста и блеска пожаров. Когда я очнулся настолько, что вернулось обоняние, первое, что я уловил, был кислый запах дыма.

Это продолжалось несколько минут. Несожженной ткани едва хватило, чтобы восстановить остальные. Когда здоровье вернулось, моя лохматая голова лежала на коленях Джинни. Похожим на пересохший ремень языком я слабо лизнул ее руку. Будь я человеком, я предпочел бы сохранить позу, приданную мне Вирджинией. Но я обладал волчьим инстинктом и потому, приложив максимум усилий, приподнялся и издал слабый хриплый вой.

— Стив... Боже Всемогущий, Стив, ты спас нас! — шептала Джинни. — Еще несколько минут — и мы бы задохнулись. У меня и сейчас словно песок в горле...

Спрыгнув с прилавка и мякнув, к нам гордо подошел Свар-

тальф. Он выглядел так самодовольно, как только может выглядеть кот с подпаленными усами и бакенбардами.

Вирджиния прерывисто рассмеялась и объявила:

— Но ты должен этому деятелю пинту сливок или еще что-нибудь в этом роде. Как ты склонил чашу весов в нашу сторону, так и он сделал для тебя то же самое. По крайней мере, подсказал способ помочь тебе.

Я наострил уши.

— Он открыл пивные краны, — сказала она, — а я начала наполнять кувшины и бросать их в саламандру. Это обеспокоило ее, она стала уворачиваться. Видимо, ее уже ослабило действие пара и давление, когда ты пустил в ход свои челюсти. — Джинни ухватила меня за шею. — Эти секунды, пока ты удерживал ее... это же настоящий подвиг!

Пиво! Качаясь, я поднялся на ноги и потащился в глубь пивной. Ничего не понимающие Свартальф и Джинни следовали за мной. Я закусил губу и показал мордой на ближайшие стаканы.

— О, понимаю, — Джинни шелкнула пальцами, — ты хочешь пить... Ты же обезвожен.

Она налила литровую кружку. Захлебываясь, я вылакал ее и показал, что хочу еще. Джинни покачала головой:

— Ты заставил саламандру убраться, но нам еще предстоит иметь с ней дело. Пока не управимся, ничего, кроме воды, не получишь.

Метаболизм моего тела перераспределял влагу. Я почувствовал, что окончательно выздоровел. И первая, по-настоящему хорошая мысль — надо надеяться, что в дальнейшем пиво не будет тратиться на драку с Духами. Вторая мысль — что бы ее слова ни означали, нам следует заняться этим как можно скорее.

За все приходится платить. Беда оборотней в том, что, приняв иной облик, они, естественно, обладают звериными мозгами. Лишь сверху — неглубокий поверхностный слой человеческой личности. Или, говоря проще, будучи волком, я по человеческим меркам отличался редкостной тупостью. Я был способен понять лишь одно: будет лучше, если я снова превращусь в человека. Поэтому я вышел через открытую дверь на лунный свет и приступил к превращению.

Вы когда-нибудь видели ухмыляющегося кота? «Господи!» — взвыл я и начал превращаться обратно.

— Подожди-ка, — решительно сказала Джинни. Она сбросила с себя обгоревшее, хотя вполне еще пригодное к носке, отделанное мехом пальто.

Сомневаюсь, чтобы когда-нибудь кого-либо одевали быстрее. Пальто очень жало в плечах, но было достаточно длинным, если я вел себя осторожно. Ночной ветер охлаждал мои голые колени, зато лицо по-прежнему жгла саламандра.

Это одна из причин, по которым среди моих тревог отсутствовала мысль о встреченном мною видении. Другая причина — непосредственно угрожающая нам опасность. Опасность сиюминутная, реальная. Кроме того, уж очень неправдоподобно было пережитое мною. Сознательная реконструкция расплывшегося воспоминания о случившемся причиняла просто физическую боль. Даже более сильную, чем когда я вспоминал о предыдущем случае. И, наконец, не уверен, что мне хотелось думать об этом.

В голове мелькнуло: дважды, когда я умирал, терял сознание, у меня были схожие видения. Может, следует обратиться к психиатру? Нет, это было бы глупо. Увиденное — не более чем идиосинкразическая реакция на травму. Скорее всего подобного рода травм в моей жизни больше не будет.

И я забыл обо всем этом и торопливо спросил:

— Куда теперь? Проклятая тварь может быть где угодно.

— Думаю, она околачивается возле студенческого городка. Там ей достаточно места, где разгуляться, а она не слишком торопится. В путь.

Пивной зал тлел. Джинни принесла метлу, и мы взмыли в небо.

— Итак, — сказал я, — мы ничего не добились, лишь потеряли время.

— Нет, не совсем так. Я немного разобралась в ее психологии.

Под нами пронеслись крыши.

Джинни обернулась ко мне:

— Саламандру породили заклинания, и я не знала точно, что она собой представляет. При создании стихийного Духа можно получить практически что угодно. Но, очевидно, руководитель парада был убежден, что саламандра должна знать английский. У нее есть даже рудиментарный интеллект. Учти при этом изменчивую природу огня. И что мы в результате получаем? Ребенка!

— Ничего себе ребенок! — проворчал я, поплотнее запахиваясь в пальто.

— Нет, нет, Стив, это важно! Ей присущи характерные черты, отличающие ребенка. Ограничивающие его черты. Непредусмотрительность, беззаботность, бездумность... Умная сала-

мандра не бушевала бы. Она втихомолку и постепенно накапливала бы силы. А эта даже не понимает, что ей не следует сжигать всю планету. Либо просто не задумывается о такого рода вещах. Потому что откуда она возьмет после всего этого кислород?! Вспомни также ее фантастическое тщеславие. Она пришла в неопределяемую ярость, когда я сказала, что существуют силы более могущественные и прекрасные, чем она. Причем замечания, касающиеся могущества и красоты, разозлили ее одинаково сильно. У нее нет способности надолго задерживать на чем-либо свое внимание. До того, как начать беспокоиться о причинении нам сравнительно незначительных неприятностей, она могла бы сперва убить тебя, либо Свартальфа, либо меня. И могла бы, когда ты вцепился в нее, стиснуть зубы, немного потерпеть и не слезать с тебя до тех пор, пока ты не погибнешь...

Ее голос дрогнул, и она торопливо продолжила:

— В то же время, пока ее внимание не рассеивалось, пока ничто не отвлекало ее, она концентрировалась только на одном исходе. Она забыла, что она лишь часть большого целого, и исключала все возможные результаты.

Джинни задумчиво кивнула.

— Должен существовать какой-то способ воздействия на ее психику.

Я, между прочим, и сам довольно тщеславен.

— Я не был сравнительно незначительной неприятностью... — проворчал я.

Джинни улыбнулась и, дотянувшись, погладила меня по щеке:

— Все хорошо, Стив, все прекрасно. Я рада, что ты такой же. Я убедилась, что ты будешь хорошим мужем.

Эта фраза здорово ободрила меня, но хотелось бы точно знать, что она хотела этим сказать.

Мы обнаружили саламандру. Там, внизу, она поджигала театр. Но пока я смотрел на нее, она, полыхнув, исчезла и вновь появилась на расстоянии мили, возле медицинского исследовательского центра. Не выдержав жара, кирпич стал покрываться стекловидной пленкой. Мы приблизились, а саламандра тем временем с раздражением ударила о стенку. Потом она вновь исчезла. Невежественная, импульсивная... ребенок. Адское создание.

Развернувшись над студенческим городком, мы увидели свет в окнах административного корпуса.

— Вероятно, здесь устроили штаб, — сказала Джинни. — Сейчас узнаем новости.

Свартальф приземлился на бульвар перед зданием. Мы, спотыкаясь, побрели вверх по ступеням.

Дверь охраняли вооруженные противопожарным снаряжением легавые.

— Эй, вы! — Один из них преградил нам дорогу. — Куда вы направляетесь?

— На совещание, — Джинни пригладила волосы.

— Вот как? — Полицейский взглянул на меня. — Одет и неправду для совещания... Все, что творилось этой ночью... — Хотел полицейского переполнил чашу терпения. Я превратился в волка и тряхнул легавого за штаны. Он замахнулся дубинкой, но Джинни превратила его в маленького боа-констриктора. Я снова превратился в человека и предоставил копам самим решать возникшие у них проблемы. Мы прошли в зал.

Зал совещания преподавательского состава был набит битком. Мальзус собрал всех своих профессоров. Мы вошли, и я сразу же услышал его звучный голос:

— Позор! Власти не захотели прислушаться к моему мнению. Джентльмены! Город выступил против университета! Мы обязаны защищать честь...

Мальзус замигал, увидев меня и Джинни со Свартальфом. Его лицо приобрело пурпурный цвет, когда он заметил мои голые колени, торчащие из-под пальто. Да, должно быть, смотрелся я впечатляюще. Пальто с норковым воротником и щетинистый подбородок...

— Мистер Матучек!!!

— Он со мной, — отрывисто бросила Джинни. — Пока вы тут заседаете, мы сражались с саламандрой.

— Возможно, чтобы ее победить, требуется нечто большее, чем мускулы, — улыбнулся доктор наук Алам Аберкромби. — Даже больше, чем мускулы волка. Как я вижу, мистер Матучек остался без штанов в самом прямом смысле этого слова...

Джинни холодно глянула на него:

— Я полагала, что ты руководишь гидрой...

— О, у нас уже достаточно специалистов, чтобы использовать одновременно трех водяных Духов, — сказал Аберкромби. — Рутинная работа. Я понял, что мое место здесь. Скоро мы без труда справимся с пожарами.

— А саламандра тем временем запалит новые, — отрезала

Джинни. — И с каждым пожаром она делается все сильнее и сильнее... пока вы здесь сидите и разглагольствуете.

— Ну, моя дорогая, спасибо на добром слове, — он рассмеялся.

Я до боли стиснул зубы. Джинни в ответ на смех улыбнулась. Улыбнулась на самом деле.

— К порядку! К порядку! — гудел президент Мальзус. — Мисс Грейлок, садитесь, пожалуйста. Хотите ли вы что-нибудь добавить к дискуссии?

— Да. Теперь я понимаю, что представляет собой саламандра.

Она заняла место за дальним концом стола. Это был последний свободный стул. Так что мне пришлось с несчастным видом болтаться на заднем плане. Ах, если бы на ее пальто было больше пуговиц!

— Так вы знаете, как ее можно уничтожить? — спросил профессор алхимии Линден.

— Нет, но я поняла ее образ мышления.

— Нас больше интересует, как ею можно управлять, — скривился Линден. — Как мы можем, наконец, от нее избавиться? — Он прочистил горло. — Очевидно, прежде всего нам нужно понять, какой процесс позволяет ей быстро передвигаться.

— Ну, это просто, — пыхнул трубкой Грисволд.

Его голос был заглушен басом Линдена:

— Процесс, в основе которого лежит, конечно, общеизвестное свойство взаимодействия огня со ртутью. Поскольку, в сущности, в наши дни в каждом доме есть, по меньшей мере, хоть один термометр...

— При всем моем уважении, дорогой сэр, — прервал его астролог Витторио, — должен сказать, что вы говорите сущий вздор. Дело просто в том, что Меркурий и Нептун, совпав с созвездием Скорпиона...

— Вы не правы, сэр, — возразил Линден, — крайне не правы!

— Давайте справимся в «*Arg Thaumaturgica*»...

Он пошарил руками в поисках книги, но та куда-то пропала.

Чтобы найти книгу, алхимику пришлось пропеть адаптированный вариант заклинания, используемого племенем добу при поисках бататов.

А Витторио тем временем вопил:

— Нет, нет и нет! Совпадение со Скорпионом, если учесть, что им противостоит Уран в своем восхождении, что я могу легко доказать... — он подскочил к доске и принялся чертить на ней диаграмму.

— Ну вот, поехали! — вмешался метафизик Джаспер. — Не понимаю, как вы оба можете так ошибаться! Как было доказано мной в докладе, прочитанном на последней конференции «Тройственных англосаксов», внутренняя природа матрицы...

— Это было опровергнуто еще десять лет назад! — закричал Линден. — Средство...

— Ding an sich...

— Уран...

Я украдкой подобрался к Грисволду и дернул его за рукав. Он последовал вслед за мной в угол зала.

— Ладно, как же действует эта окаянная тварь? — спросил я.

— В основном ответ дает квантовая механика, — прошептал он. — Согласно принципу неопределенности Гейзенберга, существует определенная вероятность нахождения фотона в какой-либо точке пространства, чтобы изменить свои пространственные координаты обычного дифракционного процесса. Наблюдается пси-переход. В результате саламандра переходит от точки к точке, не пересекая разделяющее пространство и не появляясь в нем. Это очень напоминает скачок электрона, хотя, если быть точным, аналогия не совсем корректная, ибо меняется влияние...

— Ладно, это неважно, — вздохнул я. — Наш разговор делается чуточку беспорядочным. Не лучше ли нам...

— Заняться первоначально поставленной целью, — согласился подошедший к нам Аберкромби.

Вместе с ним к нам присоединилась Джинни.

Тем временем Линден успел подбить глаз Витторио, а Джаспер забрасывал их обоих кусками мела.

Наша оставшаяся вне схватки группа отошла поближе к двери.

— Я уже нашел ответ, — сказал Аберкромби. — Но мне нужна помощь. Волшебство трансформации. Мы превратим саламандру во что-то иное, с чем мы можем легко справиться.

— Это опасно, — возразила Джинни. — Понадобятся действительно сильные заклинания, а это такая вещь, что результаты могут оказаться обратными. Что тогда случится, предсказать невозможно.

Аберкромби выпрямился и уставился на нее с благородной болью:

— Ради тебя, моя дорогая, я готов встретить любую опасность...

Она посмотрела на него с восхищением.

Меня всего скрутило.

— Пойдем, — сказала она, — я тебе помогу.

Грисволд схватил меня за руку:

— Не нравится мне это, мистер Матучек, — поведал он. — Искусство трансформации слишком ненадежно. Должен, наверное, существовать какой-то иной метод, основанный на законах природы. На законах, которые можно было бы выразить качественно.

— Да, — печально сказал я. — Но что это за метод?

Я пошел к сблизившимся над книгами головам Джинни и Аберкромби. Рядом вышагивали Грисволд и Свартальф, сердито мотающий хвостом. Профессора ничего не замечали, они были слишком заняты собой.

Мы вышли и проследовали мимо полицейских. Копы были злы, как черти, но остановить нас не посмели — мы их хорошо запугали.

На химическом факультете были все необходимые нам вещества. Мы вошли в отозвавшуюся эхом темноту.

Вот и наша цель. Лаборатория первого курса. Длинная комната, рабочие столы со скамьями, полки и тишина. Грисволд включил свет.

Аберкромби осмотрелся:

— Так, нам придется затащить саламандру сюда. Она обязательно должна быть здесь, иначе мы ничего не сможем сделать.

— Действуй и будь наготове, — сказала Джинни Аберкромби. — Я знаю, как заманить сюда эту бестию. Небольшая трансформация.

Она подготовила пробирки, заполнила их различными порошками и нацарапала на полу символы. Уже были подготовлены к работе увенчанные шарами волшебные палочки.

— Что вы надумали? — спросил я.

— Ох, не пугайся под ногами! — вскрикнула Джинни.

Я сказал себе, что это вызвано просто слабостью и отчаянием. Но все равно было обидно.

— Мы используем тщеславие саламандры. Я приготовлю ракеты для фейерверка. Выпустим все это в воздух, и, естественно, она явится продемонстрировать, что способна сотворить еще более эффектные штучки.

Грисволд и я забились в угол. Начинаясь большая игра. Если честно, мне было страшновато. Костлявые колени крошки-ученого стучали друг о друга, выбивая марш. Даже Джинни... Да, на ее гладком лбу выступили бусинки пота. Если задуманное удастся, мы, вероятно, приговорены. С нами покончит либо саламанд-

ра, либо непредвиденная отдача заклинания. И вообще неизвестно, не сделалась ли тварь слишком большой, чтобы ее удалось трансформировать.

Подготовив свою пиротехнику, ведьма подошла к раскрытому настежь окну и высунулась наружу. Голубые и красные шары, рассыпая потоки искр, с шипением унеслись в небо и там взорвались.

Аберкромби закончил чертить свои диаграммы. Улыбаясь, обернулся к нам:

— Прекрасно! Все под контролем. Я обращаю энергию саламандры в материю. Как вам известно, Е равняется МС в квадрате. Матучек, зажгите бронзовую горелку и поставьте на нее мензурку с водой. Грисволд, выключите свет и включите поляроидные лампы. Нам понадобится поляризованное излучение.

Мы повиновались, хотя мне неловко было смотреть, как старый заслуженный ученый исполняет обязанности лаборанта при этом паяце.

— Вы полностью убеждены, что это сработает? — спросил я.

— Разумеется! — Он улыбнулся. — У меня есть опыт. Во время войны я был в интендантском корпусе.

— Так, — сказал я, — но одно дело — превратить грязь в солдатские пайки, а другое — трансформировать это чудовище!

Мне вдруг сделалось тошно. Я вспомнил, как он напортил с гидрой. Я понял правду. Аберкромби был так самоуверен и ничего не боялся только потому, что знал слишком мало!

На минуту я буквально оцепенел. Грисволд ковырялся в каких-то приборах. В былые дни он, кажется, использовал их, когда проводил с первокурсниками эксперименты. Он пытался научить их обращаться с химическим оборудованием. Боже, это было так давно, кажется, миллион лет назад...

— Джинни! — Я, спотыкаясь, кинулся к окну, возле которого стояла Вирджиния. За окном в воздухе зависла радуга. — Господи, дорогая, остановись...

Грянул гром, и в комнате появилась саламандра. Полуослепший, я отшатнулся назад.

Ужасающе выросшая саламандра заполняла всю противоположную часть лаборатории.

Поверхности столов и стульев начали дымиться.

— Ах так! — от огня чуть не лопнули барабанные перепонки.

Свартальф взвился на верхнюю полку и опрокинул на паразитку бутылку с кислотой. Она этого не заметила.

— Та-ак! Маленькие влажные букашки, вы пытались превзойти меня!

Аберкромби и Джинни подняли свои волшебные палочки и выкрикнули несколько коротких слов. Заклинание трансформации.

Припав к полу в углу, я пытался хоть что-нибудь разглядеть сквозь клубы вонючего пара. И увидел: Джинни пошатнулась, а затем, спасаясь, отпрыгнула в сторону. Она явно поняла, что результат оказался не тот, которого ожидали.

Раздался дробящий все взрыв, в воздух полетели осколки стекла...

Меня прикрывало тело Грисволда, и волшебство всего лишь превратило меня в волка. Джинни стояла позади скамейки на четвереньках. Она была почти без сознания, но невредима. Благодарение, вечное благодарение охраняющим нас Силам! Невредимая...

Свартальф... на полке тявкал пекинес. Аберкромби исчез. Зато к двери мчался, скуля, шимпанзе в твидовом костюме.

На пути обезьяны грохнул взрывом огненный шар. Она завертелась, завизжала и отскочила от поднявшихся клубов пара. Саламандра изогнула спину и заревела.

Это она смеялась.

— Так вы хотели испробовать свои штучки на мне? Всемогущей, Ужасной, Прекрасной?! Ну, вы попрыгаете... как вода на раскаленной сковородке! И я, я — та сковородка, на которой вы будете поджариваться!

Почему-то речь саламандры, отдающая низкопробной мелодрамой, не казалась нелепой. Это была обладающая детским разумом, хвастливая, бесчувственная, алчная тварь, которую выпустили на Землю, чтобы она обратила в пепел и дома человека, и самого человека.

Оказавшись под поляризованным светом, я вновь превратился в человека и вскочил на ноги. Грисволд открыл водопроводный кран и, прижав струю воды пальцем, направил ее на саламандру. Саламандра раздраженно зашипела. Что ж, вода по-прежнему вредила ей, но потушить саламандру мы не могли, у нас было слишком мало жидкости. Теперь для этого понадобилось бы целое озеро.

Голова саламандры качнулась. Она разинула пасть, целясь в Грисволда, идохнула огнем.

«Суета сует...»

Я перекатился к бунзеновской горелке, на которой кипела

никому не нужная мензурка. Глаза Джинни блеснули сквозь упавшую на лоб обгорелую челку. От жара перед глазами все плыло, с меня потоками лил пот. Нет, не было у меня никакого озарения, мною руководил голый инстинкт и беспорядочно кувыркающиеся воспоминания.

— Убей нас! — крикнул я. — Убей, если смеешь! Наш слуга более могущественен, чем ты. Он разыщет тебя на краю света!

— Ваш слуга? — Взвились языки пламени.

— Да... Я всерьез говорю! Да, наш слуга: огонь, который не боится воды!

Зарычав, саламандра немного отступила. Она еще не настолько окрепла, чтобы страшное имя Воды не заставило ее колебаться.

— Покажи мне его! — она дрожала. — Покажи... Я посмею...

— Наш слуга... маленький, но очень могущественный, — скрежетал я. — Он ярче и прекраснее тебя! И ему не страшна стихия Воды! — Я, шатаясь, добрался до банки, где лежали обломки металла. Щипцами вытащил пару кусков. — Осмелишься ли ты посмотреть на него?

Саламандра рассвирепела:

— Осмелюсь ли я? Спроси лучше, посмеет ли он сравниться со Мной?

Я глянул искоса. Джинни поднялась на ноги. Она уже схватила свою палочку, глаза ее сузились.

Тишина повисла в комнате, словно в ней сконцентрировалась тяжесть всего мира. И пропали, сгладились все оставшиеся на свете звуки — и треск огня, и невнятное обезьянье бормотание Аберкромби, и негодующее твяканье Свартальфа. Щипцами я взял узкий и длинный кусок магния, затем поднес его к пламени горелки.

Металл вспыхнул голубовато-белым пламенем. Я отвернулся. Глаза не выдерживали ослепительного фиолетового сияния. Даже саламандра сверкала менее ярко. Зверюга было попыталась сравниться с ним, но этот подвиг был ей не под силу... Она отпрянула.

— Смотри! — Я еще выше поднял пылающий кусок.

Из-за спины донеслось быстрое бормотание Джинни:

— О, Индра, Абадонна, Люцифер...

Детский разум, не способный охватить более одного объекта в один промежуток времени... но как долго протянется этот промежуток? Я должен полностью владеть вниманием, нам нужно всего две минуты.

— Огонь... — саламандра была обеспокоена. — Всего лишь еще один огонь. Крохотная часть породившей меня силы.

— Способна ли ты на подобное чудо?

Я сунул кусок в мензурку. Из воды вырвался клуб пара. Вода зашипела, пошла пузырями. Но металл продолжал гореть.

— ...abire ex orbis terrestris¹...

— Реакция магния с водой дает оксид магния и водород... — благоговейно шептал Грисволд.

— Это какой-то фокус! — завизжала саламандра. — Это невозможно, если этого не могу даже Я! Нет!

— Оставайся там, где стоишь! — гаркнул я в лучших армейских традициях. — Ты все еще сомневаешься, что мой слуга достигнет тебя всюду, где бы ты ни скрылась?!

— Я убью это маленькое чудовище!

— Вперед, подруга! — согласился я. — Не хочешь ли устроить поединок на дне океана?

В поднятый нами шум вплелись пронзительные свистки. В окнах появились полицейские.

— Я вам покажу! — рев едва не перешел в рыдание.

Толкнув сперва Грисволда, я нырнул под лавку. На то место, где я стоял, обрушился фонтан пламени.

— Цып, цып, цып! — звал я. — Все равно не сможешь поймать меня! Ты же боишься, кошка драная!

Свартальф кинул на меня негодующий взгляд.

Пол затрясся, когда Дух кинулся на меня. Саламандра не огибала столы и скамейки, а просто прожигала себе дорогу сквозь них. Раскаленный жар вцепился в меня, впился когтями в глотку. Извиваясь, я катился во тьму.

И все кончилось.

Джинни вскрикнула с триумфом:

— Amen!

И в опустевшем воздухе грохнул разряд грома.

Пошатываясь, я встал на ноги. Джинни рухнула мне на руки. В лабораторию полезла полиция. Грисволд проверещал, что нужно позвонить в департамент Огня и Пожаров, пока все здание не обратилось в дым.

Свартальф соскочил с полки. Он забыл, что пекинесам не присуща кошачья ловкость. В итоге в его выпученных глазах закипело глубокое и праведное негодование...

¹ ...Выйти из круга земного... (лат.).

ГЛАВА 12

Снаружи, на бульваре, было прохладно. Мы сидели на росистой траве. Я смотрел на луну и думал о том, как это здорово — жить!

Нас разделяли чары постановления, но лицо Джинни светилося нежностью. Мы едва ли обращали внимание на тех, кто бежал мимо, крича, что саламандра исчезла. Мы почти не слышали трезвона церковных колоколов, возвещавших новость людям и небу.

Пробудил нас своим лаем Свартальф.

Джинни тихо рассмеялась:

— Бедняга! Как только смогу, сразу же превращу его обратно. Но сейчас у меня более неотложные дела. Идем, Стив.

Грисволд, убедившийся, что его бесценная лаборатория в безопасности, следовал за нами, тактично сохраняя дистанцию. Свартальф остался на месте. Полагаю, что у бедняги попросту отнялись лапы. Его слишком потрясла мысль о том, что есть дела более важные, чем превращение его в кота.

Доктор Мальзус встретил нас на полдороге, как раз под одним из фонарей Святого Эльма. В лунном свете его лицо казалось белым. Пенсне блесло.

— Моя дорогая мисс Грейлок! — начал он. — Неужели вы в самом деле отвели от общества нависшую над нами угрозу? Ваши действия в высшей степени заслуживают внимания. В славные анналы этого славного заведения, в котором я имею честь быть президентом...

Подбоченясь, Джинни обернулась к нему и пригвоздила на месте ледяным взглядом, с каким он наверняка никогда не сталкивался.

— Похвалы следует адресовать мистеру Матучеку и доктору Грисволду. Так и передайте прессе. Не сомневаюсь, что у вас возникнет желание выделить ассигнования на имеющие громадное значение исследования доктора Грисволда.

— Ох, но, право... — заикаясь, начал ученый, — я не...

— Замолчите, вы, простофиля! — шепнула Джинни. И громко: — Лишь благодаря проявленной им смелости и дальновидности, лишь благодаря его приверженности к основополагающим современным теориям, глубокому знанию законов природы... Мальзус, остальное вы сможете добавить сами. Если вы и

далее будете держать возглавляемый доктором Грисволдом отдел на голодном пайке, думаю, это не добавит вам популярности.

— О... действительно... в конце концов... — президент расправил плечи. — Я уже собирался внимательнейшим образом обсудить высказанную вами идею. Точнее, она будет рекомендована к утверждению на ближайшем заседании правления.

— Я поддержу вас в этом, — сказала Джинни. — Далее — это дурацкое правило, ограничивающее отношения преподавателей и студентов... Мистер Матучек в недалеком будущем станет моим мужем и...

Вот это да! Я аж задохся от неожиданности.

— Дорогая мисс Грейлок, — забрызгал слюной Мальзус. — Правила приличия, пристойность... вы хотя бы взгляните на его внешний вид!

Я с ужасом понял, что в суматохе каким-то образом потерял пальто Джинни.

Появились двое легавых, они тащили кого-то волосатого, бьющегося в их руках... Третий нес свалившуюся с шимпанзе одежду.

— Простите, мисс Грейлок, — это было сказано чрезвычайно почтительным тоном. — Мы нашли эту потерявшуюся обезьяну и...

— Ах да, — Джинни рассмеялась. — Нам придется вернуть ей прежний облик, но не прямо сейчас. Стиву эти брюки нужнее.

Я нырнул в штаны, словно змея в нору.

Джинни обернулась с ангельски сладкой улыбкой к Мальзусу.

— Бедный доктор Аберкромби, — вздохнула она, — вот что бывает, когда имеешь дело со сверхъестественными силами. Полагаю, сэр, что у вас нет правил, запрещающих представителям профессорско-преподавательского состава проводить исследования?

— О нет, — сказал президент дрожащим голосом. — Разумеется, нет. Наоборот, мы надеемся, что наши сотрудники в своих публикациях...

— Ну, конечно, полагаю, что наиболее интересные исследовательские проекты предусматривают изучение трансформации. Допускаю, что это немного опасно. Волшебство трансформации может привести к нежелательным результатам, как это случилось с доктором Аберкромби.

Джинни оперлась на свой магический жезл, задумчиво глядя куда-то вдаль.

— Может случиться... да, есть вероятность, что в обезьяну

превратитесь вы, дорогой доктор Мальзус. Или, например, в червяка. В длинного скользкого червяка. Но мы не позволим, чтобы эти обстоятельства препятствовали развитию науки. Не так ли?

— Что?! Но...

— Естественно, — мурлыкала ведьма, — если бы мне предоставили возможность общаться с моим женихом так, как мне хочется, то у меня не было бы времени на подобного рода исследования.

Чтобы признать поражение, Мальзусу пришлось потратить лишних пятьдесят слов. Покосившееся величие — он не сдавался до тех пор, пока над студенческим городком не погас последний отблеск фонаря.

Джинни неторопливо скользнула по мне взглядом:

— Правило не может быть официально отменено вплоть до завтрашнего утра, — шепнула она. — А тогда... ты сможешь пропустить несколько лекций?

— Ки-ки-ки! — проверещал доктор Алам Аберкромби.

Но тут появился негодующий Свартальф и загнал его на дерево...

ГЛАВА 13

Сейчас — короткая интермедия. Первый учебный год для нас закончился. Джинни гордилась моими сплошными пятерками по шаманистике и математическому анализу. Она помогала мне, когда возникали сложности с колдовскими языками (а Грисволд — по электронике). Поскольку мы решили сыграть свадьбу в июне, Джинни пришлось кое-что изменить в своих учебных планах.

Вы спросите — как высокооплачиваемая нью-йоркская ведьма могла сохранить невинность? Конечно, у Джинни был огненный темперамент. Приобрела она и своего рода опыт. Однако специализировалась она в тех областях Искусства, где, помимо упрямой верности и чистоты характера, требуется также и девственность. Естественно, что специалистки такого рода оплачиваются соответственно. А теперь моей девочке, которая соединила в себе лед и пламень, придется сделаться всего лишь еще одной новобрачной. Ну и что из этого? Не пройдет и года, как она приобретет необходимые знания и с лихвой возместит, что утратила при замужестве.

Мы не могли скрыть от средств массовой информации нашу роль в тушении саламандры. Но Мальзус, оглушительно трубящий, что университет спас этот прекрасный городок от гибели, всячески старался с нами подружиться. И с его помощью мы ухитрились сбить газетчиков с толку. Так что скоро общественность перестала нами интересоваться.

Грисволд чуть не тронулся, получив ассигнований больше, чем он, по его мнению, заслуживал.

Заодно его возмущало, что мы получили меньше, чем заслуживали.

Это продолжалось до тех пор, пока он не узнал, что деньги нам необходимы лишь для того, чтобы остаться наедине. Кроме того, нам хотелось быть уверенными, что правило, касающееся свиданий, так и останется аннулированным. И что наша жизнь в «Трисмегисте» останется сносной и в прочих отношениях.

Так что пришлось заключить с Мальзусом молчаливое соглашение о сотрудничестве: в свою очередь мы должны были не дать налепить на него клеймо труса и, напротив, способствовать восстановлению его чувства собственного достоинства.

Вот так протекли зима и весна. Все было чудесно и изумительно.

Я мог пропустить весь этот период, но не могу удержаться, чтобы не остановиться на... на, по крайней мере, одном моменте.

— Нет, — сказал я партнеру и другу моей невесты. — Медовый месяц мы проведем без тебя.

Он прижал уши и возмущенно сказал:

— Фрр-мяу!

— Ты прекрасно проживешь в этой квартире. Управляющий обещал кормить тебя каждый вечер. В то время, когда он ставит молоко для домашнего. И не забывай, на домашнего охотиться нельзя! Ты делал это уже три раза подряд, когда мы с Джинни уходили обедать. После последнего случая добрый народец превратил наш мартини в сладкую воду.

Свартальф сверкнул желтыми глазами и принялся хлестать себя по бокам хвостом. Да, в самом деле — как прикажете коту обходиться с теми, кто величиной с мышь и бегаёт, как мышь? Естественно, с ними будут обходиться как с мышами.

— Он будет приходить сюда, чтобы стирать пыль и менять тебе песок, — напомнил я самым непреклонным тоном. — Захочешь подышать свежим воздухом — пожалуйста. В любую мину-

ту бери метлу и лети в дымовую трубу. Но домовый неприкосновенен — запомни это, прохвост! И если я, вернувшись, узнаю, что ты гонялся за ним, то превращусь в волка и загоню тебя на дерево, понял?

Свартальф еще раз мотнул хвостом и вызывающе задрал его кверху. В комнату вошла Вирджиния Грейлок, которая несколько часов назад (до сих пор не верится!) стала миссис Матучек. Я увидел ее: высокую, изящную, тонкую, в белом платье, увидел ее прекрасное лицо и облако рыжих волос, падающих на плечи. Ее голос звучал слаще симфонического оркестра. Я даже не сразу понял, что она сказала, так что ей пришлось повторить:

— Дорогой, ты абсолютно уверен, что мы не можем взять его с собой? Это такое испытание для его нервов!

Я очухался достаточно, чтобы ответить:

— У него нервы из оружейной стали. Все прекрасно, но он непременно хочет спать с нами в одной постели... Когда мы вернемся — еще куда ни шло, но если во время медового месяца у меня на животе будет спать кот весом в пятнадцать фунтов... Кроме того, что еще хуже, он предпочитает твой живот...

Джинни залилась румянцем:

— Будет непривычно и странно, если я, после стольких лет, останусь без него. Он мой близкий друг. Если он обещает вести себя хорошо...

Свартальф, успевший забраться на стул, терся о ее бедро и мурлыкал. Мне захотелось сделать то же самое. И все же я был намерен твердо стоять на своем.

— Он не способен вести себя хорошо. К тому же он тебе не понадобится. Мы же собирались забыть обо всем на свете, так ведь? Я не буду штудировать никаких текстов, не стану навещать моих товарищей-оборотней. Мы даже не посетим семейство койотов-оборотней из Акапулько, которые нас приглашали в гости. Ты не собираешься заниматься колдовством и посещать шабаши. Мы с тобой будем вдвоем, и я не хочу, чтобы твоя мохнатая штучка... — я моментально осекся.

Но Джинни не заметила. Она лишь вздохнула и, кивнув, принялась печально гладить кота.

— Хорошо, дорогой, — сказала она. Но тут в ней пробудилась былая строптивая ведьма, и она ехидно заметила: — Что, решил сделаться главой семьи? Ну что ж, поиграйся, пока вольный!

— Я позабочусь о том, чтобы так было всегда! — заявил я.

Она вздернула голову:

— Всегда? — Потом поспешно добавила: — Ну ладно, нам пора. Вещи уже собраны.

— Что ж, супруга, поехали! — согласился я.

Она показала мне язык.

Я погладил Свартальфа:

— До свиданья, дурачок. Надеюсь, ты не в обиде?

Он легонько куснул мою руку, заявив тем самым обратное.

Джинни крепко обняла его, затем схватила меня за руку и торопливо повлекла к двери.

Дом, в который нам предстояло потом вернуться, находился вблизи «Трисмегиста». Наша квартира находилась на третьем этаже. Состоявшаяся утром свадьба была тихой и скромной. Несколько друзей в церкви, потом завтрак дома у кого-то из них. А затем мы сказали им: «До свидания». Нью-йоркские родственники Джинни и мои — в Голливуде — были богаты. Они скинулись и подарили нам персидский ковер. Подарок нас несколько потряс, но каким новобрачным не хочется роскоши?

Ковер лежал на лестничной площадке под лучами солнца, его краски пылали. На заднем краю громоздился багаж. Мы уютно уселись бок о бок на подушках из полимеризованной морской пены. Джинни прошептала слова команды. Ковер двинулся так плавно, что я и не заметил, как мы поднялись в небо. Ковер уступал в скорости спортивной модели помела, но триста драконовых сил вынесли нас из города за считанные минуты.

Под нами разворачивались бесконечные равнины Среднего Запада. Здесь и там, словно серебряные ленты, блестили реки. Мы неслись, и порывы ветерка не проникали за защитный экран. Джинни выскользнула из платья. Она была одета только солнцем, и теперь я понял теорию защитного переноса. Отсутствие чего-то имеет столь же реальное значение, как и наличие.

Мы летели на юг и купались в солнечном свете. Когда наступили сумерки, мы остановились и поужинали в очаровательном ресторанчике. Нам не хотелось останавливаться в помело-отеле, и мы полетели дальше.

Ковер был мягкий, толстый и уютный. Я хотел было поднять откидной верх, но Джинни сказала, что, если мы спустимся пониже, там будет теплее. И она оказалась права.

Небо было усеяно звездами. А потом встала большая желтая луна, и в ее свете половина звезд растаяла. Воздух был наполнен шепотом, внизу простиралась темная земля, и мы слышали, как звенит дружный хор кузнечиков. И все, что будет потом, нас не интересовало...

ГЛАВА 14

Я знал, куда нам надо. Мой фронтовой друг, Хуан Фернандес, нашел хорошее применение приобретенным в армии знаниям. Он служил в секции пропаганды и создал там немало превосходных сценариев. Теперь он готовил уже не насылаемые на врага кошмары, а сонные серии.

Передачи пользовались популярностью, и заказчики хорошо платили Хуану. По сути, все любили Хуана, если не считать психоаналитиков. Теперь, когда научные исследования привели к созданию противомагической техники, психоанализ устарел. Хуан в прошлом году соорудил в стране своих предков дачный домик. Домик был выстроен почти на самом побережье Соноры — это одно из наиболее красивых мест Мидгарда.

Фернандес пригласил меня сюда на этот месяц, и мы с Джинни запланировали на этот срок нашу свадьбу.

В полдень следующего дня мы пошли на посадку. К западу от нас сиял лазурью Калифорнийский залив. Выглаженная прибоем широкая полоса песчаного пляжа, громоздившиеся ярус за ярусом утесы и, наконец, вся разворачивающаяся к востоку страна — сухая, неподвижная, жутковатая... А наш домик, возвышающийся над склоном, был окружен зеленью.

Джинни захлопала в ладоши:

— О, я никогда бы не поверила, что такое возможно!

— Вы, жители восточных штатов, не знаете, как велика наша страна.

Я был полон самодовольства.

Она заслонила от слепящего солнца и указала:

— А что там такое?

Я не мог оторвать глаз от ее руки, поэтому пришлось просто вспомнить. Над утесами, примерно в миле к северу от нашего домика и на несколько футов выше, виднелись полуразрушенные стены, окруженные грудями камней. В северном углу хмуро встречала ветер башня, торчащая обломанным зубом.

— Ла-Форталеза, — сказал я. — Построена испанцами в семнадцатом веке. Какого-то дона осенила идея разбогатеть, разрабатывая этот край. Он воздвиг замок в качестве опорного пункта и резиденции. Привез жену из Испании. Но дела у него не заладились, и замок вскоре оказался покинутым.

— Давай обследуем его!

— Хорошо, если тебе хочется.

Джинни положила руку мне на плечо:

— Стив, почему у них не заладились дела? Что им помешало?

— Да не знаю. Я не особенно интересовался Форталезой. Даже будучи человеком, я ощущал там что-то враждебное. Однажды, приняв волчий облик, я отправился туда после наступления темноты, и... это было омерзительно. Причем ощущалось не столько физически, сколько... А, не будем об этом.

— Испанцы в те времена обращали туземцев в рабство, — сказала она задумчиво, — не так ли? Вообрази, сколько человеческих смертей повидал этот замок! И смерть оставила на нем свой след. Но это было давным-давно. Мы осмотрим его. Руины очень живописны и выглядят отсюда потрясающе. Если тебя действительно беспокоят привидения...

— Дорогая, забудем об этом! Я не подвержен суевериям!

И мы поселились в домике, действительно забыв об этом.

Дом был построен в испанском стиле — белые стены под красной черепичной крышей окружали внутренний дворик, где весело играл фонтан. Дом был окружен садом. Зелень травы и листьев, красный, белый, пурпурный, золотой узор цветочных клумб завершал красоту дома. Мы были совершенно одни. Почва была насыщена Землей и Водой — следовательно, в уходе не нуждалась. Две другие стихийные силы кондиционировали в доме воздух. Кроме того, чистота там тоже поддерживалась волшебными силами (дорогостоящее это удовольствие — заклинание чистоты!).

Поскольку Джинни временно выбыла из магической деятельности, она приготовила завтрак по-мексикански из привезенных нами припасов. Она была так прелестна в шортах, купальнике и переднике с оборочками, что у меня не хватило духу вылезти с предложениями поучить ее готовить. Когда грязная посуда сама собой полетела на кухню, Джинни радостно взвизгнула. И на всякий случай пошла следом — вдруг какая-нибудь из тарелок захочет упасть вместо воды на пол.

— Это самая современная посудомойка, о которой я когда-либо слышала! — воскликнула Джинни.

Во второй половине дня у нас было много свободного времени, и мы отправились купаться в прибое. Когда солнце село, мы вскарабкались по желтой скале обратно. Эта скала была как лестница, ведущая в небо. Мы проголодались, и я поджарил на углях бифштексы. Во время еды мы молчали. Потом ушли в патио и оттуда, сидя на сбитых из досок стульях, любовались морем и держались за руки, и звезды высыпали на небо, чтобы приветствовать нас.

— Давай, когда взойдет луна, сменим кожу на шкуру и чуть порезвимся, — предложил я. — Из тебя выйдет очаровательная волчица. Я бы, гм... ну, неважно!

Она покачала головой:

— Я не могу, Стив, дорогой.

— Ты наверняка сможешь! Конечно, понадобится пустить в ход волшебство, но...

— В том-то и дело. У тебя человеко-волчьи гены. Все, что тебе нужно для изменения, — это поляризованный свет. Но для меня изменение означает большую трансформацию и... Не знаю. Я чувствую, что не смогу этого сделать. Даже не могу сейчас вспомнить формулы. Вообще ничего не могу вспомнить. Все, что я знала, смешалось и улетучилось даже в большей степени, чем я ожидала. Мне придется заново пройти курс обучения по самым элементарным вещам. А сейчас... меня может изменить только профессионал.

Я вздохнул. Ведь я надеялся, что мы вместе превратимся в волков. Нельзя по-настоящему узнать мир, обладая только человеческими чувствами и разумом, не используя ощущения, присутствующие зверю. А ведь Джинни, разумеется, часть этого мира... Что ж!

— О'кей, — сказал я. — Тогда сделаем это позднее, когда ты вновь станешь специалистом.

— Конечно. Мне очень жаль, дорогой. Но если хочешь пробежаться в волчьем облике сам — беги.

— Без тебя — нет.

Она тихо рассмеялась:

— А вдруг у тебя появятся блохи?

Затем наклонилась, чтобы укусить меня за ухо.

И тут мы услышали шаги.

Я вскочил на ноги. То, что я бормотал при этом, особым гостеприимством не отличалось. Под бархатным небом, по тропинке, змеей уходящей в глубь страны, к нам приближалась какая-то тень.

«Что за черт, — подумал я. — Кто-то из расположенной отсюда в десяти милях деревни? Но...»

Когда я человек, мой нос очень нечуток по моим же волчьим стандартам, но запах, который я уловил, мне не понравился. Не то чтобы это был неприятный запах. Наоборот, от его острого аромата полускрытое сумерками лицо Джинни сделалось еще прекраснее. И все же что-то во мне противилось.

Я шагнул навстречу входившему в патио незнакомцу. Он был среднего для мексиканца роста, то есть ниже меня. Вдобавок он

двигался так грациозно, что производил шума меньше, чем струйка дыма, и я подумал: «Может, это ягуар-оборотень?» Его гибкое тело было облачено в безукоризненно белый костюм. Сверху — темная накидка, лицо затенено широкой шляпой. Пришелец снял шляпу и поклонился. Лицо его оказалось в луче падающего из окна света.

Я никогда не встречал такого красивого человека. Выступающие скулы, греческий нос, заостренный подбородок, широко расставленные глаза с зеленоватым оттенком, в которых прыгали золотые искры. Кожа блее кожи моей жены плюс гладкие, светлые, пепельного оттенка волосы. Мексиканец ли это? Скорее, последний представитель некогда существовавшей, а теперь нацито забытой расы.

— Buenos noches, senor, — грубовато сказал я. — Pardon, pero no hablamos Espanol¹.

Это была не совсем правда, но мне не хотелось разводить вежливую болтовню.

Я не мог сказать, был ли ответивший мне голос тенором или контральто, но в любом случае в нем звучала музыка:

— Поверьте мне, добрый сэр, я владею всеми языками, какие мне могут понадобиться. Молю, простить меня, но увидев издали, что дом освещен, я взял на себя смелость предположить, что вернулся его хозяин. И я решил навестить его, дабы по-соседски поприветствовать.

Выговор был столь же архаичен, как и построение фраз. Гласные, например, звучали по-шведски, хотя в предложениях отсутствовал присущий шведскому ритм. Сейчас, однако, я был удивлен сказанными словами.

— По-соседски?

— Обстоятельства сложились так, что мы — я и моя сестра — живем в том древнем замке.

— Что? Но... — Я остановился.

Фернандес не упоминал ни о чем подобном, но, с другой стороны, он и сам не был здесь много месяцев. Он купил несколько акров у мексиканского правительства, которому принадлежали и Форталеза, и окружающие земли.

— Вы приобрели этот замок?

— Несколько комнат замка обеспечили нам вполне комфортное существование, сэр, — уклончиво ответил он. — Мое скромное имя — Амарис Маледикто.

¹ Добрый вечер, сеньор. Извините, мы не знаем испанского (*исп.*).

Его рот был так четко очерчен, что было трудно заметить, как полные губы искривились в улыбке. Если бы не запах, бьющий мне в ноздри, я был бы окончательно покорен.

— Вы и ваша леди являетесь гостями сеньора Фернандеса? Добро пожаловать.

— Мы временно поселились в этом доме...

Джинни говорила как-то по-детски, задыхаясь.

Я украдкой бросил на нее взгляд и в желтом, падающем из окна свете увидел, что ее глаза блестят и что она пристально смотрит ему в глаза:

— Нас... Нас зовут Вирджиния... Стивен и Вирджиния Матчек.

С каким-то холодным недоумением я подумал, что новобрачным почему-то кажется, что если они теперь именуется «миссис», то это должно производить впечатление. «Миссис такая-то...» — и с этой уверенности их не сдвинешь.

— Это очень мило с вашей стороны, что вы навестили нас... Пешком в такую даль... Ваша сестра тоже придет?

— Нет, — сказал Маледикто. — И, честно говоря, ей было бы неприятно ваше общество. Весьма вероятно, что ее уязвило бы зрелище такой красоты, как ваша. Ваша красота породила бы у нее тоску и зависть.

Ночь была наполнена ароматами цветов. Над головой, над вершинами острых утесов, сверкали звезды; внизу шумело, окутанное туманом, громадное море. И, как ни странно, речь Маледикто не казалась ни дерзкой, ни надуманной. Я увидел, что Джинни залилась румянцем. Она отвела взгляд от глаз Маледикто. Ее ресницы затрепетали, словно птичьи крылья, и она смущенно ответила:

— Вы так добры. Не хотите ли присесть?

Он снова поклонился и мягко опустился на стул, перелившись, словно вода. Я дернул Джинни за рукав, подтолкнул ее к дому и зашипел с яростью:

— О чем ты думаешь? Теперь этот тип застрянет тут на час, если не дольше!

Она, не обращая внимания на сказанное, стряхнула мою руку с таким гневным жестом, которого я не помнил со времен нашей последней ссоры.

— Не выпьете ли немного коньяка, сеньор Маледикто? — спросила она, улыбнувшись ему своей лучезарной улыбкой. — Я принесу. Или, может быть, хотите сигару? У Стива есть «Префектос».

Я сидел, пока она суежилась внутри дома. Какое-то мгновение я был слишком разъярен, чтобы выговорить хоть слово, но первым заговорил Маледикто:

— Очаровательная девушка, сэр. В высшей степени восхитительное создание.

— Она моя жена! — взорвался я. — Мы приехали сюда, чтобы провести наш медовый месяц в одиночестве...

— О, прошу вас, не подозревайте меня в дурных намерениях! — его самодовольный смех смешался с бормотанием моря.

Он сидел в тени, и я мог разглядеть только нежные, расплывчатые очертания — черное и белое.

— Я все понимаю и не осмеливаюсь испытывать ваше терпение. Не исключено, что позже, когда вы познакомитесь с моей сестрой, вам доставит удовольствие...

— Я не играю в бридж.

— Бридж? А, верно, вспомнил. Это новая карточная игра, — он небрежно отмахнулся. — Нет, сэр, мы ни других, ни себя не должны заставлять делать то, чего они не хотят. И с другой стороны, мы должны прийти с визитом туда, где существует некто, желающий — пусть даже и невысказанно — нашего появления. И теперь я не в силах ответить на вежливое приглашение вашей леди неблагоприятным отказом. Не беспокойтесь, сэр, мой визит продлится очень недолго.

Что ж, как всегда, вежливость смягчает гнев. Маледикто мне по-прежнему не нравился, но теперь я мог анализировать свои мотивы, и моя враждебность по отношению к нему уменьшилась. Ярость превратилась в какое-то громадное неприятное чувство третьего лишнего. Что-то исходящее от него — возможно, его духи — заставляло меня желать Джинни более, чем когда-либо прежде.

Но ярость вновь вспыхнула, когда принеся коньяк Джинни начала вертеться вокруг него. Она щебетала слишком громко и слишком много смеялась и, наконец, принялась настойчиво зазывать его к нам завтра пообедать.

Я угрюмо прислушивался к их беседе. Он говорил гладко, вкрадчиво, остроумно, но ни разу не ответил прямо на касающиеся лично его вопросы. Я сидел и про себя повторял все, что скажу Джинни, когда он уберется.

Наконец он поднялся:

— Не смею больше вас задерживать. Кроме того, дорога на Форталезу проходит по скалам, а я знаком с ней недостаточно

хорошо. Так что для того, чтобы не сбиться с пути, придется идти немедленно.

— Но это может быть опасно! — Джинни обернулась ко мне. — Ты должен проводить его до дома.

— Не осмелюсь позволить себе доставить вам подобное затруднение, — возразил Маледикто.

— Это минимум того, что мы можем для вас сделать. Я настаиваю. Это не займет у тебя много времени, Стив. Ты говорил, что тебе хочется пробежаться в лунном свете? Глянь — луна почти поднялась.

— О'кей! — весьма нелюбезно рявкнул я.

Действительно, на обратном пути я смогу превратиться в волка и несколько сбить свою злость. Если же я попытаюсь с нею спорить прямо сейчас и выскажу все, что чувствую, остаток ночи будет... Это будет уже не ссора, а целый Армагеддон.

— Пойдемте.

Он поцеловал ей руку. Она попрощалась таким нежным, таким дрожащим голоском, словно влюбленная в первый раз школьница.

У Маледикто был фонарик, который бросал на дорогу маленькую прыгающую лужицу света, выхватывая из сгущающейся перед нами темноты то камни, то кусты полыни. Лунное зарево над восточным краем разгоралось все ярче. Я чувствовал, как звенят мои натянутые нервы. Какое-то время мы наискось поднимались по склону. Тишину нарушало лишь поскрипывание наших туфель.

— Вы не побеспокоились взять с собой светильник, сэр, — сказал наконец Маледикто.

Я хмыкнул. С какой стати говорить ему о колдовском зрении? Я также ничего не сказал ему о том, что я волк-оборотень, которому, чтобы переменить обличье, не всегда нужно использовать фонарик.

— Итак, вам придется взять мой, — продолжал он, — в противном случае обратный путь может оказаться чрезвычайно опасным.

Я знал это. Обычный человек был бы подобен слепому на этой тропе — даже при ярком лунном свете. Тропа почти стерлась, разглядеть ее было трудно, и все вокруг сделалось искривленным и заполнилось тенями. Если человек потеряет голову, он будет бродить, сбившись с пути, до самого рассвета или скорее всего свалится в пропасть и разобьет себе череп.

— Я найду за ним завтра вечером, — Маледикто удовлетво-

ренно вздохнул. — Ах, сэр, ваше прибытие сюда — это такое редкое счастье! Новобрачные так переполнены любовью, а Сибели-та томилась, пылая, столь же долго, как и Амарис.

— Ваша сестра? — спросил я.

— Да. Не хотите ли, если вас не затруднит, встретиться с ней этой ночной порой?

— Нет.

Снова воцарилась тишина. Мы спустились в окруженное утесами ущелье. Там было темно, как в утробе. Я уже не видел ничего, кроме тусклого отблеска воды и лунного сияния наверху. В свете холодных и очень далеких звезд я рассмотрел утесы, что возвышались надо мной. Утесы походили на клыки. Казалось, что мы с Маледикто — последние люди на земле, оставшиеся в живых.

Он остановился. Его фонарик вдруг потух.

— Доброй ночи, синьор Матучек! — крикнул он и звонко расхохотался. В его очаровательном смехе звучала злобная радость.

— Что? — Сбитый с толку, я заморгал, всматриваясь в мрак. Тьма сомкнулась вокруг меня. — Что вы имеете в виду, черт побери? Мы еще не дошли до замка!

— Согласен. Отправляйтесь туда, если вы того хотите... и если сможете.

Я услышал, как он отправился по тропинке обратно. Камешки под его ногами уже не хрустели. Шаги были мягкие, быстрые, словно прыжки зверя. Он направлялся к нашему дому.

Мгновение я стоял, словно вылитая из свинца статуя. Я слышал малейшее движение воздуха, шорох полыни. Слышал океан. Затем грохот сердца заглушил все другие звуки.

— Джинни!!! — завизжал я и кинулся вслед за ним. Ноги соскользнули со скалы, я упал, разбив до крови руки. Шатаясь, поднялся. Отвесные утесы и обрывы швырнули обратно мои проклятья. Спотыкаясь, я спустился вниз по откосу, продираясь сквозь кустарники и кактусы. Потом споткнулся обо что-то. Снова упал. На этот раз я ударился головой о булыжник. Удар не был серьезным, но боль пронзила все тело, в глазах взорвались огни, и минуты две-три я лежал без сознания.

ГЛАВА 15

И тогда я почувствовал в ночи чье-то присутствие. Сквозь безнадежность одиночества, что струилась отовсюду и захлестывала мою душу, я различал натянутую струной надежду.

Мой пристальный взгляд скользнул по переходящему в пропасть откосу. За пропастью тускло мерцало море. Рассудок мой большей частью вернулся. Маледикто искусно убрал меня со сцены. Вероятно, и убил бы, не будь моей тренировки, не принадлежи я к особой разновидности homo sapiens. На это он не рассчитывал. У меня было в запасе чуть больше, чем он догадывался. Например, колдовское зрение.

Я пробормотал формулу и почувствовал, как сетчатка глаз изменилась. Теперь я мог видеть на мили. Разумеется, то, что я видел, было нечетким, расплывшимся. Человеческий глаз не может должным образом сфокусироваться в лучах инфракрасного света. Но я начал узнавать местность, затем приблизительно определил путь и помчался к дому.

Было жутко. Я бежал слишком медленно, а Маледикто передвигался с недоступной для человека скоростью.

Над холмами поднималась луна. Было почти полнолуние. Изменение произошло раньше, чем я осознал, что хочу этого. Я не стал останавливаться, чтобы раздеться, — на ходу сорвал с себя одежду и понес ее в пасти. Побывавшая в волчьих челюстях, она тут же превратилась в лохмотья. Остались лишь шорты. Впрочем, в тот момент я об этом не задумывался.

Глаза волка не позволяли видеть далеко. Но обоняние вело меня по собственному следу на утопанной траве.

Вдруг до меня долетела мысль врага. Мысль более ужасная, чем любая боль:

«Успех в моих руках. С третьей попытки... Оба. Он погибнет, а она будет возвращена. Раскаяние сломит ее... Угроза, которая назревала в них, как в грозовой туче, отведена... Наконец-то безопасность...»

Маледикто не смог бы так воздействовать на нее сам — во всяком случае, не так сильно... Не мог сломить ее любовь, гордость, порядочность... Нет, мою девочку вынудил так действовать сам Искуситель...

Я не знал, какое задумано зло. Но мгновенной вспышкой я увидел ее наедине с Маледикто — и это сожгло все остальное: боль, слабость, здравый смысл, даже память о глумящемся наблюдателе. Я взревел от ярости и отчаяния и рванулся вперед.

Мной овладело безумие берсерка. Я не сознавал, что делаю. Несомненно, и это было предусмотрено. Я должен был упасть со скалы и разбиться насмерть. Но полузвериные инстинкты и рефлексы охраняли меня. Думаю, что это было именно так. Внезапно я ощутил, что вымотался. Мне пришлось остановиться. Эта

вынужденная пауза дала возможность рассудку справиться с эмоциями. Я огляделся и не обнаружил ни замка, ни нашего дома.

Затем нашел тропу и ощутил еще один запах. Теперь я знал, что скрывается за непонятым благоуханием Маледикто.

Демон.

Прежде я подобного запаха не встречал, но моему волчьему мозгу не было интересно, к какой разновидности принадлежит демон. В моем тесном черепе оставалось пространство лишь для ненависти и спешки.

В поле зрения появился наш домик. Я прыгнул к патио. Никого не было. Выходящее на море окно спальни было открыто навстречу лунному свету... Он держал ее в своих объятиях. Она еще сопротивлялась, отталкивала его. Но глаза ее были закрыты. Она слабела.

— Нет... — шептала Джинни. — Нет. Помогите, не надо... Амарис, Амарис... — Ее руки коснулись его головы и соскользнули на шею.

Она притянула его лицо. Обнявшись, они упали вниз. Мрак окутал спальню.

Я коротко взвыл, прыгнул и вонзил в него зубы. На вкус его кровь не была похожа на человеческую. Она была как вино, и теперь она горела и пела во мне. Я не посмел укусить его снова. Еще один такой глоток, и я, наверное, лягу, как собака, у его ног и буду просить приласкать меня.

Я пожелал превратиться в человека.

Трансформация заняла не больше времени, чем понадобилось ему, чтобы отпустить Джинни и обернуться ко мне. Хоть он и был удивлен, но рычать мне в ответ не стал. В зыбком лунном свете вырисовывалось его волшебное лицо, в глазах горели золотые искры. Он смеялся.

Я с размаху ударил его в лицо. Гладкая, медлительная плоть человека! Ей ли вступать в битву с быстрой как ртуть жизнью, порожденной Воздухом и Тьмой? Резким, точно вспышка, движением Маледикто отскочил. Его просто не было на прежнем месте. Я врезался в стену и упал. Надо мной звучал его смех.

— Разве сия хныкающая тварь достойна обладать такой милой девицей, как ты? Молви хоть одно слово, Вирджиния, и я пинками загоню его в собачью конуру!

— Стив...

Она съежилась, вжалась в угол. Она не кинулась ко мне...

Я перекатился, вскочил на ноги. Маледикто ухмыльнулся.

Обхватив Джинни за талию, привлек ее к себе. Она задрожала, пытаясь оттолкнуть его. Он поцеловал ее, она порывисто вскрикнула. И снова жест сопротивления превратился в жест любви. Маледикто толкнул меня свободной рукой, и я тяжело упал. Он поставил ногу мне на голову, надавил.

— У меня нет большого желания ломать тебе кости, — сказал он. — Но если ты достаточно вежлив, чтобы уступить желанию леди...

— Желанию?! — Джинни вырвалась из его рук. — Силы небесные! Изуди!

Маледикто рассмеялся:

— Если моя жертва призывает святое имя вполне искренне, я должен исчезнуть, — его голос походил на журчание. — Тем не менее я, как видишь, остался здесь. То, что сокрыто глубоко внутри тебя, томится желанием ко мне, Вирджиния!

Она схватила вазу и запустила в него. Он ловко поймал ее, грохнул об меня и направился к окну.

— Да будет так, — сказал он. — Сейчас чары рассеялись. Но не бойся. Когда наступит более благоприятный час, я вернусь...

Мгновение, и он перепрыгнул через подоконник. Я пополз следом. Белое патио залило лунным светом. Пусто.

Я сел и поднял голову. Рядом опустилась на пол Джинни. Медленно текли минуты. Наконец я встал, включил свет. Нашел сигареты и тяжело сел на кровать. Возле моих колен распростерлась ничком Джинни. Я даже не стал прикасаться к ней.

— Кто это был? — спросил я.

— Инкуб¹.

Ее голова была опущена, я видел лишь рассыпавшиеся по ее спине рыжие волосы.

Пока мы с Маледикто отсутствовали, она надела свою самую нарядную ночную рубашку.

Для кого?

Ее голос был тихим и слабым:

— Он, должно быть, обитает в развалинах. Поселился в замке вместе с испанцами... Возможно, именно он — виновник постигшей их неудачи.

Я затанулся.

— Почему он не появлялся раньше? — спросил я громко и глупо. — Ах да, у него ограниченные возможности действия. Фа-

¹ Инкубы, суккубы — демоны разврата — соответственно мужского и женского пола.

мильное проклятье. Он не мог выйти за пределы своих владений. А здесь с давних пор никто не появлялся.

— До тех пор, пока мы... — продолжила она шепотом.

— Хуан со своей женой здесь бывали редко. — Я неистово дымил. — Ты же ведьма! Ты должна знать! Инкуб — демон разврата. Скажи, почему он никогда не беспокоил Фернандеса?

Она снова заплакала, тихо и безнадежно. Мне подумалось, что это отчаяние вызвано также и потерей ведьмовской силы. Она уже не волшебница... Мне все стало ясно.

— Потому что святые символы защищают тех, кто действительно хочет защиты, — сказал я. — Думаю, тут он сказал правду. Хуан и его жена — добрые католики. Они не появятся здесь, не развесив на каждой стене по распятию. Ни у нее, ни у него не возникает желания изменить друг другу...

Она подняла лицо. Выражение его было диким:

— Ты думаешь, что я...

— О, не сознательно! Если бы мы догадались сразу же по прибытии развесить кресты... Если бы сотворили от чистого сердца молитву, мы тоже были бы в безопасности. Никогда нельзя знать заранее, будешь ли окружен инкубами! Но наши головы были слишком заняты, а сейчас — поздно. Полагаю, что подсознательно ты забавлялась мыслью, что маленький отход от неукоснительной моногамии — это не так уж и плохо...

— Стив! — Она с трудом поднялась на ноги. — В наш медовый месяц! Как ты мог сказать такое!

— Смог... — я затушил сигарету. Жаль, что не о лицо Маледикто. — А как иначе ему бы удалось опутать тебя своими чарами?

— И ты, Стив... Стив, я люблю тебя. Только тебя!

— Что ж, будет лучше, если ты сядешь на ковер и дашь полные обороты. Лети в Гуйамас — это ближайший город, достаточно крупный, чтобы в тамошней полиции нашелся экзорцист¹. Расскажи там все и попроси помощи, потому что, если я помню что-то из демонологии, раз ты попала под влияние инкуба, он последует за тобой куда угодно.

— Но между нами ничего не было! — вскрикнула она, как будто я ее ударил.

Что ж, в определенном смысле это и был удар.

— Да... Не хватило времени. В этот раз. Конечно, обладая своей колдовской силой, ты могла бы изгнать любого демона с помощью чисто светского искусства. Но сейчас у тебя этой силы

¹ Экзорцист — специалист по изгнанию бесов.

нет. Пока ты не пройдешь курс повторного обучения, каждый час, когда ты находишься вне Церкви, тебя должен охранять экзорцист, если только не...

Я встал.

— Что? — Близкая к безумию, она вцепилась в меня ледяными пальцами.

Я стяхнул ее. Ярость слепила меня. Мое мужское достоинство было уязвлено вдвойне. Маледикто одолел меня в драке и чуть было не соблазнил мою жену!

— Стив! Что ты задумал?!

— Я могу сам избавиться от него.

— Не можешь! Ты не колдун, а он — демон!

— А я волк-оборотень. Может быть, это уравнивает наши шансы.

Шаркая, я протащился в ванную и перебинтовал там руку. Раны, впрочем, были поверхностные. А вот суставы пальцев распухли.

Джинни попыталась помочь, но я указал ей на дверь. Я понимаю, что был тогда не прав. Но уж слишком распирала меня боль и ярость. Я только смутно понимал, что должен отправиться в Форталезу, куда, по-видимому, вернулся Маледикто. Став волком, я буду так же силен и быстр, как и он. Разумеется, кусаться я не осмелюсь. Но если представится случай превратиться в человека, использую приемы рукопашного боя, которым меня обучали в армии...

План был абсолютно безнадежен, но меня подстрекал мой собственный демон. Джинни все понимала. Может быть, колдовские способности частично вернулись к ней, а может, это у нее врожденное. Безжалостное сияние огня Святого Эльма высвечивало ее абсолютно белое лицо. Она дрожала и судорожно глотала слюну.

Но вот она кивнула:

— Если ты иначе не можешь, то пойдем вместе.

— Нет! — в моем горле заклокотал рык. — Отправляйся в Гуйамас, говорю тебе! Мало мне из-за тебя бед? Оставь меня одного. А потом я решу, хочу ли я, чтобы ты вернулась ко мне!

Какое-то мгновение она пристально смотрела на меня. Не дай мне бог когда-нибудь еще увидеть подобный взгляд! Потом она исчезла.

Я вышел из патио и превратился в волка. В воздухе висел запах демона. Я пошел по следу. След вел в гору...

ГЛАВА 16

Земля была залита ослепительным лунным светом. Нос чуял запахи пыли, шалфея, кактусов, осоки и бурых водорослей. Уши слышали ультразвуковой писк летучих мышей, панический топоток американского зайца. Мое естество больше не корчилось в муке. В волчьем черепе вмещаются лишь простые мысли хищника, жаждущего крови. Я как бы переродился. Известно, что некоторые психиатры добивались хороших результатов, временно превращая своих пациентов в животных.

Какое-то время спустя на фоне луны обрисовались изъеденные временем очертания сторожевой башни. Каждым своим нервом готовый к атаке, я вошел в то, что когда-то было воротами, и остановился посреди пустого двора. Песок, наносимый сюда в течение столетий, сорняки, пробившиеся между плитами, отколовшиеся камни облицовки, валяющиеся под ногами. Ближе к центру громоздились руины — тут когда-то стояло здание. Ниже — отверстия погребов. Я осмотрел их, вернее, небрежно заглянул туда — неглубоко, — но логовища инкуба не обнаружил.

Я завыл, бросая вызов противнику.

Кто-то шевельнулся у двери, ведущей в башню. Одетый во все белое, он шагнул вперед. Я тут же отпрыгнул. Мелькнула дикая мысль: если первым же укусом я порву ему шейную вену, то тогда я наглотаюсь этой пьянящей, как вино, крови. Но он уже будет мертв.

Смех, мелкие, легкие шаги. Из тени выступила девушка.

Неправдоподобно белая на фоне черных заплесневелых стен, она стояла под водопадом льющегося сверху лунного света.

— Добрый вечер, прекрасный юноша. Я не смела надеяться на такое счастье!

Исходящий от нее аромат проник в мои легкие, в мои жилы... Я зарычал. Рык превратился в поскуливание. Я завизжал. Я завилял обрубок хвоста. Она подошла ко мне, почесала меня за ушами. Я лизнул ее руку — вкус был ошеломляющий. Где-то, как в грохочущей громами пустыне, родилась мысль: сейчас мне ни к чему оставаться волком. Тело пронизал ток изменения. Я стал человеком.

Она была такого же роста, что и Амарис, и такая же красивая. То же самое странное лицо с заостренным подбородком. И глаза, светящиеся в лучах луны. Облако пепельных волос ниспадало ниже пояса, и одета она была в платье, сотканное, оче-

видно, скаредными на паутину пауками. Платье облегалo ее фигуру, которая... Ладно, фигуру ее описывать бесполезно, не буду и пытаться. Думаю, секрет наполовину объяснялся движениями девушки.

— Сибелита, я полагаю... — выдавил я охрипшим голосом.

— А ты, видимо, Стивен, — узкая изящная рука упала на мою руку и осталась там. — Добро пожаловать!

Я облизнул губы.

— Э-э... Ваш брат дома?

Она подвинулась ко мне:

— Какое это имеет значение?

— Я... э-э... — Идиотская ситуация: невежливо объяснять женщине, какое дело у тебя к ее брату, если хочешь убить его.

— Послушайте, — выпалил я, — вы с ним... вы должны оставить нас в покое!

Сибелита мягко улыбнулась:

— Ах, твоя печаль — это моя печаль, Стивен. И, кроме того, неужели в твоей душе не отыщется жалости к нам? Известно ли тебе, в чем на самом деле заключаются вечные муки? Быть созданием, в котором существуют, не смешиваясь, первичные стихии — Огонь Вожделения, Воздух Порыва, Вода Изменчивости и Темное Могущество Земли... И, имея такое естество, быть обреченной прятаться, подобно крысе, в этих руинах, выть в пустое небо... И голод, голод на протяжении многих лет. Если ты погибаешь от истощения, а двое прохожих рассыпают те малые крохи, которые без труда могут тебе уделить?

Я пробормотал что-то насчет ложности аналогий.

— В этом нет зла, — молвила она и подвинулась еще ближе. Ее руки легли мне на плечи, грудь легко коснулась моей груди. — И нет в этом злого умысла. Это — необходимость, Стивен. Вы, смертные, тоже не безупречны. Ни один демон не осмелится приблизиться к вам, будь вы святыми, у которых не возникает нечистых мыслей. Нас влечет к тем, кто схож с нами.

— А... это... да... — мне нечем было дышать. — Тут две стороны вопроса... Я хотел сказать: одна сторона... да...

Сибелита рассмеялась снова.

— Не надо, прекрасный юноша! Вот я стою в лунном свете, обнимая обнаженного, самого прекрасного в мире мужчину...

— О Господи! — Я вспомнил, что все мое обмундирование — лишь нижнее белье. Поскольку она не отпрянула — мое восклицание, должно быть, не было воспринято как молитва.

— ...Способного рассуждать на материалистические темы!

Нет, вы переполнены любовью и щедры! — Сибелита отпорхнула в сторону. — У меня не должно быть перед тобой преимущества. Пусть мы будем в одинаковом состоянии...

Она щелкнула пальцами, и платье исчезло. Не то чтобы это сильно изменило ситуацию, разве что морально. Но мораль казалась не относящейся к делу.

— А теперь иди ко мне, мой дорогой. Мой волк, мой первый в жизни «loup-garou»¹... Не надо бы тратить столь много времени на женщину, но я предчувствую так много нового... Иди ко мне!

Она снова бросилась мне на грудь.

Не могу сказать точно, что заставило меня ответить на ее поцелуй. Это было так, словно вокруг закружил окрашенный розовым вихрь.

Каким-то образом мне удалось собрать остатки моей воли:

— Нет! У меня есть жена!

В смехе Сибелиты послышались неприятные нотки:

— Ха-ха! Как полагаешь, чем занят Амарис с того момента, как ты оставил девку одну?

Я издал короткий визгливый звук.

— Это уже произошло, — мурлыкала Сибелита, — и что сделано, то сделано. Не порицай свою жену. Она всего лишь смертная. Можешь ли ты возвыситься над своим состоянием смертного?

Передо мной на минуту мелькнуло видение Ада. Затем, едва сознавая, что происходит, я резко привлек Сибелиту к себе. Целуя, я легонько укусил ее губу и почувствовал вкус демонской крови.

— Пойдем... — напевала она. — Мой любимый, отнеси меня в башню.

Я поднял ее и пошел через двор.

— Стив! — Крик Джинни впился в меня, словно нож.

Я выронил прекрасную ношу. Сибелита шлепнулась на землю своим прекрасным задом и выпалила несколько неприличных слов. Я изумленно уставился на Джинни. Она лежала, свесившись с ковра, парившего над разрушенными воротами. Рыжие волосы ниспадали в беспорядке на голые колени. И хотя я знал, что она для меня потеряна (ибо ее отнял Амарис и прежнего между нами уже никогда не будет), мне стало ясно: кроме Джинни, мне не нужно никого.

Сибелита поднялась. Она была совсем белая в лунном свете. Я более не желал ее. Пошла она к черту!

¹ Оборотень (фр.).

Она презрительно усмехнулась Джинни, повернулась к ней спиной и раскрыла мне свои объятия, сказав:

— Защищайся!

Я превратился в волка.

Сибелита уклонилась от моего выпада. Я снова услышал доносившийся будто из другого мира крик Джинни. Все мое внимание было привлечено к суккубу. Тело Сибелиты задрожало, посерело, и она тоже превратилась в волка. Она бесстыдно улыбнулась мне. Аромат самки ударил меня, словно дубинкой.

Я не дал ей времени на попытку обольщения и вцепился в ее глотку. Мы покатались, сплелись в драке. Она была сильна, подвижна, упорна, но не тренирована в тонкостях рукопашного боя оборотней. Я не забываю приемов дзюдо, даже превращаясь в зверя. Я поднырнул под ее челюсти и сомкнул зубы там, где намеревался.

Кровь дьявола была сладка и отвратительна на вкус. Теперь она уже не могла возбудить мои желания — слишком сильна была овладевшая мною любовь к жене. И ненависть к существу, с которым я сражался. Если предпочитаете современную научную терминологию — в моих железах накопилось достаточно тестостерона и адреналина, чтобы подавить все остальные содержащиеся в ней гормоны.

Я убил ее.

В последний миг я услышал — но не с помощью слуха — пронзительный вопль демона.

Отвратительный дух! Я ощутил нервами, как взвихрилось пространство, когда демон пытался сопротивляться изменению шредингеровской математической формулы и формы функции, вылетая в породивший его нижний континуум и оставляя в этом мире лишь массу обмена.

Быстро и безжалостно действовали мои клыки. Тело погибло, и не обладающий душой демон исчез.

Я лег возле труп волчицы. Я задышался. Тело демона страшно корчилось. Менялась последовательность: волчица, женщина, мужчина, хвостатый и рогатый сатаноид.

Когда исчезли последние связующие силы, она задымилась и превратилась в клуб пара.

Медленно, шаг за шагом, возвращался мой изодранный в клочья разум. Я лежал на коленях моей дорогой Джинни. Наверху дружелюбно мерцали звезды, и на нас лился прохладный лунный свет, и замок был не чем иным, как грудой камней. Я снова превратился в человека и обнял ее.

— Все хорошо, любимая, — выдохнул я. — Все хорошо. Я прикончил ее. Теперь я убью Амариса.

— Что?! — Ее мокрое лицо оторвалось от моей груди, коснулось моих губ. — Разве ты не знаешь? Ты же убил!

— А?

— Ну да. Мои познания частично вернулись ко мне... после твоего ухода, — она прерывисто вздохнула. — Инкубы и суккубы — это одно и то же. Они меняют свой пол, когда это требуется. Амарис и эта шлюха — одно и то же!

— Ты хочешь сказать, что не... он не... — я испустил вопль, который наверняка зарегистрировал сейсмограф в Байя-Калифорнии.

Этот вопль — самая благодарственная молитва, которую я когда-либо возносил Богу.

Не то чтобы я не был готов простить любимую. Я ведь на себе испытал мощь демона. Но когда я узнал, что прощать-то ее не за что, у меня словно гора с плеч свалилась.

— Стив! — воскликнула Джинни. — Я тебя тоже люблю, но ребра у меня не железные...

Я вскочил на ноги.

— Мы прошли через это! — сам себе не веря, шептал я. — Мы действительно прошли через это! Мы действительно выиграли!

— О чем ты? — спросила она. Спросила по-прежнему робко, но глаза ее уже сияли светом.

— Что ж, — сказал я, — думаю, мы получили хороший урок смирения. Теперь мы знаем собственное подсознание куда лучше, чем знает его обычный человек.

Мгновенный озноб пронзил меня. Я подумал, что никогда обычный человек не оказался бы так близко к гибели, как мы. На вторую ночь свадьбы! Но и сами по себе мы могли бы оказаться на краю гибели. Нам противостояло нечто большее, чем притяжение мелкого демона. Не случайно мы оказались в его логовище! Кто-то хотел нас уничтожить.

Теперь я полагаю, что Сила, желающая погубить нас, тогда еще лишь наблюдала. Она не могла сама нанести удар. Никого, кто бы смог попытаться снова совратить нас, поблизости не было. И, во всяком случае, мы были очень сильно настроены против них. Враг не мог вновь использовать глубоко кроющиеся в нас ревность и подозрение. И не мог натравить нас друг на друга. От подозрений и ревности мы были свободны, как никто из смертных. Мы очистились от них.

Но враг был терпелив и хитер, он выволок наружу все еще

оставшееся в нас зло... И освободимся ли мы от тоски и боли? И оставит ли он нас в покое?

Не знаю. Но знаю, что внезапно мне открылись великолепные ночи и что меня захлестнула волна любви к Джинни, не оставившая места ни для чего другого. А когда много дней спустя мне вспомнилось то, что произошло на высившемся над морем утесе, — это воспоминание было таким же смутным, как и все предыдущее, и я отмахнулся от него, небрежно подумав: забавно, что, получив по башке, я всегда вижу одну и ту же галлюцинацию...

— В итоге, любимая, я узнал, как сильно ты за меня боишься. Когда я сказал, чтобы ты спасалась, ты последовала за мной, не зная, что может произойти...

Она потерялась взъерошенной головой о мое плечо:

— И я узнала то же самое, Стив. Я рада.

Мы ступили на ковер.

— Домой, Джеймс, — сказал я. И, когда Джеймс взмыл в воздух, добавил: — Подозреваю, что ты смертельно устала.

— Ну, не особенно. Я еще слишком взвинчена... Нет, черт возьми, слишком счастлива...

Она сжала мою руку:

— Но ты, любимый мой, бедный мой...

— Я чувствую себя прекрасно, — ухмыльнулся я. — Завтра можем встать попозже. Выспимся как следует...

— Мистер Матучек, о чем вы думаете?

— О том же, о чем и вы, миссис Матучек.

Догадываюсь (в лучах луны плохо было видно), что она залилась румянцем.

— Понимаю, и очень хорошо, сэр. Все вышло так, как мы это и предвидели...

ГЛАВА 17

Мы вернулись домой. На лето устроились на работу и уволились, когда осенью вновь начались занятия. Ничего особенно серьезного, но, например, когда Джинни забеременела, нам пришлось продать ковер. За эти два года семейной жизни с нами не происходило ничего экстраординарного.

А потом сиделка подвела меня к кровати, на которой лежала моя любимая. Ее лицо, всегда такое румяное, сейчас было белым

от перенесенных страданий. Волосы огненным пламенем разбросаны по подушке, а зеленые глаза никогда еще не сияли так ярко.

Я наклонился и поцеловал ее так нежно, как только мог.

— Эй, ты... — прошептала она.

— Как ты себя чувствуешь? — единственное, что пришло мне в голову.

— Прекрасно, — она рассмеялась, а потом принялась меня рассматривать. — А вот ты выглядишь так, будто вся эта чушь имеет под собой основания.

Действительно, многие акушеры во время родов укладывают отца в постель. Но наш врач следовал наиболее распространенному мнению, что максимум симпатической помощи жене я оказываю, когда потею в приемной. За последние месяцы я с таким остервенением изучал все относящееся к этому вопросу, что стал чуть ли не специалистом. Первые роды для такой высокой и худощавой женщины, как Джинни, должны быть трудными. Она восприняла это со своим обычным хладнокровием. В предсказании обратила внимание только на то место, где руны указывали пол ребенка, ибо, зная его, мы не опростоволосимся с выбором имени.

— Как тебе наша дочка? — спросила она.

— Она великолепна.

— Лжец! — она тихо рассмеялась. — Еще не было на свете мужчины, не ужаснувшегося, когда ему сказали, что теперь он должен именоваться отцом сморщенного комка красного мяса, — ее рука потянулась к моей. — Но она еще станет красивой, Стив. Она такая беспомощная. Для нас она самая прекрасная на свете!

Я сказал себе, что не стоит орать прямо здесь, в палате полно матерей.

Спасла меня нянька:

— Я думаю, вам лучше пока оставить вашу жену в покое, мистер Матучек. И доктор Акман предпочел бы побыстрее разобраться с делами. Ему пора домой...

Доктор ждал меня в помещении записи новорожденных. Я вошел, звуконепроницаемая дверь захлопнулась, и нянька запечатала ее, оттиснув на воске звезду Давида. Это была современная больница, здесь принимались все положенные меры предосторожности.

Томас Акман был седой угловатый человек шести футов рос-

ту. Он напоминал собой скалу. Я заметил, что под украшенным знаками зодиака халатом медика на нем были белые парусиновые брюки и рубашка без галстука. Не считая, конечно, амулета.

Мы пожали руки друг другу.

— Все идет хорошо, — заверил он. — Получены результаты лабораторных анализов. Как вы понимаете, поскольку в роду матери не было человеко-зверей, ваши дети не станут прирожденными волками-оборотнями. Но так как девочка унаследовала от вас комплекс рецессивных генов, она будет легко поддаваться заклинаниям трансформации. Это — определенное преимущество, особенно если она, подобно матери, выберет профессию волшебницы. Но это не означает, что не следует принимать некоторых предосторожностей. По сравнению с другими она будет более уязвима для сверхъестественных влияний.

Я кивнул. Мы с Джинни наверняка неподобающе часто принимали участие во всех нежелательных для нас приключениях.

— Выдайте ее замуж за подходящего человека, — пошутил Акман, — и ваши внуки будут волками-оборотнями!

— Если она окажется похожей на мою старуху, — сказал я, — то, Боже, помоги тому бедняге, которого мы заставим на ней жениться. — Говоря это, я чувствовал себя полнейшим идиотом. — Послушайте, доктор, мы оба устали. Давайте оформим документы новорожденной и покончим с этим...

— Согласен.

Он сел за стол.

На пергаменте уже были написаны имена родителей, дата рождения и официальный порядковый номер, под которым ребенок числился среди других новорожденных.

— Как вы решили ее назвать?

— Валерия!

— Что ж, я предполагал, что ваша жена выберет что-то вроде этого. Ее идея, не так ли? А второе имя?

— Э-э... Мэри. Мое решение, в честь моей матери...

Я понял, что снова бормочу чушь.

— Хорошая мысль. Если ей не понравится причудливое «Валерия», она будет называть себя вторым именем. Хотя подозреваю, что ей понравится.

Он сунул пергамент в машинку, впечатал оставшиеся сведения. Вздохнув, передал документ мне (при этом просыпал на него пепел из пепельницы) и очень торжественно сложил пополам первичное свидетельство с отпечатками пальцев моей дочери.

— А подлинное имя?

— Виктрикс.

— Как-как?

— Это имя всегда нравилось Джинни...

Валерия Виктрикс. Последний римский легион в Британии. Последняя сила, противостоящая Хаосу, как сказала Джинни в одну из тех редких минут, когда была совершенно серьезна.

Акман пожал плечами:

— Ну, не думаю, чтобы девочка когда-нибудь назвала себя так.

— Надеюсь, что не назовет никогда.

Акман окунул орлиное перо в чернила, сделанные из дубовых орешков.

— Во имя птицы, олицетворяющей твою родину, и древа Молнии, — он возвысил голос, — под их и Божьей защитой, дитя сего дня, да будет твое подлинное имя, известное на всей земле лишь твоим родителям, твоему врачу и тебе самой, когда ты достигнешь совершеннолетия, — Виктрикс. И пусть оно принесет тебе добрую славу и счастье. И носи его, пока не истекнут отведенные тебе годы... Амен!

Он вписал имя, присыпал доставленным из Галилеи песком и снова встал:

— Этот документ я зарегистрирую лично.

Он зевнул.

— О'кей, это все.

Мы повторно пожали друг другу руки.

— Сожалею, что вам пришлось принимать младенца в такой неурочный час.

— Мы, врачи, ко всему готовы, — ответил он. Сон его оставил. Он пристально взглянул на меня. — Кроме того, я ожидал этого...

— А?

— Я уже слышал кое-что о вас и о вашей семье. И кое-что выяснил самостоятельно. Погадал на рунах. Возможно, вы этого не знали, но ребенок был зачат во время зимнего солнцестояния. И, не говоря уже о наследственности, результаты гадания показывают еще что-то. Не могу понять что. Но я был совершенно уверен, что она родится именно в эту ночь, потому что сегодня — Великое полнолуние. Я буду наблюдать за ней с неослабевающим интересом, мистер Матучек. И советую вам особо оберегать вашу дочь. А теперь — доброй ночи...

ГЛАВА 18

В следующие три года ничего примечательного у нас не происходило. Вернее, так подумали бы вы. Но ведь вы как-то отличаетесь от нас. А что касается нас, то это было время, когда перед нами открылся весь мир. И одновременно — дрогнула земля под ногами.

Начну с того, что мы не ожидали рождения Валерии. Позднее мы выяснили, что Свартальф вновь принялся гоняться за домовым. В отместку Добрый Народец превратил противозачаточные таблетки Джинни в аспирин. Много позже мне подумалось, не крылось ли за этой случайностью нечто большее. Ведущие нас Силы ставят нас в положения, служащие Их целям...

Сперва Джинни намеревалась жить и далее соответственно нашим первоначальным планам. Хотя бы с того времени, когда наша маленькая подрастет, чтобы на день ее можно было оставлять под присмотром приходящей няни. Она получила в Аркане степень доктора философии. Ей предложили великолепную работу. Но поскольку в нашей семье появилась дочь и от этого никуда не денешься, эмансипацию мамы пришлось отложить. Мы не могли доверить Валерию какой-то наемной неряхе! Пока не могли. Ни тогда, когда она впервые научилась улыбаться, ни тогда, когда она начала ползать, ни когда звуки, напоминающие бульканье и птичий щебет, превратились в настоящий смех... Позже, позже.

Я не протестовал. Был совершенно со всем согласен. Но это означало подчиниться — временно, если не навсегда — следующему: ловко устроившись, молодая чета, имевшая жирный доход (нас двое), поселилась в очаровательном месте и занимается полной ерундой. У меня появилось было намерение возобновить голливудскую карьеру, но я изумился бы, пожелай Джинни выслушать хоть слово об этой идее.

— А ты вообрази на полсекунды, — заявила она, — что мне бы захотелось стать заурядной актрисой. Сыграть в «Серебряном вожде и девушке», когда бы из меня вышел чертовски хороший инженер?!

Лично я не думал, что все сыгранное мною в кино так уж плохо, но в целом ответ ее меня утихомирил.

Не станет же новоиспеченный бакалавр заниматься сложными исследовательскими проблемами? Мне пришлось начать с

более простого. К счастью (как мы тогда подумали), работа оказалась неожиданно хорошей.

Корпорация предсказаний «Источник Норн»¹ была одной из тех появившихся во время последнего бума компаний, которые взяли на себя обслуживание бизнеса Информации и так далее. Первоначально маленькая, она росла как на дрожжах. Помимо производства, она занималась исследованиями. И в конце концов туда был приглашен и я.

Помимо интересной работы, это был первый (и неплохой) шаг на пути профессиональной деятельности. Кроме того, просвещенная администрация подстрекала нас к дальнейшему приобретению знаний. Жалованье было хорошим. А мой босс, Барни Стурлусон, вскоре стал моим другом.

Главный недостаток заключался в том, что нам с Джинни пришлось остаться в этом, во всех отношениях скучном городе. Но мы арендовали за городом комфортабельный дом, что утешало. Мы оба обладали друг другом, и у нас была маленькая Валерия. Это были хорошие годы. Точнее — в них не было ничего из ряда вон выходящего.

Вы совершенно правы, если считаете все это малозначительным. Полагаю, что человека всегда привлекало то, где таится гибель. И будет привлекать впредь. Однако иные времена заставляют вспомнить древнее китайское проклятие: «Чтоб тебе пришлось жить в эпоху перемен!»

Ни Джинни, ни я не поддались на пропагандистскую болтовню, что коль скоро злой и безнравственный Халифат разгромлен, то впереди — вечное торжество мира и счастья. Мы знали, что наследие, оставленное человечеству войнами, вечно. Кроме того, мы знали, что этот конфликт был не столько причиной, сколько симптомом навалившегося на мир недомогания. Не будь христианский мир расколот, враг не смог бы захватить большую часть восточного полушария и Соединенных Штатов. По существу, Халифат был не чем иным, как секуляризованным оружием мусульманской еретической секты. Среди наших союзников было немало верующих в Аллаха.

Разумным казалось ожидать, однако, что теперь человечество осмыслит полученный им урок и отставит в сторону религиозные распри, приступив к восстановлению и созиданию. В частности, мы надеялись, что будет окончательно дискредитирована и захиреет Церковь Иоаннитов.

¹ Норны — у древних скандинавов — богини Судьбы.

Правда, ее приверженцы тоже сражались с Халифатом. Правда и то, что они сыграли ведущую роль в движении Сопротивления на оккупированных территориях. Но они бросили вызов старым убеждениям и верованиям, всему, на чем основывается западное общество. Так кто же в первую очередь раскалывает и ослабляет нашу цивилизацию?! И не они ли подали пример поднимающей голову идеологии Халифата, не они ли подтолкнули взрыв безумия на Среднем Востоке?

Теперь я знаю, что ожидать от человечества разумных действий не очень-то разумно.

Вопреки всеобщему мнению, угроза возникла отнюдь не внезапно. Некоторые предупреждали о ней с самого начала. Они указывали, что иоанниты сделались доминирующей силой в политике уже нескольких стран и что эти страны тут же начали относиться к нам не особенно дружелюбно. И что, несмотря на это, иоанниты постепенно обращают в свою веру всю Америку.

Но мы их, в общем-то, не слушали. Мы были слишком заняты восстановлением причиненных войной разрушений. Мы решили, что те, кто трубит тревогу, — реакционеры и мечтающие дорваться до власти тираны (кстати, не исключено, что среди них были и такие). Теология иоаннитов, возможно, идиотская, говорили мы, но разве первая поправка не гарантирует свободу проповеди и вероучений? Вероятно, из-за них, иоаннитов, у петристских церквей¹ появились определенные трудности — но разве это не их собственная проблема?

Действительно, в наш век говорить об опасности, исходящей от религиозно-философской системы, якобы искусно повсюду распространяемой, системы, подчеркивающей свое стремление к миру почти так же неуклонно, как квакеры, системы, превозносящей заповедь любви к ближнему своему превыше всего прочего... Пожалуй, насквозь светское общество и наша опутанная ритуалами вера лишь выиграют, восприняв кое-что из того, что проповедуют иоанниты.

Движение и его влияние разрастались. Каким-то образом организованные демонстрации все чаще и чаще стали превращаться в свирепые бунты. Не санкционированные профсоюзами забастовки, выдвигавшие все менее осмысленные требования, сделались явлением повсеместным. Агитация парализовывала один студенческий городок за другим. И человек за человеком начи-

¹ Большинство христианских церквей базируется на вероучении, восходящем к Петру и Павлу.

нали умно толковать, что необходимо сломать безнадежно коррумпированный порядок, а на его развалинах построить Рай Любви.

Но мы, то есть большинство народа, его вечное большинство, не желали ничего, кроме того, чтобы нас оставили в покое и дали возможность возделывать свои персональные садики... Стоит ли удивляться, как это страна сразу, буквально за одну ночь, скатилась к гибели?

Ребята, это случилось не в одну ночь. Даже не в одну Вальпургиеву ночь...

ГЛАВА 19

В тот июньский день я вернулся домой рано. Наша улица, окруженная могучими вязами, была тихой и спокойной. Повсюду — старинные огни Святого Эльма. Дома и газоны купались в солнечном свете. Я заметил нескольких соседок, летящих верхом на метлах. В седельных сумках у них — покупки из бакалейной лавки и привязанные к детским сиденьям один-два ребенка. Этот способ передвижения был наиболее популярен среди молодежи нашего округа. Его предпочитали хорошенькие молодые хозяйки (кстати, в теплую погоду они надевали только шорты и лифчики). Эта залитая солнцем сцена не улучшила моего плохого настроения.

Меня переполнял гнев. Я только что выбрался из разыгравшейся около завода заварухи. А здесь было тихо. Показалась моя крыша. Там, под ней, — Джинни и Валерия. Мы с Барни выработали план, как справиться с начавшимися вчера вечером неприятностями. Я даже развеселился, представив наши дальнейшие действия. А пока что я — дома.

Я влетел в открытый гараж, снизился и повесил свой «шеви» рядом с «фольксбесом» Джинни. Когда я вышел из гаража, направляясь к парадной двери, что-то, будто пушечное ядро, просвистев в воздухе, ударило меня в грудь. Я крепко обнял дочку. Вьющиеся желтые волосы, громадные голубые глаза.

— Папа! Папа!

Не потомок, а произведение искусства!

На ней был костюм херувима, и мне пришлось вести себя осторожно, чтобы не помять крылья.

Прежде, когда она летала, принимались меры предосторож-

ности: привязывали к столбу плюс присмотр Джинни. Каким образом ей удалось освободиться?

О! Сделав разворот на помеле, из-за угла вылетел Свартальф. Спина изогнута, хвост трубой. Он ругался. Очевидно, Джинни доверила ему присматривать за Валерией.

Несомненно, он вполне мог последить за ребенком. Кот должен был не выпускать девочку со двора, оберегать ее от всяких неприятностей... что он и делал, пока она не увидела, что пришел папа.

— О'кей. — Я рассмеялся. — Хватит. Давай войдем в дом и скажем «Ау-у» маме.

— На свинке?

В прошлую осень, на день рождения Валерии, я наскреб денег на дорогостоящее колдовство. Превращала меня Джинни. До того, играя с ребенком, я превращался в волка, а вот прокатиться на толстой, украшенной цветочками свинье?.. Вся местная ребятня до сих пор обсуждала этот случай.

— Извини, нет, — пришлось ответить мне. — С такими летними качествами тебе бы следовало обратиться в Военно-воздушные силы, — и я схватил ее, пронзительно визжащую, и понес за лодыжки, а пока нес, пел: «В небе птенчик маленький, в небе вверх тормашками»...

В комнате, выйдя из подсобного помещения одновременно с нами, появилась Джинни. Заглянув ей за спину, я понял, почему ей пришлось передоверить присмотр за полетами: вал стирки. Трехлетний ребенок пачкает массу одежды, а мы не могли позволить себе пользоваться услугами фабрики самоочистки.

Джинни приходилось одушевлять каждую по отдельности, а потом следить, чтобы они не завязывались узлом во время стирки и полоскания, плясать вокруг них, пока они самовысушиваются, и так далее. И поскольку такого рода представления неотразимо привлекательны для любого ребенка, она вынуждена была отправить Валерию куда-нибудь в другое место.

И тем не менее, не безрассудно ли доверить опеку дитяти животному? До сих пор Джинни занималась стиркой, пока Валерия спала. Свартальф уже неоднократно доказывал, что он заслуживает полного доверия. Но, несмотря на все сидящие в нем сверхъестественные силы, он оставался большим черным котом. Всего лишь котом. Следовательно, на него нельзя было слишком полагаться в скучных повседневных делах. Но потом я подумал: «Какого черта! С тех пор, как Джинни перестала быть практикующей ведьмой, у бедной зверюги не так уж много развлечений.

Он даже не может погоняться за другим котом, потому что никто из соседских не осмеливается драться с ним. Это поручение он, вероятно, воспринял с радостью. Джинни, как всегда, знает, что делает, и...»

— И я, идиот, попусту торчу здесь, теряя время, — сказал я, загребая ее в объятия.

— Что такое идиот? — спросила с пола Валерия. И, поразмыслив над этой проблемой, добавила: — Папа хороший идиот...

Свартальф глянул на нас скептически и задергал хвостом.

Рядом с Джинни я немного расслабился. Она пропустила сквозь пальцы мои волосы.

— Р-р, — пробормотала она. — Чем вызвано такое поведение, тигр?

— Сегодня можешь называть меня тигром, — сказал я, чувствуя себя все более счастливым с каждой минутой.

Джинни кинула на меня хитрый взгляд:

— Хорошо, котенок...

— Ну, подожди немного...

Она пожала плечами. Рыжие локоны качнулись:

— Если ты уж так настаиваешь, Хромой Вор с Вайнганги...

Валерия строго посмотрела на нас и сказала: «Когда вы шутитесь головами, убирайте их, чтобы не было больно»...

В этом была своя логика. Пока мы извлекали херувима из его одежды, времени объясняться не было. Потом наш отпрыск, перевернув вверх дном всю гостиную, устроился смотреть мультики по магическому кристаллу. И я, наконец, оказался на кухне, наблюдая, как Джинни готовит ужин. Появилась возможность побеседовать.

— Почему ты вернулся домой так рано? — спросила она.

— Как тебе понравится, если сегодня вечером мы попытаемся возродить кое-что из былого?

— Что именно?

— «Матучек и Грейлок»... Нет — «Матучек и Матучек — Странный Сигнал Тревоги». Патент взят компанией «Чертова Нелепица».

— Что случилось, Стив?

— Увидишь в передаче по кристаллу. Наступают новые времена. Они уже не просто пикетируют, они пошли дальше. Они блокируют все входы. Нашим служащим пришлось выбираться через верхние окна. В них швыряли камнями.

Джинни была удивлена и возмущена. Но сохранила хладнокровие, которое выказывала миру за пределами этого дома.

— Вы вызвали полицию?

— Конечно, вызвали. Я участвовал в переговорах вместе с Барни — Робертс решил, что у ветерана войны могут быть толковые идеи. Что ж, в крайнем случае полиция действительно может оказать нам помощь. Демонстранты вторглись в чужие владения. Окна разбиты, стены заклеены непотребными лозунгами... и так далее. С точки зрения закона, наш случай вполне очевиден, но... От хлопот избавлена только оппозиция. А у нас хлопот будет полон рот. Они будут сопротивляться любой попытке разогнать демонстрацию. Помнишь нью-йоркский скандал в прошлом месяце? Многие из этих типов тоже студенты. Представь себе заголовки: «Жестокая полиция против идеалистических настроений молодежи!», «Нападение на мирную демонстрацию!», «Полиция пустила в ход дубинки и Колдовство»... Пойми, вот ведь в чем самое дерьмо.

Предприятия, связанные с «Источником Норн», производят снаряжение для армии и полиции. Такое, как флюоресцирующие колдовские опознавательные метки или глаз василиска. Контракт обязывает нас вести исследования в этом направлении. Но полиция и вооруженные силы служат истеблишменту. Истеблишмент есть зло. Поэтому «Источник Норн» следует уничтожить.

Начальник полиции сказал нам, что официальное вмешательство с целью пресечь вторжение будет означать кровопролитие. А тогда вероятны волнения на Мерлин-авеню... Бог знает, куда это может завести. Он попросил оставить работу до конца недели. Может, тогда гроза нас минует. Мы, вероятно, сделали бы это в любом случае. Некоторые наши служащие уже сказали инспекторам, что боятся возвращаться на работу. Такие вот дела...

В глазах Джинни искрами сверкнула с трудом сдерживаемая ярость.

— Если вы уступите, — сказала она, — они перейдут к следующему номеру своей программы.

— Вот именно! Мы все это понимаем. А вот как насчет мученичества? Священники иоаннитов готовы провести еще одну ханжескую церемонию, посвященную невинно пролитой крови. Крови, во всем подобной крови Агнца. В стране полно исполненных благих намерений простаков, которые задумаются, а не ошиблись ли они действительно в петристской церкви, если общество, которое на ней основывается, использует насилие против членов Церкви Любви. Кроме того, давай, дорогая, смот-

реть в лицо фактам. Против гражданского неповиновения насилие еще никогда не помогало...

— Ты вспомни, что бывает после того, как заговорят пулеметы.

— Да, конечно. Но кому захочется убеждать правительство, что последняя надежда — кровопролитие? Да скорее я сам стану иоаннитом! Итог: «Источник Норн» не может просить полицию, чтобы та очистила его владения.

Джинни резко повернула ко мне голову:

— Не похоже, чтобы тебя это особенно печалило...

Я рассмеялся:

— Нет, мы с Барни поразмыслили некоторое время над этой проблемой и кое-что придумали. Я сейчас действительно в определенном смысле доволен. В последнее время жизнь стала слишком скучной. Вот я и спрашиваю — не хочешь ли ты принять участие в одной забаве?

— Сегодня вечером?

— Да. И чем раньше, тем лучше. Подробности я тебе расскажу, когда наша юная надежда уляжется спать.

Появившаяся было улыбка Джинни увяла:

— Боюсь, что не смогу так быстро найти няньку для присмотра за ней. На этой неделе в школе выпускные экзамены.

— А если не найдешь, тогда как насчет Свартальфа? Там твой приятель тебе не понадобится. А здесь он способен делать элементарные вещи: может нести охрану, а если у нее разболится животик, то он сбегает к соседям и разбудит их всех...

— Она может проснуться и захочет нас увидеть, — возразила Джинни, хотя и не очень твердо.

Возражение я опроверг, напомнив, что мы, когда Валерии вроде бы стали сниться кошмары, купили ей охранитель сна. Маленький деревянный солдатик, с мушкетом на изготовку, стоял возле ее кровати, готовый прогнать из снов все страшное. Я не особенно доверял приборам, призванным заменять родительскую любовь и вообще родителей, но все же иногда они полезны.

Джинни согласилась. Я увидел, что в ней ключом бьет энергия. Хотя она и смирилась на время с ролью домашней хозяйки, чистокровную скаковую лошадь не заставишь всю жизнь пахать землю...

Вот таким образом мы сделали первый шаг на нашем пути в Ад...

ГЛАВА 20

Ночь была безлунной, звезды скрывала легкая дымка. Собирались мы недолго.

Мы оба надели черные свитера и брюки. Мы летели, выключив фары и пользуясь колдовским зрением. Это было противозаконно, но зато безопасно. Летели над городом, где созвездиями светились окна и уличные фонари. Наконец помело пошло вниз. В этом районе расположились промышленные предприятия. Здесь было еще темнее, еще более пусто, чем обычно в эти часы. Возле магазинов и пакгаузов я не видел практически ни одного мерцавшего здесь крохотного голубоватого огонька. Добрый народец всегда пользовался предоставленной ночью возможностью, пока вокруг нет людей, заглядывать, удивляясь и восхищаясь, в окна. Сегодня что-то спугнуло их, и это что-то было на земле «Источника». В воздухе билось тревожное, яркое, словно пламя рассвета, зарево. Когда мы приблизились, утихший было ветер вновь усилился и донес до нас запах плоти, пота и ладана, отдающего кислотой и электрической энергией сверхъестественного. У меня волосы встали дыбом. Импульс был так силен, что мне пришлось приложить все усилия, чтобы не превратиться в волка-оборотня.

Вокруг главного здания собралась огромная толпа. Скверик, где в хорошую погоду завтракали наши рабочие, был вытоптан и усеян окурками. Я прикинул: здесь собралось около пятисот человек. Свободного места не осталось, приземлиться было невозможно. В целом толпа оставалась на месте, но движение отдельных людей создавало непрерывную рябь. Волнами катились слитные звуки голосов и шарканье ног.

У гаража было посвободнее. Здесь и там виднелись люди, собравшиеся перекусить или выспаться, забравшись в спальные мешки. Все они держались на почтительном расстоянии от установленного в дальнем конце сквера переносного алтаря. Время от времени кто-то из них преклонял колени и кланялся алтарю.

Я протяжно присвистнул:

— Эта штука появилась уже после моего ухода!

Рука Джинни еще теснее сомкнулась вокруг моего запястья.

Службу вел иоаннитский священник. С высоты мы не могли ошибиться, увидев его белую мантию и молитвенную позу, в которой он мог оставаться часами. Руки широко раскинуты, точно крылья у орла. Мы услышали печальное высокое песнопение.

Позади алтаря поблескивал высокий Т-образный крест. На самом алтаре четыре талисмана — чаша, скипетр, меч и диск. Два псаломщика размахивали кадилами, в воздухе пахло сладковатым и, как ни странно, морозным дымком.

— Что он делает? — пробормотал я.

Я никогда не утруждал себя изучением обычаев новой церкви. Не то чтобы мы с Джинни были совсем уж невежественными и не знали о новых научных открытиях, доказывающих реальность Божества и всего прочего, вроде абсолютного зла, искупления и загробной жизни. Но у нас создавалось впечатление, что это лишь отрывочные сведения и за ними скрывается что-то еще. И что Бог имеет такое множество проявлений, что они едва ли доступны ограниченному человеческому пониманию.

Так что мы смело могли именовать себя унитарийцами.

— Не знаю, — ответила Джинни. Голос ее был мрачен. — Я что-то читала насчет доктрин и обрядов, но это всего лишь вершина айсберга, да и было это несколько лет тому назад. Во всяком случае, нужно быть послушником... Нет, много больше — посвященным. Надо быть адептом, и лишь тогда можешь сказать, что понимаешь значение этого обряда.

Мне стало не по себе.

— Может он сбить нас?

С наступающим беспокойством я смотрел на неровное свечение, не имеющее, казалось, источников. На всю эту широкую, развернувшуюся передо мной сцену. Вокруг здания стояли дородные, одетые в синее полицейские. Несомненно, их коробило от летящих в их адрес язвительных замечаний.

Кроме того, в большинстве они, вероятно, принадлежали к традиционным церквям. Они уж точно были бы не против арестовать проповедника вероучения, утверждающего, что их собственная вера должна исчезнуть.

«Нет, — ответил я сам себе. — Не может быть. Иначе легавые тотчас же упрятали бы его в холодную. Может быть, сейчас он предаст нас анафеме. Полагаю, он мог бы это сделать, учитывая, что у нас свобода религии и что человек не может указывать Богу, а может лишь просить его милости. Но вдруг он действительно творит заклинания, вызывает вредоносные колдовские силы?»

Громкий голос Джинни прервал мои размышления.

— Когда имеешь дело с этими гностиками, — сказала она, — трудности в том, что неизвестно, где кончаются их молитвы и начинаются заклинания. Идем на посадку, пока что-нибудь не случилось. Происходящее сейчас мне совсем не нравится...

Я кивнул и направил помело к главному корпусу. Иоанниты меня не слишком-то беспокоили. Священник, в общем, тоже. Вероятно, они служили свою эзотерическую мессу лишь для того, чтобы воодушевить демонстрантов. Разве его церковь не заявляла, что она — Церковь Вселенской Любви? Может быть, она, будучи выше всего земного, действительно не нуждается в насилии? Время Ветхого Завета, время Сына — было временем искупления. Время Евангелия от Иоанна, время Духа Святого — будет временем любви и раскрытием тайны. Невзирая ни на что...

Полиция запретила полеты в непосредственной близости от места проведения демонстрации. Исключение делалось лишь для тех, кто хотел улететь отсюда.

Иоаннизм — это общественное движение. Но лишь чернь, лишь выходцы из самых низов становились иоаннитами. Для значительного большинства из них идея об отречении от этого, достойного лишь презрения грешного материалистического мира означала не что иное, как вошедшее в моду требование уничтожения этого мира. Искушение взлететь на небеса и швыряться оттуда бутылками с зажигательной смесью для многих просто-таки непреодолимо.

Естественно, мы с Джинни могли бы настаивать, что имеем право явиться сюда. Даже с эскортом в случае необходимости. Но это могло бы вызвать то, чего нам хотелось избежать, — взрыв. В общем, лучше всего для нас было проскользнуть сюда незамеченными. Незаметно как для врагов, так и для друзей. Но сноровка, отличающая нашу команду, несколько поблекла. Нам следовало как следует собраться...

Это нам удалось. Метла, привидением скользнув по небу, влетела в гараж. Через все здание, от первого этажа до крыши, проходила вентиляционная шахта. В обычных условиях наши работники входили и выходили через двери. Но сегодня двери были перекрыты дважды: кордонами пикетчиков и нашими защитными полями. Чтобы снять эти поля, требовалось усилие высококвалифицированного чародея. Технари агентства Пинкертона колдовали не так надежно, как нам бы хотелось.

Все окна первого этажа были прикрыты ставнями. Сквозь вентиляционные отверстия доносился снизу невнятный говор, молитвенное пение.

Положив метлу, я чуть слышно шепнул на ухо Джинни (ее волосы щекотали мои губы, и это было восхитительно):

— Знаешь, это к лучшему, что у них появился священник. До этого они весь день распевали народные песни...

— Бедняжка... мой любимый... — Она крепко стиснула мою руку. — Давай посмотрим, что там еще.

Мы заглянули в выходящее в холл и на лестницу окно, где вызывающе горел свет. И решили зайти. В пустом холле наши шаги звучали слишком мрачно и громко, и мы почувствовали облегчение, когда добрались до кабинета Барни Стурлусона.

Огромная туша Барни возвышалась над письменным столом.

— Вирджиния! — прогрохотал он. — Какая приятная неожиданность! — И, явно колеблясь: — Но, э-э... опасность...

— Не заслуживает внимания, как объяснил мне Стив, — перебила Джинни. — У меня впечатление, что вы собираетесь пустить в ход первосортную магию?

— Конечно, собираемся...

Я заметил, что некрасивое лицо Барни осунулось от усталости. Это он настоял, чтобы я вернулся домой и отдохнул. На тот случай, чтобы, если дела пойдут совсем плохо и на нас нападут, я мог превратиться в волка и держать оборону, пока не подоспеет полиция. Барни оставался у себя. В подчинении у него находились несколько добровольцев, и он был уже не просто исследователь — он был босс.

— Стив объяснил вам, что мы задумали? — продолжал Барни. Он мгновенно сообразил, что стоит принять предложенную Джинни помощь. — В таком случае надо удостовериться, что наиболее дорогостоящее оборудование не пострадает. Я не говорю об уже уничтоженных приборах... Вы только вообразите, сколько времени и денег уйдет на то, чтобы заново все настроить! От рудоискательной рогульки до вечного двигателя! Я уверен, что все надлежащим образом защищено, но независимая проверка, конечно, не помешает. Потом пройдитесь возле цехов и лабораторий и посмотрите, что я мог проморгать. Там, где нужно, поставьте защиту.

— О'кей.

Она бывала здесь достаточно часто, чтобы знать, что где находится.

— Что мне будет нужно, я возьму на складе. А если понадобится помощь, попрошу мальчиков из отдела алхимии. — Она помолчала. — Подозреваю, что вы двое будете сейчас очень заняты.

— Да, я собираюсь дать им последний шанс убраться отсюда, — сказал Барни. — А если кто-то из них чрезмерно разъярится, то будет лучше, если рядом окажется Стив. Он хороший телохранитель.

— А я по-прежнему полагаю, что ты сам себе хороший телохранитель, — фыркнул я.

— Несомненно, ты прав. Как всегда, прав, — тут же согласился Барни, — но не забывай о том, что нам нужно соблюдать законность. Я не владелец данного участка земли, я всего лишь владелец расположенного на нем предприятия. Мы действуем по инициативе наших работников. И после того, как дирекция согласилась поддержать наши действия, Джек Робертс весьма одобрил предложенный план. Кроме того, владельцы мы участка или нет, но, применив против вторжения колдовство, мы поступаем менее жестоко, чем если бы было пущено в ход огнестрельное оружие. То, что мы сделаем, — это не приносящие вреда оборонные меры, направленные на защиту наших людей и нашего имущества.

— Но если мы подвергнемся прямому нападению... — начал я.

— А вот именно это мы и пытаемся предотвратить, — напомнил он. — Во всяком случае, поскольку существует закон, нужно, чтобы будущей свидетельнице, которой предстоит остаться в этом здании, все это было совершенно ясно.

Я пожал плечами и стащил с себя верхнюю одежду. Под ней был надет эластичный, без швов, костюм. Человека в таком костюме вполне могли бы арестовать за неприличный вид, но зато, когда я становился волком, он не стеснял движений. Лунный фонарик, словно диковинный амулет, уже висел на моей шее.

Джинни крепко поцеловала меня и шепнула:

— Береги себя, тигр!

У нее не было особых причин для беспокойства. У осаждающих нас не было никакого оружия, если не считать кулаков, ног и, возможно, пронесенной под полкой дубинки или арматурины. То есть у них не было ничего, чего бы я мог бояться, сменив кожу на шкуру. Даже нож, пуля или клыки могли причинить мне лишь временный вред. Да и то нужны были бы особые, я бы сказал редкие, условия, вроде тех, при которых я потерял половину хвоста во время войны. Кроме того, вероятность, что начнется драка, была очень невелика. С какой стати пикетчики станут нападать на нас? Полиции бы их хватило на один зуб, а под флагом затеи с мученичеством прикрыть наш завод было бы гораздо легче... Несмотря на это, голос Джинни звучал не совсем ровно, и, пока мы шли через зал, она смотрела нам вслед. Смотрела, пока мы не завернули за угол.

— Подожди секунду. — Барни открыл шкаф, извлек оттуда

одеяло и перекинул его через руку. — Если ты захочешь сменить облик, я наброшу его на тебя.

— С какой стати? Снаружи нет солнечного света, только огни эльфов. А их свет не препятствует трансформации...

— После того как появился священник, свет изменился. Для полной уверенности я проверил спектроскопом. Сейчас там достаточно много ультрафиолета, так что у тебя могут возникнуть трудности. Это результат охранительных заклинаний — на случай нашего нападения.

— Но мы не нападём...

— Разумеется, нет. С его стороны это демагогический прием чистой воды, который выставляется напоказ. Но прием умный. Фанатики и наивные детишки, входящие в эту банду, увидели, что вокруг нас установлено защитное поле, и тут же заключили, что это было необходимо. Это еще раз подтвердило, что «Источник Норн» — их враг. — Он покачал головой. — Поверь мне, Стив, этими демонстрантами управляет, словно марионетками, кто-то более сильный.

— Ты уверен, что священник сам установил поле?

— Да. Все их священники — маги. Вспомни, это входит в курс обучения, и хотел бы я знать, чему еще их обучают в этих никому не доступных семинариях... Давай попытаемся поговорить с ним.

— Он проповедует? — я был удивлен. — Высшие иерархи иоаннитов не раз заявляли, что если члены их церкви и вмешиваются в политику, то делают это исключительно как частные граждане.

— Ну да, ну да. А я — император Нерон...

— Нет, действительно, — настаивал я, — эти их темные теории... Все это слишком просто, чтобы быть правдой. То, что мы видим, — это общественное волнение, недовольство людей, какие-то неопределенные изменения...

Мы вышли к главному входу. Еще недавно дверь обрамляли мозаичные стеклянные панели. Теперь они, как и окна, были разбиты вдребезги, но никто не догадался заложить дыры. Наши защитные чары могли действовать беспрепятственно. Разумеется, на нас они не действовали. Мы вышли на лестничную площадку — прямо к тем, кто хотел заблокировать нас в здании.

Дальше нам идти было некуда. Ведущие вниз ступеньки были плотно забиты людьми. Пока на нас никто не обращал внимания. Барни похлопал по плечу тощего бородатого юнца.

— Извините, — прогремел он с высоты своего башенного роста. — Разрешите?

Он выдернул из немытой руки юнца плакат, навесил на него одеяло и, подняв как можно выше, замахал этим импровизированным флагом. Флаг был ядовито-зеленый.

Похожий на дуновение ветра перед штормом вздох пробежал по толпе. Я видел лица, лица, лица... Лица рядом со мной, лица внизу, выплывающие из мрака, куда не доходил колеблющийся свет; думаю, что виной было то, что я торопился, или мое предубеждение, но только создавалось жуткое впечатление, будто все лица — совершенно одинаковы. Всем приходилось слышать о длинноволосых мужчинах и коротко подстриженных женщинах, об их немытых телах и изношенной одежде.

Все это наличествовало в избытке. Естественно, я обнаружил и обязательных в таких случаях седобородых радикалов, и их прихвостней из студенческих общежитий, и хулиганов, и тунейдцев, и вандалов, и правдоискателей, и так далее. Но было здесь много чистых и хорошо одетых, ужасно серьезных мальчиков и девочек. У всех у них был удивленный вид, как будто они совершенно внезапно обнаружили, что участвуют в пикетировании.

И у всех у них — у богатых, бедных, гетеросексуальных или гомосексуальных, способных в одних отношениях и тупых — в других, обладавших бесконечными и неповторимыми наборами своих воспоминаний, мечтаний, надежд, страхов и привязанностей, — у всех у них были свои души.

Нет, они показались одинаковыми лишь вначале, из-за своих плакатов. Трудно было сосчитать, на скольких, наподобие спортивных табло, указывался счет, с которым выигрывает святой Иоанн, на скольких были тексты, что-то вроде «Возлюби ближнего своего» или просто «Любовь». Впрочем, различий в текстах было мало, они повторялись. Были и другие лозунги, менее миролюбивые, — «Дематериализуйте материалистов!», «Фабриканты оружия, рыдайте!», «Прекратите снабжать полицию рогами дьявола!», «Убивайте убийц, ненавидьте ненавидящих, уничтожайте несущих уничтожение!», «Закрыть это предприятие!»

И казалось, будто лица... нет, хуже, сами мозги этих людей сделались не чем иным, как набором плакатов, на которых были написаны эти лозунги.

Поймите меня правильно. Я считаю, что человек, который в юности никогда не стремился врезать под дых богу существующего порядка, немногого стоит. Очень плохо, что большинство

людей, старея и жирея, теряет интерес к подобным вещам. Истеблишмент зачастую нестерпимо самодоволен, ограничен и глуп. Его руки, которые он заламывает столь ханжески благодаря благочестивости, слишком часто обагрены кровью.

И все же... все же... Есть что-то, что будет отличать наше время от грядущих Темных времен, которые продлятся, пока не возникнет новый и, вероятно, еще худший истеблишмент, который восстановит порядок. И не обманывайте самих себя, думая, что ничего подобного не случится. Свобода — прекрасная вещь, пока она не превратится в нечто иное — в свободу вламываться в чужие дома, грабить, насиловать, порабощать тех, кого вы любите. И тогда вы с восторгом встретите того, кто въедет на белом коне и начнет обещать, что перевернет и изменит вашу жизнь. И вы сами вручите ему кнут и саблю...

Так что наша лучшая ставка — хранить то, чем мы уже обладаем. Разве не так?

Однако, как ни печально, такое положение налагает на нас определенные обязанности. И это — наше. Оно формирует нас. Мы можем сами не слишком хорошо сознавать это, но когда-нибудь мы поймем. Это лучше, чем что-то для нас чужое и незнакомое. И если мы будем упорно трудиться, упорно думать, проявим чутье и добрую волю, мы сможем доказать это.

Вы не повторите нашу ошибку, не будете надеяться, что вашу жизнь смогут улучшить злобные напуганные теоретики. Они лишат вас вашего богатства, приобретенного в муках жизненного опыта. Вы не станете слушать речи вещающих догматиков. Их предел — реформистские движения, которые чего-то там добивались то ли два поколения, то ли два столетия тому назад.

Отвернитесь от студентов, уверяющих, что у них есть ответ на все социальные вопросы, над которыми ломали головы и разбивали вдребезги сердца такие люди, как Хаммурапи, Моисей, Конфуций, Аристотель, Ксаверий, Платон, Фома Аквинский, Гоббс, Локк, Вольтер, Джефферсон, Линкольн и тысячи других.

Но хватит об этом. Я не интеллектуал, я всего лишь пытаюсь думать самостоятельно. Мне тягостно видеть, как полные благих намерений люди делаются орудиями в руках тех немногих, чья цель — обвести нас вокруг пальца...

...Они едва не задохнулись от изумления. Горловой звук вдоха быстро сменился рычанием. Ближайший мужчина сделал один-два шага в нашу сторону.

Барни взмахнул своим флагом.

— Подождите! — воззвал он. Громоподобный бас перекрыл

все остальные звуки. — Перемирие. Давайте начнем переговоры! Приведите сюда вашего руководителя.

— Нам не о чем говорить с тобой, убийца! — завизжала усевшая прыщами девица и замахнулась на меня своим плакатом.

Я успел мельком увидеть на нем надпись: «Мир и братство». Дальше читать я не стал, был слишком занят, оберегая свой череп. Кто-то начал скандировать лозунг, который быстро подхватили остальные: «Долой Диотрефа, долой Диотрефа, долой Диотрефа»...

Меня охватила тревога. Хотя Диотреф лишь мимоходом упоминается в третьем послании Иоанна¹, современные иоанниты превратили его в символ, противостоящий движению их церковью (несомненно, их посвященные адепты подразумевали под этим именем и какие-то другие объекты).

Неверующие, то есть просто бунтари (они составляли большинство иоаннитов), не беспокоились о том, чтобы разбираться в таких тонкостях дела. Для них Диотреф сделался нарицательным именем ненавистной им светской власти. Или кого угодно еще, кто стоял им поперек дороги. Этот призыв уже не раз гипнотизировал толпы, приводя их в сокрушительное неистовство.

Защищая глаза от когтей девицы, я отобрал у нее плакат, извлек свой фонарик, но внезапно все изменилось. Зазвучал колокол. Послышался чей-то голос. Низким был и звон, и голос, и в них звучало что-то, что перекрывало растущий гам.

— Мир! Храните любовь в ваших сердцах, дети! Успокойтесь, ибо здесь присутствует сам Святой Дух!

Нападающие попятились. Наше окружение распалось. Люди начали опускаться на колени. Стон прошел по толпе, он все усиливался. Это был почти оргазм, и вдруг он смолк, сменившись тишиной. Подняв глаза, я увидел, что к нам приближается священник.

Он шел, держа в руке колокол, а над головой его, вознесшись вверх, плыл ранее стоявший за алтарем Т-образный крест. Так что вместе с ним шествовал сам пригвожденный к кресту Тайны Христос.

«Ничего тут нет страшного, — мелькнула дикая мысль, — если не считать, что другие церкви назвали бы все это кошунством — придать главному символу веры подобную форму и по-

¹ Имеется в виду следующий стих: «Я писал церкви; но любящий первенствовать у них Диотреф не принимает нас» (3-е Иоан., 9).

действовать на него, как на какую-то метлу, с помощью антигравитационных заклинаний...»

Однако в целом зрелище было чрезвычайно внушительное. Это было как бы олицетворением всего гностицизма. Я всегда относился к «невыразимым тайнам» иоаннитов, как к невыразимому пустословию. Теперь я кое-что понял. Здесь было нечто большее, чем обычные сверхъестественные эманации. Я ощущал это каждым унаследованным от волчьей ипостаси нервом. Мне казалось, что эта сила исходила не от Всевышнего. Но тогда от кого же?

Священник остановился перед нами. Выглядел он вполне нормальным человеком. Маленький, тощий, и его мантия была ему не слишком впору. На пуговке носа криво сидели очки. Его седые волосы были такими редкими, что я едва мог понять, где начинается его тонзура — полоса, пробритая через макушку от уха до уха. Рассказывали, что такую тонзуру ввел Симон-волхв¹.

Сперва он повернулся к толпе:

— Разрешите мне без ненависти поговорить с этими не знающими любви джентльменами. Возможно, это послужит торжеству добродетели, — в его голосе звучала какая-то странная убежденность. — Тому, кто любит, не может быть неведом Бог, ибо Бог есть любовь.

— Амен... — забормотали иоанниты.

Когда маленький священник повернулся к нам, я внезапно понял, что он действительно принимает всерьез это изречение. От его слов не пахло ложью.

Враг хорошо знает, как использовать преданность своему делу и искренность. Но теперь я относился к нему с меньшей неприязнью.

За стеклами очков священника обозначился человек. Он улыбнулся нам и наклонил голову:

— Добрый вечер. Я — посвященный Пятого класса, Мармидон. К вашим услугам.

— Это... э-э... ваше церковное имя? — осведомился Барни.

— Разумеется. Прежнее имя — есть первое, что следует оставить в этом мире, проходя через Врата Перехода. Если это вызывает у вас насмешки, то они меня не волнуют, сэр.

— Нет-нет, у меня ничего подобного и в мыслях не было.

¹ Персонаж Писания, предлагавший апостолам деньги за то, чтобы они поделились с ним своей властью передавать Духа Святого (Деян., 8;9-24).

Барни представился.

Потом представил меня. Этим простым способом он выказал наше желание наладить мирные отношения, поскольку и без того было легко определить, кто мы такие.

— Мы пришли, поскольку надеемся заключить соглашение.

Мармидон засветился:

— Великолепно! Изумительно! Как вы сами понимаете, я не официальный представитель. Демонстрация организована комитетом Национальной добродетели, но я буду рад оказать вам услугу.

— Беда в том, — сказал Барни, — что наши возможности в выполнении ваших основных требований весьма ограничены. Как вы понимаете, мы не против мира во всем мире и всеобщего разоружения. Но это дело международной дипломатии. А решать, когда нужно положить конец оккупации ранее враждебных нам стран и сколько нужно затратить средств на повышение социального благосостояния в нашей стране, должны президент и Конгресс.

Амнистией всех участвовавших в беспорядках должны заниматься городские власти. Вводить ли в школах курс философии и истории гностицизма, обязаны решать специально для этого назначенные представители правительства. Что касается всеобщего равенства и искоренения материализма, лицемерия и несправедливости... — Он пожал плечами. — Для этого нужно, по меньшей мере, ввести поправку в Конституцию.

— Вы, однако, можете оказать немаловажное влияние на процесс достижения этих целей, — возразил Мармидон. — Например, вы можете пожертвовать определенную сумму в фонд Комитета Общественного Просвещения. Вы можете способствовать выдвижению на выборах достойных кандидатов и помочь финансировать их кампанию. Вы можете разрешить прозелитам обращать в истинную веру ваших служащих. Вы можете прервать отношения с дельцами, все еще проявляющими упорство. — Он распростер руки. — И если вы сделаете это, дети мои, вы спасетесь от вечного проклятья!

— Ну, может быть. Хотя пастор Карлслунд, из лютеранской церкви Святого Олафа убеждал меня в обратном, — сказал Барни. — Но в любом случае перечень слишком велик, чтобы провернуть все это за один день.

— Само собой, само собой! — Мармидона затрясло, так его переполняло рвение. — Мы достигнем поставленных целей постепенно, шаг за шагом. «Но пока в вас есть свет, вы можете быть

детьми света». Таков единственный результат нашей сегодняшней беседы.

— Трудности в том, что вы хотите, чтобы были аннулированы подписанные нами контракты, за которые мы уже получили аванс. Вы хотите, чтобы мы нарушили данное нами слово и подвели тех, кто нам доверяет...

Сказанное никак не подействовало на Мармидона. Он выпрямился во весь рост, твердо посмотрел на нас и отчеканил:

— Эти воины Духа Святого требуют, чтобы вы прекратили производство снаряжения для армии, несущей угнетение другим странам, и полиции, несущей угнетение нашей стране! Сейчас мы не просим вас ни о чем большем. И не согласимся ни на что меньшее. Данный вопрос — вне обсуждения.

— Понимаю. Ничего иного я от вас не ожидал. Но я хотел бы при свидетелях разъяснить вам ситуацию. Я хочу предостеречь вас.

Те, кто слышал эти слова, зашебурились. Одни свистящим шепотом передавали услышанное другим. Я понял, что напряжение снова возрастает.

— Если вы используете насилие против тех, кто пришел сюда, чтобы просто выразить свой протест, — объявил Мармидон, — они либо обрушат на вас силу закона, либо окончательно убедятся, что закон есть выражение интересов крупных предпринимателей... которые, говорю вам, есть, в свою очередь, порождения Сатаны.

— О нет, нет, — заверил Барни. — Мы пониже сортом, хотите — верьте, хотите — нет. Но вы вторглись в чужие владения. Вы помешали нашей работе как раз тогда, когда нам не хватает ни времени, ни рабочих рук. Мы обязаны выполнить вытекающие из контракта обязательства, и мы попытаемся сделать для этого все от нас зависящее. Сейчас будет проводиться эксперимент. Он может оказаться опасным. Пожалуйста, ради вашей же безопасности, очистите территорию предприятия...

Мармидон застыл.

— Если вы задумали изгнать нас с помощью смертоносных заклинаний...

— Ничего подобного. Сейчас я подробно расскажу вам, что мы задумали. Мы намерены испробовать новый метод транспортировки жидкостей. Прежде чем внедрить его, мы обязаны удостовериться в его безопасности. Если система не выдержит испытания, те, у кого нет защиты, могут пострадать.

Барни повысил голос (хотя мы знали, что полицейские и так ловят каждое слово):

— Я приказываю и предупреждаю, я прошу вас. Прекратите вторжение, очистите территорию компании. В вашем распоряжении полчаса.

Мы повернулись и ушли в здание. Исчезли с их глаз раньше, чем опять поднялся шум. И пока мы шли через зал, пока не достигли благословенной тишины главной алхимической лаборатории, слышали летящие нам вслед проклятия, насмешки, ругательства. Слышали звериный вой иоаннитов.

В лаборатории собрались с дюжину ученых, техников и рабочих, отобранных Барни из числа добровольцев. Они сидели, курили, пили сваренный на бунзеновских горелках кофе. Негромко переговаривались. Когда мы вошли, нас встретили аплодисментами. Сидевшие в лаборатории наблюдали за нашими переговорами по видеосхему.

Я поискал глазами заведующего товарными складами Айка Абрамса. Я еще со времен войны знал его как толкового парня и впоследствии предоставил ему работу на нашем предприятии.

— Все в порядке? — спросил я.

Он показал большой палец:

— Что касается меня, капитан, — более чем в порядке. Мне уже не терпится!

Мгновение я рассматривал его:

— Ты действительно готов применить ЭТО против тех людей?

У него стал такой вид, будто ему плюнули в лицо:

— А вы бы не применили, будь вы на моем месте?

«Да, на твоём, а также на месте множества людей, но особенно — на твоём, Айк, — да!» — подумал я.

Будучи рационалистом, я питал отвращение к иррациональной сущности гностицизма. Будь я набожным христианином, я мог бы предъявить церкви иоаннитов длинный счет. Тут и ее стремление вытеснить все прочие церкви, и отрицание всякого права этих церквей на дальнейшее существование...

И еще в большей степени, вероятно, — эзотеризм иоаннитов, отрицающих, что Бог изливает свою милость на все человечество. И рационалист, и верующий равно могли бы протестовать против извращения церковью иоаннитов Евангелия от Иоанна, не только самой мистической, но и самой прекрасной книги Священного Писания.

Но если вы еврей, иоанниты вам непременно сунут в нос изречение вроде: «Много есть в этом мире людей, которые не признают, что Иисус Христос явился к нам во плоти. Такой человек

обманщик и антихрист». И вы понимаете, что возрождается древний кошмар антисемитизма...

Чуть смутившись, я обернулся к Биллу Харди, нашему главному Парацельсу. Он сидел, покачивая ногой, на лабораторном стуле.

— Сколько вы получили вещества? — спросил я.

— Около пятидесяти галлонов, — ответил Билл.

— Ого! Без всякой алхимии?

— Абсолютно без всякой. Чистая и честная реакция Берцеллиуса. Допускаю, что нам просто повезло, что у нас в запасе оказалось много исходных компонентов.

Я содрогнулся, вспомнив ужасный пример, приведенный им, когда обсуждался план.

— Как это отзовется на Мидгарде?

— Ну, в департаменте производства... полным-полно всяких распоряжений. Например, от маслопроизводителя требуют принятия многих мер против прогорклости. С процессом вы знакомы. Мешало то, что вы отказались сперва провести реакцию в пробирке, чтобы потом с помощью симпатических чар получить сколько угодно тонн этого вещества. Правительство может попытаться взять под контроль популяцию скунсов в западных штатах и... — он замолчал.

Вошла Джинни. Ее глаза блестели. Магический жезл сверкал у нее в руке, словно меч валькирии.

— Приступим, мальчики!

В ее голосе слышался лязг металла.

— Пойдемте.

Барни оторвал от стула свое объемистое туловище.

Вслед за ним мы пошли к контейнерам. Это были самые обычные одногаллонные канистры, такие, в каких продается жидкая краска. Но на воске, запечатавшем завинчивающуюся пробку каждой канистры, была оттиснута печать Соломона, и я подсознательно ощутил, как напряжено поле сверхъестественных сил вокруг этих сосудов. Казалось невероятным, чтобы ученым удалось погрузить их на тележку и вывезти.

Вместе со мной в мой отдел вошли Аик и его команда. На-спех смонтировали аппаратуру, которая тоже не производила особо внушительного впечатления. Честно говоря, это было спянное на скорую руку чудовище: большой, работающий на бензине электрический генератор в обрамлении катушек и пучков проводов. Для эксперимента иногда требуется больше энергии,

чем способны дать заботливо экранированные силовые линии общего пользования.

Чтобы эта халтура заработала, мне пришлось снять с генератора магнитные экраны. Поэтому все, что мы сейчас имели, — это куча железа. Никакими чарами в непосредственной близости от генератора и не пахло. Айк, весь день пребывающий в своей стихии, взвалил на себя тяжеленный генератор и неуклюже потопал за мной следом. Он протащил генератор через все залы и комнаты и затормозил, лишь поднявшись по лестнице.

Без сомнения, ему иногда хотелось, чтобы люди никогда не открывали способа воздействовать на сверхъестественные силы (влиять на них мы научились вскоре после конца бронзового века). Он не был ортодоксальным евреем. Его вера не запрещала ему иметь дело с колдовством. Но он не был ни реформатором, ни неохасидом. Он был иудеем традиционного толка. То есть мог использовать предметы, приведенные в повиновение с помощью колдовства кем-то другим. Но сам творить чары не имел права. Нужно отдать ему должное: невзирая на это, он и сам работал успешно, и пользовался уважением своих подчиненных.

Он ухитрился дотащить никак не приспособленное к переноске устройство, вместе со всем добавочным оборудованием, до гаража. На его плоской крыше уже собрались все остальные. Джинни предстояло отправить канистры по назначению именно отсюда. Канистры покачивались в воздухе там, где их могли достать создаваемые генератором искажения магнитного поля.

Мы втащили машину наверх. Затем осторожно установили возле светового люка. Барни обошел агрегат кругом. Из-за генератора мы не могли подняться к нашим друзьям ни с помощью метлы, ни с помощью заклинаний. Пришлось подниматься по веревочной лестнице.

— Готовы? — спросил Барни. В тусклом тревожном свете на его лице поблескивали бисеринки пота. Если наша затея окончится неудачей, отвечать за непредвиденные осложнения придется ему.

Я проверил все соединения:

— Как будто ничего не отошло, но дай мне сперва осмотреться.

Я подошел к стоящей у низкого парапета Джинни. Внизу мутным потоком бурлила толпа, мелькали плакаты и исполненные ненависти лица. Они заметили парящие над ними контейнеры и поняли, что решающий момент близок. Склонившись над алтарем, что-то делал посвященный Мармидон. Я понял, что он уси-

ливает поставленное им защитное поле. До меня донеслись незнакомые слова:

— ...Хелифомар, Мабон, Сарут, Гефута, Эннуас, Сацинос...

Заклинание перекрывало угрюмое бормотание осаждающих.

Огни эльфов вспыхнули ярче. Насыщенный энергией воздух потрескивал, кипел, пахло грозovým ветерком озона.

На губах моей любимой появилась слабая задумчивая улыбка.

— Как бы это понравилось Свартальфу! — сказала она.

Барни неуклюже подошел к нам.

— Можно начинать, но я дам им последний шанс...

Он прокричал те же предупреждения, что и прежде. В ответ раздались пронзительные вопли. В стену застучали объедки и камни.

— О'кей, — сказал Барни. — Хватит ждать.

Я шагнул к генератору и запустил мотор. Включил ток. Генератор зашел, прерывисто задрожав. Я вдохнул отвратительный дым — и мне стало радостно. Хорошо, что мы не полагались на двигатели внутреннего сгорания. Мне приходилось видеть так называемые автомобили — они были построены около 1900 года, незадолго до полета первой метлы. Поверьте мне, помещения, где хранятся автомобили, не стоит называть музеями. Гораздо точнее — «Хранилища ужасной нелепицы».

Громкий голос Джинни отвлек мое внимание. Она отправляла канистры в предназначенное для них место. Я их уже не видел. Теперь, равномерно распределенные по всей площади, они плавали в десяти футах над головами толпы. Джинни взмахнула волшебной палочкой. Я щелкнул главным выключателем.

Нет, чтобы очистить принадлежащую «Источнику» территорию, мы не использовали колдовство... Ток, пройдя по обмотке генератора, породил такое магнитное поле, что в радиусе ста ярдов прекратилось действие как наших, так и их чар.

Все приборы, которые могли быть повреждены, мы упрятали в помещение, обитое изнутри изолирующим материалом. Мы повторно предостерегли толпу, что проводим эксперимент с транспортировкой жидкостей, возможно, являющийся опасным. Ни один закон не мог требовать от нас, чтобы мы добавили, что эти жидкости — находящиеся под большим давлением намеренно испорченные нами консервы. Настолько испорченные, что готовы взорваться в любую секунду. И взорвутся, когда исчезнут силы, поддерживающие защитное поле.

На самом деле мы намеренно преувеличили опасность. Мы пытались свести на нет или, по крайней мере, уменьшить вред,

который будет причинен захватчикам. Ничего страшного в контейнерах не было. Может быть, присутствовал слабенький токсин в такой концентрации, что и говорить об этом не стоило. Хотя нормальное человеческое обоняние сочло бы ее достаточной, чтобы забить тревогу...

Просто безобидная смесь таких веществ, как бутил-меркаптан, трупные запахи и ароматы гниения... М-да, у всей этой органики великолепная проникающая способность. И если хоть несколько капель попадет на кожу человека, вонь не исчезнет в течение недели, а то и двух.

Донесся первый истошный визг. Настала минута моего торжества. Затем нахлынула волна зловония. Я забыл надеть противогаз, забыл, что, даже когда я человек, мой нос все же достаточно чувствителен. Одно слабое дуновение — и я задохнулся. Меня вырвало, содержимое моего желудка разлетелось по всей крыше. Запах, в котором смешалась вонь скунса, прогорклого масла, сгнившей спаржи... Это было гниение, гибель, колесница Джаггернаута, вымазанная лимбургским сыром... Короче, это неопишуемо. Я едва сумел натянуть маску.

— Бедный Стив!

Рядом стояла Джинни.

— Они убрались? — выдавил я.

— Да... Вместе с полицией. А с ними, похоже, и половина квартала.

Я вздохнул с облегчением. Была в нашем плане слабая точка: мятежники могли не разбежаться, а, возжелав нашей крови, вломиться в уже не защищенные двери. Но теперь, узнав на собственном опыте, каково им пришлось, я уже не думал, что такое возможно. Свою задачу работники лаборатории выполнили лучше, чем сами надеялись.

Вряд ли следует ожидать, что они захотят вернуться. Если тебя арестовали или ты сложил голову в борьбе за общее дело — ты герой и твой пример вдохновляет всех прочих. Но если ты просто-напросто воняешь так, что не можешь поговорить с лучшим другом (потому что последний не решится приблизиться к тебе на расстояние слышимости), то, видимо, твоя борьба за правое дело закончилась неудачей...

Я схватил Джинни, прижал к себе и принялся целовать. Черт, снова забыл о противогазе! Она распутала хоботы масок.

— Мне лучше идти. Пока эта гадость не разошлась по всему городу, надо уничтожить ее, — сказала Джинни. — Выключи свою машину и закранируй ее.

— А-а... да, — мне пришлось согласиться. — Мы планировали, что завод возобновит работу уже утром...

Обнаруживалось то одно, то другое, и еще пару часов мы были заняты. Когда закончили, Барни раздобыл несколько бутылок, и до самого рассвета мы отмечали победу. Небо в восточной стороне вспыхнуло розовым заревом, и лишь тогда мы с Джинни, шатаясь и икая, взобрались на нашу метлу.

— Домой, Джеймс.

Нас обвевал прохладный воздух, высоко над головой разворачивался купол небес.

— Знаешь что? — сказал я через плечо. — Я люблю тебя.

— Мур-р...

Она потерлась щекой о мое плечо. Ее руки скользнули по моему телу.

— Бесстыжая девка, — констатировал я.

— Предпочитаешь что-нибудь в другом роде?

— Да нет... Но могла бы и подождать немного. Я тут с тобой чувствую себя все более развратным с каждой минутой и не имею никакой возможности удовлетворить похоть...

— О, возможность есть, — пробормотала она мечтательно. — Даже на помеле. Забыл?

— Не забыл. Но, черт побери, здесь, как и на других воздушных линиях, вот-вот все будет запружено. Зачем лететь в поисках уединения несколько миль, когда у нас рядом есть великолепная спальня?

— Верно, твоя идея мне нравится. Всего пятнадцать минут — и нам обеспечено уединение в собственном доме... Наддай, Джеймс!

Метла резко ускорила полет.

Меня переполняло счастье, и моим счастьем была Джинни.

Она первая почувствовала признаки сверхъестественного. Я понял лишь, что ее щека оторвалась от моей спины, руки отпустили мою талию, а ногти сквозь рубашку вонзились в тело.

— Какого Молоха!

— Тс-с! — выдохнула она.

Полет. Молчание. Легкий, но пронизывающий рассветный ветерок. Наконец она заговорила. Голос ее звучал напряженно, он был каким-то ослабевшим, растерянным:

— Уже некоторое время я чувствую что-то неладное. Возбуждение и все такое... я только сейчас это осознала.

У меня все дрогнуло внутри, как будто я готовился к превращению в волка. Магия и сверхчувства стали ощупывать про-

странство. Повседневная магия плюс кое-что полученное в армии плюс более чем солидная инженерная подготовка. Но у человека-волков есть еще и природенные инстинкты и знания.

Наконец я понял.

Вокруг веяло ужасом...

Помело устремилось вниз. Мы уже поняли, что ЭТО случилось в нашем доме.

Мы соскочили с метлы на газоне перед домом. Я повернул ключ, ворвался в дверь. В доме было темно.

— Вэл! — закричал я. — Свартальф!

Замки не были сломаны, стекла целы. Мечи и камни, охранявшие проходы, по которым к нам могло проникнуть сверхъестественное, находились на прежнем месте.

Но стулья были опрокинуты, вазы сметены со столов и разбиты, пол, стены, ковры — вся квартира забрызгана кровью...

Мы вбежали в комнату Валерии. Когда же увидели, что малютка спокойно спит в своей кровати, то обнялись и расплакались.

Наконец Джинни удалось заговорить:

— Где же Свартальф? Что случилось с ним?

— Я поищу. Он совершил подвиг.

— Хорошо.

Джинни вытерла глаза.

Она оглядела царящий в детской беспорядок. Взгляд ее сделался жестоким.

— Почему она не проснулась? — спросила она голосом, какого я никогда раньше не слышал.

Я уже начал поиски. Свартальф нашелся на кухне. Линолеум был залит кровью. У кота оказались переломаны кости, разорвана шкура, распорото брюхо. И все же он хрипло дышал. Я не успел рассмотреть, какие у него еще повреждения, как раздался пронзительный крик Джинни. Я галопом помчался обратно.

Она держала ребенка на руках. Из-под спутанных золотистых локонов тускло и тупо глядели голубые глаза. Лицо Джинни так осунулось, что, казалось, кости скул сейчас прорвут кожу.

— С ней что-то случилось, — с трудом выдавила Джинни, — не знаю что, но случилось...

Я постоял мгновение, чувствуя, как вдребезги разлетается Вселенная, потом шагнул в туалет. Там темно, а мне сейчас нужна была темнота. Сорвал с себя одежду и пустил в ход фонарик. Превратившись, подбежал к ним. Нос волка впитывал запахи. Я сел на задние лапы и взвыл.

Джинни выронила то, что держала.

И пока я совершал обратное превращение, она неподвижно стояла возле кровати.

Снова приняв человеческий облик, я сухо сказал:

— Надо позвонить в полицию, — я не узнал собственного голоса. — Это не Вэл. Это вообще не человек...

ГЛАВА 21

Я не могу вспомнить в подробностях, что происходило в течение нескольких следующих часов.

К полудню мы оказались в моем рабочем кабинете. Начальник местной полиции почти сразу понял, что дело выходит за пределы его компетенции, и убедил нас известить ФБР. Работники Бюро тщательно, дюйм за дюймом, обследовали дом и весь участок. Лучшее, что мы могли сделать, — не путаться у них под ногами.

Я сидел на кровати, Джинни — на краю вращающегося стула. Время от времени кто-нибудь из нас вскакивал, ходил по кругу, произносил какую-то бессмыслицу и падал обратно. Густо висел туман табачного дыма. Пепельница переполнилась окурками. В голове было пусто. Взгляд Джинни был обращен глубоко внутрь себя. В окнах — солнечный свет, трава, деревья. Все это теперь казалось нереальным.

— Тебе правда нужно что-то поесть... — сказал я бог знает какой раз. — Подкрепи силы.

— Поешь сам, — ответила она, глядя в никуда.

— Я не голоден.

— Я тоже.

Нас снова охватило отупение.

Резкий телефонный звонок сорвал обоих с места.

— С вами хочет поговорить доктор Акман, — сказала трубка. — Будете говорить?

— Во имя самого Господа, да! — вырвалось у меня. — С видеоконтактом!

На мгновение я лишился рассудка и никак не мог сконцентрироваться на ожидании разговора с человеком, с чьей помощью Валерия вступила в этот мир. Мой разум закрутился вокруг принципов устройства телефона. Симпатические вибрации, когда оба абонента чарами заклинаят один и тот же номер. Если поже-

лать — видеоконтакт с помощью магического кристалла, частичное вселение души в аппарат для передачи речи...

Рука Джинни обхватила мое запястье. Ледяная рука. Это привело меня в чувство.

Лицо Акмана выглядело почти таким же изможденным, как и лицо Джинни.

— Вирджиния, Стив... — выговорил он, — у меня для вас сообщение.

Я попытался ответить. Не смог.

— Вы были правы, — с явной усмешкой произнес Акман. — Это гомункулус.

— Почему исследования заняли столько времени? — спросила Джинни. В ее голосе не было уже той силы. Просто хриплый суровый голос.

— Потому что случай беспрецедентный. Об оставленных колдунами подменышах до сих пор говорилось только в легендах. Ничто в имеющихся данных даже косвенно не указывает на причину, по которой нечеловеческий разум украл ребенка... и каким образом это было сделано. И, в-третьих, нам неизвестно, почему этот гипотетический похититель оставил вместо ребенка голема... — Он вздохнул. — Вероятно, нашей науке известно меньше, чем мы полагали.

— Что вам удалось обнаружить? — В голосе Джинни вновь зазвучала решимость.

Я пристально посмотрел на нее.

— Вместе со мной, — вновь заговорил Акман, — исследования вели: полицейский хирург, специалисты из криминалистической лаборатории, а позднее — патологоанатом из больницы университета. Вернее, я вместе с ними. Я ведь домашний врач. Несколько часов мы потратили на проверку предположения, что Валерия заколдована. Сами понимаете — подобие полное.

Данное существо не имеет разума. Линии электроэнцефалограмм практически ровные... Но оно идентично вашей дочери во всем, вплоть до отпечатков пальцев. Однако она... оно не смогло отреагировать на все наши терапевтические заклинания. Что привело нас к мысли, что это тело — имитация. Стив, мы втолковывали это вам с самого начала. Наш вывод подкреплен целой серией тестов. Например, недостаточное процентное содержание солей в тканях. Окончательно вопрос был решен, когда сделали инъекцию радиоактивной святой воды. Метаболизм и отдаленно не схож с человеческим...

Нам помогло, что он говорил таким сухим тоном.

Ужас постепенно начал приобретать пусть туманные, но очертания. Колёсики мозга со скрипом пришли в движение. Как найти способ вступить в бой с похитителем?

— Что сделают с подменным? — спросил я.

— Полагаю, что власти предпочтут сохранить ему жизнь. В надежде, что... что удастся что-нибудь узнать. Понять и что-то сделать. И если больше ничего не случится, он перейдет в собственность государства. Не питайте ненависти к нему. Это всего лишь несчастное существо, созданное для какой-то злой цели. Но ответственности за это оно не несет.

— Если не возражаете, не будем терять времени, — резко сказала Джинни. — Доктор, у вас есть какие-нибудь идеи, как вернуть Вэл?

— Нет. И это угнетает меня. — Он нахмурился. — Хотя я только медик... Что я еще могу сделать? Скажите, что? Я начну немедленно.

— Можете начать прямо сейчас, — тут же отозвалась Джинни. — Вы, конечно, слышали, что мой кот защищал Вэл и был очень сильно изранен. Сейчас он у ветеринара, но я хочу, чтобы им занялись вы.

Акман не скрыл удивления.

— Что? Но, право же... послушайте, я не могу спасти жизнь животному, если этого не может даже специалист!

— Здесь нет проблемы. Свартальф выкарабкается, но я хочу, чтобы он выздоровел как можно скорее. Для этого необходимо оборудование, предназначенное для людей. Но ветеринар не подготовлен для работы с ним. У него нет и самого оборудования. Если же у вас нет нужных зелий или заклинаний, узнайте, как их найти. Деньгами можете не ограничиваться...

— Подожди, — остановил ее я, — сколько с меня высосут эти пивяки?

Она тут же оборвала меня:

— Счет оплатит «Источник». Или правительство. У них денег хватит. С подобным они еще не сталкивались. Возможно, страну ожидают страшные потрясения.

Она выпрямилась. Мрачный взгляд, свисающие прямые волосы, одежда та же, что была прошлой ночью... и все же она снова была капитаном Грейлок из Четырнадцатого кавалерийского полка Соединенных Штатов Америки.

— Я не спятила, доктор. Поразмыслите, что вытекает из того, что вы обнаружили, — продолжала она. — Не исключено, что Свартальф может дать какую-нибудь информацию о том, с чем

он столкнулся. Конечно, в том случае, если он был без сознания, он ничего знать не может — но, в конце концов, и мы обязаны быть хорошими товарищами и помочь ему всем, чем только можем.

Акман поразмыслил с минуту.

— Хорошо, — наконец согласился он.

Он уже собирался закончить разговор, когда дверь кабинета открылась.

— Подождите-ка! — приказал чей-то голос.

Я мгновенно (да только куда теперь-то спешить?) развернулся на каблуках. И увидел твердое коричневое лицо и мускулистое тело Роберта Сверкающего Ножа. Глава местного отделения ФБР сменил современный деловой костюм на рабочую одежду. Его головной убор из перьев доставал чуть не до потолка. Смахи-вающая на полицейскую дубинку бутылка из выдолбленной тыквы хлопотала по задку при каждом шаге. Одежда, наброшенная на плечи, и щеки были разукрашены изображениями орлов, солнечного диска и бог знает чего еще.

— Вы подслушивали, — обвиняющим тоном заявил я.

Он кивнул:

— Нельзя упускать ни одного шанса, мистер Матучек. Доктор Акман, вам придется соблюдать абсолютную секретность. Никаких, как вы намеревались, консультаций с не умеющими держать рот на замке шаманами и знахарями.

Джинни вспыхнула:

— Послушайте...

— Вашего кота вылечат, — тем же самым, не допускающим возражений резким тоном пообещал Сверкающий Нож. — Сомневаюсь, что он может оказаться чем-то полезен, но нельзя упускать ни единой возможности. Счет оплатит Дядя Сэм. Доктор Акман по-прежнему может руководить работой своей группы. Но я хочу, чтобы все ее члены понимали — хорошенько понимали, черт возьми! — что им следует держать язык за зубами. Задержитесь в своем кабинете, доктор. В течение часа к вашей группе присоединится оперативник.

Врач рассвирепел:

— Сколько же времени ему понадобится, чтобы убедиться, что все приглашенные мной специалисты — самые благонамеренные американцы?

— Это займет у него очень немного времени. Вы удивитесь, как много он уже о них знает. Вас также удивит, как много будет неприятностей у того, кто будет настаивать на своем праве пове-

дать прессе или даже своим друзьям, как пойдут дела дальше. — Сверкающий Нож саркастически усмехнулся. — Впрочем, я убежден, что мои предупреждения излишни. Вы наверняка патриот и умеете держать язык за зубами. До свидания.

Телефон понял его правильно и отключился.

— Можно, я закрою окно? — спросил Сверкающий Нож и закрыл его, не дождавшись разрешения. — В наши дни подслушивающая техника достигла таких высот...

Дверь он оставил приоткрытой. Было слышно, как его люди бродят по дому и о чем-то вполголоса говорят друг другу. В комнате почему-то чувствовался сильный кислотный запах.

— Сядьте, пожалуйста.

Сверкающий Нож привалился спиной к книжному шкафу и окинул нас внимательным взглядом.

Чтобы овладеть собой, Джинни понадобилось заметное усилие.

— Вам не кажется, что вы действуете, как уличные грабители?

— Обстоятельства вынуждают, миссис Матучек.

Джинни закусил губу и кивнула.

— Может, перейдем к делу? — попросил я.

Суровая жестокость ненужной маской слетела с лица Сверкающего Ножа.

— Мы осведомлены, что у вашей жены есть определенные подозрения, — сказал он с таким выражением, что подумалось, будто речь идет о его собственной дочери. — Она ведьма и уже все поняла. Но не желает допускать эту мысль, пока есть хоть какая-то надежда, что ответ может быть менее ужасен. Это не обычное похищение.

— Конечно же!

— Подождите. Я сомневаюсь, относится ли вообще данный случай к категории «похищений». Возможно, он выходит за пределы юрисдикции моего Бюро. Однако, как справедливо сказала ваша жена, здесь в большой степени затронуты интересы национальной безопасности. Я свяжусь с Вашингтоном, пусть там решают. В конечном счете — хоть сам президент. А пока мы не должны раскачивать лодку.

Я перевел взгляд с него на Джинни. Снова бесформенный ужас. Снова — не конкретное существо, с которым можно сражаться, а просто обстановка кошмара.

— Пожалуйста... — прошептал я.

Угол рта Сверкающего Ножа быстро и страшно дернулся. Он заговорил ровной бесцветной скороговоркой:

— Мы установили, что вся кровь принадлежит коту. Обнаружены слабые следы ихора, то есть крови сверхъестественного существа. Не сам ихор, но пятна, вероятно возникшие вследствие его воздействия. Больше нам дало изучение оставленных на полу пятен и царапин. Эти отметины мы идентифицировать не смогли, они не принадлежат ни одному из известных нам существ как обычного, так и сверхъестественного мира. И поверьте мне, идентификаторы в нашей конторе хорошие! И еще. Как ни удивительно, судя по внешним признакам, в дом никто не входил. Мы проверили все возможные способы проникновения... и, опять-таки, нам их известно множество. Ничто не сломано, не снято, не просверлено. Нет ни признака воздействия на символы и предметы охраны. Их поля работают на полную мощность, надлежаще настроены, ловушки в порядке, нигде ничего не нарушено. Поэтому никто и ничто не могло пролететь в дымовую трубу, просочиться в щель, материализоваться, пройти сквозь стену. Или чарами заставить присматривающего за ребенком кота впустить его. Столь же многозначителен тот факт, что никто по соседству не видел и не слышал ничего, вызывающего тревогу. Вспомните о так называемом втором зрении сторожевых собак. Вспомните, как быстро распространяется среди них тревога. Появись на вашей улице с враждебными целями какое-нибудь сверхъестественное существо — поднялся бы гам, перебудивший всех на три квартала вокруг. Вместо этого ваши ближайшие соседи сообщили только, что слышали что-то напоминающее шум кошачьей драки...

Помолчав, Сверкающий Нож закончил:

— Наверняка наши знания в области магии неполны. Однако мы знаем достаточно о применении магии в преступных целях, чтобы сказать с уверенностью: никакого насильственного проникновения в дом не было.

— Так что же в таком случае это было? — закричал я.

Вместо него ответила Джинни:

— Это пришло к нам из Адской Вселенной...

— Теоретически это могло быть и существо небесного происхождения. — Сверкающий Нож коротко и натянуто улыбнулся. — Но с философской точки зрения... это исключено. Девочку похитил кто-то из слуг дьявола.

Джинни упала на стул. Ее лицо было безжизненным, руки безвольно лежали на коленях, глаза полузакрыты. Она забормотала, будто в бреду:

— Подменыш прекрасно подтверждает вашу теорию, не так

ли? Согласно современной науке, перенос материи из одного пространственно-временного континуума в другой требует соблюдения известных физических законов. Психическое излучение вполне может проникать из континуума в континуум. Отсюда — видения, соблазны, вдохновение и так далее. Тут действует принцип неопределенности. Но к объектам реального мира это не относится. Если осуществляется перенос из одной реальности, из одной Вселенной в другую, необходимо объект переноса заменить другим предметом. В нем должно содержаться точно такое же количество материи. Точно так же должно в точности совпадать на момент переноса и строение обоих объектов...

Лицо Сверкающего Ножа выражало тревогу.

— Сейчас неподходящее время ссориться со Всевышним, — пробормотал он.

— У меня не было и нет такого намерения, — вяло возразила Джинни. — Он всемогущ. Но могущество его слуг ограничено. Для них наверняка легче перенести предмет, не меняя его естественной формы, учитывая, что в нем содержится неисчислимое количество имеющих разную скорость атомов.

Гораздо легче обеспечить подобие предмета заменой. Вероятно, то же относится и к обитателям Нижнего Континуума. У них отсутствует творческое начало. По крайней мере, так утверждает петристская церковь. Насколько я понимаю, вероучение иоаннитов включает элементы манихейства. Демон мог перейти из своей Вселенной в любую точку нашего дома, поскольку естественная форма его существования — хаос. Ему для перехода не нужно было ничего, кроме обладающих высокой энтропией грязи, пыли и мусора. Выполнив задуманное, он, вероятно, вернул все это на место. Не исключено, следы этого можно заметить. Я знаю, что во время драки все в доме было перевернуто вверх дном, но было бы полезно произвести лабораторный анализ содержимого помойного ведра, песка для кота и так далее.

Фэбээровец поклонился:

— Мы уже подумали об этом и обнаружили, что содержимое всюду одно и то же.

— О, вы-то как догадались подумать об этом? При таких обстоятельствах... — глаза Джинни раскрылись, и голос ее зазвонел, как медленно вытаскиваемая из ножен шпага: — Наша дочь в Аду, сэр, и мы намерены вернуть ее.

Я подумал о Валерии. Она одна, а вокруг визжащее и крив-

ляющееся нечто, жестокий и безымянный ужас. Она кричит, зовет папу и маму, а они не идут...

Я сидел на кровати, меня окружала ночь, которой не было конца, и слушал доносящиеся с другого конца спальни, будто из опасной пропасти шириной во многие световые годы, слова моей любимой:

— Давайте не будем тратить время на эмоции. Я продолжу дальнейшую реконструкцию случившегося. Если ошибусь — поправьте. Демон (возможно, их было несколько, но я принимаю, что он был один), так вот, демон вошел в наш космос в виде рассеянного скопления материи, но тут же собрался воедино компактной массой. Путем обычной трансформации он принял избранную им форму. Можно принять как истину, что ни Враг, ни любой из его прислужников (если верны утверждения петристов) не стал бы мешать демону и он мог бы принять облик какого-либо реально существующего создания. То, что вам не удалось его идентифицировать, ничего не означает. Это существо могло быть порождено уже забытой мифологией или придумано кем-то, наделенным особо богатым воображением. Может быть, даже на другой планете. Наша семья не особенно набожна. Если бы мы попытались возвести вокруг себя защитную стену из религиозных символов, это было бы лицемерием, а потому оказалось бы бесполезным. Кроме того, несмотря на прежние наши схватки с демонами, мы не ожидали, что один из них вторгнется в обычный пригородный дом, принадлежащий обычной средней семье. В легендах не приводится ни единого подобного случая. Так что вторжению демона ничто не препятствовало. Он располагал всего несколькими фунтами массы. С ним мог бы справиться любой человек, сохранивший присутствие духа. В крайнем случае, обратил бы его в бегство. Демону было бы уже не до выполнения его грязного дела, а мы тем временем успели бы вызвать экзорциста. Но в ту ночь ни одного взрослого человека здесь не было. Свартальф говорить не умеет, а никакого иного средства позвать на помощь у него, очевидно, не было. В принципе, он мог бы одержать победу, но не справился с существом, сплошь состоящим из клыков, когтей, шипов и брони. В конце концов, победив Свартальфа, демон схватил Вэл и унес ее в Нижний Континуум. Предназначенной для обмена массе была придана форма нашей дочери. Я права?

Сверкающий Нож кивнул:

— Полагаю, да.

— Что вы намерены теперь предпринять?

— Честно говоря, сейчас мы не можем сделать много. Мы ничего не можем сделать. Мы не знаем, зачем было совершено преступление. Его мотивов.

— Нам стало известно о них прошлой ночью. Мы приобрели могущественного и опасного врага. Полагаю, что заявления иоаннитов, будто их адепты владеют тайными знаниями, — истина. Эзотерика всегда ассоциировалась не столько с божественным, сколько с дьявольским. Я предлагаю начать поиск с собора

Лицо Сверкающего Ножа, несмотря на покрывавший его слой краски, явно выразило страдание:

— Я уже объяснил вам, миссис Матучек, когда вы впервые догадались, кто может быть ответственным за преступление, что это очень опасно — предъявить обвинение, не имея серьезных улик. Сейчас сложилась крайне деликатная ситуация. Кто может это понять лучше, чем вы? Мы не вправе допустить новых беспорядков. Кроме того... скажу, не скрывая, — это вторжение, возможно, означает начало чего-то гораздо более страшного. Гораздо более худшего, чем похищение вашей дочери...

Я приподнялся.

— Куда же хуже? — тихо сказал я.

Он не обратил на это никакого внимания. Он понимал, что сейчас главная из нас — Джинни.

— Наши знания об Адской Вселенной практически равняются нулю. Я сейчас выдам вам то, что сохраняется в глубокой тайне, потому что подозреваю, что вы и так докопаетесь до правды на основании незасекреченной информации. Лишь очень немногие из гражданских волшебников знают то, что вы сейчас услышите. Армия предприняла несколько попыток проникнуть туда, в Адскую Вселенную. Успех был не больше, чем у института Фауста триста лет тому назад. Пробыв там считанные минуты, люди возвращались в состоянии крайнего психического шока. И не могли рассказать, что с ними случилось. А записи приборов оказались бессмысленными.

— Если только не принять гипотезу Никельсона, — уточнила Джинни.

— Какую гипотезу?

— Гипотезу, что в той Вселенной пространство-время, в отличие от нашего, является неевклидовым и что его геометрия меняется от точки к точке, — сухо пояснила Джинни.

— А, да, мне говорили, что армейские исследователи пришли к такому выводу... — Он увидел торжество, вспыхнувшее в глазах Джинни. — Черт, ловко вы меня поймали в ловушку! — И опять

непреклонным тоном: — О'кей. Вам придется понять, что мы не имеем права действовать вслепую и опрометчиво, когда в действие по непонятным причинам вовлечены неизвестные силы. Результаты могут оказаться катастрофическими. Я намерен доложить обо всем самому директору Бюро. Я уверен, что директор тут же доложит обо всем президенту. И равным образом уверен, что президент прикажет нам не терять бдительности, но, пока мы не узнаем больше, — носа не высовывать...

— А как насчет Стива и меня?

— Насчет вас — все так же. Запомните, если понадобится, с вами свяжутся. Возможно, им нужен выкуп.

— Сомневаюсь. Какой выкуп может потребовать демон?

— Тот, кто наслал демона.

— Повторяю вам, займитесь иоаннитами!

— Займемся. Мы займемся всеми, кто попал в наше поле зрения. Пусть это и не очень разумно, ведь понадобится время.

— А пока что Валерия находится в Аду!

— Если вам понадобится священник для очистки душ, наше Бюро располагает священнослужителями практически всех вероисповеданий. Если хотите, я вызову сюда священника.

Джинни покачала головой:

— Спасибо, не надо. Попросите их, чтобы они помолились за Вэл. Вреда от этого не будет. Правда, сомневаюсь, что это принесет пользу. Но, конечно, никакой священник не может помочь Стиву и мне. Все, что мы хотим, — это получить возможность вернуть свою дочь.

Мое сердце забилося. Оцепенение спало. Я встал.

Сверкающий Нож обхватил себя за плечи руками:

— Я не могу, конечно, допустить этого... хотя вы двое совершили в прошлом почти неправдоподобное. Но ставки сейчас слишком велики, чтобы доверить игру дилетантам. Если вам угодно меня возненавидеть — пожалуйста. Мне будет больно, но, если это послужит вам хоть каким-нибудь утешением... Но я не позволю вам рисковать ни собственной жизнью, ни интересами общества. Вы останетесь здесь. Под стражей...

— Ты! — Я уже почти кинулся на него, но Джинни оттолкнула меня.

— Прекрати, Стив, — жестко сказала она. — Не создавай дополнительных трудностей. Мы — ты и я — сделаем вот что. Если это не помешает следствию, поедим через силу и выпьем сонного зелья. И перестанем дергаться до тех пор, пока не обретем снова способность думать.

Сверкающий Нож улыбнулся:

— Спасибо. Я был уверен, что вы проявите благоразумие.

Я пойду потороплю на кухне, так что вы скоро сможете поесть.

Я закрыл за ним дверь. Я весь трясся от ярости.

— Какого черта нужно было разыгрывать этот фарс? — разбушевался я. — Если он полагает, что мы будем сидеть и ждать, пока чиновники изволят прогоготать свое разрешение...

— Тихо. — Она прижала губы к моему уху и зашептала: — Думаешь, эта поганая стража будет для нас что-нибудь значить?

— О-хо-хо! — в первый раз за все время я рассмеялся. В изданных мной звуках не было ни веселья, ни мелодичности, и все же это было нечто вроде смеха...

ГЛАВА 22

Нельзя сказать, что мы оказались под домашним арестом. Приставленный к нам хорошо воспитанный молодой человек обеспечивал нашу безопасность. И, когда нужно, помогал по хозяйству. Но он дал ясно понять, что, если мы попытаемся выйти из дома или передать кому-нибудь весточку, он вдруг обнаружит, что мы замыслили заговор против Всеамериканской комиссии по торговле. Тогда, как ни печально, ему придется нас арестовать. Очень жаль, но...

У парня была неплохая колдовская подготовка. Агент ФБР должен иметь ученую степень в какой-либо отрасли волшебства или магии, не считая точных наук, таких, как математика, например. Его начальство хотело быть уверенным, что мы не попытаемся выкинуть что-нибудь отчаянное. Для начала Джинни ухитрилась вытянуть из него нужную информацию. Никогда не пойму, как ей удалось это сделать. Не думаю, что она пустила в ход против него чары (я имею в виду чары Искусства).

Ее чары относились скорее к другой области. И против них не мог устоять ни один мужчина с нормально работающими железами внутренней секреции. Но вот что мне по сию пору кажется невозможным — она разговаривала, улыбалась, расцветчивала искрами остроумия какую-то очень ей идущую, чисто женскую, строго отмеренную грусть.

Помахивая ресницами, она постепенно подводила его к рассказам о его былых подвигах... а между тем каждый угол дома вопил о том, что здесь нет Валерии, что Валерия исчезла!

Сославшись на усталость, мы рано покинули гостиную. И действительно, мы очень устали и были крайне измотаны.

— Он хорошо подготовлен в колдовстве, — шепнула моя любимая во мраке нашей спальни. — Но не в практической магии. Постараемся обвести его вокруг пальца. Возьми накидку.

Я понял ее намерения. Кончились эти часы несвободы. Во мне забурилась холодная радость. Я содрал одежду и, натянув волчий костюм, надел ее снова поверх него. Достал шапку-невидимку, без пользы валявшуюся уже годы... Всего лишь, казалось бы, сувенир времен войны.

Джинни подошла и крепко прижалась ко мне всем телом.

— Любимый, будь осторожен! — Ее голос дрожал, и я ощутил, что губы Джинни соленые.

Ей нужно было остаться. Ей придется развеивать возможные подозрения и действовать, если вдруг поступит требование выкупа. Джинни досталась более трудная часть задачи.

Я надел плащ. Закрывавший лицо капюшон пах плесенью. Если точно — не шапка-невидимка, а плащ-невидимка. Маленькие пятнышки видимости показывали, где поработала моль.

Нужно было просто-напросто сбежать из дома, а потом мы надеялись, что представится возможность незаметно вернуться обратно. Слишком много средств разработано в наши дни против шапки-невидимки. Для серьезного дела она уже не годится. Тут и детекторы, работающие на инфракрасных лучах, и банки с краской, взрывающиеся, если сделаешь неверный шаг, и так далее. У нашего, всегда дружелюбно относившегося к нам соседа, несомненно, установлены приборы, которые поднимут тревогу, если поблизости обнаружится изменение поля невидимости.

Джинни вполголоса бормотала заклинания и еще что-то. Все необходимое она принесла в комнату еще днем. Объяснила это тем, что хочет как можно надежнее защитить нас от враждебного нашествия.

Следующий пункт нашего плана был столь же прост. Сверхъестественные силы действуют, пока не очень велик магнетизм Земли. Магнетизм — вот тут и появляются возможности воздействия на эти силы и их изменения. Но сила магнитного поля Земли постоянна. Поэтому обычные поисковые магические приборы не предназначены для обнаружения малых количественных изменений. Джинни придумала хитрую штуку: слабое поле шапки-невидимки постепенно усиливалось по интенсивности вдвое. Теперь по мере моего удаления от дома интенсивность столь же

постепенно будет снижаться вплоть до первоначального значения. Когда я вернусь, Джинни уничтожит всякие следы этой проделки.

В теории все было просто, а вот на практике... Как выяснила Джинни, в доме были установлены приборы слежения. Понадобилась вся ее сноровка, чтобы они не сработали.

Наше бедное старое ФБР! Оно понятия не имело, что имеет дело с Джинни и что нельзя принимать в расчет лишь уровень образования и наличие оборудования. У нее, помимо этого, был еще и Дар!

Она подала сигнал, и я выскользнул в окно.

Ночной воздух был сырой, промозглый. На газоне, в колдовском сиянии уличных фонарей, блестела роса. Я услышал рычание собаки. Вероятно, она почуяла запах моего плаща. И, несомненно, весь наш участок находится под наблюдением... Да, мое колдовское зрение тут же обнаружило прячущегося в тени фонаря Святого Эльма по ту сторону дороги какого-то мужчину. Я старался двигаться как можно быстрее и тише. Шел посередине мостовой. Так меньше вероятности, что меня засечет подлец-карательный или сработает сторожевое поле.

Пройдя несколько кварталов, я оказался на безопасном расстоянии — возле местной школы. Свернув, я запрятал плащ-невидимку на помойке, неподалеку от спортивной площадки. Теперь я мог идти открыто — ничем не примечательный законопослушный обыватель, направляющийся куда-то по своим делам. Ночь близилась к концу — следовало позаботиться, чтобы меня не узнал кто-нибудь из прохожих.

Из первой же телефонной будки я позвонил в дом Барни Стурлусона. Он сказал, чтобы я приходил прямо сейчас. Такси я брать не стал, предпочел маршрутный ковер, ибо понимал, что, потерявшись в толпе пассажиров, легче остаться неузнанным. На ковре я и добрался.

Барни открыл дверь. Прихожая была освещена. Желтый свет падал на широкие плечи хозяина.

Он тихо присвистнул:

— Я понимаю, что тебе лучше побыть сегодня дома, подстригая кустарник. Но, Стив, ты выглядишь так, будто наступил конец света. Что случилось?

— Твои родные не должны нас слышать, — прошептал я.

Он тут же развернулся на каблуках и провел меня в кабинет. Указав мне на обитое кожей кресло, Барни запер дверь, налил

две здоровые порции шотландского виски и, наконец, сам опустился в кресло напротив меня.

— Итак?..

Я рассказал ему. Никогда прежде не приходилось мне видеть на его лице подобной боли.

— Нет, нет... — шептал он.

Затем он встряхнулся, как медведь, готовящийся кинуться в драку, и спросил:

— Что я могу для вас сделать?

— Прежде всего одолжи мне метлу.

— Постой... Я чувствую, что ты действуешь опрометчиво.

Куда ты задумал отправиться?

— Я собираюсь лететь в Силоам и выяснить там все, что удастся.

— Я так и думал. — Барни зашевелился, кресло скрипело под его весом. — Стив, это не шуточки. Силой проникнуть в собор иоаннитов... Наверное, попытаться выбить признание у какого-нибудь священника... Нет. Ты только накличешь новые беды на ваши головы. И это тогда, когда Джинни нуждается в каждой крохе твоих сил и возможностей. Пусть следствие ведет ФБР. Там работают профессионалы. Допустим, улики действительно существуют. Но, гоняясь за ними, ты их скорее всего попросту уничтожишь. Взгляни фактам в лицо, и ты придешь к тому же самому заключению... — Барни внимательно поглядел на меня. — Добавь к этому моральные соображения. Ты был возмущен, когда вчерашняя толпа пыталась настаивать на своем праве устанавливать свои собственные законы! Теперь же ты сам претендуешь на обладание таким правом?

Я сделал маленький глоток, прислушиваясь к ощущению. Виски приятно обожгло горло.

— У нас с Джинни было время все обдумать, — сказал я. — Мы знали, что ты будешь возражать. Но не мешай нам. Я им покажу, где раки зимуют! Не хочу показаться напыщенным, но разве может с нами случиться что-нибудь худшее? Добавь любое число к бесконечности, сколько угодно... — мне пришлось остановиться, чтобы сделать еще глоток, — и ты получишь ту же самую бесконечность. Насчет того, что у ФБР больше возможностей... Мы не собираемся метаться, словно бык в загоне, — лишь бы что-нибудь делать. Поверь, у нас тоже есть мозги. Наверняка Бюро уже давным-давно имеет своих агентов среди иоаннитов, досье на лидеров их церкви и так далее — все, что полагается в таких случаях. Но вспомни, как несколько лет назад проходило

судебное разбирательство преступлений другой церкви. Помнишь, та, что именовалась аббревиатурой ХСУА? В обвинительном заключении, предъявленном церкви генеральным прокурором, не нашлось ни единого веского доказательства. И это несмотря на то, что они открыто отрицали традиции и законы Америки.

— Иоанниты широко проповедуют свои взгляды, — проговорил Барни. — Черт возьми, я и сам согласен с некоторыми их утверждениями! Наше общество сделалось слишком мирским, слишком любящим жизненные блага! Все слишком заняты деланием долларов и погоней за наслаждениями. Все увлечены сексом, и ни у кого нет времени на любовь. Огрубелые, бессердечные люди не обращают никакого внимания на неимущих...

— Барни! — рявкнул я. — Ты пытаешься отвлечь меня, расхолодить, но это со мной не пройдет. Либо ты поможешь, либо я получу то, что мне нужно, но в другом месте...

Он вздохнул, нащупал трубку в кармане своего твидового жилета и принялся набивать ее.

— О'кей. Продолжай. Если мой друг не может найти защиты от незаконных... от ведущих к гибели действий руководителей иоаннитов, разве это не доказательство, что иерархи этой церкви служат дьяволу? Или, может, они просто ничего не знают?

— Гностики хвастают, что обладают силами и знаниями, более никому не подвластными. Каким-то образом они привлекают на свою сторону все больше людей. И все ближе подводят страну к социальным потрясениям, ведущим к... Ладно. Главное вот что — кто еще, кроме них, может быть связан с тем, что случилось? Возможно даже, они ввязались в это дело непреднамеренно. Полагаю, именно так и было. Но с тем, что случилось, они связаны.

Я наклонился к нему:

— Послушай, Барни. Сверкающий Нож признал, что торопиться с расследованием он не будет. А Вашингтон придержит на привязи эту свору еще крепче, чем хочет сам Нож. Нет сомнения, завтра он разошлет агентов расспросить иоаннитов. И, как водится, ничего не узнает. Чтобы получить ордер на обыск в церкви, нужно иметь очень веские доказательства. Особенно если так много людей верят, что эта церковь несет им последнее Слово Божье. И опять-таки, ведь храм представляет собой лабиринт, секрет которого знают лишь посвященные различных степеней. Даже если кому-нибудь и удастся произвести обыск, что он выяснит? Тут не какая-нибудь заурядная задача. Обычные тесты на

наркоманию и тому подобное неприменимы. А будь я Верховный Агент Зефира, я бы сам пригласил фэбээровцев. Пусть смотрят, где им угодно. Всюду, где это допустимо с религиозной точки зрения. Что ему стоит?

— А чего ты можешь добиться? — вопросом ответил Барни.

— Вероятно, ничего. Но я намерен действовать сейчас, а не через неделю. И ни законы, ни общественное мнение меня не остановят. У меня есть кое-какие особые способности и есть опыт борьбы со злом. И еще — они меня не ждут. И — чтобы закончить наш спор — если там есть что искать, то лучшие шансы найти это — у меня.

Барни, нахмурясь, разглядывал меня.

— Что касается моральной стороны дела, — сказал я, — ты, может быть, и прав. С другой стороны, я не собираюсь зверствовать, словно мнимый агент особого назначения, супердетектив Ви-Ноль-Ноль. И несмотря на все опасения Сверкающего Ножа, я, честно, не понимаю, как я могу спровоцировать серьезное вторжение со стороны Нижнего Мира. Это вызвало бы вмешательство Всевышнего, а Враг не пойдет на открытое столкновение. Что хуже, Барни, — незаконное вторжение в чужие владения... может быть, осквернение святынь... или оставленный в Аду ребенок?

Он с маху поставил стакан на край стола.

— Ты прав, — вырвалось у него, и я в удивлении захлопал глазами. — Кажется, я разбил дно у этого стакана...

— Закончили. Мне пора.

Мы встали вместе.

— Тебе нужно оружие? — предложил Барни.

Я покачал головой:

— Давай не будем впутываться в уголовщину. Против того, с кем мне придется столкнуться, оружие, вероятно, не поможет.

Я решил, что не стоит сообщать ему, что за пазухой у меня спрятан нож, а когда я превращусь в волка, оружия у меня будет полная пасть.

— Ах да, — спохватился я, — договоримся, чтобы все было ясно. Я был у тебя. Без сомнения, это может быть установлено, если хорошо постараться. Но я взял у тебя метлу и снова исчез неизвестно куда.

Он кивнул:

— Верю, что тебя ждет удача. Мое помело не такое быстрое, как какая-нибудь спортивная модель, зато летит почти бесшумно. Я отрегулировал его только вчера.

Он постоял мгновение, размышляя. Сквозь окна сочилась тишина, темень.

— Тем временем я тоже начну изыскания. Билл Харди... Янис Вензель, он работает в библиотеке... Гм, мы можем привлечь к работе твоего доктора Акмана. А как насчет профессора Грисволда из университета?.. Я найду и еще людей, способных держать язык за зубами. Тех, кто с радостью захочет нам помочь и готов нести любую ответственность. По крайней мере, мы соберем все незасекреченные данные, относящиеся к Нижнему Континууму. Может быть, добудем что-то из засекреченного. Мы сможем составить уравнения, выделим сведения, предположительно относящиеся к решению нашей проблемы. Потом пропустим весь массив через вычислительную машину и отсеем неработоспособные идеи. Ну, я приступаю к работе прямо сейчас...

Что можно сказать такому парню? Только «спасибо»!

ГЛАВА 23

Похоже, это было вполне в характере церкви иоаннитов. Свой собор (единственный на весь Средний Запад) они воздвигли не в Чикаго, не в Милуоки и вообще не в городе, а в совершенно пустынном месте.

Даже от нашего скромного городка его отделяло миль сто. Местоположение собора олицетворяло и символизировало отношение гностиков к этому миру как ко злу.

Идея спасения с помощью тайных ритуалов и оккультных знаний...

В отличие от петристского христианства, христианство иоаннитов само не придет к вам. Оно возводит лишь маленькие угрюмые часовни, размером едва ли больше тех будок, в которых стоят караульные. Вы сами должны прийти к христианству иоаннитов.

Вызов такого рода кажется очевидным, и поэтому, подумал я, он, вероятно, неверен. Все, что относится к гностицизму, всегда на самом деле иное, чем кажется. Вероятно, так много народу тянется к иоаннитам в наши дни потому, что весь их гностицизм состоит из загадок. Под одной маской у него обнаруживается другая, а внутри лабиринта — другой лабиринт.

Традиционные церкви создали простую и ясную теологию.

Эти церкви четко определяют смысл своих мистерий (хотя тут нужно отметить общеизвестное — что смертные, то есть мы,

не могут постичь все проявления Всевышнего). Они заявляют, что, поскольку этот мир дан нам Создателем, значит, в своей основе он добрый, хороший мир. Многие его недостатки вызваны человеком, и наш долг — стремиться к совершенствованию.

Все это слишком неромантично. А иоанниты апеллируют к мечтам и грезам человека, к ребенку, всегда сидящему внутри нас. Они обещают, что, познав тайну, человек станет всемогущим, а одна из частей этой тайны — отрицание существующего общества.

Я относился к данному утверждению с высокомерной насмешкой, но в то же время... верил, что в нем есть большая доля правды. Однако чем больше я размышлял, тем больше мне казалось, что это утверждение мало что объясняет.

У меня было время и желание подумать. Я летел в ночи, над головой сверкали россыпью звезды, внизу — почти такая же россыпь столь же далеких огней деревень и ферм. Вокруг свистел становившийся все холоднее воздух. Он насквозь пронизывал меня. Теперь я понимал, как мало знаю, как был ленив в учебе — не ленился лишь получать стипендию.

Но я начал понимать и другое. Факты, уже забытые мной, всплывали в памяти и начинали складываться в единую картину. Я чувствовал, что скоро буду понимать больше. Я летел и мрачно размышлял о том, что мне известно о церкви иоаннитов.

Был ли это просто идиотский культ, появившийся то ли два, то ли три поколения назад? Культ, взывавший к чему-то, глубоко погребенному в душе человека Запада? Или он действительно так древен, как утверждают иоанниты, — основан самим Христом?

Другие церкви отрицали это. Само собой, католиков, православных и протестантов нельзя рассматривать как единую общность петристов. Но общественное мнение их такой общностью тем не менее считало. Эти церкви одинаково интерпретировали слова, с которыми Иисус обращался к своим ученикам. Они все признавали особо важную роль, которую играл Петр. Хотя, разумеется, между ними были разногласия (включая вопросы о старшинстве апостолов), но все они совершенно одинаково признавали двенадцать учеников Иисуса.

И еще... и еще... Эти странные слова в последней главе Евангелия от Иоанна:

«Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус, и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст тебя?

Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус

говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того? ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того? Сей ученик и свидетельствует о сем и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его».

Мне были непонятны эти слова, и я не уверен, что их понимают и ученые-библеисты (безотносительно к тому, что сами они утверждают). Конечно, именно здесь берет начало легенда, что Господь наш совершил нечто, чего никто, кроме Иоанна, не знал. Совершил что-то, о чем не поведал другим церквям — петристским и схожим с ними. Это деяние в конце концов станет известно людям и поведет человека к новому помыслу Божьему. Возможно, нынешний культ иоаннитов целиком и полностью зародился в текущем столетии. Но иоанниты трубят, что этот культ тайно существовал уже две тысячи лет.

Это утверждение почти неизбежно ассоциируется с миром потустороннего.

Гностицизм, меняя название, существовал издавна. И всегда считался еретическим течением. В своей первоначальной форме (вернее — формах) он представлял собой попытку растворить христианство в мешанине тайных восточных культов, неоплатонизме и колдовстве. Предание возводит его возникновение к Симону-магу, упоминавшемуся в Восьмой главе Библии и воспоминания о котором приводят ортодоксов в неподдельный ужас.

Современный иоаннизм обрел сомнительную честь, воскресив это древнее, от зари времен, религиозное течение и заявляя, что оно не было ошибкой, а напротив, несло людям высшую истину. Собственно, они утверждают, что Симон-волхв был не извратителем Библии и религии, а пророком.

Насколько вероятно, что все это правда? Может быть, мир действительно стоит на пороге царства Любви? Не знаю. Откуда я могу знать? Но, поразмыслив (причем петристская церковь сыграла не меньшую роль, чем мои эмоции), я решил, что учение иоаннитов — ложь. То, что иоаннизм приобрел такое широкое распространение, я просто отнес на счет столь свойственной человеку тяги к иррациональному.

Так же проста община правдоискателей, исполняющая свои ритуалы и предающаяся различным размышлениям там, где им ничто не мешает. Община притягивает пилигримов, которые нуждаются в крове, заботе и пище. В том же нуждаются священники, псаломщики и другие. Храму (это более точное название,

чем «собор», но иоанниты настаивают на «соборе», чтобы подчеркнуть то, что они являются христианами) необходимы денежные поступления.

Как правило, поступают значительные пожертвования, и эти деньги оказываются в умелых руках. Зачастую вокруг первоначально уединенного храма вырастает целый город. Так возник и Силоам, куда я направлялся.

Просто. Банально. Почему у меня возбуждают беспокойство сведения, известные любому читателю ежедневной прессы? Может, я размышляю над этим, просто чтобы не думать о Валерии? Нет. Чтобы как можно лучше разобраться в том, что бесконечно туманно и запутано.

Что-то там есть еще, что-то за этим кроется... Неужели мне это не кажется, неужели я начинаю понимать их? Но если и так, то что именно я начинаю понимать? Я подумал о нетерпимости иоаннитов. О бунтах и мятежах, вечно устраиваемых иоаннитами. Я вспомнил, как они откровенно признают, что адепты поведуют силами, о которых и вообразить трудно. Ведь это еще более разоблачает их!

Я вспомнил рассказы об отступниках, не продвинувшихся, против их ожиданий, до высших ступеней... Что же такое страшное случилось с ними? Не было ничего преступного, ничего противоречащего нормам морали. Ничего, что щекотало бы нервы. Просто было что-то безобразное, плачевное и что-то подобное ненависти.

Я думал о теологии гностиков. Вернее, о той ее части, что они не скрывали. Какая-то ужасная смесь апокалипсического откровения и логики.

Иоанниты извращенно отождествляли своего Демиурга с Богом Ветхого Завета.

Я подумал об Антихристе...

Но тут меня не хватило. Слишком мало, как я уже говорил, я знал о таких вещах. Пришлось остановиться на том, что думать об этом бесполезно. Ибо Всемогущий и сам справится с ним в любом случае, какое бы обличье он ни принимал... Где-то далеко, чуть ли не на другом краю прерии, замерцали огни. Я был рад, что полет близится к концу, а что дальше случится — неважно. Хватит с меня размышлений.

Силоам — обычные улицы, обычные дворы и дома. Под Главной Аэролинией, возле границы города, написано:

«НАСЕЛЕНИЕ 5240 ЧЕЛОВЕК».

Другая вывеска возвещала, что члены «Клуба Львов» встречаются в ресторане «Котел кобальта».

В городе имелось с пару маленьких предприятий, муниципалитет, начальная и средняя школы, пожарная часть, порядком замусоренный парк, гостиница. И больше ремонтных мастерских, чем необходимо для такого городка. В деловой части города находились универсальные магазины, пара кафе, банк, клиника, кабинет дантиста, аптека... Все как в любом американском городе.

Эта обыкновенность подчеркивала, насколько чуждо все остальное. Хотя близилась полночь, в городе было как в могиле. Улицы пустынные, никто не прогуливался, не шел, взявшись за руки, не было молодых пар. Кое-где виднелись редкие полицейские метлы. И лишь кто-то один, закутанный в мантию, с капюшоном на голове, медленно брел вдоль улицы.

Дома отгородились друг от друга и от остального мира закрытыми ставнями. Горожане спали. А где не спали, там, вероятно, не смотрели магический кристалл, не играли в карты, не пили спиртное и не занимались любовью. Скорее всего они молились или штудировали свои книги в надежде достичь более высокой религиозной степени, овладеть большими знаниями и мощью, обеспечить спасение своей души...

В центре города стоял собор. Он возвышался над плоским городом, точно гора над равниной. Ничего преступного в этой картине не было. Ровные, белые, как слонобая кость, стены вздымались к небесам, а над ними — огромный купол. Издали окна походили на ногти.

И на каждом этаже — один ряд окон. Но затем я увидел еще два витражных, каждое в половину фасада, окна. Мрачными тонами на них были изображены тревожащие душу рисунки. На западном окне — Мандала — священный символ буддистов. На восточном — Око Божье. На западной же стороне вздымалась одинокая башня. На фотографиях она не производила внушительного впечатления, но теперь было видно — она едва не достигала звезд.

На стенах собора играли огни, окна тускло светились. Я слышал молитвенные песнопения. Откуда-то, словно из-под толщи льда, доносились мужские голоса. С ними переплетались голоса женщин. Мелодия была мне незнакома. А слова... Нет на Земле такого языка.

«...Хельфиот Аларита арбар Нениото Мелито Тарасунт Чанадос Умия Тейрура Марада Селисо...»

Мелодия звучала так громко, что ее было слышно, наверное, и на окраинах города. И она была нескончаемой. Хор пел беспрерывно. Всегда под рукой были священники, прислужники, псаломщики, пилигримы, чтобы заменить уставшего певца или певицу. Любого и любую из участников хора.

Мне стало не по себе, как подумал, что дни и ночи напролет людям приходится слушать гимны. Если человек живет в Силоаме, пусть даже он не иоаннит, вероятно, его сознание скоро перестает воспринимать это пение. Но разве не будут постоянно проникать эти звуки в его думы, сны, грезы? Наконец, в самую душу?

Я не мог объяснить, что я сейчас чувствовал. Словами этого не выразишь. Но с каждым ярдом ощущение делалось все сильнее. Ощущение враждебности... или истины, которую я просто не способен воспринять?

Привратник у входа был приятным на вид молодым человеком. Волосы как пакля и голубые глаза. Таких американцев любил описывать Уолт Уитмен.

Я припарковал метлу (участок был огромен, пуст и погружен во тьму), подошел к нему и спросил, можно ли войти. Мгновение он рассматривал меня, потом осведомился:

— Вы не причастник, не так ли?

— Н-нет.

Я был несколько ошеломлен.

Он захихикал:

— Знаешь, чего я тебе скажу? Они уже дошли до «Эльфюэ». Погоди, пока закончат молиться Марии, и входи.

— Извините, я...

— Все, ладно. Веди себя тихо, никто на тебя и не взглянет. В теории ты все равно проклят. Сам-то я в это не верю. Знаешь, чего я думаю? Моя девушка — методистка. Священники тянут волынку, не разрешают мне жениться на ней. Но все равно не поверю, что ей гореть в аду...

Тут он понял, что слишком распустил язык.

— Чего это ты явился так поздно? — спросил он. — Туристы обычно бывают у нас в дневное время.

Я решил, что он не принял обет, просто вольнонаемный. И не более фанатичен, чем обычный средний христианин. Короче говоря, принадлежит к тому большинству, какое есть в любой организации, в любой стране.

Я был готов к такому вопросу и ответил:

— Я путешествую по делам. Получил указание посетить ваш город сегодня рано утром. Задержался и прилетел сюда только

сейчас. Ваш хор так знаменит, что не хотелось бы упускать случай послушать его.

— Спасибо. — Он протянул мне брошюру. — Правила знаешь? Входить и выходить через главный вход. Займешь место в языческом... э-э... туристском приделе. Не шуметь, не фотографировать. Когда захочешь уйти, иди тихо тем же путем, которым пришел.

Я кивнул и пошел к двери. Мощный двор, в нем — вспомогательные здания, выстроившиеся квадратом вокруг собора. Там, где здания не соединялись впритык, между ними поднимались стены, оставляя лишь три прохода с решетчатыми воротами. Учрежденческие, жилые, складские здания выглядели одинаково. Точнее — однообразно. Кое-где виднелись фигуры неспешно идущих куда-то людей. Мужчин трудно было отличить от женщин. И на тех и на других были одинаковые рясы с затеняющими лица капюшонами.

Мне вспомнилось, что иоанниты никогда не были замешаны в любовных скандалах. И это при том, что они практиковали как секс, так и безбрачие. Их монахи и монахини не просто прошли посвящение. Они посвященные. Иоаннизм превзошел баптизм и оставил далеко позади обычные ритуалы и элементарную перемену имени (последнее соответствовало принятой в петристских церквях конфирмации. Кстати, прежнее имя оставалось и использовалось во взаимодействиях со светскими властями).

Годами посвященные умерщвляли плоть, дисциплинировали дух, занимали свой мозг тем, что их святые книги называли «божественным откровением», а неверующие, принадлежавшие к другим церквям, именовали претенциозной чепухой. Нередко это «откровение» считали нераспознанным дьяволопоклонством.

«Да провались оно все...» — подумал я.

Мне необходимо сконцентрироваться на том, что я обязан сделать. Нет сомнения, что эти тихие унылые фигуры в рясах в случае нужды будут действовать быстро и энергично.

...Невозможно отрицать подавляющее впечатление, производимое вблизи собором. А доносившееся из него песнопение заставляло думать, что оно заполняет всю ночь...

Сохранившиеся у меня чувства волка начали отказывать. И хорошо, потому что окружающая обстановка и так угнетала и пугала чуть ли не до смерти. Кожа покрылась едким потом, его холодные капли струйками сбегали по телу, и резкий запах пота бил в ноздри. Весь мир окутался дымкой нереального, весь мир наполнила безжалостная мелодия.

Но Валерия оставалась в Аду...

Я остановился там, где смутный колеблющийся свет был сильнее всего, и прочитал брошюрку. В ней меня вежливо приветствовали и излагали те же правила поведения, о которых мне поведал привратник. На задней обложке был начерчен поэтажный план базилики главного здания. Других схем не было, но я понимал, что на всех этажах как северной, так и южной стороны есть еще много помещений. Есть они и в башне, и даже в куполе. Не составляло секрета, что под собором располагались обширные подземелья. Там проводились обряды. Некоторые обряды, во всяком случае.

Что я еще знаю? Чем выше духовная степень, тем больше тайн святилища открывается посвященному. А в самые тайные святилища вход открыт только адептам, и лишь они знают, что там происходит.

Я поднялся по ступенькам собора. Огромные двери были открыты. По обеим их сторонам торчали два здоровенных монаха. Монахи стояли неподвижно, глаза обыскивающе скользили по мне.

Длинный, с низко нависшим потолком, стерильно чистый вестибюль был совершенно пуст, если не считать купели со святой водой. Ни крикливой доски объявлений, ни приходских извещений, ни корявых рисунков, сотворенных учениками воскресных школ. Посредине вестибюля стояла монахиня. Она указала мне на коридор, ведущий налево. Другая, стоявшая рядом с ней, выразительно покосилась на коробку с надписью: «Пожертвования». Пришлось опустить туда пару долларов.

В воздухе носилось что-то странное. Не только пение, запах ладана, пристальные взгляды — что-то неосоздаемое, какие-то силы, от которых напряглись все мышцы моего тела.

Я вошел в боковой придел собора. Он был огражден канатами. Скамьи в несколько рядов. Очевидно, придел предназначался для посторонних. Я был здесь один. С минуту я осматривался. Предел был огромен и производил потрясающее впечатление. Я сел. Еще несколько минут я потратил на то, чтобы постичь окружающее, в чем потерпел неудачу.

Эффект превосходил всякое понимание. Геометрия голых белых стен, колонн, свода — ее просто не с чем было соизмерить. Человек оказывался как бы в бесконечно тянущейся куда-то пещере. И в густом сумраке господствовал собор. Око Божье над алтарем и Мандала над возвышением, где находился хор. Но и они казались нереальными, они были где-то за орбитой Луны, а

редкие свечи мерцали, будто звезды. Пропорции, изгибы, пересечения — все служило созданию впечатления, что человек оказался в бесконечном лабиринте.

Раньше на краю неба виднелись фигуры полдюжины служек, теперь они исчезли, но, может быть, это были просто прихожане. Церковь иоаннитов намеренно унижала свою паству.

У алтаря стоял священник. Рядом — два прислужника. Взглянув на их белые мантии, я понял, что они посвященные. На расстоянии они казались совсем крохотными. Только священник почему-то не казался маленьким. У него была белая борода, на плечах — черно-голубая ряса. Высокого роста. Адепт. Он застыл, неподвижно раскинув руки...

Мне стало страшно, я боялся его. Он молился, а может...

Кадила раскачивались, я задыхался от их дыма. Над головой хор все вел свою монотонную мелодию. Никогда в жизни я не чувствовал такого страха.

Отведя взгляд, я принудил себя внимательно оглядеть окружающее. Так, будто это вражеская крепость, в которую необходимо проникнуть. Что бы со мной сейчас ни творилось, не здесь ли скрываются виновники того, что произошло с моей девочкой?

При мысли о Валерии во мне проснулась ярость. Ярость тут же сделалась такой сильной, что ко мне вернулась смелость. Колдовское зрение помочь мне здесь не могло. Тут наверняка приняты все меры против подобных магических штук. Оставалось обычное зрение. Глаза постепенно адаптировались к полутьме. Все мои чувства, не только зрение, были мобилизованы и напряжены до предела.

Место, отведенное для тех, кто не принадлежит к иоаннитской церкви, было расположено как можно дальше от алтаря. По левую сторону собора, справа от меня, до самого нефа тянулись ряды скамей. Слева, вдоль северной стены, оставался проход. На возвышении, прямо надо мной, громоподобно ревел хор. Впереди, где обрывались ряды скамеек, висел, скрывая большую часть поперечного нефа, занавес, украшенный черными звездами.

Я подумал, что ничто из увиденного не подсказывает, как проникнуть, куда мне надо.

Мягкими шагами прошел мимо меня монах. Поверх рясы на нем был длинный стихарь, расшитый каббалистическими знаками. На подороге к поперечному нефу он остановился у плиты, на которой горели свечи, зажег еще одну и простерся на полу. Пролежав так несколько минут, он встал, поклонился, отступил на несколько шагов и обернулся ко мне.

Я видел такое одеяние на фотографиях. Так одевались те, кто пел в хоре. Очевидно, его только что сменили, и он, вместо того чтобы тут же снять это одеяние, предпочел сперва приобщиться к Божьей милости.

Когда монах миновал меня, я направился за ним следом. Между стеной и скамьями оставалось свободное место. Нависший сверху балкон для хора отбрасывал такую густую тень, что я едва заметил, как монах проскользнул в дверь, открывшуюся в ближнем ко мне углу.

Идея блеснула, словно молния. Я сел, внешне совершенно спокойный, на деле же я был напряжен до предела. Оглядел из конца в конец базилику. Никто не обращал на меня внимания. Вероятно, священник и служки не видели меня. Тут все было спроектировано так, чтобы навязчивые язычники мешали службе как можно меньше. Сквозь громкое пение я слышал шаги монаха, но мои уши не уловили поворота ключа в замке. Путь был свободен.

А что дальше? Этого я не знал. Да это меня и не особо заботило. Если меня сразу сграбастают — я турист-остолоп. Выругают и выкинут пинком под зад, а я попытаюсь найти какой-нибудь другой способ проникнуть внутрь. Если меня схватят, когда я достаточно глубоко проберусь в глубины собора... — что ж, я готов рискнуть.

Я подождал еще триста миллионов микросекунд. Я ощущал каждую из них. Надо дать монаху достаточно времени, чтобы он успел убраться отсюда. И пока длились эти секунды, я опускался на колени и сгибался все ниже и ниже, до тех пор, пока меня совершенно не скрыла спинка скамейки. И наконец я встал на четвереньки. Пора!

Я поспешно, хотя и не очень быстро, пополз в залитый тенью угол. Поднявшись на ноги, оглянулся. Адепт стоял в прежней позе и походил на мрачное привидение. Прислужники производили какие-то сложные манипуляции со священными предметами. Хор пел.

Кто-то бил себя в грудь, покидая собор через южный придел. Я подождал, пока он уйдет, затем взялся за дверную ручку. От нее исходило странное ощущение. Я очень медленно повернул ее. Дверь заскрипела, но ничего не случилось. Заглянув внутрь, я увидел цепочку тусклых голубых фонарей.

Я вошел.

И оказался в прихожей. Отделенное занавесью, за ней нахо-

дилось помещение больших размеров. И там, и здесь было пусто. Но такая удача не могла продолжаться долго.

Всего занавесей было три. За второй открывалась спиральная лестница, откуда доносились звуки гимна. За третьей тянулся коридор. Большая часть его была заставлена вешалками с висящими на них стихарями.

Очевидно, иоаннит, получив наставление где-то в другом месте, должен был надеть здесь стихарь и затем уже подняться на возвышение, где пел хор. Кончив петь, он возвращался тем же путем.

Если хор состоит из 601 певца, меняться поющие должны достаточно часто. Возможно, сейчас, ночью, когда хор состоит в основном из священников, более тренированных, чем энтузиасты-миряне, смены проходят не так часто. Но в любом случае мне лучше здесь не оставаться.

Костюм будет мешать, если я превращусь в волка. Снять его и оставить под этими свитерами-распашонками? Однако, если кто-то случайно увидит меня босого, в плотно прилегающей к телу одежде — костюме «волчья шкура», — ему будет трудно поверить в мои добрые намерения.

Я вытащил из-за пояса ножны, достал нож и сунул его в карман куртки. И отправился в путь...

ГЛАВА 24

Коридор тянулся вдоль всего здания. В стенах его было множество дверей. В основном там, видимо, размещались обычные кабинеты и канцелярии. Что-нибудь в этом роде. Двери были закрыты, свет погашен. На матовом стекле виднелись надписи. Так, например, «Пост пропагандиста. Отдел 12».

Что ж, отсюда брались под контроль обширные территории. Проходя мимо одной из дверей, я услышал стук пишущей машинки. Я как-то привык слушать одно бесконечное песнопение, и вдруг — стук машинки. Это так испугало, будто я услышал стук челюстей скелета.

Планы у меня были смутные. Очевидно, Мармидон — священник, участвовавший в демонстрации у предприятий «Источника», — получает указания из этого центра.

Выполнив поручение, он вернулся сюда, чтобы собрать очистили его от греха общения с язычниками. Сложные, тщательно разработанные заклинания очистят его быстрее, чем это произо-

шло бы естественным путем. В конце концов, я мог ориентироваться только на Мармидона. Если он ни при чем, я могу угрожать на поиски в этом крольчатнике дней десять. Причем без всякой пользы.

От коридора ответвлялись идущие то вверх, то вниз лестницы. Куда они вели, указывали надписи на стенах. Я на это рассчитывал. Сюда, должно быть, являлось множество мирян и пришлое духовенства, у которых были какие-то дела в канцелярии и кабинетах собора — в незасекреченных отделах, конечно. Вот и он: «Мармидон — 413».

Он посвященный Пятой степени, а этот ранг расценивался достаточно высоко. Еще две ступени — и он становится кандидатом на Первую степень, то есть — на получение звания Адепта. Поэтому я решил, что он не простой священник, капеллан или миссионер, а, скорее, принадлежит к руководящей верхушке собора. Но тут мне пришло в голову, что я не знаю, в чем состоят его обычные обязанности...

Я шел теперь с удвоенной осторожностью. На площадке третьего этажа путь преградили ворота из сварной стали. Они были заперты. «Неудивительно, — подумал я. — Добрался туда, где обитает высшее духовенство». Ворота были не настолько высоки, чтобы ловкий человек не смог перелезть через них.

Помещение, куда я попал, внешне не отличалось от предыдущих. Но по коже пробежали мурашки — так много было здесь энергии сверхъестественного.

Четвертый этаж не походил на Мэдисон-авеню. Коридор здесь был облицован кирпичом, с цилиндрического свода свисали масляные лампы, имеющие форму чаши Грааля. По коридору металась огромная тень. От стен отражалось эхо песнопения. Воздух пах как-то странно — кислотой, мускусом, дымом. Комнаты, должно быть, были здесь очень большие, так как двери, выполненные в виде стрельчатых арок, находились на значительном расстоянии друг от друга. На дверях были лишь таблички с именами, никаких номеров, но я решил, что порядок нумерации здесь такой же, как и всюду.

Одна дверь на моем пути оказалась открытой. Оттуда лился неожиданный здесь яркий свет. Я осторожно заглянул туда и увидел множество полок с книгами. Некоторые книги казались древними, но большинство были современными... Да, эта толстая, должно быть, «Руководство по алхимии и метафизике», а вон та — «Энциклопедия таинственного», а вон та — переплетенная подборка «Души»... Что ж, каждому ученому нужна своя

подручная библиотека. Но наверняка здесь проводятся очень странные исследования. Это уж такое мое счастье, что кто-то продолжал работать так поздно ночью.

Я рискнул посмотреть поближе. Скользнул к косяку. В комнате находился мужчина. Один. Он был громаден, выше Барни Стурлусона. Но он был стар, очень стар. Ни волос, ни бороды у него не было. Лицо... такое лицо должно быть у мученика или у мумии Рамзеса.

Старик был облачен в рясу Адепта. На столе перед ним лежала книга, но он не глядел в нее. Неподвижны были его глубоко посаженные глаза, а руки медленно двигались по странице. Я понял, что он слеп. Книга, однако, была обычной, это не был шрифт Брайля.

Свет, вероятно, включался автоматически. А может, за полками работал еще кто-то. Я тихо скользнул мимо дверей.

Кабинет Мармидона оказался несколькими ярдами дальше. Под его именем и рангом на латунной дощечке было обозначение: «ЧЕТВЕРТЫЙ ПОМОЩНИК — ЗВОНАРЬ».

Ради всего святого, этот недомерок, он что — звонит в колокола?

Дверь была заперта. Я мог бы вывинтить задвижку или шурупы, на которых держались дверные петли, для этого у меня был нож. Но лучше подождать, пока рядом совсем никого не будет. А тем временем я, пожалуй, суну нос в...

— Кто тут?

Я мгновенно обернулся. В дверях своего кабинета (того, который выходил в библиотеку) стоял Адепт. Он опирался на посох. Но его голос звучал как-то странно, так что мне не верилось, что он вообще нуждается в опоре. Меня охватила тревога. Я и забыл, каким могуществом обладают маги. А он — маг.

— Пришелец — ты кто? — припер меня к стене грохочущий бас Адепта.

Я облизал пересохшие губы.:

— Сэр... Ваша Просвященность...

Посох поднялся, указывая на меня. На нем был изображен главный символ иоаннитов: крюк, переkreщенный Т-образным крестом. И это была не просто палка со знаком, это был волшебный жезл.

— От тебя веет падалью, — сказал Адепт. — Я слеп, но чувствую это. От тебя веет опасностью. Назови себя.

Я коснулся ножа в кармане и фонарика превращения за пазухой. Сейчас эти предметы были для меня бесполезны. Но когда

пальцы ощутили их, они сделались для меня как бы талисманами. Я мог воспользоваться ими, если подвернется случай. Во мне вновь проснулись воля и разум. Ударами пульса прозвучала мысль: мне везет больше, чем я мог рассчитывать. Он сам заговорил со мной. Он — жуткий старик, этот сукин сын, но он — человек. Какие бы силы ни повиновались ему, я держу его в поле зрения.

Тем не менее мне пришлось пару раз откашляться, прежде чем он смог услышать от меня пару слов. Слова мои, как мне показалось, звучали скомканно и неуверенно:

— Я... я прошу прощения у Его Просвященности... Он появился так неожиданно. Не будет ли он так любезен сказать мне, где сейчас находится Посвященный Мармидон?

Адепт опустил свой посох. Это было его единственное движение. Его мертвые глаза неподвижно уставились на меня. Лучше бы он действительно был зрячим.

— Какое у тебя к нему дело?

— Извините, Ваша Просвященность. Секретное и неотложное дело. Как узнали Ваша Просвященность, я э-э... не совсем обычный посланец. Могу признаться, что собирался поговорить с посвященным Мармидоном в связи с э-э... трудностями, возникшими по делу компании «Источник Норн». Выяснилось, что это гораздо более важно, чем сперва казалось.

— Это я знаю. И знаю, конечно, когда вернется Мармидон. Я вызывал... Узнавал. Достаточно. Это тот сдвинувшийся с места камень, который может вызвать лавину.

У меня возникло дикое ощущение, что эти слова предназначались не мне, а кому-то другому. И почему это дело заставило тревожиться и его тоже? Но я не осмелился потянуть время для раздумий.

— В таком случае Ваша Просвященность поймет, почему я так спешу и почему не могу нарушить клятву никому не разглашать порученное дело. Никому, даже Его Просвященности. Если он даст мне возможность узнать, где келья Мармидона...

— Провинившийся живет отдельно от братии. Он плохо выполнил свой пастырский долг и навлек на себя гнев Святоносно-го. На него наложена епитимья. Пока над ним не совершат обряд очищения, можешь не искать его. — И неожиданно резко: — Ответствуй мне! Откуда ты явился? Чего добиваешься? Как это может быть, что от тебя несет опасностью?

— Я... не знаю, — заикаясь, пробормotal я.

— Ты не освящен?

— Видите ли, Ваша Просвященность... если вы... если он, ну, возможно, тут имеет место недопонимание. Меня... мое начальство приказало мне связаться с Мармидоном. У входа мне сказали, что я могу разыскать его здесь, и дали ключ от ворот.

В эту скромную фразу мне удалось вместить куда больше наглой лжи, чем я мог надеяться. Великолепное вранье! Учитывая, что он тоже сопричастен.

Он растерялся. Что делать дальше? Удивляться?

— Полагаю, что это, может быть, была их ошибка.

— Да. Низшему духовенству, естественно, ничего не сообщали...

Маг задумался.

— Если Его Просвященность скажет, куда мне идти и к кому обратиться, я больше не буду беспокоить его.

Он принял решение:

— Секретариат ночного аббатства, комната 107. Спроси посвященного Хезатоуба. Из тех, кто сейчас там находится, ни один не обладает достаточной информацией по делу Матучека. Проконсультируйся с ним.

По делу Матучека?..

Пролетев слова благодарности, я едва ли не бегом удалился. И пока шел по лестнице, непрерывно чувствовал между лопатками пристальный взгляд невидящих глаз. Прежде чем снова перелезть через ворота, я позволил себе на мгновение остановиться, чтобы опомниться.

Я знал, что едва ли располагаю временем. Адепт, может, несколько дряхл, но только несколько. Вряд ли он особо обеспокоен моим появлением. Но если он решит выяснить побольше? Тогда, возможно, он не ограничится телефонным звонком брату Хезатоубу. Если у меня действительно есть шанс узнать что-то, надо спешить.

Куда, однако, мне идти? Как идти? На что я рассчитывал? Пора сознаться, что эта рискованная затея слишком уж отдает донкихотством. Пора смываться.

Ну, нет! Пока есть возможность, нужно атаковать самую большую ветряную мельницу. В работу включился мозг. Нет сомнения, что верхние этажи и подвалы собора предназначены для священников самого высокого ранга. В древности приверженцы древних культов проводили главные обряды под землей. Пожалуй, лучше всего мне поискать Мармидона в подземельях собора.

Я ощутил, как на лице сама собой появилась судорожная улыбка. Ему вряд ли стали облегчать наказание, заклинаниями

лишив его запаха. Вот еще одна причина полагать, что он упрятан в подвал. Упрятан слишком далеко, чтобы его можно было отыскать с помощью даже обоняния.

С помощью человеческого обоняния!

Я вернулся на первый этаж и поспешно начал спускаться вниз. Все шло как по маслу. Было уже далеко за полночь. Чародеи, наверное, поглощены своими делами. За немногим, быть может, исключением.

Я уже спустился двумя этажами ниже. Здесь, видимо, помещались склады и кладовые, где хранился дворницкий инвентарь и тому подобное. На одном из этажей я увидел монашку, драившую пол голыми руками. Обычная ее работа? Искупление вины? Самоуничтожение? Она была единственным человеком, которого я встретил здесь. Она меня не заметила.

Дальше по пути мне снова встретились запертые ворота. По ту сторону, за ними, лестница делалась круче. Вокруг был уже не бетон, а грубо отесанный камень. Я уже углубился в скальное основание собора. Стены были холодными до озноба, влажными. Холодным был и воздух. Современного освещения здесь не было, оно осталось там, позади. Путь мой освещали только свечи, вставленные в далеко стоявшие друг от друга железные подсвечники. Свечи были оплывшие. Снизу тянуло сквозняком. В тусклом свете прыгали уродливые тени. И я наконец-то был избавлен от этого бесконечного песнопения. А лестница все вела вниз!

И снова бесконечно вниз.

Но вот лестница кончилась. Я ступил на пол созданной природой пещеры. Редкие голубые огни выхватывали из колеблющегося мрака очертания сталагмитов и сталактитов. Над входами в тоннели были укреплены Руки Славы. Я знал, что высшие иерархи иоаннитов пустили в ход все свое влияние, чтобы получить разрешение полиции на эти приборы. Действительно ли они понадобились иоаннитам для проведения исследований?

Из одного тоннеля доносился шум бегущего под землей потока. Из другого сочился тусклый свет, несло ладаном, слышался чей-то дрожащий голос. Молитва, бдение, чародейство или еще что-то?

Я не стал задерживаться, чтобы выяснить, что там такое. Быстро скинул с себя одежду и обувь. Спрятал все это в расщелине скалы. Нож заткнул за эластичную резинку трусов.

Направив на себя линзу, я трансформировался. При этом постарался, конечно, не слишком поддаваться квазисексуальным ощущениям и вбил себе в голову, для чего я совершаю превраще-

ние. Чувства и мышцы зверя должны служить поставленной человеком цели.

Поэтому, как я заметил, превращение проходило трудно. Чтобы закончить его, мне понадобилось вдвое больше времени по сравнению с тем, сколько это обычно занимало. Несомненно, влияли антиколдовские заклинания. Вероятно, мне не удалось бы стать волком, если бы не мои хромосомы.

Но мне это удалось. Никакого сомнения. Я снова стал волком!

И без того слабый свет потускнел так, что только мешал. Волк не так зависит от зрения, как человек. Уши, ноги, язык, каждый волос моего тела и прежде всего нос — впитывали поток информации. Пещера перестала быть местом, где я мог бы оступить. Любую пещеру теперь я мог постигнуть сразу.

И... да, это не ошибка. Из одного тоннеля слабо тянуло запахом тухлого мяса — отвратительным запахом. Я едва успел подавить вой вышедшего на охоту волка и затрусил к тоннелю...

ГЛАВА 25

Проход был длинным, извилистым, пересеченным множеством других тоннелей. Не веди меня мое обоняние, я бы скоро заблудился. Путь освещали испускавшие огонь Руки — над каждой выбитой в скале кельей. Но кельи встречались редко. Общеизвестно, что кандидат на первую ступень посвящения должен в одиночестве провести здесь сутки, но лишь в отдельных случаях после этого на него снисходило благочестие и святость. Утверждали, что так душа вознаграждается за творимые без помех молитвы и размышления. Но я подозревал, что на них нисходит отнюдь не святость...

Некие запахи, едва уловимые даже моим волчьим обонянием... от них шерсть на загривке становилась дыбом.

Через некоторое время все эти запахи были заглушены другим, след которого и вел меня. Когда наконец я добрался до источника запаха, пришлось на время задержать дыхание. Так, не дыша, я и заглянул в келью.

Тусклое голубое свечение, льющееся с пальцев над входом, давало света вряд ли больше, чем ночник в большой палате. На соломенном тюфяке спал Мармидон. Чтобы было теплее, он укрылся рясой. Столь же грязной, как и его кожа. Помимо рясы, у него был сухарь, жестяная банка с водой, чашка, иоаннитская Библия и свеча, чтобы можно было читать Библию. Должно быть,

он покидал келью только тогда, когда нужно было посетить расположенную дальше по тоннелю каморку с люком. Но и если бы он вообще не выходил из кельи, особенной разницы не было. Ф-фу!

Отступив немного, я превратил себя в человека. В этом облике зловонные испарения действовали на меня не так сильно. Да и вновь обретенный человеческий разум человека взял верх над инстинктом зверя. Кстати, Мармидон, несомненно, даже не замечал зловония.

Я вошел в его жилище. Опустившись на корточки, я потряс его за плечо. Свободной рукой вытащил нож.

— Вставай, ты!

Он забарахтался, проснулся и, увидев меня, застыл с разинутым ртом. Должно быть, я представлял собою весьма зловещее зрелище. На голое тело надето местами что-то черное и облегающее, а на лице нет и тени милосердия. Впрочем, и его лицо с ввалившимися глазами выглядело тоже неважно в этом мертвенном свете. Он не успел закричать — я зажал ему рот ладонью.

Щетина на небритой физиономии кололась. Тело посвященного колыхалось, как тесто.

— Тихо, — произнес я выразительно. — Или я выпущу тебе кишки.

Он показал знаками, что согласен, и я отпустил его.

— М-м-мистер Матучек... — шептал он и, съезжившись, все старался отползти от меня, пока не наткнулся на стену.

Я кивнул:

— Пришел потолковать с тобой.

— Я... Как... О чем, во имя Господа?

— Верни мне мою дочь в целости и сохранности.

Мармидон чертил в воздухе кресты и другие знаки.

— Вы сошли с ума? — Он нашел в себе силы внимательно посмотреть на меня и сам ответил на свой вопрос. — Нет. Я могу сказать это твердо...

— Я не одержим демоном! — прорычал я. — И я не сумасшедший. Говори!

— Н-но мне нечего сказать. Ваша дочь? Я и не знал, что у вас есть дочь!

Мир закружился. Я попятился назад.

Он не лгал. Он не мог лгать в таком состоянии.

— А?.. — только и мог выдать я.

Он немного успокоился, пошарил вокруг в поисках очков.

Нашупав, нацепил их и, опустившись на тюфяк, вновь взглянул на меня.

— Это святая правда, — сказал он настойчиво. — Почему у меня должны оказаться сведения о вашей семье? Почему кто-то из вашей семьи должен оказаться здесь?

— Потому что вы сделались моими врагами!

Во мне опять закипела ярость.

Он покачал головой:

— Мы никогда не враждуем с человеком. Как мы можем сделаться его врагами? Мы используем Евангелие Любви.

Я фыркнул. Он отвел глаза.

— Что ж, — голос его дрогнул. — Все мы — сыны Адама. Мы тоже, как и любой другой, можем впасть в грех. Признаю, что тогда меня охватил гнев... когда вы выкинули... этот фокус... когда ваша хитрость заставила нас... заставила те невинные души...

Я взмахнул ножом. Лезвие сверкнуло..

— Прекрати болтать чепуху, Мармидон! Единственная невинная душа в этом деле — трехлетняя девочка. Ее похитили. Она в Аду!

Его рот широко открылся, глаза выпучились, как у лягушки.

— Говори! — приказал я.

Какое-то время он не мог выдать из себя ни слова, а потом в совершеннейшем ужасе просипел:

— Нет! Невозможно! Я бы никогда... никогда!!!

— А как насчет твоих дружков-священников? Который из них?

— Никто! Клянусь. Этого не может быть...

Я кольнул его острием ножа в кадык. Он содрогнулся:

— Пожалуйста, разрешите мне узнать, что случилось. Разрешите мне попробовать помочь вам.

Я убрал нож; пошатываясь.. прошел пару шагов, сел; хмурясь, потер лоб. Все это расходилось с тем, что я думал сперва.

— Послушайте, — начал я обвиняющим голосом, — вы сделали все от вас зависящее, чтобы лишить меня смысла моего существования. А когда вся моя жизнь пошла под откос, что я должен подумать? Если вы невиновны, вам лучше представить мне убедительные доказательства этого...

Посвященный сглотнул слюну:

— Я... Да, конечно. У меня не было намерения причинять какой-либо вред. То, что вы сделали... делаете... это грех. Не обрекайте себя на вечное проклятие. И не толкайте других на такой же путь греха. Церковь не может оставить это без внимания. Ее

служители... большинство из них... помогут вам во всем, что только от них зависит.

— Кончайте проповедь! — приказал я. Помимо всего прочего, я не хотел, чтобы возгоравшийся в нем пыл пересилил его страх передо мной. — Придерживайтесь фактов. Вы были посланы натравливать на нас ту банду. Вы их подстрекали!

— Нет... Хорошо, я вхожу в состав добровольцев. Когда происходили те события, мне разрешили принять в них участие. Но не для того, чтобы... чтобы сделать то, о чем вы говорите... нет, чтобы оказать помощь, помощь советом, осуществлять духовное руководство... ну, и обеспечить защиту против возможного с вашей стороны колдовства... Ничего более! Вы же сами напали на нас.

— Конечно, конечно. Это мы начали пикетирование, а когда оно не сработало, силой вторглись на чужую территорию, установили блокаду, учинили факты вандализма, терроризма... Ха-ха! И действовали вы исключительно в качестве частного лица! Правда, когда вы потерпели неудачу, то нашли поддержку и утешение у вашего руководства. И уже вернулись к исполнению своих обычных обязанностей.

— На меня наложена епитимья за то, что я согрешил гневом, — заявил он.

Легкая дрожь пробежала у меня по позвоночнику. Ну вот, теперь мы добрались до главного.

— Вас поместили сюда не просто потому, что вы рассердились на нас. Что вы сделали на самом деле?

Его снова охватил ужас. Он воздел бессильные руки.

— Пожалуйста... Я не могу... Нет!

Я поднес нож к его лицу.

Мармидон нахмурился и быстро сказал:

— Разгневался на вашу жестокость, упрямство... и наложил на вас всех проклятие. Проклятие Мабона. Посвященные отцы... Не знаю, как они узнали о том, что я сделал, но Адепты наделены даром... Когда я вернулся, мне сказали, что последствия могут оказаться губельными. Ничего больше я не знаю. Пока я находился здесь, мне никто ничего не говорил. Никто не приходил сюда... Что, действительно были какие-то последствия?

— Как сказать... Что это за проклятие?

— Это не заклинание. Вы понимаете между ними разницу, не так ли? Заклинания, используя законы волшебства, вызывают к действию сверхъестественные силы или призывают нечеловеческие существа. Это, мистер Матучек, то же самое, что нажать

спусковой крючок или свистнуть собаке. Это — как использование любого инструмента. Молитва — другое. Это мольба, обращение к Всевышнему. Проклятие — не что иное, как формула, в которой содержится просьба... ну, наказать кого-то. Всевышний либо его ангелы выполняют просьбу, если увидят, что человек должен быть наказан. Лишь им дано судить...

— Повторите его.

— Да вы что! Это опасно!

— Вы только что утверждали, что само по себе оно безвредно...

— Разве вы не знаете? Молитвы иоаннитов не то же самое, что молитвы петристов. Нас осеняет особая милость Божья, его особый промысел. Мы обладаем особым знанием, мы — возлюбленные дети его. Наши молитвы могущественны сами по себе. Я не могу предсказать, что случится, если я произнесу эти слова... Пусть даже у меня нет никаких намерений, но в подобных условиях... когда нельзя проконтролировать...

«Очень может быть...» — подумал я.

Сущность гностицизма в древние времена состояла в поиске силы и власти с помощью древних знаний. В овладении мощью, превышающей мощь самого Бога. Несомненно, Мармидон будет искренне утверждать, что его церковь возродила эту идею, но он еще не получил статуса Адепта. Самые конечные тайны от него сокрыты. Без особого энтузиазма я подумал, что непохоже, чтобы он был способен совершить преступление. Этот коротышка в душе был неплохим человеком.

Меня осенило. Еще полсекунды я обдумывал эту мысль. А если логически продолжить ее... Предположим, что основоположники современного гностицизма сделали какое-то открытие, вооружившее их до сих пор неизвестной мощью. Результаты убедили их, что они оказывают воздействие на самого Бога.

Предположим далее, что они ошиблись... были введены в заблуждение. Потому что, пропади они пропадом, идея, что смертные хоть как-то могут влиять на Всемогущего, не имеет никакого смысла. Какой вывод следует из всех этих предположений? Следующий.

Вне зависимости, знают ли они об этом или нет, благословения и проклятия иоаннитов являются в действительности не молитвами, а особо искусным, имеющим чрезвычайную силу колдовством!

— Я могу ознакомить вас с текстом. — Мармидон весь дро-

жал. — Вы можете прочесть его сами. Он не относится к числу запретных.

— Ладно, — согласился я.

Он зажег свечу и раскрыл книгу. Мне приходилось издали видеть иоаннитскую Библию, но никогда не выпадало случая хоть полистать ее. Иоанниты заменили Ветхий Завет чем-то таким, что даже неверующие вроде меня сочли богохульством. Обычно текст Нового Завета сопровождался множеством апокрифов, добавлением других произведений, источник которых не мог определить ни один ученый.

Трясущийся палец Мармидона коснулся отрывка в последнем разделе. Я сощурился, пытаюсь разобрать мелкий шрифт. Текст на греческом шел параллельно с переводом на английский. Отдельной строчкой шли пояснения смысла слов вроде тех, что были в распеваемом наверху гимне.

«Свят, свят, свят. Во имя семи гномов. О, Мабон, праведный, безмерно Великий Ангел Духа Святого, надзирающий над изливающимися гнев и хранящими тайну бездонной Бездны, приди ко мне на помощь, излей горе на тех, кто причинил зло мне, чтобы могли и они познать раскаяние и дабы не страдали больше слуги скрытой от очей человеческой Истины и Царства, которое грядет. Словами этими призываю тебя, Гелифомар, Мабон Сарут Эннанус Сацинос.

Амен, амен, амен...»

Я закрыл книгу:

— Не думаю, чтобы такого рода заклинания чего-нибудь стоили, — медленно сказал я.

— О, можете повторить это вслух, — выпалил Мармидон. — Вы — можете. И обычный церковный причастник тоже может. Но я — звонарь, или, как вы говорите, — заклинатель. Не слишком высокого ранга, не слишком искусный, но и мне дарована определенная милость.

— Ах так... — Я с болью начал понимать истину. — Ваша повседневная работа состоит в том, чтобы вызывать демонов и руководить ими...

— Не демонов. Нет, нет! По большей части — обычных существ сверхъестественного мира. Иногда — ангелов низшего разряда.

— Вы имеете в виду существо, сказавшее вам, что оно — ангел?

— Но оно и есть ангел!

— Неважно! Так вот что случилось! Вы говорите, что разгне-

вались до безумия, прокляли нас. Прочли эту молитву темным силам. Я утверждаю, что, сознательно или нет, но вы занимались колдовством. Поскольку детектором ничего не зафиксировано, этот род колдовства еще неизвестен науке. Это был призыв к кому-то, живущему за пределами нашей Вселенной. Что ж, вы, иоанниты, кажется, ухитрились наладить связь с иным миром. Вы верите, большинство из вас верит, что этот мир — Небеса. Я утверждаю, что вас обманывают. На самом деле этот мир — Ад!

— Нет... — застонал он.

— Помните, у меня есть основания для этого утверждения. Вот куда попало мое дитя — в Ад!

— А может быть, и нет? — с надеждой возразил Мармидон.

— Демон отозвался на ваш зов. Случилось так, что из всех служащих «Источника Норн» лишь мой дом оказался не защищенным от нападения демона, так что месть обрушилась на нас.

Мармидон расправил хилые плечи:

— Сэр, я не отрицаю, что вашего ребенка похитили. Но если девочку украли... в результате моих опрометчивых действий, вам не следует бояться.

— Когда она находится в Аду?! Предположим, мне вернут ее сию же минуту. Какой страшный след оставит на ней пребывание там?

— Нет, честное слово, не бойтесь. — Мармидон похлопал меня по руке. И попал как раз по ослабевшим суставам пальцев, обхвативших рукоятку ножа. — Если она сейчас находится в Нижнем Континууме, действия по ее возвращению сопряжены со временем. Вы понимаете, что я имею в виду? Сам я не очень-то хорошо разбираюсь в таких вещах, но Адепты глубоко проникли в их суть, и некоторую их часть они передают посвященным, начиная с Пятой степени и выше. Математическая сторона осталась вне пределов моего понимания. Но как я понимаю, Адская Вселенная отличается особо сложной геометрией пространства и времени. Будет не особо трудно вернуть вашу дочь в ту же секунду, из которой ее похитили. Точно так же, как и в любой другой момент времени.

Нож вывалился из моей ладони. В моей голове гудели колокола.

— Это правда?

— Да. Церковный обет не позволяет мне сказать большего.

Я закрыл лицо руками. Слезы бежали у меня между пальцами.

— Я хочу помочь вам, мистер Матучек. Я раскаиваюсь в том, что поддался гневу.

Подняв взгляд, я увидел, что он тоже плачет.

Через некоторое время мы нашли в себе силы приступить к делу.

— Разумеется, мне не следует вводить вас в заблуждение, — объявил он. — Когда я сказал, что можно одинаково легко войти в любую точку времени, это не значит, что у вас нет проблем. Я просто хотел, чтобы, успокоившись, вы все же увидели, как обстоят дела. На самом деле существуют такие препятствия, что преодолеть их могут лишь наши верховные Адепты. Никто из ныне живущих геометров, пусть даже он гений, не сможет самостоятельно отыскать дорогу сквозь эти измерения. К счастью, однако, этот вопрос перед нами не стоит. Возможно, ваша дочь была действительно похищена в результате моего проклятия. Тогда понятна немилость, проявленная ко мне моим руководством. Но если даже так, она находится под защитой ангелов.

— Докажите, — потребовал я.

— Попытаюсь. Я снова нарушаю все правила, если учесть, что на меня наложили епитимью, а вы — неверующий. Однако я могу попробовать воззвать к ангелу.

Мармидон застенчиво улыбнулся.

— Кто знает, если вы отречетесь от своих заблуждений, возможно, девочка будет возвращена немедленно. Обращение в истинную веру человека, обладающего вашими способностями и энергией, — это было бы чудесно. Возможно, все, что случилось, соответствует цели Божьей.

Мне не очень-то понравилась идея с этим зовом. Если честно, у меня озноб пробежал по коже. Мармидон может сколько угодно думать, что явившееся к нему существо — небесного происхождения. Я же так не думаю. Но, вступив на этот путь, я был готов встретиться лицом к лицу и с чем-то худшим, чем дьявол.

— Приступим.

Он открыл Библию на новой странице. Текст был мне неизвестен. Преклонив колени, он начал песнопение. Пронзительная, скачущая то вверх, то вниз мелодия била по нервам.

По туннелю порывами пронесся ветер. Огни не угасли, но темнота сгустилась. Казалось, будто я умираю. И вдруг я оказался в пронизанной свистом тьме. Я был совершенно один. А вокруг — нескончаемая ночь.

Внезапно появилось памятное мне бесконечное отчаяние. Никогда прежде оно не было таким сильным — ни в предыдущие три раза, ни когда похитили Валерию, ни когда умерла моя мать.

Поскольку кончилась для меня всякая надежда, я постиг

тщетность всего сущего. Любовь, радость, честь — значили меньше, чем горстка пепла... их никогда не было. И во всем пустом мироздании существовал только я — совершенно опустошенный я...

Где-то в неизмеримой дали вспыхнул свет. Он двинулся ко мне. Искра. Звезда. Солнце. Он двинулся ко мне. Я увидел громадное, напоминающее маску лицо. Заглянул в лишенные жизни глаза.

И УДАРАМИ ЗАЗВУЧАЛ ВО МНЕ МЕРНЫЙ ГОЛОС:

— Час настал. Несмотря на ифрита, саламандру, инкуба, вопреки действиям смертных, твоя жизнь не оборвалась, Стивен. Вопреки моей воле и моим замыслам. Я предвижу, что в этом цикле развития мира среди моих злейших врагов окажешься и ты. Предвижу опасность, которую ты будешь представлять для моего нового замысла. Я не желаю знать причины, по которой ты пытаешься уничтожить дело рук моих, — бездумный ли призыв одного дурака или поспешное повинование другому.

Но теперь ты имеешь возможность проникнуть в мою сокровенную твердыню. Страшись, Стивен.

Сам я не могу и коснуться тебя, но у меня есть могущественные слуги, и я пошлю их навстречу тебе. Более могущественные, чем те, с которыми ты сталкивался прежде. Если ты и дальше будешь идти против меня, значит, ты пойдешь навстречу собственной гибели. Возвращайся домой. Покорно, как подобает сыну Адама, смирись со своей потерей. Породи других детей.

Перестань вмешиваться в дела, касающиеся всего человечества. Занимайся исключительно своими собственными делами. Тогда тебя ожидает довольство, здоровье и богатство. И долго продлятся дни твои. Но все это — если ты заключишь со мной мир. Если же нет — ты погибнешь, и погибнут все, кто поддерживает и любит тебя. Страшись меня!

Видение, голос, тьма — исчезли. Мокрый от пота, воняющий страхом, я тупо уставился на Мармидона. Мерцали свечи... Не знаю, как я устоял на ногах. Мармидон излучал довольство и потирал руки. Мне едва удалось понять его.

— Вот! Разве я не был прав? Вы удовлетворены? Разве он не великолепен? Будь я на вашем месте, я бы пал на колени, восхваляя Бога за милосердие.

— Ч-ч-что? — выдавил я.

— Ангел! Ангел!

Я взял себя в руки. Ощущение, будто я выбрался из мутного

потока. И — пустота в сердце. Но разум по инерции продолжал работать. Повинуясь разуму, губы выговорили слова:

— Возможно, мы по-разному видели одно и то же существо. Что видели вы — увенчанную короной голову, сверкающие крылья?

Он чуть не пел:

— Ваша дочь в безопасности. Она будет возвращена вам, когда вы окончательно раскаетесь. И поскольку на нее пало благословение в ее смертной жизни, она будет причислена к лику Святых истинной церкви...

Что ж, это, без сомнения, происходило не в первый раз. Враг использует в своих целях людей, искренне верящих, что они служат Богу. Как там было у Джонатана Эдварса, жившего в давние времена в Новой Англии? «Земля в Аду вымощена черепами некрещеных детей»... Кто на самом деле был тот Иегова, которому он поклонялся?

— А что испытывали вы? — спросил Мармидон.

Нужно или нет скрывать то, что открылось мне? Вероятно, нет. Что бы это дало хорошего?

Но тут наше внимание привлекли новые звуки — шум приближающихся шагов и голосов.

— Что, если его здесь нет?

— Подождем два-три часа.

— В этой гробнице?

— Все в руках Божьих, брат...

Я окаменел. Шли двое — монахи, судя по звуку их шагов (их выдавали сандалии) — огромного роста и веса. У встреченного мною наверху Адепта, видимо, возникли подозрения, или где-то зарегистрировали заклинание Мармидона и появление «ангела», а может и то, и другое вместе. Если меня намерены схватить — я предупрежден. А сейчас моя жизнь бесценна, ибо я должен вернуться домой со сведениями, которые помогут возвращению Валерии.

Я направил на себя фонарик. Изменившись, расслышал хныканье Мармидона. Хорошо, что мне некогда. Я был волк, и мои эмоции были эмоциями волка. Будь время, я бы порвал ему глотку за то, что он сделал, но...

Серой молнией я выскочил из кельи. Густой сумрак помог мне. Монахи не замечали меня, пока я не оказался почти рядом с ними. Двое, очень мясистые. У одного была палка, у другого — автоматический пистолет 45-го калибра. У этого второго я проскочил между ног. Он, не удержавшись, покатился. Его приятель

с треском опустил мне на спину свою дубину. На мгновение движения мои замедлились. Должно быть, сломано ребро... Пистолет выстрелил, и в камень рядом со мной ударила пуля. Если в обойме пистолета есть серебряные пули, попадание означает смерть. Нужно бежать!

Я взлетел вверх по лестнице. Монахи остались где-то позади. Но впереди уже подняли тревогу — мелодию гимна прорезал звон колоколов. Может, у моих преследователей был каменный шар-переговорник? Созданный на предприятиях, принадлежащих «Источнику Норн»?

Я ворвался в прихожую первого этажа. Здесь должны быть другие двери, но я не знал, где они находятся. Волк может развивать скорость, с которой распространяются плохие новости. Я проскочил занавес, отделяющий ризницу, где пел хор, прежде, чем из канцелярии успел выглянуть кто-либо работающий в ночную смену или появиться какой-нибудь заспанный монах.

Церковь бурлила. Под моим телом с треском распахнулась дверь в боковой придел. Достаточно было одного взгляда. Песнопение продолжалось, но по нефу, крича, бежали люди. Как раз в этот момент двое закрывали ведущую в вестибюль дверь. Бежать было некуда.

Послышалось топанье ног по коридору. Иоанниты не знали, куда я делся. И, конечно, были обескуражены внезапно поднятой непонятной тревогой. Тем не менее времени у меня было мало — лишь до той поры, пока кто-нибудь не догадается заглянуть сюда.

Мне пришло в голову, как нужно действовать. Не знаю причин этого недоступного волчьему мозгу озарения. Видимо, повинаясь инстинкту, я передней лапой щелкнул выключателем на моем фонарике. Голубые огни, горевшие в помещении, не мешали моему превращению в человека. Кинувшись обратно в ризницу, я схватил стихарь и натянул его через голову. Он оказался мне почти до пят. Ноги остались голыми, но, может быть, этого никто не заметит...

Поднявшись за рекордное время на возвышение, где пел хор, я остановился под аркой входа, чтобы оценить ситуацию. Мужчины и женщины были сгруппированы по голосам. У каждого или каждой в руках были сборники гимнов. Несколько таких книжек лежало на столе. Вид отсюда был потрясающий. Я не стал тратить зря ни мгновения. Выбрал себе группу, взял книжку и торжественно двинулся вперед.

Мне бы не удалось выйти сухим из воды, будь вокруг нор-

мальная обстановка. Но хористы были слишком возбуждены, а их внимание приковано к суматохе, что бурлила внизу. Мелодия, сбиваясь, неуверенно прыгала. Я нашел себе место на краю группы баритонов и открыл сборник на той же странице, что и сосед.

Лучше будет, если я начну издавать похожие звуки. Это не репетиция, которая проводится с мирянами. Я не мог даже правильно произнести большинство этих слов и заботился только о том, чтобы не очень выпасть из тона.

Сосед искоса взглянул на меня. Это был осанистый, дружелюбный на вид священник. Должно быть, он подумал, что, имея такое странное устройство ротовой полости, мне не следовало бы становиться рядом. Я одарил его слабой улыбкой.

— Тхатис эталетам тетс абеска русар, — подчеркнуто интонируя, пропел сосед.

Я ухватился за первую же попавшуюся мелодию, имеющую сходство с той, что напевал сосед. Уставившись в книжку, я как можно неразборчивей начал:

«А перед смертью моряк мне сказал:
Не знаю, быть может, убудок соврал...

В общем контрапункте это сошло, не говоря уже о гамме внизу. Критик отвел взгляд.

Так мы и продолжали: он — гимн, я — «Большое красное колесо».

Полагаю, что за проведенный здесь час мне должны проститься многие грехи. Час, решил я, как раз то, не вызывающее подозрения время, которое может провести здесь певец-мирянин. А тем временем — ушки на макушке и взгляд украдкой — я пристально следил, как продвигается охота за мной.

Обширные размеры и запутанная планировка собора здорово сыграли мне на руку. Я мог находиться где угодно. Разумеется, при поисках было пущено в ход колдовство. Но у колдунов было мало зацепок, помимо того, что рассказал обо мне Мармидон...

Я был под защитой чар одной из лучших ведьм Гильдии — Джинни. Перед моим уходом она сделала все, что только от нее зависело. Выследить меня было бы не таким простым делом даже для тех существ, которых могли позвать на помощь наиболее могущественные Адепты.

Но долго выжидать я не мог. Если я вскоре не выберусь отсюда — я мертв или со мной случится нечто худшее, чем смерть. А какой-то частью своего сознания я радовался. Видимо, опас-

ность мобилизовала мои силы. Отчаяние, порожденное встречей с исчадием Ада — там, в подземелье, — исчезло полностью. Главное — я жив, и я сделаю все, на что только способен. Я убью каждого, кто станет между мною и моими любимыми!

Через некоторое время главный ход опять открыли. Хотя и под присмотром монахов. Я придумал план, как обвести их вокруг пальца.

Выбравшись из хора и сняв стихарь, я опять превратился в волка. В северном коридоре снова было пустынно. Не повезло бы иоаннитам, которые бы там мне встретились. Конечно, они выставили охрану у каждой двери... но после этого их страсть к охоте поостыла. Разумеется, поиски продолжались, но уже без шума: спокойно и методично, чтобы не нарушать религиозную атмосферу собора. Мне удалось не попасться на глаза поисковикам — ведь у меня были чувства волка. И я стал искать окно.

На нижних этажах в комнатах либо кто-то был, либо комнаты эти были заперты. Я поднялся на шестой этаж. Здесь веяло такой враждой, что я едва смог вытерпеть. Но я нашел то, что искал: выходящее наружу окно в коридоре. Я прыгнул (что мне помогло, решимость или отчаяние?..). Разбившееся стекло оставило на моей шкуре глубокие раны, но эта боль была ничто по сравнению с болью, когда я грохнулся на бетонную площадку.

Но я был волком-оборотнем, так что повреждения не были смертельными, и калекой на всю жизнь я тоже не стану. Оставшееся от меня кровавое месиво зашевелилось, вновь становясь единым целым. Вокруг меня все было залито кровью, не подвергшейся регенерации. Я чувствовал слабость и головокружение. Ничего, разок хорошо покушать — и все будет в порядке.

В небе все еще мерцали звезды. Видно было плохо. И, конечно, привратники у входа уже оповещены. Им известно многое, а может быть, и все. Руководители иоаннитов очень хотели как можно скорее справиться с этим хлопотным делом.

Зубами я содрал с себя остатки одежды. Оставил только фонарик — его хорошо скрывали складки кожи вокруг шеи — и потрусил к воротам, через которые вошел в собор.

— Здравствуй, песик! — приветствовал меня юный привратник. — Откуда ты взялся?

Я покорно вытерпел его ласку и смылся...

В окутанной тьмой деловой части Силоама я совершил новое преступление. Разбил еще одно окно, на этот раз в кладовой бакалейного магазина.

Позднее я смогу компенсировать ущерб владельцу. «От неиз-

вестного». Я нашел несколько фунтов бифштексов и съел все это. Но главное — мне нужно было какое-нибудь транспортное средство. Превратившись в человека, я обнаружил, что у меня нет ни единого цента. Более того, я абсолютно гол. Мне пришлось позвонить Барни.

— Прилетай и забери меня, — сказал я. — Буду, обернувшись волком, ждать тебя где-нибудь в одном из этих мест...

Я назвал ему примерно с полдюжины, на случай, если охота на меня не ограничится стенами собора.

— А что с моей метлой? — тревожно спросил Барни.

— Оставил ее на месте парковки. Завтра можешь заявить свои права на нее.

— Сгораю от нетерпения услышать о твоих похождениях...

— Ну, я тебе скажу, это была и ночка!..

ГЛАВА 26

Проскользнув домой, я подробно отчитался перед Джинни. Я был туп от усталости, как бревно. Она лежала бок о бок со мной и настойчивым шепотом требовала, чтобы я рассказал ей все немедленно. Ее вопросы вытянули из меня все до последней детальки, даже то, что пролетело мимо сознания, на что я не обратил внимания.

Уже было утро, когда Джинни приготовила завтрак и позволила мне отдохнуть. Я сразу уснул и проспал целые сутки. Иногда просыпался, ел, сонно озираясь, и засыпал снова.

Джинни объяснила нашему фэбээровцу, что мое состояние вызвано нервным истощением. И это не было такой уж неправдой. Заодно она убедила его и его непосредственного начальника (Сверкающий Нож находился уже в Вашингтоне), что, если они хотят сохранить происшедшее в тайне, им не следует держать нас под замком — кое-что знали соседи, и уже поползли слухи.

Конечно, слухи можно было быстро пресечь, но до наших друзей и деловых партнеров они дойдут. И если наши знакомые встревожатся, их ворожба может принести кучу неприятностей.

В итоге нам разрешили принимать гостей. Когда к нам залетела миссис Делапорт, чтобы одолжить пинту серы, мы представили фэбээровца как кузена Луи и мельком упомянули, что, пока ищут проникших к нам грабителей, мы отослали Вэл из города. То ночное происшествие оказалось почти не замеченным, лишь ежедневная газета поместила заметку на одной из внутренних

страниц. Как бы то ни было, мне снова позволили работать, а Джинни — выходить за покупками. Нам назвали номер, по которому мы могли звонить, если потребуется.

Но ничего, конечно, не сказали о тех, кто тенью следовал за нами по пятам. «Хвосты» были подготовлены отлично, и, если бы не некоторые наши ухищрения, мы бы их вообще не заметили.

Итак, на третий день утром я явился в «Источник». Проинформировал Барни Стурлусона. Он подыскал мне на этот день работу «не бей лежачего». И в своем кабинете я расхаживал, курил, пускал кольца (мой язык уже напоминал высушенный кожаный ремень) и накачивался кофе, пока он не потек у меня из ушей. Так я проводил время, ожидая назначенной после обеда встречи. Я знал, что эта встреча действительно может многое решить. Когда по интеркому известили, что совещание начинается, я совсем потерял голову. С трудом вспомнил, что мне тоже надо туда идти... встретиться с теми, кто решит нашу судьбу.

Комната, где должно было состояться совещание, находилась наверху. Она была заколдована как против промышленного шпионажа, так и против властей.

Во главе стола громоздилась туша Барни. Воротник расстегнут, сигара дымится. Собрались одиннадцать человек — это в какой-то степени гарантировало, что среди нас не затаился Иуда...

Кроме Барни, я знал троих — Грисволда, Харди, Яниса Вензеля и немножко еще одного — доктора Нобу, метафизика, с которым мы иногда консультировались. Остальных я не знал. Один оказался адмиралом в отставке Хью Чарльзом, специалистом по разведке. Другой — математик Фалькенберг. Третий — пастор из церкви, прихожанином которой был Барни.

Все они выглядели усталыми. Им пришлось работать, как галерным рабам. Работу они закончили буквально минуту назад. У последних двоих вид был свежий. Абсолютно ничего примечательного в их внешности не было, если не считать того, что у одного из них имелся небольшой чемоданчик, который владелец аккуратно поставил на пол.

Прежде чем представить нас друг другу, Барни сделал несколько пассов и произнес заклинание.

— О'кей, — удовлетворенно пророкотал он. — Поле секретности опять на полной мощности. Заходи и присоединяйся к шашашу.

Он улыбнулся мне:

— Стив, познакомься с мистером Смитом и мистером Брау-

ном. Они — представители компании, деловые предложения которой сегодня ставятся на ваше обсуждение.

Фигуры и лица Смита и Брауна заколебались, расплылись и опять сделались четкими. Наваждение кончилось. В падающем из окна свете волосы Джинни отливали мерцающей медью. Доктор Акман открыл свой чемоданчик. Из него выскочил Свартальф. Уже выздоровевший, большой, черный — и наглый, как всегда. Потянулся, разминая затекшие мышцы, и ворчливо муркнул.

Пастору захотелось погладить котика, и он протянул руку. Предостеречь я не успел. К счастью, Акман всюду таскал с собой аптечку.

Свартальф уселся рядом с Джинни и принялся умываться.

— Как вам это удалось? — спросил с профессиональным интересом адмирал.

Джинни пожала плечами:

— Очень просто. Как вы знаете, Барни связался с доктором Акманом. Они назначили время, доктор отменил прием. Потом Акман сходил в ветеринарную лабораторию и принес оттуда Свартальфа. Мой кот, когда нужно, умеет вести себя тихо, даже если лежит в чемодане. Мы уже убедились, что «хвоста» за доктором не было.

Свартальф самодовольно дернул хвостом.

— Тем временем в город вышла я, — продолжала Джинни. — У Барни сегодня распродажа. Затеряться в толпе проще просто. И кто может заметить, если я чуточку подколдую? Изменив свою внешность, я встретила с доктором Акманом и изменила внешность ему.

Свартальф задумчиво уставился на доктора.

— Потом мы пришли сюда. — Джинни слегка улыбнулась. — Барни точно знал время нашего прихода и понизил активность поля, чтобы наша маскировка не развеялась.

Джинни открыла сумочку (которой с помощью несложного заклинания был придан вид чемодана), вытащила косметичку и посмотрелась в зеркальце. Неяркая косметика, скромное платье — в ней трудно было заподозрить ведьму высокого полета, если только не заметить, что вся эта скромность несколько нарочита.

— Перейдем к делу, — сказал Барни. — Мы немедленно проинформировали собравшихся о том, что тебе удалось обнаружить, Стив. С чисто научной точки зрения, твоё открытие (с учетом того, что мы выяснили) имеет чрезвычайно важное значе-

ние. Можно сказать, что наша совместная работа имеет революционное значение. — Он сделал паузу. — Но это значит, что мы вмешиваемся в политику.

— Или в религию, — вставил Янис Вензель.

— Сомневаюсь, — заметил пастор Карлслунд, — есть ли в этом случае между ними какое-то различие.

Пастор был высокого роста светловолосый мужчина с внешностью настоящего ученого.

— Если иоаннитская церковь действительно есть порождение дьявола... — Грисволд поморщился. — Мне бы очень не хотелось верить в это. Я не согласен с ее догматами, но утверждение, что это вероучение не просто ошибочно, но создано Злом, все-таки чересчур серьезно. Вы уверены, мистер Матучек, что вы действительно встретились с Врагом?

— Во всяком случае, с одним из его наиболее высокопоставленных приближенных, — кивнул я, — или, если предпочитаете, с одним из наиболее низкопоставленных. То, что я увидел и пережил, теперь полностью укладывается в целостную картину.

— Э-э... полагаю, вы испытывали тогда значительной силы стресс. Галлюцинации могут быть очень реальными... если ожидаешь что-то увидеть.

— Если иоанниты действуют в рамках закона, — оборвала моя жена, — то почему они молчат? Личность Стива ими установлена. У них было достаточно времени, чтобы связаться с ним или подать властям жалобу. Но будто ничего не случилось. Служащий Барни, посланный забирать метлу, взял ее там, где она была оставлена, и никто не задавал ему никаких вопросов. Утверждаю, что они не могут пойти на риск судебного разбирательства...

— Может быть, они пытаются вступить в контакт с потусторонними силами, чтобы вернуть вашу дочь? — без убеждения произнес Харди.

Адмирал Чарльз фыркнул:

— Как же! Не сомневаюсь, что Врагу уже хочется, чтобы ничего из случившегося вообще не было. Но как это сделать? Вы говорите, мистер Матучек, что можно вернуть вашу дочь, сведя к нулю время ее пребывания в аду? Это поразительно. Но как бы то ни было, не могу представить, что можно изменить прошлое. Время, прожитое без нее, уже прошло...

— Если мы будем вести себя тихо, это может помочь ее освобождению, — сказал Харди. — Молчание будет расценено как выкуп.

— Какой человек согласится вступить в такого рода сделку? — возразил адмирал.

— В любом случае никакие соглашения с Нижним миром невозможны, — констатировал Карлслунд. — Соглашение подразумевает согласие и намерение поддерживать достигнутую договоренность. Будучи сам нечестным, дьявол не способен поверить, что человек не попытается в свою очередь обмануть его.

— Да, — согласился Чарльз, — освободив Валерию, он ничего не выиграет, зато теряет ценного заложника.

— Он уже добился определенного успеха, разобшив силы добра, — с горечью проговорил Акман. — У меня создается впечатление, что наша встреча — на самом деле заговор и акт неповиновения правительству. Умно ли мы поступаем?

— Как я понимаю, вы считаете, что нам нужно открыться Дяде Сэму и решение полностью передоверить ему? — криво усмехнулся я.

— Сравните, какие возможности у нас и у властей, — настаивал Акман. — Правильно ли мы поступаем, скрывая собранные нами сведения? От них зависят благо и жизнь всего общества.

— Разрешите мне ответить на этот вопрос, — вмешался Барни. — У меня имеются связи в Вашингтоне, и... адмирал Чарльз, у которого таких связей еще больше, подтвердил мое предположение о том, как там будут развиваться события. Исходным моментом является следующее: официально акт похищения скрывается. Глава нашего ФБР — человек неглупый. Он сразу понял, какая будет проводиться политика, и начал действовать в соответствии с ожидаемыми директивами. Причины такой политики сложны и запутанны, но основными являются два пункта.

Первый: об Адской Вселенной почти ничего не известно. Это один из немногих... может быть, единственный случай прямого нападения, произведенного миром демонов. Не вмешательство, а нападение. Никто не знает наверняка, что оно предвещает. При таких обстоятельствах необходимо действовать осторожно. Государственный департамент доказывает, что истинная подоплека нам полностью неизвестна.

Люди из Министерства обороны утверждают, что нам не следует связываться и связывать себя какими-либо решениями до получения новой информации, и особенно пока не увеличены расходы на военные нужды. Президент, кабинет министров, руководящие деятели Конгресса единодушны в том, что сейчас не следует поднимать шума. Из этого следует, что информация не

должна доводиться до сведения широкой публики, чтобы не вызвать общественного беспокойства.

Второй момент касается иоаннитской церкви. Эта проблема, может быть, носит менее угрожающий характер, и тем не менее она обязательно должна быть разрешена. США — демократическая страна. Многие избиратели являются либо истинными иоаннитами, либо полагают, что иоаннизм — просто вероучение.

К тому или иному разряду относится значительное число людей, занимающих видное положение в обществе. Вспомните историю с расследованием, которое пытался провести комитет Конгресса. Сколько из-за этого было воней и шума. Инцидент, из-за которого мы собрались, наводит на мысль, что правы те, кто утверждает, что церковь иоаннитов порождена Падшим в качестве средства восстановления всех и каждого против каждого.

Чего правительство не хочет ни в коем случае, так это заново поднимать всю бучу, которая может завершиться неизвестно чем. Соблюдение секретности позволит пока сохранить мир и спокойствие. И выиграть время...

Барни остановился, чтобы разжечь потухшую сигарету. В комнате было очень тихо. Пластами плавал голубой дым, воздух был тяжелым и душным. Мы с Джинни обменялись через стол отчаянными взглядами. Вчера мне нужно было спуститься в подвал, поменять перегоревшую пробку. Джинни пошла со мной, потому что в последнее время мы старались держаться вместе. В подвале на полке лежали старые вещи Валерии — она вышла из того возраста, когда они ей были нужны, но выбросить их тогда мы не успели. Неиссякаемая бутылочка с молоком, зубное кольцо Уробороса, самокормящая крылатая ложка, горшок с радугой вместо ручки... Мы просто сбежали оттуда. Поменять пробку пришлось просить фэбээровца.

Лежащие на столе кулачки Джинни были крепко стиснуты. Свартальф терся спиной о ее руку — мягко, ненавязчиво, не претендуя на ответное внимание.

— Вывод заключается в том, — продолжил Барни, — что, есть для этого возможность или нет, правительство сейчас не хочет переходить к активным действиям. А может, и не только сейчас, но и вообще. Что касается нас, то наше право и обязанность — сделать все, что от нас зависит. Поймите, доктор, с чисто формальной точки зрения мы не делаем ничего незаконного. Стив не был арестован. Он имел полное право покинуть свой дом и возвращаться обратно, и, если ему того хотелось, — через окно и в плаще-невидимке, ни перед кем не отчитываясь. Я имел пол-

ное право одолжить ему помело. Собор открыт для посещения посторонней публикой. Если Стив в поисках необходимых ему сведений проник в закрытую часть собора, он допустил, самое большее, гражданское правонарушение. Он виноват? Пусть руководители церкви преследуют его в судебном порядке. И не забывайте, что он может ответить обвинением в разбойном нападении. Для защиты собственности нельзя применять смертоносное оружие, а в него стреляли и избивали дубинкой. Соответственно, поскольку никакого преступления Стивом совершено не было, нас нельзя считать соучастниками либо укрывателями. Никто из нас не замышляет ничего преступного и не участвует в заговоре. Заверяю вас, что скоро будет принят Закон о национальной безопасности. И все остальное, что президент сочтет необходимым принять. Тогда нам трудно будет действовать так, как мы действуем сейчас. Но пока наши действия не ограничены никакими официальными запретами. А по Конституции запрет обратной силы не имеет.

— Гмм... — недоверчиво протянул Акман.

— Что касается сокрытия важной для правительства информации, — продолжал Барни, — то пусть вас это не беспокоит. Ничего подобного мы не делаем. Сейчас мы тщательно анализируем собранную информацию и, как честные граждане, не хотим, чтобы нас обвинили в том, что какому-то аспекту не было уделено нужного внимания. И мы позаботимся, чтобы обнаруженное нами попало по нужному адресу.

— Надо ли так торопиться? — возразил Акман. — Если девочка может быть возвращена в то же мгновение, когда исчезла... не лучше ли будет, если мы предоставим действовать в ее интересах правительству? Пусть оно действует медленно и осторожно, но разве это не лучше, чем вообще ничего не добиться? Мы, плохо подготовленные и не имеющие нужного оборудования и снаряжения, можем все испортить.

Натянутое лицо адмирала Чарльза потемнело.

— Честно говоря, — процедил он, — не думаю, чтобы власти пожелали действовать, если не произойдет дальнейших инцидентов. Когда в недружелюбно относящихся к нам странах сажают в тюрьмы, грабят и убивают наших граждан (в том числе и официальных лиц), правительство ограничивается протестами. С чего вы взяли, что оно пойдет на смертельный риск, чтобы выручить из Ада маленькую девочку? Сожалею, мистер Матучек, но дела обстоят именно так!

— Как бы то ни было, — взглянув на Джинни (лицо моей

жены было ужасно), торопливо заговорил Фалькенберг, — насколько я понимаю ситуацию, наши враги сейчас в растерянности. Действия мистера Матучека оказались для них полной неожиданностью. Очевидно, Враг не может сейчас оказать им прямой помощи, не может помочь советом или даже сообщить что-либо, или считает такого рода помощь неблагоприятной, поскольку это может спровоцировать вмешательство Всевышнего. Несомненно, заклинания иоаннитов способны творить чудеса. Но они не всезнающи и не всемогущи. Они не могут знать точно, что нам удалось сделать и что мы намерены предпринять. Но дайте время, и период растерянности кончится, защитные меры будут усилены, и, вероятно, будут предприняты какие-то ответные действия.

Лицо Джинни превратилось в лик Медузы Горгоны.

— Что бы вы ни решили, — заявила она, — мы со Стивом не будем сидеть сложа руки...

— Нет, будь оно все проклято! — вырвалось у меня.

Свартальф прижал уши, между бакенбардами сверкнули клыки, шерсть на нем встала дыбом.

— Видите? — обратился Барни к собравшимся. — Я этих двоих знаю. Их невозможно остановить, разве только бросить в тюрьму. И я не уверен, что существует такая тюрьма, из которой они не смогли бы выбраться. Наверное, помешать им можно, только убив их. Допустим ли мы, чтобы такое случилось, или поможем им, пока это еще в наших силах?

Голоса сидящих вокруг нас сорвались на крик, взметнулись руки. Громче всех кричал Янис Вензель:

— У меня у самого есть дети, Вирджиния!

Взгляды всех обратились на Акмана. Он покраснел:

— Я не собираюсь предавать вас. Просто все это было для меня слишком неожиданно. Я был обязан высказать то, что думал. И я не верю, что, подстрекая родителей Валерии к самоубийству, вы чего-нибудь добьетесь. Их смерть не принесет ей ничего хорошего...

— Что вы имеете в виду? — спросил Барни.

— Разве я неправильно вас понял? Разве вы не намерены послать Стивена и Джинни... в Адскую Вселенную?

Меня обдало холодом. Я был готов ко всему. Я бесился, я сгорал от желания действовать, но это было так неожиданно, как будто я оказался на краю бездны. Я взглянул на Джинни. Она кивнула.

Все — кто в большей, кто в меньшей степени — оцепенели от

ужаса. Потом поднялся ропот, погасший под движением руки Барни. Я едва воспринимал окружающее.

Наконец в комнате воцарилось молчание.

— Я должен извиниться перед собравшимися, — сказал Барни. Его голос звучал колоколом — размеренно и низко. — Задача, которую я поставил перед вами заключалась главным образом в сборе и анализе всей, доступной нам информации о Нижнем Континууме, чтобы выяснить пути спасения девочки. Вы великолепно справились с работой. Получив информацию о том, что удалось обнаружить Стиву, вы сделали большой шаг вперед в своих исследованиях. Вами разработана концептуальная сторона, и, вероятно, мы близки к выработке методики. Но большой объем работы не позволил всем увидеть, что кроется за непосредственным выполнением задания. Вам трудно было представить, что это не просто теоретическое исследование и что на деле оно не ограничивается выдвиганием гипотез. В конечном счете исследование заключалось в поисках путей защиты против возможных нападений со стороны Адской Вселенной. Сказанное касается большинства присутствующих, но они точно так же, как и те, чья деятельность заключалась в рассмотрении политических и религиозных аспектов программы, не видели, как близко мы подошли к тому, чтобы непосредственно вступить в схватку с Нижним Континуумом. Равным образом я и сам прежде не понимал возможных результатов нашей работы. Но миссис Матучек тайно встретила со мной. Я обрисовал ей всю картину, и мы подробно обсудили ее и наметили план действий...

Барни отвесил короткий поклон в сторону Акмана:

— Примите мои поздравления. Вы очень проникательны, доктор.

«Она все знала...» — мелькнуло у меня.

И, однако, никто не подозревал этого, даже я. Никто ничего не подозревал вплоть до той минуты — потому что она так хотела. И еще обрывок мысли: «Приходилось ли другим мужьям когда-либо сталкиваться с подобными неожиданностями?»

Джинни подняла руку:

— Положение дел таково, что шансы на успех имеет только маленькая, специально подготовленная группа. — В ее голосе звучала хорошо памятная мне решимость. — Большая группа, состоящая из не владеющих нужной сноровкой людей, не имеет никаких шансов. Нет сомнения, что такая обладающая большой подвижностью группа сможет преодолеть препятствия, недо-

ступные для армейского подразделения или целого отряда фаустов.

— Смерть, увечье, плен в Аду — со всеми вытекающими отсюда последствиями... — прошептал Акман. — Вы допускаете, что Стивен пойдет на это?

— Я знаю Стива достаточно хорошо, чтобы не пытаться остановить его... — ответила Джинни.

Ее слова в какой-то мере помогли мне вновь овладеть собой. И не настолько я был растерян, чтобы не заметить, с каким восхищением глядели на меня собравшиеся. Но основное мое внимание сейчас было направлено на то, что говорила Джинни.

— Лучшей группы, чем Стив, я и Свартальф, найти невозможно. Если у кого-нибудь и есть надежда добиться успеха, так это у нас. Вы все поможете нам должным образом подготовиться и будете ждать нашего возвращения. Если мы не вернемся, у вас останется уже собранная информация. Не растеряйте ее, потому что она имеет важное значение для всего общества. Согласитесь, что дело касается не только нашей дочери. Далеко не только ее... Вот главная причина, по которой вы обязаны помочь мне. Сделайте все от вас зависящее, чтобы ваши дети и внуки не унаследовали гораздо худший мир, чем тот, в котором живете вы.

Джинни полезла в сумочку.

— Черт, сигареты кончились!

К ней потянулись пачки. Она предпочла мою, и наши руки на мгновение встретились. Акман, сцепив пальцы, неотрывно смотрел на нас. Внезапно он встал и, выдавив какое-то подобие улыбки, произнес:

— Ладно, я приношу извинения. Вы должны понять, что моя реакция была естественной. Но вы, вероятно, правы, полагая, что найдете способ проникнуть в Ад и вернуться обратно. Я помогу вам всем, что в моих силах. Но могу я узнать план ваших действий?

Барни слегка расслабился. Затушил окурок сигары и закурил новую.

— Можете, — кивнул он. — Особенно потому, что мы должны объяснить то же самое и остальным присутствующим. Разрешите, я сначала изложу план вкратце. Затем вы сможете, в зависимости от того, в какой области науки вы являетесь специалистом, развить и дополнить его. Наша Вселенная характеризуется прямолинейной геометрией пространства, за исключением обладающих необычными свойствами точек, таких, как, например, ядра белых карликов. Демоны могут передвигаться в нашем мире

без всяких затруднений. Более того, они способны выкидывать фокусы со временем и пространством, что в былые дни создало им репутацию сверхъестественных созданий. Способны они на это потому, что их собственная Вселенная устроена слишком сложно и структура ее постоянно меняется. Современные исследования открыли способ войти в эту Вселенную. Но никому не известно, каким законам подчиняется там движение, как можно в ней передвигаться и как можно выйти оттуда. Выйти целым, невредимым и сохранившим рассудок.

Что ж, Стив выяснил, что по времяисчислению Ада можно войти в любую точку времени. Это открывает выход из тупика. Перед нами появилась возможность установить, как соотносятся наш и Нижний Континуум, и это соотношение может быть математически описано. Доктор Фалькенберг составил системы уравнений и уже приступил к их решению. Исследования доктора Грисволда позволили наметить, как реализуются в той Вселенной физические законы.

Билл Харди делает то же самое в области химии и атомной физики. О, работа только начата, и полученные результаты еще не подвергались экспериментальной проверке. Но, по крайней мере, мы — доктор Нобу, метафизик, и я, инженер-практик, — получили возможность приступить к созданию заклинаний.

Сегодня утром мы закончили нашу работу. План предусматривает посылку в Ад экспедиции (наше волшебство обеспечит ей там определенную защиту) и быстрое возвращение ее обратно.

Такой грандиозной цели прежде никто никогда не ставил...

— План неудовлетворительный, — возразил Харди. — У вас не может быть описания Вселенной Ада. Ведь мы не в состоянии описать даже наш собственный космос.

— И абсолютно невозможно предвидеть, — подхватил Чарльз, — по каким сумасшедшим законам меняется там матрица в каждой точке.

— Верно, — согласился Барни.

— Следовательно, защитные меры, годные для одной точки пространства-времени, могут оказаться совершенно непригодными для всех прочих точек...

— Но не в том случае, если перемещение в пространственно-временной конфигурации будет подобрано...

— Что?! Но это же невозможно! Такого рода работа... ни один смертный...

— Верно, — спокойно подтвердила Джинни.

Мы изумленно воззрились на нее.

— Ключ к решению дает то, что удалось узнать Стиву в подземельях собора, — заговорила она. — Ваше замечание абсолютно правильно, адмирал. С такой работой ни один смертный человек справиться не может. Но величайшие геометры, каких знала история, уже мертвы...

Над столом повисло удивленное молчание...

ГЛАВА 27

Наколдовав соответствующее наваждение и запихнув Сваргальфа в чемоданчик, мы покинули здание «Источника» на принадлежавшем компании ковре.

Время близилось к четырем. Если наша тень из ФБР не увидит нас дома к пяти-шести часам, у нее могут возникнуть подозрения. Но с этим я ничего не мог поделать.

Сперва мы приземлились у церкви Святого Олафа. Пастору Карлслунду нужно было кое-что оттуда забрать. Сидевший позади нас Янис Вензель нагнулся вперед и зашептал:

— Может быть, я невежда, но разве мольба, обращенная к святым католической церковью, не будет действенной, чем мольба, обращенная к святым лютеранам?

Этот вопрос на нашем заседании не поднимался. Карлслунд удовлетворился тем, что провел ясное различие между молитвой — мольбой к Всевышнему — и заклинанием, которое должно привлечь внимание тех, кто добровольно захочет помочь нам, с одной стороны, и некромантией, то есть попыткой заставить действовать души умерших согласно нашему желанию, — с другой. (Последнее законом запрещено, что объясняется, главным образом, уступкой общественному мнению. Нет достоверных сведений о том, что удалось хотя бы раз вызвать душу умершего. Этот запрет — проявление очередного религиозного предрассудка и суеверия.)

— Сомневаюсь, что принадлежность к той или иной церкви имеет какое-нибудь значение, — заметила Джинни. — Что такое душа? Никто не знает. Исследователи получили веские доказательства ее существования, но результаты противоречивы и не поддаются воспроизведению в контролируемых условиях. Как обычно, когда дело касается феноменов сверхъестественного...

— Что, однако, — вмешался доктор Нобу, — в свою очередь, есть причина такого быстрого развития магии. Мы достигли сути практического понимания волшебства: в отличие от физических

силовых полей — гравитационного, электромагнитного и так далее — действие силовых полей парафизики — таких, как поля подобия, поля следствия, — не ограничивается скоростью света. Следовательно, они могут, в принципе, перемещать энергию из одной части мироздания в другую. Вот почему ввод исчезающе малой мощности на входе может дать бесконечно большую мощность на выходе. Отсюда следует, что для овладения этими процессами понимание качественных аспектов имеет гораздо большее значение, чем количественных. И после того как мы узнали о непостоянстве адского времени, можно с определенной долей уверенности утверждать, что наши новые чары окажутся работоспособными. Что касается души, я склонен полагать, что она скорее всего относится к явлениям парафизического, а не сверхъестественного мира.

— Я так не считаю, — возразила Джинни. — Я бы назвала душу энергетической структурой параполя. Она формируется телом, но продолжает жить и после смерти этой исходной матрицы. Освободившись от тела, она может без труда переходить из одной Вселенной в другую. И что такое привидение, как не лишившаяся тела душа, по неизвестной пока нам причине остающаяся возле какого-нибудь определенного места? Что такое перевоплощение, как не проникновение души в только что оплодотворенную яйцеклетку? Что есть спасение? Это когда Всевышний позволяет душе занять место возле него. Что есть вечное проклятие? Это когда притяжение Падшего оказывает на душу грешника большее влияние.

— Неужели? — притворно удивился Янис.

Джинни прерывисто рассмеялась.

Барни, сидевший на месте водителя, обернулся:

— Насчет вопроса, возникшего у нас на этом совещании. Хотя вы высказали его только сейчас. У лютеран нет обычной молитвы святым. Но это не значит, что они отрицают их вмешательство в людские дела. Иногда такое вмешательство имеет место. Возможно, католический священник или неохасидский раввин лучше знают, как просить святых о помощи. Но не могу не заметить, что я решил привлечь Джима Карлслунда к сотрудничеству потому, что знаю его долгие годы. Говорить о пасторе как о... э-э...

Все натянуто рассмеялись, потому что как раз в эту минуту из дверей церкви появился пастор с охапкой церковной утвари.

Мы снова взвились в воздух, продолжая свой путь к университету Трисмегиста. Памятные мне здания, рощицы, лужайки

были залиты золотом солнечного света. Сейчас, в перерыве между весенним и летним учебными семестрами, народу здесь было мало. Над студенческим городком висела тишина, ее подчеркивал далекий шум города. Казалось, века прошли с того времени, когда здесь учились мы с Джинни. Это было когда-то давно, в другом цикле развития мироздания.

Я искоса взглянул на Джинни, но выражение ее лица осталось непроницаемым.

Послышался шум крыльев. Следом за нами летел ворон. Предзнаменование? Что он предвещает? Мы приземлились, ворон сделал вираж и, хлопая крыльями, исчез вдаль.

Мы вошли в здание факультета физических наук. Коридоры и лестницы, заполненные эхом, тонули во мраке. Сейчас здесь никого не было, и поэтому мы выбрали именно это место. Вторая причина заключалась в том, что у Грисволда были ключи от всех лабораторий и кладовых.

Карлслунд предпочел бы часовню, но было слишком много шансов, что там нас заметят. Кроме того, Джинни и Барни, посоветовавшись, решили, что религиозная сторона нашего предприятия является второстепенной.

Нам нужен был кто-нибудь, чья молитва была бы искренней и бескорыстной одновременно. В противном случае ни один святой, вероятно, не пожелает на нее отозваться. Впрочем, по сравнению с числом молитв, ежедневно возносящихся к Небу, святые редко отвечают на просьбы. Всевышний ожидает, что мы сами справимся со своими проблемами. Мы полагались на то, что нам зачтется наше знание того, как проникнуть в царство Врага (по крайней мере, мы надеялись, что мы это знаем), и наша непреклонная решимость использовать это знание на деле. Слишком уж сильно в этом деле были затронуты и интересы Неба, чтобы оно могло проигнорировать нашу просьбу. Мы надеялись...

Все качалось и плыло. Борясь с головокружением, я подумал, что, если сейчас нас постигнет неудача, нам, наверное, запретят вторую попытку...

Для молитвы мы выбрали философскую лабораторию Беркли. Она размещалась в недавно построенном флигеле, примыкавшем к древнему убогому зданию, где до инцидента с саламандрой находился отдел Грисволда. Лаборатория была большой и великолепно оборудованной. Здесь выпускники и старшекурсники физического факультета учились, как использовать сверхъестественные и паранормальные силы при проведении естест-

венно-научных исследований. Так что тут имелось все, что могло нам понадобиться.

Главное помещение лаборатории представляло собой обширный зал с высоким потолком, где вдоль стен чинно тянулись шкафы и рабочие столы. Сквозь готические окна с темно-зелеными стеклами прохладными потоками лился солнечный свет. На выкрашенных в глубокий голубой цвет потолках светилась золотом схема атома Бора, окруженная зодиакальными символами. Невозможно было найти место, более далекое по духу от собора в Силоаме. В лаборатории работали такие же люди, как я. Я чувствовал, что стены этого помещения благотворно воздействуют на мою психику.

Грисволд запер дверь. Джинни сняла наваждение и выпустила Свартальфа. Кот бесшумно пробрался в угол. Хвост его дергался, словно метроном. Карлслунд расстелил на столе алтарное покрывало и расставил на нем распятие, сосуды со священным хлебом и вином. Остальные принялись за работу под управлением Барни. Приняли обычные меры против соглядатаев и установили защитное поле. Мы готовились открыть дверь в другую Вселенную.

Это всего лишь расхожее и ничтожное выражение. На самом деле нет никаких дверей, просто человек переходит из одного континуума в другой. И, в конечном счете, переход не зависит от какой-либо аппаратуры.

«Приборы» — Библия, открытая на определенной странице, семисвечник (его огромные свечи были зажжены огнем, полученным от кремня и железа), пузырек с чистым беспримесным воздухом, колба, наполненная священной землей из Иордана, арфа Пифагора — имели не столько магическое, сколько символическое значение.

Мне хотелось особо подчеркнуть все это. Данный факт малоизвестен, между тем он заслуживает, чтобы о нем знали все. Тут кроется одна из причин притягательности гностицизма. Догматы петристской церкви согласуются с принципами нехристианских вероучений и открытий, сделанных современной наукой. Не в наших силах принудить к чему-либо Небеса. Небо слишком велико, но на него можно оказать влияние, если будет на то воля Всевышнего. Влияние возможно, если Он сам того захочет.

Наша молитва была выражением горячей мольбы, которую Бог уже прочел в наших сердцах. В известном смысле ее цель заключалась в том, чтобы убедить нас самих, что мы действительно хотим сделать то, что задумали. Точно так же и наши заклинания

лишь указывают путь какому-то Духу, который захочет помочь нам. Но заклинание не заставляет его оказывать нам помощь. Суть в том, что мы должны просто сделать все, от нас зависящее, чтобы он этого захотел.

Ад — совершенно иное дело. В физическом смысле — это Вселенная, лежащая на более низком энергетическом уровне по сравнению с нашей. В духовном смысле Враг и его слуги не заинтересованы в оказании нам какой-либо помощи, если только ее конечным результатом не является шанс на нашу гибель. Силой колдовства (если обладаешь достаточной мощью) можно было принудить демонов вступить на этот путь и даже способствовать спасению Валерии.

Формулы призыва помощи Неба не относятся к числу общеизвестных, но и тайными они не являются. Их можно найти в соответствующих справочниках. Заклинание адских сил — нечто совершенно иное. Я не стану подробно описывать эти заклинания. Поскольку мы, конечно, знаем, что вызов сил Ада сопровождается своеобразным молитвенным ритуалом (все делается наоборот), отмечу, что тут необходимы: один из апокрифов, «*Liber Veneficarium*»¹, факел, пузырек с воздухом, взятым из урагана, немного праха мумии, тридцать капель крови, меч... Не стану утверждать, что перечень точен.

Мы не думали, что нам понадобится весь этот хлам (а если и понадобится, то не сразу). Кроме того, надо было дать Джинни возможность ознакомиться с этими предметами. И даже при ее отточенной интуиции нужно было время, чтобы понять, как правильно расположить их. Весь этот зловещий набор был под рукой и служил еще одним доказательством серьезности наших намерений.

Колокольчик Карлслунда позвал нас. Он был готов. Мы собрались перед импровизированным алтарем.

— Сперва я должен освятить это место, — заявил он, — и как можно более полно провести обряд богослужения.

Я взглянул на наручные часы — черт возьми, почти пять! Но возражать не осмелился. Необходимо, чтобы служба была проведена должным образом.

Пастор раздал молитвенники, мы открыли их. У меня возникло странное ощущение. Как уже упоминалось, я не верил в превосходство каких-либо догм над другими — по крайней мере, ровно придерживался агностицизма. В церкви я бывал редко, но

¹ «Книга отравителей» (лат.).

считал, что красочные ритуалы у приверженцев епископального направления интереснее.

Это меня вполне устраивало. И сейчас я чуть не шепнул сперва Джинни: «Эй, это тайное богослужение или секретная служба?» Но вскоре желание шутить у меня пропало вместе с породившим это желание возбуждением. От этого простого ритуала на меня снисходил покой и невыразимое словами благоговение. Мои мысли обращались к Богу. Так вот что это такое — религия... Не то чтобы в этот момент началось мое обращение, но мне казалось, что перед нами открывается какая-то сторона Его могущества.

— Приступим к молитве.

— Отче наш, иже еси на небеси...

Стук в дверь! Сперва я даже не обратил внимания на него, но стук раздавался снова и снова, и сквозь тонкие филенки просочился голос:

— Доктор Грисволд, вы здесь? Вас просят к телефону. Мистер Сверкающий Нож из ФБР. Говорит, что у него очень срочное и важное дело...

Пол едва не поплыл у меня под ногами. То, что я ощутил в душе, исчезло. Ноздри Джинни раздулись, и она так сжала молитвенник, как будто это было оружие.

Карлслунд запнулся.

Грисволд, тихо ступая, подошел в двери и сказал привратнику, или кто там был:

— Передайте ему, что я провожу важный эксперимент и не могу прервать его. Пусть он оставит свой номер, и примерно через час я ему перезвоню.

«Спасибо тебе, спасибо! — кричала одна половина моего сознания. Вторая корчилась, опутанная холодными кольцами непонимания: — Где же милосердие Божье? Ты захотел, чтобы это случилось... но что есть Твоя воля?.. Не может быть, чтобы все это было на самом деле... или люди — всего лишь марионетки в жестокой игре-головоломке?..»

Бог не мог желать крушения наших планов... нашего путешествия. Он не мог хотеть, чтобы маленькая девочка осталась в Аду. Он сделал это нечаянно, читая полицейские новости... Но жертвы преступлений уже освобождены смертью, им уже дано утешение. По крайней мере, так утверждают все церкви. Но откуда церковники знают? Может, нет ничего, кроме игры случайностей, взаимодействия слепых сил? А может, Всевышний и Падший — одно и то же? А может... Нет, это в тебе говорит отчаяние,

с которым ты уже сталкивался прежде, — отчаяние Ада. Держись, Матучек! Не сдавайся! Выводи своим неправильным барионом: «Вперед, Христа Солдаты»... А если не работает, мы попробуем что-нибудь другое.

Прилагая все усилия, мы с трудом добрались до конца службы. Благословение. Затем Карлслунд, с трудом выговаривая слова, произнес:

— Я не уверен, что нам еще что-нибудь удастся. Необходимое благоговение утеряно.

Неожиданно ему ответил Харди:

— Пастор, ваша церковь основное значение придает вере. Но для нас, католиков, не менее важны дела.

Карлслунд не стал спорить:

— Что ж, ладно... Можно попытаться. О какой помощи вы просите?

Барни, Джинни и все прочие обменялись озабоченными взглядами. Я понял, что в спешке они забыли договориться об этом. Точное определение не казалось им настолько необходимым, ибо Небо не так ограничено, как Ад.

Барни откашлялся:

— Э-э... Идея состоит в том, что настоящий ученый, например математик, и после смерти будет заниматься исследованиями, повышать квалификацию, приобретать все новые знания. Там он может достигнуть таких высот, что нам и представить трудно. Нам необходим математик, занимавший ведущие позиции в неевклидовой геометрии.

— Таким обычно считают Римана, — сказал Фалькенберг, — но он, как правило, опирался на работы других. Например, Гамильтона. Мы не знаем, как далеко продвинулся несравненный Гаусс, ведь он опубликовал лишь обрывки своих размышлений. В целом я предпочитаю Лобачевского. Он первый доказал, что геометрия не теряет внутренней согласованности, если откажется от аксиомы о параллельных прямых.

Насколько я помню, это произошло примерно в 30—40-х годах XIX века, хотя я никогда не увлекался историей математики. Все, что было сделано позднее в области неевклидовой геометрии, берет свое начало в идеях Лобачевского.

— Выбираем его, — решил Барни. — При этом примем во внимание, что остается неизвестным, можем ли мы вообще угоризить какую-либо великую душу стать нашим союзником. Вообще какую-либо, вот ведь в чем дело, — добавил он упавшим

голосом и обратился к Фалькенбергу: — Вы займитесь чарами, а мы приступим к составлению молитвы...

Все это тоже потребовало времени, зато мы оказались слишком заняты, чтобы сходить с ума, а ведь только этим мы и занимались с той минуты, когда служба была нарушена. Мы делали пассы, произносили заклинания, напрягали волю и ощущали, как нарастает поток энергии, устремившийся к точке прорыва. Давление энергии достигло неопишуемой силы. Это было не повседневное чародейство, это была вершина современного научного волшебства. Неизвестно откуда поползли тени. Они делались все гуще. Окна напоминали тусклые, горящие в ночи фонари. Пламя семи свечей сделалось неправдоподобно высоким, но не давало света. Символы на потолке засверкали ярче, начали медленно вращаться. На пальцах наших поднятых рук, на волшебной палочке Джинни засветились огни Святого Эльма. Такие же огни потекли, потрескивая, с шерсти стоявшего на плече Джинни Свартальфа, с ее распущенных волос. Арфа заиграла сама собой, ее струны вторили протяжной музыке сфер, свивая взад и вперед рисунок танца.

Я не увидел в темноте, кто из нас семи медленными размеренными шагами вышел из ряда, лишь услышал крик:

— Алеф!

Много позже:

— Зайн!

При этом выкрике все мы замерли.

Арфа смолкла. Нас окутало вечное молчание бездонного космоса. Знаки зодиака вращались все быстрее и быстрее, пока не слились, образуя Колесо Времени. Карлслунд встал и воздел руки перед алтарем.

— Услышь нас, о Господь Бог, обитающий на Небесах, — воззвал он. — Тебе известно, чего мы жаждем; молим Тебя, пусть эти желания будут чистыми. Ты видишь, вот стоят перед Тобой этот мужчина Стивен и эта женщина Вирджиния. Они хотят поразить врагов Твоих и избавить от заточения невинную девочку. Если Ты позволишь им это, они готовы претерпеть все муки Ада. Нет у них никакой надежды, если Ты не поможешь им. Мы просим Тебя, пусть в диких дебрях Ада будет у них тот, кто сможет руководить ими и советовать им. Если мы не заслужили, чтобы Ты послал к нам ангела, то молим Тебя, пошли к нам умершего слугу Твоего, Николая Лобачевского, или кого-нибудь еще, кто, будучи живым, занимался научными исследованиями в той же

области знаний. Молим во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Амен!

Снова воцарилось молчание. Затем распятие на алтаре вспыхнуло ярким солнечным светом. Послышался тонкий пронзительный звук. И меня охватила волна радости, которую можно, и то отдаленно, сравнить лишь с радостью первой любви.

Но сразу же раздался другой звук. Он походил на шум штормового ветра. Свечи погасли, оконные стекла сделались темными, пол заколебался у нас под ногами. Свартальф отчаянно взвыл.

— Джинни! — услышал я свой крик.

И одновременно с этим криком меня закрутил водоворот образов, воспоминаний... Увенчанная похожими на луковицы куполами церковь посреди беспредельной равнины. Грязная дорога между рядами низких, крытых соломой домов. Звякающий амуницией, с саблей у пояса всадник, едущий по этой дороге. Ледяная зима, в конце которой — оттепели и блеск разливающихся вод. И возвращение птичьих стай, и покрывающиеся робкой зеленью буковые леса. И беспорядочные нагромождения рук, книг, лиц, снова рук и лиц... Женщина, которая была моей женой. Сын, умерший слишком рано. Казань — половина ее объята пламенем. Холерный год. Письмо из Геттингена.

Любовь. Неудачи. Слепота, медленно подкрадывающаяся день за днем. И все это было чуждым...

Наши зубы громко стучали. Ветер прекратился, и снова стало светло. Пропало ощущение нависшей над нами грозной силы... Ничего не понимающие, мы снова очутились в привычном для нас мире.

Джинни бросилась в мои объятия.

— Любимая! — крикнул я ей по-русски. — Нет... Любимая... — по-английски. — Господи, помилуй! — снова по-русски...

Перед глазами вихрем вращался калейдоскоп чужой памяти. На столе стоял Свартальф. Спина выгнута, хвост трубой. Его трясло не от ярости — от ужаса. Язык, зубы и шея кота странно дергались. Звуки, на которые не был способен ни один кот... Свартальф пытался заговорить.

— Почему не получилось? — загремел Барни.

Джинни удалось овладеть собой. Она махнула рукой тем, кто стоял ближе.

— Карлслунд, Харди, помогите Стиву! — крикнула она. — Док, обследуй его! — Я отрывочно слышал ее голос сквозь наваливающийся хаос. Друзья, поддерживая меня, довели до стула. Я рухнул на него. Приходилось прилагать усилия, чтобы дышать.

Помутнение сознания продолжалось недолго. Воспоминания об иной стране, об ином времени остановили свое беспорядочное коловращение. Они ужасали, но лишь потому, что находились вне моего контроля и были чужими.

Русское «мир» звучало в моем мозгу одновременно с английским «rease»... и я знал, что это одно и то же. Ко мне возвращалось мужество. Я чувствовал, что могу мыслить самостоятельно. Но в голове звенела чужая мысль, и в ней обертонами я ощущал странную смесь сдержанности и сострадания:

— Прошу прощения, сэр. Это перевоплощение смущает меня не меньше, чем вас. У меня не было времени осознать, насколько велики различия, обусловленные разницей более чем в сто лет, и тем, что я оказался в совершенно другом государстве. Полагаю, будет достаточно нескольких минут для предварительного ознакомления, чтобы обеспечить информационный базис для выработки приемлемого для вас *modus vivendi*¹. Остается заверить вас, что я сожалею о своем вторжении и постараюсь свести его к минимуму. Со всем должным уважением могу добавить: то, что мне пришлось узнать о вашей личной жизни, не имеет особого значения для того, кто давно лишился земной плоти...

До меня дошло: Лобачевский!..

— К вашим услугам, сэр. Ах да... Стивен Антон Матучек. Не будете ли вы так добры... Извините, мне необходимо ненадолго отвлечься.

Этот диалог, а также последующее взаимодействие наших разумов (это трудно описать словами) происходили уже на границе моего сознания. А оно снова било тревогу — слишком уж жутко было все происходящее.

Пробормотав: «Со мной все в порядке», я движением руки отодвинул Акмана в сторону и уставился на разворачивающуюся передо мною сцену.

Свартальф находился в состоянии истерики, приближаться к нему было опасно. Джинни схватила чашку, зачерпнула из раковины воды и выплеснула ее на кота. Он взвизгнул, соскочил со стула и припал к полу, разъяренно сверкая глазами.

— Бедный котик, — успокаивающим тоном говорила Джинни. — Извини, пришлось.

Она разыскала полотенце.

— Иди сюда, к своей мамочке, и давай вытремся.

¹ *Modus vivendi* — здесь — способ существования (*лат.*).

Он позволил ей подойти к себе. Джинни присела на корточки и протерла коту шерсть.

— Что это в него вселилось? — недоумевающе спросил Чарльз.

Джинни подняла взгляд. Рыжие волосы подчеркивали, как побледнело ее лицо.

— Хорошо сказано, адмирал. Что-то вселилось... Вода вызвала у него шок, и возобладали кошачьи инстинкты. Вселившийся Дух утратил контроль над телом. Однако он по-прежнему находится там. Как только Дух разберется в психосоматике Свартальфа, он попытается восстановить контроль и сделать то, для чего он явился.

— Какой Дух?

— Не знаю. Нам лучше не мешать ему.

Я встал:

— Нет, подождите. Я могу это выяснить.

Взгляды всех присутствующих обратились ко мне.

— В меня, видите ли... э-э... вселился Дух Лобачевского.

— Что? — изумился Карлслунд. — Душа Лобачевского вселилась в ваше... Не может быть! Святые никогда...

Я отмахнулся, встал возле Джинни на колени и зажал голову Свартальфа между ладонями.

— Успокойся, никто не хочет причинять тебе вреда. Тот, кто вселился в меня, думает, что понимает, что случилось. Соображаешь? Его имя — Николай Лобачевский. Кто Вы?

Мышцы кота напряглись, сверкнули клыки, комната наполнилась громким воем. Свартальф снова был близок к истерике.

И снова во мне зазвучал чужой голос:

— Сэр, с вашего разрешения, у меня есть идея. Он не Враг. Я бы знал, если бы он был Врагом. Случившееся приводит его в замешательство, он смущен, а для того, чтобы мыслить, он располагает лишь кошачьим мозгом. Очевидно, ваш язык ему незнаком. Разрешите, я попытаюсь успокоить его?

С моих уст полились журчащие и шипящие русские звуки. Свартальф вскочил, потом я почувствовал, как он понемногу расслабился под моими ладонями. А потом... он смотрел и слушал так внимательно, с таким наслаждением, будто я был не я, а мышиная норка.

Когда я замолчал, он покачал головой и мяукнул.

— Итак, он не русский, но, кажется, понял наши намерения.

«Посмотрите, я знаю английский, вы понимаете этот язык, Свартальф тоже знает его. Почему же этот... ну, тот, который вселился, в отличие от вас, английского не понимает?»

«Уверяю вас, сэр, кошачий мозг в данном случае не годится. В нем нет структуры, хотя бы немного схожей с той, что управляет человеческой речью. Вселившейся душе и так приходится использовать чуть ли не каждую работоспособную клеточку мозга вашего Свартальфа. Но она без затруднений может использовать весь накопленный им опыт. Даже у этого маленького млекопитающего есть хорошая способность к запоминанию и огромный запас памяти. Нам нужно только воспользоваться языком, на котором говорила при жизни эта душа».

«Понятно, — подумал я. — Но вы недооцениваете Свартальфа. Он долгое время прожил в нашей семье. Его с рождения воспитывала и обучала ведьма. И поэтому он гораздо разумнее обычного кота. Кроме того, атмосфера колдовства, в которой он прожил всю свою жизнь, не могла пройти для него бесследно».

— Прекрасно. Говорите ли вы по-немецки? — теперь я обратился к коту. Свартальф с жаром кивнул.

— Ми-йа, — сказал он с выраженным акцентом.

— Добрый вечер, милостивый государь. Я — математик Николай Иванович Лобачевский, старший советник Российского Казанского университета. Рад приветствовать вас, милейший.

Последняя фраза была сказана по-французски — по всем правилам вежливости XIX столетия.

Лапа Свартальфа со скрежетом царапнула пол.

— Он хочет писать, — от изумления глаза Джинни широко распахнулись. — Свартальф, послушай... Не сердись. Не бойся. Не мешай ему делать то, что он хочет. Не сопротивляйся, помоги ему. Когда это все кончится, у тебя будет больше сливок и сардин, чем ты сможешь съесть. Обещаю. Ты же хороший котик.

Она пощекотала ему подбородок.

Непохоже было, что Свартальф полностью примирился с тем, что в его теле поселился Дух ученого. Но ласка помогла — он замурлыкал.

Пока Джинни и Грисволд были заняты приготовлениями, я сконцентрировался на обмене мыслей с Лобачевским. Остальные, потрясенные случившимся, столпились вокруг. Неизвестность дальнейшего мучила их. Я обрывками слышал, о чем они переговаривались.

— Черт возьми, никогда даже не слышал, чтобы Святые являлись подобным образом! — удивлялся Чарльз.

— Адмирал, прошу вас!.. — возмутился Карлслунд.

— Что ж, это верно, — согласился Янис. — Демоны вселяют-

ся в одержимых. Но Святые, в отличие от демонов, никогда не вселяются в чужое тело.

— Может быть, и вселялись, — возразил Грисволд. — Мы иногда с пренебрежением относимся к доказательствам существования взаимного переноса масс при пересечении Континуумов.

— Они не дьяволы, — сказал Карлслунд, — они никогда не делали этого в прошлом!

— М-м-да, — вмешался Барни. — Давайте подумаем. Дух или мысль из одной Вселенной в другую может переходить без помех. Может быть, Святые всегда так возвращаются к людям — не в телесном облике, а как Духи?

— А может, некоторые все-таки возвращались и во плоти? — предположил Карлслунд.

— Я бы предположил, — заговорил Нобу, — что Святые могут использовать для создания своего тела любую материю. Ведь в воздухе (добавьте несколько фунтов теплосдерживающей пыли) имеются все необходимые атомы. Вспомните, что такое Святой. Насколько мы знаем, это взятая на Небо душа. Так сказать, душа, находящаяся рядом с Богом. Занимая такое высокое духовное положение, она наверняка приобретает многие замечательные способности. Ведь она может черпать из источника всякой силы и творчества.

— Но тогда им вообще не о чем беспокоиться, — заметил Чарльз.

— Господа, — сделав шаг вперед, произнесло мое тело, — прошу вас простить меня, поскольку я еще не совсем освоился с тем, что мне приходится делить с господином Матучеком его тело, — вы окажете мне честь, вспомнив, что это совсем не то, что владеть телом собственным. Я еще не знаю в подробностях, что именно заставило вас просить о помощи. И поскольку я сейчас нахожусь в человеческом теле, у меня нет средств лучших, чем у вас, чтобы узнать, кто этот господин, вселившийся в кота. Тем не менее мне представляется, что я знаю цель его воплощения, но давайте, если у вас нет возражений, подождем и вынесем решение на основании более точной информации...

— Ух ты! — Барни выдохнул воздух. — Как ты себя чувствуешь, Стив?

— Неплохо, — ответил я, — и с каждой минутой — все лучше...

Это было весьма неточно сказано. Когда мы с Лобачевским достигли согласия, я ощутил, наряду со своими, его эмоции и мысли. Их мудрость и доброта превосходили всякое воображе-

ние. Разумеется, я ничего не мог узнать ни о его земной жизни, ни о том, что делается в сонме Святых.

Мой смертный мозг и заполненная унынием душа не могли постичь этого. Самое большее, что я мог уловить, — нечто вроде едва различимой песни, в которой звучали непрекращающийся мир и вечная радость. Все же попробую объяснить, чем стало для меня присутствие Лобачевского. Представьте себе, что вы общаетесь со своим самым старым, самым лучшим другом, — и это будет примерно то же.

— Мы почти готовы, — обернулась к нам Джинни.

Вместе с Грисволдом она установила на столе доску Сунуя — простейший письменный прибор для тех, у кого вместо рук лапы. Джинни уселась на краю стола, болтая ногами. У нее были очень стройные ноги. На это обратил внимание даже Лобачевский, хотя это вылилось у него в основном в то, что он принялся составлять уравнения, описывающие их форму.

Свартальф занял место возле прибора. Я, готовый задавать вопросы, склонился над столом с другой стороны. Тишину нарушало лишь наше дыхание. Планшетка двинулась. К ней был пристроен кусок мела, заколдованный тем же заклинанием, которое приводит в движение помело.

Написанную фразу прочли все.

«Я — Янош Больян из Венгрии».

— Больян! — задохнулся Фалькенберг. — Господи, я совершенно забыл о нем! Неудивительно, что он... но как...

— Это для меня большая честь. Ваши работы вдохновляли меня, — с низким поклоном произнес Лобачевский.

Ни Больян, ни Лобачевский не желали уступить друг другу в любезности. Кот встал на задние лапы, поклонился, затем отдавал честь по-военному. Планшетка снова пришла в движение, выписав строку цветистых французских комплиментов.

— Кто это все-таки? — прошипел за моей спиной Чарльз.

— Я... я не помню его биографию, — так же шепотом ответил Фалькенберг, — но помню, что он был восходящей звездой на небосклоне неевклидовой геометрии...

— Я посмотрю в библиотеке, — предложил Грисволд. — Похоже, что этот обмен любезностями может продолжаться еще долго...

— Похоже, — шепнула мне на ухо Джинни. — Нельзя ли их чуть поторопить? Мы с тобой уже давно должны быть дома. Если зазвонит телефон — жди очередных неприятностей.

Я изложил все эти соображения Лобачевскому, который в свою очередь объяснил их Больяну. Тот написал, что, когда воз-

никакой необходимости, он стал военным и посему, как имперский офицер, научился действовать решительно. И что он и сейчас намерен действовать решительно — в особенности когда к его чести взывает такая очаровательная девушка. И что он без страха и упрека поддерживал и намерен поддерживать впредь свою честь на любом поле сражения. Он уверяет, что за свою жизнь ни разу ее не посрамил...

У меня нет желания насмехаться над великим человеком. Просто для того, чтобы мыслить, его душа располагала лишь кошачьим мозгом и воспринимала мир через органы чувств Свартальфа.

Поэтому его человеческие недостатки предстали перед нами в явно преувеличенном виде. И именно поэтому ему так трудно было выразить свой гигантский интеллект и свое рыцарство.

Грисволд обнаружил о нем кое-что в энциклопедиях и работах, посвященных истории математики, и мы познакомились с биографией Больяна, пока он обменивался любезностями с Лобачевским.

Янош Больян родился в Венгрии в 1802 году. Тогда Венгрия была лишь одной из провинций Австрийской империи. Его отец, видный математик, близко знакомый с Гауссом, обучил Яноша технике вычислений и математическому анализу, когда ему не было еще и тринадцати.

По совету отца Янош в пятнадцать лет поступил в Королевское инженерное училище в Вене. В двадцать лет он стал офицером инженерных войск.

Он хорошо играл на скрипке, прекрасно владел саблей — встретиться с ним на дуэли было опасно. В 1823 году он послал отцу наброски своей «Абсолютной теории пространства». Некоторые из них были использованы Гауссом в носящих философский характер работах.

Сам Больян об этом так никогда и не узнал. В «Абсолютной теории пространства» юный венгр сделал первую серьезную попытку построения неевклидовой геометрии. На самом деле все же он первым доказал, что аксиома о параллельных прямых не является логически необходимой.

К несчастью, его труд был опубликован только в 1933 году, и то в качестве приложения к двухтомной работе его отца. Работа была написана по-латыни и носила чудовищное название. Между тем независимо от Больяна сходные результаты были получены Лобачевским. Труды Больяна остались незамеченными.

Похоже, что его это охладило. Он поселился вместе с отцом, преподававшим в Реформистском училище Марты-Базареди.

Умер в 1860 году. Время его жизни совпало с эпохой нарождавшейся венгерской революции Кошута 1848 года, ее поражением и последовавшей за этим реакцией. Но в обнаруженных нами статьях ничего не говорилось о его участии в революции или хотя бы отношении к ней. Он видел отмену военного положения в 1857 году и рост либерализации. Правда, его страна не достигла полной национальной независимости, оставаясь в рамках двуединой монархии. Независимость была достигнута лишь через семь лет после смерти Больяна.

Хотел бы я знать, не подождала ли его душа этого события, прежде чем унести в другие Вселенные?

Куда больше сведений нам удалось обнаружить о Лобачевском. Он родился в 1793 году в Нижнем Новгороде. Его мать овдовела, когда ему было семь лет. Они переехали жить в Казань. Семья отчаянно нуждалась, и все же матери удалось дать сыну хорошее образование. В возрасте восьми лет, сдав вступительные экзамены, Николай поступил в гимназию. В четырнадцать был зачислен в местный университет. В восемнадцать получил ученую степень.

В двадцать один был назначен ассистентом профессора, а в двадцать два сам стал профессором.

В его ведении оказались университетский музей и библиотека. Разницы между ними, в общем-то, не было — и там и там царили запустение и беспорядок. Ассигнования были очень малы. Лобачевскому пришлось немало потрудиться, но через несколько лет музеем и библиотекой гордилась вся Россия. Можно добавить, что при царе Александре в его обязанности, по-видимому, входила слежка за студентами. Он ухитрялся обходиться без доносов. И правительство было удовлетворено, и студенты обожали его. В 1826 году он стал главой университета, ректором. Он сам строил свой университет. Строил в буквальном смысле слова. Он так изучил архитектуру, что смог самостоятельно заниматься проектированием зданий. В 1830 году, когда разразилась холера, он принял более усиленные меры по поддержанию санитарии, чем это делалось по Казани в целом, поэтому смертность среди студентов была невелика.

В другой раз, позднее, половина города была уничтожена пожаром. Обсерватория и важнейшие здания университета оказались разрушены. Но Лобачевский смог спасти приборы, инструменты и книги. Двумя годами позже все утраченное было восстановлено.

Уже в 1826 году он начал разрабатывать неевклидову геометрию. Весть о его открытии того, что аксиома о параллельных

прямых не является логически необходимой, распространялась по Западной Европе настолько медленно, что менее терпеливый человек уже полез бы на стену, но Лобачевский был слишком занят своими делами. Между тем весть все же распространилась. Когда она дошла до Гаусса, она произвела на него такое впечатление, что он рекомендовал Лобачевского в члены Королевского научного общества в Геттингене. Это произошло в 1842 году. А через четыре года Лобачевский был отстранен от должности ректора. Ему разрешили заниматься преподавательской деятельностью — и не более. Возможно, причину этого нужно видеть в его независимости и злобной подозрительности царского режима ко всему чужестранному.

Убитый горем, он искал утешения в том, что целиком ушел в занятия математикой. Зрение ослабло. Умер сын. Лобачевский работал, мечтал и диктовал свою «Общую геометрию». Эта книга — венец всей его жизни — была закончена незадолго до смерти. Умер он в 1856 году.

Разумеется, он был Святым.

— Нет, Стивен Павлович, не надо преувеличивать мои заслуги. Я уверен, что немало и ошибался, и грешил. Но милость Господня не имеет границ. Я был... это невозможно объяснить. Пусть будет так. Мне было позволено и дальше заниматься своим любимым делом...

На доске появились новые фразы. Янош временами стирал написанное, и мел скрипел снова. Те, кто знал французский (русский и венгр сочли, что этот язык им подходит больше, чем немецкий), постепенно начинали понимать, что происходит. Однако лишь я, деля с Лобачевским общее тело, понимал все в достаточной степени.

И по мере того, как росло мое понимание, я все более ощущал необходимость передать его остальным. А время летело.

Лобачевский отвечал:

— Нужно торопиться, и поскольку я согласен, что час поздний, а опасность ужасна, я буду вынужден использовать современную отрывистую манеру разговора...

Когда был получен ответ на последний вопрос, я подозревал присутствующих к себе. Все они, если не считать Джинни (а она сейчас выглядела весьма эффектно) и сидящего у ее ног Свартальфа, представляли собой довольно жалкое зрелище. Усталые, потные, осунувшиеся. Галстуки либо ослаблены, либо просто сняты. Прически растрепаны. У большинства в руках сигареты. Я сидел на стуле, глядя на них. Возможно, у меня был вид еще

более ужасный. То, что сообщил мне влезший в мое тело Святой, было поразительно. Нет, это было просто кошмаром.

— Теперь все ясно, — заявил я. — Мы ошиблись. Бог ничего не приказывал своим Святым и ангелам. По крайней мере, в нашем понимании — не приказывал. Появление Святых объясняется нашей молитвой. Пастор, вы-то понимали все это и раньше. Но сознательно или нет, мы полагали, что являемся более значительными персонами, чем есть на самом деле, особенно по сравнению с силами Зла.

Лобачевский тут же поправил меня:

— Нет, для Него равно важно все. Но должна быть свобода выбора — даже для сил Зла. Более того, существуют соображения, в силу которых... Ну, думаю, тут не совсем подходит этот термин — «политика невмешательства». Не знаю, существует ли подходящая земная аналогия... Грубо говоря, ни Бог, ни Враг не желают своими действиями спровоцировать чрезмерно ранний Армагеддон. В течение вот уже двух тысяч лет они избегают прямого вторжения на... э-э... территории друг друга: Небо и Ад взаимно неприкасаемы, и такая «политика» в обозримом будущем не подлежит пересмотру...

Наша молитва была услышана. Лобачевский — Святой в прямом смысле этого слова. Он не мог сопротивляться нашей мольбе, да это ему и не запрещалось. Но и помогать нам в Аду он тоже не мог. Это запрещено. Он вправе, оставаясь в моем брэнном теле, отправиться с нами туда, но лишь как наблюдатель. Только как наблюдатель, ничего более. Он очень сожалеет. Каждый Дух должен идти своим собственным путем, ибо... Неважно. В общем, в наш Континуум и в мое тело он вошел, преследуя иные цели.

Больян — другое дело. Он тоже услышал наш призыв. Ведь молитва была так свободно построена, что вполне могла быть обращена и к нему. Далее, он не приобщен к сонму Святых. Он говорит, что его душа находилась в чистилище. Подозревая, что мы понимаем это место лишь умозрительно, он объяснил, что это место, где душа не может непосредственно воспринимать мудрость Господню, но может самостоятельно добиваться своего совершенствования.

Во всяком случае, хотя пока он не взят на Небо, но он и не проклят. Таким образом, ему не запрещено принять в борьбе активное участие. Похоже, у него появился шанс на выигрыш. Он понял, о чем мы просили в нашей молитве. Понял все, даже то, что мы не высказали словами. И, как Лобачевский, выбрал для воплощения мое тело. Но Лобачевский не знал о его намерениях.

Будучи святым, он обладал большей мощью и успел воплотиться на какое-то мгновение раньше...

Я остановился, чтобы закурить. Чего мне действительно хотелось, так это осушить галлон крепкого сидра. Глотка моя была словно высушена и забита пылью.

— Очевидно, в случаях, подобных нашему, Дух должен поступать согласно определенным правилам. Не спрашивайте меня почему. Уверен, что, если бы вам стали известны причины, вы бы нашли их достаточно вескими. В частности, полагаю, чтобы предохранить нашу смертную плоть от чрезмерного потрясения и перенапряжений. Одно из правил вполне очевидно. Больян, не обладая силой святости, не смог создать сколь-нибудь пригодное тело для воплощения. Помните, доктор Нобу, вы предполагали это недавно. Вероятно, даже если бы мы приготовили все нужные вещества, он не смог бы воспользоваться ими. Единственная для него возможность открыть себя людям — это войти в чье-то живое тело. Есть еще правило — душа не может перескакивать из одного тела в другое. Она должна оставаться в нем, пока не закончится то, из-за чего она вернулась на Землю. Больяну нужно было молниеносно принять решение. Мое тело было уже занято. Правила приличия не позволяли ему войти в тело э-э... женщины. А если бы он вселился в кого-то, кто не собирался вместе с нами отправиться в Ад, пользы от этого было бы немного. Хотя об этом в молитве и не упоминалось, в ее обертонах он уловил, что в экспедиции должен участвовать третий член мужского пола. И Больян устремился в его тело. Он всегда действовал быстро. И слишком поздно обнаружил, что вселился в тело Свартальфа.

Могучие плечи Барни обмякли:

— Значит, из задуманного нами ничего не вышло?

— Не обязательно, — возразил я. — Джинни — сильная ведьма. Больян полагает, что, если она поможет увеличить мощь кошачьего мозга Свартальфа, он справится. После смерти он провел много времени, исследуя геометрию Континуумов. В том числе таких странных и жутких, что не может поведать о них даже намеком. Идея налета на Ад ему понравилась.

Свартальф качнул хвостом, усы его встали прямо, бакенбарды распушились.

— Значит, получилось! — закричала Джинни. — Ура-а! Улю-лю!

— В определенной степени да... — решимости у меня было не меньше — меньше было энтузиазма. На мрачный лад меня настраивало узнанное от Лобачевского. Я предчувствовал, что в

нашем плане кроется много трудностей. Вряд ли бы Враг позволил нам так просто добиться успеха. Против нас будет направлена вся его сила, вся его хитрость.

— Так... — с растерянным видом произнес Карлслунд. — Так, так...

Джинни прекратила свой боевой танец.

— Может, вы лучше позвоните Сверкающему Ножу, доктор Грисволд? — напомнил я.

Маленький доктор кивнул:

— Я сделаю это из своего кабинета. Вы оставайтесь здесь, будете все видеть и слышать.

Я чуть не выругался. Законно ли это? По-видимому, в какой-то мере... не запрещается.

Несколько минут нам пришлось подождать. Я крепко прижал к себе Джинни. Остальные — кто негромко переговаривался о постороннем, кто в бессилии опустил на стулья. Бодрость хранил только Больян. С помощью Свартальфа он удовлетворял свое ненасытное любопытство обследованием того, что было в лаборатории.

Ведь на самом деле перед нами был один из лучших ученых-математиков, когда-либо живших на Земле. Ему было чертовски интересно, как обстоят дела на нашей планете. А когда Янис разыскал ему подшивку «Всемирной географии», он пришел в полный восторг.

Телефон ожил, звякнул. Мы видели все, что делал Грисволд. Я со свистом втянул воздух между зубов. Сверкающий Нож действительно вернулся.

— Извините, что заставил вас ждать, — сказал профессор. — Раньше позвонить никак не мог. Чем могу быть вам полезен?

Фэбээровец назвал себя, предъявив удостоверение.

— Я пытаюсь разыскать мистера и миссис Матучек. Вы знакомы с ними, не так ли?

— Ну... э-э... да. Давно их не видел, правда... — врун из Грисволда был плохой.

— Пожалуйста, выслушайте меня, сэр. Сегодня днем я вернулся из Вашингтона. Был там в связи с их делом. Это чрезвычайно важно. Я опросил своих подчиненных. Миссис Матучек исчезла, и обнаружить ее не удалось. Ее муж, по крайней мере, некоторое время находился в защищенном от любого надзора конференц-зале. Но после окончания рабочего времени его никто не видел. Я послал своего человека разыскать его, но он его не нашел. Наши люди сделали фотографии всех, кто входил в здание. Сотрудники криминалистической лаборатории среди

других участников встречи опознали вас. Вы все еще уверены, что Матучека у вас нет?

— Н-нет. Их нет... Что вы хотите сделать с ними? Обвинить в уголовном преступлении?

— Пока они не окажутся в нем замешаны — нет. У меня на руках специальный приказ, предписывающий не допустить некоторых действий, которые Матучеки, вероятно, захотят предпринять. Всякий, кто окажет им помощь, в той же степени подлежит аресту, что и они.

Грисволд оказался молодцом. Он преодолел испуг и, брызгая слюной, затарахтел:

— Честное слово, сэр, меня возмущает подтекст вашего заявления. В любом случае ваше предписание должно быть предъявлено тем, кого оно касается, то есть — Матучекам. Без этого оно не имеет никакой законной силы и не ограничивает ни их действий, ни действий их сообщников.

— Верно. Не возражаете, если я приеду осмотреть помещение, в котором вы сейчас находитесь? Возможно, они все-таки там. Без вашего ведома...

— Нет, сэр, возражаю. Вам не следует приезжать сюда, — отрезал Грисволд.

— Будьте благоразумны, доктор Грисволд. Помимо всего прочего, наша цель состоит в том, чтобы защитить их от самих себя.

— Такого рода намерения весьма присущи теперешней администрации, и мне они очень не нравятся. До свиданья, сэр.

— Эй, подождите! — Голос Сверкающего Ножа сделался тише, но тон его был весьма недвусмысленным. — Вы не являетесь владельцем здания, в котором находитесь.

— Но я несу за него ответственность. «Трисмегист» является частным владением. Я могу осуществлять управление этим зданием по собственному усмотрению и запрещаю вам доступ в него. Вам и вашим подчиненным.

— Но не в том случае, если они придут с ордером на обыск, профессор.

— Тогда я вам советую поскорее получить его...

И Грисволд оборвал магическую связь.

Мы, оставшиеся в лаборатории, поглядели друг на друга.

— Сколько у нас времени? — спросил я.

Барни пожал плечами:

— Не более пятидесяти минут. Фэбээровцы уже в пути.

— Стоит ли нам пытаться удрать отсюда? — спросила у него

Джинни.

— Я бы не стал пробовать. Все вокруг, вероятно, было взято под наблюдение еще до того, как Сверкающий Нож попытался дозвониться до Грисволда. Думаю, он выжидал просто для того, чтобы узнать, чем мы тут занимаемся. Видимо, ему приказали перейти к решительным действиям только в крайнем случае.

Джинни выпрямилась:

— О'кей. Тогда мы отправимся в Ад. — Ее верхняя губа слегка дернулась. — Нельзя упустить эту возможность! Готовиться некогда.

— Ык! — Барни хрюкнул, как будто его ударили под дых. — Нет, вы сошли с ума! Без подготовки, не имея нужного снаряжения...

— Обойдемся и тем, что имеется здесь, — отрезала Джинни. — Воспользуемся советами Больяна. Лобачевский, пока мы здесь, тоже имеет право помочь нам. Мы выиграем. На нашей стороне эффект внезапности. Демоны не успеют организовать свои силы. Повторяю, наше вторжение будет для них неожиданностью. А раз мы выйдем из сферы действия американского законодательства, разве у Сверкающего Ножа будут основания волшебством заставить нас вернуться? Прекращение вашей помощи, возможно, означало бы нашу смерть. Это будет убийство. Кроме того, подозреваю, Сверкающий Нож на нашей стороне. Он не в восторге от того, что ему приходилось делать. И он не станет мешать нам. Скорее предложит нам свою помощь.

Она подошла к Барни, обеими руками взяла его руку, заглянула снизу вверх в его изрезанное морщинами лицо.

— Не удерживай нас, дружище, — попросила она. — Нам необходимо ваше согласие.

Было больно смотреть, как мучается Барни. Но вот он крепко выругался и отдал приказ. Люди сразу же принялись за работу.

В зал вошел Грисволд.

— Вы уже... О, вы не можете отправляться прямо сейчас!

— Не можем не отправляться! — уточнил я.

— Но вы же... вы даже не пообедали! Вы ослабеете и... Ладно, знаю, вас не остановишь. Иногда работа продолжается допоздна, и на этот случай у нас в лаборатории имеется холодильник с провизией. Пойду посмотрю, что там есть...

Вот так мы и отправились штурмовать твердыню Ада.

Янис отдал Джинни свою сумку (из тех, что носят на ремне через плечо), а Барни вручил мне куртку (она была мне велика, и рукава пришлось немного подрезать). Сумка и карманы куртки были набиты до отказа бутербродами с арахисовым маслом для нас, консервами для Свартальфа-Больяна и четыремя банками пива.

ГЛАВА 28

Кое-какое снаряжение у нас было. В основном оно лежало в сумке Джинни. В том числе и принесенное Акманом свидетельство о рождении Валерии. Собственно, его пригласили на совещание именно ради того, чтобы он объяснил, как извлечь максимальную пользу из этого свидетельства. Джинни положила документ в собственную сумочку и пристегнула ее к поясу.

Никто, включая наших геометров, не знал наверняка, какие средства окажутся в Аду действенными, а какие — нет. Лобачевский смог только сказать, что религиозные символы не обладают там силой, которую имеют здесь. Их действие основано на благодати Всевышнего, а всем известно, что никто из обитателей Ада не способен любить. Кое-что, однако, нам могло дать язычество.

Языческие понятия о чести и справедливости ничего не значили там, куда мы собирались, а вот понятие силы и искупительной жертвы — значили. Минуло уже немало веков с тех пор, как последний раз отправлялась служба языческим богам, в их символах еще сохранилось достаточно силы и могущества.

Джинни, как обычно, заколола отворот платья булавкой с изображением совы: знаком того, что она — дипломированная ведьма. Грисволд вручил нам миниатюрную нефритовую пластинку, изготовленную ацтеками. На ней было вырезано гротескное изображение скалящей зубы змеи, покрытой перьями.

Я прикрепил пластинку к своему превращательному фонарику и спрятал под рубашку. Немного стесняясь пастора Карлслунда, Барни выудил из кармана серебряный брелок в форме молота Тора — традиционного амулета викингов. Брелок принадлежал его жене, но таскал его с собой сам Барни — на счастье. И теперь он надел цепочку на шею Свартальфа.

Тащить с собой огнестрельное оружие не было смысла. Мы с Джинни весьма неплохо стреляли, но это — в евклидовом пространстве. Если из-за переменной гравитации траектория пули меняется самым непредсказуемым образом, об огнестрельном оружии приходится забыть. Мы вооружились, пристегнув к поясу мечи. У Джинни был тонкий, современного производства, золингеновский клинок. Он предназначался главным образом для ритуальных действий, однако и кромка, и острие его были хорошо отточены. Мой меч, более древний, тоже обладал магической силой. Тяжелое, надежное оружие. Он побывал и в плавании — служил абордажной саблей самому Декатуре.

Воздух для дыхания тоже мог оказаться проблемой. Все зна-

ют, что в Аду жутко воняет. В запасе у нас были дыхательные аппараты — из тех, что используют для подводного плавания. Чтобы избежать столкновений с русалками или иными шkodливыми подводными созданиями, лучше всего заручиться содействием мага или колдуньи, у которых в помощниках, к примеру, тюлень. Но специалистов такого рода немного, поэтому баллоны и маски делаются разных размеров, с расчетом на животных. Мы разыскали комплект, подходящий Свартальфу. И еще один я прикрепил к своему запасному баллону — для Валерии, если нам улыбнется удача.

На этом перечень нашего снаряжения заканчивался. Будь у нас время, мы смогли бы подготовиться лучше. И еще мы могли бы взять с собой не пару метел, а дракона, даже двух, и нагрузить на них несколько тонн всяческого груза, чтобы во всеоружии встретить хотя бы те неожиданности, которые смогли предвидеть наши теоретики. Однако армия уже пыталась действовать подобным образом и потерпела неудачу. У нас были сведения, которыми не располагали военные, и еще у нас был единственный в своем роде советник. Может быть, это сработает.

Пока мы вместе с несколькими помощниками торопливо готовились, Барни и Нобу тоже завершали приготовления к переброске. В последнюю минуту я попросил их сделать кое-что, и как можно скорее.

В центре пола была начертана фигура (не буду говорить, какая именно). Ее обрамляли расставленные пятиугольником освещенные свечи. Под потолком висел наготове вакуумный колокол. Колокол предназначался для выброшенной из Адской Вселенной массы обмена. Возможно, это будет какое-то живое существо или ядовитый газ. Короче, нечто опасное.

— После нашего переноса, — распорядился я, — сразу же поместите под колокол несколько фунтов какого-либо вещества. Конечно, если не окажется, что внутрь соваться опасно.

— Что? — в изумлении переспросил Барни. — Но тогда это даст возможность преследователю совершить переход без затруднений!

— Что бы здесь ни оказалось, оно не сможет выйти за пределы пентаграммы, — напомнил я. — Мы будем действовать очень быстро. Будьте наготове, пустите в ход все свое волшебство, чтобы оно не вернулось обратно. Не знаю, что нам удастся обнаружить. Возможно, все это будет иметь большое научное значение, а людям необходимо побольше знать об Аде. Хотя скорее всего наша добыча будет равна нулю. Но все же подготовьте замену.

— Ладно. Для сумасшедшего ты рассуждаешь разумно. —

Барни вытер глаза. — Что-то глаза слезятся — аллергия у меня, что ли?

Когда мы прощались, глаза остались сухими лишь у Яниса. И в мозгу моем, размеренно и печально, звучала чужая мысль:

«Стивен Павлович, Вирджиния Вильямовна, Янош Фаркасович и кот, наверняка обладающий своей собственной душой, я больше не могу помогать вам. Теперь я обязан стать простым наблюдателем. Только наблюдателем, удовлетворяющим свою собственную любознательность. Не буду отягощать вас горем, которое вызывает у меня эта необходимость. Вы более не будете ни сознать, ни ощущать моего присутствия. Прощайте! Да благословит вас Бог!»

Я почувствовал, как он уходит из моего сознания. Как сон, который обесцвечивается, когда вы, проснувшись, пытаетесь вспомнить его. И вскоре от него осталось лишь ощущение чего-то хорошего, происходившего со мною в течение двух-трех часов. Или нет, не совсем так. Подозреваю, что своим спокойствием в последующие минуты я обязан его незримо присутствию. Он не мог не помогать. Он был Лобачевским...

Рука об руку, держа свои метлы, мы с Джинни вступили в фигуру связи. Впереди шествовал Свартальф. В центре фигуры мы остановились, поцеловались, шепнули друг другу последние слова, а потом медленно натянули маски. Оставшиеся приступили к волшебству.

Зал снова окутался тьмой. Я ощутил, как скапливается энергия. Прогрохотал гром, заходил пол под ногами. Фигуры товарищей как бы отдалялись, и я уже висел над их головами. Сквозь усиливающийся грохот я слышал, как моя ведьма начала читать то, что написано на пергаменте. Там стояло и имя «Виктрикс», и теперь силы природы переносили нас туда, где она находилась. Переносили сквозь дьявольское пространство-время.

Зал, звезды, Вселенные — весь мир начал вращаться вокруг нас. Мы находились в центре урагана. Все быстрее и быстрее вращался мир. Он превратился в одну гигантскую мельницу, а потом остался лишь рев громадного водопада. Нас крутил, топил, засасывал бесконечный водопад и водоворот. Последний проблеск угасавшего со страшной скоростью света... и когда мы достигли конца бесконечности, свет умер. А в самом конце нас ждал такой ужас, что мы никогда бы не осмелились встретиться с ним.

Никогда, если бы не наша дочь, Валерия-Виктрикс...

ГЛАВА 29

Должно быть, я на минуту потерял сознание. На минуту, а может, на миллион лет. Внезапно, как будто щелкнули выключателем, — и я начал понимать, что наше путешествие окончено и мы куда-то прибыли. Куда-то, что бы это такое ни было.

Я привлек Джинни к себе. Мы смотрели друг на друга, ошупывали дрожащими пальцами. Никаких повреждений. Сваргальф также был в полном порядке. Он не требовал, чтобы на него обращали внимание, — значит, с ним все в порядке. Больян тут же заставил его пуститься бегом по расширяющейся спирали, чтобы выяснить обстановку.

Я осторожно сдвинул маску, вдохнул воздух. Он был ужасающе холодным. Дул ветер, пронизывающий до самых костей, но воздух казался чистым. Если быть точным — стерильным.

Стерильность. Все здесь было пропитано ею. Небо было абсолютно, беспредельно черным. Но каким-то образом мы видели звезды и жуткие, испепеленные планеты, движущиеся по хаотичным траекториям. Это были пятна еще более глубокой тьмы, тьмы, которая была не отсутствием, а отрицанием света.

Мы стояли посреди голой равнины — серой, плоской, словно залитой бетоном. Ничего вокруг не было, если не считать рассыпанных повсюду камней. Среди камней не было двух одинаковых, но все они были одинаково уродливы.

Свет исходил от почвы. Бледный, бесцветный, не дающий теней свет. Что находилось вдалеке — не было видно. Но равнина, казалось, тянулась бесконечно — ни горизонта, ни препятствий. Не было ни движения, ни звука, ни сторон света — лишь тоскливый свист ветра.

Всякие мерзости мне приходилось видеть, но такое... Нет, ужаснее всего, что было и будет, — подменыш в кровати нашей дочери...

Джинни тоже сняла маску и, как и я, повесила ее на свой баллон. Она вся дрожала, крепко обхватив себя руками.

— Я думала, что нас в-встретит пламя, — сказала она.

Нелепое высказывание. Впрочем; в исторических случаях только такие и делаются.

— Данте описал седьмой круг Ада как место, где властвует холод, — медленно ответил я. — По-видимому, он что-то знал... Где мы?

Не знаю. Если волшебство удалось, если вообще удалось волшебство имени... мы на какой-то планете. Если только слово

«планета» имеет тут какой-нибудь смысл. Вэл должна быть где-то здесь. Не слишком далеко отсюда. Вернее, будет...

Мы, естественно, приложили все усилия, чтобы оказаться здесь раньше ее.

— Не похоже на то, о чем докладывали предыдущие экспедиции.

— Да. У них был иной способ переноса. У нас с ними были разные ритуалы. К тому же мы двигались против течения времени. Возвращаться будет легче.

Свартальф скрылся за ближайшим камнем. Мне это не понравилось.

— *Kommen Sie zurück!* — закричал я, перекрикивая свист ветра. — *Retournez-vous!*¹

Я не без замешательства понял, что перед переносом Лобачевский запечатлел в моем мозгу знание немецкого и французского. Ей-богу, и русского тоже!

— *Murr!* — раздалось сзади.

Я обернулся.

— Что за черт?

Кот исчез совсем не там, а сейчас он шел к нам прямо с противоположной стороны.

— Искривленное пространство, — констатировала Джинни. — Смотри, Свартальф ставит лапы твердо, но движется по кривой, будто пьяный. И ведь он был всего в нескольких ярдах от нас. А что же будет на расстоянии нескольких миль?

Я прищурился и огляделся:

— Все выглядит прямолинейным.

— Так и должно быть, пока ты не двигаешься. Бр-р. Сделаем, чтобы потеплело.

Она вынула из сумки свой раздвижной жезл. Звезда на конце жезла не сверкала, лишь тлела. Но тем не менее благодаря ей одна-единственная зажженная спичка, которую Джинни поднесла к нашим подписям и отпечатку лапы Свартальфа, согрела нас мгновенно. Если честно, стало, пожалуй, даже слишком жарко. Я вспотел. Видимо, Адская Вселенная обладала такой высокой энтропией и процесс термодинамического распада зашел так далеко, что и минимальное тепловое воздействие вызывало сильный эффект.

Свартальф уже был рядом с нами. Оглядывая с беспокойством равнину, я пробормотал:

— Что-то все прошло чересчур гладко...

¹ Возвращайтесь! (*нем., фр.*).

— Нам благоприятствовали два обстоятельства, — ответила Джинни. — Первое — колдовство переноса оказалось действительно эффективным. Его влияние еще не закончилось. Оно охраняет нас, и в какой-то степени благодаря ему обстановка кажется схожей с земной. Второе — демоны заранее хорошо знали, где и когда им ждать предыдущие экспедиции. У них было достаточно времени для подготовки всяких грязных фокусов. Мы же прокрались незаметно. — Она откинула прядь волос со лба и твердо добавила:

— Но думаю, что и у нас, когда мы тронемся в путь, проблем будет полон рот.

— А что, надо будет куда-то идти?

— Да, конечно. С какой стати похититель вернется именно сюда, в пустыню? Мы и не могли сразу оказаться в нужном месте. Помолчи пока что, я определю направление.

Джинни подняла вверх пергамент с именем «Виктрикс». Пропела заклинание. Жезл уверенно развернулся в определенном направлении. Но магический шар оставался мутным. Ни намека на то, сколь долгий предстоит нам путь и что нас ждет впереди. Слишком чуждым здесь было пространство-время.

Мы поели, напились, отдохнули несколько минут и отправились в путь. Джинни, со Свартальфом на седельной луке, летела впереди. Я держался чуть сзади и справа. Метлы работали плохо, двигались медленно. Защитный экран приказал долго жить, и мы остались открытыми дующему справа ветру. Но зато мы успели подняться и выровнять наш полет до того, как он сделался достаточно сильным.

Сперва начались зрительные искажения. Я смотрел, и рука моя все крепче сжимала рукоять рычага управления. Свартальф, моя красавица Джинни, камни внизу — все пошло рябью, волнами, начало сужаться и растворяться, потекло. Все сделалось непристойно карикатурным. И одна грязная карикатура тут же сменялась другой — еще худшей.

Казалось, с тела сшелушивались комки мяса, обвисали каплями, утоньшались, вытягивались, а потом срывались и пропадали. Звуки изменились тоже. Пронзительный свист перешел в какофонию. Вопли, гул, жужжание — будто бы угрожающая скороговорка. Я почти понимал их. Они вибрировали ниже порога восприятия, я не слышал их, но мое тело слышало. И я отвечал им, содрогаясь от ужаса.

— Не обращай внимания! — кричал я. — Это оптический эффект Доплера...

Но мой крик не смог пробиться сквозь этот хаос.

Внезапно моя любимая стала удаляться. Она неслась от меня, вращаясь, словно сорванный ветром лист. Я попытался лететь за ней следом, прямо в порыв ветра, выбивающего из глаз слезы, но чем больше я отклонял курс метлы, тем быстрее уносилась от меня Джинни.

— Больян, помогите! — закричал я, пытаясь докричаться в пустоту.

И пустота поглотила меня.

Я скользил вниз по какой-то невозможно бесконечной кривой. Метла никак не могла выйти из штопора.

«Нет, — старался я перебороть страх, — я не разобьюсь! Нет. Полет скоро выровняется. Выровняется, когда я буду над теми...»

Гряда камней, к которой я наискось падал, оказалась вовсе не грядой камней — это была горная цепь.

Буря смеялась над моими усилиями. Метла подо мной тряслась. Я тянул на себя рычаг управления, мычал заклинания, но ничего не мог поделаться. Мне не удастся сесть, я разобьюсь об утесы...

Видимо, я пролетел несколько тысяч миль. Не меньше — ведь иначе я бы увидел эти горные пики посреди бесконечной равнины. Джинни погибла... Вэл погибла... Возможно, и меня ждет смерть. Но я не имел права терять надежду...

— Ию-у-у! — прорезалось сквозь шум и хаос.

Я крутанулся и чуть не свалился с седла. Ко мне неслась Джинни. Развевающиеся волосы пылали огнем. Звезда на волшебной палочке вновь сияла, словно Сириус. Управляли помелом когтистые лапы Свартальфа, то есть — Больяна. Желтые глаза горели, белые клыки сверкали. Морда кота походила на морду пантеры.

Они подлетели вплотную. Джинни перегнулась ко мне, и наши руки встретились.словно ток пробежал по мне от ее ладони. Я смотрел, как управляет кот, и делал то же самое. Дома такой пилотаж привел бы к аварии. Но здесь мы лишь развернулись и начали набирать высоту.

Как это объяснить? Предположим, вы — плоскостник, вымышленное существо (если на свете бывают существа, которые можно назвать вымышленными...) Так вот, вы — плоскостник, живущий в пространстве двух измерений. Двух, не более. Вы живете в поверхности.

Все правильно, именно «в», если это плоскость, геометрию которой мы изучили в средней школе. Параллельные линии не пересекаются, кратчайшее расстояние между двумя точками есть

отрезок прямой, сумма углов треугольника равна 180 градусам, и так далее.

Но теперь вообразите, что какой-то трехмерный гигант вытащил вас оттуда и опустил на поверхность, имеющую форму. Например, это может быть сфера. Вы обнаружите, что пространство вдруг изменилось самым фантастическим образом. В сфере линии определяются как меридианы и параллели, что подразумевает наличие у них конечной длины. Расстояние между двумя точками тем меньше, чем ближе линии измерения к дуге наибольшей окружности. Сумма углов треугольника оказывается меняющейся величиной — она всегда больше 180 градусов, и так далее. Возможно, вы тут же свихнетесь. А теперь вообразите конус, гиперболоид, тела, полученные вращением логарифмических и тригонометрических кривых, тело вращения ленты Мебиуса. Вообразите себе все, что можете.

А теперь представьте себе планету, состоящую из воды. Жидкую планету, где бушуют непрерывные бури, где не действуют обычные законы физики. В каждой отдельной точке поверхность имеет свою форму, которая даже не остается постоянной во времени. Превратите два измерения в три, затем в четыре. Еще одно измерение — ось времени. Возможно, и темпоральных осей понадобится несколько — так полагают многие философы. Теперь добавьте гиперпространство, в котором действуют паранормальные силы. Пусть в этом пространстве действуют законы хаоса и ненависти. И вы получите некоторую аналогию с тем, что представляет собой Адская Вселенная.

Мы тогда попали на гребень волны, и Джинни понесло в одну сторону, а меня — в другую. Наши курсы разошлись потому, что такой была кривизна пространства. Моя попытка догнать ее была хуже чем бесполезной. В области, где я находился, линии пространства круто изгибались совсем в другом направлении. Я заблудился, и меня бросало от одной геометрии к другой. Оказавшись внутри громадной складки пространства, я помчался навстречу гибели.

Ни один смертный не смог бы избежать участи, которая была уготована мне. Но Больян уже не был смертным. Его дух более ста лет назад высвободился из бесценной для каждого человека, но такой ограниченной плоти. И к его природному гению добавились знания и мастерство, приобретенные за это время. Математику удалось достичь взаимопонимания с Джинни, воспользоваться ее помощью. И поэтому тело Свартальфа превратилось из ловушки в оружие, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению. Больян мгновенно оценил, как

меняется окружающее пространство. Составлял и решал в уме его уравнения, рассчитывал, каковы должны быть его свойства, безошибочно предвидел дальнейшие варианты кривизны пространства. И все это в мельчайшие доли секунды. Он лавировал в вихре измерений, словно футболист, рвущийся к заветным воротам.

И он победил. Не имея другого голоса, он запел песню, которую поют коты после драки с соперником или совокупления с самкой. Круто меняя курс, мы понеслись над горами и устремились к нашей цели...

Наш путь был не сахар. Мы должны были ни на мгновение не терять бдительности. Реагировать приходилось молниеносно. Нередко мы ошибались, что едва не приводило нас к аварии. Мне пришлось отпустить руку Джинни. Ее помело снова улетело в сторону. Потом, на повороте, мы едва не столкнулись: под действием мощнейшего гравитационного поля пространство резко прогнулось, и наши метлы чуть не врезались друг в друга.

От рывка глаза вылезли на лоб, а желудок подскочил к горлу. Внезапно исчезла сила тяжести, мы завертелись волчком и, пролетев сквозь сгусток пространства (вместо того чтобы обогнуть его), оказались в совершенно ином месте. Мы попали в область, где в гиперпространстве было так мало энергии, что метлы перестали работать. Выбрались мы оттуда только за счет набранной скорости и использования аэродинамических свойств метел... Сейчас я уже не могу вспомнить все то, что случилось.

До сих пор нам хватало сил, чтобы справиться с полетом. Мы увидели, что равнина кончается. А за ней виднеется гряда утесов; на многие мили простирались груды скелетов, между ними и утесами разверзлась пропасть, в которой, казалось, нет дна. А прямо перед нами начиналось море лавы, над которой вспыхивали языки пламени и поднимались столбы дыма.

Мы поспешно натянули маски, пока этот едкий дым не сжег нам легкие. Но до границы равнины было еще далеко. Теперь лететь было сравнительно легко. Полет не требовал всего нашего внимания. Мы этим воспользовались. Джинни достала шар. Бледное, разгоравшееся сияние показало, что мы близки к своей цели.

Я выпустил ее руку (мне не хотелось этого делать, но наши руки уже болели от напряжения. Не сцепи мы их тогда, нас бы разбросало). Некоторое время мы летели в тишине и осматривались.

Ветер остался где-то позади. Никто и ничто не нарушало тишину — только шорох разрезаемого метлами воздуха. Все более крепчал кладбищенский запах. Мы глотали тепловатый, прони-

занный мерзостью воздух и задыхались. Все же дышать было можно. Небо по-прежнему было черным, а на нем — чернее самой черноты — медленно ползущие планеты. Иногда почти над нашими головами пролетали огромные метеориты. Скорость их полета была ненамного выше нашей. Они пролетали, выходили за пределы узкой атмосферы этого не имеющего горизонта мира и исчезали.

Изредка вспыхивало пламя разрыва, и сумрак заполнялся перекатывающимся грохотом.

Наш путь по-прежнему освещало лишь испускаемое почвой унылое свечение. Мы уже летели над окраиной болота — огромного, как и все, что мы видели в этом мире. Где-то вдали виднелись другие болота, пруды, озера. И там, где на них вскипала пена гниения, поверхность тускло блестела. Высились толстые, искривленные стволы деревьев.

Их ветви переплетались. Над водой, где плавали обломки деревьев, преклоняли колени мрачные кипарисы. И мертв был тесно росший вдоль берегов камыш. Сквозь сумрак ползли желтые испарения. Центральные области болот были полностью покрыты этим туманом. Туман медленно вскипал и выбрасывал все новые языки.

Далеко впереди тревожными красноватыми отблесками вспыхивали низко нависшие облака. Внезапно пространство содрогнулось, двинулось, и мы оказались над ними.

Нас оглушили звуки, буря звуков. Вопли, грохот барабанов, вой труб. В облаках открылся просвет. Там горел высокий, словно башня, костер. От него исходил страшный жар. Мне показалось, что на нас нацелен гигантский мясницкий нож. В пламени корчились и визжали какие-то существа, но я не мог разглядеть, какие именно.

Вокруг костра плясали люди — черные, тощие, как мумии, и голые. Они увидели нас, и прерывистый рев огня прорезал оглушительный крик. Тамтамы начали слитно выбивать: бум-ба-да-бум, бум-ба-да-бум! С безлистных деревьев сорвалась стая птиц. Размером и окраской они напоминали ястребов, но их черепа и лапы, с безжалостными изогнутыми когтями, были лишены плоти.

Свартальф вызывающе зашипел, дал ускорение, и птицы остались позади.

Внезапно в нескольких милях впереди тоже начали бить барабаны. А за ними вдали — уже совсем тихо, еще и еще — бум-ба-да-бум, бум-ба-да-бум!

Джинни махнула мне, и я подлетел к ней поближе. Вид у нее был мрачный.

— Если не ошибаюсь, — прокричала она, — это «говорящие барабаны», и весть о нас передается все дальше и дальше.

Моя левая рука опустилась на рукоять меча.

— Что будем делать?

— Изменим направление. Попытаемся подлететь туда с другой стороны. Только быстро!

После страшного жара того костра ветер, вызванный полетом, показался почти приятным. Теперь это был прохладный, чистый, уже без зловоний воздух. Мы пролетели над строем стоячих камней, и воздух мгновенно снова сделался холодным. Под нами простиралась голая вересковая пустошь. Там сражались две армии. Должно быть, они занимались этим уже не одно столетие.

На многих были кольчуги и остроконечные шлемы, остальные были одеты в кожу и грубо выделанные ткани. Оружием им служили мечи, топоры, копья. До нас донесся звон металла, топот ног, чавкающие звуки металла, врубающегося в плоть. Но не было слышно ни криков, ни рева труб, ни даже надсадного, как скрежет напильника, дыхания. Устало и безнадежно мертвецы продолжали сражаться. И этой войне не было конца.

Миновав поляну, мы повернули и снова устремились к своей цели. Пронеслись над лесом виселиц и над рекой — она текла с плеском, похожим на плач. Порывами ветра до нас донесло брызги. Они были теплыми и солеными на вкус. Нам пришлось вытерпеть жар и ядовитые испарения, поднимавшиеся над системой дорог, по которым ползли какие-то механические повозки.

Нос каждой повозки почти упирался в задний конец предыдущей. Дороги достигали нескольких метров в ширину. Не знаю, какой они были длины, как и не знаю цели, для которой их построили. Потом мы пролетели над холмами, изрытыми окопами и оставшимися после разрывов воронками. Здесь ничего не сохранилось, если не считать заржавевшей пушки и знамени, установленного в знак победы. Знамя давно выцвело. Теперь его цвет был серым.

Холмы тянулись бесконечно. Они громоздились все выше, и очередная их цепь была так высока, что нам пришлось надеть маски. Мы летели вдоль ущелья, увертываясь от падавших камней. За горами перед нами развернулась новая картина. Опять бесконечная, усеянная вулканами равнина. Далеко впереди высились гигантские черные башни. На таком расстоянии они казались игрушечными. Магический шар ослепительно вспыхнул. Волшебная палочка подпрыгнула в руках Джинни, указывая на башни.

— Клянусь Гекатой, — воскликнула Джинни, — вот оно!..

ГЛАВА 30

Мы летели бок о бок. Воздух по-прежнему был холодным. Он выл и стонал, проносясь мимо нас. В его запахе было что-то сродни запаху серы и мокрого железа. Наши метлы развернулись, набрали высоту. Нога Джинни касалась моей, и наши движения были точно согласованными.

Мы глядели в шар. Свартальф-Болянь вывернул голову из-под руки Джинни и тоже смотрел в него. На таком близком расстоянии, да еще когда пространство имело почти земную геометрию, магический кристалл работал хорошо. Джинни настроила шар на замок. Замок был совершенно черного цвета. Размеры и форма его были чудовищными.

Да и имел ли он форму?

Он расплзался во все стороны, тянулся вверх, подвальные этажи глубоко уходили под землю. Остальные его части ничто не объединяло — ничто, кроме уродства: то поднимающийся над кубической башней тонкий кривой шпиль, то купол, словно усеянный вздувшимися прыщами, далее — громадный каменный зубец, нависший над неправильными очертаниями ворот. Целые квадратные мили сооружений были воздвигнуты без всякого плана. И в них, словно черви, кишели толпы дьяволов.

Мы попытались заглянуть сквозь стены, однако проникли недалеко. Мы разглядели только похожие на пещеры извилистые лабиринты коридоров, но слишком уж все здесь было насыщено силами зла. И то нам повезло, учитывая, что хоть и смутно, но что-то мы увидели.

Вдруг из замка к нам донеслась мысль. Нет, не мысль, а волна такой муки, что Джинни громко вскрикнула, а у меня из прокушенной губы потекла кровь. Мы выключили шар и, обнявшись, ждали, пока не пройдет дрожь.

— Не поддавайся, — проговорила Джинни, высвобождаясь. — Времени у нас мало!

Она вновь включила магический кристалл и произнесла заклинание предвидения.

В нашей Вселенной это колдовство срабатывало редко, но Лобачевский теоретически доказал, что координатная изменчивость Нижнего Континуума дает определенные шансы. Изображение в шаре поплыло панорамой, остановилось, придвинулось крупным планом. Мы увидели какой-то двор, имеющий форму неправильного семиугольника, окруженного зданиями с искривленными башнями.

Посреди двора стояло невысокое строение с бугристыми комковатыми стенами, без окон, с единственной входной дверью. Над домом возвышался шпиль, напоминающий безобразную черную поганку. Шпиль возносился над всеми окружающими зданиями, тень его пересекала весь вымощенный камнями двор.

Мы не смогли заглянуть внутрь этого дома по той же причине, что и раньше. Создалось, однако, такое впечатление, что там никого нет. И мне показалось (от одной мысли по телу поползли мурашки), что дом этот каким-то извращенным образом соответствует нашей часовне.

— Это недвусмысленно и определенно означает, что она скоро окажется здесь, — сказала Джинни. — Нужно быстро решать, что будем делать.

— Действовать придется быстро, — отозвался я. — Дай-ка все это крупно.

Джинни кивнула. Изображение в шаре изменилось. Теперь мы смотрели сверху. Я снова увидел, как многочисленны заполняющие замок толпы. Всегда ли они так мельтешат? Наверняка нет. Мы сфокусировали кристалл на одной из групп демонов. Среди них не было двух одинаковых. Аду в высшей степени свойственно тщеславие: у одного все тело было покрыто шипами и иглами; другой — динозавр со щупальцами; неряшливого вида толстяк, соски которого представляли собой крошечные скалящие зубы головки; свинья с крыльями; беспрерывно меняющая свои очертания клякса; голый мужчина со змеей вместо пениса; демон с лицом на животе; чудище с коротким туловищем, на тончайших, футов десяти, ногах, и другие, вид которых описать почти невозможно.

Мое внимание привлекло то, что большинство демонов были вооружены. Огнестрельное оружие им, по-видимому, знакомо не было, однако и холодное может наделать в бою немало хлопот...

Меня настройку, мы видели другие такие же группы. Всюду царил совершенно неправдоподобный беспорядок. Ни дисциплины, ни хотя бы уважения друг к другу. Они метались — так бестолково носится курица, когда ей отрубят голову. Каждый орал что-то свое. На бегу демоны сталкивались — и тут же завязывалась драка. Ежеминутно откуда-то из внутренних помещений замка доставлялось оружие. Все чаще гротескно выглядевшие твари взлетали в воздух и начинали там описывать круги.

— Поднята тревога. Все ясно, — констатировал я. — Барабаны...

— Не думаю, что они знают, чего ожидать, — низким голосом прервала меня Джинни. — В направлении, откуда мы прилетели, никакой особой охраны не выставлялось. Разве Враг не собищил насчет нас?

— Похоже, что он избегает лично вмешиваться в это дело, как и Лобачевский, и, видимо, по тем же самым причинам. Самое большее, он может послать какую-нибудь мелочь для наблюдения. А сами демоны не могут знать наших возможностей. К тому же мы сумели оказаться здесь вовремя.

— Учти еще, что дьявольское воинство всегда отличалось тупостью. Злу не присущи ни ум, ни созидательные способности. Их предупредили о том, что нужно ждать нападения, — и погляди на эту сумятицу!

— Но не следует и недооценивать их. Идиот тоже может убить.

Я поразмыслил.

— Вот что мы сделаем, если ты согласишься. Лети прямо туда. Попробуй сделать так, чтобы нас не видели, хотя это вряд ли получится. В таком случае придется действовать быстро. Пространство здесь близко к нормальному, метлы работают хорошо, хотя... Прямо во двор мы спуститься не можем, нам преградят дорогу. Видишь тот дворец — допускаю, что эта уродина должна изображать дворец... слева, с колоннами по фасаду, похожими на кишки? Должно быть, он принадлежит важной шишке. Атакуем его. В последний момент разворачиваемся и мчимся к нашей подлинной цели. Ты влетаешь внутрь, устанавливаешь паранормальную защиту и готовишься к колдовству возвращения. Я охраняю дверь. Когда появляется Вэл, ты протыкаешь мечом похитителя и хватаешь ее. Годится?

— Да. Ох, Стив... — Слезы медленно поползли по ее лицу. — Я люблю тебя!

Там, в небе, мы поцеловались в последний раз, а затем бросились в атаку.

Выл разрезаемый нашими метлами воздух. Мчалась навстречу мрачная твердыня Ада. Я услышал вопль Свартальфа — крик вызова — и крикнул в ответ. Страху не было. Прочь, легионы тьмы, мы пришли сюда за нашей дочерью!

Нас увидели. Карканье, кваканье, вой, встреченный снизу воплями других демонов. В воздухе замельтешили крылатые демоны.

Их становилось все больше, и вскоре их стаи совсем заслонили черные звезды — в воздухе были сотни крыльев. Но скудный разум демонов не смог сообразить, что делать дальше. Мы

подлетали все ближе и ближе. Стены замка росли — они были словно граница, и мы пересекли ее!

Все силы Джинни уходили на отвращение их колдовства. Рассыпая голубые искры, в защитное поле ударила молния. Грянул гром, запахло серой. Несущие смерть облака газа вырвались из демоновых труб, окутав нас плотным шаром, и рассеялись. Я не видел, не слышал этого, но нисколько не сомневался, что на нас дождем сыпались проклятия и заклинания, что вокруг вертелись призраки и привидения — то страшные, то искушающие. Все это отскакивало от созданной Джинни защиты.

Но она была уже на пределе. Краем глаза я увидел ее белое осунувшееся лицо. Волосы прилипли ко лбу и щекам, залитым потом. Губы непрерывно шевелились, творя заклинания. В одной руке — магический жезл, вторая делает пассы. На переднем сиденье метался Свартальф-Большан. Еще несколько минут — и они просто не выдержат!

Но магия сделала свое дело, достать нас колдовством было невысказано. Кинувшиеся в атаку твари в конце концов, видимо, поняли это. Их нападение застопорилось.

А на нас стремительно пикировал орел размером с лошадь и с головой крокодила.

Я выхватил меч, поднялся на стременах и, заорав: «Не выйдет!» — ударил.

В мече пробудилась былая сила. Удар попал в цель, да так, что мне самому чуть не вывихнуло руку. Из отрубленного крыла струей брызнула кровь. Дьявол взвыл и камнем упал вниз.

Вокруг моей правой руки обвилась змея с крыльями летучей мыши. Она не успела вонзить зубы — свободной рукой я схватил ее за шею. Я — волк, даже когда остаюсь человеком. И я откусил ей голову! И тут же — едва успел вовремя, чтобы разрубить напавшего на Джинни двуххвостого ската.

Мы пронеслись, я оглянулся. Скат упал, и из брюха у него вывалились внутренности. Потом нас попыталась перехватить крылатая собака. Вскинув меч, я достал ее острием.

Завыли трубы. Хлопая крыльями, каркая, испуская пронзительную вонь, стая отступила. Началась обычная для них сумятица.

Наша стратегия сработала. Все они, и летающие, и нелетающие, — все отступили на защиту дворца. Как и было намечено, оказавшись в пределах замка, мы пролетели еще метров сто. Дворца уже не было видно. Его сплошь закрыли своими телами и крыльями дьяволы. Подавая сигнал, я поднял меч. Мы развернулись вправо и, со свистом рассекая воздух, помчались вниз. Сзади поднялась буря криков.

Посадка была жесткой. Окруженный стенами дворик, нависавшие макушки башен и вырисовывающаяся в сумраке «часовня» выглядели грудой камней. Я соскочил с седла, кинулся к двери, схватился за ручку. Дверь со скрипом открылась, и мы ворвались внутрь.

В здании была только одна комната. Пусто, лишь посередине — алтарь. Влажные каменные стены. Открытое сверху помещение было невелико и залито непроглядными, образовавшимися от башен тенями. Над алтарем — Рука Славы, из которой лился тусклый голубой свет. На полу — начертанная пентаграмма, такая же, какую мы использовали для переноса. И алтарь — такой же.

Сердце, гулко стукнув, замерло.

— Вэл! — воскликнул я.

Пытаясь остановить, Джинни вцепилась в меня. Ей бы не удалось этого сделать, если бы не Свартальф, кинувшийся мне под ноги.

— Стой! — Джинни задыхалась. — Не двигайся! Это подменыш.

Я захлебывался, вдыхая воздух. Но как мне было вынести это зрелище стоявшей перед алтарем детской кроватки? Золотые локоньки... и пустые, бессмысленные глаза. Не менее дико было видеть валяющуюся рядом с колыбелькой массу обмена, прихваченную из нашего дома: пыль, содержимое Свартальфовой коробки с песком, кофейную гущу, использованные салфетки, бумажки, жестянку с надписью «Суп Кемпбелла»...

Во двор хлынул кипящий поток дьяволов. Они лезли через стены, врывались в ворота. Я захлопнул дверь и опустил засов вполне приличной прочности.

Возможно, он поможет нам выиграть несколько минут... Сколько нам нужно продержаться?

Я попытался представить происшедшее. Похититель был, несомненно, слабоумным — даже по критериям Ада. Он услышал проклятие Мармидона. Многие демоны, должно быть, слышали это проклятие, но никто из них не видел возможности использовать его. Лишь этот заметил уязвимое место.

— Ага! — сказал он и кинулся добывать себе славу.

Советоваться с теми немногими демонами, которые способны думать, он не стал. Они бы могли отговорить его. Его поступок раскрывал связь между Адом и церковью иоаннитов. Таким образом, весь план Врага по уничтожению религии и общества оказался под угрозой. План, над которым он работал с тех пор, как удалось ввести в заблуждение первых приверженцев.

Будучи тупоумной, эта тварь никак не могла понять, как ре-

шить проблему импульса и количества движения переносимого тела. Масса обмена должна быть практически подобна по своему строению оригиналу — иного пути он не видел (сам по себе демон мог без помех перейти из одной Вселенной в другую). Тогда он выработал план.

Появиться в нашем доме, выяснить, как выглядит Валерия (она в это время спала), возвратиться сюда, создать ее подобие и вновь возвратиться за нашей дочерью. На выполнение первой части плана ушли считанные секунды, но Свартальф оказался предупрежден. Само похищение должно было произойти столь же стремительно, однако кот был уже настороже и кинулся в драку.

В это мгновение (если это понятие вообще имеет смысл для различных Вселенных) и начался бой, в котором Свартальф ценой своей крови пытался защитить Валерию.

Мое горло сжалось, и я нагнулся к Свартальфу.

— Мы все опоздали, кроме тебя, — прошептал я и нежно погладил кота по покрытой гладкой шерстью голове.

Он досадливо дернул ушами. В данных обстоятельствах у него не было никакого желания предаваться сантиментам. Впрочем, уши эти в равной степени принадлежали также и Яношу Больяну.

Джинни мелом начертила вдоль стен пентаграмму, создавая защиту против колдовства демонов. Ни в коем случае нельзя было повредить алтарь, колдовской знак на полу или что-нибудь еще. Они необходимы для возвращения демона. Если они не будут повреждены, пока он находится в нашей Вселенной, достаточно будет просто прочесть нужное заклинание. Точно так же, как аналогичные символы и алтарь в лаборатории Грисволда необходимы для нашего возвращения. Так сказать, спасательный трос. Один Бог знает, что случится, если похититель обнаружит, что не может вернуться обратно. Ведь у него в руках наша дочь...

Оставив подменыша, он уже покинул вместе с ней наш дом. Это — само собой разумеется. Но у нас не было ни малейшего намека на то, как именно происходит это возвращение и где он сейчас находится. Один наш неосмотрительный шаг — и у Врага появится шанс осуществить свой план.

Шум снаружи нарастал. Топот, удары, звон, вой, свист, хрюканье, стоны, выкрики, какой-то плеск, шипение, лай, мычание. Дверь затряслась. В нее били кулаками, ногами, копытами. Мне пора было превращаться. Я сбросил акваланг и верхнюю одежду; оставил лишь куртку Барни, обмотав ее вокруг левой руки. Ляз-

гая зубами, сквозь стену проплыла шестифутовая пасть. Я завопил. Свартальф зашипел, заплевался. Джинни схватила волшебную палочку и выкрикнула заклинание изгнания бесов. Пасть исчезла. Но оставалась опасность, что она появится вновь.

Джинни необходимо было установить защиту против проникающих сквозь стену демонов. Лишь потом она могла приступить к волшебству возвращения. Этот обряд нельзя было прерывать по крайней мере до тех пор, пока между этой «часовней» и оставшейся на Земле лабораторией не установится хотя бы слабое поле. В противном случае волшебство окажется бесполезным.

Установив первоначальный контакт, Джинни могла не спеша определить, как должны соотноситься Вселенные, и создать такой же баланс, чтобы мы смогли перенестись обратно. Но сейчас о «не спеша» не могло быть и речи. В результате ее защита действовала слабо и медленно.

Гвалт снаружи несколько уменьшился. Я слышал, как кто-то пролаял команду. Послышались глухие удары и жалобные вопли — видимо, отставших подгоняли дубинками. Стук усилился, и дверь затряслась. Били тараном.

Я встал сбоку. При третьем ударе дверь соскочила с петель. Передний дьявол, выронив бревно, кувырком влетел внутрь. Он несколько походил на гигантского, величиной с человека, таракана. Быстрым ударом я рассек его пополам. Уже разрубленный, он продолжал молотить конечностями. Судорожный взмах его лапы сбил с ног следующее существо, обладающее громадными оленьими рогами. Я воспользовался неожиданной помощью и без труда прикончил упавшего.

Демоны оттащили перекрывающее узкий проход бревно, но тела убитых по-прежнему мешали им. Мрак снаружи еще более сгустился — так плотно столпились у входа демоны. Шума было поменьше, но воняло все так же отвратительно.

Вперед выступил демон, похожий на гориллу с человеческими ногами. Он замахнулся топором, соответствующим его росту, и рубанул меня сверху, словно пытался расколоть полено. Я стоял в боевой стойке и легко увернулся. Топор врезался в дерево, полетели щепки. Мой меч запел свою песню. Топор упал, и у гориллообразного оказались отрублены пальцы. Взвыв от боли, он набросился на меня. И с гулом воткнулся головой в стену, я же полоснул его по ахиллесову сухожилию. Демон грохнулся, но я стал добивать его. Пытаясь отползти, он мешал остальным наброситься на меня. Кровь звонко стучала у меня в ушах.

Следующим было существо, вооруженное щитом и мечом. В течение двух или трех минут мы обменивались ударами. Это

был хороший боец. Я парировал, а часть ударов принимал на куртку. Она была уже вся изрезана. Я никак не мог достать его из-за этого щита.

Лязг металла перекрывали сумасшедшие вопли снаружи. В сумраке вспыхивали искры. Я уже задыхался. Он теснил меня. Потом я заметил валявшийся на полу топор, дождался замаха сверху и снова присел, чуть не достав своего противника. Он повернулся. Схватив левой рукой топор, я просунул топорище ему между ног и дернул. Он грохнулся, открыв незащищенную шею, и я ударил.

Вскочив, я метнул топор в следующего монстра. Тот повалился. Стоявший сзади попытался ткнуть меня копьем. Перехватив древко, я рубанул демона по голове.

Больше желающих не было. Пока что не было. Ожесточенно переругиваясь, они крутились возле двери. Я сознавал, что долго так не выдержу. Единственный шанс — принять облик менее уязвимый — волка. Я отбросил меч и направил на себя фонарик.

И сразу же почувствовал, что превращение идет плохо и медленно. Адское излучение препятствовало трансформации — это была пытка. Какое-то время я был совершенно беспомощен — ни то, ни другое. Я корчился. Дьявол с пушистой петушиной головой радостно закудахтал и, подняв кинжал, кинулся на меня. Даже будь я волком, такой удар означал бы смерть... Мимо молнией пронесся Свартальф, прыгнул демону на плечи и выцарапал ему глаза.

Готово! Я снова занял свой пост, уже в волчьем облике. Кот трусцой убрался обратно. Демонов наконец осенила идея, что воевать можно на расстоянии. В меня полетели камни, ножи, копья — все, что попадалось им под руку. В основном они промахивались. Ад — не то место, где можно было набить руку в метании. Иногда мне все же попадало. Короткая боль — и только. Серьезно ранить они меня не могли.

Бомбардировка вскоре кончилась. Доведенные до состояния крайней истерики, демоны попытались взять нас штурмом. Пошла уж совсем сумятица. Дьяволы падали, кувыркались, вскакивали, орали. Возможно, они бы задавили нас количеством, но Джинни покончила с установлением паранормальной защиты и пришла ко мне на помощь. Ее меч без промаха разил демонов, пытающихся перебраться через груды иссеченных тел.

Уже многие были убиты, многие ранены, когда наконец их волна откатилась. Я сел на задние лапы. Вокруг кровь, трупы, стоны. Не было даже сил пошевелить языком. Я сидел и жадно глотал воздух. Полусмеясь, полуплача, Джинни взъерошила мне

шерсть. Кое-где дьяволы добрались когтями до ее кожи. Из царапин сочилась кровь, а изорванное платье походило на боевое знамя. Спасибо Свартальфу. Лишь благодаря его помощи неприятель не смог нанести Джинни серьезных повреждений. Я глянул на него. Свартальф играл с чьим-то оторванным хвостом, делая вид, что это мышка.

Что было действительно важно, так это начертанные на полу мягко светящиеся линии. Конечно, они не защищают от прямого физического воздействия, но колдовство нам теперь не страшно. Чтобы разрушить воздвигнутые Джинни невидимые стены, демонам понадобится много времени, гораздо больше, чем мы останемся здесь.

— Стив, Стив, Стив... — Джинни наконец справилась со словами. — Я, пожалуй, займусь приготовлениями к нашему возвращению.

— Halt!¹ — раздалось из темноты.

Голос был хриплый, в нем чувствовался жуткий гипнотический ритм. Ритм, который не успокаивал, а напротив, пробуждал ярость и слепую энергию:

— Waffenstillstand. Parlamentieren Sie mit uns².

Дьяволы, даже те, которые лежали ранеными, сразу затихли.

Шум прекратился.

Стало почти совсем тихо. Те, кто мог отползти, скрылись во мраке. Я понял, что голос принадлежит главному демону, хозяину замка. Судя по тому, как беспрекословно повиновались ему эти сумасшедшие твари, он занимал высокое место среди приближенных Врага.

По плитам двора звонко простучали сапоги. Перед нами предстал главарь демонов. Меня удивило избранное им обличье.

Не только голос, но и облик у него был совсем как у человека. Облик, в котором не было ничего примечательного. Он был среднего роста, может быть, чуточку ниже. Нервное, немного одутловатое лицо. Усики щеточкой, темная челка. На нем было что-то вроде военной формы коричневого цвета без знаков различия, но к чему тогда красная нарукавная повязка с древним знаком свастики?

Свартальф прекратил свои забавы, ошетинился. Сквозь вонь дьявола я уловил исходящий от Джинни запах страха. Обхватив себя руками, Джинни подошла поближе. Она была выше дьявола и поэтому смотрела на него сверху вниз.

¹ Стоять! (нем.).

² Перемирие. Мы желаем вступить в переговоры (нем.).

— Was willst du?¹ — спросила она самым высокомерным тоном.

Обращение на «ты» Джинни употребила намеренно. Она хотела оскорбить дьявола. Сама она немецкий знала плохо, но, пока Больян находился в теле Свартальфа, могла бегло изъясняться на этом языке. Ведь у нее со Свартальфом была постоянная мысленная связь. (Почему князь Ада предпочитал говорить по-немецки? Здесь кроется тайна, разгадки которой я так и не нашел.) Я сохранил в себе достаточно человеческого, чтобы следить за разговором.

— Я спрашиваю у вас то же самое, — ответил дьявол.

Местоимение «вас» можно было толковать двояко, но дьявол говорил тоном, не допускающим возражений.

— Вы вторглись на землю нашей отчизны. Вы попрали наши законы. Вы убили и искалечили наших доблестных воинов, пытавшихся осуществить право на самозащиту. Своим гнусным присутствием вы осквернили Дом Посланий. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Мы пришли сюда за тем, что принадлежит нам.

— Вот как? Продолжайте.

Я предостерегающе зарычал, но Джинни в предупреждениях не нуждалась.

— Если я скажу больше, вы сможете найти способ помешать нам. Но, однако, хочу заверить, что мы не намерены долго оставаться здесь. Мы скоро закончим нашу миссию. — На ее лбу блестели капельки пота. — Мне... Мне кажется, что если вы ненадолго оставите нас в покое, это послужит выгоде обеих сторон.

Дьявол топнул сапогом:

— Я должен знать! Я требую! Это мое право!

— У побежденных нет прав, — зло усмехнулась Джинни. — Подумай. За оставшееся время вы не сможете ни проникнуть сквозь волшебную стену защиты, ни взломать ее силой. Единственное, чего вы добьетесь, — это новые потери. Не могу поверить, что Верховный правитель будет доволен таким расточительством.

Дьявол начал жестикулировать, его голос возвысился почти до крика:

— Я не допущу поражения! Что касается меня, то мое поражение не имеет права на существование! Если меня победят, то только потому, что предатели нанесли удар в спину. — Дьявол на

¹ Чего тебе надо? (нем.).

глазах впадал в транс. Его речь превратилась в грубое, но каким-то образом завораживающее пение. — Мы прорвем железное кольцо! Мы уничтожим весь мир! Нас ждет победа! Нет капитуляции! Нет соглашению! Наши предки зовут нас! Вперед!

Вся банда чудовищ подхватила призыв и приветственно завопила:

— Хайль!

— Если хотите предложить нам что-нибудь — предлагайте, — прервала его Джинни. — В противном случае убирайтесь. Мне некогда.

По лицу дьявола прошла судорога, но он быстро овладел собой:

— Мне не хотелось бы допустить уничтожения этого здания. В эти камни вложено много труда и колдовской силы. Сдавайтесь добровольно, и я обещаю вам хорошее обращение.

— Какова цена вашим обещаниям?

— Мы можем обсудить, например, какие мирские блага в качестве вознаграждения получит тот, кто служит правому делу.

Свартальф мякнул. Джинни стремительно обернулась. Я, почувствовав новый запах, тоже обернулся. Это материализовался похититель. В его лапах лежала Валерия. Она как раз просыпалась — открыла глаза, повернула голову и поднесла кулачок ко рту.

— Папа? — пробормотала она тоненьким сонным голоском. — Мама?

Похитившая нашу дочь тварь была действительно невелика и на вид легковесна, но закованное в броню тело было в когтях и шипах, и две гиббоньих руки также заканчивались смертоносными когтями. У твари была крошечная головка с чем-то отдаленно напоминающим лицо.

Из многочисленных ран демона капала кровь, на обвислых губах пузырилась пена, но пока демон не видел нас, он все скалился в кретинской ухмылке.

А потом он увидел Свартальфа. И, завопив по-английски: «Хозяин, на помощь!», бросил Валерию и попытался спастись бегством. Свартальф преградил ему дорогу. Демон занес лапу. Кот увернулся. Тут демона и настигла Джинни, ногой припечатывая гадину к полу. Я услышал хруст. Демон истошно завопил.

Я снова был на посту. Хозяин замка попытался незаметно проскользнуть у меня за спиной. Я вырвал неплохой кусок из его икры. Он и на вкус очень походил на человека. Ретировавшись, он скрылся во тьме, где мельтешили его приведенные в ужас сподвижники.

Перекрывая их вой, он завизжал:

— Я отомщу! Я пушу в ход секретное оружие! Пусть Дом будет разрушен! Наша гордость требует удовлетворения! Мое терпение истощилось!..

Я приготовился к новой битве, и она действительно едва не началась. Но князь Ада ухитрился усмирить свою ораву. Он перерорал их. Джинни была права — он не мог и дальше нести бесполезные потери.

В моем волчьем мозгу мелькнула мысль:

«Хорошо, что он не знает, что сейчас они могут оказаться бесполезными, ибо Джинни уже не могла бы прийти ко мне на помощь...»

Она торопливо передала дочь Свартальфу. Девочка вцепилась в волосы Джинни, и, чтобы отвлечь ее, кот принялся танцевать, шуточно подсакивать, мурлыкать. Я услышал радостный смех. Смех, в котором звенел серебряный колокольчик и журчал теплый дождик, какой бывает только весной. И еще я услышал, как Джинни начала читать заклинание.

Заклинание нельзя было прерывать. Чтобы восстановить первоначальный контакт с Землей, Джинни нужно было около пяти минут. Потом она сможет передохнуть. И снова — время, необходимое на то, чтобы определить точную конфигурацию векторов и собрать требуемое количество паранормальной энергии, и затем — возвращение.

Завопил какой-то невидимый во тьме демон. Пущенный наугад камень попал в меня. Камень был брошен просто так, от злости. Я застыл в дверях. Успеет ли?

Воздух содрогнулся от грохота. Земля затряслась. Мелькали тени, и пронзительно выли демоны. Я слышал панический топот их ног. Они убегали. Страх ледяной рукой сжал мое горло. Самое трудное, что было в моей жизни, — это когда я заставил себя в тот раз остаться на посту.

Замок затрясся до самого основания. С зубчатых стен соскользнули сдвинувшиеся с места глыбы, грохнулись оземь, раскололись. В стенах здания прорезались щели. Оттуда выбивались языки пламени. Я задыхался в клубах дыма.

Потом дым рассеялся, и на смену ему пришел запах древнего праха.

— ...In nomine Potestatis, fiat janua...¹ — торопливо читала за моей спиной заклинание Джинни.

¹ Во имя Силы, да будет дверь... (лат.).

Задевая головой небо, возле башни замка встал гигант. Он был выше, чем самый высокий шпиль твердыни, у стен которой лежала его могила. Он был черен, и в этой тьме померкли звезды Ада. Трясущейся ногой гигант ударил в стену замка.

Стена с грохотом обрушилась. Громадными столбами взвилась к небу пыль. Земля вздрогнула. С морщинистой кожи с шумом сыпался дождь песка, грязи и камней. Его тело поросло мертвенно-бледными фосфоресцирующими грибами и плесенью. Из глазных впадин выползали и падали вниз черви. Нечем было дышать — так силен был исходящий от него запах гниения. Разложение породило жар, и гигант был весь испещрен тлеющими огнями. Он был мертв, но тело его повиновалось воле демонов.

— ...saeculi aeternitatis¹.

Джинни ни разу не прервалась.

Она остановилась лишь тогда, когда это можно было сделать без опасения повредить колдовству. Вот какая у меня была Джинни! Но теперь она упала на колени рядом со мной.

— Любимый! — расплакалась она. — Ведь почти получилось!

Я нащупал свой фонарик. Гигант поворачивал голову из стороны в сторону, будто мог видеть. Изъеденное лицо замерло, уставившись прямо на нас.

Я сдвинул переключатель. Превращение. Я снова человек. Гигант поднял ногу. Те, кто управлял им, старались причинить замку как можно меньше разрушений. Медленно, осторожно гигант перенес ногу через стену.

Я привлек к себе мою девочку. Моя вторая девочка смеялась и шумно возилась с котом. Зачем причинять им лишние муки...

— У нас нет шансов?

— Н-не успеваем... первичное поле установлено, н-но телесный перенос невозможен, пока я не закончу. Я люблю тебя, люблю...

Я сжимал в руке меч Декатура. Его лезвие слабо поблескивало в испускаемом Рукой свете.

«Что ж, вот и конец нашей жизни, — подумал я. — Нам предстоит умереть здесь. Так не лучше ли встретить смерть, сражаясь? Может быть, хоть наши души сумеют выбраться отсюда?»

Души! Я схватил Джинни за плечи и отстранил, чтобы увидеть ее лицо.

— Нам могут помочь! — вырвалось у меня. — Не смертные, не ангелы — им это запрещено. Нет. Но, но... Ты ведь уже уста-

¹ Во веки веков (лат.).

новила контакт и... энергетическое состояние этой Вселенной... Для этого не требуется многого... Существуют создания, которые... Они не принадлежат Небу, но все равно они враги Аду!

Глаза Джинни вспыхнули. Она резко выпрямилась. Схватив волшебную палочку и меч, вскинула их кверху и начала выкрикивать заклинания.

Нога гиганта опустилась на плиты двора. Дьяволы, те, кого не раздавила ступня, нечленораздельно вопили от ужаса. Громкие пальцы сомкнулись вокруг шпиля.

Не знаю, на каком языке было это заклинание, но закончила его Джинни выкриком на английском:

— Вы, которые знаете человека! Вы, враги Хаоса! Святостью символа, который мы носим, призываю вас! И говорю вам, что дорога с Земли открыта!

Часовня качнулась. Со стен посыпались камни. Шпиля больше не было — его сорвала ладонь гиганта. Поток обломков похоронил оставшихся в живых демонов. Их было много — раненых, не сумевших вовремя спастись бегством. В небе показались люющие черное сияние созвездия. Гигант на ощупь шарил по двору.

И тут пришло спасение...

Не знаю, кто они были. Возможно, их подлинный вид отличался от того, что мы видели... Стороны света, о которых я говорю далее, — это умышленно допускаемые мною условности. Ведь говорить о сторонах света в Аду бессмысленно. И вот самое простое объяснение. На призыв Джинни отозвались какие-то существа, которые были рады возможности вторгнуться в царство Врага. Может, они были родом из нашей Вселенной, может, из какой-то другой, но, очевидно, он был и их Врагом.

Мост, выстроенный Джинни, был еще слишком хрупок, чтобы выдержать человеческое тело. Но, как мне кажется, уровень энтропии Нижнего Континуума дал возможность паранормальным и сверхъестественным силам действовать так, как это было бы невозможно в любом другом месте.

А в общем, объяснение ищите сами. Какое вам нравится. Но вот что я видел.

На западе появилась фигура царственного вида женщины. Она была одета в белое с голубой оторочкой платье. Глаза ее были серые, черты лица поражали ледяной красотой. Темные локоны венчал украшенный гребнем шлем. Острие копья мерцало лазурью — так сияют в ночи земные звезды. На левой руке — продолговатый, выпуклый щит. К щиту была прикреплена голова еще какой-то женщины, вместо волос — змеи; лицо искажено мукой. То была Афина, воинственная богиня мудрости.

С юга ползла гигантская змея. Мертвец по сравнению с ней казался маленьким.

Глаза змеи сверкали, подобно солнцам, зубы походили на белые сабли, на голове — плюмаж всех цветов радуги. Плюмаж колыхался под порывами ветра, поднимаемого ею. Там, где она ползла, шел дождь, и капли его сверкали, как драгоценные камни. Вдоль спины росли излучающие сияние перья. Чешуя — коралловая, щитки на брюхе покрыты золотом. Змея свивала кольца, хлестала хвостом. Она походила на гигантскую молнию.

Это был Кецалькоатль, воинственный бог мудрости, земледелия и ремесел. Изначальный бог грозы и молнии.

С севера в колеснице, влекомой двумя козлами, мчался мужчина. Огромный, рыжебородый, облаченный в шлем и кольчугу. На нем был железный пояс и рукавицы. Правил он стоя, в левой руке держал поводья, а в правой сжимал молот на короткой рукояти. Его плащ развевался. Это был плащ-буря. Грохот колесницы разносился по всему небу. Смеясь, краснобородый раскручивал молот и бросал его. Там, куда он падал, вспыхивал огонь и воздух содрогался раскатами грома. Потом молот возвращался обратно к краснобородому. Это был Тор, воинственный бог грома.

Все трое казались такими громадными, что едва умещались на небе. Ад затрепетал при их появлении. Дьяволы пустились в бегство. Когда удрал главарь, искусственная жизнь покинула тело гиганта. Его падение сопровождалось таким грохотом, от которого я сам, не удержавшись на ногах, полетел наземь. Упав, гигант уничтожил большую часть замка. Наши спасатели не стали задерживаться, чтобы сровнять с землей остальное, и без промедления кинулись в погоню. Не думаю, что многим удалось спастись.

Мы не стали дожидаться конца этой битвы. Джинни закончила читать заклинания и схватила Валерию. Я сунул меч Декатура в зубы — да будь я проклят, если оставлю его здесь! Посадив Свартальфа на сгиб локтя, свободной рукой я поднял с пола за шиворот демона — похитителя Валерии, у которого была сломана нога.

— Хозяин, не убивай меня, я исправлюсь, я все скажу, я скажу все, что вы хотите! — безостановочно скулил он. Злу незнакомое чувство чести.

Джинни выкрикнула последнее слово, сделала последний пасс.

Перенос!..

ГЛАВА 31

Этот перенос полностью отличался от предыдущего. Мы возвращались во Вселенную, откуда мы родом. Силы космоса не препятствовали, а наоборот, способствовали перемещению. На мгновение мир пришел во вращение, и вот мы — дома.

Команда Барни по-прежнему ждала нас в лаборатории. Они отшатнулись, когда увидели нас под колоколом. Крик, плач, всхлипывания, благодарственные молитвы. Оказалось, мы отсутствовали всего лишь около двух часов. А может, и по адским меркам прошло не больше времени? Нельзя было сказать наверняка, потому что наши часы остановились еще во время первого переноса. Казалось, будто миновали столетия. Но, взглянув на Джинни с Валерией, мне почудилось, что и этих двух часов не было, не было даже секунды...

Девочка недоуменно огляделась и заморгала огромными бесно-голубыми глазами.

Меня пронзила мысль, что ужасный вид похитившей ее твари мог сильно испугать ее, повредить психику.

Дрожа, я нагнулся над ней:

— Радость моя, с тобой все в порядке?

— О, папочка! — она расплылась в улыбке. — Это было так весело! Давай еще раз.

Джинни отпустила ее, усадила. Склонившись, я привлек свою маленькую к себе. Она недовольно оттолкнула меня:

— Хочу кушать!

Я выпустил пленника. Когда колокол подняли, он попробовал уползти, но не смог выбраться за пределы пятиугольника. Кроме того, по моей просьбе Джинни наложила на него чары, не дающие ему вернуться в Нижний Континуум без нашего разрешения.

Сверкающий Нож все же получил свой ордер. Он тоже ждал нас во главе целой банды фэбээровцев. Широко шагая, раздвигая мешавших, он вошел под колокол и поднял демона за здоровую ногу. Демон казался гротескно крошечным по сравнению с ним.

— Хозяин, не убивайте! — молила тварь. — Я все расскажу... Не мучайте...

Позже мы обнаружили, что наша масса обмена, перенесенная сюда из Адской Вселенной, представляла в основном скопления щебня, грязи и так далее... Почему-то в ней содержалось

значительное количество атомарной серы, дегтя и производных нефти — легких углеводородов. Харди и Грисволд провели немало времени, занимаясь их классификацией и определяя конфигурацию. Все они относились к разряду взрывчатых и горючих веществ. Потом по моей просьбе вся эта взрывчато-горючая дрянь была основательно перемешана с обычными земными веществами.

Это было сделано, чтобы обезопасить нас на тот случай, если обмену подвергнется лишь небольшая часть всего этого (и действительно, как вы понимаете, конечная масса обмена составила всего несколько фунтов).

Все суетились, выбирая на память грязь, бутылки с сильными кислотами, ружейные патроны, бритвенные лезвия и прочую дребедень.

Барни впоследствии соорудил управляемую фотоэлементами штурковину, которая воспламенила вещества массы обмена точно в момент выхода из нашей Вселенной. Полагаю, что той части Ада, где эта масса материализовалась, сильно не поздоровилось.

С возвращением Валерии от подменыша, разумеется, и следа не осталось. Бедный комок плоти, надеюсь, что тебе позволили умереть!

Но тогда я не думал об этих вещах. Убедившись, что с нашей дочерью все в порядке, мы с Джинни кинулись друг другу в объятия. Наш первый поцелуй был прерван взрывом такой радости, такого счастья, что эхо его никогда не замолкнет в нас. «Я свободен! Отче наш...» И когда мы снова нашли в себе силы взглянуть на этот мир, Свартальф уже был только Свартальфом...

В моем мозгу раздался полный доброты голос:

«Да, за этот подвиг Янош Больян удостоился святости, и ему позволено занять место рядом с Богом. Как я рад! И как я рад, друзья мои, что мы победили и нанесли поражение врагам Всевышнего, а также что Валерия Стивеновна спасена! Признаюсь, что у меня есть для радости и собственные эгоистические основания. Увиденное в этом путешествии подсказало мне некоторые новые теоретические анализы... обработка...»

Я понял желание, которое Лобачевский постеснялся высказать откровенно, и сам предложил:

— Вам бы хотелось задержаться здесь еще на некоторое время?

«Честно говоря, да. На несколько дней. Потом я действительно должен вернуться обратно. Это было бы замечательно — заниматься исследованиями, став как бы снова не просто душой, а

обычным человеком. Это было бы очень интересно, Стивен Павлович. Было бы крайне любопытно посмотреть, на что ты способен, оказавшись вновь человеком. Умоляю вас, уважаемый друг, не рассматривайте сказанное как просьбу. Ваша жена и вы сами рисковали своей жизнью, испытывая такие лишения. Вы находились под страхом потери того, что значит для вас больше, чем даже ваша взаимная любовь. Вы, конечно, хотите отпраздновать вашу замечательную победу. Но, поверьте мне, я бы никогда себе не позволил такое неделикатное отношение...»

Я нежно и чуть задумчиво глядел на Джинни и мысленно отвечал:

«Я понимаю, что вы подразумеваете, Ник. Я всегда готов на это — «праздновать» со своей Джинни. Я хочу, чтобы вся наша жизнь стала сплошным праздником, каждая мельчайшая ее секунда. И пусть так и будет, пока мы совсем не состаримся. Но вы забываете, что наша грешная плоть ограничена не только духовно, но и физически. Джинни нужно как следует отдохнуть. Да и мне не мешало бы. Но мне и хочется увидеть, как то, что вы напишете, появится в каком-нибудь соответствующем издании. Это будет здорово способствовать нашей популярности...»

Вот так и случилось, что сквозь Хаос Ада нас вел Больян, но первый отчет о происшедшем был опубликован за подписью Лобачевского...

Не могу утверждать, что вся наша дальнейшая жизнь складывалась абсолютно счастливо и безмятежно. Вам бы понравилось стать знаменитыми? Возможно, вам знакомо все это. Репортеры, интервью по магическому кристаллу, ежедневные тонны писем, статьи, охотники за фотографиями и автографами, воинственно настроенные забулдыги, идиотские телефонные звонки, непрошенные посетители, подхалимы...

Все правильно, ну а далее перечисляйте сами. Я получил в фирме хорошую должность. Лучше, чем я, вероятно, заслужил. Джинни открыла собственную студию — об этом она всегда мечтала. В общем, особого общественного интереса мы уже не представляли. А тем временем Валерия достигла того возраста, когда начинают дружить с мальчиками. Нам казалось, что кавалер нашей дочери недостоин ее. Говорят, что такие ощущения знакомы каждому, у кого есть дочь. Все проходят через это, но я был слишком занят другими делами, чтобы беспокоиться слишком сильно...

Вот и вся история. Публичная лекция-исповедь демона привела к эффектному развалу церкви иоаннитов. Конечно, остава-

лось еще некоторое число самых твердолобых ее приверженцев, но особого вреда они уже причинить не могли. Впоследствии образовалось ее реформистское ответвление — во главе с моим старым знакомым Мармидоном. Эта обновленная церковь объявила, что Евангелие Любви — такое же Евангелие, как и остальные, а их вера — одно из вероучений в числе прочих. Поскольку ни гностицизм, ни тайный сатанизм не проник туда, не думаю, чтобы святой Петр или старый добрый святой Иоанн стали бы особенно возражать.

Перед тем как вознестись из моего мозга на небо, Лобачевский продемонстрировал мне доказательства нескольких теорем. Я ничего не понял. Те, кто хоть как-то мог разобраться, утверждают, что теперь эффективность волшебства, созданного людьми Барни в те давние минувшие времена, может быть повышена вдвойне.

Нашему приятелю, Бобу Сверкающему Ножу, пришлось немало потрудиться, подготавливая почву для распространения новых научных взглядов. Но действовать ему пришлось осторожно, и работа предстоит еще большая. Нельзя безоговорочно доверяться каждому старому чудаку, наделенному от природы выдающимися способностями. И все же теперь правительству Соединенных Штатов (и не только ему) известно, как можно вторгнуться в Ад, если он вынудит нас к этому.

Маловероятно, чтобы армия Земли смогла завоевать Нижний Континуум, но бед неприятелю она может доставить предостаточно. Итак, у нас нет оснований опасаться еще одного прямого нападения со стороны Врага.

Со стороны человека — да. Потому что есть еще люди развращенные и испорченные, подверженные искушению и соблазну. Люди-лжецы и люди-предатели. Но думаю, что если мы сохраним свою честь незапятнанной, а порох сухим — нам не придется испытать слишком много бед.

Оглядываясь назад, я часто не могу поверить, что это было на самом деле, что через все это прошли, со всем справились рыжеволосая ведьма, волк-оборотень с обрубленным хвостом и надменный черный кот. И тогда я вспоминаю, что Враг лишен чувства юмора. А Бог наверняка любит посмеяться...

ОПЕРАЦИЯ «ЛУНА»

*Посвящается Джанет, Джеффу
и Катли, каждый из которых
по-своему маг.*

ГЛАВА 1

Огни Святого Эльма плясали на ограждении, отделяя Твердыню от ночи. Земля чернее неба. Звезды ярко горели, мерцал Млечный Путь. Вчера было полнолуние, круглая луна выплыла с востока, затмевая собой звезды. На землю легли длинные бледные тени. На севере вырисовался призрачно-серый пик Тэйлор.

Мы с Джинни огляделись. В центре гигантской пентаграммы разливалось свечение, лучи прожекторов сошлись на космическом корабле, который бросался в глаза даже с такого расстояния. Мое сердце затрепетало от этого грандиозного зрелища.

Где-то в самом нутре зародилось странное чувство. Чем ближе мы подлетали, тем сильнее била меня дрожь. Уже не в первый раз. Такое бывало и прежде, правда, реже и слабее, всего лишь смутное беспокойство, которое может возникнуть у любого безо всякого основания. Вы ведь не станете хвататься за амулет, творить охранные знаки или прикидывать, не подбирается ли к вам ведьма или волколак. Вы спишете это на расшалившиеся нервы. Пожмете плечами и забудете. Вы люди ученые, чуждые суеверий и темных предрассудков. Не так ли?

То, что взволновало меня, было слишком смутным, чтобы называться предчувствием, но тем не менее это не было простое урчание в животе. Уж разницу я успел выучить. Подозрительно все это. Я повертел головой. Все, что я увидел на фоне звезд, были огоньки таких же припозднившихся метел. Я втянул в себя воздух. Даже в человеческом обличье мой нюх острее, чем у обычных людей. Воздух был свежим и прохладным. В Нью-Мехико температура к ночи быстро падает. Я уловил легкий запах озона, какой бывает после успешного колдовства, но в пределах нормы, тем более для сегодняшней ночи.

Постой-постой... что-то почти неуловимо чуждое, потустороннее, чему я не мог бы подобрать названия. Если бы я сейчас обернулся волком, то мог бы сказать точнее.

Я посмотрел на Джинни. Мы собирались лететь только вдвоем и взяли ее «Ягуара» вместо семейного «Форда». Теперь ветер дул нам в лицо, раздувая парусом юбку, которую Джинни выбра-

ла для праздника. Ткань плотно облепила хвост метлы и длинные стройные ноги моей жены. Блузка подчеркивала великолепную фигуру, которая и в сорок два года смотрелась не хуже, чем в день нашей первой встречи.

Я перевел глаза на лицо Джинни. В лунном свете ее аристократические черты казались вырезанными из слоновой кости. Луна выбелила волосы, разметававшиеся по плечам. Слева на груди ледяным огнем пылала серебряная сова — эмблема ее ордена. И я заметил, что, помимо привычной бдительности, в ней вдруг вспыхнула какая-то настороженность.

Ветер свистел за нашими спинами, но мой голос прозвучал громко:

— Ты тоже чуешь какой-то поганый запах?

Она кивнула. Ее контральто зазвенело металлом.

— Я бы назвала его жутким. Или...

Остального я не понял. Будучи лицензированной ведьмой, Джинни знала множество экзотических наречий. По-моему, это был зунийский.

— Баланс Сил нарушился. Койот вышел на охоту.

— И только ждет удобного часа?

— Конечно. Как всегда.

— Ну ладно.

Я не бравировал. Трикстер — опасный враг и коварный друг. В самом начале он устроил в Твердыне настоящий бардак. Один раз опытная модель летающего крыла растаяла прямо в воздухе. В другой раз, когда в воздух поднялась еще более дорогая экспериментальная модель ковра-самолета, на него набросились полчища моли и прожрали до дыр.

Но, как я выяснил, до смертоубийства дело не дошло — Национальная Астральная Транспортная Организация заинтересовалась данным случаем и обратилась к местным индейцам. Те ответили, что Койот объявил эти места своим ленным владением. И он-де терпеть не может, когда кто-то нарушает границы его земель, не говоря уже о том, что кто-то выделывал фигуры высшего пилотажа лучше, чем он сам. Их шаманы, кстати, тоже не были в восторге от всего происходившего.

Потом глава НАТО побеседовал в Вашингтоне с президентом Ламбертом. После бразильского кризиса Ламберт принялся загребать жар чужими руками — это носило гордое название «Проект «Селена». Тогда, в Рио-де-Жанейро, он бесстрашно заявил бразильцам, что он-де один из них. Да не просто так заявил, а на испанском: «Yo soy un carioca!» Естественно, если все его

юго-западные силы здесь кормятся! И на заседании Конгресса Ламберт встал на рога и так пошел, после чего индейцы сорвали такой куш, который им и не снился, а священники призвали всех известных богов и идолов, чтобы встать грудью за Твердыню...

Я собрался с мыслями. Может, Койота потревожили магические выбросы? Семь или восемь лет назад такое уже было. Моя семья жила здесь только два года.

— И не только его, — уточнила Джинни, — хотя, по-моему, он... разрезвился сверх меры, насколько я успела узнать о подобных штуках. Что-то здесь нечисто.

— Вроде веселых ребят Флинта? — предположил я, порывшись по закоулкам своих скудных познаний, которые при всем желании нельзя было назвать образованием. Не то что у Джинни. Неуспокоенные, но отнюдь не злобные духи едва ли опасны, волноваться нечего. Но Джинни отмела мое предположение.

— Что-то помощнее, и я...

Она заколебалась, прежде чем продолжить, а колебалась она редко.

— Точно не могу сказать, разве что...

Если бы я был в шкуре волка, то вздыбил бы шерсть. У меня мурашки поползли по спине.

— Можешь определить, что это за дрянь?

— Пожалуй. Только мне понадобится магия, а сегодня она запрещена. Зато чуют никто не мешает.

Чуяла она даже лучше, чем я.

Джинни встряхнулась. На это всегда стоило посмотреть. Она выпрямилась в седле и медленно расплылась в улыбке.

— А, ничего страшного! Защита поставлена надежно, я бы почуяла подвох. Похоже, просто на презентацию заявила толпа Существ. Попялиться, как и мы.

Она махнула рукой вниз. Наше помело пошло на посадку. На земле уже припарковались сотни таких же метел, а их всадники спешили и бродили вокруг. Все светилось — земля и магические шары в руках гостей. Они болтали, сплетничали, курили, прикладывались к бутылкам и разглядывали корабль. Здесь были приезжие из Гранта, Галапа, из пуэблос, ферм и ранчо, даже из Альбукерки и Санта-Фе, а то и дальше. Конечно, они могли остаться дома и увидеть все по дальновизору. Но здесь и сейчас творилась история: первый настоящий полет рукотворного коня, который должен отнести людей на вон ту луну.

— Если этим Существам не по вкусу, что мы делаем, так и большинство американцев против, — продолжала Джинни. —

В любом случае им, должно быть, любопытно поглазеть на все это. Великолепное шоу!

Она рассмеялась, и мои страхи тотчас же улетучились. Собравшиеся, собственно, особых опасений не внушали. Это вам не идеологи, разглагольствующие о техническом превосходстве Вавилонской башни, не демагоги, вопящие о денежных средствах, затраченных попусту (в то время как их следовало использовать на то, чтобы умасливать избирателей), не высоколобые интеллигенты, надменно поглядывающие на всех, кто не может подерживать беседу об «Улиссе» Джеймса Джойса. Нет, это были обычные, нормальные труженики, со своими семьями и детьми, студенты и романтики — и еще несколько представителей разных племен. Все они собрались здесь потому, что их восхитила идея полета к звездам.

И все же толпа получилась изрядная. Я поморщился. Когда подошло время улетать, мы с Джинни никак не могли найти няню — ни за какие деньги. Даже девушка, которая приходила убирать в доме, Одри Беккер, отказалась. Как и ее мамаша. Конечно, можно было бы возложить столь трудное бремя на помощника Джинни, но Свартальф был стар и постоянно задремывал, а Эдгар не внушал особого доверия.

Оставалась Валерия, которая намылилась отправиться на праздник с нами. И ей вовсе не улыбалось остаться и ходить по пятам за Беном и Криссой. В четырнадцать лет жажда приключений обуревают людей со страшной силой, потому Валерия далеко не сразу согласилась остаться дома и посмотреть на взлет корабля по дальновизору. Не очень веселая альтернативка. Мы как могли отблагодарили ее, хотя ни уговоры, ни взятки не заставят детей выполнять возложенные на них обязанности. Впрочем, Валерия истерик устраивать не стала. Это не в ее стиле. И я знал, что она глаз не спустит с малышей. Только не знал, во что это потом выльется.

Наша метла зависла. Через минуту раздался голос: «Можете лететь», и мы двинулись дальше. Охранное заклятие разрешило нам пролететь внутрь периметра. Раз оно еще работает, дела не так уж плохи. Признаться, сам я уже не чуял потусторонних сил и вскоре позабыл о них. Потом моя жена уверяла, что допустила такую же ошибку, хотя я сомневаюсь, что из ее поля зрения может ускользнуть то, на что она уже успела обратить внимание.

Поскольку мы порядком припозднились, пришлось спешно искать место для парковки. К счастью, мы довольно быстро его нашли, на самом краю стоянки для служебного транспорта. Сто-

янка оказалась переполненной. Кроме машин обслуживающего персонала, там оказались метлы журналистов, больших шишек и еще бог знает кого, сподобившихся выбить пропуск. Мы с трудом втиснулись между «Кадиллаком» с тонированными панелями и старенькой «Хондой» с хвостом из истрепанных, но натуральных прутьев. Едва мы пристроились и спешились, наш «Ягуар» задергал рукоятью. Фея, заключенная в ней, терпеть не могла близкого соседства. Джинни склонилась к метле, поглаживая вставший дыбом хвост и бормоча что-то утешительное. Метла успокоилась. Мы быстро зашагали по холодным мраморным плитам. Наши подошвы прошлепали по Лебедю, Дракону и растущему месяцу.

Около ворот иллюминация вытеснила ночь и озаряла все вокруг. Вправо и влево на целые мили тянулось ограждение — огни Святого Эльма цепочкой убегали в темноту. Сияли эдисонки. Хотя забор с виду не превышал четырех с половиной метров, моя слабая изучающая заклялка отразилась ото всех сторон, включая зенит и надир.

Поскольку мы уже нацепили именные карточки, заклятые только на нас, то избежали длительной волокиты и регистрации. Естественно, это были особые карточки. Я написал, что работаю не на НАСА, а на «Магокристаллы Норн», фирму на Среднем Западе, которая как раз получила заказ на разработку космических систем связи. Что позволило мне прорваться в Твердыню в качестве инженера. Мой шеф, Барни Стурлусон, знал, что я мечтаю работать в астронавтике. А еще он знал, что счастливый человек вкалывает не за страх, а за совесть. Что касается Джинни, которая проводила на дому частные «Советы Артемиды», то мы не раз уже находили возможность протащить ее сюда в роли консультанта.

Один из стражей нас узнал.

— О, здравствуйте, мистер и миссис... э-э, доктор Матучек, — поприветствовал он. — Я уж начинал бояться, что вы не явитесь. Как раз вовремя, скоро начнут отсчет.

— Знаю, — ответил я.

— А ваша дочка не с вами? И где же доктор Грейлок, мадам?

— Дочь осталась вместо няни, — пояснила Джинни, — а мой брат неважно себя чувствует.

— Жалость какая. Эх, вот бы мне хоть одним глазком взглянуть туда, куда вы направляетесь! Приехал какой-то шаман с публо Акома, так я слышал, как он говорил о целой своре разных призраков и духов, которые притащились на праздник.

— Не лезь не в свое дело! — шелкнул я зубами. — И, ради бога, дай нам наконец пройти.

И сразу же пожалел о своей несдержанности. Если прежде он был настроен дружелюбно, то теперь обиделся и не преминул огрызнуться в ответ:

— Ну, мистер Матучек, вы же знаете правила! Луна в силе, но никто не оборачивается.

Джинни одарила меня предостерегающим взглядом, а привратного януса — улыбкой.

— Конечно, — промурлыкала она. — Не обижайтесь. Простите, мистер Гитлинг, если мы случайно вас расстроили, — мы так спешим. Но когда конь взлетит, вам будет видно и отсюда!

Он расплылся в улыбке и пропустил нас.

Дорожки за оградой оказались пустынными, можно сказать, заброшенными. Все гости, кроме Комиссии по контролю, устремились на трибуны. Нас окружали здания, их крыши четким контуром вырисовывались на фоне неба, осиянного прожекторами стартовой площадки. Вдали серебрился огромный купол-луковица. С противоположной стороны только-только показалась из-за стен луна — голубоватый круглый щит, все еще огромный.

И вовсе я не собирался оборачиваться. Признаться, в последнее время я меняю форму редко: только затем, чтобы прогуляться по пустыне или позабавить малышку Криссу. Прочие наши дети давно уже привыкли к папиным фокусам. Но сейчас, при луне, мне вдруг ужасно захотелось обернуться. Видимо, от возбуждения моя цивилизованность ослабла, и пробудились древние инстинкты.

Однако я справился с искушением, задав Джинни далеко не пустячный вопрос:

— Что же случилось с Уиллом? Из-за этой суматохи я так и не улучил минутки, чтобы расспросить его.

— Я тоже, — ответила Джинни. — Полагаю, он сам не знает. Позвонил и сказал, что плохо себя чувствует, что останется дома и попытается заснуть.

— Вот незадача! А ведь он, можно считать, отец всей этой космической программы...

— Да, он буквально влюблен в космос.

В голосе Джинни проскользнули нотки тревоги. Я повернулся к ней и заметил, как она закусила губу.

— Стив, я за него боюсь.

— Гм-м, последние дни он и вправду немного не в себе.

Словно... рассеянный какой-то. Но я думал, это оттого, что у него так много дел...

— Нет, дело не в работе и не в приборах. Он ни словом о них не обмолвился — что само по себе странно. Похоже, в последние дни он забросил работу, а если и говорил о ней, то без интереса. Но ведь он ничего и не рассказывает, выворачивается, обходит мои вопросы...

«Если кто и чувствует состояние Уилла Грейлока, — подумал я, — так это его сестра». Когда погибли их родители, ей было девять лет, а ему двадцать один. Жизнь развела их в разные стороны, но он всегда по-доброму заботился о ней, почти стал ей вторым отцом. Мы так обрадовались, когда он ушел из Флагстафа и переехал сюда вскоре после нас. Ему тогда Национальная Паранаучная Академия выдала грант на лунные исследования. А потом родились наши дети.

Джинни взяла себя в руки.

— Я ничего не собираюсь выпытывать, — закончила она. — Он сам решит, когда рассказать.

— Может, у него проблемы на любовном фронте? — предположил я.

— В его-то возрасте?

— Гм, не думаю, что стану аскетом, когда доживу до его лет. Так что держи ухо востро, женщина!

— И ты, мужчина! — усмехнулась Джинни, потом добавила уже серьезно: — Ладно, будем считать, что это что-то личное. Тем более ничего особенного не случилось, в основном он такой же, как всегда. Просто временами на него находит грусть... Может, и вправду немного простудился...

— И все же жаль, что его нет здесь.

— Да, но ничего страшного.

Тем более что сегодня нам предстоит только проверить первый космический корабль — готов ли он высадить на Луну первых людей. Несколько витков вокруг Земли, отработка контрольных панелей и систем жизнеобеспечения. Грейлоку еще представится возможность полетать на более совершенных моделях, которые направятся к золотому шару, к его тайнам и чудесам, которые сам он и открыл.

Я не стал воспаряться по поводу дороговизны и чрезмерной сложности проекта. Джинни и так много раз слышала мои рассуждения. Тем более она регулярно оказывала неоплатную помощь небольшой компании «Операция «Луна».

И все-таки на сегодняшний день, а то и навсегда, именно НАСА заправляет всем в городе.

И вот... Мы вышли на открытое место. Прямо перед нами раскинулась смотровая площадь, рассекая прожекторами ночь. За ней на полмили растеклась лава. Короткие мощные дорожки вели через нее к центральной площадке. Там, в круте яркого света, огромным зверем возвышался корабль, и прекраснее этого зрелища я не видел в жизни ничего.

ГЛАВА 2

Стоило бы, наверно, пойти на места для журналистов, но не хотелось. Работники, свободные от дежурства, обычно сидели именно там, потому что оттуда было лучше видно, чем даже из ложи высокопоставленных гостей. Однако мы сами были своего рода сенсацией — по крайней мере, раньше. Конечно, за одиннадцать лет шумиха поулеглась, так что теперь нас обычно не замечали — слава тебе, господи. Однако и теперь к нам мог прицепиться какой-нибудь журналюга, от нечего делать жаждущий взять интервью.

Едва ли мы могли смешаться с толпой, которая рассаживалась по скамьям или устраивалась прямо на камнях. Со мной-то все в порядке — шесть футов роста и косяя сажень в плечах, скуластое славянское лицо, нос картошкой, голубые глаза, соломенные волосы — словом, ничего из ряда вон выходящего. А вот Джинни понадобилось бы заклятие отвода глаз или вообще невидимости, чтобы остаться не замеченной хотя бы одним мужчиной. Но все превращения, не имеющие отношения к проекту, были запрещены. Нам же вовсе не хотелось, чтобы кто-нибудь сунул под нос кристалл дальновидения и начал заваливать тупыми вопросами. Мы собирались просто спокойно посмотреть на взлет.

Впрочем, пресса будет кишеть и у других трибун, где толпятся ученые мужи, кинозвезды, самозванные представители того или иного молодежного течения, исполнительные директора корпораций, евангелисты, и так далее, и тому подобное. Вся эта шушера пользовалась случаем, чтобы лишний раз сделать себе рекламу. Нет, лучше уж пойти туда, где находятся люди, которые действительно интересуются самим запуском. В принципе, мы были бы не против побеседовать с серьезными журналистами, пишущими о науке. Мы их знали, любили и могли на них поло-

житься. Но они сейчас были слишком заняты своим прямым делом, чтобы тратить время на болтовню.

То ли нам повезло, то ли мы просто переоценили свою известность. Когда мы осторожно пробирались между скамьями, нас заметил кое-кто из друзей, помахал рукой, может, и крикнул «Привет!» — за шумом просто не было слышно; мужики, естественно, пялились на Джинни. Но не более того. Мы выщелили вроде бы незанятое местечко рядом с парой проектных механиков, Мигелем Сантосом и Джимом Франклином. Я встретился с Джимом взглядом. Его шоколадная физиономия расплылась в широкой улыбке, он махнул рукой. Мы с Джинни направились туда.

По пути мы пересеклись с группкой газетчиков, и тут удача едва не покинула нас. Оказалось, что Харис ад-Дин аль-Банни решил наблюдать за полетом именно с этого места. Естественно, газетная братия облепила его со всех сторон. Он не возражал. Нет, ему не было все равно: аль-Банни купался в лучах славы.

Не поймите меня неправильно. Он славный парень, проделавший гигантскую работу. Если бы не его уверенность, его гений и напор, НАСА бы чесало в затылках и мрачно разглядывало проект полета на Луну еще лет сто. Это он убедил Ламберта и всех остальных, что это возможно еще на нашем веку. Именно его руководство сотворило это чудо.

Может, иногда мы и бухтим, что все могло быть сделано быстрее и дешевле, но никто не станет возражать, что проект исследования Луны «Селена» обогатил нас новыми знаниями, технологиями и паратехнологиями, важными для любой космической отрасли. Да, аль-Банни искал известности — но не ради себя. Я почти уверен, что он делал это ради проекта, ради того, чтобы Конгресс и налогоплательщики видели, что мы не зря тратим деньги. Удовольствие от славы было побочным эффектом. Для аль-Банни было побочным эффектом все, что не имело отношения к цели.

О, естественно, он работал на Халифат во время войны. И тогда его летающие бронзовые кони доставили нам кучу хлопот. Но он никогда не был фанатиком их ереси. Если бы он родился в другой стране, то с тем же успехом мог бы быть среди наших союзников, правоверных мусульман. Истинной его религией всегда был космос, а пиво и шотландское виски он любил не меньше, чем я. Более того, он нажил себе немало неприятностей, заявив, что его лошади носятся не над той планетой. После войны армия США из кожи вон лезла, пытаясь заманить его в

отдел обороны, пока не выдохлась и не позволила работать в гражданском агентстве, куда он так стремился.

К тому же, черт побери, война уже двадцать лет как закончилась.

Харис повернулся, большой и грузный, обозрел нас поверх голов и поднял руку.

— А, Вирджиния Матучек! — прогрохотал он. — Красота и грация, как всегда, сопутствуют тебе. Приветствую и тебя, Стивен!

Он всегда был галантным и доброжелательным, и я замечал, что часто это окупается сторицей.

На нас уставилось множество глаз. Аль-Банни тотчас же вернулся к прерванной речи. Слушатели повернули головы к нему. Я не расслышал, о чем это он там разглагольствовал. Вероятно, муссировал любимую идею о том, что союз Западного и Восточного искусства дал людям возможность достичь звезд.

Мы протолкались на облюбованное место и сели.

— Привет, — громко сказал Мигель, пытаясь перекрыть царивший кругом гомон.

— Как вы? — осведомился Джим. — Какие-то проблемы? Рад, что вы все-таки пришли, хотя и впритык.

Я рассказал, что случилось.

— Надо быть предусмотрительней! — прокряхтел холостяк Джим. — Но тем не менее славно, что люди так этим заинтересовались.

— Моя Хуанита тоже, — несколько укоризненно вставил Мигель. — Но она терпеть не может больших толп. А маленьких детей сюда не пускают, поэтому она предпочла посмотреть запуск по дальновизору, чтобы их не бросать. Я вовсе не хотел вас задеть, доктор Матучек, — поспешно добавил он. — В каждой семье свои порядки.

Джинни мило улыбнулась ему и кивнула.

— Похоже, дело на мази, — заметил Джим. — Пока вы пропустили только возможность как следует полюбоваться зрелищем.

Мы посмотрели на зверя.

Ох, и красив же он был! Основание отливало зеленью, золотая кайма проходила сразу над черными камнями, на которых стоял корабль. Широкой платформы, казалось, едва хватало для стофуговой зверюги. Отсюда чудилось, что животное считает себя венцом творения и вершиной искусства. Так оно и было. Голова вскинута, гордый взор устремлен в ночное небо, раздутые ноздри словно втягивают нездешний ветер, кото-

рый уже взметнул гриву и развевающийся хвост. Жеребец напрягся, его мышцы играли под рыжевато-красной шкурой. Четыре гигантских метлы вовсе не портили впечатления, напротив — они так же сливались с образом, как кольчуга сливается с образом рыцаря. То же можно было сказать о капсуле для команды на спине коня — хрустальном седле.

— На, посмотри, — сказал Джим, протягивая мне бинокляр, а сам занялся камерой. Колдовское зрение было позволено только работникам проекта. Джинни уже успела нацепить свои очки, а я принялся подлаживать бинокляр.

Мощная оказалась штука. Сквозь прозрачный хрусталь капсулы я разглядел приборы, снаряжение и припасы на троих членов команды. В это путешествие отправится только один пилот, женщина. Я увидел, что она уже заняла свое место на переднем сиденье, готовая к полету, и сжала два поводя, которые тянулись от шеи животного.

— Боже правый, как я ей завидую! — пробормотал Мигель.

— Шовинизм взыграл? — усмехнулась Джинни.

— Ну, мне кажется, что в астронавтике должно быть побольше мужчин. Старые предрассудки, будто женщины лучше летают.

— Нет, просто традиция, — встрял я. — Европейская. Древние побасенки о ведьмах. В других странах, пока эти сказки не стали былью, летали преимущественно мужчины, колдуны всякие, ведуны, и в настоящее время...

— Капитан Ньютон сейчас в седле, потому что она заслужила эту честь, — оборвала меня Джинни. — Когда мужчины дорастут до ее уровня, тогда и полетят.

— Солнышко, я рассуждал отвлеченно, — удивился я. — Ты же знаешь, как я уважаю Куртис.

С тех пор, как Куртис брала у моей жены уроки по общению с Чужими, мы стали отличными приятелями. Никто понятия не имел, что за существа обитают на Луне, но все точно знали, что там кто-то есть. У Джинни же опыта было побольше, чем у прочих, ибо она как никто близко подходила к воротам Ада и сумела вернуться обратно. Вместе со мной. Только мне приходилось тупо тащиться следом: я-то не обладал ее интуицией и образованием.

— К тому же хоть я и завидую, но белой завистью, — уточнил Мигель. Мигель был мексиканцем, но успел выучить выражения, которые обычные англичане уже подзабыли. — Я восхищаюсь ею, как и весь мир!

В эту минуту из-за крыш домов показалась луна. Она больше

не казалась огромной — маленькая, холодная и манящая. Я понял, почему аль-Банни назначил полет именно на сегодняшнюю ночь и на какую реакцию публики он рассчитывал. Главной целью проекта была Луна, и при полете на Луну, по законам симпатической магии, запуск следовало проводить в лунную ночь, и лучше всего — именно в полнолуние. Недаром в голову коня был вделан лунный метеорит. Однако сегодня, при пробном запуске, полет предстоял недолгий и мог начаться в любое время, при любой фазе луны. Но какая величественная картина!

Раздался мужской голос, при первых же словах которого шум начал стихать.

— Все системы готовы. Повторяю, все системы готовы. Начинаем отсчет.

Над толпой взлетел общий вздох и растаял в черном небе. Мы с Джинни сдернули бинокюляры. И даже не взглянули на камеры. Такое нужно видеть собственными глазами. Я понял, что шепчу вслух: «Давай, давай. С богом».

— Decem, — загремел голос.

— Novem. Octo.

На мгновение я усомнился, не следовало бы считать по-арабски. Нет, ведь данный язык был родным языком аль-Банни. Поскольку именно он являлся душой проекта, латынь представлялась более эзотеричной, более мощной, чем привыкли воспринимать ее мы, носители западной культуры.

— Septem.

Навахо, апачи, зуни? Нет, белые не преуспели в изучении их языков, и наша команда могла бы попросту сбиться со счета.

— Sex.

«Прямо сейчас?» — пришла мне голову совершенно дурацкая мысль.

Джинни вцепилась в мою руку.

— Стив! — прошипела она. — Что-то идет не так, что-то идет совсем не так.

— Quinque.

Я повернул голову и увидел ее смертельно побледневшее лицо с распахнутыми зелеными глазами.

— Quattuor.

И тут я уловил едва ощутимый, но явственный запах, который она наверняка почуяла много острее. Он был не противный, скорее сладкий и дурманящий. Похоже, ни толпа, ни контрольная комиссия ничего не замечали. Никто из них не работал на

такой грани чувственных восприятий, как приходилось нам с женой.

— Tiga.

А если кто и учуял чужеродный запах, то наверняка не обратил внимания, зачарованный зрелищем лунного коня.

— Duo.

Статуя задрожала.

— Unum.

Бронзовое тело напряглось, словно под ним проступили живые мускулы.

— Nihil!

Конь встал на дыбы. Его ржание раскатилось по всей земле. И он ринулся в небеса.

Голос, который вел отсчет, закричал. Огромные метлы отвалились. Они упали на землю и принялись мести. Раздался страшный грохот и треск. Во все стороны полетели куски камней, сорванные их могучими взмахами. Проектора с лязгом разлетелись. На поле упала тьма.

Но я этого почти не заметил. Я с ужасом следил за конем. Когда от него отделились метлы, он вздрогнул, словно мустанг — в ста футах над землей. А потом рухнул вниз.

От удара содрогнулась земля. Между обезумевших метел лежало огромное искореженное бронзовое тело. Я тотчас же поднес к глазам бинокляр. И увидел разбитую хрустальную капсулу. Без пилота. Она не успела воспользоваться катапультной, иначе сейчас планировала бы к земле на медном орле.

— О, нет, нет, — прошептала Джинни. — Энергия...

Да, энергия, которая должна была поднять нашу мечту в небеса и спустить обратно на землю, уже разбужена и готова к действию. Основные законы физики гласят, что она обязательно должна найти выход. Вскоре металл раскалится добела.

Джинни опять ухватила меня за руку, уже не моля, а приказывая.

— Стив! — завопила она, перекрикивая жуткий грохот и шум. — Вытащи ее!

Ко мне вернулась способность соображать. Господи, и чего я сижу? Лedyстый лунный свет скользил по визжащей, мечущейся толпе. Я сбросил туфли, стянул одежду и опустился на четвереньки. Плоть и кости послушно плавилась, душа зашла в экстазе. Моя вторая суть вырвалась на волю, и я громко завыл.

Я стал зверем.

Поскольку я мужчина не маленький, то и волк довольно

крупный, а критическая ситуация только прибавила мне сил. Я пронесся сквозь сутолоку, как нож сквозь масло. Если я и сбил кого, не успевшего убраться с дороги, тем хуже для него. Пару раз я взмывал в воздух, чтобы перемахнуть через головы людей на нижние уровни. Несколько раз меня стукнули — камерой или штативом, но без особого ущерба. В волчьей шкуре я исцелялся практически мгновенно, меня трудно покалечить или убить. А пистолетов с серебряными пулями сюда, естественно, никто не догадался притащить.

Я спрыгнул на землю и добежал до лавы. Мозг волка, даже волка-оборотня, не может тягаться по сообразительности с человеческим, но я твердо помнил, кто я и что должен сделать. И хотя я стал близорук и утратил восприимчивость к цветам, мой нос четко рисовал картину мира по запахам, мои уши ловили малейший звук, недоступный человеку, а усы передавали нервам даже едва заметную дрожь.

Мои чувства обострились настолько, что я даже заметил, что обнажен. Я ведь не ждал ничего подобного, потому и не надел под одежду специальный вязаный костюм, который не мешал мне двигаться в обличье волка, зато оставался на теле, когда я снова становился человеком. Я-то полагал, что белье еще на мне. Сидело бы оно на мне довольно сносно, так как после войны я остался без половины хвоста. Но труссы слетели во время прыжков.

Ну и черт с ними! Вау-у-у! Вперед!

Пыль забила мне нос, запорошила глаза и налипла на язык. Сорокафутовая метла направилась в мою сторону. Как страшно трещала эта бронзовая дура! Я проскочил мимо и тут же напоролся на ее товарку. Меня подбросило в воздух. Я грянулся оземь, вскочил и снова бросился вперед. К поверженному бронзовому коню. От него волнами раскатывался жар.

Тяжелая работка. Ну, мне уже приходилось сталкиваться с Огнем и похлеще. Моя человеческая часть скрутила в узел волчью. Я перемахнул через раскаленный металл. Шерсть затрещала, усы скрючились. Я завыл от боли, но не остановился. Тело изо всех сил боролось с повреждениями, но новые тоже не медлили. Пока я справлялся. Пока.

Но предел был близок — обезвоживание или еще какая гадость. Нужно спешить. Я обогнул тело коня, направляясь к капсуле и контрольной панели.

Из-за пыли и вони собственной паленой шерсти я едва не проскочил мимо хрустального седла. Оно разлетелось на куски,

когда защитное заклятие потеряло силу, исказилось или чего там с ним случилось. Точно, Куртис Ньютон скорчилась под панелью управления. Ее обшивка, додонский дуб, защитил астронавтку. Но если бы она попыталась вылезти из капсулы, хрустальные осколки исполосовали бы ее как мечи, а металл вокруг пылал, словно костер для еретиков в средние века.

Но если Куртис сейчас не выгашить, она зажарится. Позади нее я углядел распахнутую дверь туалета. Небольшая заклятая гидра превратилась в лужу простой воды, которая мало-помалу испарялась и капала на изображение Хепера.

Время! Я рванулся сквозь раму к благословенной деревянной панели. Хрустальные ножи кромсали мое тело, но раны затягивались прежде, чем я успевал почувствовать боль.

Пилот ошеломленно уставилась на меня. Из раны на голове струилась кровь. Но повреждения этим не ограничивались. Лошадиная туша, падая, приняла основной удар на себя, но осколки все-таки задели Куртис. У нее хватило сил отстегнуть ремни и выбраться из кресла, но потом раны заставили ее рухнуть на палубу. Я заметил медного орла, который должен был унести ее из этого кошмара. Одно крыло птицы было сломано.

Я лизнул руку Куртис и дернул мордой в сторону выхода. Она догадалась, несмотря на то, что была оглушена.

— Стив Магучек?

Сквозь боль в голосе прорвалась надежда. Я кивнул и прилег. Она вскарабкалась мне на спину, обхватила за шею и свесила ноги по бокам.

Ожидание страшной боли еще страшнее самой боли. Но я справился. Как я вынес ее из капсулы, я уже практически не помню.

Разбитая машина у нас за спиной раскалилась докрасна, но мы были уже далеко. Я ощутил лишь слабое тепло. Постепенно я исцелялся и боль покидала тело, зато навалилась жуткая жажда и голод, как всегда бывает после выздоровления. Плюс крайняя усталость. Я упал. Куртис сползла со спины и приткнулась под боком. Дрожащей рукой погладила меня по голове.

Подоспела спасательная бригада. Они были хорошими работниками, просто никто из них не был готов — ни морально, ни технически — к такому кошмарному повороту событий. Их колдун довольно быстро сумел изгнать то, что вселилось в метлы, учитывая тот факт, что он вообще не понял, с чем имел дело. Это «нечто» ушло. Тем более, что его разрушительная миссия была выполнена.

Спасатели оттащили нас с Куртис в медпункт. К сожалению, в медпункте было все, что полагается нормальной больнице. Приняв человеческий облик, я немедленно потребовал дать мне трусы и сразу же отпустить. Дудки! Получил я только какую-то дурацкую хламиду, и целая команда лекарей набросилась на меня со всеми тестами, которые мне только известны, и кучей других, о которых я и слыхом не слыхивал.

Но наконец явилась Джинни и спасла меня. Никогда не видел более великолепно зрелища, чем Джинни со своим выуженным из косметички раздвижным волшебным жезлом, на конце которого сиял звездный свет! (Нет, Джинни бывает великолепно и без волшебного жезла, но это уже вас не касается.) Джинни сразу же предложила свои услуги аль-Банни, и не успел он ответить «да», как она кинулась искать причину случившегося.

— Потом расскажу, — сказала она мне. Устала она побольше моего, судя по поникшим плечам и охрипшему голосу. — Не то чтобы я действительно что-то раскопала. Поехали домой.

Когда мы вернулись, восточный оком светлел.

ГЛАВА 3

Проснулись мы к полудню. Венецианское стекло мягко рассеивало солнечные лучи, которые золотили кровать, настенные репродукции Хиросиге и Чарли Рассела и разномастные безделушки и сувениры, накопленные за время наших совместно прожитых лет. Под солнцем волосы Джинни, рассыпанные по подушке, вспыхнули огнем. Вчера нас хватило даже на душ, так что сейчас Джинни выглядела такой свежей и...

— Поттише, волчара! — промурлыкала моя жена, хитро усмехаясь.

И отвесила мне легкую оплеуху. Ее ладонь пришлась по отросшей щетине.

— Ага, сперва побреюсь.

— Потом. Сама по себе мысль неплоха, но дети уже встали и ждут. Как и многое другое.

Я вздохнул и потянулся. Невзирая на все пережитое вчера и довольно краткий сон, мы чувствовали себя отдохнувшими. Обратни быстро оправляются от ран, а Джинни наложила на себя заклятие исцеления. Потом придется расплачиваться, но довольно будет десяти или двенадцати часов сна. День и правда обещал быть суматошным.

— Вспомни о черте, — проворчала жена, когда раздался стук в дверь. — Входите.

Мы сели в изголовье кровати.

Появилась Валерия.

— Привет, почтенные предки! — сказала она. — Я коленопреклоненно молилась, чтобы вы вернулись в целости и сохранности.

Еще бы. Официально у нашей старшей дочери не было иных магических способностей, кроме тех азов, которыми наделяют в школе. Но само собой разумеется, Валерия унаследовала Дар, по меньшей мере равный силе ее матери. Она побеждала на всех магических олимпиадах, а парочка экспериментов в алхимической лаборатории привела в ступор ее школьного учителя. Наблюдательная и самостоятельная умница, только чувства самосохранения у нее было еще маловато. Мы прекрасно знали, что она уже тянет ручонки к более сложным учебникам, которые выманивает у парней, да и часть библиотеки Джинни подверглась разграблению. Поскольку вчера жена не выставила охранных заклятий в доме, Вэл вдоволь наигралась в гляделки с зеркалом.

Обычно мы читали ей лекцию о том, что подсматривать нехорошо, а потом в наказание нагружали какой-нибудь скучной домашней работой. Но из-за вчерашнего хаоса в Твердыне и, надеюсь, страха за нас ее пригляд можно простить. Я даже слегка растрогался. Кроме того, она привела в действие магию — не просто чары, а настоящую магию — на полную катушку.

Вэл стояла перед нами не в обычном мешковатом свитере, потертых джинсах и стоптанных мокасинах, а в кружевной белой блузке и широкой клетчатой юбке. Они так шли ее стройной, невысокой пока фигурке. Огромные бирюзовые глаза горели на дерзкой курносой мордочке. Как и ее подруги, Вэл отпускала волосы, но сегодня рыжие кудри не были закручены вокруг головы по обычаю хопи, отчего голова сразу становилась похожей на сахарный крендель, а свободной волной спадали до талии. Маленькая кокетка знала, как меня пронимает этот трюк, который делал ее похожей на Алису в Стране Чудес.

Такой была Валерия, наш первенец, которую мы вырвали из самого Ада, когда ей было только три годика, и смотрели, как она превращается в счастливое, шустрое дитя с неистощимым чувством юмора. Я внезапно вспомнил одно ранее утро, когда ей было пять лет. Джинни тогда пришлось отлучиться, я готовил завтрак на двоих и уронил на пол яйцо. Она в безмерном удивле-

нии поглядела на меня, я как раз прикусил язык, чтобы не выразиться, и спросила:

— Папочка, разве тебе не хочется сказать: «Черт!»?

Когда ей исполнилось двенадцать, вокруг начали увиваться мальчишки. Вэл это нравилось, но, насколько я мог понять, она всегда ухитрялась держать их в рамках и принимала ухаживания с отстраненным спокойствием. Точно так она относилась к лошадям, походам в горы и ночевкам в палатке, с тех пор как мы сюда переехали.

Нет, характер у нее всегда был горячий и... Ладно, хватит.

Вэл сияла.

— Я приготовила вам завтрак. Сейчас принесу.

И выскользнула за дверь.

Мы с Джинни переглянулись. Обычно мы считали, что завтракать в постели — непозволительная роскошь. На этот раз выбирать не приходилось. Я наклонился к ушку жены. Рыжие волоски зашевелились от моего дыхания.

— Побыстрее, — прошептал я. — Какая официальная версия того, что случилось, и что действительно там было? Почему репортеры не осаждают наш дом?

— Перед тем, как тебя забрать, я позаботилась об этом, — тихо ответила она. — Дирекция в полном составе приняла мою версию. Проект провалился по неизвестным причинам. Ведьмы и колдуны, которые работали со мной, не нашли ничего, что можно было бы предъявлять публике. Какие-то следы, предположения... Но ты же прекрасно знаешь законы войны, Стив. Нельзя давать врагу понять, что именно ты о нем знаешь, или раскрывать свои карты. Спасение Куртис может повлечь за собой стратегические последствия, а может и нет. Конечно, бравые газетчики с радостью вцепились бы в тебя, но они ничего не знают. Им сказали, что Куртис сумела выбраться из капсулы сама, пока металл еще не раскалился, но ей пришлось ждать, пока снимут заклятия с метел. А потом подоспела спасательная бригада. Которая, кстати, дала подписку о неразглашении. Расследованием занимается ФБР. Потом они навесят нас.

— Хорошая работа, солнышко! — Я погладил жену по бедру.

— Ты тоже славно потрудился. — Она погладила меня.

Появилась Валерия с подносом.

За ней шел Бен, который нес второй. В свои десять лет он перерос мальчишескую буйную непокорность или, как я подозревал, уяснил, что такие игры с нами не проходят. Он превратился в тихого, благовоспитанного и даже старательного мальчика,

хотя и сохранил способность взрываться по любому поводу, как все в нашей семье. Тощий, с темно-русскими волосами, он был баскетболистом в школьной команде, учился на «отлично» и прекрасно ладил с другими мальчишками. Основным его хобби были динозавры. Если он и вправду станет палеонтологом, ему придется научиться каким-нибудь жутким чудесам, но я уверен, что его интерес к ископаемым скоро ослабеет.

Сзади топала Крисса. Четырехлетняя пышечка, которая начала потихоньку вытягиваться, как две капли воды похожая на Вэл в этом возрасте — и лицом, и цветом курчавых волос. Ее сестра сияла, брат хранил серьезную мину, а малышка просто радовалась, что папа и мама вернулись домой. Единственный недостаток в ее солнечном прошлом выявился примерно год назад, когда оказалось, что она по каким-то причинам смертельно возненавидела купаться. Нет, мыть ее удавалось, но каждый раз процедура сопровождалась воплями протеста.

Воссоединение всей семьи, да после кошмарной ночи, наполнило меня разными воспоминаниями. Например, как Вэл, которой однажды пришлось купать малышку, сочинила песенку на мотив «Янки Дудль», которая неслась из ванной на протяжении всего процесса мытья.

Волосы Криссы стали зелеными,
Кожа серой и страшной.
На макушке сидят лягушки,
В ушках Криссы живут мышки.
Мы нашу Криссу вымоем,
Мы нашу Криссу вычистим,
Мы нашу Криссу выскребем,
И станет Крисса чистой, как кристалл!

Теперь купание не доставляет таких хлопот, но до сих пор Вэл иногда называет сестренку «Зеленушкой». Почему-то обеим это страшно нравится.

Новый помощник Джинни, Эдгар, ехал на плече Валерии. Здоровый черный ворон соскочил на кровать и запрыгал к своей ведьмочке. «Кар!» — заявил он, отчасти встревоженно, отчасти возмущенно. Еще бы, он ведь пропустил всю развлекуху.

Джинни почесала его шейку и погладила по гладким перышкам на спине.

— Извини, Эдгар, — промолвила жена. — Мне не следовало оставлять тебя дома. Ты бы здорово нам пригодился.

— Кар! — ответила птица. Ворон вспорхнул и уселся на спинке кровати. В его блестящих, как бусинки, глазах светились

пугающее понимание и холодная, непостижимая мудрость, чего мы не замечали за нашим котом Свартальфом. Ну, Бен же сказал, что птицы — последние выжившие динозавры.

Вэл опустила передо мной поднос. Кофе, ветчина, рагу, намазанные маслом тосты, апельсиновый джем, кетчуп и охлажденная водка.

— Спасибо, рыбка, — промямлил я. Как быстро она научилась управляться по хозяйству! Растет малышка. Преклоняюсь.

Она устроилась на краю кровати.

— Приятного аппетита. Когда вы покушаете, мы бы *очень* хотели услышать, что же на самом деле там произошло. Нам о-очень не терпится.

Бен передал второй поднос Джинни и сел на стул. Крисса взобралась на кровать и устроилась у мамы под боком, потягивая какой-то сок. Эдгар потянулся было за тостом, но Джинни шелкнула его по клюву. Он нахохлился.

— Меня? За что? — прокаркал он.

Джинни отпила кофе и улыбнулась, потом дала ему кусочек хлеба.

Когда мое брюхо немного наполнилось, я спросил Вэл:

— А что вы знаете? Что показывали по кристаллу?

— Сначала — кучу картинок, — ухмыльнулась она. — Целая толпа репортеров хватала первого встречного или друг друга и засыпала дурацкими вопросами. — Вэл поморщила носик. — «Это историческое событие, правда, Сэм?» — «Конечно, историческое, Конни. Наш первый шаг на Луну, к удивительным Созданиям, которые живут на ней!» — «Как ты считаешь, окажутся ли там чистые души, которые освободились от всего материального, как предсказывают психонтологи, Сэм?» — «Не знаю, Конни, да и кто знает? Но мы вернемся через пару минут!» И пошли крутить всякие товары в рассрочку, материалы для лозоискателей, эльфийские туры и «молочный сыр «Аудумла» — пища богов!» Будто мы тысячу раз уже этого не видели!

Я пожал маленькую ручку.

— Мне жаль, что пришлось заточить вас в замке, принцесса. Но в то же время я даже рад. Там было слишком опасно. Что вы видели сразу после рекламных роликов?

— Ну, как лошадь вскочила, полетела и сверзилась вниз, а метлы посходили с ума. Потом были только одни крики, болтовня и грохот. А потом я буквально сдохла и пошла спать. Бен и Зеленушка срубились еще раньше. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — А что делали вы с мамой в это время?

— Гм... Оказывали помощь, насколько это было в наших силах. Так, по мелочи.

— Я слышала, что кое-кто утверждал, что видел на поле волка.

— Сплетни!

— НАСА говорит, что защитные заклятия отказали, что-то проникло за ограду и испортило взлет. И все. «Специалисты ведут расследование, и по ходу разбирательства мы сообщим вам дополнительную информацию». Щаз-з!

— Вы же не сидели с мамой сложа руки, правда, па? — тихо спросил Бен.

Я напустил на себя самый уверенный вид, какой только мог.

— Конечно, нет. Но мы обязались ничего не рассказывать. Все, что могу сказать: управились довольно легко, сейчас мы в безопасности, и никто серьезно не пострадал.

Если не считать Хариса ад-Дина аль-Банни и всех нас, с тоской глядевших в высокое небо.

— Скажем спасибо и за это да вернемся к делам, — закончил я. — Когда мы со всем разберемся, сразу же вам расскажем.

Ага, если правительство разрешит.

— Обещаешь? — не поверила Вэл.

— Расскажем, как только это станет возможным, — твердо пообещал я. И ну его к черту, это правительство!

— Это вовсе не конец света, — вставила Джинни. — Неудача, но мы надеемся, что проект не завершен.

— Операция «Луна» до победного конца, — едва слышно добавил Бен.

— Я за операцию «Луна»! — закричала Вэл, поднимая руку.

— Операция «Лунатик», операция «Лунатик»! — подхватила Крисса.

— Дети, успокойтесь, — возмутился я. — Не забывайте, что это не дело всей жизни, а что-то вроде увлечения. Мы просто должны поставить проект «Селена» на ноги.

— Перво-наперво мы должны доесть завтрак, пока он теплый и его еще можно прожевать, — перебила меня Джинни.

И разговор пошел о спокойных домашних заботах, чего нам с женой больше всего и хотелось. Мы уже заканчивали завтракать, когда телефонный звонок свел на нет так старательно созданную домашнюю идиллию. За телефонами вообще такое водится.

Частичное оживление обычно происходит, когда созваниваются люди, симпатизирующие друг другу. На мгновение я даже обрадовался. К открытой двери подлетел экран и повис в воздухе.

— Звонок от доктора Грейлока, — произнес он.

— Эхей, дядя Уилл! — выпалила Крисса, подпрыгнув на матрасе. Для нее он воплощал веселье, шутки, забавные песенки и рассказы, а то и игрушки со сладостями. Вэл с Беном тоже просияли. С ними дядя беседовал и играл, с ним всегда было интересно, и они ему безоговорочно доверяли. Джинни особой радости не проявила.

— Давай, — сказала она. Экран подплыл к постели и уместился прямо между нами. Жена махнула рукой.

На экране нарисовалось лицо ее брата. «Постарел, — подумал я. — Неужели Уилл так сдал за одну ночь?» Когда он заговорил, его голос дрожал.

— Джинни, Стив, с вами ведь все в порядке? Я только что узнал, что произошло. Это ужасно. Но объявили, что смертельных случаев не было.

— Ты так долго проспал? — поразилась она. — Что с тобой? Ты бледный, как мел.

— Отвратительно провел ночь. Я могу подъехать к вам? У меня возникла идея, может, и неправильная, но мне кажется, что мои проблемы связаны с тем, что случилось в Твердыне.

У меня мороз прошел по спине. Учítывая, какое значение имеет работа Грейлока для нашего дела... И будущего...

— В любом случае твои идеи могут пригодиться для следствия, — вякнул я.

Джинни предостерегающе подняла руку.

— Мы как раз собирались взяться за это дело, — сказала она. — Как насчет одиннадцати часов? Постарайся приехать незаметно. Журналисты нам нужны, как собаке пятая нога.

Он кивнул. Связь прервалась.

Я оглядел наших отпрысков.

— Слышали, детвора? Боюсь, что, пока дядя будет у нас, вам придется где-нибудь погулять.

Крисса нахмурилась.

— Бедный дядя Уилл, он больной? Я могу собрать ему цветочков.

— Нет, спасибо, милая, — сказала ей Джинни. — Он хочет поговорить с нами наедине. Ну, вроде того, как ты шепчешь на ушко секреты нам с папой.

— А на взлете его не было? — поинтересовался Бен. — Так в чем же дело?

— Это мы и хотим узнать. — ответил я. — Совершенно секретно!

Бен обожал фильмы про шпионов. Я без зазрения совести попер оттуда фразу:

— То, чего вы не знаете, вы не выдадите врагу. — «И не сможете в невинной болтовне разгласить какие-нибудь факты, которые могут быть использованы против нас».

— Эй, не пугай их, — сказала Джинни. — Ничего страшного в этом нет, мои дорогие.

Бен поднялся, спина прямая.

— Я знаю свой долг.

Славный маленький герой.

— Вэл, вы, наверное, можете втроем погулять в парке, — предложил я.

Наша старшенькая тоже встала. Маска милой девочки сползла с ее лица. Я почти услышал, как она разбивается об пол.

— Я так понимаю, что меня снова определяют в няньки? — воскликнула она, пылая от негодования. — Пока не закончится все самое интересное? Не выйдет!

— Но...

— Ты же вчера мне обещал! Ты обещал, что никогда больше не посадишь меня следить за детьми! Это нечестно! Это гадко! — Она сжимала и разжимала кулачки. — Ты... ты... волкобрех, вот ты кто!

По идее, нам бы следовало отшлепать ее за неуважение. Но ведь она так надеялась, что мы расскажем ей всю правду, а вместо этого ее принялись закармливать байками, как и НАСА... Нет, она как-то сказала, что отдел НАСА по общественным связям «кормит дурками», так что разница все же есть. Одним словом, мы не только желали избавиться от нее, как от младенца, а еще и ставляли опять сидеть с младенцами.

— Ладно-ладно, это было просто предложение, вовсе не обязательное, — дал я задний ход. — Почему бы тебе не позвонить Ларри Веллеру, сходили бы в кафе или в кино?

Насколько я знал, это был ее старый ухажер, который более всех остальных тянул на постоянного парня. Страсти вокруг нашей дочери разгорались все жарче.

— С ним? — взывала Вэл. — С этим придурком? — Она призвала на помощь всю свою гордость. — Нет, спасибо большое.

Только Вэл ворочала словами, словно булыжниками.

— Я останусь в своей комнате, если вы позволите, — процедила она. Ей бы еще хвост трубой — и готовый Свартальф в боевой трансформации!

— Женщины! — умудренно произнес Бен с высоты своих десяти лет.

— А я? — спокойно заметила Джинни.

— Ну, девчонки. Гормоны играют!

«Подожди, когда у тебя они заиграют, — подумал я. — Что тогда будет, господи всех нас спаси!»

— Я пригляжу за Криссой, — предложил Бен. — Ты не против, сеструха? Сходим в детскую и посмотрим мой парк юрского периода.

Да, речь не мальчика, но мужа.

— Жестокие забавы, — выдал я очередную реплику из «Совершенно секретно». — Необходимо задержать ее там часа на два-три.

— Так точно. Еще можно поставить ей мультики про Великую Сову по дальновизору. Она их смотрела не очень часто, правда, Крис? А я займусь новой игрой, недавно достал.

— Великолепно! — заключила Джинни. — Я приготовлю для вас что-нибудь перекусить, а потом ланч, если потребуется. Надеюсь, Валерия тоже соизволит пообедать. Можете двигать отсюда не раньше чем без четверти одиннадцать... если ничего не случится.

Правильно добавила. Мало ли что...

— А мы пока приведем себя в порядок. Все, увидимся попозже.

— Хочу посмотреть, как траннозар нападает на игудонов, сейчас! — заявила Крисса. — Можно?

— А то! — согласился Бен. Малышка спрыгнула с кровати и взяла брата за руку. Они вышли. Какие хорошие, послушные детки...

Валерия была хорошей, не особо послушной, но она тоже ушла.

— Так что там у них с Ларри случилось? — спросил я.

— Будем считать, что я тебе ничего не говорила, — тихо начала Джинни. — Она рассказала мне на следующий вечер, вся в слезах. Но при сложившихся обстоятельствах... Парень принялся тянуть руки куда не следует. Ей пришлось наложить на него слабые чары, чтобы успокоить. Хорошо, что я ее научила, как это делается.

Эти заклятия начинали преподавать детям более старшего возраста, но Вэл расцвела много раньше...

— Он сразу привел ее домой, но не соизволил произнести ни

слова, — закончила Джинни. — Ты как раз уходил перекинуться в покер.

— Вот дрянь! — взвился я. — Свинья! Почему ты раньше мне не рассказала?

— Зачем? Ситуация крайне запутанная, и ты должен понимать все, что происходит...

— Когда я его поймаю, Локи позавидует...

— Понимать все, что происходит, и отделять важное от незначительного. Стив, успокойся. Луна, звезды, хорошенькая девушка — как бы ты себя повел на его месте? Полагаю, что она особо не отталкивала Ларри, пока он не зашел слишком далеко. Мне он показался не дураком. Валерии пришлось сражаться с собственными эмоциями, и из-за этого она еще больше рассердилась на него. Пока ее гнев не прошел. Бьюсь об заклад, что парню сейчас много хуже.

— Ну, ладно, чего там, — смущенно пробурчал я. Действительно, ничего непоправимого не произошло. Пока никто из этих молодых остолопов, которые постоянно клянутся к моей дочке, не оказался достойным ее. Ларри был из самых приличных. К тому же я припомнил свои юные годы. Отвратительнейший возраст. А самое отвратительное то, что в этом возрасте люди обычно отвергают помощь со стороны тех, кто уже отмотал свой срок.

— Можешь гордиться ею, — заметила Джинни. — Это больше, чем... чем дорого ценить себя. Она смотрит в будущее и ставит высокие цели.

Я неуверенно кивнул. Если Вэл так крепко держит в узде свои чувства, если она готова отказаться от них ради Искусства, как и ее мать, если наследственность отражается и в том, о чем ей мечтается, то, боюсь, она останется девственницей, пока не получит степень магистра.

— Это тяжело, — закончила Джинни. — Я-то знаю.

И тут же соскочила с кровати.

— Вставай, лежебока, — подогнала она меня.

Я поднялся. Ворон тоже взлетел с насеста. Я брился, одевался и приводил себя в порядок совершенно механически. Эдгар принялся каркать. Он тварь не злобная, может, даже гениальная. И хотя он умел более-менее внятно произносить несколько слов, он так и не сказал «привет», только каркал. Потом уселся на шторе для душа, навис против ламп, словно кусочек ночи, и напомнил мне, что воронов считают вещими птицами. Что он нам пророчит?

А потом я задался дурацким, но совершенно естественным для отца вопросом: как может молодая девушка, начинающая ведьмочка, так поставить вас с ног на голову, колдунов, демонов и ангелов?

ГЛАВА 4

Второе августа властно входило в свои права, когда мы спустились в зал. Свартальф растянулся на широком подоконнике. Солнечные лучи тонули в его гладкой черной шерстке. Он был похож на меховую шапку.

Джинни подошла к нему и пощекотала шею и за ушками. Свартальф открыл один наглый желтый глаз и чуть слышно заурчал. Эдгар, который до сих пор восседал на ее плече, наклонился к коту и внятно произнес:

— Поздравляю, старый засранец.

— Веди себя прилично, птица! — возмутилась Джинни. И шлепнула ворона, не сильно, но многообещающе. Свартальф выпустил когти и заворчал. К счастью, дальше он не пошел. То ли он не расслышал ворона, то ли просто поленился покидать уютное лежбище. Искусство Джинни помогало коту сохранять здоровье, но вернуть ушедших лет оно не могло. Он был не дряхлым, а скорее почтенным для кота годов, во всяком случае, он в каждом вызывал почтение с первого взгляда. И если он все еще доминировал среди окрестных котов, то не благодаря удали, а хитростью и изворотливостью. Конечно, он сильно растолстел, и его уже невозможно было подвигнуть на магические дела, по крайней мере, так заявила Джинни и отправила кота на заслуженный отдых, как почетного пенсионера.

Нельзя сказать, что Свартальф и его преемник ненавидели друг друга. Это можно назвать профессиональной ревностью, которая время от времени приводила к сваре. Все началось с того, что Эдгар нагадил коту на голову. Не сказал бы, что специально, но уж слишком точно он попал. Кот подобрался, прыгнул и едва не смыл позор кровью врага. Джинни предотвратила смертоубийство. Свартальф отступил. Вернулся он с медалью в зубах, одной из тех, что получил в награду от таких прославленных учреждений, как Университет Трисмегиста, армия США, Евангельская лютеранская церковь и Американское Математическое общество. Он положил медаль на пол под насестом Эдгара. Когда ворон хорошенько разглядел блестящую штучку, которые

обожают собирать его сородичи, Свартальф унес медаль и вернулся со следующей. Потом показал следующую, следующую, и так до конца. Эдгар был раздавлен.

Я подошел к другому окну и выглянул на улицу. На нашем заднем дворе росло старое хлопковое дерево, которое давало густую тень, за ним виднелся сад. Но сразу за лужайкой коричневатой травы начиналась дорожка, выведившая на асфальтированную дорогу, над которой дрожало жаркое полуденное марево. По то сторону дороги теснились дома, похожие на фермерские ранчо, вокруг которых вырубил все деревья. А над ними синело яркое безоблачное небо. Их куклы-эскимосы наверняка уже устали охлаждать воздух...

Нам повезло, что мы переехали сюда. Наш дом, сложенный из рыжеватоого кирпича и покрытый красной черепицей, долгое время стоял на самом краю города. Добротное, на славу выстроенное жилище. Вокруг него, как грибы после дождя, возвелись пригородные домишки. Только грибы не растут на цементе, под аккомпанемент молотков и дрелей.

Грант застроили вообще под завязку, поскольку он расположен неподалеку от Твердыни и всего, что к ней прилагалось. Мы решили поселиться в Галапе, в пятидесяти милях к западу. Плевать на расстояния. Сверху видны величественные пейзажи, которые люди превращали в черт знает что такое. В Галапе сохранились черты прежнего Юго-Запада, было довольно места для детей, а Джинни получила прекрасную базу для того, чтобы вернуться к работе консультанта. Дело в том, что в этой местности проходили ежегодные религиозные церемонии индейских племен. Что давало великолепную возможность исследовать и обучаться их видам магии, даже для бледнолицей женщины. При условии, конечно, если у нее есть на то способности. Не последнюю роль сыграло и то, что неподалеку на юге находилось пуэбло зуни.

— Какая мирная картина, — я постарался выразить свои чувства. — Прошлая ночь кажется теперь кошмарным сном.

— Ты перепутал, — ответила Джинни. — Мир вовсе не является нормальным состоянием. Твое собственное тело — это поле для битвы, которая происходит каждое мгновение. Чего же еще ждать от мира и любой другой точки вселенной, кроме Небес — если только Небеса не находятся в другом измерении, в чем я лично сомневаюсь, — неужели они должны как-то отличаться? Я полагала, что ты чему-то да выучился.

Странно, обычно она никогда не читала мне нотаций.

— Ты волнуешься? — спросил я.

— А ты уже все забыл?

— Нет, конечно. Но, оглядываясь назад, я думаю, не столкнулись ли мы с чем-то посерьезнее старикашки Койота. Есть в этой ситуации легкая доля юмора — черного, грубоватого, но не злого.

Уже договаривая, я пожалел, что не смолчал. Мои беспечные слова напомнили, как однажды мы с женой боролись с самым настоящим абсолютным Злом.

Джинни заметила, как я вздрогнул, и встала рядом.

— Койот и сам по себе тяжелый случай. Но он не смог бы сломать защитные заклęcia и наделать всех бед в одиночку. Если причина действительно кроется в нем, значит, кто-то направлял его и помогал. Кто? Как? Почему? Последний вопрос — самый важный. — Воодушевление, которое охватило Джинни минуту назад, начало спадать. Голос дрогнул. — Что же мучает Уилла?

Я обнял ее за талию. Мы стояли, не говоря ни слова. Время от времени по дороге громыхали телеги, над домами проносились метлы, а вдоль тротуара шагали прохожие или собаки. Затем на нашу парковочную площадку степенно опустилась «Вольво».

— Это он! — вскрикнула Джинни и бросилась к парадной двери.

Я пошел следом и повнимательней пригляделся к брату моей жены. Он был на пару дюймов ниже меня, к пятидесяти отрастил солидный живот, но сохранил быструю и пружинящую походку. Сейчас он шел тяжело, безвольно опустив плечи. С его круглого, горбоносого лица, казалось, слетела последняя искра жизни. Внезапно я заметил, как сильно он поседел: в коротких волосах и бородке на манер Ван-Дейка стало куда больше серебра.

Но когда он пожимал мне руку, она была твердой и надежной, а зеленые глаза ярко горели за стальной оправой очков. Над вездесущими джинсами красовалась желтая шелковая рубашка и кулон долголетия, что делало его внешность почти вызывающей. Грейлока, среди всего прочего, интересовали Китай и его культура. Он знал историю Поднебесной, ее язык, несколько раз посещал эту страну как известный астроном и как турист и завел там много знакомств с коллегами и людьми других профессий.

— Заходи, — пригласил я. — Присаживайся. Кофе, лимонад, пиво? Надеюсь, что ты останешься на ланч.

— Спасибо, ничего не надо, — тяжело промолвил он. — Разве что закурю, вы не возражаете?

— Пожалуйста, — хором ответили мы: стандартно вежливый ответ на стандартно вежливый вопрос. Подставили пепельницу.

Мы с Джинни бросили курить много лет назад, но не стали косо смотреть на заядлых курильщиков. Главное, не дымите нам в лицо, а тем более на наших детей.

Уилл опустил в кресло, вытащил трубку и кiset, набил ее. Честно говоря, мне очень нравится аромат табака, который он курит.

— Я не помешал? — осведомился Уилл. — Мне казалось, что в это время вы будете заняты.

— Напротив, — возразила Джинни. — Прежде чем лечь спать вчера ночью, вернее, сегодня утром, я послала всем клиентам сообщение, что сегодня приема не будет. Да их и было трое или четверо, так что ничего страшного.

Клиентам она сказала, что должна помочь мне.

— Ну, а инженерные работы пока приостановлены, — сказал я. — Так что мы оба в твоём распоряжении, Уилл.

— Любезно с вашей стороны, — вздохнул он. — Свалился я на вас со своими печальями, как снег на голову.

— Ерунда, — фыркнула Джинни. — Надо было сразу приходиться.

— Тем более, — заметил я, — ты сказал, что они могут быть как-то связаны с нашими печальями.

Он выпустил облачко голубоватого дыма и нахмурился.

— Возможно, это просто дурацкое совпадение. — Минуту помолчал. — Правда, мой доктор осмотрел меня и ничего не нашёл, как и колдун, к которому я обратился.

— Я могу попробовать, — замялась Джинни.

— Милочка, во-первых, я знаю, что ты не станешь брать с меня денег, а мы, Грейлоки, привыкли платить по счетам. Если только не прижмет как следует. Во-вторых, и в-главных, меня обследовал Остин Яззи — Певец Навахо, поскольку я считал, что мог подвергнуться какому-то местному воздействию.

— А, Яззи! Он хороший человек. Охотно признаю, что в магии Юго-Запада я почти что полный профан, после всего-то пары лет здесь. Я кое-что узнала от зуни, но ничего определенного, что можно тебе посоветовать.

— А еще полно других навахо или хопи, с кучей разных богов, божков, духов и гоблинов, — внес и я свою лепту.

Уилл не удержался и поправил меня:

— Несмотря на языковые различия, я установил, что все эти народности придерживаются одной веры. В наше время это означает, что все они обладают одинаковой «степенью понимания». Но поскольку я как раз был в резервации навахо, к югу от

Рамы, когда все... когда это случилось... ну и, естественно, я пошел посоветоваться с местным шаманом.

Джинни даже подалась вперед.

— Ты никогда нам об этом не рассказывал.

— Я не думал, что вам это интересно. И сейчас не думаю. Так, догадки, *faute de mieux*¹. Но, если ты помнишь, где-то год назад я сказал вам, что узнал одну вещь, которая переворачивает все мои изыскания вверх дном.

Я кивнул.

— Это после того, как ты усовершенствовал свой прибор, да?

Я имел в виду его спектроскоп, изобретение Уилла, которое десять лет назад потрясло современную астрономию и невероятно усилило общественный интерес к космическим полетам — когда открылось, что на Луне обитают невидимые живые существа.

— Не совсем. Еще раньше я обнаружил признаки того, что эти Создания, кем бы они ни являлись, далеко не такие хорошие, как представлялось вначале. Несколько знакомых исследователей в разных странах пришли к одинаковому результату. Мы ничего не стали публиковать, а сохранили это в тайне, поскольку не имели точных доказательств. Характеристики поляризации лунного света чертовски трудно измерить, отделить друг от друга и выявить изменения во времени, а потом еще расшифровать. — Трубка Уилла задрожала в руке. — Но это вы от меня уже слышали или читали в «Магической Америке» и «Паранормальной Истории». Чего вы не знаете, так это того, что изменения хаотичны и фрактальный анализ близок — близок! — к тому, что эти Создания имеют дьявольскую природу.

Я забыл, как дышать. Джинни закаменела.

— Потому ты и сделал спектроскоп с большей чувствительностью? — догадалась она.

— Да. Ну, мне он и так был необходим. Проем побольше, драконья шкура дает лучшую дифракцию и...

Уилл сел на своего любимого конька, на мгновение даже расцвел, но Джинни грубо оборвала его:

— Без подробностей. Почему ты не дал мне взглянуть на результаты? У меня такой нюх на дьявольщину, что сама иногда жалею.

— Я же сказал, они слишком недостоверны. Информация обрабатывалась бесчисленное количество раз, ошибки всегда возможны, а результаты с тем же успехом могут свидетельствовать и

¹ За неимением лучшего (*фр.*).

о том, что лунные Существа построили казино и универсальный магазин. У меня есть только догадки, что у них там что-то идет неправильно. Некоторые мои коллеги согласились, некоторые нет. Все сошлись на том, что нам нужны более точные сведения.

Он помолчал.

— У меня были средства, были кое-какие идеи. Я работал в одиночку и в тайне, потому что вам известно, как дураки умеют портить все дело. К этому июлю я построил новый прибор и настроил его по анху, тетраграмматону и перевернутой пентаграмме. Очевидно, придется повозиться, чтобы вызвать оттуда кобольдов. В полнолуние, когда Луна находилась ближе всего к Земле, я поехал с ним в пустыню для проверочных тестов.

Уилл запнулся. Его трубка дымилась, как погребальный костер Зигфрида. Он собирался с силами, чтобы продолжить, но Джинни подогнала его:

— И что произошло?

Он снова вздохнул.

— Не знаю точно. Может, э-э, пузырек горчичного газа, или что там Скрудж сказал призраку Марли... Прежде такого не бывало... — У него сорвался голос. — Понимаешь, Вирджиния, это было что-то другое!

— Расскажи, — мягко попросила его сестра. — Будет легче.

— Едва ли я могу все пересказать, я и сам не очень понял, в чем дело. Возможно... о, я как раз размышлял о японской принцессе Тамако. Да и кто тогда о ней не вспоминал?

Я, например. Я воспринимал те несколько дней мировой скорби и печали, как повальную истерику. Вправду, такой страшный конец бурной и горькой судьбы — настоящая трагедия, но трагедии случаются каждый день, а мы их чаще всего не замечаем.

Уилл заставил себя вернуться к рассказу.

— Ну, я провел такие же наблюдения, как и раньше, потом залез в спальный мешок, чтобы вздремнуть и вернуться к исследованиям до захода луны. Вокруг все было серебристое под ее светом — песок, трава, камни. Звезды казались такими чужими и холодными, вдалеке... Неважно. Я заснул. И увидел кошмар. Наверное, я крутился и дергался во сне, потому что, когда проснулся, обнаружил, что скатился с надувного матраса. Продолжать исследования я больше не мог. У меня тряслись руки, я делал ошибку за ошибкой. И с тех самых пор, вот уже два месяца, моя работа летит коту под хвост. Мне не хватает сил, все мысли из головы куда-то вылетают, я гублю эксперимент за экспериментом...

Он зябко передернул плечами.

— Доктор считает, что это депрессия, и даже выписал мне рецепт. Не помогло. Певец сказал, что это похоже на проклятие или какое другое недоброе влияние, и попробовал Путь Врага. Тоже не помогло, так что он отступился.

— Путь Красоты не применишь до самой зимы, — задумчиво сказала Джинни. — Слишком долго ждать, и может статься, что он тоже бессилён. — Она прищурилась. — Ты помнишь эти кошмары?

— Смутно. Страшные, злые твари и... и китайские иероглифы, которые сплетаются, как клубок змей... Но то... та гадина, что ко мне приходит, кричит на разных языках. Похожа на женщину, в хламиде с широкими рукавами, волосы развеваются. Она раскрывает рот, полный зубов... — Уилл содрогнулся. — Примерно так. Остин Яззи ничего из этого не вытянул.

— Может, это не его профиль... Ладно, что было прошлой ночью?

Уилл нахмурился. Я прямо почувствовал, как он осторожно копается в своих страхах и переживаниях перед тем, как выудить их на свет.

— Я уже говорил, что весь день ощущал себя последней развалиной. Под конец я свалился в кровать и заснул. Повторился тот же кошмар с этой отвратительной женщиной. Она... она ездил на мне, как на лошади...

— Как гаитянские оби скачут на молящихся? — я попытался продемонстрировать свои познания.

— Нет-нет, — возразила Джинни, — это так говорят, а на самом деле никто ни на ком не скачет. К тому же оби — существа добрые.

— А я выразился буквально, — продолжал Уилл. — Что до молитв, я не ощущал ни восхищения, ни экзальтации, ничего хорошего. Было холодно, как в могиле, дул ветер, она погоняла меня хлыстом... Пока у меня не помутилось в голове.

Он встряхнулся. Голос его окреп.

— Хватит. Мне уже не стыдно за свои жалобы. Если вчера мы видели происки Врага, а это наверняка его происки, неудивительно, что он нападает на меня. Я ведь имею прямое отношение к проекту.

— Самое прямое, — пробормотал я.

— Но ты полагаешь, что они действуют еще коварней, — предположила Джинни.

— Гм, когда я проснулся, встал с постели и отправился в ванную... Не считая того, что я чувствовал себя избитым до полу-

смерти, я заметил пыль у себя на ногах. Приглядевшись получше, обнаружил следы пыли и на ковре. Я страшный аккуратист, Вирджиния, ты знаешь. Да, в обед я выходил на прогулку, надеялся, что свежий воздух пойдет на пользу моим нервам. Возможно, в том жалком состоянии духа я не обратил внимания, что на следил. Одним словом, не помню. Исходя из нависшей над нами угрозы, я все вам рассказал. Возможно, что это полнейшая ерунда.

— А вы, ученые, постоянно твердите, что не бывает лишней информации, — улыбнулась Джинни. Улыбка получилась кривой, как и сложившиеся обстоятельства. — Ты был абсолютно прав, что решился все рассказать. Все, что у нас есть, так туманно...

Зазвонил телефон.

— Личный разговор с доктором Матучек от известного ей лица, — объявил аппарат.

— О, черт! Простите.

Джинни встала и подошла к телефону. Естественно, экран она не включала, а трубку поднесла к уху. Мы с Уиллом не отличались любопытством, но, кажется, разговор касался только моей жены. Мы сидели, а в голову никак не шло начало непринужденного разговора.

— Да... — услышал я. — Правда? Так вы в порядке? А, понятно. Да-да, я понимаю... Противные газетчики осаждают ваш дом... Давайте сделаем так. Вы выходите и говорите им: «Никаких комментариев». Конечно, они увяжутся за вами, но... Знаете салун Сипапу на Шошонской улице? Ага. Возьмете такси. Будете там в... двенадцать пятнадцать. Закажите пиво или еще что, отхлебнете и выйдете в туалет. Даже дамы-репортеры едва ли рискнут потащиться за вами туда. Я буду вас там ждать с шапкой-невидимкой. Мы доберемся ко мне, где и попробуем решить вашу проблему. А потом мы вызовем такси, и вы спокойно отправитесь домой... Всегда рада помочь. В такой неразберихе всегда нужно искать конкретные решения... Хорошо, в пятнадцать минут первого в салуне Сипапу.

Она положила трубку и повернулась к нам.

— Извините, мальчики, но я вынуждена вас ненадолго покинуть. Надеюсь, вы отнесетесь снисходительно к леди, которую я привезу, — не станете любопытничать и сплетничать. Пойду займусь своим снаряжением.

Эдгар вспорхнул со спинки кресла и опустился на ее плечо. Джинни ушла. Свартальф дремал, Валерия дулась, а Бен с Криссой играли в детской. Я остался наедине со своим незадачливым родственником.

ГЛАВА 5

Первым молчание нарушил я.

— Эй, как насчет чашечки кофе? Или ты, кажется, предпочитаешь китайский чай? У нас есть «Лапсанг Сучонг», который тебе так нравился.

— Спасибо. Неплохо бы. — Он потопал следом за мной на кухню. В нем проснулось обычное, несколько профессорское чувство юмора. — Было бы лучше, если бы я «остался у зеленых берегов, курил смешную трубку, пил чай и слушал глупые советы с глупой улыбкой»? Китс не прав.

Понятия не имею, откуда он выдрал эту цитату, а спрашивать не стал. Я рос в маленьком городишке, меня заприметил талантливый голливудский режиссер и предложил роль в фильмах вроде «Зова предков» и «Серебряного вожака». Потом случилась война с Халифатом, и армия нашла лучшее применение моим способностям. После войны я учился инженерному делу на свою солдатскую пенсию, потом начал работать на «Норны» на Среднем Западе, а после перевелся сюда, на Юго-Запад. Я полагал, что чему-то научился, пока меня бросало по свету, но никто не оказал на меня такого влияния, как жена. Конечно, она заставила меня проштудировать гору книг, изучать историю, мировую литературу и тому подобное. Но я до сих пор любил возвращаться в родной городок на День Благодарения, когда весь клан собирается вместе, и вести обычные разговоры обычного городишки. Джинни всегда держалась там на высоте, бывала мила и очаровательна и постоянно уверяла меня, что ей это интересно и она нисколько не скучала. Я держал свои подозрения при себе и был ей благодарен.

Неудивительно, что нью-йоркские Грейлоки — семья с укоренившимися интеллектуальными традициями, и Матучеки из калифорнийского Уотсонвилля им не чета.

Мы зашли на кухню.

— Жаль, что это не мой дом, — заметил Уилл.

Сам он жил в маленьком домике в старой части Галапа, приспособленном на одного жильца и совершенно не рассчитанном на книжные завалы. Комнат там было раз-два и обчелся. С тех пор как Уилл пристрастился к кулинарии, он иногда приезжал к нам и закатывал банкет на всю нашу братию.

Его слова свидетельствовали, насколько он измотался, ведь Уилл обычно не повторялся, а эту фразу я от него уже слышал.

Я оглядел испанский кафель, полированную эмаль и деревянные панели и наконец нашелся, что сказать на отвлеченную тему.

— Да, здесь хорошо. Только, признаться, я скучаю по домовому, который у нас когда-то жил.

— Так вы говорили, что он озорничал, — отозвался Уилл, стараясь поддержать непринужденный тон беседы.

— Не особо, в основном дразнился, пока мы не запретили Свартальфу гоняться за ним. Бывало, он играл с Вэл, а потом и с Беном, когда они были маленькими. Соседские дети лопались от зависти, у них-то не жил никто из таких Созданий. Жаль, что Крисса не застала его. Тогда я и приучился перед отъездом ставить плошку с молоком для домового, потому возвращался быстро.

Уилл усмехнулся.

— Да, я помню наших, с Лонг-Айленда. А разве у индейцев нет маленького доброго народца?

— Никогда не слышал. Злые есть. Джинни тебе много чего о них расскажет. В этом смысле европейцам сильно повезло.

Я слышал о планах по перевозке маленького народца. За морем их развелось бог знает сколько. Только вот кому это надо? Наши американские феи, оборотни, домовые и другие Создания прибыли сюда в начале столетия, сразу после Пробуждения. Для них это был новый чудесный мир, и если человеческая семья, к которой они привязались, ехала за океан, Создания отправлялись следом. В то же время многие приноровились к новым условиям и на старом месте. Например, гномы пришли очень кстати в индустриальных районах.

То же можно сказать и о «мифических» животных. Такие полезные тварюшки, как единороги, встречаются повсеместно, но вот в канадских лесах вы скорее натолкнетесь на вендиго, чем на лешего; нескольких выживших огнедышащих драконов больше не используют в военных целях — да и пользы от них кот наплакал, — так что их поместили в разные зоопарки Европы. И так далее.

Тут я сообразил, что снова впал в дурную привычку мысленно отталкиваться от неприятной реальности. Я завозился с чайником, заварочным чайничком и печкой. За моей спиной зазвучал голос Уилла:

— Да, древний народ может быть иногда милым или забавным. Но далеко не все, которые Проснулись.

Наверное, он вспомнил о своих с Джинни родителях — чудесных, талантливых людях, которые не вернулись из отпуска за

границей. На них напал злобный, недавно пробудившийся, а потому ничего не соображающий грифон, слетел с балканского пика и сбил их метлу. Я не знал, чем утешить это старое, вьвшееся горе. Но когда он снова заговорил, стало ясно, что он мыслил шире:

— Нет, злые существа никогда не вызывали особых затруднений, мы смогли усмирить их, как когда-то усмирили тигров и волков.

Он запнулся, и печаль в его голосе сменилась смущением.

— Ой, не обижайся, Стив. Ты понимаешь, о чем я говорю. Тем не менее злой разум — включая и человеческий, особенно теперь, когда к людям вернулись древние силы...

Я поставил чайник на огонь и повернулся к нему. Так, подумал я, сказываются ночные кошмары. Его потянуло в отвлеченные, умозрительные рассуждения, чего раньше не случалось. А раз он уверился, что существует связь между его кошмарами и катастрофой в Твердыне, то и давление на него должно усилиться, а ведь Уилл уже два месяца живет как в аду.

Возможно, капля здравого смысла прочистит ему мозги.

— Послушай, — начал я, — мы знаем, что Враг проник во все закутки Вселенной, по крайней мере туда, где обитает павшее человечество. И если сейчас его агенты, демоны или еще кто, выступают почти открыто, впервые за многие века, то нам следует встретить их во всеоружии и побороть. Любыми средствами, будь то экзорцизм или волшебство. Что до человеческих грехов — да, кое в чем демоны преуспели, но кое до чего и не дотянулись. А ведь могли. Например, тибетские молитвенные колеса, которые вращаются и не допускают применения ядерного оружия... Надеюсь, и не допустят.

— Гм-м, правда, — признал он.

— А наука и производство? — не унимался я. — Чем бы ты занимался, если бы не магия?

— О, я все равно стал бы астрономом. — Он мгновение поколебался. — А может, и не стал.

Тут уже я запнулся. Насколько мне известно, он всю жизнь бредил небесами. Женился поздно, а когда его супруга умерла бездетной, он остался вдовцом, хотя и провожал взглядом хорошеньких женщин. Исследования отнимали все его силы и время. А отцовские инстинкты он удовлетворял, исполняя роль дядюшки Уилла для наших детей.

Или мне так казалось? Я уже начал сомневаться.

Я не хотел совать нос в его дела, а просто собирался направить его мысли в более радостное русло.

— А Джинни? Конечно, ей привелось попасть в иную реальность и едва остаться в живых, но разве она достигла бы таких высот, если бы не было магии?

Истинно высот. Когда они с Уиллом осиротели, он нанял адвокатов, нашел нужные связи и оттягал право стать опекуном сестры. Поступив в Гарвард, он, правда, не мог ничего сделать, кроме как отдать ее в лучшую школу-пансионат. Одиночество, талант и целеустремленность, как раздутые паруса, пронесли Джинни через годы в школе и колледже, так что свою магистерскую степень она получила в семнадцать. Жажда знаний не уходила, и она заставила брата снова потеревить старые связи и на следующий год устроилась на работу в нью-йоркском рекламном агентстве, которое специализировалось в стихийных и других паранормальных областях. Помешала война, которая научила Джинни независимости. Тем не менее после войны она вернулась к учебе и получила степень доктора философии. Замужество и дети снова увели ее от науки. Но мне интересно, сколько высококолых профессоров смогли бы выжить в самом сердце Пекла, откуда мы с победой вернулись домой? Теперь она твердо стоит на ногах, помогая людям решать их проблемы. Получает она несравнимо больше меня. Но я не ревную, а горжусь. Однажды она сказала со смехом, что самцы волков никогда не сомневаются в своей мужественности.

— Молодец девочка, — кивнул Уилл. — Если какой демон перейдет ей дорожку, боже спаси того демона.

Больше он не шутил. Но я хотя бы смог поднять ему настроение настолько, чтобы он начал смотреть на вещи философски.

— Да, спорный момент, — задумчиво произнес он. — А что, если бы Джеймс Ватт никогда не родился? Есть же бесчисленное число планет Земля, где его не было.

Чайник свистнул и выдал струю пара. Я залил заварочный чайничек.

— Но научная революция все же неизбежна — начиная хотя бы с примитивных паровых двигателей для откачки воды в шахтах, — заговорил во мне инженер. — Работы Карно по термодинамике, выводы Максвелла о том, как базовые принципы кардинально меняют результат. Нужно еще учитывать Фарадея, и Кельвина, и Герца... Длинный выходит список.

— Но ты же знаешь историю параллельных пространств и их

отражений, целую череду совмещенных реальностей. Ты даже побывал в одной такой.

Я скривился.

— Нижний Континуум — это кое-что иное. Там все отличается от нашего мира — геометрия другая, все искажено и вывернуто наизнанку.

И Создания там мерзкие. Демоны.

— Да, я просто неудачно выразился. Я имел в виду миры, которые *почти* похожи на наш.

— Джинни считает, что мы никогда не установим с ними связь. Слишком незаметная разница.

Меня как-то втянули в один такой эксперимент. Пустая трата времени. Мы так и не получили ответа на свои телепатические послания. Возможно, те, кто их получил, просто не знали, как ответить.

Заварочный чайник нагрелся. Я вылил воду, засыпал чай и залил свежим кипятком.

— Я пытался представить себе, как они могут выглядеть, — сказал Уилл.

— Многие пытались. — Нужно поддерживать разговор. — А о чем именно ты думал?

— Ну, представь... есть же миры, где такое бывает... представь, что Эйнштейн и Планк не встретились в 1901 году. И стали каждый по-своему объяснять парадоксальные открытия в физике последних лет девятнадцатого столетия. Вместо релятики мы получили бы отдельные теории релятивистского движения и квантовой механики и не смогли бы свести их вместе. Или вообрази, что Моусли через несколько лет не применил бы новые способы исчислений у себя в лаборатории и не вывел бы свойства холодного железа, которое высвобождает магические силы... Мы бы получили мир, где господствует бензин и электричество. Железные дороги были бы такими же, как наши, но люди ездили бы в основном на безлошадных каретах и летали бы на дирижаблях.

— И ты бы анализировал спектр, а не спектры.

— Если бы я вообще пошел бы в астрономы, — пробормотал он. Потом спохватился и громко добавил: — Сомневаюсь, что на Луне вообще что-то обнаружили бы. Все, что осталось от парприроды, не Пробудилось бы, осталось бы скрытым. А ведьмы и колдуны не были бы уважаемыми специалистами, а поголовно одними мошенниками и шарлатанами.

— А биологи недоумевали бы: к чему нужны некоторые части ДНК у таких, как я. Точно!

Я взял поднос, расставил чайничек, чашки, блюда и тарелочку с миндальным печеньем. Уилл пил чай как китаец — без молока и сахара, даже если сам напиток и рядом не стоял с китайским собратом.

— Политические и исторические параллели не менее интересны, — продолжил Уилл. — Думаю, что до 1900 года европейская война была неизбежной, но то, во что она вылилась и чем закончилась...

— Гм, да. — Сам-то я о таком не задумывался, так что мне стало даже интересно. — Вот у нас как было. Неожиданно народности, которые поддерживали, э-э, так сказать, магические традиции, обнаружили, что они работают. Они резко выдвинулись вперед, если не в теории, так на практике. Африканцы, австралийцы и наши индейцы, особенно местные племена. Да, они далеко ушли и как следует утерли нос бледнолицым. Утереть кому-нибудь нос — это же самое главное. Должно быть, там было бы совсем не так. — Я взял поднос. — Идем обратно.

Мы вернулись в гостиную. Я разлил чай. Мы пили и обсасывали косточки неизвестному миру. Сердце радовалось, глядя, как Уилл снова становится самим собой.

Тут появилась Джинни. Мы с Уиллом вскочили, поскольку за ней вошла еще одна женщина — Куртис Ньютон.

Выглядела она чудесно. Без сомнения, голова у нее была перевязана, но Куртис скрыла повязку под тюрбаном. Она сразу направилась ко мне и обеими руками сжала мою ладонь.

— Не было возможности поблагодарить тебя, Стив, за то, что спас мне жизнь, — пылко произнесла она. — Разве можно выразить это словами! И все равно спасибо!

— А, ничего героического сроду за мной не водилось. Рад, что смог помочь.

Я всегда испытывал стеснение рядом с ней — такой высокой, плечистой, рыжеволосой, как и моя Джинни, хотя Куртис всегда носила короткую стрижку. Вероятно, потому, что вся моя работа в астронавтике сводилась к инженерии, да и то по большей части мне магически помогала жена. А Куртис была одной из избранных, из тех, кто полетит!

Если только мы воскресим проект «Селена»... или добьемся существенных, именно существенных результатов в операции «Луна». Если, если, если.

Какое-то время мы вчетвером вежливо болтали ни о чем, но я отчетливо ощущал напряженность и вовсе не удивился, когда Джинни сказала:

— А теперь, если вы нас извините, мы с Куртис отлучимся. Ненадолго, а потом сообразим что-нибудь к ленчу.

И ушли в ее кабинет. Мы с Уиллом остались. Он проводил их долгим взглядом, а потом тихо выдохнул, так, что я еле услышал:

— Ожившая мечта.

Ого!

— Можешь, конечно, попытаться, — сказал я, — только учти, что у многих молодых людей возникают те же желания.

Он моргнул, потом рассмеялся.

— Идея великолепна, только не по мне. Я знаю пределы своих возможностей.

Он снова погрузился, правда, без мрачности. Я понял, что ему не удалось так скоро избавиться от тьмы в душе. Зато она зашла в глубину, отступившись от внешних чувств и мыслей.

— Я имел в виду, что капитан Ньютон может надеяться на то... что для меня было... сном в летнюю ночь, — тихо произнес он.

— Да? А я бы сказал, что ты ходил с ума только по науке.

— Но сначала... — Я видел, что он принял какое-то решение. Наши глаза встретились. — Стив, я никому, кроме Джинни, не рассказывал об этом, да и то под страшным секретом. Теперь я хочу рассказать и тебе. Что бы нас ни тревожило, мы должны держаться вместе. Я хочу, чтобы ты знал обо мне все. Кроме того, ты... славный парень. Моя сестра не могла бы найти лучшего.

— Брось, наверняка могла бы, — вспыхнул я. — Просто мне повезло. Но если ты решил мне рассказать что-то личное, я буду хранить это в тайне, покуда ты сам не освободишь меня от обещания.

Он кивнул.

— Я знал, что ты так скажешь и что скажешь искренне.

Мгновение он помолчал, потом заговорил снова:

— Можешь рассказать это, если возникнет срочная необходимость или после моей смерти. Это... очень личное, такого со мной больше не бывало. Потому мне трудно будет говорить. Тем более описать. Едва ли Сафо или Шекспир могли бы найти нужные слова.

— Понимаю, я сам ни разу не встречал приличных описаний о том, как оборачиваются и на что это похоже. Разве что у парочки хороших писателей, которые на своей шкуре это знают. Может, просто изложишь голые факты, а я сам как-нибудь додумаю остальное?

Он откинулся на спинку кресла, положил ногу на ногу, переплел пальцы и очень спокойно заговорил:

— Мне было пятнадцать лет. Да, я интересовался астрономией, но в равной степени меня интересовали бейсбол, парусники, резьба по дереву, путешествия, литература — хотя наши английские учителя постарались привить к ней ненависть — и особенно девушки. Если помнишь, жили мы на окраине Стони-Брука. Однажды летним вечером должно было состояться полное лунное затмение. Я решил пронаблюдать его от начала до конца, и чтобы никакая чернь под ногами не путалась. Самые большие снобы — подростки с претензиями на интеллектуальность. Мама приготовила для меня бутерброды, я взял их и ньютоновский телескоп, пристроил на багажнике велосипеда и поехал за город, на луг за десяток миль от города. Это были уже земли Брукхевена. Солнце уже село, когда я добрался до луга, — продолжал Уилл. — Я устроился в высокой траве, вокруг цвели маргаритки и стрекотали кузнечики. Деревья стояли, не шелхнувшись, стволы уже покрыла тьма, а кроны еще алели. Вдалеке виднелся какой-то домик, его окна казались упавшими с неба звездами. Настоящие, ранние звезды уже поблескивали в небе, которое постепенно из синего становилось фиолетовым. Воздух был неподвижен, начинало холодать, но отголосок дневного тепла и нагретой солнцем травы еще не исчез. Потом горизонт на востоке посветлел и взошла полная Луна, огромная и бледно-золотая, и залила все ярким светом... Я не упражняюсь в лирике, Стив. Я стараюсь передать ощущение места, где я очутился, — не просто луг, а — как у Дансени — «за гранями иного». Началось затмение, тень задрожала на самом краю диска. В телескоп я разглядел, какая четкая граница была у этой тени, и почему-то все стало казаться еще более мистическим. Не могу сказать, смотрел ли я дальше через трубу или собственными глазами. Зрелище полностью захватило меня. Помню, как задумался, почему это происходит... общая болезнь астрономов, не так ли? — но вскоре позабыл обо всем на свете, кроме ночи и этой Луны.

Он помолчал.

— До сих пор я не знаю, что ввело меня в транс, хотя кое-какие догадки есть. Но чему я не могу найти ответа и по сегодняшней день — почему это свалилось именно на меня, ребенка, практичного паразита. Наверняка за Луной следили и более взрослые, мудрые, лучшие люди, почему это не случилось с ними? Ладно, возможно, я просто был единственным человеком, который оказался в том краю, что они... захотели навестить? Это было так прекрасно!

У меня мурашки побежали по спине. Я тоже самый обычный

парень, но великие Силы встали за моей спиной, потому что предвидели, что будущее зависит от того, сумеем ли мы с женой совершить то, что должны совершить. А Уилл — ее брат. Едва ли то, что он мне рассказывает, всего лишь случайность, совпадение. В таком случае его скрытые способности... Но я не произнес ни слова.

— Когда тень начала закрывать диск, я почувствовал, что все больше и больше удаляюсь от своего тела, — продолжал он. — Вокруг все стало странным и незнакомым, воздух, земля, звезды, которые светили все ярче по мере затемнения Луны. Эта странность была диким и сладостным счастьем, словно мне улыбнулась девушка, в которую я был влюблен. И в то же время, как бы сказать... была там и примесь тревоги, даже страха... Полное затмение. Луна оставалась черным пятном, с красноватым окоемом, а роса на траве отразила звездный свет. И появились *они!* Они летали и кружились, танцевали и были повсюду — в воздухе, на земле, везде. Они спустились к своей великой матери, что была и моей матерью тоже, и матерью всего живого...

Уилл задохнулся, воспоминания нахлынули на него и затопили с головой. Я молчал. Вскоре он смог продолжать:

— Понимаешь, я точно видел их. Всполохи, оттенки, отблеск неземного света, мерцание, слабые тени... Волшебные огоньки в туманной мгле, а издали звучит песня, похожая на лучшие творения Баха или Моцарта... Едва заметные девичьи фигурки, если только воображение и их воздействие не сыграли со мной злую шутку. Длинные, струящиеся волосы и длинные просторные одежды, кажется, еще и крылья. А лица... так, должно быть, выглядели эльфы...

Уилл снова умолк. Поскольку он не заговорил и через минуту, я подал голос:

— Похоже на традиционное средневековое описание Волшебного народца. Не на жителей Полых холмов, или холмов сидов, или дольменов, которые опасны для смертных. Нет, это были скорее невинные духи лесов и полей, которые праздновали наступление тьмы. Помню, как в детстве я видел картинку в книге сказок: поперек валуна лежит длинное бревнышко, как качели, с одной стороны — ниссе, а с другой — дюжина таких Созданий. Они так и не смогли опустить бревно на свою сторону. Они похожи на ариэлей, вольных нимф, — сил особых нет, но и греха тоже. Может, они просто Божий дар, несут свободную радость и счастье в мир.

Уилл кивнул. И наконец принялся излагать просто факты.

— Я тоже так думал. То же самое я нашел и в фольклоре, а потом и в показаниях спектроскопа. Хотя любому явлению можно найти сто различных объяснений. Если они такие, как считаем мы с тобой, то все подозрения...

Глаза Уилла вспыхнули, он наклонился ко мне.

— Послушай! Представь себе этих безвредных, когда-то милых Созданий, Пробудившихся от электромагнитных колебаний релятивных сил. Мир изменился, появились железные дороги, паровые двигатели, машины, гигантские города, бескрайние фермерские поля и электричество. А дикая природа сохранилась только в отдельных уголках планеты. Кроме того, мир стал прагматичен, главенствуют в нем деньги и наука, и даже магия воспринимается всего лишь как новый вид технологии. И в этом мире все Пробудившиеся существа борются за место под солнцем... Что оставалось таким хрупким Созданиям? Превратиться в игрушки, домашних любимцев, стать развлечением для туристов? Или бороться за свободу? Я считаю, что они отправились на Луну!

Идея о том, что Луну населяют беглецы с Земли, не застала меня врасплох. Ее муссировали с тех пор, как Уилл опубликовал свои первые открытия. Разве что никто не рассматривал данную гипотезу с этой точки зрения. К тому же Уиллу нужно было выговориться, и следовало хоть что-нибудь ему ответить.

— Вариант, — глубокомысленно протянул я.

— Возможно, они уже путешествовали туда и обратно. В сказках об этом упоминается. Эфирные Создания могут летать в разнонаправленных гравитационных и пространственно-временных потоках. Но если они боятся прямого солнечного света, то путешествовать могут только в сумерках, то есть во время солнечных или лунных затмений. Полагаю, что они однажды собрались все вместе и мигрировали на Луну. Что им вакуум! Они построили какое-нибудь укрытие от солнца или же держались все время на теневой стороне. Ведь ночь там длится две недели. Они могли создать бесплотные, незаметные для нас дома, сады, озера, фонтаны, алтари... Но думается мне, что их постоянно тянуло обратно. То ли остались какие-то незавершенные дела, то ли с кем-то они поддерживали связь, то ли... Короче, некоторые возвращались и жили на Земле до следующего затмения, когда можно возвратиться. И мне довелось увидеть один из этих приходов.

— А дальше?

Он пожал плечами и чуть улыбнулся.

— Затмение кончилось, засияла Луна. Я не мог оторвать глаз от маленьких существ. К рассвету они улетели. То ли в лес, то ли к пещерам — туда, где могли спрятаться от солнца. Может, они наслали на меня сон, а может, я сам устал так, что задремал. Когда я проснулся и вернулся домой, прошло уже порядочно времени, так что родители задали мне хорошую трепку. Я не стал ничего рассказывать. Да и не смог бы. Родители не поверили ни единому слову той байки, которую я слепил в свое оправдание. Они были люди мудрые и не стали докапываться до истины. Но с тех пор я точно знал, кем стану.

«Его коснулась сказка».

— Может, они на это и рассчитывали, когда явились тебе? — предположил я.

— Естественно, я рассматривал такую возможность. Заговори они со мной или с кем другим — конечно, если они умеют говорить, — ничего не изменилось бы. Доказать я бы не смог, а кто бы поверил мне на слово? Но научные факты... Когда-нибудь люди доберутся и до Луны. Возможно, мы не будем застраивать спутник так, как застроили Землю. Наверное, стоит хорошенько подумать... проявить милосердие... не знаю. Так далеко я не загадывал.

Уилл нахмурился и тяжело добавил:

— Но спектроскоп показывает, что там, похоже, поселилось зло. А потом я пережил в пустыне кошмар, о котором рассказал вам. Если разобраться, это искаженное видение того чуда, что случилось со мной в детстве, но лунная программа потерпела крах, а значит, это был не просто кошмарный сон...

Телефон вспомнил о своей дурной привычке и снова зазвонил.

— Личный разговор с господами Матучек от известного им лица. Срочно, — равнодушным голосом сообщил экран.

— Гады! Прости, Уилл.

Я подошел к проклятому аппарату и включил звук.

— Стивен Матучек слушает.

— Федеральное Бюро Разведки, — объявил определитель, а потом вступил голос, которого я не слышал уже много лет: — Стив? Это Боб Сверкающий Нож, звоню из Вашингтона.

— Гм. Ага. Привет. Как дела?

— У меня — нормально, жена и дети тоже в порядке, надеюсь, как и твои. Слушай, Бюро расследует вчерашнее дело. — Не удивительно. — Когда я об этом услышал, я вспомнил, что там участвовали вы с Джинни.

— Ну, участием это трудно назвать, — осторожно ответил я. — Мы просто были рядом.

— Вспоминая случай с иоаннитами, позволю себе усомниться. Но в любом случае, Стив, мы друг друга знаем давно и, надеюсь, до сих пор питаем приязнь. Сдается мне, что ты и Джинни... — Он хохотнул. — Или Джинни и ты можете нам помочь. На этот раз вам — зеленый свет. Как только я услышал о происшествии, я внес вас в план. Полетите под сиреной, завтра будете в Альбукерке, потом до Гранта, и к десяти утра я жду вас у себя в отделе. Идет?

— Я и не знал, что у тебя там отдел.

— Пришлось, сотрудники только начинают собираться. — И сказал адрес.

Да, совершенно в его духе, мы бы так не сумели. Тем не менее... Ладно, потом.

— А почему в Гранте? — машинально спросил я. — Федеральный отдел находится в Галапе.

— Да, но Грант ближе к НАСА, свободы побольше. Ну как, приедете?

— Джинни сейчас занята. Я передам ей, а потом перезвоню, если что. Кстати, сейчас у нас ее брат, доктор Грейлок, который первым открыл на Луне живых Созданий. Он может знать что-нибудь важное. Может, прихватить его с собой? — Естественно, я не думал, что Уилл расскажет им все, что поведал мне.

Не часто бывало, чтобы Сверкающий Нож не находил, что ответить.

— Гм-м, ну, думаю, что не стоит. Мы с ним, конечно, поговорим, но я тут по-быстрому проверил и... Пока едва ли он может нам помочь.

Что за черт?

Мы расшаркались напоследок, я отсоединился и повернулся к Уиллу.

— Прости. — А что еще я мог сказать?

У нас сразу же упало настроение. Мы просто сидели, пили чай и обменивались ничего не значащими фразами.

Появление Джинни и Куртис разбило гнетущие чары. Женщины просто светились.

— Готово, — сказала Джинни. — Я принесу ленч. Дети будут счастливы присоединиться к нашей честной компании.

— Спасибо, — ответила космонавтка. — Не хочу надоедать, особенно после того, как тепло вы меня приняли. Но этот град проверок... Меня не выпускали из Твердыни, все спрашивали,

спрашивали и спрашивали, а я почти ничего не знаю. Едва вырвалась домой, чтобы хоть немного отдохнуть.

Я встал, Уилл тоже. Оживление прошло, и он снова стал казаться уставшим пожилым человеком.

— Я тоже пойду, — вздохнул он. — Спасибо большое за приглашение и за все остальное, но последняя ночь доконала меня, так что ничего в рот брать не хочется. Лучше поеду домой и попробую хоть часок поспать по-человечески.

Куртис бросила на него пронзительный взгляд (несомненно, она была в курсе последних сплетен), но сдержала свои подозрения при себе и только сказала:

— Да, все наверняка вымотались. Отдохните как следует, доктор Грейлок.

Мы проводили их и остались вдвоем. Жаль, конечно, зато в этом были свои преимущества. Джинни сделала бутерброды и отнесла их, прихватив еще бутылку молока, Бену и Криссе, которые никак не могли оторваться от своих игрушек. Вэл еще будет некоторое время дуться, а потом снизойдет на кухню как всепожирающее пламя.

Мы с Джинни принялись за ленч. Эдгар каркал со спинки ее кресла, Свартальф терся о ноги и призывно мурлыкал. Она одела едой обоих попрошаек. Я рассказал жене о нашем разговоре с Уиллом и звонке Боба Сверкающей Нож. Она кивнула.

— Хорошо, поедем к нему. — И добавила через секунду: — Только какой прок от этого будет? Мне нужно поскорее встретиться с Балавадивой.

Про себя я отметил, что это верное решение, но выпытывать подробности не стал.

— А что там с Куртис? Или это тайна?

— Тайна! — рассмеялась Джинни. — Но ты и сам мог бы догадаться. Знаю, ты не из болтливых, потому лучше расскажу тебе все как есть. Перед полетом на нее наложили гигиеническое заклятие, попытались потом его снять; той же ночью. Ну, и ничего не вышло. Утром она это обнаружила, но не стала бежать в НАСА — там бедняжка уже нахлебалась лиха, а позвонила прямо ко мне. Я ее освободила.

— А-а... Да, мог бы и догадаться.

Кроме того, системы жизнеобеспечения корабля никогда не были тайной за семью печатями. Пришлось даже самим просвещать стыдливую публику о гигиене в условиях слабой гравитации. Воплощение стихии воды, мини-гидра, должна летать по туалетной кабинке и абсорбировать мочу. Я сам видел эту гидру,

только она уже испарялась. Что до более плотных масс, заклятие, обнаруженное в древних египетских папирусах, позволяло сразу превращать их в каменных скарабеев. Коллекционеры их с руками оторвут, чем существенно пополнят бюджет НАСА.

— Значит, она снова в норме? Чудесно, доктор! Ну, ты же знаешь, у меня рот на замке!

— Ага, разве только для еды, пива или... Ну-у, — промурлыкала Джинни, — думаю, что нам можно немного расслабиться и даже слегка побаловаться. До утра. Впереди у нас довольно много дел.

«Довольно много?» Это было величайшим преуменьшением года, если не всего века.

ГЛАВА 6

Временная база ФБР в Гранте занимала несколько комнат на первом этаже дома, расположенного на улице, которая притворялась деловым центром города. Вывеска над окном этажом выше предлагала услуги стоматолога. И штаб и улицу наводняли агенты. Я позвонил в свою лабораторию и узнал, что в Твердыне они вообще кишмя кишат, дергая всех и каждого и копаясь повсюду в поисках улики. Они так запутали проект «Селена», что и самому Койоту не снилось. Толпившиеся повсюду оперативники на этот раз не надели обычные деловые костюмы. Парни явно чувствовали себя не в своей тарелке в широкополых шляпах, футболках, тесных новых джинсах и тесных новых башмаках. Правда, некоторые осмелились натянуть парусиновые тапки, о чем наверняка уже триста раз успели пожалеть. Они стояли отдельной кучкой и дожидались транспорта, как примерная тургруппа. Остальные туристы — действительно туристы — бросали в их сторону пораженные взгляды. Местные жители, особенно индейцы, смотрели холодно и неприязненно.

Не поймите меня превратно, они были далеко не идиотами. Просто их всех вытряхнули среди ночи из постели и забросили черт знает куда. Такое кого хочешь собьет с толку. Некоторые, с загорелыми лицами, были облачены в приличную одежду. Эти давным-давно работали в Галапе. Ясное дело, что любой из них дал бы приличную фору в поисках на местности. Но новоприбывшие желторотики привезли с собой аппаратуру, да и сами кое-что умели, так что шанс выявить что-нибудь важное повысился вдвое.

Среди них оказалось несколько действительно сильных магов, которые старались выглядеть достойно. Что в данных условиях было задачей почти невыполнимой. Их выдавали профессиональные одежды. Я заметил белобородого старика в пурпурной мантии, расшитой звездами; негра в одеянии из страусиных перьев, зубов леопарда и юбочки из травы; необъятную тетку, этакую всеобщую мать, в большом переднике, которая коротала время за вязанием шарфа из переплетенных лент Мебиуса; и... да, незабываемого Боба Сверкающий Нож.

Вместе с каким-то парнем он держался чуть в стороне от основной толпы. При взгляде на его высокую мускулистую фигуру, расписанную яркими полосками, его скуластое лицо с орлиным профилем на меня нахлынули воспоминания о последней нашей встрече. Я даже вздохнуть не мог. Джинни сжала мою руку. Тоже вспомнила. Потом я заметил, что она улыбается, проследил за ее взглядом и тоже усмехнулся. Хотя его высокие походные ботинки были удобны для сегодняшней работы, они мигом разрушили весь драматический эффект, который придавало ему одеяние индейского мага и головной убор из орлиных перьев.

Мы подошли поближе. Он заморгал при виде здорового угольно-черного Эдгара на плече у Джинни. Но тотчас же овладел собой, поспешил навстречу и тепло пожал наши руки.

— Рад снова увидеть вас.

Говорил он так же отрывисто и быстро, как и двигался. И все же мы знали, что он искренне рад. Просто выше всего он ставил честь, долг и государственные интересы.

— Давненько не виделись. Спасибо, что приехали. — Он повернул голову. — Стивен и Вирджиния Матучек, позвольте мне представить вам...

— Кар! — оборвал его ворон. И возмущенно напыжился.

— О, это ваш новый помощник? — Не дожидаясь ответа, агент поклонился. — Простите, сэр. Разрешите представиться? Роберт Сверкающий Нож, Федеральное Бюро Расследований.

— Эдгар, — довольно внятно ответил ворон.

— А что со стариной Свартальфом? — поинтересовался Боб.

— Пока с нами, — ответила Джинни. — Правда, он действительно старичок.

Сверкающий Нож обернулся к спутнику.

— Позвольте представить вам Джека Моу, нашего коллегу из Сан-Франциско.

Офицер Моу был крепким молодым человеком. При взгляде на него я сразу подумал, что он провел отпуск где-нибудь в Сьер-

ре или пустыне Мохаве. Круглое лицо китайца и чистый калифорнийский английский.

— Рад познакомиться. Я много слышал о вас в последнее время.

Похоже, он настроен дружелюбно. Или только похоже?

— Из досье? — спросила Джинни самым невинным голосом.

— В основном да. Ваш, гм, случай произошел раньше моего появления на службе. Но какой случай!

И Моу присвистнул.

— Бьюсь об заклад, Боб, что ты показал мистеру Моу это дело, как только вас поставили в паре, — тем же ровным тоном сказала Джинни.

Он невозмутимо кивнул.

— А то. Давайте начинать, хорошо?

— Вчетвером... вернее, впятером? — удивился я.

— Сегодня — да.

И Сверкающий Нож двинулся прочь. Мы могли либо следовать за ним, либо остаться стоять столбом и потеть под жарким солнцем. Позади нас опустился пассажирский ковер, чтобы подобрать первую партию агентов. Джинни пихнула меня и качнула головой. Посмотрев туда, я обнаружил двух подростков — кажется, навахо, — которые привалились к стене у дороги. Они хрюкали и тихо ржали, похоже, передразнивая Сверкающего Ножа. Если Боб что и заметил, то виду не подал.

Наш поход закончился у парковочной большого нового метлотея «Летающая Лошадь». Боб подвел нас к красному четырехместному коврику с откидным верхом. Хорошая штука, мощностью в две феи. Прекрасное состояние «Лендровера» и новенький номерной знак Нью-Мехико безошибочно свидетельствовали о том, что ковриолет принадлежит галапскому отделу. Либо Боб выклячил, либо транспорт ему передали во временное пользование.

— Так что мы должны делать? — не вытерпел я.

— Это вы нам расскажете, — ответил Боб. — Поговорим по пути.

Он снял с портупей ключи — ключами была высушенная тыква с чем-то гремящим внутри — и одним движением снял запирающее заклятие. Он проделал пасс так быстро, что я не успел разглядеть его. Подозреваю, что Джинни-то увидела. Мы расселись по местам. Заняв водительское сиденье, Боб поднял магический ветровой щиток и заодно откидной верх — для тени. Джинни сидела рядом с Бобом, а мы с Моу — сзади. Эдгар взле-

тел с ее плеча и вцепился обеими лапами в разные полушария силового глобуса. На мгновение кристалл вспыхнул гневно-красным, но тут же вернулся к прежней хрустальной прозрачности. Сверкающий Нож махнул рукой. Наш ковриолет поднялся и влился в поток транспорта, летевшего на юг.

Под нами проплыл и скрылся город. Отсюда можно читать его историю, как открытую книгу. Он был жалкой горсточкой домов у железнодорожной станции, пока рядом не начал разворачиваться проект «Селена». В результате последовал такой наплыв народу и разных предприятий, что здания заполонили каждый свободный клочок земли и поселение разрослось далеко по обе стороны железнодорожного полотна. Теперь оно было даже больше Галапа, правда, без его очарования. Вдалеке возвышалась гора Тейлор, похожая на крепость. Возможно, хоть она со временем сумеет сдержать натиск растущего мегаполиса.

— Для новоприбывшего ты слишком быстро вошел в курс дела, Боб, — заметил я. — Ты ведешь это дело, что ли?

— Нет, — загоготал он. — Бог миловал. Я подчиняюсь непосредственно миссис Гуттиэрэ Падилла из Альбукерка. Последние дела — не только ваше — позволили мне получить широкие полномочия. Так что я могу действовать совершенно независимо.

— Не отвлекаться! — прикрикнул он на фей. Те повиновались, хотя им явно было не по душе, что над головой у них угнездили ворон. Боб глянул сперва на Джинни, потом на меня. — Узнав, что вы здесь, а мы ведь раньше встречались, я решил наведаться лично.

Очень любезно с его стороны было употребить слово «встречались». Тогда мы с Джинни отнюдь не совсем, так сказать, сотрудничали с правительством. Правда, и совсем — в полном смысле слова — не враждовали с ним. Скажем, у нас были общие интересы, но каждый играл свою роль.

— Могу я узнать, почему ты прихватил мистера Моу, у которого, по-видимому, такое же звание, как и у тебя? — мягким голосом пантеры спросила Джинни. — Забавно, как быстро вы делаете карьеру. — И чуть веселее добавила: — Заклятие бодрости или галлоны кофе?

— Я специализировался по истории Азии, — простодушно, как истинный калифорниец, начал Моу. — Мечтал попасть в Дипломатический корпус. Когда сильнее заинтересовался работой детектива, поступил в школу, занявшись талисманами и геомантией Дальнего Востока.

В ФБР все агенты — дипломированные специалисты в какой-нибудь области науки или волшебства.

— Есть причины подозревать вмешательство из Азии, — вставил Боб. — Я сразу вспомнил про Джека и позвонил ему.

Моу нахмурился.

— Эй, полегче! Разболтался. Мистер и миссис Матучек, дело крайне деликатное. Верно ли это обвинение или ложно, но говорить о нем не стоит, могут возникнуть лишние осложнения.

— Уже возникают из-за джентльменов в полосатых штанах, — отрезала Джинни.

Она понимала куда больше моего, но я уловил ход ее мыслей. Китайская революция, новая династия Сунь образовала страшную даосскую хунту, которая не только хотела подавить оставшихся мятежников и бандитов, но и освободить страну от чужеземного вмешательства, вернуть утерянные земли и сделать Китай снова главенствующей державой... Нет, они не подкладывали бомб под наш Государственный департамент, а действовали более хитро и осторожно. Положение пока что не критическое, но до критического тут рукой подать.

Джинни смирилась.

— Ладно, будем играть втемную. Но если мы вам нужны, объясните хотя бы, откуда такие подозрения.

— И для начала, — добавил я, — почему ты выбрал нас. Мы теряемся в догадках, как и все прочие. Все, что я сделал для Твердыни, — это системы связи, прямая трансляция. А Джинни — лицензированная ведьма. Мы пару раз обращались к ней за советом, но только по техническим вопросам.

Например, из-за экспериментального спутника, который внезапно заменил текст сообщения на бретонские сквернословия. Оказалось, что, когда отливали бронзового попугая, литейщик использовал старый, сломанный колокол из Кемпера. Идея сама по себе неплохая, поскольку в металле еще жила святость святого Корентина и все такое, но тавматургические тесты были проведены на скорую руку и никто не заметил, что в металле была заточена ведьма-корриган. Космические лучи разрушили квантум-резонансные чары, которые ее удерживали, и, конечно, корриган вырвалась на волю. Уяснив причину, Джинни призвала Создание на Землю и выпустила его на волю, в Броселиандский лес.

— Ходят слухи, что вы не сидели, сложа руки, — намекнул Сверкающий Нож. Он, не отрываясь, глядел вперед. Там, зеленовато-синее, а в глубине темнее черных небес, сияло под со-

лнцем море. Что-то жарко нашептывал ветер. У меня даже пересохло во рту. Боб поднял руку.

— Не обижайтесь, друзья. Я только хотел сказать, что, когда основные силы тьмы вышли на свет, вы можете по простому неведению, попасть под удар — поскольку сами владеете большой силой. Хотя всегда используете ее во благо.

Джинни замерла.

— Ты же не имеешь в виду самого Врага лично? Правда?

— Пока не могу сказать. Скорее, Созданий на его стороне, действующих ради себя и по своей воле. Что само по себе — задача не из легких.

Она нахмурилась.

— Койот — тварь злобная и крайне неприятная. Но мне не верится, что он действительно сатанист.

— Доказательств нет. Мы начали собирать информацию. Надеюсь, что ты нам поможешь. На крайний случай остаются ваши личные способности. Вы знаете ту местность и тех людей.

— Не очень близко, — предупредил я. — Все-таки всего два года прошло.

— Но я узнал, что ты, Вирджиния, завела много друзей среди индейцев и многому у них научилась. Одно это уже вселяет надежду. Кому, как не мне, знать, что эти ребята терпеть не могут ФБР.

— Местные называют вас «феврунами», — ляпнул я.

— Слышал, — вздохнул он. — Наверное, это неизбежно. Когда мы, как федеральные агенты, приезжаем на каждое место преступления, то суем нос в дела полиции, которая чаще нас знает, что делать. Хотя, поскольку сам я индеец...

— Прости, Боб, — извинилась Джинни, погладив его по руке. Она заговорила мягче. — Местные смотрят на всех пришлых индейцев, как смотрел бы, скажем, француз на немца.

Боб горько усмехнулся.

— А я — оглала сиу. Поможешь найти с ними общий язык?

— Попробую, но у меня есть знакомые только среди зуни. — Она помолчала. — Неужели шаманы навахо и хопи так упрямы?

— Говорят, да. Конечно, началось это давным-давно. Я слышал, что, когда их попытались расспросить об этом деле, они словно язык проглотили.

Джинни качнула рыжей головой.

— А чего ты ждал? У шаманов соглашение с НАСА. В обмен на разные услуги их народу они следят, чтобы Койот и другие известные им Создания держались подальше от Твердыни. И вот

нечто разбило или исказило защитные заклятия. И теперь шаманов могут обвинить либо в некомпетентности, либо в пособничестве злодеям. Не только их личная гордость, но и честь племен поставлена на карту.

— Так-то оно так, но если бы они нам доверились...

— Легко сказать, Роберт Сверкающий Нож!

Он поджал губы.

— Гм-м, да. Наши оперативники, похоже, сыграли дурака вчера ночью. Как такое простить? Их застали врасплох, они растерялись. Можно ли это поправить?

— Я могу предложить кое-кого, может, и справятся, — пожала плечами Джинни. И тут же резко сказала: — Ты что-то задумал для нас со Стивом! Иначе бы не увозил так далеко. Выкладывай, что можем мы и не могут ваши колдуны?

Он снова вздохнул.

— Я до конца не уверен. Может, найти след, который они не могут почуять?

— Где? Наверняка ты вычислил месторасположение, и вся твоя команда ринулась на свой квадрат с магическими зеркалами и феями.

— Они могут пропустить то, что вы со Стивом почувуете. Поэтому я и спешу добраться туда раньше их.

— Вы, кажется, говорите о большой площади, — вставил я. — Как же мы успеем? С какого места лучше начинать?

— Я надеялся, что интуиция вам подскажет. По своему опыту говорю, что случай не из легких. — Плечи Боба поникли. — Но попытаться стоит.

— Продолжай, — нажал Моу. — Начал говорить, так расскажи Матучекам все. Мы же просим их отыскать иголку в стог сена, разве не так? — И добавил, уже нам: — Ладно, я выложу свою часть, что касается Азии.

Джинни повернула голову, чтобы видеть Моу. Эдгар пялился с глобуса. Мне было легче всех. Моу откинулся на сиденье и принял расслабленную позу.

— Понимаете, — доверительно начал он, — мы знали... Мы — это военная разведка и все, кто имеет к ней отношение. Знали, что Китаю неинтересно выйти в космос и воцариться там первыми. Престиж, новые позиции, расширение геополитики и так далее. Первыми они быть не смогут, если только не расстроят наши планы, верно? Европейцы тоже рвутся в космос, но они от нас слишком сильно отстали. А что до русских, то они, с их мощным религиозным подъемом, запустят в космос несколько икон

и на том успокоятся. ФБР поддерживает связи со Скотланд-Ярдом, и мы узнали, что Фу Чинг в данный момент находится в Англии.

— Фу кто? — вякнул я.

Боже, каким взглядом наградил меня Моу!

— Неужели вы никогда не слышали о коварном докторе Фу Чинге?

У меня мороз по жилам пробрал, когда я увидел внезапно побелевшее лицо Джинни.

— Я слышала, — сказала она.

Моу кивнул. Сам он и глазом не моргнул, поскольку узнал об этом еще раньше.

— Еще бы вам не слышать, доктор Матучек. — И обратился уже ко мне: — Об этом нигде не сообщалось. Держали в строгом секрете, чтобы не подставлять информаторов и так далее. Кроме того... э-э... журналисты, которые нападали на след, либо вскоре очень плохо кончали, либо им хватало ума сидеть и не высываться. Фу Чинг — лучший маг Китая и тайный агент.

— Только играет он по собственным правилам, — подал голос Боб. — Бывало, он принимал решения за все китайское правительство.

Показательно, ничего не скажешь. У меня даже мурашки побежали по всему телу.

— Но если он такая важная фигура, то за ним, наверное, установлено постоянное наблюдение?

— Нет, — ответил Моу. — О том, что он появился в Англии, британская разведка узнала из докладов китайских шпионов. Они, конечно, могут бросить все силы на это дело и разузнать, где он прячется — может, им это разок удастся, — но что толку? Как только они попытаются подобраться к нему поближе, он удерет, прихватив с собой всю информацию.

— Скотланд-Ярду известна причина его приезда? — спросила Джинни.

— Можно только строить предположения. Вероятно, поднимать суматоху. Но в основном — расстроить планы Европейской конференции по освоению космоса. В этом году она состоится в Лондоне, и там действительно намереваются решить ряд важных вопросов. А пока мы, американцы, вплотную подошли к запуску первого космического корабля. И Фу Чинг предпочел наблюдать за нами через Атлантику, а не через Тихий океан. Не приложил ли он руку к провалу проекта «Селена»? Это одна из задач, которую мы должны выяснить.

— Мой брат связан с китайскими астрономами, — пробормотала Джинни. — Наверное, поэтому они всегда производили на меня приятное впечатление... — Она запнулась и помрачнела. — Почему вы не пригласили и его?

Сверкающий Нож помедлил с ответом. Как я уже говорил, давно с ним такого не случалось.

— Он ведь... ученый, не так ли? А не практикующий колдун. Я не думал, что он может пригодиться.

Джинни поиграла желваками.

— А я полагала, что ты не любишь увливать от ответа!

Я заметил, что ее слова задели Боба, но он быстро взял себя в руки.

Через минуту Джинни заговорила более спокойным тоном:

— Нам нужна только правда. Прекрасно, хватит того, что вы нам рассказали, и того, что известно нам самим. Я попробую.

Она встала. Верх ковриолета подался назад, ее рыжие волосы взметнулись на ветру, как ярое пламя. Джинни вынула из кармана волшебный жезл, на конце которого засиял звездный свет, видимый даже днем. Джинни полуприкрыла зеленые глаза и подняла руку с жезлом. Ворон вспрыгнул на ее плечо и развернул черные крылья, как плащ ночи. Она повернулась ко мне и левой рукой коснулась моей макушки. Крохотные молнии проскочили между ее пальцами и моей головой.

Теперь я слышал ее бормотание и воспринимал ее мысли.

Волшебный жезл дернулся в руке Джинни и указал на юго-восток.

— Туда! — решительно приказала она.

ГЛАВА 7

Мы приземлились в круглой долине и сошли с ковра. Вокруг — ни души.

В целом этот бывший кратер огромного вулкана был по-своему красив. Он зарос травой, кустами и вечнозелеными деревьями, так что и не подумаешь, что раньше здесь бушевала лава. По краям впадины простирались утесы из песчаника, похожие на груды золота. На западном и восточном гребне на поверхность выступали пласты геологических пород. А сверху царственно раскинулось синее небо. Но палочка Джинни привела нас на опустошенный лавой склон. Перед нами лежала черная застывшая корка, твердая и горячая от солнца. Острые гранитные ос-

колки с нетерпением ждали, когда мы споткнемся, чтобы вонзиться в тело.

Жизнь теплилась даже здесь — в тоненьких ростках, вьюнках и неприхотливой траве, серых плетях лиан и даже крошечных цветочках. Но все местечко было не из приятных.

— Тебе лучше оборотиться, Стив, — тихо промолвила Джинни, глядя перед собой. — Нам нужно быть во всеоружии.

— Лады!

Я только и ждал ее предложения. Я зашел за ковер. Наши агенты открыли багажник и вытаскивали свою аппаратуру.

— Если вы потеснитесь, я обернусь. Зато у нас будет, по крайней мере, хороший нос.

— А... а ультрафиолет вам не повредит? — поинтересовался Моу, размазывая по лицу крем от загара.

По-видимому, он не очень разбирался в оборотнях. Ну, нельзя же знать все на свете.

— Сам по себе нет, разве что я стану загорелым, когда приму прежний вид. Когда я снимался в кино, то приходилось подолгу торчать под довольно мощными эдисонками. — И добавил, чтобы занять время, пока они разгружали багажник: — Обычно считают, что оборотни — ночные существа. А все потому, что полная луна вызывает определенную поляризацию, которая подстегивает нужные гормоны. Если рассвет застиг тебя в зверином обличье, то ты здорово влип. При дневном свете оборачиваться невозможно. Чего только не выкинешь, чтобы выжить еще целый месяц, до нового полнолуния. Потому за нами укрепилась дурная слава. Что, в свою очередь, повлекло жестокие расправы и в конце концов послужило нам на пользу.

— А, теперь понятно. Бюро, знаете ли, наняло нескольких оборотней.

— Вот именно, что нескольких. Мы не очень-то любим ходить строем, поскольку древние инстинкты в нас сильнее, чем в ком-либо другом.

— Мне не приходилось еще встречаться с такими, как вы, мистер Матучек. Ни по службе, ни в обществе, — улыбнулся Моу. — А если и встречался, то не знал.

Я кивнул.

— Ну, для начала, нас и вправду мало. Кроме того, спрос на наши способности вовсе невелик. Цирк, шоу-бизнес. Чары и маготехника способны делать сейчас куда большие чудеса. Иногда мы можем пригодиться в полиции, в армии. Заповедники из кожи вон лезут, чтобы заманить кого к себе на работу, но уж больно паршивая там зарплата. Потому оборотни не спешат открывать-

ся, чтобы не было слухов и дурацких вопросов, и предпочитают менять облик только ради удовольствия или развлечения близких знакомых.

— У них есть тайные социальные группы, — заметил Свекающий Нож. — Не просто львы, лоси или олени.

— Едва ли это касается Китая, — сказал Моу. — Недавно я слышал, что ученые до сих пор не сошлись во мнении, насколько это зависит от культуры, насколько от генетики. Насчет генетики — это моя догадка, поскольку японцы отличаются от нас.

Я удивился:

— А разве китайцы и японцы — не родственные народы?

— Не совсем. Предки японцев вышли из Юго-Восточной Азии.

Мне говорили, что тигры-оборотни встречаются именно там.

Однажды я имел с таким дело, он был с Ближнего Востока.

— Вредные твари, хотя достаточно редкие. Человек должен быть невероятно высоким и крепким, чтобы носить в себе нормального тигра. Леопарды-оборотни, оборотни-олени, волколаки...

В голове всплыла прилипчивая студенческая песенка, на мотив «В старые добрые времена»:

«Мы с тобою волколаки,
потому что — волки Локи,
и мама волколак, и папа волколак,
мы с тобою — волки Локи,
мы с тобою волколаки»...

— Все, Стив, место свободно, — перебил мои мысли Боб. Он запыхался, пот проступил на буревестниках, полумесяцах и прочих картинках, которые красовались на его теле. Я с удовольствием отметил, что среди багажа оказался морозильничек и четыре термоса, вероятно — на ленч. Наверняка в термосах плескался охлажденный лимонад или чай со льдом, но я надеялся, что в морозильнике найдется несколько баночек пива.

Я сбросил ботинки и одежду, до самого вязаного исподнего. Закинув шмотки на сиденье, я забрался в багажник. Сверкающий Нож захлопнул крышку. Скорчившись в темноте, я нащупал поляризатор, который болтался на шее, и включил его.

И сбросил человеческий облик.

Потом постучал лапой по крышке. Боб выпустил меня. Сразу же поплохело. Я был обычным лесным волком, а не степным койотом, но подушечки лап у меня не уступали доброй коже башмаков. Вот жару терпеть было труднее. Потели у меня только лапы и черный нос. Я вывалил язык. Ветерок продул меня от

кончика языка — совершенно непередаваемое ощущение — до самого обрубка хвоста. Еще больше допекал яркий свет. Глаза у меня, конечно, близорукие, зато очень чувствительные. Джинни поспешила ко мне, на ходу вынимая из кармана пару солнцезащитных очков. Она водрузила их на мой нос. Я заказывал эти очки у окулиста, так что видел теперь не хуже, чем раньше.

Не думайте, особо это ничего не давало. Приглушенное человеческое сознание обрадовалось, но я был теперь в основном зверем и полагался на нюх и слух. Потoki ветра шевелили волоски в ушах и гладили кожу на носу, сам вкус воздуха... Нет, словами не опишешь. Не придумали еще такой язык. В траве прошуршала ящерица. Нос сообщил, что это холодное и вкусное мясо, но не мог же я шелкнуть зубами и ухватить зверька, как пирожное с подноса. Неподалеку грелась на солнышке гремучая змея, испуская острый тревожный аромат: не тронь меня! Вьюнок теплился под лучами солнца, от лавы шел терпкий запах древности...

— Готов? — спросил Боб. — Тогда двигаем.

Следующие несколько часов я помню смутно. Хотя я был быстрее и сообразительнее, чем в человеческом обличье, но мой интеллект дремал. Кроме того, я никогда не был колдуном. Знал кое-какие заклятки на каждый день, плюс необходимые по работе, плюс отдельные наговоры, подхваченные то тут, то там. Но Искусство моих спутников было гораздо сложнее и глубже, при этом развивалось по трем разным направлениям.

Джинни нацепила черные очки и выпустила Эдгара в полет, словно это был ловчий сокол. Палочка в ее руке дрожала, выискивая след. Звездный свет на ее конце то разгорался, то почти гас. Жена бормотала что-то на незнакомом языке.

Сверкающий Нож танцевал. Орлиные перья на голове подрагивали, одеяло на плечах развевалось, словно его трепал жестокий ветер. Он тонко завывал, потряхивая тыковкой-погремушкой. Иногда он умолкал, прохаживался по опустошенной земле, нагибался, поднимал кусочек базальта и принюхивался. Потом некоторое время размышлял над находкой. Иногда Боб усаживался на камни, скрестив ноги, устремлял перед собой недвижимый взгляд и совершенно отрешался от окружающего.

Моу медленно ходил кругами и тоже часто останавливался. Он держал папку с листами бумаги, на некоторых были китайские иероглифы, некоторые казались пустыми. К папке был прикреплен футляр с разными приборами. Моу сверялся с компасом, угломером и балансиром. Потом заглядывал в текст. Авто-

ручкой делал какие-то пометки или зарисовывал окружающий пейзаж. Еще что-то писал — то ли расчеты, то ли заклинания.

Я же метался туда и сюда, держа нос по ветру или близко к земле. Жучки, суслик, нора земляной мыши, перо стервятника, брошенная кость... Я отшатнулся от маленького кустика. Он вонял собачьей мочой, чабрецом и скунсом. Ничего себе аромат!

Я обошел вокруг и наткнулся на первое доказательство. Но в это же время на ближайший камень опустился Эдгар. Ничего бы мы не обнаружили, если бы наши маги не колдовали — заклинали, тянулись, работали — в правильном направлении.

Следы кто-то постарался замести, но они были слишком отчетливы, чтобы исчезнуть так скоро. Я оскалился и наморщил нос... В полдненное небо полетел долгий вой.

Все кинулись ко мне. До меня еле доносились их возбужденные голоса: «Демоническая природа... Никогда не встречал такой силы... Я тоже, если не считать... Мистер Моу?... Дайте рассмотреть получше. Если мистер Матучек чуть сдвинется в сторону...» В нос попала пылинка, и я чихнул. В самый раз — нос освободился от проклятой вони.

— Кажется, это шэнь... Не слишком ясно отпечталось, — медленно произнес Моу. — Может быть, что другое... нет, геомантия доказывает...

Мы рьяно бросились на дальнейшие поиски. Смутный, временами исчезающий след вел нас к далекой Твердыне.

— Возможно, здесь не обошлось без какого-нибудь о-бакэ, — услышал я бормотание Моу. И ничего не понял.

Сам я обнаружил след крупного толстого мужчины, от которого воняло как от обыкновенного человека, за одним исключением — я перепугался до чертиков. Спрятал покалеченный хвост между ног и, не издав ни звука, ткнулся носом в джинсы Джинни.

Моя жена и остальные спутники воспользовались собственным Даром. Эдгар сел на плечо Джинни и каркнул ей в ухо. Она мрачно кивнула.

— Боюсь, это не по моей части, — сказал Моу через несколько минут.

— По моей, — ответил Сверкающий Нож. — Нас предупреждали... — Он зыркнул на Джинни. — Это Койот?

— Совершенно верно, — ровным голосом отозвалась она. — Он встретил здесь кого-то, кто это был или что это было — неизвестно. Но встретились они именно здесь. А он, по дурацкой привычке, метил территорию.

А мне это казалось обычным делом!

— Фу Чинг назначил ему встречу? — предположил Боб.

— Неизвестно, — ответил Моу. — Давайте пройдем дальше.

Прошли. На горизонте показался купол Твердыни, его очертания дрожали и расплывались в жарком воздухе. Вокруг суетились крохотные фигурки — агенты ФБР. Вероятно, наши поиски подошли к концу.

Как оказалось, нет. Сверкающий Нож указал на последнюю улику — вытопанную траву и раскиданные камни — и махнул мне рукой. Отчетливо слышались запахи людей. Их оставили Койот и его дружки. Тем не менее следы читались яснее некуда. Я услышал, как Боб начал объяснять остальным:

— Кто-то прилетел на метле и прошелся в сопровождении Созданий. Это был мужчина, насколько я могу судить по размеру следов. Стив, ты смог бы опознать при случае этот запах?

Я покачал головой. Через пару дней такой погодки не останется и намек на запах смертного существа. Потом я вздрогнул и зарычал. Отзвук? Оттенок? Нет, быть не может. К тому же мы, волки, не закладываем своих друзей.

Мы еще полазили здесь некоторое время, но почти ничего не нашли. Увы, мы дико устали и проголодались, и успели опустошить фляжки. Потащились обратно к ковру. Эдгар полетел вперед, и когда мы пришли, он уже был там.

— Ленч! — хрипло объявил ворон.

Мои спутники принялись готовить закуску. Я залез в багажник и оборотился. Мне здорово пришлось тренироваться, чтобы проворачивать подобное. И укромное местечко — еще далеко не все. Сначала я кувыркнулся на спину, чтобы поляризатор оказался на животе. Придерживая прибор левой лапой, я правой нажал на кнопку. Потом я зажал его под челюстью, позволив осветить мое брюхо, ноги и хвост. Не особо приятная процедура, зато весьма способствует трансформации.

Когда я вылез, Сверкающий Нож вызвал местный штаб и принялся докладывать обстановку на среднешумерском. Этот язык реконструировали с помощью техники оживления табличек, но до сих пор его почти никто не знал. Он был в ходу у военной разведки и ФБР, чтобы предотвратить утечку информации. Не только маги использовали свой специальный язык для заклинаний.

Когда он договорил, а я оделся, остальные соорудили бутерброды, картофельный салат и выставили охлажденные напитки. Вот черт, пива все-таки не было. Боб Сверкающий Нож на работе — настоящий бойскаут! Ну, я так хотел пить, что подошел и

чай со льдом. Мы вытащили из «Лендровера» переднее сиденье и устроились в тени ковриолета друг напротив друга, держа тарелки на коленях. Эдгар получил свою долю и усердно отщипывал клювом по кусочку. Показывая всем видом, что он заслужил эту награду.

Я снова мог нормально мыслить и теперь ждал объяснений.

— Так что мы там нашли? — спросил я.

— Много чего, — отозвался Сверкающий Нож. — Вряд ли бы мы справились, если бы не вы с Джинни. — Ворон возмущенно уставился на него. — И Эдгар, конечно! Пока сюда доберется спецбригада, сама природа скроет все важные улики. Природа не терпит пустоты, она замечает след, уносит запахи и звуки, туманит мысли и стирает воспоминания. От имени всей страны выношу вам благодарность.

Боб всегда предпочитал расплачиваться на месте, не возвращаясь в кабинет. И все равно мне он нравился. Жаль, что мы не сходились во взглядах на многие вещи.

— А теперь, — продолжил он, — у нас есть прямое доказательство того, что Койот был причастен к событиям вчерашней ночи. Вероятно, демонам... гм, да, демонам не нужно было подходить ближе. Оттуда они спокойно могли ослабить защитные заклятия.

— Как?

— Очень осторожно, поскольку с виду ничего не изменилось и сигнализация не сработала, — сказал Моу. — Твердыня была защищена от магии западной, белых людей, индейцев и паранормальных воздействий. И не предусматривала ничего более сильного. Отсюда нападения никто не ждал. К тому же мы до сих пор почти ничего не знаем о магии Дальнего Востока. Полагаю, что эти Создания и позволили Койоту сыграть свою злую шутку.

«Именно, — подумал я, — подлинно азиатскую!»

— Но я могу с уверенностью сказать, — продолжал Моу, — что они не смогли бы справиться с задачей, если бы им не помогал и не направлял кто-то знакомый с местными условиями и местной магией. Вероятно, это был человек, который их и встретил.

— Вы несколько раз повторили слово «они», — осторожно сказала Джинни. — Кого или что, кроме Койота, вы имеете в виду?

— Ах, если бы я только знал!

— Я училась в Гарварде и Трисмегисте, а не в Беркли. Мистер Моу, вы упоминали шэня. Насколько я помню, это китайские Создания, порождения стихий, но не настолько, как их западные собратья. Можно поподробней?

Моу чуть не подавился бутербродом с ветчиной. Мы с Бобом тоже встрепенулись.

— Я и сам не до конца разобрался, — признался Моу. — Китайское «шэнь» означает то же, что и английские «дух» или «демон», или добрый или злой «гений» в средние века. Некоторые шэни принадлежат стихиям, как вы верно заметили, но люди не могут вызывать их так же свободно, как, скажем, гидр или саламандр. Другие... ну, не души, конечно, но какие-то части людей, тени, которые остаются после их смерти. И если им потом воздают почести или взывают о помощи, как к некоторым древним святым... ну, только святостью здесь и не пахнет... тогда со временем эти духи растут и могут сделаться необычайно сильными. — Он вздохнул. — Я могу проболтать весь день, но так и не добраться до сути. Посмотрите статью о шэнях в «Магической энциклопедии».

— В отличие от местных святых шэни не обязательно бывают добрыми, так? — нахмурилась Джинни.

— Именно. В большинстве своем они безвредны, но встречаются и недобрые создания. Как в Японии, только там для каждого есть свое название. Злые питаются страхом, который они внушают, и жертвами, которые им приносят, чтобы снискать расположение. Они сильно смахивают на западных демонов. Разве что их природа не духовна. Злые шэни могут причинять как моральный, так и физический вред.

— Как и демоны, — сказал я, кое-что припомнив. «Значит, с другой стороны, их можно убить!»

— Все ли шэни Уснули, когда наступил век железа? — не отступалась Джинни.

— Вроде бы все, разве что несколько осталось в каких-нибудь изолированных районах, — ответил Моу. — Когда они наконец Пробудились, злые шэни обнаружили, что здесь можно как следует развернуться. Хаос, который царил в стране после падения Маньчжурской династии, предоставил им огромные возможности. После того как трон Сына Неба перешел к Сунь, даосы организовали настоящий крестовый поход против шэней.

— Знаю. А кто не знает? Продолжайте, пожалуйста.

— Но остался нерешенным вот какой вопрос: куда девались уцелевшие злые твари? Были кое-какие догадки. Вот теперь мы можем сказать что-то определенное.

— Гм-м. Вы считаете, что, вероятно, под руководством доктора Фу они устроили провал нашей космической программы.

Каким-то образом они сошлись с Койотом, который стремился к тому же...

Тут в разговор вступил Боб Сверкающий Нож.

— Точно! А свел их человек, который прилетел той ночью — проверял, хорошо ли сделана работа. А ведь неплохая версия наклеивается.

У меня все сжалось внутри. А про себя я решил, что операции «Луна» необходима служба безопасности, пусть даже она ничего не сможет сделать.

— Когда мы шли по следу, вы упомянули еще какое-то Здание, — напомнила Джинни. — Я сама его почуяла, только не знала, как оно называется. Кажется, что-то более... жуткое. Вы произнесли еще какое-то японское слово.

— О японских духах мне почти ничего не известно — kami, о-бакэ, что там еще... Они сильно отличаются от китайских. Оми, например, похожи на скандинавских троллей. Но вам должно быть известно, что японские синтоисты, как и даосы в Китае, стараются ограничить влияние так называемых нежелательных Созданий. Можно скептически относиться к методам работы этих учреждений — как я, — но обе стороны выступают в роли очистителей от скверны.

— Итак, демоны пытаются взять власть в свои руки. Отсюда логично вытекает, что японские и китайские злые создания заключили бы союз. Но вы, джентльмены, считаете, что они обратились за помощью к людям. Каким людям?

— Может быть, к доктору Фу, — быстро предположил Боб. — Хэй, мы славно потрудились сегодня. Давайте доедим и отправимся в более уютное местечко.

Мы с Джинни переглянулись. Эдгар тоже зыркнул в нашу сторону. Мы сообразили, что наш предводитель решил закрыть тему. Почему — неясно, но он определенно не хотел продолжения разговора.

Вскоре мы прибыли в Грант, изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. Потом и вовсе замолчали. Ничего, кроме дела, нас не связывало. И все же, что бы мы ни думали в будущем, я был рад снова встретиться с Бобом Сверкающий Нож и познакомиться с Джеком Моу.

На парковочной стоянке мы распрощались.

— Я буду на связи, — туманно заявил Боб, но другого мы и не ожидали. Джинни, я и Эдгар вернулись к нашей метле.

— Что ты обо всем этом думаешь? — спросил я, когда мы поднялись в воздух.

— Думаю, что хорошо бы сейчас проснуться, — вздохнула она.

Бедная моя, ей досталось больше, чем мне, хотя держалась она молодцом. Я хлопнул жену по плечу.

— А как насчет выпить чего-нибудь холодненького?

— О, это лучшее предложение за весь день! — рассмеялась она.

Оказалось, что выполнить обещание не очень-то и легко.

Бен отправился в горы с семьей лучшего друга. Вэл, которую мы достали до печенок приглядыванием за Криссой, уже не дулась на нас. Правда, она засела с подружками в кафе, где подавали шаурму.

Пришлось справляться самим. А потом наша младшенькая затребовала рассказов, шуток и ласки. Свартальф милостиво взял часть забот на себя.

Так что прошло почти два часа, прежде чем я взялся за почту. Джинни усадила Криссу смотреть фильм про ведьму Ванду и явилась как раз тогда, когда я бормотал... ну, скажем, «так-так-так».

— Что там еще?

— Посмотри сама. — И я протянул ей послание.

Заголовок гласил: «Инспекция Обеспечения Подходящего Налога». Над операцией «Луна» в целом и нами в частности нависла угроза аудиторской проверки. Поскольку мы заявили, что часть наших домашних расходов является производственными затратами, то аудитор хотел бы встретиться с нами на дому. С наилучшими и так далее.

— Совпадение? — предположил я. — Или происки Врага?

— Понятия не имею. — На фоне белых стен и желтых светильников у Джинни резче проступили скулы. — Может, и совпадение.

— Наверное, тебе потребуется время, чтобы собрать все бумажки?

Слава богу, она переложила это бремя на свои плечи.

— Ерунда. Но... — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Стив, чем больше я думаю о том, что случилось сегодня, тем сильнее убеждаюсь, что нам нужно повидаться с Балавадивой. Чем быстрее, чем лучше. Хорошо бы завтра. Пока я буду утрясать этот вопрос, свяжись с Барни Стурлусоном.

Она вышла. Я направился к телефону. На Срединном Западе уже ночь, но я его вызволил.

— Н-да, — прогундосил он, заполняя весь экран. Крупная голова с седым ежиком покачивалась взад и вперед, так что он был похож на льва, только что подзакусившего шакалами. —

Они уже лазают по всем «Норнам». Не хочу тебя пугать, особенно после этого взрыва, но... Ладно, не дергайся и не забывай, что на нас работает опытейший специалист по налоговой дьявольщине.

Мне полегчало. Ни мы с Джинни, ни «Норны» не совершали никаких махинаций. Наверняка это просто досадная ошибка, но... Я позвонил в местный налоговый отдел и назначил встречу на послезавтра. Вернулась Джинни и сказала, что Балавадива примет нас завтра утром. Я даже подумал, не колданула ли она, чтобы все так удачно сложилось. Жена смешала джин с тоником, я налил себе пива, и мы отправились в патио, где решетки поросли жимолостью. Нужно ловить момент и наслаждаться жизнью, пока можешь.

ГЛАВА 8

Зуни расположились в тридцати милях к югу от Галапа. Мы вылетели рано утром, пока было прохладно, и сразу направились в сторону восточной границы резервации — уж больно замечательный открывался оттуда вид. Первые лучи солнца озарили гору Вингейт. Потом, дальше к югу, горный кряж Зуни уплыл влево. Сами по себе эти горы ничем особым не выделялись — кольцо скал, поросших сосновым лесом. Но раннее утро и великолепная погода превратили заурядный горный массив в истинное чудо света. Песчаник отсвечивал золотистым, красным, кирпичным, бурым и белом цветом, часто краски следовали друг за другом, как полосы американского флага. Тени очерчивали холмы, выступы, впадины и расселины, с каждой минутой видоизменяясь, по мере того как солнце поднималось все выше. Пейзаж казался флагом, трепещущим на ветру геологии.

Когда мы повернули к западу, миновав Раму, внизу пронесли долины и холмы, покрытые можжевельником и дроком. Там, где сливались два блистающих серебром ручья, давая начало речке Зуни, земля снова вздыбливалась. Мы летели над Вратами Зуни, это ущелье вымыла вода реки. Дальше открылась еще одна долина, широкая и гостеприимная, которую с трех сторон охраняли крутые косогоры. Долина зеленела хвойными деревьями и злаками. Правда, не повсеместно, поскольку климат здесь весьма засушливый. Река всегда была узкой, а сейчас она почти пересохла, зато цвела от водорослей.

Пуэбло успело раскинуться по обоим берегам реки. В трех

милях возвышалась гора Корн, величественный, почти отвесный пик, заросший лесом под названием Дова Йаланне, настолько же священным для местных жителей и их истории, как и Акрополь для афинян.

Неписанный закон гласил, чтобы мы снизились и летели на высоте человеческого роста над пыльной дорогой, ведущей в Галап. Мы спустились почти к самой земле — проживающие здесь индейцы все, как на подбор, были невысокими и крепкими. Сверкающий Нож возвышался бы над ними, как швед над стамбульцами. Языки и культура разнились в той же степени.

Несколько жителей копошились между грядками кукурузы, фасоли и сладкого перца; то тут, то там виднелись персиковые деревца и загончики для овец. Индейцы носили потертые хлопчатобумажные комбинезоны, а голову повязывали банданами. Шляп я так и не увидел. У мужчин волосы спускались до самых плеч. Жители использовали ручные орудия труда, а вдалеке я углядел тележку, которую тащил ослик.

И дело было даже не в нищете: просто этот народ глубоко и искренне придерживался древних традиций и религии далеких предков. Притом фанатизмом тут и не пахло, это противоречило их натуре. Здесь хватало метел, ковров-самолетов, телефонов, дальноvizоров и прочих технических новинок. Местные дети ходили в хорошую школу. Заветы великих предков блюлись здесь строго, но старинные целительские навыки дополнялись медицинскими заклятиями, антибиотиками и тому подобным. Вообще-то, Джинни рассказывала, что весь мир учился целительству и врачеванию именно у этих людей.

Некоторые из работников заметили нас и приветственно замахали руками. Исторически сложилось, что зуни испытывали неприязнь к испанцам — ну, понятно почему. Притом испанцы умудрились исковеркать их название, «ашиви», и по ошибке поставить тильду над неизвестно откуда взявшимся «н». То же самое было с мексиканцами и апачами. Тем не менее зуни прекрасно ладили с навахо и, конечно, всегда хорошо сходились с хопи. В целом с американцами у них установились неплохие отношения, хотя до недавних пор последние здорово притесняли местных жителей. У меня что-то дрогнуло внутри, когда я услышал крик какого-то мужчины:

— Здорово, доктор Матучек!

Джинни помахала в ответ.

Впрочем, с тех пор, как мы переехали в Нью-Мехико, она постоянно интересовалась индейцами. Возможно, нам крупно по-

везло, что однажды Джинни постречалась в магазине с Балавадивой и они заболтались на профессиональные темы. С другой стороны, это могло быть чем-то большим, чем просто счастливый случай. Как бы там ни было, вскоре Джинни знало все пуэбло — так внимательно и уважительно она расспрашивала жителей, старательно учила их редкий язык, вникала в самые незначительные и мелкие проблемы селения. Хотя ее, как женщину, и не допускали до определенных вещей, ее иностранное происхождение не играло никакой роли.

Мысли мои перескакивали с одной темы на другую, как кузнечик, и я задумался, что было бы с этим племенем, повернись история по-другому. Например, случись так, как представлял себе Уилл, когда наука проморгала бы релятику, а значит, не было бы магии и всю власть получили бы технические приспособления. Замостили бы эту дорогу? И что было бы на месте селения? Концентрационный лагерь, или пастбища для овец, или что?.. Какая разница. Сейчас все так, как есть на самом деле. Но я твердо знал, что души зуни не прижились бы ни в каком другом месте.

Мы влетели в город — или деревню, хотя такое определение подходило еще меньше — и опустились на стоянке у церкви. Ее недавно отреставрировали. Квадратное строение с колокольной, на верхушке которой виднелся крест. За церковью было заросшее сорняками кладбище и парочка hognos — круглых глиняных печей. Внутри церковь была украшена фресками, на которых изображались местные религиозные обряды. Хотя католицизм оказал определенное влияние на индейцев, их собственная религия держалась так прочно, что миссионеры, пытавшиеся сместить ее, потерпели полное поражение.

И все же от прежних времен почти ничего не осталось. Дома строились в расчете на одну семью, низенькие и маленькие, но вполне современные, они довольно далеко отстояли друг от друга. Имелась пара магазинов и кафе. Священный склон горы отсюда не был виден, для этого нужно было подняться на специальную площадку, где ежегодно проводились ритуальные моления. Кроме нас, из гостей пока никого не было. Местные жители продолжали заниматься своими делами, в основном на свежем воздухе. Школьные занятия еще не начались, так что детвора шныряла по всей долине. Мы прибыли в промежуток между ежегодным праздником плясок и другими обрядами.

Мы двинулись к дому Балавадивы, так что солнце теперь грело нам спины. Видимо, по статусу ему полагалось поселиться

в одном из уцелевших старых домов. Он был сложен из обожженных кирпичей, плоскую крышу поддерживали деревянные потолочные балки. Но в окнах стояли алюминиевые рамы, а дверь была из фанеры.

Я постучал. Вышла его жена, полная женщина в вышитой рубашке и длинной юбке с роскошным поясом. На шее у нее висели серебряные цепочки и низки бирюзы и ракушек.

— Keshi, — сказала она и перешла на ломаный английский: — Входите. Входите. Пожалуйста.

— Спасибо, миссис Адамс, — поклонился я, не в состоянии вывернуть язык ее индейским именем.

А Джинни запросто выговорила «Вайуатитса» в середине фразы на чистом наречии зуни. Мы вошли.

Комнаты в доме были просторные, прохладные и мрачноватые, хотя и выбеленные от пола до массивных потолочных брусьев. На каминной решетке стоял горшок со священной пищей, а над очагом висели две термальные куклы — эскимос (для прохлады) и африканец (для обогрева). В другой комнате были и лампы, и дальновизор, и музыкальный центр плюс книжный шкаф, забитый книгами, и современная мебель, а на полу лежал чудесный ковер. В правом углу стоял ткацкий станок с неоконченным полотном, это сразу напомнило нам, что древние обычаи здесь еще живы.

Джинни говорила, что за следующей дверью находятся кухня и ванная, а еще несколько отгороженных спален. Все в доме дышало простотой, которой белый человек ни за что не стал бы придерживаться, если бы был так же знаменит в своем народе. Но зуни — племя непритязательное.

Балавадива сидел за столом. Его дети давно построили собственные дома. Он цедил очередную чашку кофе и рассматривал шахматную доску. Ожившие фигурки вели сражение сами по себе. Из проигрывателя несея джаз-диксиленд, который он всегда любил.

Если не считать массивного ритуального кольца, одет Балавадива был как обычный фермер. Он до сих пор вел простую фермерскую жизнь, хотя временами и делал украшения, которые стоили бешеные деньги.

А по роду службы он был верховным жрецом Лука.

Он встал, жестом остановив фигурки и выключив музыку.

— Добро пожаловать, Стивен и Вирджиния, — возгласил священник. — Хотелось бы встретиться по более счастливому поводу, но я все же рад вас видеть. Присаживайтесь.

В отличие от жены Балавадива довольно бегло говорил по-английски. В детстве его клан Оленя разглядел способности мальчика и послал учиться в государственный университет. Когда до этих мест докатилась война, он пошел в партизаны, которые не давали захватчикам спать спокойно. Потом он вернулся домой и стал предводителем всего клана и вершителем всех важных дел пуэбло. Война научила его многому для нынешнего высокого сана.

Хотя Балавадива был на голову ниже меня, а волосы его покрылись паутиной седины, наши руки соединились в пожатии с равной силой. Вот такой он и был: широкое скуластое лицо, две складки у рта, но никаких морщин. А глаза сияли, как два обсидиана.

Его жена приготовила кофе, поставила еще воды и села за ткацкий станок, продолжая прерванную работу. Мне приходилось видеть ее наряд для плясок, и я сообразил, что она мастерит праздничный килт. «Для кого она это делает?» — удивился я.

— Зуни опечалились, узнав о неудаче в Твердыне, — начал Балавадива. — Но хорошо, что никто не пострадал.

Джинни заговорила на его языке. Чуть подумав, он обратился ко мне.

— Ваша дама попросила меня отбросить вежливость в сторону, — пояснил священник. И перестал улыбаться. — Можно и отбросить. Ведь мы друзья. Вам, вероятно, известно, что я не приветствовал движение НАСА против злых духов. Пара наших ребят записалась к ним. Я бы тоже туда пошел, если бы тогда был с вами знаком. Но мои чувства так перемешались, что никакой пользы я бы не принес. А ребята остались.

— Ну, некоторые считают, что, э-э, наш проект запятнает, э-э, святость Луны, — промямлил я. — Но это не так. Там ведь уже, э-э, живут Создания...

— Их открыл брат Вирджинии, — кивнул он. — Да, если нам удастся найти с ними общий язык, это замечательно. И все же я бы хотел, чтобы первый полет проходил где-нибудь в другом месте. Здесь так много грубых, болтливых, жадных... — Он поднял руку. — Нет, я не нападаю на вашу культуру, Стивен. Все человечество благодарно ей за Конституцию Соединенных Штатов и Билль о правах. Но ничто не совершенно под луной, и ваши соотечественники способны испоганить все, к чему дотянутся.

«Нет, — подумал я, — только не мирную пустыню и гармонию между ее обитателями!»

Из сентиментальной задумчивости меня вывела Джинни.

— Сэр, я уже говорила об этом раньше, скажу и сейчас. Вы тоже человек. Как и ваши предки. Когда-то анасази жили на севере, они губили окружающую природу, распахивали луга и сжигали леса. Войны, охота на ведьм, рабовладение, пытки. Они забивали больше животных, чем могли съесть, из чистого азарта. И все это задолго до того, как в Америку приплыли белые. То же самое было в Европе, Африке и Азии.

— Слов нет, — пожал плечами Балавадива. — Но вы понимаете, что я хотел сказать.

— Конечно, но насчет последнего — «слов нет»!

— У нас кое-кто считает, что полет в космос можно организовать быстрее и без шумихи, — намекнул я.

— Вирджиния рассказывала мне кое-что о вашей... операции «Луна», кажется, так называется ваш проект? И насколько он выполним?

— Не особо, — признался я.

— Это к делу не относится, — отрезала Джинни. — Вы же не хотели, чтобы Койот погубил проект «Селена»?

— Не хотел, — тихо ответил Балавадива. — Но это вполне могло прийти ему в голову.

«Золотая голова, — подумал я, — но досталась полубогу». Иногда, будучи в хорошем расположении духа или если его привлекала награда, Койот творил настоящие чудеса и помогал людям. Но чаще он влезал во всякие неприятности, даже погибал, но постоянно возвращался к жизни снова. Что же он узнал, что постиг там, за гранями смерти? Он был великим притворщиком и фокусником. Но фокус может и не удалиться. И черный цилиндр волшебника извергнет не кролика, а смерть с косой.

— Прошлой ночью, когда он помешал взлету, — сказала Джинни, — ему помогали чужие Создания.

Священник поморщился.

— Знаю. От них воняло злом.

— Вы знали? — воскликнул я. — Откуда?

И тут же сообразил, что сморозил глупость, но Балавадива, и глазом не моргнув, ответил на вопрос:

— Мы поднимались на Дова Йаланне и проводили обряд. Я сам почувствовал изменение магических потоков. И кое-что понял.

Джинни вцепилась в край стола.

— Я так и знала! Потому и прилетела сюда.

— Попросить зуни о помощи?

— Прежде, чем сюда явится тупоголовое правительство и станет требовать, — добавил я.

— Ну и глупо с их стороны. Можешь так им и передать. — Балавадива испытывающе оглядел нас. — Для вас, друзья мои, я сделаю все, что в моих силах. Нет, мне не хотелось бы знать, что еще кто-то может пострадать. Хотя меня не волнуют ни проекты, ни карьера, я согласен. А пока нам нужно поскорее спасти Койота, пока он не погиб окончательно... Если, конечно, сможем. А мы не сможем, когда нам в спину будут дышать федеральные агенты, бюрократы всех мастей и журналисты. Не могли бы вы намянуть об этом кое-кому в верхах?

— Постараемся, — пообещала Джинни.

Вайуатитса встала, заново наполнила наши чашки кофе и вернулась к станку. По поводу этого килта меня все сильнее раздрало любопытство. Какое-то время все молчали.

Балавадива пристально посмотрел на Джинни. Та не отвела глаз. Молчание затянулось. Стал слышен уличный шум и болтовня, но словно откуда-то издалека. Свет, льющийся из окон, померк, в комнате потемнело.

— Тебя ведь волнует не только общее дело, правда? — наконец пробормотал он.

Она покачала головой.

— Нет. Наше дело тоже.

У меня по спине прошел мороз.

Когда священник снова заговорил, голос его звучал спокойно и размеренно, словно благословение:

— По крайней мере, нам повезло с временем года. Большой летний Танец Дождя уже позади, так что до октябрьского Танца Кукол ничего особенного не предвидится. Понятно, что все приготовления должны быть закончены до Шалако.

Я знал, что для зуни этот зимний праздник не менее значим, чем для христиан Пасха, а для иудеев — Йом Кипур. И готовятся к нему так же основательно и загодя, как новоорлеанцы ко вторнику на Масленной неделе — Марди Грас.

— Но месяц-другой я буду полностью свободен, — продолжил Балавадива. Поскольку он всегда упоминал о помощниках, то на этот раз, видимо, он решил, что сам будет заниматься поисками и... колдовством. Как верховный жрец, он распоряжался такими силами и мощью, что другим и не снилось. — Давайте сравним наши наблюдения и, ради всего святого, будем честны и открыты. Потом решим, что именно касается нашего дела.

Совещание продолжалось несколько часов. Временами он

переходил на родной язык. Священник и Джинни извинялись, но в английском не всегда находились подходящие слова и определения. Ну, когда рассказ подошел к тому, что я обнаружил, пока был в волчьем обличе, им пришлось верить мне на слово. Потому что я никак не мог объяснить, каким образом я узнал то, что узнал.

В конце концов Балавадива мрачно подытожил:

— Неизвестно, как именно Койот сошелся с Созданиями, которые стремились провалить полет на Луну. Притом, возможно, сам он не предполагал, что все закончится катастрофой. Скорее всего, он просто возмутился, что кто-то вторгся на его территорию, и не устоял перед искушением устроить нарушителям сладкую жизнь. Создания сумели быстро и незаметно ослабить защитные чары, ведь заклинания были направлены против местной или европейской нежити. Похоже, твой феврун прав, и в большинстве своем это были китайские демоны. Зуни ничего о них не известно. А что касается духов, тут мы на высоте. Нет, узнать имя Создания, которое сопровождало... шэня, я не могу. Но признаки слишком явственны и, честно говоря, пугающи. — Его рука сжалась в кулак. — Никогда еще я не ощущал злобы такой силы.

— А человек, который их встречал?

В голосе Джинни послышалась боль, и я стиснул ее пальцы. Она крепко сжала мою ладонь.

— Не знаю, никто из нас не знает, — чуть спокойней ответил Балавадива. — Сны, которые пригрезались нам на скале, указывали, что это мог быть кто-то вам близкий.

— Запах, который я почуял... Нет! — Я замотал головой. — Слишком слабый, почти выветрившийся. Тем более что там применили заклятие, чтобы сбить нас со следа.

Джинни и Балавадива переглянулись.

— Пожалуй, мне следует заняться этим, — быстро сказала она. — А вы, сэр?

— Мы с товарищами сделали все, что в наших силах. Придется просить помощи со стороны.

— Откуда? — прошептала она. — И у кого?

— Например, у Небятумы. Он много где бывал, многое видел, а его флейта способна развязать самые молчаливые языки. — Балавадива помолчал. — А может, попросить Водомерку? Нет, рано. Если я вообще рискну на такой шаг... Я отправлюсь в пустыню, Вирджиния, и займусь поисками. Все, что мне остается, это искать.

— Как и нам.

Они пожали друг другу руки.

— Хорошо, — невесело усмехнулся Балавадива. — И куда вы направите свои стопы? Может, останетесь на ленч?

Я так и не понял, было ли это простым дружеским приглашением или местным обычаем, но Джинни поблагодарила его и отказалась. И хотя она ничего не добавила, я понимал, что занимало сейчас все ее мысли. Балавадива не настаивал и проводил нас сердечным напутствием.

Мы взяли курс напрямиком на Галап.

— Давай залетим к Уиллу, — предложила жена.

— И что мы ему скажем?

— Пока немного. Я сама поговорю с ним. С одной стороны, просто хочу его увидеть, потом обрисовать ситуацию в новом свете, поболтать... и заверить, что мы не забыли о нем.

— И не забудем, — ответил я и сжал ее руку.

— Я знала, что ты так скажешь, Стив.

— А как же еще? Скорее небо рухнет на землю, чем Уилл совершит злое дело.

— Так-то оно так, — пробормотала Джинни и умолкла. Я почувствовал, что она не хочет продолжать разговор. Мы молчали и наслаждались видом с высоты. С востока наплывали приветливые белые облачка.

Впереди, на краю широкой долины показался Галап. Сверху он напоминал расправленное крыло летучей мыши. Мы юркнули сквозь потоки транспорта, как змея через изгородь, так что я и испугаться не успел. Дом Уилла находился в старейшей части города, густо заросшей деревьями. Мы начали спускаться.

Джинни зарычала, и «Ягуар» пошел в крутой разворот. Я посмотрел на маленький домик и выругался. Рядом с ним стоял целый лес метел, и среди них виднелся «Лендровер»-ковриолет, который нельзя было не узнать.

Значит, ФБР уже здесь.

— Может, они просто беседуют? — промямлил я.

— Такой толпой? Скорее, расследуют, — бросила она.

— Но... Не лучше ли нам спуститься? Окажем ему моральную поддержку.

Плечи Джинни поникли.

— Нет. Бессмысленно и бесполезно.

Некоторое время мы летели наобум. Потом она взяла себя в руки и повернулась ко мне.

— Стив, давай пока не будем возвращаться домой. По край-

ней мере, пока не успокоимся настолько, что сможем спокойно смотреть в глаза детей.

Бен до сих пор был в походе, а Вэл снова нянчила Крису. Когда мы попросили ее посидеть с сестренкой, она почти не ершилась и сразу согласилась побыть дома. Что же такое было вчера сказано или сделано, что утихомирило нашу буйную дочь? За завтраком ее явно одолевали мрачные думы. Но что, в конце концов, знает отец о своей дочери?

— Ладно, — согласился я. — Может, сейчас ты не против ленча? Где-нибудь, где будет холодное пиво?

Джинни через силу улыбнулась:

— Временами ты — настоящий гений!

Мы направились к центру города и припарковались в первом же удобном месте. Поскольку Галап лежит дальше от Твердыни, чем Грант, он разросся не так широко, но деловая часть города была застроена под завязку, а тротуары кишели прохожими. Впережку со строгими офисами кричаше выпирали бутики. Мы как раз миновали один такой, новый, под вывеской «Хитрый кактус». Среди остальной безвкусицы на витрине красовалась напольная лампа в форме огромного ветвистого кактуса-сагуаро. Несчастному кактусу пририсовали круглые глазищи, курносый носик и розовые губки бантиком, обещающие небывалые радости. Иногда я жалею, что восстание пуэбло в 1680 году потерпело поражение.

Мы решили, что в данную минуту хотим побыть в расслабленной, пусть и шумной, но непринужденной атмосфере, даже в угоду элегантности. Не тут-то было. Наверное, мы не умели выбирать подобные места так, как ухажеры нашей дочки, поскольку то, что мы отыскали, успело превратиться в ресторан. Ягнятина, резаные яйца, лук и помидоры — все смешивалось и запекалось между двумя плоскими хлебцами. Пальчики оближешь! Америка умудрилась перенять за время войны кое-какие навыки у врагов — хотя некоторые эстрадные ансамбли переживают с восточной экзотичностью. Зато глиняные кружки из Брокен-Боу прекрасно сохраняют пиво ледяным.

К несчастью, громко работающий дальноvizор не способствовал пищеварению. Мы бы еще плюнули на какой-нибудь задрипанный сериал, парад мод или рекламу, где коммерсанты разрывались от дебильного восторга. Но транслировали сводку новостей, и речь шла о космической программе.

Конгрессмен Шалтай заявил, что мы — угроза общественному благосостоянию, если учесть налоги, которые угрохали на

наш проект, а они могли поднять пришедшие в упадок молочные фермы Висконсина, оживить банки Нью-Йорка, пойти на починку нефтеочистительных заводов Техаса, закупку заграничных сигарет и военную промышленность в этом округе. Поскольку тип явно метил в президенты, то раскатывал губу широко.

Как и преподобный Болтай. По его словам, путешественники на Луну совратят ее невинных, чистых обитателей, как в свое время западные цивилизации совратили всех, до кого дотянулись. А еще наш проект вопиющим образом не принимает во внимание темных воротил бизнеса, торговцев наркотиками, бандитов, убийц, проституток, сутенеров и — что самое страшное — его избирателей!

Из того факта, что аль-Банни работал на Халифат, разыграли целую комедию. «Он хочет заполнить лошадьми небо. Ему плевать, на чью голову посыплется навоз!» Последовал мультфильм, где наш главный мастер предстал в виде прибабахнутого кролика, который длинными ушами игрался луной, словно шариком от пинг-понга. По-арабски «банни» значит «коричневый», так что кролики ни при чем, но об этом ненавязчиво умолчали.

Я могу продолжить пересказ, но стоит ли?

— Похоже, проект по уши увяз в политических дрязгах, — заметила Джинни.

— Так часто бывает, — напомнил я. — Просто руки опускаются. Проект «Селена» теперь вынужден доказывать, что имеет право на существование, а значит, работы будут приостановлены. НАСА запросто может все прихлопнуть одним ударом.

— А операция «Луна»? — едва слышно выдохнула Джинни.

— Вполне. Вполне. Вот только как мы выберемся из этого дерьма... О черт, солнышко, давай займемся обедом, а?

— И друг другом, — ответила она и призывно улыбнулась.

И вот, уставшие и встревоженные, но все-таки немного взбодренные, мы вернулись домой. Эдгар дремал на жердочке. Но куда подевался Свартальф? И Крисса не спешит поделиться радостью? Я заметался по дому, но тут услышал голос. Успокоившись, но заинтригованный, я пошел наверх.

Дошел до комнаты Валерии. Дверь — нараспашку. Как всегда, там царил полный кавардак. В ее возрасте никто не страдает аккуратностью. За собой она следит и одевается настолько опрятно, насколько позволяет молодежная мода. В школе она учится неизменно хорошо, хотя ее сверстники презирают «зубрил». Хорошие учителя любят тех, кто увлечен предметом. Возможно, под влиянием матери, хотя мы специально не направляли детей,

Вэл начала серьезно интересоваться традициями и знанием юго-западных индейцев. Я заметил на полке несколько библиотечных книг по этой теме, а под полкой висели постеры с Бэтменом и Минни-Маус. А еще Вэл обожала научную фантастику. Свартальф, расположившийся на ее кровати, свернулся клубком рядом с последним романом Лиля Монро о магистре Лазаре, который она купила сама. «Ага! — подумал я. — Когда она дочитает, я это стащу».

Я обнаружил дочку в комнате Криссы, Вэл рассказывала сестре сказку. Малышка замерла и не сводила с нее глаз. Рассказ только-только начался, потому не удивительно, что дочери не заметили нашего возвращения.

— Давным-давно жила-была девочка, которую звали Грязновласка. Ее звали так, потому что она терпеть не могла купаться. И ее не волновало, что за ней летают мухи, а в пупке полно земли. Когда она впервые увидела фото знаменитого роденовского «Мыслителя» — каменного задумавшегося человека — она сказала: «Бедняжка, его заставляют выкупаться!» Как-то раз отправилась она погулять в лесу. Шла она долго-долго, потому что хотела убежать подальше от мочалок и мыла. Наконец пришла к домику. Она не знала, что в домике жили медведь-папа, медведица-мама и маленький медвежонок. Ей было все равно. Медведи оставили дверь незапертой. А поскольку Грязновласка — это Грязновласка, то она вошла в дом. Там был стол с тремя стульями. Села она на первый, самый большой стул, но тот был обтянут шкурой дракона и слишком широкий и неудобный. Средний стул был такой мягкий, что она провалилась по самое горло и еле выбралась. А маленький стул был в самую пору. Грязновласка уместилась на нем, запачкав грязным задом сиденье, но ей было начхать. На столе стояли три миски с кашей. Попробовала она из большой миски — слишком горячо, да еще туда доливали бурбон. Фу! Грязновласка пила только чистый шотландский виски. В средней миске каша была нежирная, без концентратов, ни капли сахара. Бе! А в маленькой миске — то, что надо. И Грязновласка принялась наворачивать кашу, как смерч всасывает воду, только еще быстрее...

Я вернулся к Джинни. Все было в порядке. Вэл занимала сестричку, разве что слегка попрекала за прежнюю нелюбовь к воде. И все же я заметил, что буйство еще не оставило ее. Как же это проявится в следующий раз?

ГЛАВА 9

Мы позвонили Уиллу и пригласили его на ужин. Он с радостью согласился, но, когда явился, мы поразились, насколько измученным он выглядел.

— Тяжелый день? — поинтересовался я, когда мы сели за стол.

И намекнули, что видели у его дома целую свору полицейских метел. Он вздохнул:

— А, они были вежливые. Но очень, очень дотошные. Я и подумать не мог, что меня будут спрашивать о всех событиях последних лет моей жизни, да еще в подробностях — поди все упомяни! Не говоря уже о моих китайских знакомых и всем, что угодно. Они даже вылизали мою старую метлу и собрали пыль в конвертики.

— Надо было возражать, — скривилась Джинни. — К тому же я уверена, что ты им слишком много наболтал.

— Почему нет? — удивился Уилл. — Они же расследуют серьезное преступление.

— Не нужно выкладывать все карты на стол. У них ведь наверняка не было полномочий, разве не так? А тебе первым делом следовало пригласить своего адвоката.

— Господи боже, зачем? Выложить ему кучу денег, и в результате они решили бы, что мне есть что скрывать! Нет уж!

Мы с Джинни только переглянулись. Она покачала головой. Я кивнул и промолвил:

— Никогда нельзя быть ни в чем уверенным, если имеешь дело с правительством. Потому все нормальные люди стараются держаться от властей подальше, разве что их припрут к стенке. А твои визитеры остались... довольны?

— Ну, эти господа поблагодарили меня, но сказали, что хотят снова встретиться. И попросили не покидать город.

— Попросили, — пробормотал я. — Нужно поговорить со Сверкающим Ножом.

— Ты ведь и так никуда не собирался в ближайшее время, правда? — спросила Джинни у брата. Я понял, что она пытается убедить Уилла, что полиция не считает его подозреваемым. И так ситуация паскудная.

— Конечно, — отозвался астроном. — Они говорили, что, скорее всего, в Твердыне завтра уже можно будет вернуться к работе. Мои наблюдения за Луной... а мне еще нужно связаться с

зарубежными коллегами и узнать, что они успели выяснить... Ты ведь вернешься на работу, Стив?

— Хотелось бы, да и меня уже звали. — Я недавно имел разговор с непосредственным начальником. — Нужно выяснить, как пострадала переговорная система и не виноваты ли техники в катастрофе. Да при чем тут связь? Ох... И за всю историю Вселенной налоговый аудитор не мог выбрать более неподходящего случая, чтобы припереться сюда именно сейчас!

Девочки сидели с нами. Крисса была поглощена картинками в какой-то книжке, а Вэл прислушивалась к разговору, потягивая «гепта-ап» и глядя развалившегося рядом Свартальфа.

— А я про это не знала, па! — воскликнула старшая.

— Зачем тебе забивать голову? — пожал плечами я. — Финансовое управление похоже на войну: постоянная скукотища с редкими ужасными выступлениями.

— Он шутит, — вставила Джинни. — Ничего страшного нам не грозит, разве что та самая скукотища.

— И куча претензий, — буркнул я.

— Тебе незачем тут страдать, Вэл, — продолжала Джинни. — Ты уже заработала хорошую карму. Так что отдыхай. Разве твои друзья передумали устраивать пикник?

— Они — нет, а я — да.

Судя по тому, как упал ее голос, только что веселый и жизнерадостный, ее вновь обуял демон противоречия и злобы. Глядя, как на чистых щеках дочери проступает румянец, я сделал вывод, что она до сих пор в ссоре с ухажером. Вероятно, вчера он приходил к дому, пытался загладить вину, и только все испортил. Вспомнив себя в этом возрасте, я невольно проникся к парню сочувствием.

Мы с женой не стали уточнять.

— Жаль, — сказала Джинни, — тогда можешь пойти куда тебе заблагорассудится. Только не забудь вернуться к ужину.

— Думаете, будет так плохо? — осведомился Уилл.

— Ну, ты ведь знаешь, как у нас обстоят дела с финансами. Зарплата Стива, мой бизнес, наши доходы и, наконец, операция «Луна».

Он хмыкнул и выпустил клуб дыма из своей трубки.

— Я и сам в это замешан.

Эту фразу он произнес куда более озабоченно, чем рассказ о визите ФБР.

— Сиди тихо, — посоветовала Джинни, — сосредоточься на повседневных делах и не болтай ни с кем, не посоветовавшись со

мной. Я решу, чем тебе помочь, и увидишь, что помощь не замедлит. — Она слабо улыбнулась: — Слава богу, что я не из таких блаженных неведающих, как ты.

У меня едва не вырвалось: «Ты, Уилл?» Этот спокойный человек с тихим голосом, седой бородкой и тонким юмором...

Досада за бедного Уилла смешалась со злостью на весь настоящий бедлам.

— Да уж, чума их побери, начнут совать нос во все дырки, перетряхивать нашу частную жизнь, — нахмурился я, — изведут тонны бумаги, потратят уйму времени, а толку — кот наплакал.

— Ну, вряд ли будет так страшно, — сказала Джинни. — Я-то знала, что в один прекрасный день явятся эти гоблины, а потому успела подготовиться.

— Ты что, разобралась в системе налогов США? — удивился Уилл.

— Я что, похожа на господа бога?

— Смертному это не под силу, — заявил я. — И все равно от них всего можно ожидать — полезут в свой саквояж и вынырнут с глазом тритона или лягушачьей лапкой.

— Да, я слышал про такое, — кивнул Уилл. — С другой стороны, говорят, что некоторые налогоплательщики защитились от этой напасти с помощью ноги ящерицы и крыла стервятника.

— А потом вступились адвокаты и неплохо нажились, — проворчал я. — Человек потенциально виновен, пока не доказал обратного. Угрохав по пути массу денег, сил и времени. Неужели Отцы-Основатели имели в виду именно это?

Валерия внимала разговору с неослабевающим интересом. Юношеский идеализм уже вытеснил сожаления и душевные тревожения.

— Если все так ненавидят налоговую службу, — спросило дитя, — почему тогда она до сих пор существует? Я думала, что это было правительство людей, ради людей и для людей.

— Именно, — согласился я. — Только, увы, это все три разные класса людей.

— Стив, не будь таким циничным! — одернул меня Уилл. Он откинулся на спинку дивана и закурил, всем видом напоминая философа. — Видишь ли, — обратился он к Вэл. — Разобраться в людских делах всегда не просто. То ли потому, что мы суть павшие ангелы, или высокоорганизованные обезьяны, или все разом (в зависимости от точки зрения), но факт остается фактом. В целом наша страна справляется с этой проблемой лучше многих других. Почти каждый гражданин работает на государственных

предприятиях. — Он зыркнул на меня: — Вот как ты, Стив. Налоговая инспекция — такое же предприятие. И все честные граждане зарабатывают на жизнь, трудясь в рамках закона. Закона, представленного правительством, которое выбираем мы сами демократическим голосованием.

Я собирался вставить насчет перераспределения, недочетов и судебных издержек, но Джинни опередила меня, что, впрочем, к лучшему.

— Все будет прекрасно, — подытожила она. — Давайте лучше поговорим о чем-нибудь более радостном, например, похоронах.

Тогда Уилл рассказал недавно услышанную байку о том, как две монашки на возке, запряженном единорогом, возвращались поздней лунной ночью в монастырь с какого-то церковного торжества. Ну, и были немного навеселе. Вдруг сверху спустилась огромная летучая мышь, уселась на дерево и превратилась в облизывающегося вампира. «Скорее, сестра, — прошептала монашка, которая правила возком, — покажи ему свой крест!» Вторая показала осиновый крест и рявкнула: «Парень, поди прочь от осины! То есть от креста!»

Вэл расхохоталась, Крисса услышала и тоже засмеялась.

Я встряхнулся и порадовал слушателей историей, как один генерал из Пентагона отправился на рыбалку и по пути увидел магазин, где продавали наживку, с вывеской: «Любые черви за доллар». Он вошел и сказал: «Дайте мне двухдолларового червя».

Джинни выдала историйку еще забавнее, так что общение мигом наладилось. Настроение у всех сразу подскочило, за ужином мы веселились пуше прежнего и так до самого позднего вечера, когда пришла пора ложиться спать.

И в самый раз. Потому что в дальнейшем поводов для веселья у нас больше не было.

ГЛАВА 10

Альгер Сноп прибыл точно к часу дня. Это был коротенький и тощий человек с гладкими темными волосами и холодными карими глазами. Держался он прямо, словно палку проглотил. А когда говорил, кончик его носа слегка подрагивал. Я открыл дверь, и инквизитор, не задерживаясь, промаршировал в прихожую. Шляпу, правда, снял и переложил в левую руку, в которой уже нес портфель. Помахал удостоверением. Символы вокруг на-

рисованного Анубиса означали, что перед нами специалист в своем деле, притом весьма высокого ранга. Снип засунул удостоверение обратно в карман и протянул руку для пожатия. Ого, вот это хватка! Я не преминул показать, что тоже не слабак.

— Моя жена Вирджиния, — представил я Джинни, которая была сама ледяная любезность. — Наши дочери, Валерия и Крисса.

Девочки даже не подошли поближе. Вэл глядела на гостя исподлобья, как на что-то омерзительное.

— Извините, — медленно и тяжело уронила она, — я пойду и займусь уроками. Если мне позволят.

Развернулась и вышла. Свартальф одарил гостя презрительным взглядом, задрал хвост трубой и гордо удалился за Вэл.

— Бэ! — выдал Эдгар со своего насеста, притворяясь, что его тошнит.

Крисса всхлипнула и залилась слезами. Снип поджал губы.

— Простите, — сказала жена, наклоняясь, чтобы обнять малышку. — Она устала. Тише, тише, милая, не бойся. Мама и папа с тобой, они тебя не бросят. Я уложу ее в кровать, пусть поспит. Стив, проводи мистера Снипа в кабинет и угости чашечкой кофе.

Да, впечатляющее начало.

— Сюда, пожалуйста, — сказал я и повел инспектора наверх. — Гм, если бы вы приехали утром, дети бы нам не мешали.

А я бы не потратил несколько часов в пустом и тягостном ожидании! Джинни-то хоть могла просидеть на телефоне, созваниваясь с клиентами.

— Я считаю, что инспекция будет долгой, и не хотел, чтобы мы прерывались на ленч.

Намек понят: он подразумевал, что во время обеденного перерыва мы попытаемся замести улики.

Я присмотрелся к нему. Что-то в нем было не так... Одежда? Серый деловой костюм, рубашка в полосочку, синий галстук в белый горошек, старательно начищенные черные туфли — все свидетельствовало о высоком положении. В чем же дело? Слишком широкополая для наших краев шляпа смотрелась несколько консервативно. Новая и, похоже, дорогая, но государственным служащим не запрещается жить на широкую ногу. И все-таки я бы предпочел оборотиться волком и хорошенько обнюхать чужака, который внушал мне смутную тревогу.

Нет, не годится. А то могу и накинуться невзначай.

Мы вошли в кабинет. Он окинул комнату зорким оком. Большой письменный стол с обычными канцелярскими принадлеж-

ностями, телефон, рядом — пара офисных кресел и несколько застекленных шкафчиков. На одном из них стоял бюст Афины Паллады. Из окна открывался вид в сад. На раме Джинни нарисовала анкх, в петле которого был глаз, активизировавший защитное поле. Поверх рисунка шла надпись: «Protege semper nates tuas parugo»¹.

— Это мастерская доктора Матучек, так? — спросил Снип.

— Нет, и даже не приемная. Здесь мы храним счета и записи и занимаемся канцелярской работой.

— Я хотел бы изучить и остальные комнаты, мистер Матучек, включая и ваш кабинет. Но начнем отсюда.

У меня во рту пересохло. Сглотнув, я сказал:

— Собственно, у меня нет своего кабинета. Практикуюсь я в своей комнате. — Всякий, кто назовет ее конурой, получит в ухо. — Но это не для работы, скорее для отдыха, чтения и увлечений. Личные апартаменты, и к деловой части дома мы их не причисляем.

Он уселся, положив на стол шляпу и портфель.

— Спорный вопрос. Параграф 783(с)4. Вернемся к нему позже. Приступим?

И достал пухлую папку.

— Финансами и счетами занимается жена, — сказал я. — Даже не знаю, где что лежит. Сейчас она уложит малышку спать и придет. Может, выпьете пока кофе?

— Пока нет, — отмахнулся он. — Садитесь, пожалуйста.

То ли мне показалось, то ли он и вправду произнес «пожалуйста» через силу. — Давайте обсудим ситуацию в целом, в неофициальном порядке.

— Разве вы уже не изучили все в целом? — спросил я, опускаясь во второе кресло.

— Только ваши досье и другие документы, разрешенные к распространению.

Что же ему еще надо? И почему? На крупную дичь мы все равно не тянем.

— Кое-что нам непонятно, — продолжил Снип.

Естественно, ты же сборщик налогов, а не ученый или исследователь.

— Признаться, ваши отчеты были более чем скромны.

Другими словами, если мы решили тянуть одеяло на себя, то наверняка хорошо подстраховались.

¹ Всегда прикрывая ягодицы свои бумагой (*лат.*).

— Нас интересуют следующие подробности, — закончил Снип.

Припомнив, как Джинни предостерегала Уилла, я решил тянуть время до ее возвращения и начал прикидывать, не пора ли вызывать адвоката. Нет, тогда атмосфера станет хуже некуда. Что такого криминального я могу рассказать? В голову ничего не приходило.

— Вы имеете в виду операцию «Луна»? — сделал я пробный выстрел.

— В основном, — кивнул он.

— Ну, мистер Стурлусон сказал, что налоговая уже приходила к нему. Разве вы не получили у него всю необходимую информацию?

— Этим занимался наш отдел на востоке. Та информация, которой мы располагаем, позволяет сделать вывод, что корпорация «Норны» связана с операцией «Луна» гораздо теснее, чем даже с НАСА... а еще с вами, вашей женой и некоторыми другими личностями. Потому проверяются и ваши налоги. Да, мы уже слышали объяснения «Норн». Теперь послушаем ваши, для сравнения.

— Они ничем не отличаются! — вспыхнул я.

— А я и не сказал, что они должны отличаться, мистер Матучек. Я только хочу задать вам несколько вопросов. — Снип кивнул в сторону своей папки. — Здесь собрана вся имеющаяся по делу информация. Вы можете помочь рассортировать ее.

«И чем это все закончится?» — подумал я, но сдержался. Все-таки нельзя судить о человеке по первому впечатлению. У Снипа просто такая работа. Возможно, у него есть жена и дети. Возможно, он их даже не бьет. Я откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и закинул ногу на ногу.

— Хорошо, что вам рассказать?

— Опишите операцию «Луна» своими словами.

Да, питбули — и те бросаются к цели не так стремительно.

— Ну, — начал я осторожно подбирать слова, — это небольшая частная корпорация. Надеемся, не убыточная, хотя пока она балансирует на грани. Владельцы — мистер Стурлусон и несколько его старых друзей.

Действительно, старых друзей — Эшман, Грисволд, Вензель, Ноби, Карлсунд и Абрамс — все те, кто стояли у портала, открытого между Землей и Адом. И только Барни можно считать относительным богачом. Запросы у всех скромные. Зато богатое изображение.

— А здесь, в Нью-Мехико, мы с Дж... доктором Матучек. Наверное, вам известно, что мы сумели закупить первоначальное оборудование. Брат доктора Матучек, доктор Уильям Матучек, тоже внес свою лепту, но в виде дара, чтобы как-то помочь нам. Вот и все, — закончил я.

— Чем вы планируете заниматься?

— Да ничего мы не планируем, мы только начинаем.

— Начинаете?! Корпорация существует уже пять лет!

«Господи боже, как же ему объяснить?»

— Послушайте, мы интересовались космосом в целом. Недавно возник проект «Селена». Я размечтался, конечно, проделать все сам, но на проект работало множество инженеров, и продвигался он быстро. Кроме того... — Тут я прикусил язык. К чему углубляться в личные проблемы? Но Снип глядел так настороженно, что фразу следовало завершить. — Кроме того, мне жутко не хотелось уходить из «Норн». И хотя строительство шло не в самой моей любимой части страны, у них прекрасное оборудование и великолепный штат работников. Тем более наша группа продумывала коммерческие возможности космических полетов. Если мы предусмотрим эту сторону и направим все силы на получение выгоды — не считая остальных положительных эффектов, — то, когда люди вырвутся в космос, у нас, так сказать, будут все карты на руках.

— И каковы же эти коммерческие возможности?

— Кто знает? Во-первых, конечно, энергия — солнечная энергия, которую отражает Луна. — Я не удержался от ноток превосходства в голосе. — Метлы и ковры не летают сами по себе, огни Святого Эльма не горят, заводы и фабрики не работают просто так. Откуда берется энергия, из топлива или магического преобразования квантовых волн — неважно, главное — она сохраняется. Закон сохранения энергии. Как, например, при изменении формы сохраняется масса. Постройте на Луне пирамиды-коллекторы, и у вас будет море энергии, делайте все, что захотите! Хотите — живите в летающем доме или поднимите Атлантиду со дна океана!

Я вдохновился, и меня понесло.

— Промышленность... Ну, например, заряженные лунные камни могут влиять на воду в ритме приливов и отливов. Настоящие насосы. Потом можно заставить стекловидные тела светиться в зависимости от фаз Луны — драгоценности. Какой медицинский эффект может оказать шепотка лунной пыли, добавленная в стакан воды или вина? Исследования, наблюдения...

Можно перечислять целый день. Кое-что, без сомнения, просто мечты, но в основном все вполне реально. Но сперва нужно добраться до Луны!

— Принимаете ли вы во внимание политическую оппозицию? — нахмурился Снип.

— Вы подразумеваете заграничных конкурентов? Я полагаю, что польза будет доступна всем.

Правда, припомнив таких личностей, как Фу Чинг, стоило задуматься, все ли будет так просто, но вдаваться в подобные детали мне не хотелось.

— Но сперва вам придется столкнуться с проблемами в этой стране.

— Ага, — скривился я. Почему-то мне хотелось оправдать нашу группу в его глазах. — Только я не политик. И мы вовсе не помешанные на науке сумасшедшие профессора. В самом начале мы и не подозревали, что на Луне могут быть обитатели. Похоже, они весьма... обидчивые. — Я не стал высказывать предположение, что за обидчивостью может скрываться дьявольский промысел. — Мы и не подумали бы обижать их или выживать с места. Но кто знает, придется ли люди там ко двору? А может, они будут рады встретиться с нами? Мы могли бы помочь им улучшить природные условия.

Уилл считал, что напротив: Существа покинули Землю, чтобы спастись от современного мира, а теперь мы хотим догнать их и навязать этот мир. Я не желал делиться этими опасениями со Снипом, но счел нужным добавить:

— Как бы там ни было, даже если единственными людьми, которые побывают на Луне, будет группа аккуратных и осмотрительных ученых, мы завоюем всю Солнечную систему. Состав металлов на астероидах или соль из мертвых морей Марса, которая может противостоять наводнениям, или испарения с поверхности Венеры, которые могут стать репеллентом против насекомых или демонов... Предела нет, нужно только начать. А потом нас ждут звезды!

Именно это звало нас, толкало вперед, но Снипу я ничего не сказал. Звало нас и миллионы других людей с пылким воображением и жаждой приключений в крови. Голконда, всплеск промышленности и новые горизонты, поиск и открытия стоили всех затрат — включая растущие налоги. Но Снипу этого не понять.

— Операция «Луна» — организация исследовательского типа, — закончил я ровным голосом.

— У вас непомерные амбиции, — заметил он.

— А вам-то что? — ошетинился я. — Ладно, «Луна» пока не принесла прибыли, зато она твердо стоит на ногах и собрала достаточно информации для дальнейшего развития.

В основном прибыль шла от платных консультаций, которые мы рассылали по разным проектам НАСА. Да, некая доля расточительства здесь была, но ничто не запрещало определенным сотрудникам «Норн» работать на операцию «Луна», как они работали на проект «Селена».

— Мы своевременно и аккуратно извещали о всех своих расходах, — продолжил я. — Если хотите проверить счета, обратитесь к нашим адвокатам, а не ко мне. Я простой инженер.

Снип заставил меня сидеть на месте, пока рылся в своих бумагах. Наконец он поднял голову и заявил:

— Ваша работа над альтернативным проектом — вопрос спорный.

Не знаю, чего мне больше всего хотелось в тот момент — стиснуть покрепче зубы или поднять голову и завывать. Три раза вдохнув и выдохнув, я смог говорить:

— И почему же? Послушайте, не одни мы считаем, что правительственная программа непозволительно обширна, дорога и раздута. — На то она и правительственная программа. — Конечно, проект «Селена» достиг новых высот, разведал новые пути, но... Можно винить в этом Конгресс, или давление общественности, или кого вам угодно, но почитайте любые публикации, имеющие отношение к космосу, поговорите со знающими специалистами в физике или парафизике. И станет ясно, что полет можно было провести гораздо дешевле... для начала выгнав всю армию бюрократов и бумагомарателей. Системы жизнеобеспечения должны быть проще и... О, черт, сложность и риск космических полетов вполне сравнимы с полетом через Атлантику! И расходы должны быть примерно одинаковы. А выходит наоборот. А теперь... после катастрофы в Твердыне, стало ясно, как в действительности космическая программа уязвима.

Я обнаружил, что расцепил руки, расставил ноги и жестикулирую как сумасшедший. И заставил себя сесть, как прежде.

— Значит, операция «Луна» старается подорвать проект «Селена»?

— Нет, черт побери! — взорвался я. — Можете вы напрячь воображение и представить нас не мошенниками, а кем-то другим?! Для вашего сведения, я свою жену тоже не обманываю.

— Я на это не намекал, мистер Матучек. И обидеть вас не намеревался. — По его голосу стало понятно, что обиделся он сам.

— Хорошо, — проворчал я. — Я думал, что вы уже в курсе. — Может, он и был в курсе и просто водил меня за нос. — Если нет, тогда слушайте. В течение последних двух лет несколько технически подкованных членов операции «Луна» проводили серьезное исследование альтернативы космическим полетам. Мы занимались этим в свободное время, сами или с «Норнами», за счет фонда организации или на собственные сбережения. Мы работали с согласия проекта «Селена», самого доктора аль-Банни в частности, который был рад, что у нас нет засилья бюрократов. Он не возражал. Напротив. Сам он предпочитал грандиозные проекты, вместе с правительством и общественностью. Но в целом он стремился к тому, чтобы люди вышли в космос, а уж каким путем — не важно. Почему бы не поощрить альтернативный проект? Он даже предоставил нам небольшой кусочек лунного камня для экспериментов. Метеориты мы раздобывали сами.

Я иссяк. И целую минуту блаженной тишины разглядывал наши цветочные горшки.

— Лунный камень? — Слип казался искренне заинтересованным. — А как вы его достали?

Изъясняться научным языком — все равно что пить из горного ручья.

— Метеориты отрываются от поверхности Луны... или Марса, или дальнего астероида, или какого-нибудь спутника Юпитера... от сильного удара. Пропутешествовав тысячи или миллионы лет, некоторые притягиваются к Земле. Они частично сгорают в атмосфере, но не до конца, и падают на Землю. Существуют разнообразнейшие технологии — спектроскопические, алхимические и симпатические — для идентификации их прежнего местопребывания. Но я не особо в этом разбираюсь. Дело в том, что части небесных тел находятся в резонансе с их источником — по закону подобия. Что позволяет вычислить траекторию и направление космического корабля. Я считаю, что в дальнейшем это не понадобится, — «если астронавтика не вымрет как наука в ближайшее время», — но в настоящий момент это весьма существенно. Даже если вы не намерены путешествовать так далеко и так долго — а мы, конечно, не намерены, — часть предполагаемой цели помогает идти верным курсом, как, э-э, как когда-то считалось, должны были помогать мощи святого.

А может, и помогали. Истинная магическая сила продолжала существовать и в железном веке и дотянула до средних веков. Утверждают, что ее позднейшие проявления — некоторое существа и редкие заклинания — приходились даже на восемнадцатое сто-

летие. Но с тех пор металломагнетизм распространился повсеместно и загнал всех уцелевших в Долгий Сон.

— Понятно. Очень интересно. Спасибо, — заговорил Снип совсем как человек. — Вы дали мне информацию к размышлению, мистер Матучек.

— Пока вы размышляете, не согласитесь ли выпить чашечку кофе? — предложил я. Скорее удрать отсюда подальше!

— Что ж, не откажусь. У меня будет пять-десять минут, прежде чем мы перейдем к деталям. Сливки, сахара не надо.

И Снип углубился в свои бумаги. Я встал и вышел.

По дороге в кухню я услышал позади себя тихое «цок-цок» и, обернувшись, обнаружил Эдгара, вышагивающего из гостиной. Поскольку я был занят, то не обратил на птицу особого внимания. Он любил летать по дому, но в помещениях с низким потолком предпочитал передвигаться пешком.

В кухне я поставил чайник на огонь, решив, что с такими успехами кофе нам придется пить не один раз. Он почти закипел, когда вошла Джинни.

— Я услышала, что ты спустился, — сказала она. — Крисса заснула.

Мое сердце возликовало, и не только потому, что падающие из окна лучи солнца зажгли ее рыжие волосы и обрисовали стройный контур фигурки.

— Слава богу! Мне страшно возвращаться туда в одиночку. В подобных вопросах я чувствую себя ягненком под ножом мясника.

— Что случилось?

Я рассказал. Она нахмурилась.

— Ты не должен был орать на него, неважно по какому поводу. С такими людьми нужно обходиться повежливей. И решать все вопросы полюбовно.

— С чего бы это? Разве мы что-то натворили, или у нас счета не в порядке? А?

Она покачала головой, вздохнула и улыбнулась.

— Мой бедный, наивный муж, это уже не относится к делу. Если инквизитор вдруг тебя невзлюбит, он найдет массу способов заставить пожалеть, что ты на свет родился. Мы виновны, пока не доказали обратного, разве ты забыл?

— Ладно, я буду вести себя хорошо. — Я выдавил улыбку. — А ты будешь жутко обаятельной. А еще тактичной, эффектной и совершенно неотразимой. — Я запнулся. — И все-таки что-то в нем такое есть. Едва осязаемое, но... его одежда...

— Ах, это. Я тоже почувствовала и быстренько проверила его на магию, прежде чем оставить Криссу. Все просто. Как я и подозревала, на нем заклятие детектора лжи. Когда он слышит неправду, у него по коже идут мурашки.

— Ого! А Конституцией это не воспрещается?

— В суде такое свидетельство не рассматривается, но... — Она развела руками.

— По крайней мере он узнает, что мы действуем в рамках закона.

— Не обязательно. Любая профессиональная ведьма или колдун могут соорудить контрзаклинание.

— А почему ты тогда не соорудила?

— Потому что он или его помощник могли установить здесь детекторы. И если я произнесу что-либо сильнее его заклятия, они это зафиксируют. Приборы не отметят, что именно я сделала, но зато его подозрения против нас перерастут в уверенность.

— А, я забыл. Лучше и не пытаться. Не хватало, чтобы нас в чем-нибудь обвинили.

— Не волнуйся. Все, чего тебе нужно избегать, это выражения ему своей признательности и уважения. Иначе он весь пойдет мурашками.

— Ну, тогда все в порядке.

— Это мне нужно быть поосторожней.

— Легкий предмет, способный отзываться на магию, реагирует на любое, даже самое слабое заклинание, так? И результат может быть обескураживающим. Хотя я надеюсь, что ты не допустишь никакой промашки.

— Спасибо, дорогой. Давай приступим.

Джинни устала приборами поднос. Я дернулся взять его, но она опередила меня. «Ах, да, — спохватился я, — часть образа заботливой домохозяйки, который она решила поддерживать». Я сжал клыки, утихомирил кровь и двинулся за женой.

Мы вошли в кабинет. И Джинни едва не выронила поднос.

Снип сидел прямо, с побелевшей физиономией и судорожно вцепившись в подлокотники кресла. Тяжело дыша, он не сводил глаз с Эдгара. Ворон взгромоздился на голову Афины и неотрывно глядел на гостя.

— Святые небеса! — воскликнула Джинни. — Что такое?

К нам повернулось бледное лицо Снина. Когда он заговорил, его голос дрожал от негодования:

— Ваш... ваша птица залетела и... смотрит! Думаете, я должен

все время быть под надзором, доктор Матучек? Как какой-то грабитель?

— Конечно, нет! — быстро ответила Джинни. — Вы не грабитель, вы сборщик налогов.

«А Эдгар думает иначе, — сообразил я. — Он знает, что этого гостя мы не звали, и принял свои меры».

— Простите нас, пожалуйста. Это ужасное недоразумение. — Джинни поставил поднос на стол и повернулась к ворону.

— Что это такое?! — напустилась она на Эдгара.

«Хорошая игра», — мысленно поздравил я жену. Если она сердится на самом деле, то говорит тихим, ледяным голосом, в котором звучит угроза и опасность. Потом я припомнил об особенностях одежды Снипа и подумал,отреагирует ли она на этот спектакль.

Ну, Джинни и вправду ведь могла обидеться на пернатого помощника. Он испортил все впечатление, которое она так старательно воссоздавала. Джинни снизила голос.

— Ты немедленно извинишься перед мистером Снимом.

— Никогда! — каркнул ворон, подражая знаменитому «Ворону»¹.

— Пошел отсюда! Тоже мне... Эдгар Аллан Кар!

Он вздыбил хохолок и зашипел, но все же расправил крылья, спланировал на пол и зашагал к двери. «Бедняга, он обиделся, — подумал я. — Он ведь ничего дурного не хотел. Наверняка Джинни неловко так жестоко наказывать его. Но едва ли это успокоит нашу птичку».

— Нам так жаль, мистер Слип, — обратилась Джинни к инквизитору. Ну, бьюсь об заклад, тут его одежда молчала, поскольку Джинни не стала уточнять, чего именно нам жаль. — Гостей так не встречают. — Святая правда, только он не гость, а незваный инспектор. — Эдгар живет у нас недавно. И иногда ведет себя как сущий ребенок. Понимаете?

— Я все понимаю, — отрезал он.

Джинни врубила улыбку на сорок киловатт.

— Значит, у вас тоже есть дети? — Она села и предложила ему кофе. Я остался стоять за спиной супруги, чтобы не мешать ее природным чарам брать свое.

Слип не сильно поддался ее очарованию, но несколько минут непринужденной болтовни моей жены и неизбежных ответов на ее вопросы все же успокоили его.

¹ Речь идет об известном стихотворении Эдгара По.

— Лучше начнем работать, — наконец выдавил он.

— Я принесу себе стул, — предложил я.

— Не стоит, — снисходительно улыбнулась мне Джинни. — Семейными счетами занимаюсь я. Просто побудь поблизости, и мы позовем тебя, если будет нужно.

«Большой любви не бывает», — подумал я, послал жене воздушный поцелуй и сбежал с поля боя, пока мне позволили его покинуть.

Я сразу же пошел проверить, как там Эдгар. Сделал круг по дому, но поиски так и не увенчались успехом, а на улице стояло настоящее пекло, так что едва ли он вылетел наружу. Дверь в мастерскую закрыта. Я знал, что там Вэл и Свартальф готовили уроки по магическому искусству, как дочка и обещала. Наверное, ворон покаркал под дверью, и Вэл его впустила. Вероятно, сейчас они втроем воспроизводят какой-нибудь заковыристый ритуал. Любой инквизиторский детектор воспримет это как слабое волшебство и проигнорирует. Все книги и инструменты в доме были магически запечатаны против чужаков, и Вэл постепенно училась ими пользоваться. Она уже овладела приемами, далеко выходящими за ее девятую ступень посвящения, но не настолько, чтобы начать беспокоиться.

Если она злилась, то я мог ее понять. Зачатая и рожденная под счастливой звездой, с безграничными способностями мага, она изнывала от каждого нелепого запрета и ограничения. Особенно раздражало ее то, что придется ждать до шестнадцати лет, чтобы получить летные права, хотя она уже прекрасно справлялась с управлением помелом. Я сам преподавал ей теорию полета и вывозил в пустыню попрактиковаться — очень уж ей хотелось научиться летать. И я не сомневался, что она подбивала на подобные авантюры пару-тройку своих старших приятелей. Ничего удивительного. Я сам когда-то сдавался на просьбы юных девушек.

Нет, лучше сейчас ей не мешать. Я взял из холодильника банку пива и отправился к себе. Там я попытался забыть в каком-то сборнике детективных рассказов. Но на «Деле об отравляющем заклятии» сломался. Сидеть сложа руки, когда меня ждет настоящая работа, было выше моих сил. Конечно, по сравнению с тем, чем сейчас занимается Джинни...

Крики и шум рывком подняли меня на ноги. Я выскочил из комнаты и увидел Бена, загорелого и запыленного, который вприпрыжку проскакал в кабинет. Я бросился за ним.

Письменный стол был завален документами. Слип сидел,

склонившись над бумагами. Судя по виду Джинни, она уже больше часа сидела молча, глядя в окно, пока инспектор самозабвенно шерстил наши записи.

— Ма! — завопил наш сын. — Вот ты где! Я вернулся! Там было так классно! Гляди! — Он протянул руки. Я пригляделся, что там он приволок. — Во какая жабища! Можно я ее оставлю? Мистер Голдштейн дал ей имя — Налоговая Страшила...

Сам не знаю как, но я утащил сына из кабинета, сунул его в ванну, дал чистую одежду и так далее. А Джинни пока пыталась ликвидировать нанесенный ущерб.

После она призналась, что едва справилась с испытанием. Оно явно было послано не свыше, а напрямую из Преисподней. Снип требовал компьютерной точности. И цеплялся за каждую неувязку. Ведьма моя жена или нет, но разве она может удержать в голове все мельчайшие детали и подробности? Ей пришлось самой разбирать наши счета и записи и восстанавливать события, случившиеся два или три года назад. А поди вспомни все по одной-единственной строчке!

К шести часам вечера они разобрали большую часть бумаг, и Снип отложил целую кучу документов.

— Я возьму это с собой и проверю, — заявил он. — Потом сообщу результат.

— Я могу сделать для вас копии, — предложила Джинни.

— Если вы не против, доктор Матучек, мы сделаем это сами. Мера предосторожности против подлога. Если здесь все в порядке, мы вернем вам оригиналы.

— Пришлось взять себя в руки и согласиться, — рассказывала она. — Он и так два раза чуть инфаркт не схватил сегодня. И все же...

Потом я вылез из своего убежища. Джинни направила меня проводить мистера Снипа. Крисса игралась с куклами, пытаюсь напоить их чаем. Валерия, Свартальф и Эдгар сидели в гостиной. Дочка улыбнулась так зловеще, что я встревожился. Но что я мог сделать?

Я открыл входную дверь. Снип вышел в вечерний зной. Тихо, как кошка, Вэл вскочила, и только я заметил, как она щелкнула пальцами и что-то пробормотала.

Дорогая шляпа Снипа захлопала полями и взлетела с его головы.

— Что? — возопил инквизитор. — Эй, куда?

Валерия кинулась к двери, держа Эдгара на согнутой в локте руке.

— Взять! — радостно крикнула она. Ворон взмыл в воздух.

— Стой! Не надо! — закричала Джинни. Она тоже бросилась на улицу и взмахнула руками, чтобы утихомирить шляпу.

Увы, Эдгар уже настиг ее. Шляпа попыталась неуклюже вернуться. Ворон ухватил ее за тулью. Шляпа начала вырываться. Тогда птица долбанула ее клювом. Израненная шляпа спикировала на дорожку.

— Свартальф, — промурлыкала Вэл.

Старый котяра все еще умел при необходимости летать как стрела. В мгновение ока он набросился на беглянку. Шляпа попыталась спастись. Он повалил ее, рванул когтями и впился зубами в дорожку материи.

Подоспело заклинание Джинни. Шляпа, вернее то, что от нее осталось, безжизненно поникла. Свартальф взял ее в зубы и гордо затрусил к нам. Эдгар взлетел на водосточную трубу. «Каха-ха-хар, — возликовал он. — Билли Бонс умер!»

Даже не хочу описывать, что потом произошло. Мы просили прощения и предлагали уплатить стоимость шляпы, но не слишком униженно. Вэл отослала в дом, не хотели выговаривать ей перед чужим человеком. Снип был холодно-вежлив. Провожая его, я подумал, что инквизитор сохранил за собой моральное превосходство.

Когда мы остались одни, Вэл досталось на орехи.

— Но вы его ненавидели, — возразила девочка.

— Нет, — сказал я более-менее искренне. — Может, мы далеко не без ума от него, но он выполнял свой долг, как он его понимает, — тоже более-менее правда, — и заслуживал обычной вежливости.

— Притом, — вставила Джинни, — ты плохо выучила уроки социологии. Древняя мудрость: никогда не делай себе врагов из тех, кого ты не собираешься убить.

Валерия попыталась заглянуть матери в глаза, но та смотрела в сторону.

— Более того, — продолжала Джинни, — что еще важнее: не нужно думать, что ты хотела защитить нашу семью такой детской и дурацкой выходкой. Ты напала на него, потому что он был легкой и удобной мишенью. Ты никогда не получишь лицензию ведьмы, если не научишься держать себя в руках.

Уф, слава богу, что я далек от всего этого. Джинни читает мне мораль лишь время от времени, но и того достаточно.

В наказание Вэл отправили спать без ужина — ничего она не потеряла, потому что ужинали все в тягостном молчании, — и на

неделю обеспечили домашний арест. Дочка восприняла приговор стойко, как настоящий солдат. Я знал, что вскоре мы все друг другу простим.

А пока день был испорчен окончательно и несчастье продолжало висеть над нашим домом. Словно какое-то проклятие. Может, для того, чтобы ослабить нас?

ГЛАВА 11

Хотя назавтра была суббота, мы с Джинни принялись за работу. Собственно, она просто обзвонила клиентов, сообщила, что свободна, и назначила несколько встреч. А я полетел в Твердыню.

Городок казался заброшенным. Целую неделю здесь было не протолкнуться, а теперь народу осталось раз-два и обчелся. Обслуживающий персонал был распушен в отпуска, и многие побавивались, что отпуск плавно перейдет в увольнение. Вполне возможно, если только проект «Селена» не изыщет средств для новой попытки отправить корабль. Конгресс прервал заседание, его члены вернулись домой к своим избирателям. Новое собрание назначено на сентябрь. Насколько я успел узнать, на особую щедрость с их стороны нам рассчитывать не приходится.

И все-таки охрана свирепствовала, как новоявленные торквемады¹. Четверо вооруженных охранников стояли под импровизированным тентом у полупустой площадки для метел. Может, они тут от скуки ворон считали, но, как только появился я, они уставились на меня во все глаза. А я был уже по горло сыт постоянной подозрительностью. В управлении, куда я двинулся, чтобы взять свой бейджик, меня тормознул страж.

— Простите, но у нас нововведение. Пожалуйста, пройдите на идентификацию.

— Чего? — не понял я. — Вы же знаете меня, Гитлинг!

— Да, мистер Матучек, но таковы правила. Мы должны быть уверены, что на вас нет иллюзии и... никто посторонний не пройдет сюда.

— Великий боже, а что, кто-то маскировался? Для чего?

— Извините, сэр. Приказ из Вашингтона.

Специальная комната, оборудованная как зал инквизиции.

¹Томас Торквемада — глава испанской инквизиции, жил в второй половине XV века.

Ведьма поводила надо мной определителем, прочла заклятие против магии, сняла отпечаток пальца, потом заставила меня написать мое тайное имя и махала копией бумаги, пока та не затрепетала в ответ. (Естественно, не мое истинное тайное имя, а имя, данное мне при поступлении на работу.)

— Сколько крови вам надо? — хмыкнул я.

— Нисколько, сэр, вы ведь прошли медосмотр при поступлении.

Ведьмочка была молодая и хорошенькая, так что мое раздражение улеглось само собой, и очень усталая, из-за чего я немедленно проникся к ней симпатией.

— Тяжелая работа, а? — посочувствовал я.

— Да нет, не очень. Но когда приказ только поступил... Все эти наемные рабочие, консультанты, инвесторы, журналисты, политики... Особенно достали журналисты и политики.

— Понятно. Эти небось подняли вой до небес. Все никак не определятся, кому принадлежит Вселенная. Кажется, сейчас наплыв стал поменьше.

— Остались только специалисты, — кивнула она.

— Все-таки это не способствует популярности проекта. Все эти дурацкие приказы свыше... Так и до саботажа недалеко. Интересно, что по этому поводу думает аль-Банни?

Она изогнула губки.

— Я слышала, как он упоминал... э-э, «дедушку тысячи паршивых верблюдов».

— Ну, это неточный перевод. По-арабски наверняка все гораздо цветистей. Ну, пока! — Я взял свой бейджик и вышел. Она предупредила, что покинуть Твердыню будет намного проще.

Погода менялась к лучшему. По небу бежали облачка, солнце уже не жарило как сумасшедшее. С кромки леса на юге долетал легкий ароматный ветерок, свежий и обнадеживающий.

Но следующий поворот открыл зрелище, которое моментально вернуло меня в пучину отчаяния. Я увидел взлетную площадку. Это был сущий кошмар. Казалось, что бронза, из которой был сделан прекрасный гордый конь, успела потускнеть и пойти пятнами. Часть конструкции была взята на экспертизу, и теперь там чернели отвратительные дыры. Машины, которых пригнали сюда вчера, стояли в стороне, готовые завершить разборку в понедельник. Ветерок вздыхал о недавнем славном прошлом.

Я вернулся к зданию, где размещалась лаборатория по средствам связи. Гулкое эхо встретило меня на входе. На втором этаже сияли огни, сверкали инструменты и были разложены части

поврежденного оборудования. Волчьим чутьем я уловил отдаленный запах магии — не так отчетливо, как если бы я обернулся, но вполне ощутимо. В зале никого не было, кроме Джима Франклина и пары ассистентов. Помощники кивнули мне и вернулись к работе. Джим подошел поздороваться и постарался развеять гнетущее ощущение бодрой улыбкой.

— Стив, ты вернулся. Справил свои дела?

— Почти.

Сомнительно, конечно. Но мне не хотелось посвящать его в наши налоговые трудности, а о Балавадиве лучше пока вообще молчать.

— А что у вас?

— Ну, пришлось потрудиться, чтобы разобраться, что стряслось со связью. Пока не густо — удар был чертовски сильный, но кое-что все-таки уцелело. Вот локатор заклинило в противоположных показаниях: красная черта на приближение, синяя — на удаление. А сейчас мы работаем над переговорным устройством, оно выдает только писк и вой.

— Шуточка в стиле Койота, — пробормотал я.

— Возможно. Я вот думаю, не он ли подстроил одну штуку, про которую мне рассказывал отец.

— Когда?

— Во время войны. Папа работал в Сухом ущелье, брал пробы грунта. Они собирались ударить оттуда по врагу, ты, наверное, слышал про это. Вызвали сильный суховей и уже направили его в сторону вражеских позиций, и тут смерч внезапно превратился в огромную гремучую змею и рухнул вниз. К счастью, там находился офицер охраны, который знал нужное заклинание, и он сумел заморозить эту дуру прежде, чем она успела кого-нибудь укусить. Они потратили несколько дней, чтобы снять чары, и вторая попытка удалась. Но, может, там в это время пробежал Койот и решил поразвлечься. Южная Калифорния тогда еще не была так густо заселена, как сейчас.

— Гм-м. Значит, теперь, увидев такое большое поселение в самом центре своих владений и толпы народу, он взялся за дело серьезней?

Странно не то, что я никогда не слышал о случае в ущелье, странно, что о нем не знала и Джинни. Кое-что общее есть.

— Отец рассказал мне по секрету. А то ведь за разглашение полагалась какая-то гадость. Ума не приложу почему.

— Чего тут думать — правительство.

— Угу. Они наконец решились обнародовать эти сведения, но вся информация уже безнадежно устарела, даже в рамках этой

специальности. Я узнал, что Смитсоновский институт приобрел змею из армейского морозильного склада и собирается выставить ее на обозрение. Это может привлечь публику. Тварюга тогда их чуть не прихватила за мягкое место. Тоже мне, «задогрыз гигантский».

Джим был натуралистом-любителем.

Я повертел головой.

— А где Хелен? — спросил я, подразумевая Хелен Краковски, заместителя нашего шефа.

— Вызвали в управление, как всех шишек. Черт возьми, им бы работать и работать, а НАСА заставляет их все время отвечать на идиотские вопросы! Поразительно, как это аль-Банни пока выкручивается.

— Может, он отключил телефон. У него неплохие связи среди военных. Или он сейчас громит бюрократов. Или по-быстро выдумывает религиозные причины, по которым он не может путешествовать.

— Ну, Хелен приказала нам продолжать работу, а когда упиремся, ехать по домам и ждать вызова... который может прийти когда угодно. Мы тут сидим сегодня весь день, потому что я запланировал эксперимент, который откладывать нельзя. Я так и жду, что на следующую неделю весь персонал будет занят писанием отчетов и объяснительных или... поиском новой работы, — горько добавил он.

— Эх! Что мне делать?

— Хорошо, что ты пришел. Мы хотим пустить в ход твои особые таланты.

Маленькая команда Джима пыталась понять, почему переговорное устройство издавало вой койота. Тут могла крыться ниточка к причинам катастрофы, которые необходимо выяснить до следующего запуска, если таковой вообще будет. Джим докопался, что главный кристалл каким-то образом попал в волновые колебания и заклинил между двумя альтернативными, так сказать, историями. Это предположение проверить было трудно. Тестовый аппарат был оснащен двумя мандрагоровыми усилителями. Оба корня были мужские, и их голубой союз протекал бурно и сварливо. Если Джим оставит их соединенными на всю ночь, можно считать аппарат загубленным и начинать все сначала.

Что касается меня, то я скорее инженер, а не колдун. Знаю только азы релятики. Когда силы пересылаются на бесконечно растущей скорости, частота уже не имеет значения. Но даже в человеческом облике нос у меня работал лучше, чем у остальных, и природные силы я чуял хорошо. В том числе и мандрагору.

Никто еще не мог добиться от этой твари приплода. Каждая мандрагора — вещь в себе, со своими законами, вернее, капризами. Им нужно угождать во всем, иначе они разобидятся и толку от них не будет, а то выдадут такое, что пожалеешь, что с ними вообще связался.

Я осторожно, не спеша, начал нащупывать линии связи и несколько часов только и делал, что настраивал и перенастраивал аппарат. Обед мы пропустили. Перекусили тем, что прихватили из дому, не отрываясь от работы. Тем более что пустая столовая нагоняла тоску. Наконец мы смогли поздравить друг друга с некоторыми сдвигами.

— Господи, Стив, — выдохнул Джим, — кажется, мы справились. Загадка решена! Нужно быстренько все записать и умаывать домой, чтобы поспеть к ужину.

— Но сперва угоститься пивом. — Я встал, потер натруженные глаза и размял затекшие мышцы. — Если только вы не храните в холодильнике запрещенное спиртное.

— К сожалению, нет, — ответил Джим. — Но оставаться здесь смысла нет. Поднимешь стаканчик за нас в «Марсе» по пути домой.

А я подумал, долго ли наш любимый бар будет носить это название и не закроется ли он вообще.

Я до сих пор остаюсь в неведении, совпадение ли это, или телефон в лаборатории был заколдован на съемку. Но он произнес: «Мистер Стивен Матучек, подойдите к доктору аль-Банни в семьдесят седьмой кабинет исследовательской лаборатории Сулеймана».

Мы, все четверо, переглянулись.

— Ого-го! — удивился Джим. — Большому кораблю — большое кораблекрушение. Что же ты успел натворить, а?

— «Lapsituri te salutamus»!¹ — ответил я цитатой из молитвы святому Ляпу, покровителю программистов, допустивших ошибку, и вышел.

ГЛАВА 12

Нужное здание находилось неподалеку. По мере того как я подходил, оно все сильнее нависало надо мной. Купол дома — в форме луковицы. Над входом в арабесках красовалось изречение

¹ Напортачившие приветствуют тебя! (лат.).

из Корана, которое лишней раз свидетельствовало о влиянии аль-Банни и о его значимости для проекта. Что, в свою очередь, вызывало в людях не только зависть, но и расовую ненависть, на которой мигом сыграли политики вроде Шалтая и Болтая.

Президент Ламберт и политики, употребляющие свинину, пошли у них на поводу. И хотя теперь аль-Банни потерял бразды правления, общественный интерес и даже энтузиазм, он сделал для Твердыни больше, чем все толстые мыши страны, которые прибывали сюда с невероятной помпой, стараясь перешеголять друг друга. Но современная американская публика — изменчивая сука. Наш шумный крах вызвал цепную реакцию, на чем не преминули сыграть наши противники.

Я нашел аль-Банни в одиночестве в кабинете, где он мог работать или принимать гостей. Когда стеклянные глаза на входе просканировали меня, бронзовая дверь открылась, и я ступил в длинный зал, освещенный зеленоватым светом. Обставлена комната была красиво, но скромно, зато рабочей аппаратуры было полным-полно. Из курилницы поднимался сладковатый дымок. По комнате плыла грустная песня флейты.

Аль-Банни встал, чтобы поздороваться со мной, он вообще слыл вежливым и обходительным для человека своего положения. Обычно он носил западные одежды, предпочитая пестрые гавайские рубашки, которые наводнили Нью-Мехико, но сегодня он надел белую кабу. В арабском наряде он стал казаться еще выше и крупнее. Смуглое лицо с горбатым носом утратило прежнюю веселость, и мне даже показалось, что в его черной бородке прибавилось седины. Но пожатие шефа было крепким, а глубокий голос рокотал ровным басом.

— Добрый день, мистер Матучек. Спасибо, что сразу же зашли ко мне.

— Рад видеть вас, сэр, — проблеял я. — Мы работали как прокля... как собаки. Чем могу быть вам полезен?

То, что я употребил выражение «как собаки», говорило о том, насколько я был удивлен и сбит с толку. Волколаки не любят это словосочетание.

— Сейчас узнаете. И причина делает вам честь. Располагайтесь. — Он взял меня под локоток и провел к столу из черного дерева и слоновой кости. — Присаживайтесь, и давайте поговорим. Кофе?

Он собственноручно принес серебряный кофейник и разлил кофе по чашкам. Чашки оказались крошечными, зато напиток

был высшего качества — черный как ночь, крепкий как смерть, сладкий как любовь и горячий как преисподняя.

Он также предложил мне сигару и, когда я отказался, прикурил свою.

— Все ли хорошо с вами и вашей семьей? — начал он.

— Нормально.

Опять я не стал вникать в детали и сваливать наши проблемы на окружающих. Я описал только наше путешествие в пустыню вместе с двумя агентами ФБР.

Он кивнул.

— Да, мне об этом сообщили под большим секретом. Не понимаю, почему бы не обнародовать результаты поисков?

— Понимаете, сэр, это может спугнуть нашего врага, тогда он спрячет все концы и выставит НАСА дураками. Кое-кто скажет, что наших доказательств недостаточно, что мы сами виноваты, раз не приняли всех мер предосторожности. Другие решат, что мы пытаемся оправдать свою некомпетентность тем, что сваливаем вину на каких-то редких зарубежных Созданий.

— А, Америка, — сухо сказал он. — Я не стал говорить никому, даже ФБР о собственных находках.

Я чуть не захлебнулся кофе.

— Что?! Э-э, сэр.

Он пронизал меня взглядом.

— Вам я расскажу, а вы перескажите своей жене. Вы должны это знать. Но я попрошу дать слово чести, что это никуда дальше не пойдет, пока я сам не позволю. У меня и так уже возникла масса проблем, покорно благодарю.

— Даю слово, сэр.

— Я вызвал из дому джинни.

Поймав мой перепуганный взгляд, он объяснил:

— Да, я знаю, что во время войны вам с женой пришлось столкнуться с одним из них. Но волноваться не стоит. Джинн, как и люди, бывают разные.

«Ага, — машинально отметил я, — «джинни» — единственное число, «джинн» — множественное».

— Некоторые злы, — продолжал аль-Банни, — и по факту являются демонами. Другие служат Добру. В основном встречается нечто среднее, сами по себе, совсем как люди. Я уже имел дело с одним джинни и вполне доверяю ему. В настоящий момент он занимает должность духа-хранителя Эш-Шифа, рядом с египетской границей. И в курсе всех новостей, которые разносят по миру Силы Воздуха.

Шеф минуту помолчал.

— Он сообщил мне то, о чем ФБР только начинает подозревать, — азиатские Создания объединились по крайней мере с одним божеством и одним человеком, чтобы воспрепятствовать нашей космической программе. Потом они возьмутся за остальные исследования в этой области. Подробности мне неизвестны, и я не знаю, где их разыскать. Ему это так же не нравится, как и нам. Но когда я попросил помощи у него и его народа, он отказался. Джинн считают, что им ничего не грозит, нужно только как следует охранять свою территорию. — Аль-Банни пожал плечами. — Тем более что я ума не приложу, как бы они взялись нам помогать, принимая во внимание ваши законы. Собственно, если только узнают, что я связывался с джинни, все эти научные и валютные фонды, торговые палаты, прессу и ФБР кондрашка хватит...

— Это да, — согласился я. — Не забывайте про Конгресс, Белый дом, Лигу Наций, феминисток, Американский легион, средства массовой информации и Матушку Гусыню. Так что про сотрудничество с Другими лучше не вспоминать.

НАСА не стало привлекать даже американских и рожденных в Америке Созданий. Но организация не виновата. Этот вопрос поднимался уже давным-давно, и многие корпорации и союзы придерживаются твердой позиции. Если Твердыня наймет на работу хотя бы одного леприкона, то все водители, механики и геоманты могут гулять вальсом.

Мы помолчали. Дым свивался кольцами, звучала музыка.

— Вы сказали, что мы должны знать, — вспомнил я. — Почему именно мы с Джинни?

— Вы занимаетесь операцией «Луна», — ответил он. — Помните, я ведь помогал вам?

— Конечно, сэр! Правда, пока мы продвинулись не слишком далеко. Если бы у нас было больше оборудования и штата... — Я прикусил язык. — Простите, выходит, что я жалуюсь. А я не то хотел сказать. Если бы вы приняли наш проект как побочный эксперимент, мы бы уже высадили людей на Луне! И, э, охранять такое маленькое предприятие гораздо проще, не так ли?

— Не только от магического воздействия, так?

— Ну, по закону подлости... Неважно.

— Важно. Я знаю об этом законе, как любой инженер и маг. «Все, что может пойти не так, — пойдет не так». Совершенно верно. Проект «Селена» и его составляющие были неправомерно

сложными, раздутыми, и потому многое предусмотреть было невозможно. Только богу известно все.

Мне показалось, что последнее предложение было скорее поговоркой, чем проявлением веры.

— Если мы хотим вывести людей в космос, — продолжил он, — нам необходимы большие, надежные корабли с мощными двигателями. Но имеет смысл начать с малого и постепенно продвигаться вперед. Конечно, каждый шаг придется выверять более тщательно, чем при поддержке НАСА. Зато и неудачи будут не такими тяжелыми.

Он глубоко затянулся сигарой.

— Я сделал больше, чем просто дал зеленый свет вашим начинаниям. Я лично проверил вашу концепцию. Собственно, я мечтал об этом давно, когда еще мальчишкой смотрел на звездное небо пустыни. Лететь на метле или лошади, быть свободным...

Он снова затянулся.

— Но постоянно возникали все новые препятствия. Сперва в Халифате, потом в армии США. Я думал, что гражданское агентство будет более терпимым. Увы, НАСА тоже обожает ставить палки в колеса. Я узнал о способах политического давления и вернулся с небес на землю. В то же время из-за тех же технических причин НАСА до истерики боится провалов и пытается подстраховаться от неудач всеми возможными способами, невзирая на сложность в исполнении и дороговизну.

Я кивнул. Не один астронавт плакался мне, и не только мне, в жилетку по этому поводу. Они с радостью ухватились за возможность отправиться к звездам. Почему же бюрократы не оставляют их в покое?

— Я сделал все возможное в таких условиях, — с горечью промолвил аль-Банни. — Я не жалею, такова была воля бога. Кроме того, мне нравятся большие животные. Работать с таким, отдать любимому делу всю душу и силы, увидеть его величественный взлет... хорошо, что подобный пыл встречается редко, иначе космические работники забывали бы жениться и заводить детей.

Он поставил чашку на стол и заговорил медленно и веско:

— Но в то же самое время я рассматривал альтернативные варианты, не считая их пустой тратой времени и сил. Об этом знали только несколько посвященных. И наконец докопался до интересных моментов, которые можно считать удачными. О спецификации и построении лунолета.

Кровь бросилась мне в голову. Я едва слышно прошептал:

— Сэр, если вы... вы... сделали открытие, может быть, сделаете доклад или публикацию и поведаете миру?

— Бессмысленно, — покачал он головой. — И неразумно. Видите ли, это несколько рискованно, а НАСА на такое не пойдет. Потому я и не усовершенствовал систему жизнеобеспечения на прежнем транспорте, не считая многого другого. Я сдался, потому что понял, что ничего мне не разрешат. Мне не хотелось бы накликать недовольство правительства. Это погубило бы не только меня, но и весь проект «Селена».

— Почему? — взвился я. — Вы бы не стали заявлять, что нашли оптимальное решение. Просто написали бы научную работу и вынесли ее на обсуждение.

Он поднял к потолку указательный палец.

— Но в разработке так много лагун, что ее попросту проигнорируют или... по кочкам разнесут, кажется, так у вас говорят? Даже для постройки маленького корабля не хватает оборудования, материалов и рабочих. Я проштудировал гору литературы и не нашел, чем можно заменить необходимые металлы, заклятия и инструменты. И не вижу американских магов или Созданий, которые согласились бы взяться за работу.

— Ну, может, кое-чем владеют китайцы, но едва ли они пожелают делиться с нами. Русские и западноевропейцы не продвинулись в исследованиях дальше «Селены». Возможно, там есть люди, готовые помочь нам, почти наверняка есть, но едва ли их можно найти в колонке «Ищу работу». Там в основном гнездятся потерявшие репутацию эгоисты. В любом случае я бы не стал связываться ни с одним из них.

Он тяжело вздохнул.

— Меня втянут в разные слушания и перебранки и еще бог знает что. А другого случая попытаться запустить корабль в Твердыне нам долго не представится, если представится вообще. Притом мы и сейчас окружены подозрениями, и враги найдут не одно слабое место, чтобы уязвить нас. А все предусмотреть невозможно. Нас опутают запретами, затравят комиссиями, и придется заниматься только тем, что задабривать Конгресс.

Старый воин встряхнулся и твердо закончил:

— Но вы и ваша супруга ничем не связаны! Вы сильны, талантливы, свободны и не боитесь при необходимости переступить за грань. Вы должны попробовать!

Он вскочил и подошел к полке. Я тоже поднялся.

— Я дам вам свои разработки, — сказал аль-Банни, не оборачиваясь, — мои расчеты и чертежи корабля. Пусть операция

«Луна» поступает с ними по своему разумению. Можете поделиться записями со своими товарищами, но я не хочу, чтобы мое имя упоминалось среди тех, кто не умеет хранить секреты. Может, у вас что-нибудь получится. Может быть.

Он снял с полки камень. Что-то вроде маленького каменного топора периода неолита, как обычно оформляли записывающие магические камни. Кроме таблички с красным номером, ничего не говорило об информации, которую хранила кристаллическая решетка минерала. Цифры были арабскими, хотя по виду сильно отличались от привычных нам. Аль-Банни вложил камень в мою ладонь. Твердый на ощупь и довольно тяжелый. Я сжал подарок — растерянный и печальный. Даже завыть нельзя.

ГЛАВА 13

Мы с Джинни редко бывали в церкви. При всем уважении к религиозным учреждениям мы никогда не выказывали особого предпочтения догмам и ритуалам каких-нибудь определенных конфессий, каждая из которых доказывала, что поддерживает самые верные отношения с богом. Честно говоря, мы не очень-то и стремились в лоно церкви. Некоторые люди просто горят проявить свое религиозное рвение, другие — не очень. Мы считали, что достаточно быть приличным человеком, справляясь со всеми требованиями и обязанностями, и ограничиваться малым. Мы могли бы водить детей в воскресную школу, чтобы они там ознакомились с этой частью культурного наследия предков. Но ведь они и так рассматривают религиозные вопросы на уроках социологии и этики.

Потому, как правило, воскресное утро мы проводили в праздности и лени. Попив кофе и наскоро пролистав газеты, мы окончательно просыпались, а дети еще отлеживались. Когда они вставали, Джинни или я готовили завтрак, смотря чего всем хотелось. Она готовила великолепное рагу, а я всегда гордился своими оладьями, а позже — жарким по-мексикански. Приказав грязной посуде мыться, мы опять отдыхали. Прежде сперва Валерия, а потом и Бен выползали из спален и устраивались в креслах почитать комиксы. Но сейчас они сидели или лежали прямо на полу в самых невероятных позах и, если Крисса хотела, читали ей вслух. Частенько мы всей гурьбой куда-нибудь выбирались — на пикник, верховую прогулку, в кино или к друзьям, у которых

тоже были дети. Хотя в последнее время Вэл предпочитала гулять с ровесниками. Следуя тупым американским традициям.

Но не сегодня.

Все началось еще вечером в субботу, когда я отвел Джинни в свою комнату, запер дверь, рассказал об аль-Банни и предъявил камень.

— Значит, мы можем продолжать! — ликовал я. — Как только прочитаем записи... Ты займешься заклинаниями, я — чертежами и оборудованием... Свяжемся с Барни Стурлусоном и... и...

У меня сердце упало, когда я увидел взгляд этих зеленых глаз. Джинни коснулась моей руки, ее пальцы были ледяными.

— Ради всего святого, молчи, — прошептала она. — Ни слова больше. Ни во сне, ни наяву.

Она подскочила к открытому окну и задернула плотные шторы. Второй рукой Джинни делала какие-то пассы.

Все, что сумел выдать, было невнятное «э-э?». Джинни повернулась ко мне.

— Как вы с аль-Банни могли быть такими легкомысленными? Враг может быть где угодно! Я закранировала наш дом и надеюсь, что он укрепил защиту на своем рабочем кабинете. Но ты спокойно таскал этот камень в кармане, летал на метле, заскакивал выпить пива, а теперь вот... О, конечно! Вы такие большие, сильные, вы задушите врага голыми руками... Мужчины! — Она потрянула рыжей головой.

— Но... но, солнышко, я был настороже и ни минуты не оставался один. Если кто-то — «или что-то», — с ужасом подумал я, — и следил за мной, то быстро меня потерял при таком сумасшедшем движении в воздухе. А высокий уровень магии...

— У врагов могут быть свои методы, особенно если они знают, что именно нужно искать. — Она сжала руки. — Едва ли ты понимаешь всю серьезность ситуации. Ты, конечно, встречался с Тьмой лицом к лицу, и ты не просто человек, но ведь ты и не маг. Не знаю, сознают ли в ФБР степень опасности, ведь у них находятся все улики, и времени было достаточно, чтобы изучить их. Там, в пустыне, эти следы... отчетливые следы зла... С тех пор я тоже не сидела сложа руки и хваталась за малейшую возможность предугадать ход событий.

Она шагнула ко мне, дыша тяжело и прерывисто.

— На этот раз мы столкнулись не с местным духом, злобным или рассерженным. И не с его дьявольскими союзниками, что было бы совсем плохо, потому что о них ничего не известно и добрые Создания не смогли бы нам ничем помочь. Аль-Банни

сказал, что даже джинн забеспокоились, так? Остается по меньшей мере еще одно существо — сильное, холодное, сама воплощенная ненависть.

У меня мурашки пошли по спине, а голос стал хриплым и неуверенным.

— Что же это?

— Не знаю, но что-то страшное. — Она помолчала. — Есть пара предположений, но высказывать их в данную минуту чревато — может рухнуть вся защита, которую я так долго выстраивала. А поисковые заклинания так слабы и непрочны, что одно имя — верное или нет — может направить их по ложному следу.

«Если слишком быстро остудить сплав, его кристаллическая решетка нарушится», — невпопад подумал я. А вслух произнес:

— Прости, все правильно. Я сглупил. Так обрадовался подарку, что забыл обо всем на свете.

Она отбросила страхи и снова превратилась в ласковую пантеру, которую я хорошо знал.

— Ну, вполне естественно. Я тоже страшно рада. Тем более пока ничего не случилось. Я просто хочу быть уверенной, что и не случится. Вот тогда и отпразднуем.

Полыхнула улыбкой:

— Получай прощение.

И скользнула в мои объятия.

Через минуту Джинни освободилась, подхватила камень и удалилась в свою мастерскую. Когда чуть позже я постучался и позвал на ужин, жена попросила принести только несколько бутербродов и кофе. Я принес и занялся ужином для остальной семьи. К счастью, по дальновизору шла очередная передача «Национальной географии», которую мы все любили.

Дети с готовностью усадились в кристалл, особенно Вэл. Она все еще чувствовала себя неловко рядом со мной, но зато больше не дулась и не раздражалась, как бывало раньше. Домашний арест всегда будит умственную активность у таких натур, как она. Валерия много читала, занималась магией и играла на пианино, отдавая предпочтение маршам и похоронным гимнам, увлекалась сложными математическими играми и успела накрутить приличный счет на телефоне и в сети. Сегодняшняя передача словно была сделана по ее заказу.

Речь шла о Долгом Сне и Пробуждении. Картины древности были воссозданы впечатляюще. Мы словно вживую видели доисторический мир — мамонты и драконы, пещерные медведи и кентавры, первобытные люди и эльфы. Один эпизод был очень

забавным, когда какой-то кроманьонец пытался сделать наконец копья из рога единорога, а тот мигом раскрошился. Солнечный свет и естественная химия природы оказывали губительное воздействие на разнообразных существ. Даже если живые Создания переносили все это неплохо, то их хрупкие останки приходилось изучать с помощью точнейших приборов, в основном магических. Повествование сразу стало серьезным, когда зашла речь о том, как различие между обычными и магическими существами порождало страхи и непонимание. Возможно, именно поэтому с каменного века не осталось пещерных рисунков иных Созданий.

— Без сомнения, древние охотники иногда загоняли Других животных, а иногда сталкивались и с разумными Созданиями, — говорил профессор, у которого ведущий брал интервью. — Они даже могли становиться друзьями... или смертельными врагами. В сказках упоминаются мужчины и женщины, которые попадали в странные места, которые по описаниям сильно напоминают необычную цивилизацию эльфов.

На экране возникла картина радужных сверкающих домиков с парящими в небе шпилями, более магических, чем материальных. Из ближнего леса выглядывал человек в кожаной одежде, и на лице его отражалось восхищение пополам со страхом.

— Конечно, некоторые шаманы поддерживали с Другими регулярные отношения. Но древние ведьмы и колдуны переоценивали свои способности и пытались подчинить себе стихии, мир и судьбу. Они рвались вперед изо всех сил, пробираясь на ощупь, но часто тормозили или шли ложным путем, поскольку не имели понятия о научном подходе.

«А что, мы так далеко продвинулись?» — подумал я. И почему-то задумался о Джинни, которая одна-одинешенька в своей мастерской ведет войну с неизвестным врагом.

— Волшебство, как называли древнюю магию, потерпело сокрушительный удар в бронзовый век. Созданиям Света была чужда сама идея борьбы за выживание. Военная аристократия стремилась изжить силы, которые могли поставить низшие классы с ними на равных. Волшебство стало считаться злодейством. Тем не менее популяция людей была еще невелика, потому сохранились районы, где процветала паранормальная природа и ее детища. Богословы, знахари, предсказатели и поэты черпали в них силу для своего искусства. К сожалению, как и злые волшебники.

«Ага, — выкнул мой неутомимый дух противоречия, — как и сейчас. Дай людям силу, любую силу, но особенно власть над

другими людьми, как тотчас найдутся желающие поуправлять. Притом не так страшны мошенники, как радетели о всем человечестве».

— ...железный век, когда железо стало повсеместным, его магнетизм ослабил магические силы, на что никогда не был способен природный магнетизм... Увядание паранормальной природы, крах ее экологии...

Душещипательные кадры: поля асфодели, припорошенные пылью; погибающая на берегу русалочка, чья жизнь гасла так же неотвратно, как жизнь валяющейся рядом медузы; виноградная лоза обвила статую, которая когда-то приносила пророчества; отчаявшийся шаман безнадежно машет руками, пытаясь призвать дождь на иссохшие поля своего народа...

— Немногие Создания продержались дольше остальных, в заброшенных уголках Старого, а после и Нового мира, в Арктике и Тихом океане. Но безжалостное наступление европейской цивилизации...

«Безжалостность, — снова взвился мой разум. — Что это — неспособность или нежелание прикончить для еды больше одного моржа?»

— Возможно, некоторые Создания выжили на изменившейся Земле...

«Как Койот и... кто же еще? Балавадива говорил о ком-то еще, и его голос дрогнул... Если возмутились, разве вправе мы их винить?»

— ...европейские гномы держались дольше всех, поскольку железо никогда им не вредило. Собственно, они стали не только искусными кузнецами, но и научились соединять простые изделия с магическими заклинаниями. Рассказы о чудесных украшениях, золотых конях, зачарованном оружии...

«Э, — сказал я себе, — если кому и по силам создать специальное оборудование, какое нужно аль-Банни, так это гномам!»

— Но в то же время последние животные, растения и разумные существа исчезли с лица Земли. Их экология рухнула, единственным спасением было укрыться глубоко под землей или под водой, наложить на себя последнее заклинание и погрузиться в Долгий Сон до лучших времен или до Судного дня.

На экране возник гном, который упаковал кузнечные инструменты и заполз в пещеру под горой. Он мог бы выжить в этом мире, но что бы он ел? Торговле с божествами и фэери пришел конец. Сколько люди заплатят за работу, тем более что волшебству и чарам уже нет места на Земле?

Железо, пар и электричество начало триумфальное шествие по миру...

Дальше. Упомянув Планка, Эйнштейна, Моусли, Масклина и дальнейшие открытия, сделанные на работах этих титанов, передача пустилась рассказывать о том, как Спящие, один за другим, раса за расой, дикие драконы за горными троллями, начали Пробуждаться и вступили в новый магический век. Тут уже пошли документальные кадры. Показали несколько великолепных сцен, типа нимф, которые плясали в росистой траве, а закат золотил их распущенные косы. Кое-что и помрачнее — охоту на русалку, которая убивала купающихся в озере Ильмень. Были и такие эзотерические кадры, как заседание глав разнообразных церквей, которые совещались — можно ли считать фэери божьими созданиями. Показали и современные обсуждения, типа стоит ли включить в минимальную заработную плату стоимость чашки молока, которую выставляют скандинавским ниссе за работу по дому... И так далее. Разволновавшись, я смотрел остальное уже не так внимательно.

Когда пришло время ложиться спать, дети — в зависимости от возраста — кто раньше, кто позже отправились в спальню. Последним лег я. Долго лежал без сна, но Джинни так и не подошла. А потом я заснул.

ГЛАВА 14

В воскресенье мы встали позже обычного. Нет, мы не пали духом, но понимание, что дел невпроворот и начинать надо немедленно, сидело занозой в мозгу. Вошла Валерия, Свартальф — за ней по пятам. Когда дочь увидела нас, клюющих носами над чашками кофе, то остановилась. Кот не упустил возможности пошипеть на Эдгара, который тут же развернулся к нему хвостом.

— Доброе утро, — хором сказали мы с Джинни.

Голубые глаза с минуту пристально изучали нас, потом девочка спохватилась и поздоровалась в стиле прежнего счастливого детства:

— Салют, патриарх и матриарх! Чем угощают на шабаше?

— Боюсь, что ничем особенным, — ответила Джинни. — Каша, тосты... Мы были заняты.

— Кашка-малашка? — Валерия воздела руки и издала восхищенный стон. — Неужели с настоящими тостами и мармеладом? Да здравствует гурманизм!

Никакого сарказма, заметьте. Просто жизнерадостное настроение.

— Может, — быстро добавила она, — я поработаю поваром? В прошлый раз мои макароны и салат были ведь не так плохи, а? Если, конечно, вы перенесете повторную демонстрацию.

Джинни смогла ответить достойно — спокойно и любезно:

— Спасибо, дорогая. Это было бы очень кстати.

Я только кивнул и смахнул слезу. Наша дочь прекрасно знала, что нас невозможно подкупить или умаслить настолько, чтобы ей скосили срок отсидки дома. Так что предложение помочь было совершенно чистосердечным.

Вошел более-менее проснувшийся Бен.

— Эй, — сказал он, — если вы на сегодня ничего не планируете, могу я пойти к Дэнни Голдштейну? После завтрака. Могу просидеть там весь день.

Улыбка Джинни несколько привяла.

— А ты им еще не надоел? — медленно промолвила она.

Я понимал свою жену. Голдштейны не были узколобыми ортодоксами, но твердо придерживались консервативных позиций. Другими словами, они принимали обычную магию, но не выносили присутствия нелюдей. У нас жили двое помощников Джинни, плюс в запасе имелись заклятия, которые при необходимости открывали доступ немалой силе. У Голдштейнов этого не было. Однажды мы уже вступали в схватку с Врагом, когда демон похитил маленькую Вэл...

— Не, мам, все в порядке, — сказал мальчик. — Вчера-то я был дома, а они ходили в храм и ужинали всей семьей. Дэнни попросил принести Налоговую Страшиллу. А еще он нашел наконец-то настоящей индейской стрелы, разве я не рассказывал?

Мы с Джинни перевели дух. Если нагонять на детей страх в таком раннем возрасте, ничего хорошего не выйдет. Кроме того, после освобождения Вэл из лап Зла — а с ней ничего страшного не случилось — подобную тактику наверняка занесли в разряд классических ошибок. По крайней мере, мне кажется, что бойкие и отважные дети быстрее учатся на ошибках, чем многие генералы и вся свора политиков. И пока мы не узнаем наверняка, что наши настоящие враги явились именно из Нижнего Континуума, лучше не поднимать панику. Мы не сомневались, что Враг знает о нашем деле, хотя до сих пор держится в тени.

Джинни чуть кивнула мне.

— Ладно, — сказал я, — можешь идти, но вернись к ужину. Нельзя так долго торчать в гостях.

Пусть даже Марта Голдштейн и приготовит на ужин знаменитого лосося в кисло-сладком соусе и сырныe колoбки.

Бен изобразил разочарование, но смирился, как и положено хорошему и внимательному сыну.

— Я пока посмотрю на мелочь, — вызвалась Вэл, — а то она может надеть платье шиворот-навыворот и причесать волосы как я не знаю кто.

Это был камешек в огород брата. Тот только пожал плечами и бросил на меня взгляд, в котором явственно читалось: «Эти девчонки!»

Выпив кофе, Джинни завела меня в мастерскую и поставила защиту. Обычно в этой комнате царил сумрак из-за зарослей плюща за окном, но сегодня она была ярко освещена. Мерцали все колбы, кристаллы и талисманы. Панели на стенах сияли от разноцветных иероглифов и архаичных символов. Горели все светильники. Зеленые ветки дуба, терновника и ясеня, которые стояли в вазе, были воплощением жизни. Перламутровые глазки маленького деревянного тики блестели. И даже кожаные корешки старинных книг, казалось, мягко светились. Джинни тоже сияла изнутри. Я не удержался, сгреб жену в охапку и поцеловал. Ее волосы пахли летом.

— Эй, восьминогий Слейпнир, — усмехнулась жена. — У нас важное дело!

— Увы! — Я отпустил ее и огляделся. — Ну, где наш волшебный камень?

Она показала на сейф в углу. Я знал, что со среды его заклинали сорок раз. Понадобится очень сильное заклинание, чтобы хотя бы понять, что внутри находится что-то необычное. От днища сейфа, через дыру в полу, тянулась цепь до ножки кровати. Любой непрофессионал, который попытается взломать замок, прежде повесится. Сегодня тут же красовалась и печать Соломона.

— Ого! А мы сможем с этим управиться? — спросил я.

Джинни выдвинула ящик стола.

— Я скопировала содержание через заклятие-перевод с арабского на английский, и вот что получилось.

Она достала пачку листов и положила на стол.

— Сто раз «ого»! Вот почему ты не спала половину ночи.

— Ну, если бы аль-Банни пользовался только арабским, вкрапляя английские слова или определения, — все было бы замечательно. Но, к сожалению, он ударился в немецкий. Хуже того, пытался даже изобретать свои термины. Наверное, доказывал себе, что овладел этим языком. Настоящий кошмар. Меня про-

сто убили слова типа «Besenstockstrohbindenbeschleunigungskraft-widerstehenzauberstoff».

— Бедняжка! Лучше опустим, а то Германия может запросто объявить нам войну, — пробормотал я, не отрывая глаз от бумаг.

Она рассмеялась.

— Прекрати подглядывать. Сядь и спокойно прочитай. Не бойся, на них заклятие. Если кто-то, кроме нас с тобой, тронет бумаги, они рассыплются пеплом.

Я упал в кресло, сгреб пачку и с головой ушел в чтение. Джинни тоже присела, переплетя пальцы и прикрыв глаза. Я знал, что она не задремала, а просто крепко призадумалась.

Когда я наконец вынырнул обратно, во мне все бурлило от радости.

— Все верно, так и должно быть! Конечно, нужно изучить все подробно и обмозговать. Но невооруженным глазом видно, что он проделал работу, которую операция «Луна» жевала бы еще долго. Он настоящий гений, на своем поприще ему нет равных.

— Это полный чертеж? — жадно спросила она.

— Гм, не совсем. Здесь система заклинаний и эскиз метлы, которая спокойно облетит всю Солнечную систему из конца в конец. Но, по его расчетам, нам необходимы материалы, особенно для двигателя, которые еще не открыты, даже непонятно, откуда их взять. К тому же магическую силу, которая должна защищать от радиации и помогать в управлении метлой, нужно втиснуть в такой малый резервуар, что он не выдержит давления. Я слышал мнение, вернее байку, о металле зачарованных мечей.

— Это может быть выдумкой чистой воды.

— Ага, оно стало никому не нужным, когда появилось огнестрельное оружие.

Я вспомнил меч, который однажды держал в руках, и слышал о других, ему подобных. Но их необычная сила напрямую зависела от владельцев, а сталь была самой обыкновенной.

— Барни мог бы привлечь своих магов, — чуть дрогнувшим голосом произнесла Джинни.

Реальность поднимала свою отвратительную голову.

— Постой. Послушай, любовь моя. Нельзя лететь вперед сломя голову. Первым пунктом программы будет договор с аль-Банни. Он держал эти записи в тайне, потому что после публикации его политические противники растащат по кускам и его, и проект «Селена». На самом деле он отказался от разработок еще до того, как закончили монтировать систему жизнеобеспечения, потому что знал — нововведения не пройдут. Все, на что он ос-

мелился, это поддержать нашу группу, например, подарив кусочек лунного камня. А потом НАСА объяснит республиканцам в Конгрессе, что «Селена» вовсе не подавляет частные космические исследования. Но все равно никто не поверит.

— И сейчас дела у аль-Банни обстоят так плохо, что он передал свои разработки под строжайшим секретом, — кивнула Джинни. — Какая отвага! И с нашей стороны будет не только нечестно, но и глупо разглашать эти сведения. Нашего высокопоставленного друга сметут, а враги воспрянут. И все-таки он ведь не ждет, что мы оставим это как есть?

— Нет. Конечно, нет. Наверное, передадим это Барни. Тайно и ни словом не упомянув, откуда мы это взяли — хотя он обязательно догадается, — и все вместе решим, что с этим делать. Если понадобится, он прокрутит наши деньги по банкам и выпишет чек, чтобы операция «Луна» могла действовать.

— Если мы действительно за это возьмемся, то деньги достанем. Да, это разумно, — заключила Джинни. — Не стоит связываться с почтовыми переводами или наличным расчетом.

Утром наше рвение резко поубавилось.

Договорившись между собой о том, что именно говорить Барни, мы набрали номер его телефона. Поймали его дома, когда он собирался уходить играть в гольф. Барни жил в одном часовом поясе к востоку от нас. После его удивленного приветствия Джинни ровно и спокойно произнесла:

— У нас есть кое-что для тебя и только для тебя. Можешь прислать сюда доверенного человека в качестве курьера?

Как я и думал, он быстро сообразил, в чем дело.

— Насколько доверенного?

— Довереннее не бывает. Предпочтительно кто-либо вне подозрений. Но главное, чтобы он мог отследить, избежать и защититься от попыток сбить его с пути. А такие попытки будут обязательно, если ты улавливаешь мою мысль.

— Думаю, да. Сейчас прикину... Лучшего кандидата сегодня я уже не застану. Попробую завтра и надеюсь, что во вторник он будет у вас. Нормально?

— Вполне. Лучше перестраховаться, чем потом кусать локти. Он может заехать к нам домой? — Барни кивнул. — Хорошо. Когда он согласится, пусть позвонит мне. Я назначу время, как обычному клиенту. Это ведь мужчина? По телефону он представится как мистер... как джентльмен, о котором ты так любишь рассказывать разные истории.

Барни не сдержался и хихикнул. Его двоюродный дедушка

был дровосеком в северных лесах — фигура эпическая уже при жизни. О большинстве его приключений нельзя было упоминать в приличном обществе. Например, о нем самом, поварихе Лене, галлоне самогона и медведе, который... А, неважно.

— Думаете, вам грозит опасность? — нахмурился Барни.

— Неизвестно, и кто знает, не будет ли грозить в ближайшем будущем, — ответила Джинни. — Но на всякий случай нужно держать ухо востро.

— Точно, наоструюсь и я. Господи, если бы мы могли спокойно сесть и потолковать, как в старые добрые времена!

— Еще потолкуем, — заметил я. — На самом деле у нас для тебя хорошие новости. Но пока говорить не будем — боимся сгладить.

Немного посплетничав о знакомых, мы отсоединились.

— Так, а как насчет Уилла? — поинтересовался я.

Джинни заметно смутилась: Потом пришла в себя и поджала губы.

— Зачем? Если ты обещал аль-Банни хранить секрет?

— Я обещал не упоминать его имя и вообще его причастность. Но он сам сказал, что передает эти материалы операции «Луна» и делайте что хотите. А «Луна» — это не только ты и я. Мы должны посвятить и остальных.

— Но зачем привлекать Уилла сейчас?

— Он больше остальных знает, что творится на Луне.

— Не так уж и больше.

Я опешил.

— Если мы всерьез займемся этим делом, нам понадобится астроном. Да, я знаю, что астрономы — достаточно узкие специалисты, но Уилл разбирается в основах теории и знает, где найти сведения, которые могут нам пригодиться... Черт возьми, Джинни, он же твой брат! Разве ты ему не доверяешь?

— Доверяю, конечно. Но я... честно говоря, я боюсь за него больше, чем стараюсь показать. Эти его кошмары, депрессия и... — Она помолчала, принимая решение. — Все равно я хотела его повидать — чтобы узнать, все ли в порядке. Звонила сегодня несколько раз, в перерывах между клиентами, но он не отвечал. Давай позвоним еще раз, но позже.

Она встала, прильнула ко мне и быстро чмокнула в щеку:

— А теперь иди. Мне нужно кое-что укрепить здесь до завтрака.

Я пошлепал на кухню, где возилась Вэл. От аромата у меня забурчало в животе.

— Помощь не нужна, киска? — спросил я.

— Нет, спасибо. Почти готово. Я погнала Бена накрыть на стол.

Ее тоненькую фигурку облегали голубые джинсы и футболка с надписью: «Ярмарка гоблинов — скидки на Хэллоуин». Вэл повернулась ко мне. Я едва расслышал ее слова из-за шкворчания и шипения на плите.

— Па, что происходит? Что творится, только честно?

— Ну, гм, понимаешь, мы не можем, э-э, пока обсуждать этот вопрос, — проямлил я, отведя глаза от маленького напряженного лица. — Мы с мамой помогаем, как можем, расследованию катастрофы во время запуска. Но... ничего страшного. Все под контролем.

— Да ну? — прищурилась она. — И дело ведь не в том скукоженном инквизиторе. Я знаю и тебя и маму. И дядю Уилла. Происходит что-то серьезное. Что-то непонятное. Разве нет?

— Да, мы очень заняты, проблем навалилась куча...

— Ты ведь наврал тем журналистам, да? Ну, наплел, что полет провалился из-за саботажа или недочетов. Но дело-то в другом, а? Вы с мамой постоянно улетаете. Куда? И зачем?

Спустя несколько лет мы рассказали дочери — о, очень осторожно — о ее похищении и спасении из Ада. Для нее прошло совсем мало времени, несколько секунд, и Вэл почти ничего не поняла. И не запомнила. Но наш рассказ все-таки что-то пробудил в ней. Кроме того, она всегда отличалась редкой наблюдательностью и способностью сопоставлять факты.

— Ладно, солдат, — сдался я. — Дело темное. Будь настороже и, если почувствуешь что-то неладное, зови на помощь. Я надеюсь, что до такого не дойдет. Пока ничего добавить не могу. Твоя задача — держаться в стороне. Приказ понятен?

— Так точно, сэр! — отрапортовала дочь и вернулась к плите. Какие длинные тени отбрасывали ее ресницы на щеки, какими тонкими и хрупкими были руки, державшие крышку сковороды и ложку! А ведь она прекрасно играла в волейбол и могла подчинить себе любую лошадь.

— Отлично. — Я позволил себе потрепать дочь по плечу. — И мы ничего не скажем Бену и Криссе, идет?

— Обвершенно и соболютно, не скажем. — Потом она привычно защебетала, словно это воскресенье ничем не отличалось от предыдущих: — Готово! Еще не воешь от голода?

К счастью, завтрак прошел вполне счастливо. Мы с Джинни даже выдали пару шуточек. Когда поели, Бен засел за книжки и

игры, чтобы скоротать время до похода в гости. Вэл подмигнула мне и обратилась к Криссе:

— Хэй, крошка, не хочешь надеть шляпку и погулять по садику, а?

Я установил там качели, горку, песочницу и небольшую карусель. Поскольку Крисса еще не видела этих новшеств в нашем саду, то, наткнувшись на них, завизжала от восторга.

— Славная девочка наша старшенькая, — пробормотал я, когда они ушли.

— Зарабатывает карму, — откликнулась Джинни. — Интересно, долго ли она будет выдерживать приличия?

— А я думаю, что она просто играет роль.

— Так, у нас есть пара часов. Потом долг призовет, так что давай использовать отпущенное время на полную катушку.

ГЛАВА 15

Обсуждая, что и как мы будем рассказывать и кому именно, включая Барни, мы постарались снова дозвониться до Уилла. И дозвонились. Он был бледным, под глазами — круги, а сам высохший, как щепка. Я заметил, что у него нервно дергается правая щека. Джинни не позволила своим чувствам прорваться наружу.

— Привет, — сказала она. — Где тебя вчера носило весь день?

— Были дела в Альбукерке.

Голос тусклый, уставший. Больше он ничего не добавил, и мне показалось неразумным расспрашивать. Потому я сразу начал:

— Ты сегодня свободен? Может, заскочишь на обед или ужин? А то и на оба сразу, а?

— Спасибо. Извините, но не могу.

— Дела?

— Да. Я... кажется, обнаружил кое-что новое в моих исследованиях. Но говорить об этом еще рано, пока я не проверю.

— Ладно. Слушай, появился шанс для операции «Луна». Большого пока сказать не можем. Мы бы хотели привлечь тебя. Ты уверен, что не сможешь прилететь? Если не сегодня, то, может, завтра?

— Мне очень жаль, — покачал он седой головой. — Позже подъеду обязательно, но не знаю, когда именно.

Перспектива, которую я развернул перед ним, не особо его обрадовала.

— Ты снова заболел? — спросила Джинни.

— А, прихватило. Все пройдет, не волнуйся.

— Не волнуйся?! Все эти доктора и маги, на которых ты выложил кучу денег, не сделали ничего хорошего! Если тут вмешались паранормальные силы, лучше тобой займусь я. Проверю и верну тебя в человеческий вид. Мы с тобой родня, наши ДНК...

— Нет! — резко и неприятно вскрикнул он. — Никакого сканирования! Ты ничего не понимаешь!

Чего же он так стыдится, если не желает, чтобы об этом узнала родная сестра? В голову ничего не приходило.

Он заговорил тише и выдавил кривую улыбку:

— Вас не должны видеть со мной рядом, пока все не прояснится. Я главный подозреваемый, вы же знаете.

— Ничего мы не знаем, — обозлилась Джинни. — С чего ты это взял? Да, несколько дней назад тебя допрашивали, так всех нас допрашивали. Ты все рассказал им, даже больше, чем отважилась бы я, не имея за спиной адвоката. Чего еще им надо?

— Когда я вчера вернулся домой, меня ждали двое, — сказал Уилл. — Они хотели войти и поговорить. Я устал и был не в настроении, да и вспомнил, что ты мне говорила. Мы постояли на крыльце. Я отказался отвечать на вопрос, что делал за городом. Сказал только, что работал. Они начали допытываться о моих связях с Китаем... можно подумать, они не спрашивали об этом раньше... и намекнули, что, когда я решу покинуть Галап в следующий раз, нужно их предупредить заранее. Из меня никудышный следопыт, но даже я заметил, что за мной следят и прослушивают все разговоры. Этот тоже.

— Может, они... они хотят узнать, не забыл ли ты чего... ищут ниточку, — неуверенно проблеял я.

Джинни сжала губы.

— Мы сами проведем расследование, — пообещала она и мягко добавила: — Крепись, старина! И подумай над моим предложением.

Попрощавшись, мы отключились и уставились друг на друга. Ее лицо со светлой кожей, что характерно для шатенок, стало белее мела.

— Быть не может, — выдохнула она. — Уилл никогда бы не сделал... ничего подобного. Скорее бы я тебя бросила!

— А ведь были возможности, — попытался пошутить я.

— Просто какое-то кошмарное совпадение, — продолжала

жена, не слушая меня. — Может, я смогу что-либо выяснить с помощью чар, — не слишком обнадеживающе добавила она. — Терпеть не могу подглядывать, но...

— Лучше предоставим подглядывать профессионалу, — осенило меня.

— То есть?

— Бобу Сверкающий Нож, кому же еще? — Ее лицо радостно вспыхнуло. — Стой, я сам ему позвоню. Твой звонок может слишком встревожить его. Я же — простой глупый волколак.

Джинни улыбнулась, сверкнув полоской зубов:

— Да-а. Глупый, как Карел Чапек, и бессильный пред властями, как Ян Гус¹?

Мне больше понравилось бы сравнение с Томасом Мазариком, который освободил наш народ в Австро-Венгрии после кайзеровской войны, но саму идею я воспринял и был тронут.

— К тому же вы друзья. Тогда, на Среднем Западе, вы вместе охотились, рыбачили, играли в покер и вместе пили. Настоящая мужская дружба. Давай, проверь ее на прочность.

Когда я позвонил в грантский метлотель, оказалось, что Боб только что вернулся с десятимильной пробежки.

— Не поздновато ли для зарядки, а? — спросил я.

— Я поздно лег. Работал почти до полуночи. Да и погода позволяла. Сегодня не особенно жарко. — Он стянул промокшую от пота рубашку, открыв пеструю татуировку на теле. — Чем могу помочь, Стив?

— Мне нужно поговорить с тобой. С глазу на глаз.

— Ты же знаешь, я не могу рассказывать о деле, которое еще не закончено. — Он осекся. — Если только ты не хочешь сообщить что-то новое.

— Может, да, а может, и нет. Тебе решать. Но тут замешаны личные мотивы.

Он заколебался.

— Если это о... Ты же знаешь, в делах чувства роли не играют. Я тут собирался заскочить в лабораторию и посмотреть, что там выжали из... наших находок.

— Ой, Боб, это подождет. Давай встретимся. Я закажу обед, если, конечно, твои начальники не посчитают это за взятку.

¹ Карел Чапек (1890—1938) — чешский писатель. Ян Гус (1371—1415) — национальный герой чешского народа, реформатор.

«Дон Педро». Чили, чтобы Люциферу стало жарко. И чуточку «Два креста», чтоб подбавить святости.

— Э-э, спасибо. Я не сторонник плотного обеда, но... Ну, ладно, прилетай. Будем тут одни. Мой сосед по комнате уже отправился по делам. — Он заметил мою жену. — Привет, Джинни.

В голосе прозвучала нотка симпатии. А может, опасения?

Пока я летел, то приводил в порядок мысли и чувства, особенно совесть. Однажды мы уже обошли Боба, его агентство и все правительство Соединенных Штатов, когда отправились на поиски нашей Валерии-Виктрикс. И лишь счастливое возвращение спасло нас от репрессий: победителей, как известно, не судят. Но как мы рисковали! Ни я, ни Джинни не верили до конца, что неподготовленные, неорганизованные самоучки могут победить в битве со злом, словно дурацкие герои комиксов, разряженные в клоунские костюмы. Наши самовольные действия граничили с судом Линча. И все-таки я не собирался рассказывать Бобу о Балавадиве и аль-Банни, хотя эти сведения могли и пригодиться следствию. Бывают времена, когда человеку приходится самому принимать решения, верные или ошибочные, или свалить все на других и перестать называться свободным существом. Таким, как Джордж Вашингтон или Махатма Ганди.

Комната, где остановился Сверкающий Нож, была самой обычной и невыразительной. А сам он, сгрузивший одежду в шкаф, смотрелся здесь так же непривычно, как трубка мира на туалетном столике.

— Присаживайся, — сказал он, как только мы пожали друг другу руки. Я сел на стул. А Боб растянулся на одной из узких коек. Он пожирал меня черными глазищами, но не так, как Ромео Джульетту. — Ты хотел что-то рассказать?

— В основном спросить, — ответил я.

— Ты уже поморочил мне голову по телефону. Дело серьезное, и чем больше мы этим занимаемся, тем неприглядней оно становится. Так что не трать попусту свое и мое время, Стив.

— Хорошо, — холодно, в тон ему, согласился я. — Что вы имеете против Уилла Грейлока?

— Я уже сказал, — безо всякого выражения ответил Боб, — что не могу распространяться на эту тему. По разным причинам, одна из которых — говорить об этом еще рано. Необязательно все, кого расспрашивали, находятся под подозрением. Он может быть, например, свидетелем, сам того не осознавая. Раз пришел, то что ты хотел мне сказать?

— Что мы с женой знаем Уилла! Он брат Джинни и заботился о ней с самого детства, когда они осиротели. Боб, ты же нас знаешь. Неужели мы стали бы прикрывать преступника, который едва не погубил нас и утробил два года работы? Я не хочу, чтобы между нами было какое-то непонимание. Я говорю тебе, и дело не в родственных чувствах: Уилл Грейлок не мог совершить это преступление!

Поскольку Сверкающий Нож молчал, я добавил:

— Для начала, он никакой не колдун. Здесь живет недавно и даже не особо интересовался индейцами и их культурой. Когда же он успел бы познакомиться с Койотом?

— А никто этого не утверждает, — ответил Сверкающий Нож. — Раз уж на то пошло, так никто не обвиняет Койота и других местных Созданий, что за провалом стояли именно они. Может, стояли, а может, и нет. Мы знаем — «мы» включает и вас с Джинни, — что здесь замешаны азиатские Создания. Им помогал человек, бывавший в Твердыне. Уилл Грейлок ведет себя странновато, не находишь? Мы насторожились и начали проверять, насколько далеко заходит эта странность.

Боб помолчал, потом начал веско ронять слова:

— Не буду особо трепаться, потому что ты знаешь об этом больше моего, и я был бы рад, если бы ты поделился со мной. Но ведь Уилл довольно долго поддерживал связь с китайскими друзьями, коллегами и корреспондентами. Он несколько раз бывал в Китае и провел там немало времени. Он говорит по-китайски и хорошо подкован по истории, литературе и антропологии. А может, и демонологии?

Сверкающий Нож закончил разгромную речь более спокойным тоном:

— Я пересказываю тебе очевидные факты. Что ты можешь мне ответить?

— Да, он немного не в себе, и никто не может понять, что с ним такое. Но ведь он соглашается на всевозможные тесты, проверки и консультации. Ты считаешь, что больной человек попрется ночью в пустыню? Или что тихий, уважаемый ученый возьмется за какое-то кошмарное преступление? Для чего бы он понадобился преступникам, а? Великий боже, да в Твердыне полным-полно людей со связями с Китаем! Какие-то китайские журналисты, дипломаты и разные шишки сидели там целыми днями. Почему вы не следите за ними и их гидами?

— А кто сказал, что не следим? — парировал он.

Но я не собирался сдаваться.

— А что слышно о таинственном Фу Чинге? Твой паразит Моу давал ему весьма нелицеприятную характеристику. Почему бы вам не заняться им?

С минуту Боб молчал.

— Легко сказать, трудно сделать.

— Но вы считали, что он сейчас в Англии. У вас что, нет связей со Скотланд-Ярдом?

Сверкающий Нож криво усмехнулся и заговорил. Мне показалось, что он был рад сменить болезненную для меня тему. Хотя бы на несколько минут.

— Конечно, есть. На них работает несколько первоклассных магов, не говоря уже об оперативниках. Они узнали по своим каналам, что Фу засел в Англии, явно намереваясь попортить кровь европейцам. Вскоре они получили подтверждение его приезда. На том дело и закончилось. Как они ни старались, но так и не узнали, где он остановился.

Я поскреб подбородок, постепенно успокаиваясь.

— Забавно! Если он и вправду знаменитый колдун, как утверждает Моу, то, по-моему, довольно легко отследить силу такого уровня. Он наверняка должен был оставить следы.

— Правда. Только он опутал всю страну ложными следами. И Скотланд-Ярд, и разведка сбились с ног, отслеживая его передвижения, и в результате остались с носом. Последнее его местопребывание, о котором я слышал, был Букингемский дворец, — усмехнулся Боб. — Вполне возможно, что у Фу есть двойные агенты и в военной разведке Британии, и в сыске. Шустрый, черт, и хитрый. Никто не знает, сколько ему лет.

— Значит, вам, ребята, надо держать нос по ветру, — пробормотал я. — Насколько ты можешь быть уверен в ФБР?

— Мы осторожны. Кто бы ни стоял за катастрофой в Твердыне, им помогал человек, который был в курсе всего. Мы ищем его.

— Но я же говорю, что Уилл Грейлок...

— Есть такая штука, как одержимость дьяволом, — тихо произнес Сверкающий Нож.

Я покачнулся, словно мне заехали в челюсть.

— Я много думал над этим, Стив, — продолжал Боб. — Хорошо, что ты сегодня приехал, пусть даже ничего особенного не рассказал. Как считаешь, он согласится на психосканирование? Ты можешь его уговорить? В обход правилам я вот что могу сказать: если он окажется чист, снимется куча вопросов, которые

сейчас повисли в воздухе. Пока все говорит о том, что доктор Грейлок виновен.

— Он не может быть одержимым, — пробулькал я. — Где бы он умудрился это подцепить, ради всего святого?

— Если окажется, что одержим, — неумолимо гнул свое Боб, — тогда, учитывая, что он не призывал демона, по закону он невиновен. И простого экзорцизма будет достаточно.

— Но... но это невозможно!

— Что именно? То, что он обуюн бесом, или то, что он согласится на проверку?

«И то, и другое», — подумал я. В горле встал ком. Уилл был таким застенчивым... Отслеживание демона займет несколько дней. И дело не в заклинаниях, хотя некоторые из них не особо приятны, и не в медицинских процедурах, хотя они могут быть весьма унизительны. Дело в том, что ему придется выложить психоаналитику всю подноготную — всю свою жизнь, переживания и чувства.

— Пятая поправка, — намекнул я. Никто еще не нарушал этого закона.

— Да. Она работает на него, Стив. А ты не знал? Верховный суд постановил, что все открывшееся под психосканированием не подлежит судебному разбирательству. Был случай, когда один мужик изо всех сил пытался убедить полицию, что ему необходимо сканирование. Не получилось. Оказалось, что он был убийцей. Что касается одержимости, то я уже сказал: если Уилл не призывал демона, то ему ничего не грозит. Что бы там демон ни заставил его совершить.

«Но интимные подробности, — думал я, — его жена, женщины до нее и после, волшебная красота, которая переменяла его жизнь... Настолько прекрасная и чарующая, что он никому не решился рассказать, кроме родной сестры. А когда ему понадобилась помощь и поддержка, то и мне... Да у любого человека есть столько за душой, чего бы он не стал открывать никому!»

— Я бы отказался, — признался я.

— Но с ним ничего не случится, Стив! Отпустят домой, чем бы ни закончилось исследование. Если он околдован, его освободят. Разве ты не можешь хотя бы предложить ему? Лучше ты или Джинни, чем какой-то незнакомец.

Я вспомнил о высохшем лице Уилла и его дрожащем голосе:

— Только не сегодня. Нам нужно все обсудить.

Ни о чем особенном мы больше не говорили. На обед так и не пошли.

Летя обратно, я сообразил, что улики против Уилла наверняка весомее, чем говорил Сверкающий Нож. Куда как весомее. Но что это могло быть? В пыли и песке обнаружили его следы?

Да, только гениальный злодей мог бы подставить невиновного... А разве Фу Чинга не называют Чингисханом среди преступников?..

Джинни встречала меня у входа. Подбежала и сразу же схватила меня за руки. Напряжение читалось во всем — в ее позе, глазах, голосе.

— Нужно передохнуть, милый. Я получила записку от Балавадивы. Ее принес их сын и сразу улетел. Там было два предложения: «Будьте после захода. Мы отправляемся в горы». Когда я прочла, записка рассыпалась пеплом.

ГЛАВА 16

Валерия, наша неизменная нянька, благородно подавила готовые вырваться расспросы. После обеда она заявила, что желает позвонить подруге. В голосе звучала обида. Вэл сбежала в свою комнату. Болтала она бесконечно долго. Но, насколько я понял, держалась молодцом.

— Метла Арни? Эта старая кочерыжка? Вот у Ларри «Фиат-люкс», это да-а! Когда ему разрешают ее поводить, это что-то! Суббота? Да, меня уже выпустят из-под ареста. В бассейн к Густавсонам? Здорово!

И так далее. Я не шпион, просто я проходил мимо ее комнаты, а дверь была распахнута. Вэл чирикала, лежа на кровати и задрал ноги на спинку, а на ее животе уместился Свартальф.

Мы с Джинни занялись приготовлениями. Под обычную деревянную одежду я нацепил мою эластичную «волчью шкуру» и прихватил фонарик. Джинни взяла плащ, который был не только теплой одеждой, но и слабеньким талисманом. Фритц Лейбер когда-то играл в нем Просперо. Брошка с соевой на ее блузке была куда как сильнее — ее профессиональный значок, который побывал вместе с нами в Аду. Джинни выбрала самую лучшую волшебную палочку. Эдгар примостился у нее на плече.

Наша метла устремилась к югу. Хотя ночь стояла безветренная, я порадовался, что надел куртку. Когда мы вылетели за городскую черту, над нами раскинулись яркие звезды. Их было так много, что я не мог определить, по которому же из созвездий мы держим путь — Стрельцу или Орлу. А над головой сияли Лира и

Лебедь. Мы почти не разговаривали, чувствуя себя песчинками, затерянными в бесконечности.

Пуэбло мы отыскивали быстро. Пролетели пустынными улочками. Из окон дома Балавадивы лился желтый свет, но сам он стоял на пороге. «Должно быть, выглядывал нас», — подумал я. Балавадива не прихватил с собой шляпы, его седые волосы серебрились в звездном свете. Но одежда особо не отличалась от нашей, разве что килтом и широким поясом. Из-под килта выглядывали брюки, но в целом его облачение не смотрелось по-дурацки. Мы знали, что эти вещи освящены.

— Приветствую вас, — начал он. — Простите, что не приглашаю зайти, но нам нужно отправляться сейчас же.

— Далеко лететь? — поинтересовался я.

— Далеко, но не в пространстве, а в душе.

— Полетите с нами? — предложила Джинни. Потому она и оседлала «Форд». Наш «Ягуар» не вынес бы троих седоков.

Балавадива кивнул. Мы вернулись на посадочную площадку. Когда мы приземлялись, то выдвинули подпорку для метлы, учитывая, что долго здесь не пробудем.

— Я попытался вызвать Небаятума, — начал рассказывать маг. — Он тоже прошел через смерть и вернулся. От него пошли Блаженные. Но... не знаю, как так вышло, и вряд ли когда узнаю, но на мой зов откликнулся другой игрок на флейте, горбатый странник Овиви. Вы знаете его под хопским именем Кокопелли.

— Он поможет нам? — прошептала Джинни.

— Сперва он хочет встретиться с вами и поговорить.

«Резонно, — мысленно согласился я, — если для божеств и духов есть какие-то резоны».

Мы расселись. Джинни — за кристаллом управления, Балавадива — рядом с ней, а я за ними. Взлетели. Наш проводник показал в сторону востока:

— Курс на горы Зуни. Там я покажу, куда лететь.

Ветер свистел в ушах. Становилось холоднее. Джинни не захотела накладывать заклятие тепла, и почему-то я знал, что так надо. Она поплотнее запахнула плащ.

— Я не могу много вам рассказать, — ровным голосом продолжил Балавадива. — Это священные знания, вы же понимаете. — Мы кивнули. — Я очистился и ушел спать в пустыню. Во сне я узнал, что должен отправляться в горы. Я провел обряд и начал ждать. — У меня пересохло во рту. — Он явился, когда встала луна. Мы поговорили. Сегодня луна поднимается позже, но вам нужно время, чтобы подготовиться.

— Кар, — выдал Эдгар и слегка нахохлился.

— Хорошо, что с вами существо, которое равно принадлежит земле и ветру, — улыбнулся Балавадива.

Если он имел в виду, что наш помощник — чистое дитя природы, то здесь я позволил себе усомниться. Эдгар ворует все деньги и пуговицы, которые ему подворачиваются. При случае он опустошает миску Свартальфа, а дважды в неделю, когда коту дают рыбные консервы, ворона приходится запирать. Как-то раз я видел, как Эдгар клевал даже сигарный окурочок. А когда мы устроили вечеринку, он умудрился спереть оливки из трех коктейлей, прежде чем Джинни поймала его и заперла в клетку. И слава богу, что Вэл довольно редко извлекала из пианино кошмарные звуки, которые называла музыкой, ибо Эдгар любил их всем сердцем. Он танцевал под эту какофонию и покаркивал в такт.

— Я знаю, что вам двоим мужества не занимать, — сказал Балавадива. — Но вам понадобятся вся сила духа и вера в правое дело. Кокопелли обычно доброжелательно относится к людям. Но он древний дух, и у него свои недостатки.

«Да, — вспомнил я, — его знало племя анасази, а может, и другие народы до них. Они обрисовали его портретами все скалы на Южном Западе. А что до недостатков, вспомним хотя бы Аполлона с его стрелами, Одина и его Дикую охоту, Хицлапушли, который поедал сердца... и Иегову с египетскими казнями».

Мы летели уже несколько миль. Там и сям дрожали одинокие огоньки домов. Вскоре и они остались позади.

— Анасази были не просто мирными фермерами, — едва слышно добавил Балавадива. — Среди них встречались и каннибалы.

Впереди воздвиглись горы. Днем они не впечатляли, если не считать прекрасных, причудливой формы утесов. Хотя кое-где они достигали высоты девяти тысяч футов. И паря над острыми пиками, выступающими из темноты, я до конца осознал идею конечности бытия.

Балавадива показывал Джинни путь. Теперь его палец ткнулся вниз. Она виртуозно спикировала на скалистый склон. Серебристо-серая при свете звезд трава защекотала мне ступни, когда я спрыгнул на землю. Я уловил слабый аромат вечнозеленых деревьев, которые росли где-то неподалеку, но мои спутники, скорее всего, ничего не ощутили.

— Отсюда пойдем пешком, — объяснил наш проводник. С его губ слетело облачко пара. — В знак уважения и для подготовки.

Он уверенно повел нас вперед. Мы с Джинни шли по его сле-

дам, частенько оступаясь и оскальзываясь. Магического зрения не использовали — любое заклинание может обнаружить нас. Ночью мы видели неплохо, да и небо было светлее, чем может показаться городскому жителю, но повсюду залегали густые тени.

Тем не менее мы кое-как прошагали пару часов. Я не смотрел на часы. Здесь время нельзя было перевести в числа. Мы поднимались вверх, время от времени обходя валуны или пробираясь по каменистой осыпи, где из-под ног щебень с шелестом катился вниз. Под деревьями таился непроглядный мрак. Но в основном мы шли по голому склону, поросшему чахлой травой и испещренному впадинами и выступами. Я успел вспотеть, и теперь спина отчаянно чесалась. Воздух стал более разреженным, так что мои ноздри быстро пересохли.

Наконец Балавадива поднял руку.

— Остановимся здесь, — произнес он. У меня в ушах громко стучала кровь, потому его голос казался далеким и каким-то поусторонним. — Мы будем ждать, молчать и укреплять душу.

Мы добрались по ровной площадки на узкой вершине склона, над головой раскинулось необъятное небо, увенчанное сверкающей аркой величественного Млечного Пути. Слабый ветерок постепенно крепчал. Мы присели, скрестив ноги, в круг и принялись ждать.

Я с трудом различал моих товарищей. Балавадива сидел неподвижно, на его лице не дрогнул ни единый мускул. Джинни устремила взгляд в бескрайние небеса. Я постарался замереть и подумать о возвышенном, или чего там было нужно. Через некоторое время земля, на которой я сидел, стала холодить мне задницу, а ноги свело от непривычной позы. Эдгар, который стоял рядом с Джинни, переступал с ноги на ногу, а потом засунул голову под крыло и банально уснул. А мы ведь тоже устали.

Серпик стареющей луны поднялся из-за горизонта. Тени сразу стали гуще, а темнота светлее. Ветер усилился. Я слышал, как он шелестел между деревьями и камнями...

Нет, это не ветер! Это нездешняя, напевная музыка. И я не взялся бы определить, в каком ключе она звучала...

Бог вышел из мрака, пританцовывая под напев своей кедровой флейты. Он показался нам похожим на окружающий пейзаж — странный, озаренный светом звезд и луны. Он явился в человеческом обличье. Его лицо с приложенной к губам флейтой оставалось в тени, а на голове покачивался убор из перьев неизвестной птицы. Его руки и ноги были такими тонкими, что он походил на огромное насекомое. Я так и не разглядел, действитель-

но ли он был горбат или просто нес за спиной сумку, набитую неизвестно чем. Его тело облегла кожаная одежда, зато эрегированное достоинство гордо торчало вверх, а размерам позавидовал бы любой жеребец. Божествам плевать на людские приличия и этикет.

Мы встали. Джинни и я поклонились, я даже стянул с головы шляпу, не зная, как себя вести. Балавадива воспроизвел какой-то сложный жест и заговорил, как мне показалось, на языке зуни.

Кокопелли опустил флейту и посмотрел на нас. Я почувствовал себя так, словно меня вывернули наизнанку.

В дальнейшем я оставался в качестве зрителя. Ничего не понял из происходящего, а впоследствии Джинни ограничилась лишь общими фразами. Эдгар тоже держал клюв на замке. Джинни вскоре присоединилась к разговору, насколько она владела языком. Говорили они медленно и осторожно, с длинными паузами.

Кокопелли улыбался все шире и шире, пока наконец не расхохотался. Бледная и тонкая луна поднялась выше. Она почти коснулась головы божества, которое гудело, как шмель над цветком.

И хотя я не был ни женщиной, ни волком, некая сила влекла меня к нему. Последний раз я испытывал такую животную страсть, когда мы столкнулись в Мексике с суккубом-инкубом. Даже сильнее — все-таки мы стояли рядом с божеством, — но я-то мужчина, и призыв предназначался не мне. Это была такая вспышка похоти, что если бы мы с женой были здесь одни...

Потом Джинни призналась, что ее тоже разобрало. Могу себе представить! Но она взяла себя в руки, утихомирила страсть и отклонила предложение Кокопелли. Отклонила, без сомнения, вежливо, но решительно, как ответила бы на предложение любого мужчины.

Он воспринял это безболезненно. Это утвердило меня в мысли, что американские боги, в отличие от греческих, настоящие джентльмены. Он произвел движение, которое можно было истолковать как пожимание плечами. Зов плоти умолк. Кокопелли обратился к Балавадиве, притом говорил он весьма бегло. Джинни ухватила нить разговора только через пару минут. Я стоял как пень, ничего не понимая. Эдгар тоже тупо тарашил глаза. Не знаю, что он там ощущал.

Кокопелли договорил. Он развернулся и, танцуя, растворился в ночи. Мы слышали постепенно смолкающий голос его флейты.

Какое-то время мы стояли, не двигаясь. Я чувствовал себя последним дураком. Ветер запустил холодные пальцы под куртку.

Наконец Балавадива медленно произнес:

— Вы ему понравились. Вы были искренни. Он знает заграничных Созданий и не любит их. Думаю, они тоже напугали его, но Кокопелли никогда бы в этом не признался.

Потом маг сразу перешел к делу.

— Но они сошлись с Койотом, и Кокопелли не желает наговаривать на них, а наши доказательства были недостаточно убедительными. Это похоже на то, что некто убеждает вас не верить вашему политическому союзнику, который приятен вам, умаливает вас и говорит, что знает средства для достижения вашей цели. Местные Силы возмущены вторжением НАСА на их земли и в жизнь подопечных им людей.

— Что же нам делать? — спросила Джинни у луны и ветра.

— Докажите, что чужаки расстроили полет не ради каприза, а из-за далеко идущих планов. Кокопелли действительно не верит, что они живут на Луне, и считает полным бредом посылать туда корабль. А еще вы должны показать, что можете дать этой земле больше, чем даете. Иначе, сказал он, вся их работа провалится. Вы будете не первыми, кто явился и после покинул эту старую, старую страну.

Балавадива вздохнул.

— Кажется, я сделал все, что мог. По крайней мере, на данный момент, — заключил он. — Теперь ваша очередь.

Мы двинулись по склону вниз.

ГЛАВА 17

С севера прилетел ковер, похожий на плоскую грозовую тучу.

Мы пробыли в горах дольше, чем казалось вначале. Опустошенные и уставшие, мы медленно плелись обратно к метле. Рассвет застал нас в паре миль от места посадки. Небо за спиной посветлело, и над миром разлился еще призрачный свет. Впереди тускнела луна, над головой гасли последние звезды. Валуны и деревья все еще скрывали от глаз нашу метлу. Потом мы вышли на открытое пространство, хотя в нескольких сотнях ярдов внизу и справа был ближайший лес. Он темнел на фоне желтоватой травы и серых скал. Ветер утих, но ночная стынь еще наполняла и воздух и землю.

Кажется, Эдгар первым заметил ковер. Он пронзительно каркнул с плеча Джинни. Мы остановились и глянули в ту же сторону. Напротив серого неба отчетливо виднелся суженный спереди черный прямоугольник, без каких бы то ни было знаков различия.

— Кто, во имя Гермеса, может шастать здесь в такую пору? — дрожащим голосом вымолвила Джинни.

А я сразу припомнил, что Гермес — не только Посланник и Вор, а и Психопомп, водитель душ в царство Аида. Более практичная часть меня насторожилась и постаралась рассмотреть ковер. Большой семейный драндулет, годный для перевозки пассажиров, товаров, животных и черт знает чего еще. То ли «Плимутский возок», то ли «Багдадский караванщик», отсюда не разглядеть. Но эту штуку не так-то часто можно встретить вдали от обычных транспортных путей, да еще снижающуюся в такой глухой местности...

Балавадива первым учуял неладное.

— Опасность! — завопил он, принюхавшись к скалам. — Осторожно!

Ковер резко затормозил и завис в пятидесяти футах от нас. Внезапно оттуда высунулась металлическая палка и полыхнула огнем.

Во мне тотчас же проснулся солдат.

— У них ружье! — заорал я. — Вперед! Зигзагами!

Первая пуля попала в валун неподалеку. Брызнули осколки. И лишь потом я услышал звук выстрела.

Джинни вскрикнула и махнула рукой. Эдгар взлетел. Она рванула с места следом за нами. Мы скакали, перепрыгивали через камни, падали и вставали, торопясь под защиту деревьев.

Я бросил взгляд через плечо. Над горами поднималось солнце. Из-за него невозможно было разглядеть ни черта. В глазах потемнело, заплескали огненные точки. Я споткнулся о камень, кувыркнулся и растянулся на земле.

Вороны — крупные птицы. Сумеет ли Эдгар ускользнуть от выстрелов, добраться до стрелка и выбить ему глаза?

Пули били повсюду — спереди, сзади, по бокам. Этот ублюдок раздобыл классную автоматическую винтовку с безразмерной обоймой, что-то типа «М-7» или швейцарской «шраубензиген». Разрешенное оружие, по крайней мере в этой части страны. Снайпер из него никудышный, зато патронов не жалеет... Приблизился этот драный лес хоть на дюйм или нет?

Эдгара выбросило из солнечного света. Он едва махал крыльями. Должно быть, нарвался на какое-то защитное заклинание.

Заклинание!

Я нагнал Джинни. Она успела потерять шляпу, и теперь рыжие волосы развевались как пламя. Плащ реял за спиной.

— Дай мне его, — приказал я. Она тут же все поняла, сорвала плащ, передала мне и припустила еще быстрее. За ней летели пули.

— Помоги ей! — завопил я Балавадиве. — Прикрой!

Я бросился на землю и накрылся плащом. Во внезапной темноте я расслышал его голос:

— Ты слишком легкая мишень...

— Беги, черт тебя дери!

Одной рукой я расстегнул куртку и распахнул рубашку, срывая пуговицы, чтобы достать фонарик и обнажить кожу. Второй рукой я шарил между согнутыми коленями, стараясь расстегнуть пояс и ширинку и стянуть штаны.

«Так, — заговорил во мне бесстрастный голос, — он может сообразить, что я делаю, и сосредоточить огонь на мне. Если он прищучит меня прежде, чем я оборочусь, мне крышка. Зато выиграю время, и Джинни будет в безопасности».

Вспыхнул поляризатор. Я начал плавиться и менять форму.

Удар! На мгновение я потерял сознание.

Очнулся. Прошло всего несколько секунд. Боль ушла. Еще попадание, еще, но теперь они воспринимались как сильные удары мягким молотком. Я стал волком. Мои раны, включая самую первую, затянулись на глазах.

Я сбросил плащ и зарычал в небо.

Нижняя одежда стесняла движения. Еще три пули нашли цель. Меня сбilo с ног. Я сорвал одежду зубами, но оставил эластичное белье, выскочил из ботинок и ринулся в сторону. Завыл, вызывая врага.

Только бы он не попал в голову и не вышиб мне мозги — что вряд ли. Только бы у него не оказалось серебряных пуль. Но для гражданских лиц они под запретом.

Как волк я озлобился сверх меры. Мне хотелось перегрызть этой твари глотку. Как верный пес я желал мчаться вниз, к своей возлюбленной. Как человек, хоть и частично, я знал, что должен петлять по открытой местности и отвлекать огонь на себя.

Он снова попытался меня уложить, хотя шансы резко упали. Убьет он моих спутников или нет, но я-то доберусь домой, снова стану человеком и дам показания. Засвистели пули. Я танцевал между ними и скалил зубы.

До него наконец дошло — ковер заскользил вниз по склону, в погоню за остальными. Снизился. Хотя в волчьем облике я был

близорук, но даже с такого расстояния сумел разглядеть обычную метлу, закрепленную над ковром. Приглядевшись, я различил кого-то, лежащего плашмя с краю ковра. Он прижимал к плечу приклад винтовки. Мне показалось, что на нем маска, но сказать наверняка я не мог.

Я развернулся и сломя голову бросился вдогонку.

Но теперь Джинни и Балавадива находились под защитой деревьев. Лес спрятал их среди кустов, веток и листьев. Ковер затормозил, на мгновение завис в воздухе и начал снижаться.

Навстречу выскочила Джинни. Она уже достала из чехла волшебный жезл, и звезда на его конце пылала белым огнем. Позади Джинни показался Балавадива, вскинувший руки над головой. Я услышал, что он колдует, его голос вздыбил мне шерсть на загривке.

Они могли спрятаться снова. Но не стали. Сила, которую они послали на врага, охватила ковер голубым пламенем. Неожиданно воздух прорезала вспышка молнии.

Ковер завалился набок, за ним протянулся дымный след. Неприятель пропал за пригорком, над которым атаковал нас. Дым валил уже всюю.

Я добежал до Джинни и рухнул, высунув язык и раздувая горящие легкие. Ее жезл угас. Джинни опустилась рядом со мной на колени.

— Ох, Стив, Стив!

Обняла меня за шею и впечатала поцелуй прямо в мокрый черный нос. Подлетел Эдгар, требуя и свою долю благодарности. Что ж, он сделал что мог.

Потом меня накрыли плащом, и я снова превратился в человека. Балавадива рассмотрел дыры и брызги крови на ткани и покачал головой.

— Это ведь историческая ценность, не так ли? Нехорошо. Надеюсь, его можно вернуть в прежний вид. Если не получится, вы устройте ему достойное огненное погребение, правда?

Во мне еще бурлили волчи чувства, которые понукали предложить:

— А давайте сядем на помело и собьем гада наземь! Он не мог далеко улететь.

— Нет, — охладила меня Джинни. — Ты же сказал, что у него есть дополнительный транспорт. Он попросту зависнет в воздухе, а поврежденный ковер упадет.

— Не забывайте, — заметил Балавадива, — что он вооружен и опасен. Лучше вернуться домой. Надеюсь, вы позавтракаете со

мной? Потом можете рассказать все своему начальству. — Он помедлил. — И нужно решить, что именно рассказывать, а что — нет.

ГЛАВА 18

На обратном пути мы залетели в Грант. Сверкающий Нож отбыл куда-то по делам, но, на наше счастье, мы застали Джека Моу. Мы знали его не особенно хорошо, зато он был человеком разумным и настолько обаятельным, насколько ему позволяла такая работа. В забитом людьми офисе он отыскал крошечную комнату, где мы могли поговорить с глазу на глаз.

Я оставил это удовольствие Джинни и сосредоточился на том, чтобы сохранять каменное выражение лица. Нет, она не лгала. Будучи на короткой ноге с Балавадивой, мы попросили у мудрого мага помощи. Он отвел нас ночью в горы, чтобы помедитировать и поговорить. Индейские средства не похожи на безличную, мгновенно действующую магию людей Запада. Их магия непрямая и медлительная. Начинать нужно постепенно, подготавливая дух.

Моу кивнул.

— Да, я слышал об этом, когда приехал сюда, — сказал он. — Думаю, что даосы с вами согласились бы.

— Это ваша вера, если не секрет?

— Ну, гражданский служащий с женой, двумя детьми и заложными — мне положено скорее удариться в конфуцианство. Пожалуйста, продолжайте.

Остальное Джинни описала, не отклоняясь от истины. Он начал спрашивать, пара вопросов досталась и мне. Потом он сказал:

— Вы настоящий герой, мистер Матучек.

— А, — отмахнулся я, — ерунда.

Я действительно так думал. Взгляд Джинни и легкое касание руки были большей наградой, чем все медали.

Под конец Моу тихо присвистнул:

— Это настоящее злодейство. Вы не знаете, кто и почему мог напасть на вас?

— Нет, — ответила Джинни. — Я только предполагаю, что он испугался того, что мы можем совершить. Значит, он прекрасно осведомлен.

Миндалевидные глаза Моу превратились в щелочки.

— Кто-то, кто близко знаком с вами? — очень тихо спросил он.

Джинни выпрямилась и резким голосом ответила:

— Не обязательно, сэр, совсем не обязательно. Служащих проекта «Селена» нужно было проверять несколько лет назад. Что касается меня и моего мужа, то когда-то о нас знали многие. Любой мог заинтересоваться нашими приключениями. С тех пор я еще неплохо преуспела как профессионал. — Как достойный доверия профессионал, забыла она добавить. — Мы никому не говорили о том, что нашли в пустыне с вами и Сверкающим Ножом, но наши противники спокойно могли разузнать, что мы побывали там вчетвером. Тем более что ваши агенты бурно обсуждали эти находки, разве не так? Позвольте предположить, что вы сами искали совета у разных специалистов.

— Никаких претензий, доктор Матучек, — примирительно отозвался Моу.

— А вы дипломатично ходите вокруг да около и все ждете, когда заграничные агенты себя выдадут. Я не собираюсь делать за вас вашу работу! Мы рассказали все, что могли, — не имеет значения, что знали мы много больше, — может, что-нибудь вам и пригодится. Наш адрес и телефон вы знаете. А теперь, прошу прощения, мы устали и возвращаемся домой отдохнуть.

А вот это была святая правда! Не знаю, как удавалось Джинни держаться так, словно этот затрапезный грязный комбинезон был на самом деле стильным деловым костюмом. А говорила она тоном школьной учительницы, объясняющей предмет тугодумному ученику. У меня же все болело и пекло, глаза слезились, а голова словно ватой набита. Только непобедимые герои комиксов выходят из всех опасных переделок свеженькими и бодренькими, чтобы вляпаться в очередную смертельную потасовку. Нормальные люди долго отлеживаются после подобных ужасов.

— Конечно-конечно, — поддакнул Моу. Не знаю, действительно ли он решил отмахнуться от правил. — Уверен, что вы общили нам кое-что важное, — и он не удержался от ухмылки, — даже если и не собирались этого делать. От имени нашего Бюро и всей нации выношу благодарность. Не хотите ли, чтобы вас проводили до Галапа и несколько дней поохраняли? Нет? Ну, тогда до свидания, желаю хорошо отдохнуть.

Мы пожали руки и распрощались.

По пути домой я спросил:

— У меня мозги не работают совсем. Почему мы не согласились на его предложение об охране? Дети...

— Нет! — Джинни прикусила губу. — Опасность не увеличилась и не ослабела с тех пор, как враг себя проявил. Так что незачем суетиться.

— Ну, враг как залез, так и слез. Но он может попробовать снова.

— Едва ли таким же образом. Мы, фибби, зуни — все мы уже настороже. А ведь он оставил след, который возьмут наши псы, — хрипло засмеялась она. — Господи, я уже начинаю заговариваться, вон какие метафоры выдаю. И все же, едва ли он нападет в ближайшем будущем. Что касается магической атаки, наш дом надежно защищен. Давай не подпускать к себе государственных агентов, а?

— В целом — идея неплохая. Думаешь, они уже раскусили, что мы ведем свою игру?

— Могли.

На этом силы мои иссякли, и я ни о чем больше не спрашивал.

Мы еле-еле доползли до дома. Я забился в мастерскую, обернулся, но особого облегчения не испытал. Джинни разрешила Вэл пойти в отпуск, если та ответит Криссу к соседке, у которой тоже была маленькая девчушка. Валерия уже проводила Бена, предварительно накормив обедом. Он убежал играть с другими мальчишками. Эдгар тяжело опустился на свою жердочку и уснул. Потом мы с Джинни попадали в постели без задних ног.

Я заметил, что многие люди, избежавшие смертельной угрозы, по ночам маялись кошмарами. Едва ли я сильнее их духом. Но то ли оборотни по-своему залечивают раны тела и души, то ли мне просто повезло. Мой сон был эротичным.

Через четыре часа нас разбудило острое чувство голода. Пока никто из детей не вернулся, и дом был в полном нашем распоряжении. Приняв душ и переодевшись в чистую одежду, мы отправились на кухню.

— Я неплохо выспался, — пробормотал я и зевнул, — но все равно жду не дождусь ночи.

— Вот это пасть, Фенрир позавидует, — усмехнулась Джинни и добавила: — Я тоже лягу пораньше.

У нее были свои методы снятия стресса. Нужно постоянно повторять в уме мантру и представлять фрактальную мандалу. Я так не умею.

Я с удовольствием впился зубами в бутерброд с говядиной, щедро присыпанный кусочками лука, сладкого перца и помидоров. Кофе совершило чудо, взбодрив меня. Я призывно оскла-

бился, пожирая жену взглядом через стол. Уписывая салат из редиски, она усмехнулась понимающе, но сухо.

— Наши отпрыски могут вернуться с минуты на минуту, — напомнила Джинни, проглотив порцию салата.

Зазвонил телефон.

— Вот дрянь какая, вечно не вовремя! — разозлился я.

Хотя мы просили фею отгонять назойливых торговцев, коммивояжеров и других паразитов, они все равно прорывались точно в обед.

— Включайся! — крикнула Джинни. Я впихнул в рот остатки еды, а по спине уже побежали знакомые мурашки, и весь скептицизм как рукой сняло, когда в кухню вплыл телефон.

На экране был Сверкающий Нож.

— Как дела? — поинтересовался он.

— Так себе, — ответила Джинни. — Чего тебе нужно?

— Думал, что вам захочется знать: как только я вернулся в офис, сразу же организовал поисковые партии.

«Партии, — отметил я. — Он... они восприняли наше заключение более чем серьезно. И едва ли нам скажут, что именно эти парни ищут».

— Я превратилась в одно большое ухо, — кивнула Джинни. Вероятно, она использовала это выражение, чтобы разрядить атмосферу, ведь если она и ухо, то просто великолепное ушко, лучше не бывает.

Точно, официальное выражение лица Боба несколько смягчилось. Он начал докладывать:

— Мы нашли ковер неподалеку от того места, которое вы называли. Неизвестно, посадил ли его пилот или просто покинул, пересев на метлу, которую заметил Стив. В любом случае его и след простыл, не осталось ни одного отпечатка пальцев. Винтовка тоже пропала. Зато мы насобирали целый мешок пуль и можем начать розыски с них.

Я проснулся окончательно и вставил:

— Если бы это был я, то залетел куда-нибудь подальше в пустыню и прикопал бы винтовку там.

— Да, мы прочесываем всю местность по довольно большому периметру, — сказал Боб. — И мы определили регистрационный номер ковра. Он принадлежит одной семье в старой части Галапа. Этим утром они заявили об угоне. У них обычная стоянка, а не гараж. Ковер был на виду, просто запертый. Квартал мирный, соседи дружелюбные. Кто-то пережег ночью талисман и угнал ковер.

— Есть какие-нибудь предположения? — спросила Джинни.

— Нет, разве что угонщик неплохо разбирается в магии или владеет какой-нибудь иной паранормальной силой. Не факт, что именно он (она или оно) напал на вас в горах. Сам-то я думаю, что это он и был, но угонщик мог работать в паре со стрелком. — Сверкающий Нож ненадолго умолк. — Мы бы хотели встретиться с вашим другом, джентльменом из племени зунни. Кстати, я так и не услышал, как его зовут.

— Мэттью Адамс, но обычно его называют Балавадивой.

Они с Джинни договорились, что нет причин утаивать информацию о его участии.

— Мы выслали туда команду, но, похоже, он куда-то ушел.

— Вполне мог.

— Но ведь он свидетель!

— В него тоже стреляли! — взорвалась Джинни. — Можете прочесать все село, если хотите, но ни один житель не выдаст вам его укрытия, а мы со Стивом даже не знаем, где он мог спрятаться.

Сверкающий Нож поднял раскрытую ладонь.

— Джинни, послушай...

— Если кто и способен докопаться до корня всех зол, так это Балавадива. Если только ваши бюрократы не загребут его.

— Хорошо-хорошо! Джинни, мы не собираемся его арестовывать. Просто хотели узнать, что он может выяснить, и предложили бы работать вместе.

— Ага, конечно, — буркнул я, хотя и мог поверить, что сейчас мой старый приятель говорил правду.

— Это будет решать уже сам священник, — холодно ответила Джинни.

Прежде чем Сверкающий Нож успел возразить, я вставил:

— А Уилла Грейлока можно снять с подозрения!

Прошло несколько секунд, прежде чем Боб произнес ровным голосом:

— Да ну?

— Сам подумай. Даже если отбросить в сторону его застенчивость и неприхотливость. Погляди, как он жил. Он никогда и близко не подходил к огнестрельному оружию. Во время войны был гражданским аналитиком. Ни охотой не увлекался, ни стрельбой по мишеням... Черт, он даже не любил смотреть вестерны!

Когда-то я был несколько задет тем, что он не видел меня в роли верного друга Тома Спурра. Зато Уилл потешил мое тщеславие, расхвалив меня в «Собаке Баскервилей».

— А что касается колдовства, — гнул я дальше, — да, кое в чем он неплохо разбирается, например, как чинить и работать со спектро스코пом. Но я как инженер заявляю — да ты и сам знаешь, — что раскодировка чужого талисмана и угон транспорта имеют такое отношение к его работе, как мандрагора к морской раковине.

Теперь Боб Сверкающий Нож молчал гораздо дольше. Я успел долить кофе в наши чашки. И хотя Боб был ни при чем, но кофе показался мне чересчур горьким.

— Так, — наконец медленно выдал он, — это все предположения. Я уже говорил, что склоняюсь к версии одержимости.

— Неужели ты думаешь, что я, его сестра, ведьма высокого уровня, ничего бы не заметила? — разъяренной пантерой взвилась Джинни. — Я-то знаю его всяко лучше твоего. Да, с ним не все в порядке, но я-то думала, что вы оставите его в покое и он потихоньку поправится!

Впервые я видел Сверкающего Ножа в смятении.

— Да, но... но если бы он согласился на тестирование... отсечь ложные следы...

— Не мог бы ты быть настолько любезен, чтобы объяснить, что ты имеешь в виду?

Естественно, он не мог. Это против правил. В принципе, правил разумных. Если кто-то находится под подозрением, не стоит предупреждать его родных и близких, чтобы подозреваемый не успел замести следы. Я понимал Боба, и это понимание комом встало у меня в горле.

— Его никто не обвиняет, — закончил Боб. — Ни в чем. Просто мы должны учитывать все варианты. Вы же все понимаете, правда? Сегодня вам здорово досталось. Отдыхайте, не волнуйтесь, я буду на связи. — И так далее и тому подобное. Попрощался и отключился.

Мы с Джинни переглянулись.

ГЛАВА 19

Время снова пошло вперед.

— Если бы я не был таким чертовски беспомощным! — вырвалось у меня.

— Ты и не был, — сказала Джинни, взяв мою руку. — Вспомни сегодняшнее утро.

— Спасибо, солнышко. Вы-то с Балавадивой знали, что де-

лать. Но ведь впервые враг выступил открыто... по крайней мере, с тех пор, как... О, черт, все равно, что блуждать в тумане! Ничего не видно, направление неизвестно, и эту безликую серую сырость даже невозможно ухватить за шиворот! — «Чтобы рвать зубами и когтями, упиваясь горячей кровью».

— Почему же, мы помогли агентам выяснить, что замешаны иностранные демоны, мы взяли в союзники Балавадиву, аль-Банни отдал тебе свои разработки, прошлой ночью мы встретились не с кем иным, как с Кокопелли... Если бы ты знал, какая это уступка белокожему человеку, сколько магов и антропологов отдали бы руку на отсечение ради такого случая! Ты даже особо не интересовался этой страной. А потом мы спровоцировали открытое нападение и снабдили ФБР целой кучей важных улик.

Джинни выпалила все это на одном дыхании, но для меня ее слова звучали праздничными колоколами.

— Оно-то так, — согласился я. — Если не считать, что мы слишком далеко зашли в этом расследовании, и едва ли нам позволят заниматься им дальше. Мы — гражданские лица, мы — родственники Уилла Грейлока, и в прошлом мы никогда не сидели сложа руки, как послушные и пассивные граждане. У нас есть чертежи, но, если мы не разыщем где-нибудь необходимые материалы, они так и останутся чертежами. Притом навсегда. Кокопелли не воспринял нас достаточно серьезно, чтобы замолвить словечко перед высшими богами, и едва ли Балавадива сможет связаться с ними сам. Мы выжили в покушении, но теперь враг тщательно подготовится. Он снова примется строить козни, но на этот раз исподтишка, пока мы с тобой сидим без дела, а ребята из Бюро... Конечно, они далеко не дураки, но враг знает их методы и наверняка нашел обходные пути.

Моя ведьмочка скрестила пальцы под подбородком и устремила взгляд в окно.

— Да, может статься и так, — пробормотала она. — Койот действовал импульсивно, но те, кто стоял за ним, кто понукал его, открыл проход и помог свести на нет наши труды... Да, наверняка они продумали все заранее.

Джинни перевела взгляд на меня. Они полыхнули зеленым огнем, а голос зазвенел, как отточенная сталь:

— Если это задумал Фу Чинг, чтобы погубить американскую космическую программу и потом взяться за остальные достижения Запада... Вряд ли. Но нам почти ничего не известно. Я так и представляю его в каком-то тихом местечке, затаившимся, как паук в центре паутины. Мы должны знать все!

Я помолчал, не зная, что ответить.

— Англичане сбились с ног, разыскивая его, а ведь они тоже не дураки.

— Не дураки, но... Стив, я вот все думаю... То, что они потерпели неудачу, подтверждает твои слова: он хорошо изучил их методы. И конечно, методы магов, к которым они обращались, будь то правительственные агенты или независимые оперативники. И все-таки Фу Чинг — смертный. А у демонов есть свои ограничения — где-то даже более тесные, чем у людей. Никто не может предусмотреть абсолютно все.

Я восхитился. В воздухе запахло грозой!

— Эй, не думаешь ли ты...

— Твердыня была — и пока остается — хорошо защищенной от любого магического вмешательства — будь то американские, европейские или индейские Создания. Никто и подумать не мог о силах Дальнего Востока. Они тоже мало в чем разбираются здесь, на Западе. А я кое-что переняла от зун. Могли ли наши враги учесть такой фактор, а?

— Боже мой! — воскликнул я, вскакивая и дрожа от волнения. — Да мы сами по себе — настоящий фактор неожиданности. Если правильно рассчитать... Вместе, как и прежде! — Я радосто завыл. — Фирма «Матучек и Матучек» — обезвреживание злых сил, спасение околдованных и снятие порчи. А еще мы выгуливаем собак! Вау!

— Тише, волчик, тише, — предупредила она. — Пока это только идея. Но стоящая. Конечно, нужно все обдумать и подготовиться. К тому же нам нужен помощник — сильный, не замешанный во всю эту историю... — Она осеклась. — Пока достаточно. Улыбайся, мы не одни.

Я взял себя в руки, вернее, попытался. В кухню ворвался Бен — услышал, что мы здесь, — и остановился на пороге. Ноги сбиты, волосы спутаны.

— Привет, герой, — улыбнулся я. — Как прошла игра?

— Нормально, — буркнул он.

— Что, проиграли?

— Не-а. Выиграли.

— Тогда поздравляю.

— Не с чем. Я все время мазал. А когда поставили на ворота, пропустил два мяча. Спокойно же мог поймать.

— Не дело. Ну, значит, просто день не задался, — примирительно сказал я. — Вряд ли ребята из команды злятся на тебя.

Он отвел глаза.

— Я ни о чем не мог думать, — нехотя выдавил он. — Я боялся. За вас с мамой.

— Что? — переспросила Джинни. — Мой хороший! Мы же вчера предупредили, что уедем и вернемся под утро. — Она потрепала сына по лохматой голове. — Вот они мы. Чего тут бояться?

— Н-ничего. Раз ты так говоришь. — Он облизнул губы. — Пойду искупаюсь и переоденусь.

Бен убежал.

— Что за чертовщина? — нахмурился я. — Может, Вэл чего наболтала? Что именно? И зачем?

— Нет, я в ней уверена. Просто дети наблюдательнее и умнее, чем привыкли считать их родители, — ответила Джинни. — Они услышали что-то о наших прежних похождениях. Естественно, что они ожидают, когда мы ввяжемся в следующее приключение. Крах «Селены» сам по себе — большой удар. А теперь мы постоянно разъезжаем по каким-то таинственным делам, мы и дядя Уилл отчего-то встревожены и ничего не хотим объяснять.

— М-м-м, да... Но что нам делать?

— Думать.

Подумав минутку, я сказал:

— Знаешь, по-моему, Бен больше боится за нас, чем за себя.

— Можно было ожидать. Он ведь твой сын. — «И твой», — подумал я. Голос Джинни на мгновение стал тверже. — Это ужасный страх. Я знаю.

Машинально закончив обед, мы пошли в гостиную. Сидели мы там недолго, пока не вернулась Валерия, ведя за руку Криссу. Крошка сразу же бросилась к Джинни и спрятала курчавую головку у матери на коленях. Она не плакала, но всхлипывала. Джинни прижала ее к себе и что-то заворковала.

Вэл заметила меня.

— Ну, как слетали? — спросила она, даже не улыбнувшись. — У вас такой вид, словно на пикнике на вас налетели муравьи с автоматами и в касках.

— Если бы на пикнике, — отозвался я. — Я говорил, что мы собирались на ночное исследование. Оно заняло всю ночь, мы зверски устали, а потом пришлось тащиться на совещание по этому поводу. А как у тебя день прошел?

— День как день, — пожалала она плечами. — Если я вам не нужна, пойду отдохну.

И ушла к себе. И почему-то хлопнула дверью. Я почувствовал себя обманутым.

Все потому, что обманутой чувствовала себя Вэл. Что тут сделаешь? Это тебе не с муравьями сражаться.

Джинни более-менее успокоила Криссу и отвела ее в игровую комнату. Бен ушел туда же. Джинни вернулась.

— Я сказала им, что мы навестим дядю Уилла, но скоро вернемся.

— Мы что, полетим к нему? — тупо спросил я.

— Если получится. — Она набрала его телефонный номер. Ее брат, на удивление, выглядел гораздо лучше, чем в прошлый раз.

— Конечно, прилетайте, — заверил он нас. — Буду рад.

Джинни захватила волшебную палочку и сгребла с жердочки Эдгара. Я даже удивился — зачем? Я вывел «Ягуара», и мы полетели над городом. Прохожие скользили по нам равнодушными взглядами, некоторые махали рукой. Они уже начинали привыкать к нам. И хорошо, что мы летели сравнительно высоко и они не видели наших лиц. Меня переполняли радость, яростное злорадование и пронзительная грусть. Джинни, которая управляла метлой, сильно смахивала на валькирию, спешащую на поживу.

Вскоре она крикнула мне, перекрывая звонким голосом навязчивый гул летящего транспорта и свист теплого ветра:

— Дети расставили все по местам, правда? Нельзя больше пускать события на самотек, если уж мы решили взяться за них лично.

У меня радостно забилося сердце.

— Полетим в Англию и выщемим этого засранца?

— Мне нужно все изучить. Может оказаться, что это невозможно. Но надежды терять не будем.

— Уилла подключим?

— Зачем, если мы уедем? Так что не будем посвящать его во все планы.

— Ты не до конца доверяешь ему? — поднажал я.

Она сжала мое колено.

— Это к делу не относится. Главное — напасть на Фу Чинга внезапно. Если Уилл, или кто другой, не будет ничего знать о наших планах, то он... не успеет подготовиться. — Она помолчала. — Мы можем рассказать ему о чертежах аль-Банни. Все равно, если мы займемся ими, об этом узнают все.

Мы долетели до его улицы — старые дома, старые деревья, воспоминания о прошлом... Джинни подняла наше помело на самый верхний уровень движения, где никого не было, и вынула волшебную палочку.

— Лети, Эдгар, — приказала она ворону, сидевшему на ее плече. — Узнай, не следит ли кто за домом.

Потом произнесла какое-то заклятие и коснулась палочкой клюва ворона.

— Кар, — отозвался пернатый сторож, — каррамба!

И взлетел. Мы покружили поверху, пока он спустился к зеленым кронам деревьев.

Вскоре ворон вернулся, завис на одном месте, хлопая крыльями, и мотнул головой. Мы подлетели к нему. Когда он опустился Джинни на плечо, она направила палочку строго вниз. Звездочка на ее конце вспыхнула ярче. Джинни усмехнулась, как кот при виде мыши, провела метлу вдоль улицы, миновав опасное место. В паре кварталов от дома Уилла стояли два транспортных средства на подножках, так, чтобы их не было видно из окон дома Грейлока. Метла и маленький ковер с наглухо закрытым верхом и задернутыми шторками.

Мы пролетели мимо.

— В ковре двое, — кивнула Джинни, — наверняка оба из ФБР. У них сканер и детектор магии. Если Уилл куда-нибудь отправляется, один из них идет или летит за ним на метле.

— Они заметят, что мы летим, — зачем-то сказал я.

— А почему бы нам не навестить моего брата?

— Его подозревали, — воскликнул я, — но раз они за ним следили все время и убедились, что он сидел у себя, то он невиновен!

— Достаточно мощная Сила может отвести им глаза и застопорить приборы...

У меня отвисла челюсть.

— Неужели ты действительно веришь...

— Нет. Но Бюро принимает во внимание и такую возможность. Нам нужны факты — четкие сведения о нашем противнике: кто он, что он, что успел сделать и почему.

Мы приземлились перед небольшим домом. Он отбрасывал прохладную тень на дорожку и несколько запущенную лужайку перед входом. Радостно щебетали щеглы, порхая между деревьями. Уилл встретил нас на входе. Одежда свежая и глаженная, рукопожатие крепкое, а тон — приветливый.

— Хорошо, что прилетели. Что-то случилось?

— Нет, просто хотели повидаться и узнать, как у тебя дела, — ответил я. — Здорово выглядишь!

— И чувствую себя уже лучше. Простите, что вчера был

такой мрачный. — «Неужели это было только вчера?» — Расклеился. Но вот сегодня... Да вы заходите.

Джинни поигрывала своей палочкой, стоя чуть в стороне. Краем глаза я заметил, как она, словно случайно, взмахнула ею в сторону Уилла. Палочка чуть вспыхнула, а Джинни тотчас же погасила ее и спрятала в чехол. Эдгар сразу же подался вперед, растопырив перья и вытянув клюв.

— Что-то не так? — беспечно спросила она у ворона и добавила пару слов на незнакомом языке. Птица припала к ее уху. Джинни рассмеялась.

— Вот неугомонный!

Мы вошли.

Гостиную опоясывали забитые книгами полки. Книги громоздились на мягком ковре и даже на креслах. Там были «И-цзин» и «Книга Песней» в оригинале — Уилл когда-то хвастался ими, — научные труды, исторические трактаты и художественная литература от Шекспира до Шерлока Холмса, включая гору современных романов в мягких обложках, на разных языках. Несколько прекрасных китайских акварелей украшали стену. Тихая музыка создавала лирическое настроение, по-моему, это был Вивальди.

Уилл расчистил для нас кресла.

— Пиво? — предложил он. — Я тут открыл, что темное датское не зря раскупают так далеко от Дании.

Мы согласились, сели в кресла, а Эдгар устроился на полке, где были расставлены коллекционные японские нэцке. Уилл ушел на кухню. Джинни, просияв, наклонилась ко мне.

— Стив, — прошептала она, — он успокоился.

— Кажется, все в порядке.

Мне было трудно говорить шепотом, так сильно я обрадовался.

— Ничего дурного не обнаружилось. Ничего. А это неплохой сканер, я такими уже пользовалась. Конечно, нельзя быть уверенным ни в чем до конца, но не только его внешний вид и поведение изменились к лучшему.

— Ага. Делать выводы на основе минимальных сведений...

— Я знаю его! Он снова стал собой, стал прежним!

«Будем надеяться, что таким он и останется», — подумал я и загнал эту мысль куда подальше.

Вернулся Уилл с подносом, на котором были крекеры, сыр, стаканы и три запотевшие бутылки «Вандердекена». Водрузив

все это перед нами, он поставил на полку перед Эдгаром блюдечко с лакомством.

— Ты изменился, — мягко заметила его сестра. — Я так рада.

— Я тоже, — фыркнул он.

— И как это произошло?

Уилл достал свою трубку и кисет.

— После того как мы поговорили по телефону, я разогрел себе суп. Едва держался на ногах, так что сразу завалился спать. Проспал весь день, а поднялся только к десяти утра. Голодный, как ворона зимой — прости, Эдгар. Упел огромный бифштекс и сразу почувствовал себя лучше. Потом мне в голову пришла идея, я поработал над ней, успокоился, а тут и вы позвонили.

— Так в чем причина-то?

— Откуда мне знать? — пожал он плечами. — А что вызвало болезнь?

— Пока мы не узнаем, — настаивала Джинни, — мы не будем уверены, что ты здоров.

— А если здоров, то не заболеешь опять, — дополнил я.

Уилл кивнул.

— Я уже думал, — спокойно сказал он. — То я чувствую себя нормально, то меня просто выворачивает. Что за беда? Вот сегодня я просто заново родился, когда меня осенила та идея. — Он набил трубку и утрамбовал табак большим пальцем. — Конечно, Джинни, ты разбираешься в этом лучше моего. Я здесь полный профан. Но сдается мне, что мое недомогание — просто что-то вроде резонанса.

— Гм-м, — нахмурилась она. — Естественно, я сразу же об этом подумала, но ведь ты не хотел проверяться...

Он помрачнел.

— Ты сама знаешь, почему. Я же рассказывал. Это моя жизнь. А на проверку столько нервов уходит. Только представь — позволишь ли ты мне копаться в твоей душе, пусть даже осторожно и внимательно? А ведь я люблю тебя и никому не выдам твоих тайн.

Я-то мог себе такое представить, по крайней мере, Джинни — моя жена. Тем более Уилл не постоянно впадал в депрессию. Так, временами. А в промежутках с ним было все в порядке.

— Резонанс? — вспомнил я.

Поскольку он в это время прикуривал от своего кольца, ответила мне Джинни:

— Магическая сила ударила по «Селене» и отразилась, как морские волны от волнореза. А Уилл был вдохновителем и гла-

вой этого проекта. По закону подобия он мог воспринять эту... я бы сказала, отдачу. Отраженные волны могли породить депрессию, неуверенность в себе и психические расстройства.

— А почему другим хоть бы что?

— Его внутреннее я могло оказаться слишком восприимчивым. А прежние контакты с Волшебным народом обострили и без того повышенную чувствительность, так что от магической атаки у него возникло что-то вроде аллергии. В любом случае стена уже разрушена, вред нанесен, наступило равновесие, да и ситуация изменилась.

Она только не сказала, что опасность миновала.

— Думаю, что за последнюю неделю и сказывались эти последствия, — сказал Уилл. — Будем надеяться на лучшее до следующего нападения?

Он уселся напротив нас, налил пельзнерские стаканы до краев и поднял свой:

— За будущее! Kan bei! Или proost, если я правильно помню датский. А как это по-чешски, Стив?

— Понятия не имею. Мои родичи даже нашу фамилию начали писать неправильно, не то что тосты. — Мы чокнулись. Напиток был крепким и холодным. — Может, поужинаешь с нами сегодня? — предложил я.

— Спасибо, не могу. Я уже говорил, что кое-что придумал. Хочу заняться этим поскорее. Лягу пораньше, встану, когда выйдет луна, и поеду в пустыню на пару со спектроскопом.

«И фибби на хвосте, — подумал я. — Ну и ладно!» Надеюсь, им понравится. Мало что может сравниться со скучищей, когда стоишь столбом рядом с ученым, который увлеченно возится с аппаратурой.

— А что ты там придумал?

— Э-э, касательно технических деталей. Проверка гипотезы, действительно ли на Луне живет маленький народец. Тогда должны быть признаки того, что с солнечной стороны Луны постоянно что-то прячется в тень, чтобы не попасть под прямые солнечные лучи. По законам термодинамики их температура отличается от температуры окружающей среды. И в инфракрасном свете доплеровский эффект покажет, что их собственная поляризация немного, но заметно разли...

Джинни рассмеялась.

— Не обращай внимания. Просто ты действительно стал самим собой.

— Здорово, — сказал я. — Ведь действительно нужно проверить, что могут встретить на Луне те, кто туда отправится.

Уилл не был кабинетным червем. На Лонг-Айленде он слыл заядлым яхтсменом, а в наших местах частенько уходил в поход с рюкзаком. Да и в покере мне редко когда удавалось его обыграть. Потому он сразу уловил мой намек, опустил на стол бокал с пивом и, прищурившись, поглядел мне в глаза.

— Вы решили взяться за другой проект «Селена», — тихо произнес он.

Мы рассказали ему, что нашли кое-какие многообещающие расчеты и чертежи. Расспрашивать он не стал. Плясать и прыгать от радости — тоже, но по его глазам мы видели, что мысленно он и пляшет и прыгает.

— Шанс, вы говорите? Но воплощение... — Он вздохнул. — Я-то тут ничем не смогу вам помочь.

— Сможешь, — заметила Джинни.

— Каким же образом? — быстро поинтересовался он.

— В этой связи мы со Стивом можем скоро улететь обратно на восток, — заявила она так уверенно, что я даже испугался. Под «обратно на восток» имелся в виду Средний Запад, фирма «Норны», но уточнять она не стала. — Может, на неделю, а может, и дольше. Пока не хотелось бы вникать в детали, но если мы улетим, то звонить домой нужно будет очень осторожно. Враги не дремлют, сам знаешь.

Он задымил, как паровоз.

— Ты так беспокоишься из-за Койота и остальных? По моему, они не решатся лететь за вами следом — местные Созданные такие предсказуемые!

— У Койота и... — она сделала паузу, — остальных есть помощники.

Да, пресса уже успела обжевать эту возможность на все лады, каждая новая история — кошмарнее предыдущей. Мне особенно понравилась одна, где высказывали предположение, что на Луне развита свободная любовь, потому в катастрофе с кораблем виноваты заговорщики: папа римский и ку-клукс-клан.

— Давайте соблюдать осторожность, — закончила Джинни.

— Понятно, — кивнул Уилл.

Следующая ее фраза застала меня врасплох.

— Если нам придется уехать, не мог бы ты переехать к нам и присмотреть за детьми?

Он еле успел подхватить трубку, которая вывалилась у него изо рта и едва не подожгла брюки.

— Ты шутишь?

— Ты лучше всех справишься.

«Ага, а за ним потянутся фибби, — подумал я. — Что в данном случае вовсе неплохо».

— Но я ничего не знаю о детях! — запротестовал Уилл.

— Больше, чем кажется, — настаивала Джинни. — Да ничего особенного от тебя и не требуется. Валерия уже достаточно взрослая. Бен — мальчик спокойный и воспитанный. Они сами сумеют помочь Криссе в том, что она еще не умеет... Разве что не будет отца, который сидит вечером у кровати и рассказывает сказку на ночь. Так это несложно. А мы попросим горничную и ее мать помочь в случае чего. Что касается работы, можешь перетаскать все к нам. Будешь ночевать у нас. И мы оставим все телефоны, чтобы можно было позвонить куда потребуется.

Уилл покусал губу.

— Такая ответственность, — вздохнул он.

— Мы верим в тебя, — серьезно ответила Джинни.

ГЛАВА 20

Пока мы летели домой, то договорились еще об одной вещи. Прилетев, я подошел к двери Валерии и постучал. Она открыла и насупилась.

— Нам нужно поговорить, — сказал я. — Ты должна узнать кое-что важное.

Вэл сразу же оживилась.

— Йеко, — ответила она, что бы это ни значило на молодежном арго, и мы пошли в мою мастерскую.

Джинни предположила, что отец лучше сможет договориться с дочерью — создаст мужественную атмосферу, что ли. Кожаные кресла, несколько моделей кораблей на полках, на столе — еще одна, незавершенная. Книжная полка, где вперемежку стоят Марк Твен, Джек Лондон, фантастика, груды подшивки «Аризонских полетов» и справочники по инженерии плюс кубок за соревнование по крикету. На стенах висят мои фотографии — среди членов футбольной команды колледжа и в каноэ, в северных лесах. Также на стене висят абордажная сабля, которая когда-то плавала с Декатуром, а потом побывала в более дальнем и странном путешествии, и мой пистолет — еще со времен, когда я занимался стрельбой по мишеням. Он разряжен, но легкий запах оружейного масла еще витает в воздухе...

Мы сели, причем Вэл присела на самый краешек кресла. Мое вращающееся кожаное чудище скрипнуло, когда я откинулся на спинку, скрестил руки и сцепил пальцы. С минуту мы молчали. Широко открытые голубые глаза пристально следили за мной. Впервые за много лет я пожалел, что бросил курить.

— Вэл, — наконец решился я, — наверное, ты ждешь от нас извинений и объяснений. Отчасти ты права. Но дело в том, что в данное время я не могу ничего объяснить и не смогу, пока не придет время. Во время войны людям говорили делать то и не делать этого. Такое уж было время. Обычно причины были просты. Например, очистить от врагов холм, который был слишком выгодной позицией для их артиллерии. Хотя иногда мы понятия не имели, для чего мы это делаем. И с нами, солдатами, никогда не обсуждали тактические приемы. Чтобы информация не просочилась к врагу и тот не узнал, куда мы собираемся ударить, и не успел подготовиться. Да и тактика эта была далеко не подарок. Некоторые подразделения швырялись напрямиком в мясорубку, а их офицеры ведь знали, что произойдет. Другие оставались в резерве и обычно с ума сходили от скуки. Вот такие дела.

Я помолчал.

— Знаю, что тебе это кажется древней историей, где-то наравне с битвой при Ватерлоо и Геттисбергом¹. Но сколько ребят еще ходит по земле, и для них это — самая настоящая реальность. Собственно, так диктует сама жизнь. Если ты еще не читала «Книгу Иова» — рекомендую.

Вэл сглотнула и вздрогнула.

— Ладно, — продолжил я после еще одной паузы, — события в Твердыне были не просто зловредной проделкой. Оказалось, что сюда замешаны настоящие темные Силы. Что они такое, чего хотят и насколько сильны — мы можем только догадываться. Мы с твоей мамой пытаемся это выяснить и что-то с этим сделать. Мы не хотели, чтобы наши дети боялись и мучились кошмарами по ночам. Потому мы избегали отвечать на вопросы. Иногда лгали. Ради вашего же блага. Но мы не думали, что ты — в твоём возрасте, с твоим умом и интеллектом — решишь, что мы пренебрегаем тобой... это был настоящий удар. И за это мы приносим тебе наши искренние сожаления.

¹ Сражение под Геттисбергом произошло в июле 1863 г. Армия южан генерала Ли потерпела в нем сокрушительное поражение от северян. Эта битва считается переломным моментом Гражданской войны в США.

— Папа!

Валерия потянулась ко мне. Плечи ее поникли, а на глазах блестели слезы.

— Мы и до сих пор не можем все рассказать. Это и вправду почти военная ситуация. Мы, конечно, не высшие офицеры, которыми все известно. Но также вынуждены держать информацию в секрете.

— Я понимаю, — прошептала девочка, — дело щекотливое.

Я улыбнулся.

— Но если ты пожелаешь, мы можем записать тебя в наши ряды.

Она подпрыгнула.

— Что? Меня? Да, сэр! — возопила дочка. — Служу Отчизне!

— «Тпру, лошадка, едь потише», — помахал я рукой, возвращая ее в кресло. — Это будет домашний гарнизон, служба охраны. Держать ухо остро, быть всегда на подхвате и ждать. Ответственный участок. Твой дядя Уилл занимался тем же самым во время Халифатской войны. И сделал для победы столько же, сколько солдаты на передовой. То же можно сказать и о военных интендантах, квартирмейстерах и, да-да, клерках. Мы очень считываем на тебя!

Ее губы дернулись, она повела плечами и тихо села на место.

— Я... я понимаю. Если бы только знать, к чему все это.

— Похоже, что плохие парни хотят свести на нет американскую космическую программу... постепенно, — начал я. — Этим занялись ФБР и другие службы. Мы с твоей мамой тоже внесли свою лепту и посоветовались с мудрым священником из зуни. — Это-то я мог ей рассказать. Часть можно было вывести из имеющихся фактов, часть было известно ФБР и правительству. — Подробности опустим. Но дело становится все опаснее. Но кое-что я могу открыть, если пообещаешь хранить это в тайне.

Она приложила указательный палец к губам.

— Клянусь честью! — произнесла девочка, да так торжественно!

Но когда я рассказал ей о чертежах космического корабля, которые нам передал один человек (не могу сказать, кто), и что операция «Луна» займется ими, невзирая на политиков и врагов, Вэл захохотала, вскарабкалась мне на колени и повисла на шее.

— Здорово! Как... как звездочки в пюре! Ой, папочка, ты хитрый старый волчище!

— Тише-тише! — И когда она успокоилась, я продолжил: — Над этим еще работать и работать. Цыплят, говорят, по осени

считают, а у нас петух только-только познакомился с курицей. Скорее всего, нам с мамой придется улететь на недельку на восток, чтобы собрать информацию. — В прошлый раз я спокойно воспринял неверное направление. Теперь — хуже. — Если мы улетим, дядя Уилл переедет сюда, но все равно домашние обязанности лягут на твои плечи. О наших планах ему известно столько же, сколько и тебе, так что можете их смело обсуждать, если захотите. Но только с ним! Но главное, что мы ждем от тебя, это улучшить атмосферу в доме. Заставь Бена и Криссу встряхнуться и позабыть страхи. Если они увидят, что ты спокойная и веселая, то... Ясно?

Кивнув, она бодро отрапортовала:

— Так точно, сэр! Мне уже гораздо лучше.

— Хорошо. Мы можем обсуждать тактику в виде шуток и игр. Но сперва... Не забывай, что это тяжкое бремя, и время от времени оно будет казаться тебе невыносимым. Ты готова к этому?

— Готова.

— Прекрасно. Твой домашний арест заканчивается завтра утром. Можешь быть свободна уже сейчас. Отдохни, котенок, пока есть возможность.

— С-спасибо. — К ней уже возвращалась привычная самоуверенность молодости. — Я на связи, сэр. И если что-нибудь случится, пока вас не будет... — Меня даже в пот бросило. — Пусть враги пеняют на себя!

Я встревожился, припомнив визит Снипа и некоторые другие случаи. Но решив не портить настроение, ограничился простым предупреждением. Потом мы принялись обсуждать, что нужно сделать в ближайшее время.

В результате обед прошел весело и непринужденно, и к детям вернулось радостное настроение. Они уже начали строить планы на время, пока родителей не будет дома.

А я вернулся в мастерскую. Джинни уже встретила с курьером Барни и передала ему копии чертежей. Как и было обещано, он ничем не напоминал того колоритного дровосека, под чьим именем прибыл. На нем даже не было фуражки курьера из «Срочной доставки». К тому же он был достаточно индивидуален, чтобы не привлекать внимание безликостью и нарочитой серостью.

— Ага, — сказал я, припомнив один случай из жизни «Норн», — это частная детективная фирма. Бьюсь об заклад — «Ватсон и Гудвин». Их служащие — прекрасные маскировщики.

Все утро Джинни просидела на телефоне. У нее ведь своя

практика. Она переносила, отменяла и утрясала все назначенные встречи с клиентами, а самые срочные — передавала кому-то еще. Я не волновался за ее карьеру, потому что знал: ее репутации не может повредить ничто, даже вода, огонь и медные трубы.

Собственно, это была только часть проблемы. Сразу же разнесется весть, что доктор Матучек куда-то намылилась. Вражеские шпионы тут же смекнут, что дело нечисто. Так пусть они думают, что мы решили отправиться в «Норны». Поскольку они не будут знать зачем, то на некоторое время потеряются в догадках, и если посчитают, что операция «Луна» — верный ответ, то нам же лучше. Пусть себе думают.

Барни подлил масла в огонь, когда позвонил нам в пятницу. Линия была закодирована, но поручиться за секретность было нельзя, потому он особо не распространялся, как и мы. Но широкое добродушное лицо нашего друга сияло и лучилось от восторга.

— Великолпно! — прогудел он. — Понадобится куча денег. Для начала я переведу пятьдесят тысяч долларов... на ваш личный счет, чтоб не путаться. Потом уже подумаем о перераспределении.

— Сперва нужно подумать, выполнимо ли это в принципе, — сварливо проскрипел я.

— Конечно-конечно, но этим вы и собираетесь заняться, разве не так? — В письме, которым мы сопроводили документы, говорилось, чтобы он никому их не показывал, пока мы не разрешим. — Можете затребовать любые наши приборы, вплоть до суперарифмометра. Ребята просчитают все, что угодно, даже не зная, для чего. И так далее. Но на месте вам придется действовать в одиночку. Пункты «R» и «D» потребуют больших затрат. Но это не страшно. Сдается мне, у нас на руках уже «три равных». Можно потянуть еще карту, чтобы добрать до «фула» или четырех равных.

— А можно и просчитаться, — проворчал я. — Ну, все равно у нас уже достаточно данных, и даже если попытка провалится, можно достроить остальное с помощью логики.

— Нам нужно переговорить с тобой с глазу на глаз, — добавила Джинни.

Все-таки в письме содержался легкий, но явственный намек, раз он так заговорил.

— Конечно. В любое время. Обещаю, что скучать вам здесь не придется. Только дайте знать, когда решите отправляться. Помните наш сигнал?

Ни о каком сигнале мы не договаривались. Джинни сообразила сразу, я — на секунду позже.

— Естественно, — кивнула она. — Ну, держись. Всем привет!

Под «всеми» она имела в виду его семью и нашу небольшую компанию «Луна».

Этот разговор произошел в один из редких часов, когда мы были вместе. В остальное время Джинни была занята. Она исследовала магический архив, выискивая все возможное о Фу Чинге, его сподвижниках и наших возможных союзниках в Англии. Последний поиск вывел ее на каналы, известные лишь немногим. Она изучала магию у местных индейцев и не только корпела над книгами, а и побывала в резервации зуни. Я узнал, что не только Балавадива был ее наставником, помощником и учителем, но Джинни не поощряла вопросы на эту тему. Решившись в конце концов, что да, нам нужно ехать, она улетела в Альбукерке. Чем она там занималась — понятия не имею.

Сам я сник. Три дня просидел в Твердыне, приходя во все худшее расположение духа. Делать-то там было совершенно нечего. Потом Хелен Краковски, которая вернулась из Вашингтона, выписала мне бессрочный отпуск. Похоже, проект «Селена» потихоньку откладывали в долгий ящик.

Следующие несколько дней прошли благополучно. Сперва в пятницу утром позвонил Барни. Потом я наверстал время, которое прежде не успевал уделять детям. Поскольку мама была занята, я водил их в кино и на экскурсии. Не всегда всех троих, ведь Вэл уже была достаточно взрослой, чтобы иметь собственные развлечения, но она часто ходила вместе с нами... А однажды мы с Беном отправились вдвоем на рыбалку... А, неважно. Еще я доделывал модель корабля, немного играл в покер и наконец прочел «Войну и мир»... Ладно.

— Я нашла человека, который нам нужен, — прошептала Джинни, когда мы лежали в постели. Окно было открыто, поскольку ночи еще оставались теплыми. Легкий ветерок шевелил занавески. Она лежала совсем рядом со мной. Я погладил ее бедро и сквозь шелковую ткань ночной рубашки почувствовал, как напряглись ее мышцы.

Тем не менее ее заявление пробудило во мне живой интерес.

— Нашла? И кто это?

— Ты о нем не слышал, хотя он знал моих родителей и однажды проводил научное исследование вместе с отцом. Это Тобиас Фрогмортон из Кембриджского университета.

— И?

— Профессор археологии, член научного совета Тринити колледжа. Всегда жил отшельником, убежденный холостяк, если не считать романов в юности. Во время Кайзерской войны был шифровальщиком. Блестяще защитил докторскую по магии и начал применять знания на практике — разгадывать письма ацтеков и майя, — анимировал рисунки, наблюдал за результатами различений. Это стало обычной процедурой, и недавно так была разгадана тайна минойского линейного письма А. Его мастерство высоко оценили в Халифатскую войну — умение воссоздавать события по обрывкам информации. Но он уже давно отошел от дел и практически забыт сейчас — для нас это большой плюс. И наконец, он хочет нам помочь.

— Хорошо бы, — с сомнением в голосе отозвался я.

— К тому же, — лекторским тоном добавила жена, — он даст нам помощника.

— Что? Разве ты оставляешь Эдгара?

— Да. Из-за британских законов о карантине. Я могла бы выбить на него разрешение, как лицензированная ведьма, но это значило бы обратить на себя внимание, заполнить кучу бумажек. А именно этого мы стараемся избежать, разве не так?

— Солнышко, ты герой! — выпалил я и привлек жену к себе.

Итак, спустя две недели и три дня после катастрофы в Твердыне ранним утром мы поцеловали наших деток и отчалили. Уилл подбросил нас до летного порта в Альбукерке. Мы обнялись, засунули в карман билеты на Средний Запад, которые купили у всех на виду (может, потом удастся выбить деньги обратно), и вытащили те, которые Джинни приобрела загодя.

Перелет до Нью-Йорка прошел без приключений. Там можно было еще все бросить и поехать домой, но мы не осмелились — слишком далеко все зашло. Потому мы пересели в Айдлвайлде на ковер, летевший в Лондон. Перелет через Атлантику прошел прекрасно. «Боинг-666» был просторным, там можно гулять по салону, выпить рюмочку в баре или заказать еду на месте, или просто подремать. Потому шесть-семь часов мы провели спокойно, без происшествий, разве что полсотни наших братьев-пассажиров слегка нам поднадоели. Мы приземлились в Хитроу выжатые как лимон, и после паспортного контроля и таможи нам хотелось только доползти до ближайшего отеля.

Поспав и отведав великолепной, сытной английской кухни, мы ожили. И снова, не желая оставлять следы, мы не стали нанимать метлу, а сели на поезд до Кембриджа. Мне так нравились эти славные пыхтящие локомотивчики, вежливые кондуктора и

небольшие купе, где пассажиры думают о чем-то своем, читают свои собственные газеты, если только не ведут интересную беседу. За окном проплывают восхитительные пейзажи, а на станции можно купить чудесный мясной пирог. Думаю, Джинни это тоже пришлось по вкусу. В любом случае мы весело катили на север.

ГЛАВА 21

Кембридж встретил нас по-английски — дождем. Пока мы тарактели в кэбе от станции к отелю, сквозь потоки воды с трудом различали старинные величественные здания по ту сторону дороги. Тот же пейзаж окружал нас, когда, распаковавшись и позвонив, мы поехали к дому Фрогмортон. Воздух был мягким, прохладным и серебристо-серым. Когда мы вышли из такси, Джинни на мгновение замерла.

— После Нью-Мехико, — вздохнула она, — мне хочется стоять на месте и озираться по сторонам, открыв рот.

— Как баран на новые ворота? — полюбопытствовал я.

— Нет, ловить губами дождь! В тебе есть хоть капля поэзии?

— Конечно. «Дождик, дождик, припусти на старухины тусы!»

Из-за погоды у меня снова заболел кончик хвоста, который я когда-то потерял. Но я бы это снес, если бы мы догадались купить зонт. Или если бы Джинни заговорила боль, но уж больно много сил такая процедура отнимала.

Мы распахнули калитку и пошли по дорожке, обсаженной цинниями. Их разноцветные головки величественно трепетали, как стяги на башнях. Все остальное было зеленым, живым и таким вызывающе свежим, если вспомнить знойные дни нашего Южного Запада. Сквозь строй ив за домом я заметил речку. Вокруг царил такой мир и покой, что причина нашего приезда стала казаться вымышленной, ненастоящей.

Усадьба «Липы» получила свое имя, потому что эти деревья когда-то здесь росли. Теперь рядом с домом стояла ива. Усадьба была старой-престарой, Альбукерке ей годилась во внучки, и разве что Санта-Фе могла сравниться с ней в возрасте. Черепичная крыша, побеленные стены, вокруг большинства окон — лепнина восемнадцатого века, а некоторые стекла — девятнадцатого. Дубовая, обитая железом дверь наверняка помнила строителей дома. Я даже застеснялся братья за старинный дверной моло-

ток, пока не заметил, как с него на меня таращится бронзовая пьяная рожа — привет из Реставрации.

Почтенная экономка впустила нас. Когда мы объяснили, кто мы и откуда, она сразу же провела нас... в гостиную, кажется, так? В ней царил полумрак, несмотря на включенную эдисонку под абажуром напольной лампы. Антикварная мебель, не попорченная детьми или котами. Книг столько же, сколько и у Уилла, но все аккуратно расставлены по застекленным полкам. С фотографий в рамках смотрели многочисленные предки хозяина дома. Я даже засомневался, туда ли мы попали?

Фрогмортон поднялся с кресла, чтобы поприветствовать нас. Он оказался невысоким тощим старичком, сморщенным, как сушеная груша, с округлыми плечами. На нем был коричневый твидовый костюм и светло-коричневый галстук. Редкие седые волосы, седые усы щеточкой и невероятное пенсне дополняли картину.

— А, мистер и миссис Матучек! — сказал он высоким, почти писклявым голосом. — Или нет, прошу прощения, доктор и мистер Матучек, так? Рад встретиться.

Он едва коснулся моей руки, как птичка цапапнула, зато сразу же вцепился в Джинни.

— Я хорошо помню вашего отца, прекрасного ученого, и вашу милую матушку. Наше знакомство состоялось еще до того, как бог послал им детей. Мы потеряли связь, так бывает. Все время вспоминаешь, что нужно бы встретиться, пока не наступает слишком поздно. *Fugaces labuntur anni*.

— Конечно, — пробормотала Джинни, пока я мучительно вспоминал те крохи латыни, которые знал, под конец решив, что ответа не требуется.

— Миссис Тернер, будьте добры, подайте нам чаю, — попросил Фрогмортон. — Рановато для чая, конечно, но нам необходимо подкрепиться перед работой, вы согласны? Присаживайтесь, прошу вас. Курите, если пожелаете. Пока мы не приступили к делу, позвольте мне задать несколько вопросов о том, как вы провели эти годы. Я слышал о некоторых ваших подвигах, конечно, и с тех пор, как вы позвонили, я успел просмотреть их в записи. Но все равно хотелось бы лично послушать рассказ оключениях семьи Грейлок... Или правильной будет Матучек?

Рассказывать взялась Джинни. Фрогмортон трещал, не переставая. Я не хотел казаться нелюдимом, но боялся сболтнуть что-нибудь невежливое, потому сосредоточился на чае, бутербродах

с огурцом и пироге, усиленно подавляя дезертирскую мысль о пабе.

Стало гораздо интересней, когда Джинни перевела разговор на его работу. «Так, — подумал я, — если Бен займется палеонтологией, ему следует узнать об этой технологии. Ручаюсь, что смогу доступно все пересказать ему». К несчастью, Фрогмортон щедро пересыпал беседу шутками. Они сводились к разнообразным историйкам, вроде той, что сидит монах-переписчик, снимает копию с рукописи, а под боком у него кувшин с вином. Набирается все сильнее. А в конце приписывает: «*Male scripsi, bene bipsi*». Фрогмортон расхохотался. Мы с Джинни собрались и тоже поддержали его.

Появление экономки спасло нас от дальнейших историй.

— Миссис Тернер, мы будем в чулане, — сообщил хозяин. Я вздрогнул. — Не позволяйте никому нас беспокоить ни под каким предлогом. Разве что протрубит Последний Ангел, но, осмелюсь предположить, его мы услышим и сами. В противном случае ужин на троих к восьми часам.

— Не волнуйтесь, — обратился он уже к нам, пока мы шли по бесконечной анфиладе комнат. — Насчет ужина можете положиться на моего повара. Он великолепно готовит бараньи ноги. Кстати, ваш батюшка, доктор Матучек, бывало, жаловался, что в Америке не так-то просто найти барана. А еще у меня несколько видов кларета, можно выбирать.

К огромному моему облегчению, «чулан» оказался большой комнатой в задней части дома. Фрогмортон отпер дверь, и мы вошли. Под ногами зашуршали доски пола, стенные панели все были изъедены древоточцем. Три окна были близнецами предыдущих — маленькими, узкими, а стекло в них похоже на бутылочное. Мы стояли в полумраке, пока Фрогмортон не включил свет. Он коснулся бронзовой статуи, то ли римской, то ли греческой, изображавшей юношу с факелом. И в тот же миг факел вспыхнул холодным синеватым огнем. Свет лился и из глаз ухмыляющегося ягуара, и змеи с перьями, и черт знает еще из чего. Вдоль стен лежали горы книг. Бумаги торчали из секретера над письменным столом, который был таким длинным, что мог служить и лабораторной доской. На нем стояло магическое оборудование. Повсюду лежал добрый слой пыли, а под потолком развесил свои сети паук.

— Простите за грязь, — извинился Фрогмортон. Он отыскал веничек для пыли и принялся за уборку. — Я редко здесь бываю и никому не могу доверить здесь убирать, даже миссис Тернер.

Она женщина честная, совестливая, но если, например, возьмется перетирать обложки книг с полок, то обязательно расставит их в алфавитном порядке! — Голос его задрожал от ужаса. — А некоторые предметы неспециалисту лучше не трогать. — На него снова нашло игривое настроение. — Хотя сам я — неспециалист по уборке, хе-хе.

Джинни огляделась. Она уже достала палочку из чехла. Звездочка на ее конце засветилась сперва холодным льдистым огнем, потом — кроваво-красным.

— Вы храните здесь весьма сильные вещи, — согласилась она. — Не бойтесь грабителей, или пожара, или чего другого, что может случиться за ваше отсутствие?

— Я заговорил их на сигнал тревоги, — ответил хозяин, кивая на произведения искусства индейцев майя. — Если что-то случится, поднимется ужасный переполох.

Я решил, что если что тут и будет орать: «На помощь! На помощь!», так это ягуар.

Но почему, почему Джинни решила взять в союзники этого старого пня?

Внезапно он расправил плечи, пристально нас оглядел и сказал резким и холодным голосом:

— Что ж, приступим? Можем говорить свободно. Во время войны дом был заговорен против прослушивания как людей, так и нелюдей. Я поддерживал защиту все время и хотя надеялся, что это не понадобится, но не исключал такой возможности.

Мы сели. Они с Джинни сразу перешли к делу. Я иногда вставлял свои замечания, но не часто, но скучно мне не было. Вот уж нет!

В течение часа мы обменивались информацией. Было бы глупо рассказывать все ему по телефону, неважно — хорошо защищен канал или нет. Жена поведала ему о космической программе, о местных Созданиях, о заговоре азиатских демонов, о возможностях магии зуни и о нападении в горах. В свою очередь Фрогмортон кое-что знал о Фу Чинге и после ее звонка постарался узнать побольше.

— В основном пришлось нажать на профессиональные связи. Он человек скрытный, но не отшельник. Опубликовал несколько великолепных статей. Например, о разновидностях фэншуй, геомантии, смещении тектонических плит. Знаатоки высоко ценят его поэзию, в том числе и за неподражаемую каллиграфию. Почти в каждом колледже рассказывали о нем то одно, то другое — о его работах, карьере и некоторых страхах. Еще я связался

с секретной службой, которая всеми силами цеплялась за те немногие сведения, что имела...

Он помолчал.

— Да, вы правы, вам не стоит появляться ни в Скотланд-Ярде, ни в каком другом подобном месте. Они вас выслушают и проводят до дверей. Тем более что они тщательно следят за утечкой собственной информации. А поскольку в деле Фу Чинга они потерпели поражение, то не хотели бы лишний раз в этом признаваться.

— Мне кажется, что вариант зунийского поискового заклęcia, которое я выучила, — заметила Джинни, — может помочь. Едва ли он о нем знает, выходит, что и защититься еще не успел, правильно?

Фрогмортон поднял бровь.

— Что? Естественно, что здесь никто о таком не знает. Но если оно сработает, он поймет, кто виноват.

— Знаю. Но я сказала: вариант. Адаптированная версия, которую мы вместе сможем запустить. Так вот, юго-западное исполнение сходно с шаманством, почти песня. Это не английский стиль, зато подобного здесь не ждут. Да, я понимаю, что такое встречается в Китае и Средней Азии. Но уровни различны, да вы еще вплетете английские мотивы, так что получим новый гибрид. А само применение, способ, которым мы загоним медведя в ловушку, будет для Фу Чинга полной неожиданностью, ручаюсь.

— Господи, он и не поймет, что случилось! — воскликнул я.

Это было мое единственное высказывание за следующий час. Джинни и Фрогмортон с головой ушли в обсуждение деталей, настолько же непостижимых для меня, как и современная литературная критика. И все же я внимательно слушал, пялился в старинные фолианты, запоминал незнакомые слова и приглядывался к разным инструментам. Я полностью разделял их энтузиазм. А они сами буквально лучились от радости.

Наконец моя любимая повернулась ко мне:

— Кажется, мы сработали основное заклинание, Стив. Ты тоже примешь в этом участие.

У меня даже во рту пересохло.

— Как? — почти пролаял я.

Она засмеялась:

— Для начала, что ты предлагаешь взять в качестве песни? Это самая суть заклęcia. Фу Чинг прячется, наводя ложные следы на разные места, которые и проявляются при сканировании.

Мы должны отместить их и этим Поиском выявить его настоящее местопребывание.

Я взял себя в руки и кивнул.

— Кажется, понимаю. Похоже на интерференцию световых волн. В одних фазах они гасят друг друга и усиливают в других.

— Сюда лучше подходит аналогия с частицами света в другом знаменитом эксперименте, Дифрактуле света на двух щелях... Чтобы не вдаваться в детали, примем...

— Неважно, — оборвала Джинни, пока тот не завелся снова. — Загвоздка в том, что нужно тщательно подобрать песню. Она должна быть британской, с выразительными образами, и сложить слова так, чтобы смысл неясно, но прослеживался. Пока, Стив, ты будешь петь, мы с профессором Фрогмортоном проведем весь обряд.

— Мелодия должна быть ирландской, притом чем древнее, тем лучше, — вставил он. — Друиды использовали музыку в своем Искусстве, и кое-кто из них выжил даже в более поздние времена. Так что часть их силы могла остаться.

— Ирландская? — призадумалась Джинни. — О'Каролан? Нет, ее придется поискать, да и Стив не успеет выучить подходящий мотив... Постойте, вот какая! Все ее знают и вряд ли догадываются, что она древняя.

И Джинни выдала пару нот.

— О, только не это! — простонал я.

Поймите меня правильно. Моя жена — наполовину ирландка, и мы оба этим гордимся. Мы даже дважды побывали на Изумрудном острове во время отпуска, и нам понравились и люди и страна. Ирландия дала миру больше, чем мир — ей. И все-таки, когда один из этих невыносимых теноров затягивал «Дэнни бой», дьявол во мне нашептывал: «Оливер Кромвель, ты нужен здесь опять».

Джинни сжалась.

— Собственно, «Воздух Лондондерри» появился еще раньше. Любовная песенка начиналась так: «Быть бы, боже, нежным ароматом яблонь...»

— Неплохо для первой строчки, — радостно согласился Фрогмортон. — Теперь нужно положить слова на музыку. Дальнейший текст может идти вольно, но оставаться поэтичным.

— То есть стихи можно взять из различных произведений, желательно знаменитых?

— Именно. Белый стих, а последняя строчка должна быть александрийским стихом.

Поэзия и магия постоянно соприкасаются. Тем более что

Фрогмортон обожал посидеть с какой-нибудь пьесой в стихах или венком сонетов. Его библиотека была забита такими произведениями. Здесь я мог им помочь. Мы просматривали тома, шестелели страницами и сверяли находки.

— Чтобы бить наверняка, можем взять что-нибудь из Шекспира. Например, сцену с ведьмами из «Макбета». Или что-нибудь из «Гамлета»...

— А, вот неплохо у Бен Джонсона...

— ...что-то сугубо земное. Я помню, как во время войны солдаты пели грубые, мужественные песни...

— Признаться, по-моему, Поуп суховат, но временами рифма у него просто литая...

— ...чувственность, в противовес холодной расчетливости Фу. Может, «Рубаи»...

— Эй, неужели Руперт Брук написал это сам? Нужно поработать над этим.

— Шелли, «Восстание Ислама». Дополнительное измерение для континуума культурных конфликтов. А еще здесь необходимый размер.

Мне попались импрессионисты. Мы скакали по текстам взад и вперед, выкрикивали строчки, предлагали и спорили, пытались сложить слова из разных стихотворений, и этот бардак продолжался около часа, а может, и больше. Самое удивительное, кое-что мы сотворили.

Джинни переписала наше произведение начисто — орлиным пером на лист пергамента. Фрогмортон трижды капнул на него воском от пчел из Дельф и припечатал знаки Тота, Соломона и Святого Георгия. Я пока репетировал. Мои коллеги не дергались от ужаса, по крайней мере внешне. Они только заставили меня сидеть на месте, пока готовили остальной обряд.

Тем временем дождь припустил вовсю, залил окна, так что снаружи потемнело еще больше. Он барабанил по крыше. Ветер выл. В комнате лампы немного пригасли, вокруг залег легкий сумрак. Джинни и Фрогмортон взмахивали руками и что-то бубнили. Когда они подали знак, я взял пергамент, хотя в темноте читать я все равно не мог, прокашлялся и затянул:

Быть бы, боже, нежным ароматом яблонь.

Быть или не быть — вот в чем вопрос.

Но взял он меч и взял он щит, высоких полон дум.

Седой угрюмый человек в чудном заморском платье.

Приблизься и останься так со мною,

Тогда весь мир ты примешь во владенье.

Во имя чар, мне давших власть над вами.

Я завершил песню могучим волчьим воем и раскланялся. Никто не захопал. Ну, им было некогда. Я едва различал их в полутьме, они танцевали и отчаянно жестикулировали. Посреди комнаты начало светиться. Я уловил слабый запах мокрых камней.

Хрустальный глобус, который стоял на столе, ожил. На нем проступили буквы.

Нет, ничего особенного там не появилось. Просто:

«3, *Верхняя Лебязья аллея, Лондон...*»

Глобус погас так быстро, что я не дочитал остального.

Лампы снова загорелись, как прежде. Джинни и Фрогмортон шумно выдохнули. Их лица победно сияли. Получилось!

— Вы успели прочитать все? — воскликнул я.

— О, да, — прошептала жена. — Как иначе?

— Я тоже, — так же тихо ответил Фрогмортон.

Он встрепенулся. Удивительно быстро для такого старикашки подпрыгнул к полкам, вытащил оттуда большой атлас, разложил его на столе, сверился с индексом и принялся вглядываться в городские кварталы. Его палец скользил по странице. Джинни склонилась над книгой тоже.

— Вот, — сказал он. — Переулок, выходит на аллею, это Лаймхаус¹.

— Лаймхаус? — рассмеялась Джинни. — Как мы раньше не догадались!

— Может, потому он его и выбрал, доктор Матучек, что это слишком очевидно. Не знаю, на что похоже это здание, но скорее всего это что-то вроде заброшенного склада или сомнительного коммерческого заведения, тем более в таком отвратительном районе. В любом случае он сидит там, как паук в центре паутины, но у его паутины тысячи ниточек, и он почувствует дрожание каждой. Ну, ладно, — сменил тему Фрогмортон. — Думаю, что мы славно поработали и теперь можем отдохнуть.

Он принес из кабинета бокалы и бутылку «Рагганмора», чтобы побаловать себя. Разбавляли мы это виски водой, которую Фрогмортон получал в своем перегонном кубе, чистой, как родники Шотландии. Некоторое время мы сидели в дружеском молчании. Погода же расходилась не на шутку.

— Может, стоит уведомить правительство? — неуверенно предложил Фрогмортон.

— Нет, — отрезала Джинни. — Вы же знаете, что, как только

¹ Л а й м х а у с — криминальный район лондонских доков.

они дернутся, Фу удерет. Позже можно и уведомить, про форма. Но сперва туда пойдём мы со Стивом.

— Степень опасности даже просчитать невозможно.

— Сэр, — стальным голосом ответила жена, — на кону репутация и свобода моего брата!

А может, все наши чаяния и надежды, или цивилизация Запада, или космическое будущее человечества, или что другое, но мне было все равно. Я был зол как тысяча чертей. Какие бы шакалы ни стояли за нашими трудностями, я хотел добраться до их глоток.

— Я знал, — мягко сказал Фрогмортон. — А спросил из чувства долга. — Он опустил глаза. — Мне жаль, что из-за возраста и здоровья я не могу помочь вам ничем, кроме как советом. *Morbi tristicque senectus.*

Джинни наклонилась вперед и потрепала его по руке.

— Неужели вы думаете, что мы справимся без вашей помощи?

— Точно, — поддакнул я. — В отличие от гаучо Бруно, я говорю как волколак: мускулы — это прекрасно, острый нюх — чудесно, но мозги — это нумеро uno!

Хозяин явно приободрился.

— И на что вы рассчитываете? — спросил он.

— Зависит от ситуации, — ответил я. — В общем, ворвемся, схватим его, прижмем к стенке и спросим, что происходит.

— Его охраняют, — нахмурился Фрогмортон.

— Если только у них нет серебряных пуль, я справлюсь со всеми его... демонами, или кто там еще.

На этот раз Фрогмортон вздрогнул.

— Но вы же не будете жестоким, мистер Матучек? — И добавил уже более твердым голосом: — Если Фу и нанял такого защитника, то побережет его на крайний случай. Думаю, что большую опасность для вас представляют более земные создания.

— Потому-то нам и нужен помощник, — вставила Джинни.

Ох, какие только слухи не ходят о помощниках! Они не просто выполняют поручения. Они придают своим хозяевам магическую силу, да не просто силу, а свое нечеловеческое видение, слух и так далее. Они могут служить накопителем силы или духа... Они могут помогать в сражении. А вот это правда.

— Плюс оружие против союзников Фу, — добавил я. — Можете добыть это для нас, сэр?

Фрогмортон кивнул:

— Собственно, я могу указать вам путь и к тому и к другому

в одном воплощении, — сказал он. — Но ручаться за успех не могу. Все.

Ветер завыл сильнее.

— Давайте, — взмолилась Джинни.

Он усталился в темноту за нашими спинами, которая, не смотря на лампы, сгушалась по углам.

— Знал я об одном мече.

И он начал рассказывать, все так же глядя в темноту, словно грезил наяву:

— Как-то, когда я был еще молодым, во время Кайзерской войны я случайно оказался в Йорке. Если помните, это была область, где действовали датские законы¹. Я служил шифровальщиком. Кого-то в военном министерстве осенила мысль, что если перевернуть знаки рунического алфавита с подходящей надписи и использовать их как основу криптографического заклипания, то можно писать шифровки, которые никто не рассекретит. Идиотизм, конечно, но приказ есть приказ, потому я прочесал весь район со своими магическими инструментами.

Выискивая по самому городу, я наткнулся на один меч в какой-то миноритской церквушке. Несколько столетий тому он был передан аббатству Святого Освальда аристократом, которому стал не нужен. Несколько необычно, не находите? Притом он собирался постричься в монахи и закончить жизнь в монастыре. Меч особого внимания не привлекал. Разве что находился в хорошем состоянии, что довольно типично для той эпохи, а потом об этом успели позабыть. Необычно, да, но не из ряда вон выходяще. После раскола в церкви аббатство было разрушено, основные сокровища забрали слуги Генриха VIII². Но кое-что осталось, менее ценное, по их мнению. Существовала традиция, согласно которой монахи прятали драгоценные и священные предметы в стенах. Вероятно, какие-то заботливые руки отнесли все, что осталось, в церковный подвал.

В восемнадцатом столетии руины снесли и на их месте возвели новую церковь Святого Освальда для прихожан быстро растущего города. Попытались собрать воедино прежние реликвии

¹ При короле Альфреде Великом (871—899) был заключен договор с теснившими англо-саксов датчанами. По этому договору северо-восточная часть Англии стала областью датского права и фактически оказалась в руках датчан. Независимость Дэнло ликвидировал во второй половине X в. король Эдгар.

² Генрих VIII (1491—1547), английский король.

и выставить напоказ, но тщетно, ведь георгианская эпоха не способствовала интересу к старине. Даже во времена романтизма увлечение античностью ничего не изменило. Здание было слишком строгим, и его архитектура оставляла желать лучшего. Средневековые реликвии долго пролежали в земле, о них никто ничего не знал, так что интерес к ним был невелик.

Один викторианский джентльмен внезапно расщедрился на реставрацию меча. В дневнике он выказывал изумление по поводу того, что клинок не проржавел, но, поскольку в те времена химия была в зачаточном состоянии, это его не насторожило. Сгнили только органические части рукояти и ножен, так что их нужно было менять. Вскоре он умер, и о мече так никто и не узнал.

Таким образом, в подвалы церкви мало кто наведывался. Служащие, конечно, заезжие клирики, туристы, ученые и военные. Но их в основном интересовали небольшие подношения, которые дарили солдаты наполеоновской и колониальных войн. Все это хранилось под землей. И среди них меч казался каким-то ископаемым.

Фрогмортон пригубил из своего бокала. Джинни слушала его, не отрывая глаз. Ее волосы горели под светом ламп.

— Ну? — поторопила она рассказчика.

— Я нащупал в этом клинке скрытую силу, — сказал он. — Я обнаружил, что сделан он был гномами и в нем сидит дух, живший еще в Норвегии. Меч прибыл в Англию вместе с викингами. Он может думать, разговаривать, может рубить железо, камень и заклятия. Но все даром. Меч уснул во время Великого Сна, не успев побывать в битве. Даже получив новые ножны, он не проснулся, и сила его дремлет, пока кто-нибудь не разбудит его.

— Вы не разбудили?

— Господи, нет! Я определил его способности, но зачем освобождать его? Я не мог себе представить, какую пользу это принесло бы... Даже потом, во время Халифатской войны. У него такой малый радиус действия. Тем более я представил, как его находит какой-нибудь свежеиспеченный маг и принимается орудовать вовсю. Я серьезно отношусь к своей клятве Гермеса. Поэтому я оставил все как было. Но вы... Из меня, конечно, никудышный пророк или прорицатель, но мне кажется, что это оружие как раз для вас.

Полыхнула молния, загрохотал гром.

ГЛАВА 22

Мы выпалились как следует, а потом принялись за работу. Нужно было подготовиться к поездке в Йорк. Поскольку приближался августовский Банковский день¹, это оказалось не так-то просто. Выложив неплохую сумму в агентстве путешествий, мы получили место в шикарном отеле. Кроме дороговизны, он поразил нас безвкусной пышностью. С другой стороны, нам могла понадобиться большая уединенность, чем предоставлялась в одной-единственной комнатке в какой-нибудь дешевой гостинице. Мы купили кое-какие необходимые вещи — лучше здесь, подальше от места предполагаемого преступления — и успели на поезд, который доставил нас на место еще к полудню.

Однажды мы уже бывали в Йорке, но одного раза мало для такого города. Есть места, которые могут соперничать с ним по красоте и очарованию, но нет ни одного, который превосходил бы. Теплые золотистые стены старинных домов и башен из песчаника, извилистые узкие улочки с названиями вроде «Ворота нараспашку», полудеревянные дома — снизу каменные, с деревянной надстройкой. В пабах — настоящий эль и истинное дружелюбие, каких вы нигде больше не встретите. Здесь можно услышать непривычный диалект йоменов и полюбоваться рыночной площадью, ничуть не изменившейся со времен Рима... Все это с вами и вокруг вас. Разложив вещи, мы вышли на Купеческую площадь и дали слово, что, когда все это закончится, мы возьмем детей и проживем здесь с недельку. А то и две.

Мы нашли церковь Святого Освальда на улице Влюбленных. Некоторое время мы просто стояли и смотрели, как проходит служба. Хотя я наострил уши, ничего не доносилось оттуда, кроме голосов и шарканья обуви, а в теплом воздухе пахло только людьми и слабым ароматом табака. Джинни не хотелось вытаскивать палочку посреди улицы и проверять достоверность моих наблюдений. Само здание действительно выглядело невзрачно — квадратная приземистая каменная коробка.

— Неудачный образец неоклассицизма, — пробормотала она под нос. Здание-то не виновато, что выглядит так скучно. Стоящее рядом аббатство затмевало маленькую церковь. Величественный и сияющий храм, словно на нем лежало личное благословение Творца.

¹ Т. е. выходной.

— Ну что, — первым заговорил я, — пойдем?

Она кивнула. Мы поднялись по лестнице и вошли в помещение. Внутри было холодно и мрачно. Не знаю, то ли алтарь специально перенесли, то ли просто он был сделан в стиле рококо. На стенах висели мемориальные таблички под стеклом, а роспись явно ждала своего Берн-Джонса. Парочка скорбных бюстов стояла в стенной нише и осуждающе глядела на нас.

Кроме нас, там был только маленький седой служка. Мы милостиво позволили ему поводить нас по церкви и рассказать об этих двух джентльменах. Поскольку один из них сражался в американской Войне за независимость, а мы были американцами, то слушать пришлось долго. Наконец мы опустили деньги в ящик для пожертвований и попросили поглядеть подвал.

— Конечно, конечно. Билеты стоят шиллинг. Это на благотворительность... Большое спасибо. Сюда, прошу вас.

Он просеменил к двери, отпер ее, включил эдисонку и повел нас вниз по ступеням. Несколько первых были кирпичные, недавние, а следующие уже — каменные, срубленные еще во времена норманнского нашествия.

— Понимаете, подвал у нас маленький. Без сомнения, когда здесь было аббатство, он был побольше, но его завалило. Мы надеемся, что можно раскопать стены еще двенадцатого века и фундамент, а еще — все может быть — сокровища, которые монахи спрятали во времена короля Генриха¹. Поставить бы тут современные металлические ступени... Смотрите, пожалуйста, под ноги... Но боюсь, у нашего молельного дома не хватит средств.

Лампа отбрасывала блики на сырые стены. Ступеньки терялись во тьме.

— Обратите внимание на кладку «елочкой», — с гордостью сказал старик. — Это римский метод. — Он указал на ровную каменную стену напротив. — Кроме этой. Георгианские каменщики построили ее, чтобы остановить оползень. Кто знает, что скрывается за ней?

Почти весь подвал занимали застекленные выставочные стенды. Они сами по себе были музейной редкостью — девятнадцатый век, если не раньше. На мгновение Джинни сжала зубы, а у меня мурашки проползли по спине: мы увидели меч. Первым желанием было схватить его и бежать.

Но мы придали лицам благообразное выражение и восхи-

¹ Генриха VIII.

щенко отзывались на реплики нашего провожатого, который показывал нам то одно, то другое.

— ...медаль, завещанная полковником Горацием Булливантом, который проявил себя в Испанской войне... Мушкет из роговой битвы при Майвенде... Древние четки, принадлежавшие последнему католическому епископу...

И так далее, пока я не осмелился спросить самым невинным тоном:

— А что это за меч?

Он покоился вместе с красивым глиняным кувшином, бронзовым распятием, парочкой костяных шахматных фигур и еще какой-то дребеденью из Средних веков. Но оружие сразу бросалось в глаза. Длинной в три фута, лезвие расширялось к острию и не слишком сужалось к основанию. Небольшая прямая гарда, тоже железная, и крупный закругленный набалдашник, похожий на мороженое в стаканчике. И все это в золотой чеканке. Меч наполовину был вынут из шагреновых ножен, явно реставрированных. Они были деревянные, обтянутые кожей, и украшены шлифованными гранатами. То ли мне показалось, то ли я и вправду почуял скованную силу, готовую расправиться как освобожденная пружина. Драгоценные камни мерцали в свете лампы...

— А, да, — без особого энтузиазма отозвался служака. — Интересный экземпляр, датированный датским периодом. Возможно, его было бы лучше передать музею, но ведь он пролежал здесь несколько веков. Необычен этот меч тем, что до сих пор выглядит так сохранно. Этот кувшин, который перед вами, прекрасный образчик гончарного искусства тринадцатого века. Он был подарен Ульффридой, женой знатного торговца соленой рыбой. В народе ее называли святой, хотя Рим никогда не канонизировал...

Табличка на стенде гласила: «Меч принесен в дар в 1225 году сэром Ральфом Дауней из поместья Тершоу в знак искупления прошлых кровавых дел, прежде чем он принял монашеский сан. Изготовлен в Скандинавии примерно в девятом веке. Вероятно, привезен в Англию датчанином, чьи потомки остались и пережились с норманнскими завоевателями. Хотя по форме он уже устарел, некоторые семейные хроники утверждают, что меч брали в битвы, считая его счастливым. Реконструкция рукояти и ножен, драгоценные украшения, которые были и раньше, — дар мистера Хамфри Седворта, банкира, 1846 год».

Действительно, романтично.

Мы с Джинни успели продумать план действий. И ситуация

сама подсказала, что предпринять. Мы проявили живой интерес к остальным реликвиям, пояснив, что я увлекаюсь военной историей, а Джинни сходит с ума по литературе времён Регентства. Мы морочили службе голову, пока он не сдался и не взмолился, чтобы его отпустили. Как только мы согласились, он захромал вверх по лестнице.

А мы бросились к мечу. Джинни выхватила волшебную палочку. Когда она прошептала нужные слова, звездочка на конце палочки засияла ровным белым светом. Она коснулась скованных силовых полей осторожно, как колибри, когда пьёт цветочный нектар. Я вспомнил, что колибри считались символом бога войны у ацтеков. Что до меня, то я отщелкал кучу кадров на поляроиде, заходя к мечу с разных сторон.

Мы не стали задерживаться слишком долго. Через полчаса выбрались наружу, радостно пощебетали и удалились. Служка сердечно попрощался с нами. Не часто посетители проявляли такой интерес к его экспонатам.

До отеля мы шагали молча. Я упал в кресло. Джинни принялась распаковывать необходимое оборудование.

— Не нравится мне все это, — проворчал я.

— По сути, это грабёж, — нахмурилась она. — Конечно, мы вернем меч на место, когда все закончим.

— Если получится. Все равно мы сыграли на доверии.

— По необходимости. Раньше ты не колебался.

— Да, пока не встретил этого славного старичка.

— Что бы ни случилось, мы можем пожертвовать церкви значительную сумму. Именно значительную. Анонимно, конечно, зато они могут потратить ее на реставрацию или на бедных прихожан.

«Если только нас не убьют или чего похуже», — промелькнуло у меня в голове.

Но все дело было в нахлынувших сожалениях. Кажется, британцы называют это состояние сплингом. Я же сам говорил дочери, что иногда нам, людям, приходится идти против правил, включая некоторые законы морали, и... пожизненно нести вину, если выйдет, что мы поступили неверно. Я встряхнулся и предложил Джинни помочь.

Не стану описывать, над чем мы трудились в течение следующих часов. Кое-что и так всем известно, кое-что дозволено только опытным магам, остальное — изобретение самой Джинни. Магия включает в себя как Искусство, так и Технологию. Собственно, это замечание верно и для инженерного дела. В целом,

мы использовали добытые сведения и мои расчеты, чтобы отобразить меч и ножны — ауру этих материальных объектов. Затем Джинни выложила заготовку, которую мы припасли еще в Кембридже, следуя описаниям Фрогмортонa. Это был железный брусок, пара обручей, полоска кожи и несколько стекляшек. Она заклала их Иллюзией. Для любого непрофессионала этот набор материала приобрел видимость меча с выставки. Понадобится точный прибор, чтобы установить различия и химический анализ, который все равно не проводился для настоящего меча. Тот, кто выдаст более сильное заклятие или просто имеет мощный Дар, заметит что-то странное, но едва ли такая личность забредет в подвал в скором времени.

Потом мы спустились вниз. Ужинать было еще рано. Потому мы просто напились крепкого чая, а я плеснул в свой немного спиртного. Вернувшись в номер, мы опустили шторы и попытались уснуть. Я немного поворочался, но заснул, как провалился. Летом в Англии ночь спускается быстро.

Быстро и кончается. Будильник поднял нас в два часа полуночи. Под одежду я напялил свой вязаный костюм, сверху набросил пальто, а Джинни — плащ с капюшоном, который должен был скрыть от посторонних взоров то, что мы несли к церкви и, надеюсь, понесем обратно. Преимущество дорогого отеля заключалось в том, что нам не нужно было поднимать хозяев с постели в такой поздний час. Нас ведь могли и запомнить.

Джинни очаровательно улыбнулась сонному портю.

— Мы хотели бы полюбоваться звездным небом и ночным городом, — проворковала она голосом, который растопил бы и камень.

— Не заблудитесь, — предупредил он, как любящий дядюшка. — Вы прихватили фонарик, мадам? Хорошо. Приятной прогулки.

И проводил нас ностальгическим взглядом.

Я обнял Джинни за талию.

— И правда, хорошо бы погулять, — вздохнул я. — А то за спасением мира не успеваешь его как следует рассмотреть.

Она прижалась ко мне.

— Этим мы займемся в следующую очередь.

И отстранилась.

Воздух был прохладным и безветренным. Большие улицы освещались фонарями, но всякие там «ворота» тонули в непроглядной тьме. Один раз нам встретился полисмен. Он окинул нас при-

стальным взглядом, понимающе кивнул и прошествовал мимо. Почему-то мы почувствовали себя еще больше одиночками.

Церковь Святого Освальда была слишком ярко освещена. Правда, мы так и думали. Проверив все вокруг, мы быстро подошли к дверям. Джинни достала из кармана Руку Славы. Простая обезьянья лапка, маленькая сморщенная ручка, которая полыхнула синим огнем, когда коснулась двери. (Эта обезьяна померла в преклонном возрасте, обожравшись бананов.) Не особо сильная штука. Но для обычного дверного замка хватило и ее. Дверь щелкнула, открылась, мы проскользнули внутрь и захлопнули ее за собой.

Внутри не горела ни одна свеча — церковь Святого Освальда была протестантской. Наш фонарик — ах да, в Англии почему-то говорят «лампочка» — осветил путь через неф до внутренней двери, а потом вниз.

Нам даже не пришлось отключать сигнализацию, поскольку эти непуганые души ее не установили. Лапка открыла стеллаж. Я сдвинул стекло и достал меч. Массивный, но не тяжелый. В отличие от многочисленных героев фантастических фильмов наши праотцы были людьми практичными, которые не станут таскать на себе ненужный вес. Даже боевой топор весил не больше пяти фунтов. Тем не менее мне показалось, что я держу в руке что-то живое!

Джинни вытащила из моего левого рукава сверток и достала нашу подделку. Положила ее на место настоящего клинка, тщательно выверяя положение, потом повесила меч мне за плечо и помогла снова надеть пальто. Она опустила стеклянную витрину, я даже услышал, как она защелкнулась — слишком долго ее не смазывали. И мы заторопились обратно.

Улицы все еще были пустынные. Я осознал, что меня бьет дрожь, и уловил даже запах собственного пота.

— Слишком легко все удастся, — заметила Джинни.

— Д-думаешь, враги знают и... помогают нам?

— Нет, думаю, что, если мы так скоро вернемся, портье удивится. — Она хмыкнула и взяла меня под руку. — Так что придется немного прогуляться.

Необъяснимая радость снизошла на меня. Страхи и волнения отступили.

— Ну и слава богу!

Переулок вывел нас к городской стене. В основном это были остатки средневековых оборонительных укреплений. Поверху она была вымощена, чтобы легче ступалось. Мы неторопливо

прогуливались рука об руку вдоль по стене. Под ногами лежал спящий город. По другую сторону блестела река, и цепочка свещающихся окон далеких домов отмеряла простор сельской местности. На фоне ярких звезд темнели башенки, порталы и колокольни аббатства. Сейчас никто не летал по небу, так что мы наслаждались тишиной и ароматом цветов с ближайших городских садов. Мы часто останавливались. Восток светлел, когда мы вернулись в отель.

Портье улыбнулся, увидев нас.

— Надеюсь, вам понравилось, — весело сказал он.

Неожиданно я заметил, как растрепались волосы моей любимой девочки, и насупился. Жена же мило улыбнулась в ответ.

— О, да, — промурлыкала она.

— Наверное, завтракать вы будете поздно? Может, к обеду?

— Нет, лучше вовремя, — возразила Джинни. — Мы пока не хотим спать.

Он сдержался, чтобы не расплыться в понимающей ухмылке. Вес, который оттягивал мне плечо, напомнил, что нам еще много что предстоит сделать. И откладывать нельзя. Нет, не о том ты подумал, парень. Черт! А ведь неплохо бы...

Мы вошли в номер, заперли дверь и вывесили табличку «Не беспокоить». Я выскользнул из пальто, взял в руки меч и осторожно положил его на стол. Джинни встала рядом. Не знаю, сколько времени мы простояли, глядя на оружие. За шторами разгорался день. У меня едва не сдали нервы, когда я услышал шаги постояльцев на лестничной площадке.

— Ладно, давай начинать, — очень мягко произнесла Джинни. Она достала палочку и занялась приготовлениями. Потом отступила на шаг, вся настоroje, и кивнула мне: — Вытащи его из ножен.

«И посмотрим, что получилось!»

Я взял ножны в левую руку, поднял оружие. Ладонь правой руки плотно обхватила рукоять, так что свободного места там не осталось. Я подумал о том, что так удобнее держать оружие, да и люди раньше были помельче. Медленно я вынул клинок.

Сталь темно взблеснула. Мне припомнилась строка из «Беовульфа»: «смуглый клинок». Но этот отличался красноватым оттенком и волнистой насечкой. Созданный гномами, чтобы рубить камень и сталь, чудовищ и колдунов, — что заключено в нем? Какие молоты ковали его, какой жар закалял, какие руны и песни укрепляли его железное тело? Я взмахнул оружием. Хотя моя ладонь еще не привыкла к мечу, он казался мне продолжением

собственной руки. На меня обрушилось ощущение пробудившейся жизни.

Тишину прорезал звук, словно кто-то откашлялся.

— Ага!

Я выронил ножны на ковер.

— Привет-привет, милорд, миледи! — прозвучал хриплый и грубоватый баритон. — Черт, как здорово снова быть свободным! Валялся там, сдыхал со скуки, ни хрена не мог поделывать... Прошу прощения за мой язык, миледи... Чем я занимался с тех пор, как Проснулся? Только слушал! Пятьдесят лет? Сто? Как по мне, так всю тысячу! Это ж нарушение всяких прав. Напишу письмо в «Таймс». И подкину вопрос в парламент, пусть знают. А если ухом не поведут, значит в Англии не осталось порядка и справедливости, клянусь богом!

Ничего умного в голову не шло. Меч дрожал у меня в руке.

— Э, я... рад... приветствовать вас, — проблеял я. Ну как пожать руку мечу? Еще отхватит лезвием все пальцы.

Джинни пришла в себя быстрее. Ей чаще приходилось сталкиваться с Созданиями. А я все-таки простой волколак.

— Это большая честь для нас, сэр, — сказала она. — Простите, но, прежде чем мы продолжим разговор, как бы вы хотели расположиться?

Да уж, не могу же я все время держать его в руках, а сразу положить его на стол как-то невежливо.

Вероятно, дух, зачарованный в мече, мог видеть, как и мы, да и разговаривать. И кто знает, что он еще ощущал? Я представил холодные голубые глаза под косматыми бровями, которые стреляют по сторонам.

— Вон туда, — приказал он. — Вот на ту штуку в углу, как там она называется? Лучше места не сыщешь. А где это мы? В каком-нибудь поместье благородного лорда? Честно говоря, мебелишка тут паршивая. Ни одного гобелена, стены голые!

— В таверне, сэр, — объяснил я этому кошмарному викингскому тесаку, устраивая его на подставке для зонтов. — Многое изменилось с тех пор, как вы... как вы побывали в последнем деле.

— С последнего Пробуждения, ты хочешь сказать, паренек. Я заснул... сейчас скажу... Последний раз я веселился на, м-м, Тенчебрай. Точно, на Тенчебрай. Правил тогда Генрих. Я недавно вернулся из Константинополя. Да, Тенчебрай. Мы тогда задали жару этому голодранцу Роберту, ему и его банде. Мы стояли тут редкой красной цепью... Нет, перепутал все эпохи, фу ты, черт! Тяжко отделить одну от другой, если после Пробуждения я

только и делал, что лежал и внимал всему, что происходит в поле слышимости. Скучища невыносимая, вот так! Церковные крысы, и половина из них еретики-поганцы, а еще эти, тра-та-та, пилигримы. Иногда попадались неплохие вояки, и еще лучше двое или трое за раз, которые разговаривают о стоящих вещах — о драках!

— Генрих, — прошептала мне Джинни, — наверное, это Генрих I¹. Начало двенадцатого столетия.

Я понял, что наш меч заснул, когда магические силы начали умирать. За поколение до этого он попал в руки христианина, который вызнал его секрет и приказал не открываться никому на свете. Потом хозяина убили, и знание было утеряно. Но меч продолжал передаваться из поколения в поколение, и считалось, что он приносит победу. Потому, спящий, он прослужил еще одно столетие. И превратился в простой кусок металла — острый и устойчивый от ржавчины, но неживой. Наконец он попался в лапы Церкви вместе с последним обладателем...

— А! — оборвал он свои воспоминания. — Извините. Мы не успели как следует друг другу представиться. И кому первому выпадет такая честь, а? Нужно же решать. Простите за солдатскую прямолинейность. Позвольте мне. Прекрасная родословная, без страха и упрека. Скован гномом Фьяларом в Норвегии, в Доврефьелль, это горы такие. Служил Эгилю Асмундссону, ярлу Раумсдаля. Независимое королевство, хотя и под крылышком у Хальвдана Смуглого. Но не так, как жили аборигены во времена индийской кампании. Добрый воин Эгиль. Первый человек, которого он убил мною... Но это потом. Он звал меня Бриньюбитр. То есть «Бронегрыз», если перевести. У меня потом была целая прорва имен, а иногда не было ни одного. Никакого уважения от этой молодежи. Можете называть меня Фотервик-Боттс.

— Как? — крикнул я.

— Сокращенно от генерал-майора сэра Фотервик-Боттса, кавалера IV степени ордена Британской Империи. Выйдя в отставку, он частенько бывал в подвале. Я слышал, как он обсуждал военные реликвии, прошлые битвы и само искусство войны с молодыми офицерами, которые тоже оказались там. — «Или не успели сбежать», — подумал я. — Отличный парень! Крепкий. Если бы я был с ним на Блумфонтейне...

«Так вот откуда наше Создание набралось подобных словес и

¹ Английский король (1068—1135).

выучило современный английский. Нет, современный королю Эдварду, скорее всего. Да, работать с ним будет трудновато!»

— Позвольте нам представиться, — вклинилась в его монолог Джинни. Она даже ухитрилась объяснить ему, чего нам нужно.

— Святые угодники! — воскликнул меч. — Китаезы, а? Да, они способные. Сам я не видел, врать не буду, зато много чего слышал. Когда мы торчали в Византии... Я бы лучше описал вам мою карьеру, а?

Его голос полился почти речитативом:

— До викингской экспедиции я пробыл в Норвегии до битвы под Хаврсфьордом. Мы стояли тут, тонкой цепью, все в кольчугах... Но этот паразит Харальд Прекрасноволосый выиграл! Кому была охота жить под ним? Мой следующий воин — Тригви Свейнссон, славный парень, его звали Неистовым, я потом о нем расскажу — прибил в Дании на корабль и заработал в Англии поместье. Пару поколений спустя нас обратили... новообращенным выдавали такие шикарные белые туники! Со временем пришлось работать тоньше... вот что сейчас считается драной ересью, а? Но я гнул свое — до последней капли крови, пленных не брать, вот так-то! Был на Стамфордском мосту. О нем болтают такую ерунду, все переврали, только я знаю, как было. Мы стояли тут, редкой англо-датской цепью... Ага. Вскоре после норманнского нашествия мой тогдашний владелец уехал из страны, как и многие англичане, чтобы присоединиться к варяжской страже в Константинополе. Ох и неплохо мы там повеселились, я вам скажу, как в старые добрые времена! Потом я веселился без него. Он сколотил себе неплохое состояние и вернулся домой. При деньгах можно жить и с норманнами. Его сын...

Фотервик-Боттс прервался, словно затем, чтобы перевести дух перед новым бесконечным продолжением:

— Ну хватит. Вам наверняка интересны все подробности. Вернемся к началу. Когда гном передал меня Эгилю Асмундссону и тот отправился мстить... к черту, восстанавливать справедливость! Отправился к Херьольву Мятый Нос, и они встретились на лугу...

— О, боже! — пробормотал я на ухо Джинни. — Во что мы вляпались?

Она пожала плечами:

— Боюсь, что это один из тех старинных мечей, которые, если их вынимают, немедленно начинают пересказывать все битвы с их участием, — прошептала она в ответ. — Или это наш такой. Бедняжка, он пролежал молча столько лет! А до этого если

и говорил, то редко, учитывая, что его христианские владельцы могли перепугаться до смерти и выбросить кусок нечестивого железа в море. А тут случилось чудо, обет молчания снят... В смысле, он может свободно с нами разговаривать.

— ...я рубанул по щиту Херьолва, — продолжал вещать Фотервик-Боттс, — но Эгиль не дал ему зашемить меня в трещине. Это такой обычный прием тогда был...

— Сколько можно! — шепотом возмутился я. — Это же три столетия подробного пересказа, или сколько там? Мы вообще спать ляжем?

— Можем вложить его обратно в ножны, — предложила Джинни. — Принесем, конечно, кучу извинений. А потом он начнет с того места, на котором закончил. Постараемся убедить его кое-что пропустить. Но боюсь, что нам придется выслушать большую часть его приключений, прежде чем мы добьемся от него какой-нибудь помощи. Лучше нам оставаться весь день в номере, а потом не ехать на поезде, а все-таки нанять помело до Лондона.

— Эй, я же рассказываю, вы слушаете? — пролаял меч.

Я бы застонал еще громче, если бы знал, что случилось у нас дома.

ГЛАВА 23

И это были еще цветочки, ягодки появились не скоро. Проклятая железка разошлась всюю. Мы сидели и вместе слушали его рассказ, а он время от времени проверял, не заснули ли мы. Позже мы пытались выбрать из его повести факты и отсортировать их, но они оказались слишком обрывочными. Кто бы сумел их связать между собой? Если бы мы... Эх, если бы да кабы. Если бы слон был маленьким, белым и круглым, он был бы аспирином.

Я сам воссоздаю события по памяти. И они не предназначаются для внимания публики. Слишком отрывочны и слишком субъективны. Притом они должны пролежать под замком столет. Может, тогда, в необозримом будущем, кому-то они и пригодятся. По крайней мере, как предостережение.

Все началось, когда в четверг позвонил Альгер Снип из налоговой и потребовал нас к телефону. Уилл, который уже расположился в доме, ответил, что мы уехали. Нет, он не знает куда и надолго ли.

— Ха! — обрадовался Снип. — Тогда нужно поторапливаться. Пожалуйста, встречайте меня завтра в десять утра.

— Но я ничего не знаю, — запротестовал Уилл. — Я просто присматриваю за детьми. Джи... Доктор и мистер Матучек должны вернуться где-то через неделю или две.

— У нас могут возникнуть вопросы и к вам, профессор Грейлок. В прошлый раз я наткнулся на стену возмутительного пренебрежения. Вы поможете нам на выгодных условиях, профессор.

Мы с Джинни заявили бы грозным голосом, что сперва хотели бы поговорить с начальником самого Снипа, пускай называет его фамилию и номер телефона. Потом мы связались бы с Барни, а тот прислал бы к нам одного из лучших адвокатов, которых всегда держал на примете. У американских налогоплательщиков тоже есть права. Немного, но есть. В обязанности федеральных налоговых инспекторов входит правило — время от времени пролистывать эти права. Уилла он просто взял на испуг.

Опять же, брату Джинни следовало проявить хоть крупницу твердости. Позже он признался, что сам не знает, почему уступил, разве только из-за какого-нибудь скрытого комплекса вины и уверенности, что если нечего скрывать, то и нечего бояться. В общем, он согласился.

Когда он сообщил об этом за обедом детям, Валерия театрально возвела руки и очи горе, уронила руки на колени, опустила глаза и скривилась. Именно что скривилась.

— Чего? Снова этот козел? Лучше бы эпидемия чумы, чем он!

— Нам, э-э, нужно быть вежливыми, — сказал Уилл. — Он представитель нашего правительства.

— Папа тоже так думает, — кивнула она.

— Не будем устраивать... розыгрышей или шуток. Хорошо? В прошлый раз ваши родители очень огорчились. Давайте не повторяться.

— Не-а, не будем. — Она уставилась в одну точку. — Пойду приготовлюсь. — Уловив, как изменилось лицо дяди, Вэл ответила ему мрачной усмешкой: — Не, соли в кофе не будет. Я буду вести себя хорошо, так что без проблем.

Пообедав и вымыв посуду, она удалилась вместе со Свартальфом в свою комнату. Естественно, Уилл не нашел, что возразить, когда Вэл заявила, что желает позаниматься магией. Хотя знала она многое, но могла чуточку, в целях безопасности. Старый черный котяра к тому времени стал больше ее помощником, чем матери, но чаще сдерживал порывы девочки, чем поощрял.

Именно Вэл открыла двери Снипу, когда тот прилетел.

— Доброе утро, — поздоровалась она. Холодная любезность, которую Вэл позаимствовала у Элизабет Бэтори, не вязалась с прической «конский хвост», босыми ногами, вылинявшими голубыми джинсами и майкой с надписью: «Убивай фанатиков!»

Снип поджал губы.

— Доброе утро, мисс Матучек, — ответил Снил, прижимая к себе портфель.

— Все в порядке, мистер Снил. Я отправила младших к соседке, так что они в безопасности.

Он подозрительно зыркнул на нее.

— А что, здесь опасно?

— Не для вас, — таким же ледяным тоном заявила Вэл. — Проходите, прошу вас.

Когда он вошел, она отступила на шаг, держась на расстоянии вытянутой руки от инспектора.

Они прошли в зал. Эдгар захлопал крыльями на своем насесте.

— О, злодейство! — заорал он. — Хо! Держите двери на замке!

Уилл встал с кресла, откладывая научный журнал.

— Грубиян, — возмутился он. — Извините.

— Я учила вместе с ним Шекспира, — объяснила Вэл, мило улыбаясь. — Как вы считаете, мистер Снил, домашние любимцы должны ведь быть образованными?

— Какой кошмар, — плевался Уилл. — Горе вы мое. Приносим наши извинения, мистер Снил.

— Да, плохая птичка, — пожурила Эдгара Валерия, не переставая улыбаться.

— Гм, присаживайтесь, сэр, — булькнул Уилл. — Хотите кофе? Валерия, принеси чашечку.

— Спасибо, лучше перейти сразу к делу, — шелкнул зубами инспектор. — Многое следует прояснить и уточнить. Надеюсь, вы поможете мне, профессор Грейлок?

— Э, собственно, я не совсем профессор. Ну, неважно. Не знаю, чем могу помочь вам, ведь моей сестры и ее мужа нет сейчас.

— Скажите, а почему это они так внезапно уехали? — начал Снил и многозначительно закончил: — Сразу после того, как на их счет пришла крупная сумма денег?

— Ну, это не совсем их деньги. То есть это деньги операции «Луна»...

У Вэл округлились глаза.

— А как вы об этом узнали, мистер Снил? — прищурилась она. — Настоящий специалист должен знать все, так?

Он сжал кулаки.

— Банки всегда отчитываются о подобных переводах, мисс Матучек.

— Ясно. Жутко извиняюсь. Я считаю, что заплатила за трупы, которые на мне, доллар и девяносто восемь центов. Но могу и ошибаться, ведь я потеряла чек. Можно уточнить в магазине и...

— Хватит, юная леди! — взревел дядюшка. — Мы все хотим поскорее закончить с этим. Признаться, я думал, что проверка может подождать до возвращения Матучеков, или ваш отдел на Среднем Западе попросту свяжется с «Норнами». Тем более что в прошлый раз вы забрали отсюда кучу документации.

— Некоторые вопросы желательно разрешить прямо сейчас. — Произнес он это так, словно в прошлый раз мы тут же выставили его за дверь. — Для начала я хотел бы осмотреть мастерскую миссис... доктора Матучек.

— Ее лабораторию? — воскликнула Вэл. — Нельзя!

— Простите?

— Нельзя, пока мамы нет дома...

Вот здесь мы бы с Джинни крупно повздорили с Четвертым департаментом, причем выиграла бы. Уилл мог туда войти, поскольку он наш ближайший родственник, а Вэл — только маленькая девочка. Правда, слово «только» едва ли уместно.

— Никому нельзя туда заходить, — возмущалась она. — Комната защищена. От грабителей, и бандитов, и... — Она увидела круглые глаза Уилла. — И непрофессионалов, которые могут сами себе повредить. Нужно подождать, пока она вернется и снимет чары.

— Не хватает некоторых официальных документов, — сказал Снип. — Возможно, они здесь. Конечно, я должен осмотреть весь дом, чтобы определить, не используется ли здесь больше свободного пространства, чем положено.

— Вы считаете, что моя мама врет? — вспыхнула Вэл.

— Вряд ли, — попытался вмешаться Уилл, — но и его можно понять. Но видите ли, сам я никогда не входил в мастерскую, но знаю, что сестра защищает ее... На вашем месте я бы не входил, честное слово.

— Если эта защита опасна для жизни, это нарушение закона, — напомнил ему Снип. — Я считаю, доктору Матучек это известно. Поглядим. Я тоже пришел не с пустыми руками.

Он полез в портфель и вынул коробочку. Опустившись на одно колено, он вытащил из коробочки записывающего червя. Тот заполз в приборную панель, списывая все, что было на компьютере. Снип встал.

— Так, теперь мастерская. Это дальше по коридору, так?

— Пожалуйста, не ходите, — взмолилась Вэл. Снип даже не глянул в ее сторону. Девочка двинулась следом, на расстоянии ярда.

Пока они шли по коридору, вокруг становилось все темнее и темнее, пока не сгустился непроглядный мрак. Коридор растянулся в бесконечность. Шаги эхом отдавались от невидимых стен. Заметно похолодало. То там, то сям зловеще вспыхивали и гасли болотные огоньки, отсвечивая мертвенным синим светом. Вдалеке раздавался голодный вой, ближе — лязганье металла.

— Иллюзии.

Снип выставил палец, на котором было какое-то кольцо. Из него вырвался сноп огня.

— А, понятно, что за заклятие, — промолвил инспектор. — Нежеланные гости будут кружить тут до бесконечности.

— Назад вернуться просто, — встряла Вэл. Хотя Джинни и объясняла ей многие доступные вещи, но голос девочки дрожал. Казалось, что они попали в какой-то ночной кошмар.

Снип насторожился.

— Заклятие не превышает разрешенного уровня, — нехотя признал он.

Перед ним возникла светящаяся глазастая рожа, распахнула зубастую пасть и захохотала.

— Соответственно, — продолжил Снип, — я могу аннулировать его силами, которые есть у меня.

Он выудил из портфеля книжку. Придерживая ее одной рукой, второй он поискал нужную страницу и принялся зачитывать вслух:

— Подходящим налогом облагается совокупный годовой доход лиц, полученный ими как в денежной, так и в натуральной форме...

Не успел он дочитать эту ужасную страницу, как призраки отшатнулись и растаяли, темнота посветлела, пространство свернулось до обычного коридора, и Снип торжествующе оглядел наш дом. Дверь мастерской Джинни распахнулась сама собой.

Он заглянул внутрь. Его взгляд остановился на кушетке.

— Ага, кровать, — чуть не выкрикнул он. — Кабинет должен использоваться только как рабочее место, а не как место отдыха.

Вэл тоже вошла.

— Мама... моя мать говорит, что ей лучше думается в лежа-

чем положении. А иногда она раскладывает здесь бумаги, чтобы выбрать нужные.

— Вы можете поклясться, что никто здесь не спит? Например, гости?

— У нас есть отдельная комната для гостей! — Вэл опустилась в кресло. — Давайте. Делайте, что вам нужно, только поскорее.

Снип нахмурился.

— Мы не любим, когда вмешиваются в нашу работу, мисс Матучек.

— О, я буду сидеть тихо. Вдруг я вам понадобится. — И даже Уилл не смог сдвинуть ее с места. Она молчала, но следила за Снипом крайне сердито. Подростки это умеют. А уж наша Вэл могла бы получить первый приз за сердитый вид.

Снип мужественно выдержал ее присутствие. Он закружил по комнате, правда, не стал открывать ящики стола и секретер. Он живо интересовался всем вокруг — рисунками, книгами и украшениями.

Его отвлек шум из зала. Уилл вышел и вскоре вернулся.

— Так неловко, — начал он. — Боюсь, что кот увидел вашего червя и не смог удержаться. Я, э-э, отнял его, но кусочек, который кот уже успел отгрызть, подхватил ворон и вылетел в окно.

Снип ушел почти сразу. Он грозился неприятностями, если мы с Джинни в ближайшее время не дадим о себе знать. Мы были далеко и звонить домой не собирались.

Нам было не легче. Фотервик-Боттс болтал без роздыху, разве что на мгновение умолкая после вопроса: «Представляете?» или когда мы клятвенно упрашивали его спрятаться ненадолго в ножны. Так продолжалось целую субботу в Йорке, всю дорогу до Лондона и весь следующий день, который мы провели в отеле.

Наконец он закашлялся и сказал:

— А потом было Тенчебрай! Веселенькая потеха! Железные ребята. Жалко, что больше нечего вам рассказать. Я же Уснул. Конечно, я прошел много не таких значительных сражений. Вы наверняка захотите послушать про них. Но пока нас ждет работа, да?

Голос его зазвенел от восторга.

— Снова в деле! Покажем им всем! Тор нам поможет... Ха-ха, сквозь медные трубы и чего там еще!

ГЛАВА 24

Опустился холодный и липкий туман, сквозь его пелену фонари казались столбами, на которых сидят желтоглазые гоблины. Но это вблизи, потом они просто терялись в белой мути. Мой волчий нос чутко ловил запахи масла, химикатов, ржавчины и иногда дыхания чего-то незнакомого. Мои лапы и ботинки Джинни глухо стучали по пустынной брусчатке — серой там, куда падал свет, а в остальном угольно-черной. Сырые стены домов отражали наши шаги. Фресно в штате Калифорния, обычный торговый городишко, остался далеко-далеко от улицы Фресно, на которой расположился Лаймхаус. Может, в другом мире, а может, и в другой вселенной.

Мы выяснили, что этот район был восстановлен во времена королевы Виктории¹. Такие фирмы, как «Абердинская морская компания», растеряли прежнюю респектабельность и стали прибежищем бандитов, мошенников и преступников. Остальные перебрались в старые здания, в которых прежде размещались кабаки, конюшни или что похуже. Городские власти время от времени чистили этот район. Но он всегда оставался рассадником преступлений, и никакие реформы не могли справиться с этим соседом пристани на восточной оконечности Лондонского моста. Если бы мы шли здесь днем, то не рискнули бы войти ни в один паб.

Для верности мы выждали до глубокой ночи, пока местные обитатели и моряки не напьются до полной неподвижности... хотя любая забегаловка все равно представляла для нас опасность. Тем более неразумно женщине в одиночку шляться по улице, где все закрыто на ночь, даже в сопровождении мужчины. Если только он не выглядит огромной собачиной, а на самом деле — волком.

Я предпочел оставаться в зверином облике, пока мы не вернемся на железнодорожную станцию, где я оставил одежду. Там уже можно обернуться человеком. Поскольку мой вязаный костюмчик мог выдать меня с головой, я оставил только кожаный ошейник, а поводок Джинни держала в руках. Еще она несла мой фонарик — на всякий случай — и Фотервик-Боттса.

Мы успели тут все разведать, когда бродили в виде туристов, ищущих дешевые наркотики. И все равно держались чрезвычай-

¹ Виктория (1819—1901) — королева Великобритании.

но осторожно — кто знает, какие следящие заклятия использует доктор Фу?

Днем мы просто прошлись по Верхнему Лебязьему переулку, мимо его берлоги, и погуляли по пристани. К счастью, там не стоял ни один корабль. Джинни и так привлекала мужские взгляды, на нее пялились и многозначительно присвистывали вслед. Я просто представлял, как за нами движется толпа бродяг и обсуждает мою жену. В таком случае мы быстро сворачивали за угол, она вынимала волшебную палочку и творила какое-нибудь слабенькое прикрытие. Медленно, осторожно, все время готовая к защите, если последует внезапная атака... Но опознавательные чары не были настроены на ее англо-зунийскую магию, а испытывать их прочность ей не хотелось. Она просто изучала обстановку. И как только изучила, мы быстренько убрались.

На обратном пути к отелю она шла как сомнамбула. Я не мешал. Джинни всегда впадала в такое состояние, когда набирала нужные сведения и обдумывала их. Когда мы вернулись в свой номер, она очнулась, вынула меч из стенного шкафчика, где он лежал, завернутый в мой купальный халат, и хрипло сказала нам:

— Две двери под номером три ведут в помещения, которые раньше были маленькими магазинчиками, а теперь стоят пустыми, если не считать какой-то пыльной рухляди. Здание на противоположной стороне переделали в склад, заложили все окна, так что проку от него немного. Вход номера три ведет под землю, в длинную низкую комнату и пару комнат поменьше. Там остался разный хлам. Похоже, раньше здесь была низкосортная гостиница, которая давно прогорела. Так что агентам Фу Чинга ничего не стоило снять здание на время. Я уловила запах... загубленные жизни оставляют по себе память на долгий срок. Еще до того, как из дома сделали гостиницу, там был опиумный притон. Ладно, это неважно. В номере три есть несколько жилых комнат на втором этаже, прямо над магазином. Их обставили довольно прилично, но я не стала выяснять подробности.

— А тайные ходы? — полюбопытствовал Фотервик-Боттс. — Ни один восточный бандит не станет жить в доме, где нет возможности быстро смыться.

— Кажется, ничего нет. По ту сторону дом выходит на узкий участок, а дальше — пристань. Земля там слишком глинистая и мокрая, чтобы можно было прокопать тоннель. Проще выпрыгнуть из окна и убежать или уплыть по реке. Еще там, на верхнем этаже, есть секретная дверца, но, скорее всего, прежде через нее выбрасывали трупы и прочие компрометирующие предметы.

Нет, Фу Чинг ударился в секретность и ориентируется на предупреждения своих помощников или охранных заклятий, чтобы успеть удрать, когда его обнаружат власти.

— И на телохранителей, если кто вздумает вломиться в дом? — шепотом спросил я.

— Вооруженные люди, — кивнула Джинни, — и... остальное. Я бы долго могла считать их и классифицировать. Но они не особо сильный заслон. Слишком мощная охрана может выдать Фу с головой — количеством ли иностранцев или магической аурой Созданий. Не забывайте, что Скотланд-Ярд все здесь обшарил. Я думаю, что телохранители просто попытаются потянуть время, пока Фу Чинг и его главные помощники унесут ноги.

— Вылетят в окно?

— Вряд ли все так просто. Их ведь могут уже поджидать. Обычные демоны-летуны тоже не годятся против современного полицейского оборудования. Может, какой-нибудь мощный портал или Замещение. Но им понадобится время. Будем надеяться, что сумеем застать их врасплох и поймать прежде, чем они улизнут.

— Хэй-хо! — закричал меч. — Свалим их с ног! Святой Георгий за веселую Англию, клянусь Тором!

— Тише, не так громко, — прошепела Джинни.

— Гм, может, подключим полицию? — предложил я. — Ты прекрасно справилась с расследованием, солнышко, но... Нас только трое, и...

Она покачала рыжей головой:

— Ты забыл, что у Фу могут быть осведомители. Британские спецслужбы нельзя назвать некомпетентными, но им понадобится время, чтобы поверить в нашу весьма запутанную историю и подписать ордер на обыск и тому подобное. А за это время Фу успеют предупредить. Уйдет и следа не оставит.

— Ладно. И все-таки нельзя полагаться только на себя. Если что-то будет не так, все наши усилия пойдут прахом. И никто не узнает правду.

— Точно, нужно придержать в резерве кавалерию за холмом, — согласился Фотервик-Боттс. — Так битвы и выигрывают.

Джинни сдалась. Мы разработали план, который она осуществила из нашей комнаты. Удивительно, сколько можно успеть, если четко представлять, кому и куда звонить.

Потом мы обсудили собственную тактику. Мы знали слишком мало, так что обсуждение много времени не заняло.

Кроме того, по собственному военному опыту мы с Джинни

знали, что ни один план кампании не выдерживает первого же столкновения с противником. Меч ударился в воспоминания о прошлых веках, когда можно было повернуть такой удачный маневр, как притворное бегство, чтобы выманить врага на себя, а там уже ждет засада.

Мне всегда дико не нравилось подвергать Джинни опасности. Да и собственную кожу бывало жалко. Тем не менее должен признаться, что во мне начал просыпаться азарт. Мы готовились к охоте.

Сперва мы наскоро проглотили завтрак и вернулись обратно в номер немного отдохнуть. Как ни странно, я отключился ментально, и снились мне приятные сны. Я гулял по цветущим склонам Аркадии...

Мы вышли перед тем, как последние постояльцы начали укладываться спать. Если мы разбудили кого-то, пока спускались вниз, им же хуже. Мы либо победим, либо проиграем, либо нас не станет — все равно прикрытие нам уже не понадобится.

И вот мы шли по пустынной улице Фресно, которая вела к Верхнему Лебязьему переулку.

Он возник перед нами внезапно, как провал в темноту. Джинни наложила на нас обоих колдовское зрение. Сквозь туман мы едва различали темные надстройки пристани и слабое мерцание реки внизу. Я в основном принюхивался, так что все усы встали дыбом. Переулок спал... Нет, мой волчий нос сразу же уловил запах магии. Я посмотрел на Джинни. Свет ближайшего фонаря заиграл в капельках влаги на ее волосах. Я потянул поводок. Она двинулась следом.

Иногда в туманной мгле мы задевали кусочки стекла, которые тихо звякали, или обрывки шуршащей бумаги. Никто и ничто не проснулось. Мы подошли к нужному дому.

Даже магическое зрение с трудом различало стоптанные ступени, спускающиеся к двери. Над нею висела горгулья — рептилия, на которую я зарычал и вздыбил шерсть. Джинни отстегнула поводок и обмотала его вокруг пояса. Отбросив плащ, она передвинула ножны. Перевязь она перебросила через плечо и закрепила, чтобы не потерять. Да и она могла хоть немного защитить ее со спины. Джинни вынула из кошелька, который висел на бедре, серебряный перстень с аметистом. На нем было вырезано око Озириса. И достала свою волшебную палочку. Правой рукой она вынула меч из ножен. Он блеснул лунным светом, который едва пробивался сквозь туманное молоко. Я услышал, как она прошептала мечу: «Ради бога, молчи».

Джинни спустилась по ступенькам, я за ней по пятам, до самой площадки перед дверью.

Одним мгновенным движением, за которое река зашумела громче, она повернула ручку двери. Ничего не произошло. Другого мы и не ждали, но должны были удостовериться. Вероятно, ни одна Рука Славы, обезьянья или человеческая, не сумела бы открыть эту дверь. Вероятно, эта попытка включила сигнализацию. Скрываться уже не имело смысла. Джинни подняла меч и ударила.

Женщины уступают по силе мужчинам, но моя супруга была тренирована и вынослива. Ее меч ковали и заклинали гномы, мастера своего дела. Мне показалось, я даже услышал, как клинок крикнул: «Хе!» и прорубил дверь.

Там, где была металлическая обивка, брызнули искры. Трещина пробежала почти по всей длине двери, такой удар разрубил бы воина от шлема до паха. Никакие засовы не удержали бы теперь половинки двери. Джинни вытащила меч из трещины, по пути развалив дверь окончательно. Я проскочил мимо жены, принялся и запрыгнул в проем.

Холл старой гостиницы был подновлен ровно настолько, чтобы пустить пыль в глаза хозяевам этой развалюхи. На вязаном коврик стояли несколько кресел, явно не первой молодости. Сломленная аспидистра стояла в красивом медном кувшине рядом с бесполезной конторкой. На стене висела картинка, изображающая бурное море и корабль под всеми парусами. Можно подумать, что во время шторма корабли ходят с прямым парусным вооружением. Из-под пыльного абажура выглядывала слабенькая эдисонка. Вдоль стен вилась винтовая лестница, ведущая к двум дверям на втором этаже. В этой неприметной дыре скрывается дракон.

Началось. Из дверей наверху вылетели шестеро человек. Двое белых, двое — смахивающих на китайцев и еще пара поменьше и посмуглее, видимо, откуда-то из Средней Азии. В потрепанных одеждах. Ясно, ночная стража. Вооружение — длинные ножи, мачете и пистоль. Они не издали ни звука, просто сразу бросились на нас.

Я прыгнул. Меня-то они не могли поранить, но Джинни... Она взмахнула палочкой. Лампочка под потолком взорвалась, в комнате сразу стало темно.

Я с размаху налетел на первого из этих шакалов и повалил на пол. Колдовское зрение помогало видеть в темноте. Но меня вели нюх и слух, а потом и вкус. Я кусал, рвал, упивался горячей

кровью, и теперь они начали кричать. Такое я уже испытывал во время войны. Волк во мне ликовал. Человек — помнил, что лучше не убивать, а обезвреживать. В современном английском нет таких слов, чтобы описать мое состояние на тот момент.

В современном английском. Джинни бросилась к лестнице. Ее палочка отбрасывала на ступени луч яркого холодного света. Из комнат выбежало подкрепление — все в ночных пижамах, зато вооруженные.

— Йа-ха-а-а! — взревел Фотервик-Боттс. — Давай! Рубай их! Ваши вдовы запомнят эту ночь, засранцы!

Мои противники расплзлись — те, кто еще мог ползти. Я ринулся к товарищам, проскользнул мимо ног Джинни, чтобы первым встретить банду охранников, пока те не сообразили, что орал именно меч. Джинни вовремя погасила палочку. И снова началась драка в темноте — давка, иностранная ругань, вопли, и стоны, и соленый вкус крови, стекающей по моим зубам.

Зазвенел гонг. Потом высоко запела какая-то труба. И внезапно я остался один. Все мои противники исчезли, как по команде. По команде?

Подбежала Джинни. Ее теплое прикосновение, ее сладкий запах снова возвратили мне способность соображать. В ее руке обиженно мерцал меч.

— Ты законченный эгоист, Матучек, — проворчал он. — Правил игры не соблюдаешь, тянешь все на себя. Я не успел расколоть ни одну башку, даже ногу никому не отрубил, в мои-то восемьсот лет...

Неожиданно лестница под нами задрожала. Раздался сухой треск. В ноздри мне ударило резкое зловоние рептилии. Темнота ожила, развила кольца и громко зашипела.

Джинни снова зажгла палочку. В ее свете проступило блестящее тело кобры. Гадина заструилась вниз по ступеням, ее тело было огромным, толщиной в пару человек, хвост извивался где-то в конце лестничного пролета, а голова терялась под потолком. И все же я разглядел чудовищный капюшон, похожий на мерзкие белесые крылья, сверкающие злобой глаза, мерцание зубов и дрожащий раздвоенный язык.

Нет, не оборотень, а магическая тварь. На мгновение я замер. И приготовился к последнему прыжку, который, как я знал, мне не пережить.

— Нет, Стив! — крикнула Джинни. — Назад! Она наша!

Я сжался.

— Подвисься, Матучек! — весело приказал Фотервик-Боттс.

Мне бы его нервы... От возмущения я промедлил, а Джинни уже проскочила мимо.

Кобра ударила. Свистнул меч. Волшебная палочка горела в левой руке Джинни. С зубов гадины брызгами летел яд, и там, где он падал на ступени, появлялись прожженные дырочки.

Из разрубленной морды кобры хлынула кровь. Она всхрипнула, словно в изумлении. Меч снова ударил, и снова, и снова. С капюшона слетел изрядный лоскут. Брюхо кобры оказалось располосовано в нескольких местах.

Я радостно взвыл.

Но тут змея исчезла вместе с отлетевшими кусками и лужами крови. Она оказалась настоящей, не иллюзией. Воздух схлопнулся в том месте, где она была. Мы с Джинни стояли и оглядывались по сторонам.

— Славная работа, героическая дева! — поздравил меч. — Должен признаться, что для меня неожиданно попасть в руки к женщине, но вы — настоящая Брунгильда. Мои комплименты!

— Спасибо, — выдохнула Джинни. Пот струился по ее лицу, оставляя темные полосы на блузке. Оба оружия дрожали в руках. Но она быстро пришла в себя и криво усмехнулась. — Для меня все это тоже было несколько неожиданно. А что касается девы... Двигаем дальше.

Мы вышли на лестничную площадку перед дверями. Она горела мягким, жемчужным светом, который, казалось, исходил из самого воздуха. Стояла полная тишина, словно никого, кроме нас, в живых не осталось.

Нас ждал высокий, худощавый мужчина с узкими плечами. У него были нежные холеные руки с длинными накрашенными ногтями. Голова то ли лысая, то ли начисто выбрита. Если не считать золотистого оттенка кожи и белой бороденки, ничто в нем не напоминало китайца. Он больше походил на портрет Шекспира, с таким же высоким лбом и гладким лицом. Возраст определить не представлялось возможным. Я знаю, что взглядом пронизать нельзя, но, черт возьми, за его глаза я бы не поручился.

— Добрый вечер, — мягко, как-то по-тигриному, произнес он. В его оксфордском варианте английского проскользнул легкий, певучий отзвук акцента. — Приношу свои извинения за эту безобразную потасовку. Если бы меня уведомили о прибытии таких важных гостей раньше, я бы устроил подобающий прием. — «И, несомненно, со смертельным исходом для нас. Если только вообще не удрал бы!» — Как писал высокоученый Сун

Дзу, а потом и ваш Маккиавелли, демонстрация силы — необходимая прелюдия важных переговоров. Может, заключим перемирие?

ГЛАВА 25

Убежище доктора Фу Чинга было... Казалось, что одна-единственная комната разрослась до невероятных размеров. Повсюду высились лакированные колонны с позолоченной резьбой, стояла мебель из красного дерева и слоновой кости, висели шелкографии, на которых изящно были выписаны строчки известных стихотворений, и даже была тайная ниша с алтарем для общения с богами. Фу Чинг и Джинни сидели на стульях с прямыми спинками, между ними стоял маленький столик. Меч покоился рядом с каменной скульптурой льва. Я растянулся на ковре. Его густой ворс не особо нравился мне-волку, но лежать на нем было удобно. По комнате витал легкий сладковатый аромат и звучала тихая музыка, откуда — непонятно.

Джинни отказалась от вина, тогда молчаливый слуга принес чай и крохотные пирожные. Она проверила их волшебной палочкой и только потом взяла одно. Фу чуть улыбнулся. Передо мной поставили чашу с чаем, которую я быстро вылакал. Обычно меня мучит страшная жажда, но сахар приглушил вкус крови во рту, так что я мог относительно спокойно внимать разговору.

Где-то там мои бывшие противники врачуют друг другу раны. Сколько же их было? Не слишком много, их держали ради случайных гостей. Фу протянул свои шупальца по всему миру, но действовать предпочитал на расстоянии: тут украсть, там подбросить огульное письмо, устроить несчастный случай или наложить какое-нибудь неизвестное заклятие. Мы забрались так далеко, потому что перли напролом.

Он сам это признал:

— Подумать только — такая концентрация физической силы в такой маленькой группе. И магия, которой вы воспользовались, оказалась новой для меня.

Он допил свой чай и жестом подозвал слугу, чтобы тот снова наполнил чашку. Голос его восхищенно звенел:

— Удивительно! Можем ли мы заключить сделку или хотя бы обменяться информацией, уважаемая коллега?

— Простите, но боюсь, что нет, — ответила Джинни.

— Чего цацкаешься? — взорвался Фотервик-Боттс. — Какая еще сделка с китайцем?

— Спокойно, мальчишка! — рявкнула Джинни. Меч задохнулся и забулькал, не в силах подобрать слова. — Мои извинения, доктор Фу. Плохие манеры, которые этот меч не приобрел в Средние века, он перенял у отставных колониальных вояк.

Фу повеселел.

— Без сомнения, доктор Матучек. Я боролся против них, этих гиен и стервятников, которые терзают мой бедный Китай.

— Боже! — разъярился Фотервик-Боттс. — Куда катится мир? Когда-то, если кто, хотя бы и абориген, так отзывался о Великой Империи, его пороли вожжами на пороге его клуба! Даже сейчас... — Он запнулся. — Э, а у аборигенов есть клубы?

— Пожалуйста, — взмолилась Джинни, — предоставь это дело мне.

И кивнула в сторону ножен, которые вместе с ее плащом висели на крючке возле двери. Прозрачно намекая: если ты не замолчишь, я быстро заткну тебе рот. Он поперхнулся, но умолк. Краснеть или бледнеть меч не мог, поскольку кровеносных сосудов в клинках не бывает.

— Ваша враждебность, доктор Фу, несколько странна, — заметила Джинни. — Опиумная война и восстание боксеров¹ давно закончились. На китайском троне сидит китаец... Передел территорий завершен. Ведутся переговоры о торговле. Почему же вы продолжаете войну?

— Китай до сих пор остается нищей страной. Военные, бандиты, которые укрылись в заброшенных районах, совершают набеги для заграничных магнатов и ради заграничного золота. Торговля ведется посредством чужих кораблей, торговцев, монополий. Китай не имеет права голоса в остальном мире. Моя страна, ее древняя культура и цивилизация должны стоять наравне с остальными, доктор Матучек. По меньшей мере наравне.

Моя человеческая часть дернулась напомнить, что в лучшие свои дни Срединная Империя считала все остальные народы варварами, которые ни на что не годны, разве что для обложения данью. На самом деле китайцы ничем от нас не отличались.

— Неужели этого можно достичь, только разрушив западную цивилизацию? — спросила Джинни. — Признаться, лучше бы вам навести порядок у себя дома.

¹ Последняя, Третья Опиумная война завершилась в 1860 г. Восстание боксеров, или Ихэтуаньское восстание, длилось с 1899 по 1901 г.

— Правительство и император этим занимаются. Но этого недостаточно. — У китайца вырвался сдавленный рык. — Разве поднимающиеся нации, такие, как Франция во времена барокко, Германия в наше время или ваши Соединенные Штаты, занимались только своими внутренними делами? Никто не станет мириться с силой, которая превышает собственную. И никто добровольно не уступает захваченное!

Джинни вздохнула:

— Ну, что ж. Может, оставим глобальные темы и вернемся к нашим делам?

Он приподнял брови и отпил из чашки.

— Резонно. Я могу только догадываться, чем обязан вашему вторжению.

Джинни рассказала о катастрофе в Твердыне и следах работы азиатских демонов. Об Уилле она умолчала, это был припрятанный козырь.

— Мы с мужем узнали, что вы в Англии, и решили, что сможем отыскать вас, раз власти так и не сумели. С помощью лиц, которых я не буду называть, и нашего друга, который здесь присутствует...

— Грррм! — выдал Фотервик-Боттс.

— ...нам это удалось. Мы хотели бы узнать, доктор Фу, — произнесла Джинни голосом, который подразумевал кинжал у горла жертвы, — что вы делали возле Твердыни и чем планируете заняться дальше? Объясните нам. Пожалуйста.

Действительно ли на этом аристократическом лице мелькнуло изумление?

— К сожалению, я не могу вам помочь, — через минуту ответил он.

— Не можете или не хотите, сэр?

Фотервик-Боттс издал угрожающий звук. Я оскалился.

— Мы хотели бы избежать ненужного кровопролития, — ровным голосом сказала Джинни. — И нам не хотелось бы задерживать вас.

Фу кивнул.

— Понимаю, леди и вы, джентльмены. Но дело в том, что я ничего не знаю об этой истории, кроме того, что писали в газетах. К тому же там не упоминалось ничего о восточных Созданиях, так что я слышу об этом в первый раз. Я даже не могу подтвердить правильность ваших выводов.

— Неужели? — настаивала Джинни.

Он пожал плечами.

— Я признаю, что идея свести на нет вашу космическую программу — блестяща. Хорошо бы, чтобы Китай первым высадился на Луне. Но для этого потребуется несколько лет.

— У вас тоже ведутся космические разработки? — удивилась Джинни. Вот это да!

— Мы собираемся запустить дракона. Я бы не стал говорить, если бы ваши находки не вызвали подозрения. А так ваша разведка проведет секретную операцию и все сама узнает. Эти мне американцы! Но я был на Западе по другой причине.

Я видел, как колебалась Джинни. Она не хотела настаивать — кто знает, чем это все закончится? И все-таки...

Он застал нас врасплох. Нахмурился, глянул за спину Джинни, пропустил бороду сквозь пальцы и что-то прошептал. Вероятно, он встревожился больше, чем показывал.

Но так просто уступать он не собирался. Полоснул по Джинни острым взглядом и прошипел:

— Да, вы подозреваете меня во лжи. Но как я могу доверять вам? Почему? Почему я должен выкладывать вам все, что знаю? Да вообще рассказывать хоть что-то?

— Ради вашей же пользы, доктор Фу, — чуть напряженно ответила Джинни. — Ради вашей же пользы.

— Вы угрожаете мне, вы, трое? Я думал, вы умнее. — Он переводил взгляд с Джинни на меня, но ни разу не глянул на Фотервик-Боттса. Меч зарычал.

— Нет, сэр, — ответила Джинни. — Ваша миссия провалена. Мы даем вам шанс спасти, что можно. Но вам нужно поспешить.

— А-а-ах! — выдохнул он и откинулся на спинку стула.

— Я наложила на нас возвратное заклинание. Если с нами что-нибудь случится, телефон тут же позвонит в Скотланд-Ярд, Военную разведку и ближайший полицейский участок. Позвонит он скоро, в определенное время. Вы можете успеть скрыться, а можете и не успеть. Но вы ведь не хотите оставлять им ниточки ко всей вашей сети. Произнеся одно слово, я могла бы отложить звонок.

Ясное дело, что он остался безучастным с виду. Странно только, что я не почувал запаха страха.

— Поздравляю, доктор Матучек, — пробормотал он через минуту, за время которой тихая музыка только подчеркнула наше молчание. — Как гласит поговорка, вам палец в рот не клади.

Фотервик-Боттс зарычал погромче.

— Благодарю вас, — кивнула Джинни. — Понимаете, мы бы не стали потворствовать вашим делам в этой стране. Нам при-

шлось бы рассказать о вас властям, да побыстрее, пока вы не за-
мели все следы.

Я ничего не понял в технической стороне дела, особенно в
волчьей шкуре. Но даже такому дилетанту, как я, было ясно, что
невозможно мгновенно уничтожить все следы, как физические,
так и магические.

— Но я дам вам шанс уйти вместе с вашими людьми, даже
прихватив важные бумаги. Если вы согласитесь сотрудничать.

Я поразился, как быстро и спокойно он принял решение.

— Хорошо сработано, мадам. Вы взяли меня за жабры. Я сда-
юсь, пока вы не объявили мне мат. Будут и другие игры.

Никакая американская девчонка не может пробить маску не-
возмутимости, которую отшлифовал трехтысячелетний этикет.

— Из этой игры вы не выйдете, пока не заплатите по счетам, —
отрезала она. — Мне нужны доказательства, что вы не стояли за
катастрофой в Твердыне. И если это не вы, то кто и почему?

Он снова помолчал. Музыка стала еще тише, благовония
почти развеялись.

— Поскольку у нас мало времени, вам придется положиться
на мое слово чести, — наконец сказал он. — Я покажу вам запи-
си моей деятельности в Англии. По ним видно, что я и мои по-
мощники были очень загружены работой. Что касается осталь-
ного... — Вправду ли мне почудилась нотка участия в его голосе?
Или только почудилась? — Вы можете не согласиться со мной,
но у нас общий интерес, даже общая причина.

Я поднял уши. Джинни прищурилась.

— Я догадываюсь, — промурлыкала она. — И если мы гово-
рим об одном и том же, вы действительно незаурядный человек,
доктор Фу.

— Вы переоцениваете мои скромные способности.

— Если бы они были скромными! — Потом Джинни помрач-
нела, ее голос стал более резким. — Ваше правительство пыта-
лось изгнать из страны злобного шэня.

— Правильнее будет сказать — «куй», мадам. Элементы шэнь
и куй составляют собой Ван Ву, или же единое. Жэнь, то есть со-
знательная часть Ван Ву, делится на Янь — через три духовные
энергии — суть шэнь; и Инь — через семь эмоций — суть куй.
Так что по одну сторону оказываются феи, духи, ангелы и божес-
тва, а по другую — демоны, гоблины, вампиры и тому подобное.
Конечно, я утрирую.

— Конечно, — проворчала Джинни. В китайской филосо-
фии Янь — начало мужское, а Инь — женское.

— Бывает и переход из одной категории в другую. В вашей геологии такое тоже случается? Были же у вас падшие ангелы и поговорки о злых гениях? У нас тоже говорят «шэнь», когда подразумевают любое существо из Нижнего мира. Но это неверно.

— Спасибо, — нетерпеливо сказала Джинни. — Хорошо, ваши даосские мастера пытались экзорцировать или заклясть — или что там еще — куй из Китая. Это трудная и долгая работа — сперва нужно их выследить, а уж потом побороть. Но зато можно неплохо попортить им жизнь. Кажется, что-то подобное уже случилось в Японии, так?

— Ну что им оставалось делать? Куда податься? На всей земле нет места, где они могли бы укрыться надолго. Магическая природа изменилась, не оставив им места, они — словно полярные медведи, оказавшиеся в джунглях. А современная, практичная и высокотехническая цивилизация еще хуже. Чего же вы ждали?

Он помолчал, потом продолжил:

— Те, кого не извели местные Создания, будут искать пустынные земли и постепенно сойдут на нет. То, что вы рассказали, дает возможность предположить, что наши мастера не до конца продумали этот вопрос.

— Или не стали продумывать, как только демоны убралась из Китая! — заявила Джинни. — Еще бы! Выгнали демонов, да еще и доставили кучу неприятностей иностранцам!

— Да, неплохо получилось, — признал Фу.

— Но больше не получится, — отрезала Джинни. — Шэнь... вернее, куй и злой ками из Японии, и кто там был еще — не станут ждать, пока их тихо-мирно сживут со свету. Если Волшебный народ смог улететь на Луну, почему бы им тоже не спрятаться там же? А значит, людей нужно держать подальше от Луны и от космоса в целом. В Америке беглецы сошлись с местными Созданиями, у которых в союзниках был белый человек. Думаю, что вы присматривались к Твердыне, прикидывая, что может пригодиться для вашей собственной космической программы. Разве эта гипотеза не объясняет все?

— Да. Я сразу подумал о ней, когда вы рассказали то, что видели.

— А теперь представьте, что Луна стала оплотом сил Тьмы, крепостью демонов, — продолжала вбивать слова в его сознание Джинни. — Люди должны попасть туда первыми, чтобы вычислить Луну прежде, чем земные демоны утвердятся на ней. Разве это не очевидно?

— С точки зрения общей геополитики, да.

Я застонал. Если бы мы, англичане и французы, взялись за Халифат всеми силами, то мигом прижали бы его к ногтю. Так нет же, каждый думал только о своих концессиях на Ближнем Востоке, и плевать ему на все остальное! А Германия радовалась, глядя на нашу свару. Пока вдруг не стало слишком поздно и не пролилась первая кровь.

— Все-таки давайте вернемся к теме, — напомнил Фу. — Что вы хотите узнать, доктор Матучек?

Джинни вздохнула. Я опустил голову, так что услышал тихое бормотание меча: «Недурно. С Востока, а джентльмен. Видел я однажды такого, когда служил в Варяжской страже, в Константинополе...»

Я поднял лапу, чтобы призвать его к тишине.

— Расскажите мне об этих куй, — сказала Джинни.

— Милая леди, — удивился Фу, — вы просите рассказать то, на что, бывает, и всей жизни не хватает.

— Вы прекрасно меня поняли. Только практические знания. Я читала книги. Теперь мне нужны подробности, которых там нет: их дневные и ночные повадки, привычки, сильные и слабые стороны и как их можно победить.

Фу встал.

— Окончательно — никак. Но, возможно, я могу предложить кое-какие варианты. Кстати, заодно убедитесь в моих добрых намерениях. — Он кивнул мне. — Простите... господа, мы оставим вас ненадолго.

Они ушли. Хотя я не заметил прохода в другую комнату, каким-то образом они исчезли с поля зрения.

— Эй, а ты почему не пошел с ними? — спросил меч. Я покачал головой. Они-то меня не пригласили.

— Ну, надеюсь, что миледи сможет постоять за себя, — буркнул Фотервик-Боттс. — И все-таки было бы лучше, если бы ты вывернулся наизнанку. Старое северное выражение. Ну, снова стал человеком. Этот Фу — парень непростой. Если ему и можно доверять — а скорее всего, нет, — то его прихвостням может взбрести в голову напасть на нас, а? Как же ты удержишь меня лапами и зубами?

Я ощерился, давая понять, что справлюсь и без него.

— И оставишь меня валяться? — горько спросил меч. — Всех пожрешь, как тех поганцев на первом этаже? Не слишком-то британский метод, да! Но, кажется, ты из колонии?.. Ну, ничего, — продолжил он через мгновение. — Не думай, что я суевер-

ный. Ты же не виноват, что родился вервольфом, правда? А я такое слышал об американских школах... никогда бы не подумал... Вряд ли эти зануды снова нападут. Кишка у них тонка. Я сразу вспомнил о моем прежнем владельце, Торгесте Торкельссоне... Его прозывали Торгест-Пасть или Торгест-Сонник, потому что он мог болтать часами... Все равно, руками он работал — что надо! Один раз мы с ним порубили в капусту двоих шотландцев, которые думали, что устроили на нас засаду... Я потом об этом расскажу. Так вот, плыл он на корабле вдоль ирландского побережья, а с ним еще двое...

Я устроился поудобнее. Все-таки лучше слушать, чем тупо ждать. Лучше, хотя и ненамного.

Потом Джинни рассказала, что Фу Чинг действительно предоставил ей нужные сведения. Естественно, он не позволил ей самой покопаться в его отчетах. Но записывающий кристалл, который он активировал, показал столько результатов трудов и забот, что ни на что другое у Фу не хватило бы времени. Потом он углубился в дальневосточную демонологию. Джинни никогда бы не сравнялась с даосским или чаньским мастером, но и она успела ухватить все, что хотела.

Время тянулось бесконечно медленно, несмотря на рассказ Фотервик-Боттса, а может, благодаря именно ему. Потом они вернулись. У Джинни был несколько отсутствующий взгляд: слишком много нового она узнала.

— Вы сдержали свое слово, доктор Фу, — твердо произнесла она. — Теперь я сдержу свое.

Она взмахнула волшебной палочкой и произнесла непонятное слово.

— Я перенесла время звонка. У вас есть три часа. Простите, что приходится вас торопить, но надеюсь, вы все понимаете.

Он кивнул, вероятно, узнав ее заклятие.

— Времени достаточно. Вы — прекрасный продолжатель традиций Маккиавелли. Сун Дзу тоже одобрил бы вас. Они оба учили, что врагу всегда нужно оставлять путь к отступлению.

Джинни поклонилась.

— Вы очень помогли нам, высокоученый сэр.

Он поклонился в ответ.

— Это было честью и высочайшей наградой для меня, мадам.

Я хотел было подать лапу для пожатия, но решил просто сесть на хвост и наклонить голову.

— Приятно было познакомиться, — буркнул Фотервик-Боттс. Джинни вложила меч обратно в ножны, и мы вышли. Огля-

нувшись, я уловил лишь смазанный силуэт, тень, головой достигающую потолка. Мне показалось, что, пока мы спускались по лестнице, эхо шептало «прощайте!».

Холл был пуст — только пятна крови на полу и обломки мебели. Мы вышли на улицу, на прохладный и влажный воздух. Загорался новый день, в его неверном свете туман серел, а фонари казались тусклыми. Мы шли молча. Джинни была полностью погружена в то, что недавно узнала.

На станции я обернулся человеком и переоделся. Портье, которого мы подняли с постели, чтобы он открыл дверь в отель, окинул нас неприветливым взглядом. Проклятые янки, наверняка подумал он. Но, будучи истинным англичанином, напомнил, в каком часу подают завтрак. Мы заползли по лестнице к себе в номер.

— Уф-ф-ф! — вырвалось у меня. Я быстренько полез в чемодан, где хранилась бутылка шотландского виски. — К черту завтрак. Сейчас выпьем и завалимся спать до полудня.

Джинни вышла из задумчивости.

— Сперва позвоним домой. Успокоим своих.

Я протер два стакана, налил в каждый хорошую порцию виски и протянул один ей.

— А что потом?

— Самое срочное. — Она пригубила, потом сбросила плащ и отстегнула ножны с мечом. — Я позже расскажу тебе все детали, как сумею. Собственно, если судить по тому, что я сегодня узнала, люди очень не скоро побывают на Луне.

— На луне, на луне, на волшебном скакуне, — пробормотал я. — Но не из-за НАСА.

— Нет. Из-за... куй и их союзников. Операция «Луна»... Нашему товарищу также бесполезно будет услышать об этом.

Джинни вынула меч и положила его на кровать.

— Раны господни и сатанинские козни, о чем это вы шепчетесь? — прохрипел он, снова впадая в средневековый стиль. — Вам нужна простая метла, чтобы перелететь... куда-куда? Я понял, вы взволнованы, как бишь то они зовутся... рентгеновскими лучами, что ли?

— И перегрузками, и всем остальным, — добавил я.

— Все, что вам нужно, — это хорошая сталь. Да! Хорошая сталь. Как следует закаленная и закаятая, черт возьми! Поручите гномам. Маленькие попрошайки, но до чего способные! Никто вам так не сработает, как гномы. Они сделали сигурдовского убийцу драконов, и Сковнунга, и Тирвинга... Этот Тирвинг такой го-

ловорез, но весьма конкретный... И всех остальных, включая, гм, меня. Да, гномы и только гномы!

— Мы думали уже над этим, — вздохнул я. — Барни Стурлусон, начальник операции «Луна»...

— Герцог, наверное, а? Или, может, барон? Черт бы побрал эти анахронизмы! Столько веков навестывать.

— Он подавал запрос в Германию, — терпеливо продолжал я. — Оказалось, что агентство «Кольцо Нибелунгов» уже загружено работой по самую крышу. Нам придется ждать пару лет. Кроме того, с такой крупной фирмой нечего и рассчитывать на секретность...

— Да-да-да! Ты можешь выслушать меня или нет? В наше время, если подчиненный порол чушь и лез наперед старшего офицера... Грррм! Я забыл, что вы из колонии, а еще и гражданские лица, — сказал Фотервик-Боттс. — К тому же я оговорился. Признаю свою ошибку. Оговорился. Не «гномы». А гном, один гном, тот, кто меня сделал, — Фьялар. Великолепный мастер, как вы можете заметить.

— А он... с ним все в порядке? — не дыша, спросил я.

— Он проснулся лет двадцать назад. Но в крупные фирмы не лезет. Не желает. Независимый он парень. Сам выбирает себе клиентов. Но я надеюсь, что его заинтересует ваша проблема. Я порекомендую вас. В общем, попробовать стоит, а?

— Откуда ты о нем знаешь? — дрогнувшим голосом спросила Джинни.

— Как откуда? Он же меня сделал, миледи. Как мне не знать?

— А, да, — перевела дыхание Джинни. — Симпатические связи. И ты знал, инстинктивно и...

— Я знал это чертовски точно! Точно так я знал, что этот голдранец Гладстон¹ погубит Англию, если только... Нет, он, кажется, уже умер, да? Я только слышал о нем. Но это же он вдохновил эту молодую лейбористскую партию...

— Спасибо, — перебила его Джинни. — То, что ты рассказал нам, действительно важно. Теперь нам нужно позвонить домой и сказать, что у нас все хорошо, пока они там не легли спать.

— И мы тоже, — душераздирающе зевнул я.

Джинни привела телефон в действие. На экране возникла милая мордашка Валерии. Какую-то минуту она просто смотрела на нас, потом разрыдалась.

¹ У. Гладстон (1809—1898) — премьер-министр Англии.

— Папа, мама, где вы были? — плакала девочка. — Вы в порядке?

У меня упало сердце.

— Конечно, славная моя. Ты же видишь нас, правда? Что случилось?

— Д-дядю Уилла арестов-вали... Г-говорят, что он такое сделал... что он вас убил! А еще этот гаденыш Сний... Но дядя Уилл! Пожалуйста, возвращайтесь!

ГЛАВА 26

Лето заканчивалось, так что билеты на трансатлантические рейсы были проданы на несколько дней вперед. Джинни взяла кэб до Хэмпстеда, отыскала среди кустов «ведьмин круг» и принялась колдовать. Что именно она там делала — не знаю, но, уезжая из отеля, она приколола к блузке свой профессиональный знак — сову Афины Паллады. Когда Джинни вернулась и позвонила в транспортное агентство — «Пан Америкэн», конечно, — то выбила-таки билет. Дорогуший, первого класса, зато она летела. Из Нью-Йорка запросто можно добраться до Альбукерке, а потом — Галапа.

Достать два билета — дело безнадежное. Кроме того, я мог понадобиться тут. Я проводил мою девочку, поцеловал на прощание и вернулся в отель. По пути я пролистал газету, где шла речь о том, как неизвестные навели полицию на бывшее убежище международного преступного синдиката. Птички упорхнули, но оставили по себе массу улик, включая следы недавней жестокой драки. Старший инспектор Макдональд сообщил журналистам, что только анонимный звонок помог полиции отреагировать так быстро. Он не знал, что мог бы и успеть вовремя. Правительство немедленно задействовало агентство Тайного Искусства.

Что ж, пока все хорошо. Забравшись в постель, я проспал почти весь день. Когда я вытащил Фотервик-Боттса из ножен, чтобы пожелать доброго утра, меч заявил, что подобного храпа он не слышал со времен службы Эйвинду Ночной Гром. Тогда, на Оркнейских островах...

Я не стал слушать очередную военную байку.

— Нам нужно быстро повидать Фьялара. Как его найти?

— Черт его знает. Симпатическая связь устанавливается не с бухты-барухты. Мне нужно как следует собраться. Потом, хм,

приходит уверенность, что он жив, что-то там кует в... на севере, в горах за Нидаросом. Кажется, в Норвегии, если границы не изменились. Этим паскудным политикам доверять нельзя, да? Когда я уехал оттуда, там вовсю выплачивали дань Харальду Прекрасноволосому¹. Больше я там не был. Если мы будем ширять под небесами на дурацком помеле, я его сроду не найду. Нужно идти пешком, тогда — да, возможно. На расстоянии десяти миль я точно его учую. Что нам нужно, Матучек, так это устроить сафари. Местные жители — дровосеки, проводники и охотники — всегда хорошо знают страну. Нужно только постоянно давать им на лапу. Они любили янтарь. Кость тоже неплохо, особенно моржовая, иногда китовый ус...

— Нам и года не хватит!

— А что, нужно быстрее, а? Снег выпадает там рано, насколько я помню. Голодные волки — неприятная штука... Гм. Я забыл, что ты и сам волк. Прости, старина.

Я и вправду был голодным волком.

— Так, нужно дать мозгам отдохнуть, — сказал я, едва удержавшись, чтобы не добавить: «Гм. Я забыл, что мозгов у тебя и нет. Прости, старина!»

Вчера, пытаясь принести хоть какую пользу, я съездил в магазин и купил целую кипу карт. Джинни наложила на них заклятие сверхчувствительности. Теперь я разложил на полу карту северной оконечности Скандинавии, а меч поставил рядом, у стены.

— Можешь поизучать местность, пока я буду завтракать. Поднапряги свои... гм, сообразительность. Глядишь, что и почувствуешь.

Не теряя больше времени — желудок и так уже надрывно урчал, — я спустился к завтраку.

Яичница с беконом, холодные тосты с маслом и джемом плюс чашечка кофе творят настоящие чудеса. Я преисполнился оптимизмом. А когда вернулся, меня встретил вопль Фотервик-Боттса:

— Нашел! Проще простого, клянусь всеми святыми! Я слышу, как бьет молот по наковальне. Никогда еще я так хорошо не чувал, с битвы при...

— На полтона ниже, пожалуйста.

Я закрыл дверь. Внутренне ликуя, я склонился над картой. Пока я водил пальцем по бумаге, меч поправлял:

— Правее... Чуть выше... Нет, придурок ты эдакий, куда залез! Ниже.

Насколько мы сумели выяснить, Фьялар обустроился в се-

¹ Легендарный норвежский конунг, жил в конце IX — начале X века.

верной части Норвегии, в Нидаросе — современном Тронхейме. Где-то к востоку от маленькой деревушки Мо-и-Рана. Что-то там-и-Лягушка, что ли? Я захихикал, а потом сообразил, что подставил сюда испанские корни, которых нахватался в Нью-Мехико.

Потом я готовился к путешествию — делал заказы и бегал по магазинам. Мне нужна была подходящая одежды и альпинистские ботинки, чтобы лазить по горам. Отправляться туда в образе волка я не хотел. Тем более не мог же я держать Фотервик-Боттса на виду — на ковре или на пароме, неважно. Меч нужно упаковать с остальным оборудованием. Заказать билет до Осло и комнату в тамошней гостинице не составило труда. Итак, я расплатился за номер в отеле и отправился в Хитроу.

Северное море серебрилось в сумерках, которые постепенно переходили в ночь. На проплывавших внизу судах загорелись корабельные огни Святого Эльма, яркие, как те звезды, что сияли над головой. Глядя на круглую луну, я задумался о неведомых существах, которые обосновались там, возможно, что и злых. Потом мои мысли вернулись к моей девочке, которую ждали вполне земные неприятности дома.

Я добрался до места уже днем. Из маленького норвежского отеля сразу позвонил Джинни.

Она выглядела изможденной — резче выступили скулы, глаза запали. И сразу же сказала:

— Уилла арестовали в понедельник утром. Вэл объяснила все Беккерам, и Хелен переселилась в наш дом. — Беккеры были семьей нашей горничной, а Хелен — ее матерью, женщиной доброй, но немного мягкохарактерной. — Я только что поговорила с Бобом Сверкающий Нож. Ему все это не нравится, но против улик не попрешь. Они опросили всех торговцев оружием и узнали, что незадолго до прошлого нападения на нас Уилл купил в Альбукерке винтовку. Украденный ковер нашли брошенным неподалеку от его дома, и лабораторный анализ показал, что на нем летал именно Уилл. Винтовку откопали в пустыне. Пули подошли. И выяснили, что именно эту винтовку купил Уилл. Там была и маска с перчатками.

— Боже мой, — простонал я. — А что он говорит?

— Сверкающий Нож сказал, что все отрицает. Сама я еще не виделась с ним. Утверждает, что не помнит, чем занимался в это время, — то ли наблюдал за луной, то ли просто спал. Когда он неважно себя чувствовал, то спал помногу.

— И как же, во имя всего святого, он умудрился проскочить через все их хитрумные приборы, всякие детекторы лжи, а те ничего не зафиксировали? Он же не колдун, не инженер. Он вооб-

ще не разбирается в магии! Ты же знаешь его всю жизнь! Господи, да я знаю его уже двадцать лет! Это совсем на него не похоже!

— Естественно, — тихо сказала Джинни.

Я подумал о том, что отталкивал от себя последние три недели, и меня продрал мороз по спине.

— Одержимость?

— Демон мог придать ему нужные способности, исказить память и... управлять его действиями. Уилл согласился на психоскопию. Пришлось, под давлением обстоятельств. Иначе они привлекут его к суду. — Джинни крепко сжала зубы. — Не понимаю, почему я ничего не заметила, хотя и пыталась проверить. В любом случае над ним уже работают. Это займет несколько дней.

Несколько дней унижения и стыда, когда в твоей душе копаются чужие... Я уже проходил такое, когда попал в армию во время войны.

— Если его вылечат и отпустят, это еще можно пережить, — заметил я. — Что еще случилось?

— Барни собирает всех своих адвокатов.

— А его конгрессмен? — предложил я.

— Рано, положение еще не самое критическое. Пока стараемся, чтобы пресса ничего не пронюхала. — Она слабо улыбнулась. — По крайней мере, приятно знать, что он зависит от Барни. Ведь Барни на пятьдесят процентов его содержит.

Меня, напротив, это неприятно поразило. Я-то считал его одним из самых неподкупных политиков, да еще с мозгами. Но Джинни выжимала помощь отовсюду. Как мне хотелось пролезть через экран, впрыгнуть домой и обнять ее!

Пришлось ограничиться приветами для детей — Вэл и Бена как раз не было дома, а Крисса спала — и рассказать, как обстоят дела у нас.

— Сегодня уезжаем на север, — закончил я. — Когда доберемся, я снова позвоню, но едва ли успеем до завтра. Это чтобы ты не боялась за меня.

— Я редко боюсь за тебя, Стив, — нежно произнесла моя жена. — Спасибо, что ты такой, какой есть.

— И ты.

Невзирая ни на что, ночью я спал как убитый.

Этот завтрак весело отличался от предыдущего. И никаких тебе мелких тарелочек, только огромные миски, которые, казалось, щедро наполнял сам Тор. Вернувшись в комнату, я узнал о расписании полетов в Тронхейм.

— Эй, — запротестовал Фотервик-Боттс, — мы что, не по-

смотрим местные музеи? Я много о них слышал. Да и навестим далеко не все, а только военные. — Можно подумать, он бывал хоть в одном. — Они же существуют со времен этого Светлово-лосого паразита, а? Еще я слышал о гокстадском корабле¹. Я ведь знал парня, которого похоронили в нем. Местный король, Олаф, вот как его звали. Эх, воспоминания о прежних славных битвах! Вот, например, под...

— Нет времени, — быстро оборвал я. — Ты разве забыл, что мы отправляемся на сафари?

— Да-да. Выслеживать старину Фьялара. Сколько мы можем рассказать друг другу! Только не надо кривить рожу, Матучек. Еще треснет.

Спустя несколько часов мы были в Тронхейме. Это был симпатичный провинциальный городок, расположенный близ широкого залива и окруженный тщательно ухоженными полями. А какие здесь девушки! Я позволил себе немного попялиться на них, пока ходил покупать карту и нанимать метлу. К счастью, многие жители знали английский.

Как только мы вылетели из города, местность начала повышаться. Летели мы долго. Погода не способствовала — низкое серое небо, холодный встречный ветер, время от времени начинался дождь. Я не успел как следует поесть, так что прибыл в Мо-и-Рана голодным и усталым. Перекусил, зарегистрировался в гостинице и сразу рухнул в постель.

Когда я проснулся, то решил, что звонить еще рано: дети спят. Наверное, Джинни тоже — после вчерашнего-то. Тем более что порадовать ее пока было нечем. Может, вечером.

Я затрепетал, вспомнив, что сегодня день охоты. Я спрыгнул с кровати на деревянный пол. В окно лился неяркий свет — небо заволочли тучи, и солнце едва пробивалось сквозь редкие просветы. Ветер срывал листья с деревьев. Я услышал шум прибора. Он торопил меня вдаль, в горы.

ГЛАВА 27

Хозяин гостиницы едва говорил по-английски, но расспросить его стоило. Сперва он вообще не понял моего вопроса или притворился, что не понимает. Когда я повторил, он проворчал:

¹ Корабль из погребения в Гокстаде (Норвегия), датируется примерно IX в. В кургане действительно был похоронен конунг Олаф Гейрстадальф.

— А, да, дверген.

Из карманного разговорника я уже знал, что это значит «гном». Скандинавы употребляют артикль после существительного.

— Не христианин, — добавил он. — Лучше не ходить.

Я поднажал, и он нехотя махнул рукой куда-то на восток:

— Где-то там. Четоф трол.

Я так понял, что он хотел сказать «чертов тролль».

Он так и не смог объяснить, чем же опасен Фьялар. Может, не все жители этого города такие суеверные. И все же, пройдясь по городу, я не заметил гномских изделий даже в магазине для туристов, там были только стандартные деревянные фигурки. Скорее мы сами найдем гнома, чем отыщем человека, который согласился бы нас проводить. Я сложил вещи, взял меч, загрузил все это на метлу и полетел в указанном направлении.

Местность стала еще более неровной, скалы громоздились одна на другую, дерн и жухлая трава росли в трещинах, из деревьев были только карликовые березы и ивы. Тени облаков скользили по земле, холодный пронизывающий ветер пах торфом. До Полярного Круга оставалось миль двадцать. Между камней вились тропинки, но никого не было видно. Транспорт предполагалось парковать где угодно. Я выбрал самое высокое место, чтобы не привлекать внимания каких-нибудь местных стражей порядка. Карта в кармане, в левой руке — компас, вроде бы достаточно. Но Фотервик-Боттс, которого я вынул из ножен, помог мне больше, чем все карты и компасы.

Понятно, что Фьялар обезопасился против случайных гостей. Я лазил почти весь день и, если бы не указания меча, плутал бы до сих пор. Сначала его интуиция подсказывала только общее направление. Мы шатались туда-сюда, нащупывая верный путь. Я уже задыхался и обливался потом, так что решил сесть отдохнуть и съесть бûтерброд, который захватил с собой. Слава богу, я так запыхался, что почти не слышал воркотни Фотервик-Боттса, который снова ударился в воспоминания. Иногда он восклицал: «Ага, что-то нащупал!», тогда я опускал его пониже, наподобие рогульки, которая помогает искать воду. Постепенно мы сужали круг поисков, пока он не заорал: «Хэй-хо!» и не подвел меня к узкой неприметной тропинке. Теперь я сам уловил запах дыма и стук металла о металл.

Солнце почти зашло. Ветер усилился, и стало еще холоднее. Я протиснулся между валунами. Неподалеку журчал ручей. Впереди замаячил каменный выступ. У его подножия зияла пещера. Над входом были вырезаны руны. Они еще не успели выветриться-

ся, так что гном действительно жил здесь не больше двадцати лет. Вокруг валялись куски шлака, проржавевшие железки и прочий хлам. Из пещеры тянуло дымом.

— Ур-р-ра! — завопил я. — Нашли!

У меня уже отнимались ноги, легкие горели, сердце билось у горла, а из головы не шли мягкие кресла, камин и сытный ужин.

— Эй там, приветик! — закричал Фотервик-Боттс. — Слышишь меня?

И он перешел на норвежский... О, нет, не совсем норвежский. На его древний вариант, еще времен викингов. Он упоминал, что выучил норманнский французский после нашествия. Но теперь-то он был ни к чему. То же самое касалось староанглийского, так что после Пробуждения ему ничего не оставалось, как слушать — тем более что он был в ножнах. И так в течение многих лет. Только теперь мне пришло в голову, как жестоко будет вернуть меч обратно под стекло.

У входа появилась тень и подошла поближе.

— Хаа, Фьялар! — прогудел мой спутник.

Хозяин пещеры настороженно замер. Это и вправду был гном. Я видел множество изображений его немецких братьев, которые разбогатели, — они выписывали на «Мерседесах» и отпуск проводили не иначе как на Ривьере. Этот гном был похож на северянина. Примерно четырех футов ростом, но шире и крепче, чем я, — мускулистый и ширококостный. Под растрепанной белокурой шевелюрой и нависшими косматыми бровями блестели маленькие голубые глазки. Под ними сиял ярко-красный нос, по форме напоминающий огурец. Уши лопухами. И длинная, до пояса, борода. Поверх серой шерстяной туники и бриджей на подтяжках был надет кожаный передник. На ногах — кожаные башмаки. Вся одежда потрепана и лоснится на сгибах. Судя по запаху, гном никогда не мылся.

Да, в самых лучших традициях древности. Притом вышел он отнюдь не с пустыми руками. Но не с копьём, а с обрезом.

Он опустил оружие. Голос гнома был хриплый и грубый, как рев медведя.

— Хаа-хей. Бриньюбитр? — удивленно спросил он. А, вспомнил я, это настоящее имя нашего меча.

И они тут же залопотали на своем древнем наречии. Ветер завыл сильнее, быстро сгущался мрак. Я живо представил себе пирог и чашу с горячим-пуншем.

Наконец Фьялар что-то сказал и гостеприимно махнул рукой.

— Он приглашает нас на чай, — перевел Фотервик-Боттс. —

Это большая честь. Ведь он не очень-то компанейский парень. И никогда не был. Но я же его детище. А это сближает. Опять же, он тобой заинтересовался. Хочет узнать побольше.

Надежда придала мне сил.

Пришлось наклониться, чтобы войти в пещеру. Небольшой покатый коридор вывел в просторную комнату. В очаге, расположенном посреди жилища, горел огонь, в дальнем углу возвышалась куча угля, но сам воздух — теплый и напоенный запахом каленого железа — был чистым, как и каменные стены. Каким-то образом дым находил себе выход где-то сверху. Пол был посыпан песком. В неверном красноватом отсвете очага я видел не слишком хорошо, но разглядел массивный стол и несколько красивых резных лавок. С потолка свисали гирлянды вяленого мяса, соленой рыбы и мешочков с сухарями. Половину комнаты занимал кузнечный инвентарь. Позади горна я увидел три больших чана, горку железных болванок, ткацкий станок и поленницу дров для растопки. Остальное тонуло в темноте.

Фьялар указал на лавку возле стола, который, без сомнения, иногда служил рабочей доской. Когда я сел, мои колени задрожали почти до подбородка. Гном взял Фотервик-Боттса — или Бронегрыза — и примостил его на подставку, которую поставил на стол, напротив меня.

— Место для почетных гостей, — похвастался меч. — Простой парень наш Фьялар, но справедливый.

Гном принес напиток. «Чай» оказался не чем иным, как медом, который он разливал из глиняного кувшина по украшенным серебром рогам. Фьялар поднял свой рог, тремя пальцами начертил над ним что-то вроде буквы «Т», прошептал «скаал» и осушил одним духом.

— Пей, — поторопил меня меч. — Не нужно пренебрегать его гостеприимством. Я-то пить не могу, так что будь хорошим мальчиком и пей за нас двоих, идет?

Я проглотил напиток и тут же пожалел, что выпил все сразу. Отличное питье, вовсе не приторно-сладкое, как я когда-то пробовал, а сухое, с привкусом трав. Может, викинги были далеко не такими дикими варварами, как я считал прежде? Пока Фьялар подтаскивал скамеечку для себя, я спросил:

— А что это за знак он сделал над своим стака... рогом?

— Молот, — немного смущенно ответил Фотервик-Боттс. — Знак Тора. Так он благодарит бога. Как был язычником, так и остался. Вряд ли он когда-нибудь обратится в истинную веру. Но у него золотое сердце.

Усевшись, Фьялар снова наполнил рога. На этот раз я не стал глотать все сразу, так что смог насладиться изысканным вкусом меда. В голове весело зажужжали пчелы, наверное, искали клевер. И вроде что-то нашли.

Я постарался сосредоточиться на разговоре, но это не помогло. Мои глаза все чаще и чаще останавливались на кусках вяленого мяса. Оно пахло так волнующе — непривычно, но вполне аппетитно. Я прихватил свой фонарик, конечно, и в этой темноте легко мог оборотиться волком, прыгнуть и...

Фу, какая невоспитанность. Когда Фьялар промочил горло уже в седьмой или восьмой раз, я решился:

— Слушайте, все просто замечательно, и я понимаю, что вы давно не виделись, но, может, вернемся к делам? Например, после того, как слегка перекусим?

— Что? А... да. Прости, — отозвался Фотервик-Боттс. — Кажется, мы чуток заболтались. Я даже не представил вас как следует. Здесь все так напоминает... Так легко снова впасть в дикость, когда никто не переодевается к ужину, а?

Он поговорил с Фьяларом, который закивал, рассмеялся и так грохнул кулаком по столу, что рога упали и даже кувшин зашатался. Гном сказал мне что-то, и Фотервик-Боттс перевел:

— Да, он не хотел оскорбить тебя и надеется, что ты не станешь вызывать его на хольмганг.

— На что? — переспросил я.

— Ну, это был такой обычай в древности. В общем, на дуэль. Обычно дерутся в кругу из воткнутых в землю ивовых прутьев. Нужно вытолкнуть противника за круг. Если тебя вышибли из круга — проиграл. Или если убили. Лучше, конечно, чтобы убили. А то такое позорище! Но если ты умрешь с ухмылкой, вроде... э-э... «Буду молчать до последнего»... Гм, неплохо сказано, неужели у меня открывается талант скальда? Так вот, если ты умрешь достойно, это не проигрыш. Люди запомнят и воспоют тебя. Фьялар не хотел обижать тебя. Ему интересно, что ты собираешься рассказать.

Я смерил взглядом широкие плечи и длинные руки гнома.

— Да нет, — поспешил заверить я, — никаких обид. Все нормально. Он такой, э-э, внимательный хозяин. И я действительно хочу с ним поговорить.

Меч перевел. Мне показалось, что гном улыбнулся, но за бородой это было почти незаметно. Он снова заговорил, потом встал и вышел.

— Пошел готовить ужин, — пояснил Фотервик-Боттс. —

Жены-то нет, и слуг тоже. Закоренелый холостяк. И закоснелый язычник. Но у него сердце настоящего джентльмена.

Скатерть оказалась шерстяной. На ужин было прокопченное мясо, горка сухарей и новый кувшин с медом. Фьялар нарезал свою порцию кинжалом с костяной ручкой. Я вытащил свой шведский армейский нож и тоже приступил к еде. Гном залюбовался. Мы некоторое время обсуждали качества моего ножа. Кажется, я начал ему нравиться. Когда мы поели, я подарил ему нож. Гном просиял. Я вынул платок, а гном просто облизал пальцы. Пока мы ели, Фотервик-Боттс рассказал парочку историй о прошлых сражениях. На старонорвежском.

Ночь тянулась долго, хотя на этой широте должна была промелькнуть незаметно. Спать мне не хотелось. Разговор с гномом, да еще через нашего переводчика, сам по себе составил бы целый роман. Если опустить детали, всякие там я-помню-как-когда-то, грубые шуточки и уточнения — а что вы имели в виду? — то суть заключалась в следующем.

Когда Фьялар впервые Проснулся, ему пришлось туго. Он никак не мог сообразить, что это такое — паромы в море, железные дороги в долинах, метлы над головой, огромные города и здания не из камня, яркие огни, которые горели в любое время суток. Все изменилось, даже сама страна. Но, если помните, гномам было легче устроиться, чем другим Созданиям. Холодное железо им не мешало, как и электромагнитные поля. Они Уснули просто потому, что разрушилась паранормальная природа и ее обитатели, а современные им люди редко обращались к гномам за помощью. Кроме того, холодное железо, в паре с их мастерством, иногда помогало творить удивительные вещи, например, волшебные мечи. Гномы впали в спячку до той поры, пока все не вернется на круги своя.

Обычно гномы трудились в одиночку или небольшими группами, в основном из нескольких братьев. Их жены всегда оставались на заднем плане, если гном вообще женился, а детей у них бывало немного. Это обычное явление для существ, которые могут жить вечно, если не погибают в результате несчастного случая, магического нападения или происков врагов. Немецкие гномы первыми сообразили, что произошло. Они быстро освоились, изучили спрос, объединились и взялись за дело. Большинство их скандинавских родичей переехало южнее и присоединилось к новой фирме. Горстка гордецов осталась на месте. Фьялар был одним из них.

Запросы у него были скромные. В основном он стремился

сам совершенствовать свое мастерство, на собственный лад. Руны над входом в его пещеру гласили:

Оружие и всякие штуковины на заказ.

(Если буду в настроении.)

Цена договорная.

Торговал он в основном с другими Созданиями, которые успели Проснуться, — с феями, ниссе-домовыми, твердолобыми троллями, случайно забредающими «роковыми» (но не для гнома) женщинами-хульдрами и всадниками Дикой охоты, которым время от времени нужно было подковать лошадей или заменить наконечники на стрелах. Сейчас все они не представляли опасности: чтобы выжить в этом мире, им пришлось примириться. Ему платили золотом, товарами или, что называется, «услуга — за услугу».

Понятно, почему его репутация среди местных жителей была не очень-то высокой. Они никому не рассказывали о нем и даже пытались ввести официальный запрет на посещение его пещеры. Но кое-кто приходил. Поскольку никто из них не знал старонорвежского, то и столкнуться они могли буквально на пальцах. Но все-таки он продолжал работать и иногда получал в уплату что-нибудь необходимое. Так Фьялар обзавелся обрезаем, слесарной ножовкой, кронциркулем, табаком для трубки, которой он любил подымить после ужина, и шотландским виски.

Но сам он предпочитал уединенность. Этому немало способствовал гном, который поселился чуть южнее и развел бурную деятельность. Позволял туристам глазеть на его работу, открыл лавку с сувенирами, ресторан и нанял толпу молоденьких девушек, которые рассказывали гостям о скандинавском фольклоре.

Но меня Фьялар выслушал очень внимательно. Крепкий мед слегка затуманил мне голову. Собравшись с силами, я попытался даже привести какой-нибудь яркий образ для иллюстрации, но тут мне помог Фотервик-Боттс, который завыл:

— О Луна, тебя не видно сейчас на небесах. Но Гарм¹ еще не проглотил тебя, о нет, еще не проглотил!

Гном зажегся идеей о космическом полете. «Слетать туда, где летает Слейпнир...» А еще любой творческий человек пожелает поднять оружие против полчищ Локи, если только он не сам на стороне Локи. Отсрочить Рагнарек.

В религиозных аспектах проблемы я вообще ничего не по-

¹ Демонический пес из скандинавской мифологии.

нял. Зато сумел описать инженерные сложности. После этого гнома можно было брать голыми руками.

Да, клянусь Тором, он согласился поехать со мной и работать на меня! Я чувствовал себя настоящим героем, вышедшим напрямик из старинных саг и баллад, где великие воины были волками-оборотнями, и медведями-оборотнями, и тюленями-оборотнями, и всякой другой живностью... Моя жена — настоящая валькирия, она такая... Я рассказал ему о мирах, которые лежат за Мидгардом, и он признал, что придется многому научиться, но это и хорошо... Похоже, в «Эдде» не совсем точно описано, что боги создали из тела Имира... Нам нужна метла из такой же стали, как Бриньюбитр, да разве что побольше взять угля из драконьих костей и помета орлов, плюс заклятие, которое лежало на копье Гунгнир...

Он сжал меня в объятиях. Потом ребра три дня болели.

Тут проснулось здравомыслие и подняло свою отвратительную голову.

— Как же мы заберем его с собой, без всей этой бумажной волокиты, которая может насторожить врагов? — забеспокоился я.

— Да провезешь его контрабандой, а что делать? — отозвался Фотервик-Боттс.

— Не так-то просто. После войны в США ввели строгий таможенный досмотр. Везде понатыкали следящих заклятий. Любой приближающийся транспорт — по воде, воздуху или земле — останавливают, проверяют. Конечно, Фьялар — не персона нон-грата, но и встречать его с распростертыми объятиями тоже не будут.

Поскольку это нигде особо не освещалось в печати, я, пожалуй, объясню, как обстоит дело с иммиграционными законами для Созданий. Эфирные существа могут свободно перемещаться куда им вздумается, даже не отдавая себе отчет, что пересекли границу. Да и что им наши границы? Они же не люди. Правительства стремятся взять их под контроль, а заодно и под защиту. В США Конгресс объявил их исчезающим видом, и законники точас же внесли их в книгу редких существ. Особенно когда обнаружили, сколько денег можно из этого извлечь. Но гномы так же материальны, как вы или я. Можно ли на этом основании считать их людьми? У них вполне человеческая внешность и психология. И не их вина, что они не могут скрещиваться с людьми и никогда не стареют. Немецкие гномы быстренько присягнули кайзеру, потом стали гражданами республики, и наш Государственный департамент признал их права. Но Фьялара никогда не

интересовали подобные мелочи. Он не желал становиться винтиком в какой-нибудь современной системе.

— Прежде чем он возьмется за работу, нужно выбить для него железную защиту, — пробормотал я остаткам меда в кувшине. Когорый это был по счету — непонятно. Я их не считал.

— Ерунда! — фыркнул Фотервик-Боттс. — Ничего подобного не было во времена доброго Эдуарда VII¹! Мы что, не можем провезти его тайно, а? Причина-то уважительная — спасение проклятых колонистов, им же наперекор!

— Но как? Мы, конечно, можем добраться по воздуху из Осло в Нью-Йорк или Лос-Анджелес за несколько дней, если позвоним заранее и закажем билеты...

Тут вмешался Фьялар, который требовал объяснить, о чем это мы спорим. Он хмыкнул в бороду и сказал, что не видит здесь никакой проблемы. Он построил корабль, быстрый как ветер, и спрятал его в ближайшем фьорде.

— Боюсь, чтобы пересечь Атлантику за нужное время, потребует не ветер, а настоящий ураган, — вздохнул я. — А обычная метла не протянет так долго, ее нужно будет заряжать. Да и летит она слишком медленно. И все равно остается вопрос таможни. Нет, Фьялар, нужно везти тебя обычным рейсовым транспортом. Но эти бумажки...

— Какие еще бумажки? — поинтересовался гном. — Покажи. Я вытащил свой паспорт.

— Этот документ позволяет мне спокойно вернуться домой. Некоторое время он изучал его. Огонь в очаге начал спадать, на меня навалилась усталость.

Наконец Фьялар ухмыльнулся и заговорил. Меч принялся переводить:

— Но это всего лишь бумага со значками и рисунком. Напиши, что там должно быть... Христианскими буквами... А я сделаю все остальное.

Я нацарапал текст на листке из блокнота. Фьялар сжалился надо мной и провел к постели — куче овечьих шкур. Он казался неуютимым. Ну, я-то уже больше суток на ногах, а потом еще всю ночь объяснял ему технические детали космических полетов. Через секунду я счастливо заснул.

Проснулся я оттого, что по носу меня хлопали какой-то книжечкой. Пахло свежезаваренным кофе. Кофе! Едва продрав глаза, я перевернул страницу книжечки. Это оказался нормальный,

¹ Эдуард VII (1841—1910) — английский король.

обычный паспорт Соединенных Штатов, с фотографией и записью — «Дверген Фьялар», родился в Норвегии, дата вполне приемлемая, норвежец и так далее.

— Видал? — возразился Фотервик-Боттс. — Я же говорил! Какой мастер! Таких поискать! Может подделать все, что угодно.

ГЛАВА 28

Завтрак состоял из вяленой рыбы, сухарей и того коричневого мыла, которое в Норвегии зовется козьим сыром. Фьялар сказал, что сегодня и завтра будет заниматься сборами. Естественно, ему еще нужно сообщить своим немногочисленным клиентам и коллегам, что он надолго уезжает. Опять же нужно сложить инструменты, которые он возьмет с собой. Но когда гном не ограничился молотом, тиглями, рунным камнем и взялся за горн и чаны, мы крепко поспорили. Наконец я убедил его, что такое тяжелое и большое оборудование Барни Стурлусон перевезет позже.

Оставив ему для компании меч, я нашел свою метлу, вернулся в гостиницу и поужинал.

Когда на следующее утро хозяин заведения поинтересовался, нашел ли я гнома, то я ответил, что нет. Зато, мол, полазил по горам и неплохо переночевал там. Было воскресенье, но ради приезжающих туристов некоторые магазины оказались открыты, так что я смог отовариться тем, что было нужно. Вернувшись в комнату, я созвонился с туристической фирмой, а потом позвонил домой, горя желанием поделиться своими успехами.

Джинни сказала, что у ее брата пока все в порядке. Дети радостно строили планы, чем мы сможем заняться, когда я вернусь домой. Увы, времени было не так уж и много — им скоро идти в школу. Но я не мог разочаровать моих малышей, потому решил выкроить для них хотя бы день. Отрапортовавшись, я слетал поглазеть на ледник Свартисен — местную достопримечательность. Его название переводится как «Черный лед», и вправду мрачноватое местечко, но провалы и трещины в нем отсвечивали голубым.

Ранним утром в понедельник я подобрал Фьялара и Фотервик-Боттса на условленном месте. Гномьи пожитки не уместились в багажник, пришлось кое-что устроить наверху. Я засунул меч в сумку и достал то, что приобрел вчера в магазине, — самый приличный средневековый костюм размером на ребенка. Фьялар сделал вид, что его тошнит. Но, помахав руками и порычав, я

сумел засунуть его в эти тряпки. Жакетик плотно охватил его мускулистые плечи и спину, а бриджи обтянули задницу, но в целом смотрелось все довольно неплохо.

Просто я решил, что на неподготовленную публику оживший древний гном произведет потрясающее впечатление, да и лишние расспросы нам ни к чему. Теперь все подумают, что мы едем на маскарад. Норвежцы обожают маскарады. Они даже могут решить, что нос и борода накладные, а Фьялар — человек, но лилипут. Подсадив его на сиденье и как следует пристегнув, я поднял метлу. Перегруженное помело медленно взлетело.

Перелет до Тронхейма ему понравился, он так и вертелся на месте, оглядывая окрестности. Если раньше он и летал, то, видимо, только по ночам, вместе со всадниками Дикой охоты. Будучи не дураком, в летном порту он вел себя тихо, пока я брал билеты на ковер до Осло. Потом он приклеился к иллюминатору, и я с трудом оторвал его, когда мы приземлились. Там я заказал номер в самом дорогом отеле, где прислуга навидалась всякого и не лезла в чужие дела. И все равно мне пришлось выслушать несколько одобрительных замечаний и отметить парочку удивленно вздернутых бровей. Мы засели в своей комнате и даже ужин заказали в номер. Фотервик-Боттс сообщил мне, что гному еда не понравилась — слишком мало мяса и слишком много гарнира. А пиво оказалось жиденьким. Он потребовал шотландского виски. Я содрогнулся, увидев цену за бутылку, зато гном быстро утихомирился.

Все остальное время я провел за ножницами, нитками и иглой. Пока маскарадный костюмчик Фьялара делал свое дело, но таможенный контроль США просто кондрашка хватит, увидь они этакое. Я кое-как измерил его и купил приличную экипировку для человека с его габаритами. Теперь предстояло подрезать все до нужной длины, включая рукава. И дотачать обшлага. Портной из меня никудышный, но мне пришлось возиться с одеждой, когда я был холостяком и когда служил в армии. Тем более что никто особо не будет присматриваться к его голубым джинсам и рубашке цвета хаки. Фьялар заворчал, что, мол, носки шиплются, а ботинки жмут. Я попросил Фотервик-Боттса прочесть ему лекцию о губозакатывающей машинке и кусании локтей.

Во вторник, в полдень, мы были уже в Лос-Анджелесе. Я мог бы взять билет и на более ранний рейс, но это был скандинавский ковер. И норвежцы могли сообразить, что я везу переодетого гнома, и счесть своим долгом известить об этом нашу таможеню. Американцы ничего не заметят. Потому до самой посадки

мы держались тише воды ниже травы. Ну, в Голливуде я привык слоняться без дела между съемками, а уж армейским девизом было: «Быстро вперед и жди!» Фьялар что-то выводил рунами в моем блокноте, который я дал ему, или просто пялился перед собой. Он явно прикидывал строение лунного корабля — знакомые симптомы.

Хотя трансатлантический ковер был забит под завязку, особого внимания на нас не обращали. Разве что окинули пару раз озадаченными взглядами. Гном обиделся, что я не отдал ему бутылку виски и предложил безалкогольные напитки на время такого долгого пути. Но потом его увлек фильм, который крутили по дальновизору. К счастью, он не понимал ни слова — фильм оказался сплошной пошлятиной. Я же выкопал книжку про ирландскую революцию — о том, как Де Валера поднимал народ против англичан. Мы оторвались от занятий лишь раз, когда пролетали над суровой и прекрасной Гренландией.

Выстояв очередь к паспортному контролю, Фьялар спокойно его проскочил, разве что его одарили насмешливым взглядом. На это я и рассчитывал. С багажом пришлось повозиться. Я-то проверить его вещи не успел. «Все в порядке», — заверил меня он. Действительно, таможенники и без того едва поспевали проверять всю эту толпу. Я соврал, что весь этот металлолом достался моему другу по наследству, а он, бедняжка, к тому же глухонемой. Мы успели подготовить несколько жестов на языке глухих. Жалость сделала свое дело, и нас пропустили.

Снова пришлось возиться с багажом и билетами, а потом ждать рейса на Альбукерке. Как я завидовал викингам! Они просто садились на корабль, распускали паруса, плыли куда хотели и убивали всех по пути. Фьялар дернул меня за рукав и показал на свой рот. Я вздохнул и повел его в бар, где пришлось выложить кошмарную вокзальную цену за очередную бутылку скотча. Сам я пил пиво. Выпитое виски почти не сказалось на нем, разве что он еще больше повеселел. Кажется, гномы не страдают похмельем. Вот счастливицы-то!

Устав как собака, голодный и небритый, я вывалился в альбукеркский летный порт прямо на руки к Джинни. Дети тоже встречали меня.

— Уилла освободили, — прошептала жена мне на ухо. — По крайней мере, на данный момент.

Я возликовал. По крайней мере, в данный момент.

Фьялар и Фотервик-Боттс приковали внимание детей до самого Галапа. Гном молчал всю дорогу, зато колоритно выглядел,

а меч рассказывал о всяких битвах, пускался в кошмарные подробности и с готовностью отвечал на вопросы. А Джинни тихим голосом просвещала меня о последних событиях.

— Уилл приедет поздороваться с тобой, но он весь разбит. Его освободили только вчера. Тем более за ним постоянно приглядывают феверуны. Хорошо, что они не путаются у нас под ногами.

— Еще бы, — кивнул я, с ужасом подумав о допросах, которые нам учинили бы, если бы обнаружили Фьялара. — Гнома нужно держать подальше от чужих глаз, пока мы все не подготовим. И как следует не защитим.

От призраков и злых духов, от чиновников и инспекторов, и прочих неприятностей, которые случаются в самое неподходящее время.

— Я так и думала, что ты его привезешь, судя по намекам, которые ты отпускал по телефону, — кивнула Джинни. — И приободрила Уилла. Бедняжка!

— Что показала проверка? Он... гм, чистый?

— Совершенно. Прошел все их тесты и пробы. Конечно, некоторая магическая аура чего-то неопределенного осталась... Я сама ее чувствовала. Но это неудивительно, учитывая его приключение с Волшебным народцем.

— Значит, инквизиторы признали его невиновным?

— Нет. — Ее голос был тусклым, как свет луны, которая робко показалась из-за туч. — Они что-то болтали о духах, которые так глубоко проникают в сознание, что их не может выявить ни один тест. Азиатские, что ли? Но пока ничего определенного они не добились. Я предложила вспомнить о здравом смысле. В основном их убедили адвокаты «Норн». В конце концов, его пока защищает закон о неприкосновенности личности.

— А улики?

— Вот и ответ, — вздохнула она. — Слишком уж они конкретные. Но в таком деле, как наше, из-за вмешательства хитрых, могущественных Созданий, о которых мы практически ничего не знаем, все эти улики — вилами по воде писаны.

— Чтобы отвлечь внимание?

Она хихикнула.

— Писать по воде, чтобы отвлечь внимание? А если серьезно, мы-то знали, что на врага работает какой-то человек. Вот они и решили свалить всю вину на кого-то другого, чтобы обезопасить полезного союзника и заодно подкосить важного для нас человека. Торговец оружием узнал Уилла на фотографии, но он

ни черта не соображает в магии и не может ручаться, что это не была Иллюзия. И все в таком же духе. Я подключила Боба Сверкающий Нож. Почему бы им не оставить Уилла в покое и не поискать возможного предателя в наших рядах, который остался в тени?

— Ты рассказала ему о нашем путешествии в Англию?

— Да, почти все. Как мы ловили Фу Чинга. Боб даже махнул рукой на то, что я выдала секретные сведения, которые обязывалась хранить. В конце концов мы решили, что Фу не имеет отношения к нашим неприятностям. Естественно, ФБР знает об анонимном звонке и разгроме бывшей квартиры Чинга. То, что там обнаружили, только подтверждает мои слова. Я уверена, что Уилла выпустили отчасти потому, что за него поручился Боб. В результате его освободили из-под стражи и сняли обвинение. Но он должен испросить разрешения, чтобы уехать дальше чем на пятьдесят миль от Галапа. Другими словами, он до сих пор под подозрением — как соучастник, если не хуже. И нам еще предстоит доказать его непричастность.

Я оглянулся через плечо, на желтый диск.

— Для этого, наверное, нам придется высадиться на Луне.

Фотервик-Боттс решил, что я смотрю на него.

— Что, Матучек, — загремел он, — тоже хочешь послушать, а? Я тут рассказываю детям, как мы стояли на Баннокберне, редкой цепью...

Впереди засияли огоньки Галапа. Мы приземлились у дома, сгрузили багаж и вошли. Фьялар быстренько сбросил ботинки, стянул носки и наследил на ковре. Коротенький, крепкий, меднокожий гном казался орангутангом, забредшим в южноамериканский дом. Эдгар закаркал. Свартальф распушил хвост.

Гном что-то проворчал. Джинни поставила Фотервик-Боттса на диван.

— Он хочет пить и есть, — пояснил меч. — Ждет, когда вы проявите гостеприимство. Ну, и поднесете достойный его дар. У вас есть золотой браслет или еще что-то в этом роде?

Я нашел на кухне салями и пару баночек пива. Фьялар вылил напиток прямо в глотку. Потом многозначительно посмотрел на меня. Я вздохнул и полез в шкаф за бутылкой скотча. Мы хранили его для особых случаев и пили маленькими порциями. Он выхлестал виски, как пиво.

Потом он подобрел, расплылся в улыбке и отпустил какое-то замечание Вэл. Они вместе с Беном зачарованно следили за гос-

тем. Крисса уже клевала носом, и Джинни повела укладывать ее в постель.

— Перед сном, — перевел Фотервик-Боттс, — Фьялар спрашивает, не согласится ли твоя прекрасная дочь оказать ему честь и выбрать вшей из бороды.

Я забыл сказать Джинни, чтобы приготовила средства против насекомых.

— Теперь такого обычая уже не существует, — пробубльнул я.

А Вэл захихикала и сказала:

— Лучше не рассказывать об этом ребятам из класса. А то еще решат обзавестись блохами, чтобы я их выбирала.

Должно быть, меч был достаточно тактичен (хотя какая может быть тактичность между этими двумя... ладно). Гном воспринял отказ спокойно, но продолжал чего-то ждать. А, дара. Раскинув мозгами, я сбегал в кабинет и принес пенковую трубку, которая лежала без дела с тех пор, как я бросил курить. Ее когда-то подарил мне отец, и было, конечно, жаль с ней расставаться, но Фьялар обрадовался трубке, словно это был королевский подарок. Ну, законы гостеприимства соблюдены, и мы остались довольны друг другом.

Я провел гнома в комнату для гостей. Он быстро освоился с выключателями, но ванна поставила его в тупик. Нет, пользоваться он научился моментально. Просто затребовал все подробности ее устройства.

Только после полуночи я забрался к Джинни в нашу общую постель. До утра мы почти не сомкнули глаз. Тем более что со мной переехало несколько блох.

ГЛАВА 29

Если у тебя есть деньги и связи, как у Барни Стурлусона, то ничего невозможного нет. Весь следующий месяц слился для меня в сплошном сияющем потоке событий. Были там и свои подводные камни, стремнины и омуты, но в памяти осталась яркая череда насыщенных дней, и ни один не был похож на предыдущий.

На следующий день к нам наведалься Уилл. Он был уставшим и бледным и говорил преимущественно шепотом. Руки у него слегка дрожали.

— Что, тяжело пришлось? — не нашел ничего лучшего, что бы спросить, я.

— Ничего страшного, — ответил он, избегая глядеть мне в глаза. — Никаких пыток, никаких дыб и испанских сапог. Но это продолжалось так долго, и... и я все время боялся, что они что-то обнаружат...

— Ну, так ведь они выпустили тебя, правда? Что до обнаружения, я не сомневался, что ничего странного у тебя и быть не может. Разве что те лунные Создания, но ведь это слишком личное, верно? Да я бы сам никогда не доверился бы правительственным чинушам, они так же хранят тайну личности, как священники или доктора. Да заходи, посидишь, выпьешь чего-нибудь, познакомишься с одной незабываемой парочкой. И послушаешь о наших приключениях.

Фьялар и Фотервик-Боттс кого угодно могли отвлечь от насущных проблем, хотя это скорее походило на шокоотерапию.

— Я создам заклятие, которое быстро обучит гнома английскому языку, — сказала Джинни. — Это несложно, ведь он не хомо сапиенс.

Уилл слегка помрачнел. К нему возвращались его прежние принципы. Они с гномом раскопегарили свои трубки и быстро задымили всю комнату.

— А это всегда получается? — спросил он.

— С людьми нет, — ответила Джинни. — Они просто перенимают вербальные рефлексы и бессознательно повторяют усвоенное, как попугаи.

Эдгар встрепенулся.

— Кар! — возразил он. — Никогда!

— Я же не сказала: как вороны, — успокоила его Джинни. — Хотя, как и людям, Созданиям нужно врать в язык, усвоить его и осознать. Потому в школах не применяют магию для изучения иностранных языков. Но Фьялар — дитя паранормальной природы и использует магию всю свою долгую жизнь. Если я найду правильный подход, он быстро усвоит английский... конечно, на своем уровне.

Потом Уилл слушал рассказ о наших похождениях и расцветал прямо на глазах.

— Значит, вы кое-что узнали о сущности нашего врага? — дрогнувшим голосом спросил он.

— Немного, — покачала головой Джинни. — Мне еще далеко не все понятно. Фу Чинг был прав — этому нужно посвятить всю жизнь, стать аскетом и духовно очищаться, чтобы достичь настоящего мастерства. А я просто нахваталась по верхам, что смогла понять. Так что буду часто советоваться с тобой.

— Но мы рассчитываем на тебя не только в этом, — добавил я. — Если все-таки наш проект выстоит — против демонов, политиканов, бюрократов и прессы, — нам понадобятся наши друзья, все, кому мы можем доверять. И, конечно, твои знания. И не просто твой спектроскоп, хотя мне кажется, что он откроет еще не одну тайну. Твои познания в астрономии, физике, практические навыки... Ты хочешь присоединиться к нам?

Он глядел на меня, словно Данте на свою Беатриче, Беатриче на Небесах.

— Да! О да!

На следующее утро кто-то позвонил в дверь. Джинни сидела с Фьяларом, запершись в мастерской, и старалась обучить его нормальному языку. Так что дверь открыла Вэл. Я был в своей комнате и пытался разобраться в чертежах аль-Банни и комментариях гнома, и услышал, как дочка тихо воскликнула:

— Вы, сэр? З-заходите, пожалуйста.

Почтение, и в ее голосе, что-то да значило. Я поспешил в гостиную.

Там уже ждал Балавадива. На нем была простая рубашка и джинсы, а взлохмаченные волосы поддерживала повязка. Резкое, словно высеченное из камня лицо ничем не отличалось от лиц других индейцев на улицах города. Но Вэл не сводила с него глаз, Свартальф оцепенело стоял за ее спиной, а Эдгар склонил голову и расправил крылья. Тут я ощутил то, что, должно быть, чувствовали и они. Словно распахнулось широкое небо, раскинулась древняя земля и надо всем этим воцарилось полное безмолвие.

— Добро пожаловать. — Тут я припомнил зунийский вариант. — Keshi. Какой неожиданный подарок.

Он улыбнулся и просто пожал мою руку, но в голосе его зазвучали колокола благовеста.

— Elahkwa.

Это значило «спасибо». Я сообразил, что священник не рисуется, а действительно благодарен. Он перешел на английский.

— Рад, что вы снова дома. Ваша жена заходила ко мне, пока вас не было, и рассказала, что знала. Но с тех пор многое изменилось.

— Вы хотите послушать? Конечно. Присаживайтесь. Я сейчас позову Джинни, приготовлю кофе...

— И, надеюсь, представите мне ваших друзей, — добавил он, опускаясь в кресло.

— Конечно. Само собой. Кстати, Вэл, приготовь, пожалуйста кофе. Подождите минуточку.

Немного придя в себя, я подошел к двери мастерской и позвал жену. Джинни ответила, что они с Фьяларом скоро закончат. Лучше не перебивать заклятие, пока оно действует.

На обратном пути я прихватил Фотервик-Боттса. Мы держали его в моем шкафу, в ножнах, объяснив, что если его кто случайно увидит, то разстрелит по всей округе. Для развлечения оставили ему книгу. Джинни заколдовала ее, и книга тихонько читала вслух сама себя. Это были стихи Киплинга. Меч был на седьмом небе от счастья.

Я немного волновался за тактичность Фотервик-Боттса, пока нес его в зал. Оказалось, зря. Меч сразу распознавал волшебников, воинов и мудрецов, когда сталкивался с ними.

— Приветствую вас, сэр! — пролаял он. Когда я представил их, он добавил: — Большая честь для меня.

И ни слова о битвах или аборигенах.

Священник быстро разговорил нас. Он легко сходился с людьми, если того хотел, неважно, был ли разговор серьезным или нет. Я ответил на несколько вопросов о наших приключениях в Англии и приступил к пересказу норвежской части, когда вошла Вэл. Она принесла на подносе кофе и печенье. За ней сел Бен, открыв рот. Он играл в своих динозавров, но, в отличие от многих детей, предпочитал играм реальность. Крисса была в яслях, где дважды в неделю встречалась с детьми своего возраста.

— Благодарю, — сказал Балавадива, когда девочка поставила перед ним поднос. Его взгляд просто завораживал нашу дочь. Мне показалось, что он проникал в самую душу Вэл. Она шагнула назад, тяжело и немного испуганно дыша, но глаз не отвела. Обычно Свартальф нападал на любого, кто осмеливался побеспокоить ее. Но сейчас он сидел на месте, выпрямив спину и подняв хвост.

— Простите, — через минуту произнес Балавадива. — Я не хотел быть грубым. У тебя необычное будущее, юная леди. Я не знаю, какое именно, но я чувствую это, как порыв ветра перед бурей. — Он перевел взгляд на меня, потом снова на нее. — Не пугайся. Это будущее может быть великим. Мы присмотрим за тобой с заботой и любовью.

И его слова не звучали напыщенно или льстиво. Я встал и

обнял дочь. Она улыбнулась мне, на мгновение прижалась, а потом отстранилась. На щеках вспыхнул румянец. Бен завистливо посмотрел на сестру, но промолчал. Славный парень.

— Черт побери! — взревел Фотервик-Боттс. — Разрази меня Тор, если я позволю какому-нибудь сукиному сыну коснуться хоть волоска с твоей головы. Я разрублю его от макушки до невымытой жопы! Простите за солдатскую прямолинейность, мисс.

— Я думал о других защитниках, — заметил Балавадива.

— Чушь! Что может быть лучше стали и прямее клинка!

— Но мы ценим вашу помощь.

— Да против меня не устоит ни одно из этих вшивых восточных оружий, ни сабля там, ни ятаган. Или как там называются эти побрякушки. Когда я воевал с Варяжской...

— Я с радостью послушаю твою историю, — мягко прервал его Балавадива. — Давай начнем с самого начала, с тех заклинаний, которые наложили на тебя при рождении. Вероятно, устойчивость против ржавчины? Непобедимость? А как ты сохраняешь заточку, если мои вопросы тебя не смущают?

— Вовсе нет, сэр. Счастливы все пояснить для вас. Гр-рмп! Вы прямо в точку попали. Такое имечко, как Кусачий Бурни, просто так не дают. Могу разрубить цепь с одного удара. Или железную чурку, если не слишком толстая. Иначе придется рубить два-три раза. Лезвие почти не замечает сопротивления. Должен признаться, когда мне нужно было заточиться, это была та еще работка. Если бы мои хозяева к тому времени не стали христианами, они бы вернули меня к мастеру. А так, целый месяц меня точили, полировали...

Я поразился, как быстро Балавадива вытянул нужные подробности из этого старого паразита. Когда он закончил, появились Джинни и Фьялар.

Гном преобразился. Он не отказался искупаться в ванне, правда, он так долго нежился под душем, что залил весь пол. Джинни подключила наших домовых, и они соорудили приемлемую одежду для гостя. Он тоже моментально оценил силу нашего священника и склонился так низко, что борода коснулась ковра.

— Иа радоваться встретить вас, — сказал он на ломаном английском, который успел пока усвоить.

Несколько дней спустя он уже свободно разговаривал с нами, но так и не избавился от акцента. И прекрасно справился с зубными «с» и «з». В современном скандинавском они исчезли, зато когда-то были в старонорвежском.

— Чему мы обязаны таким приятным визитом? — поинтересовалась Джинни.

— Мы думали над работой, за которую вы взялись, — сказал Балавадива. Под «мы» он, видимо, подразумевал вождей племени зуни. Или еще каких-нибудь Созданий? — Мы молились, заклинали стихии и проводили обряды. Мы выяснили: действительно появились орды злых, могущественных Сил, и гнездятся они на Луне. Вы знаете о них больше, чем мы. А нам известно, как они сбивают с пути истинного наших местных Созданий. Мы должны работать вместе.

— Может, нам с Вэл уйти? — тоненьким голосом спросил Бен, чем несказанно меня удивил.

Балавадива улыбнулся ему:

— Позже, когда мы начнем обсуждать детали. Все равно то, что я собираюсь предложить, скрыть не удастся. Но я уверен, что вы и так не станете болтать об этом на всех углах. И... — его взгляд вернулся к Валерии, — тебе лучше знать обо всем.

Молодежь уселась на пол и принялась внимательно слушать. Время от времени они поглаживали Свартальфа, который растянулся между ними. Джинни потом объяснила мне, что в юном возрасте полезно хоть раз испытать чувство благоговейного страха. Я припомнил свою молодость и согласился.

— Вам нужно найти спокойное место, где вы сможете работать над лунным кораблем, — заметил Балавадива. — Оно не должно привлекать любопытных и случайных путников. Еще оно должно находиться поблизости, чтобы мы могли защитить его своими силами и магией. Зуни предлагают расположиться в нашей резервации, возле Дова Йаланне.

Гора-сердце, Громовая гора, священная гора зуни.

Плюнув на спасение мира, мы хотели сперва все бросить и провести остаток школьных каникул с детьми. Но Джинни решила, что это — непозволительная роскошь. Она не только обучала Фьялара языку, но и присматривала за ним. Хотя он был хитрым гномом и прекрасным мастером, но на чужой территории оказался совершенно беспомощным. Он запросто мог вляпаться в какую-нибудь историю, и тогда — прощай секретность! Кроме того, чем скорее Джинни и Балавадива возьмутся за дело, тем больше у нас шансов победить демонов. А ведь шансов у нас и так немного.

Мы ничего не знали о природе нашего противника — только

обрывочные сведения — ни о численности, их приемах, работе на Земле и в космосе, ни об их организации. Да, они хотели держать людей в пределах Земли и остаться на Луне полноправными хозяевами, а потом? Имея за плечами такую прекрасную базу, да еще учитывая магическую силу Луны, они вполне могли устроить человечеству сладкую жизнь. О, в этом сомневаться не приходится. Но какими средствами? Начали ли они уже работать над этим?

Естественно, Враг уже начал, подумалось мне. Сам он не принимает, конечно, в этом участия, зато наверняка присматривает за ходом дел. Я легко мог представить, как демоны расчищают ему путь в наш мир.

Нет, представлять такое мне вовсе не хотелось. Враг всегда стремился склонить нас ко злу, а мы и так слишком часто впадали в грех. Вспомнить только о событиях в Конго. Или как в прошлом веке преследовали евреев, а ведь это было не так давно и легко может повториться... Например, в какой-нибудь сильной державе, которая проиграла войну и решила, например, сквитаться с миром, начав с евреев... Или в другой большой стране, где господствует идеология, поддерживаемая тайной полицией, концентрационными лагерями и массовыми репрессиями... Все может случиться. И если за дело возьмутся лунные демоны, пусть в ход искушения, ложь, иллюзии, разрушения и отчаяние, то человек снова пойдет войной против человека.

Но мы жили днем насущным, радуясь всему, что окружало нас. Благослови бог мою Джинни, она отправила меня с Вэл и Беном на отдых. А сама осталась дома, работая и приглядывая за Криссой. Боюсь, что спала она урывками.

Я повел детей к каньону, о котором им все уши прожужжали, и мы поднялись в горы, избегая обычных маршрутов. Это было прекрасно — красноватые стены каньона покрывали травы и заросли можжевельника. Внизу протекала речка, в которой резвилась рыба. В одном месте она разливалась в озерцо, где, в принципе, можно было купаться — если не боишься отморозить все выступающие части тела. Вокруг порхали птицы. Ночью на небе сияли крупные звезды. Мы разбили небольшой лагерь. Эти часы я запомнил навсегда и часто вспоминал их потом, когда жизнь брала меня за горло.

А дома работа кипела. Джинни связалась с Барни Стурлусоном, и тот развил бурную деятельность. Воскресенье там или нет, но он достал деньги, распотрошил склады, поднял в воздух тягачи и выплатил рабочим двойную зарплату. Когда я вернулся, для

Фьялара достраивали кузницу и жилые помещения, а часть оставленного в Норвегии оборудования уже была в пути.

Но гном оставался у нас, пока все не было готово. Собственно, никого из белых людей не допустили на первый обряд очищения горы. Потом я видел одно из таких заклинательных шествий — индейцы танцевали с раскрашенными лицами, в головных уборах из перьев.

После накладывали защиту. Джинни использовала западную магию, а зуни — собственные заклятия, похожие скорее на молитвы, чем на Искусство. Под конец мы убедились, что ни одно Создание не может сломать эту преграду. Против людей у нас также было средство — Фьялару выдали не только телефон, но и свисток, по сигналу которого к нему немедленно мчались на помощь. Гном пришел в восторг от его визга. Оставалось надеяться, что во время работы он не станет злоупотреблять этой свистулькой.

Но мы не знали, что может случиться, если наш корабль покинет защищенную зону.

С каждым днем конструкция росла и усложнялась. Чтобы сохранить строительство в тайне, к работе подключились местные жители. Я работал рука об руку с индейцами — плотниками, электриками, разнорабочими и прочими. После стольких лет за чертежной доской и лабораторным столом мне было приятно снова взяться за молоток и плоскогубцы. И трудиться в такой компании было сплошным удовольствием — шутки, байки, общая кухня и кружка пива после обеда. Совместный труд объединяет, это всем известно.

Фьялар заправлял всей работой и умудрялся находиться сразу в нескольких местах. Странно, но слова, которыми гном награждал рабочих, он выучил не у Джинни. Он подхватил их прямо на строительной площадке, а учитывая вздорный характер гнома, скоро стал специалистом в этой области.

Теперь мы редко виделись с зунийскими священниками, а Балавадива вообще куда-то исчез. Сперва мы гадали, куда он делся, а потом стало не до того.

Когда кузница была готова, она представляла собой приземистое здание из шлакоблоков, покрытое гофрированным железом. Оно стояло среди невысоких трав — полыни, пижмы и прочей ерунды. С противоположной стороны Фьялар устроил себе жилище. Ему ничего не было нужно, кроме кровати и уборной. В работе заключалась вся его жизнь. Тем не менее, он обрадовался холодильнику, в котором можно хранить холодное пиво и све-

жую воду, и печке, которая намного облегчала приготовление пищи. К столу прилагалась самомоющаяся скатерть. Еще он страстился к современной кухне, особенно ему пришлось по вкусу колбаса и лимбургский сыр. Я уже молчу о табаке и шотландском виски. Мы постарались обеспечить нашего работника всем необходимым.

Едва ли Фьялар заметил, в каком прекрасном месте его расположили. Перед домом простиралась бурая равнина, поросшая кустарником и редкими деревцами. К резервации зуни, которую отсюда не было видно, уходила пыльная лента дороги. Над головой раскинулся синий небесный свод, на котором ночью горели яркие звезды. Позади возвышалась величественная Дова Йаланне высотой в две тысячи футов. Ее крутые склоны возносились ввысь почти отвесно, посередине сверкала белая меловая полоса, до тонкой линии леса. Отсюда хорошо была видна ее раздвоенная верхушка. По зунийской легенде, это были брат и сестра, которые пожертвовали жизнью, чтобы спасти свой народ от всемирного потопа. Естественно, на такой высоте можно найти убежище от любого наводнения. До вершины нужно было подняться целый день. Мне сказали, что там остались только развалины... и святость, которая витает в воздухе. Подниматься туда позволено только посвященным, и те посещают вершину очень редко.

Фьялар наконец обустроился. Мы оставили с ним Фотервик-Боттса, за компанию. Телефон (мы надеялись, что достаточно защищенный) позволял ему связываться с нами в любой момент. Естественно, мы собирались частенько навещать его. Джинни — как ведьма, и я — как инженер. Мы надеялись, что, пока дело делается, можно будет заняться личной жизнью.

Как бы не так.

ГЛАВА 30

Фьялар родился в эпоху, когда чертежи еще не были придуманы. Иногда его изделие нуждалось в тщательной проработке, тогда он малевал планы и чертежи куском угля на стене, а попозже стал использовать карандаш и бумагу. Но потом, по мере совершенствования, необходимость в чертежах отпадала, и вещь сразу рождалась под его умными руками. Фьялар постоянно импровизировал, например, определяя степень готовности металла

по цвету. И когда я привез ему переделанные разработки аль-Банни, то застал гнома за наковальной.

Войдя с яркого света в полумрак кузницы, я сначала ничего не увидел. И едва не задохнулся от дыма и жары. Стук молота по наковальне отдавался в ушах револьверной стрельбой. Мехи из драконьей кожи раздували уголь, горящий в грубом каменном горниле. Металлические болванки над ним начинали превращаться в жидкое месиво. Гном снова переделался в кожаный фартук, тунику, кожаные перчатки и деревянные башмаки. Обливаясь потом, он размахивал молотом, придавая куску железа определенную форму.

Когда он обучился английскому, а я изучил чертежи, мы с ним долго спорили. Я успел поднатаскаться в кузнечном деле настолько, чтобы понимать, какое это высокое искусство и как мало я об этом знаю. Опять же он умел колдовать — накладывать чары песнями, рунами, особыми составами из крови и слюны гадюки и... кажется, медвежьего жира и сока лимонника, что ли? Одним словом, этот маленький смуглый человечек был настоящей находкой для нас. Меч оказал нам неоценимую услугу, посоветовав нанять его.

Тем не менее наш гном мог кого угодно довести до белого каления.

— Приветик, Матучек! — заорал Фотервик-Боттс со стены, на которой он висел, освобожденный от ножен. — Привез нам что-нибудь, а? — Фьялар повел на меня огромными красноватыми глазами. Плюнул. Заготовка зашипела. Он снова взялся за молот. — Он не может остановиться, сечешь? — зачем-то объяснил меч. — Это как траха... Э-э, совершать половой акт. Вы, люди, на этом совсем чокнутые, я заметил.

Видимо, меч решил заняться своим языком. Наверное, ради юных леди.

Я припомнил последний скандал в Вашингтоне и подумал, что правительство тоже совсем на этом чокнулось: то, что оно с нами делает, иначе и не назовешь. Но вслух ничего не сказал. Там сейчас кипели страсти по поводу новых реформ совместно с брызжанием против наших космических программ.

— Располагайся, — гостеприимно предложил Фотервик-Боттс. — Возьми пиво, если хочешь. Я пока тебя займу. Я еще не рассказывал тебе о схватке перед Баттингтонской битвой?

Я взял бутылку пива, устроился на мешке с углем и покорно стал слушать.

Вскоре Фьялар отложил молот. Я заметил, над чем он тру-

дился: три железных прута, перевитые и расплющенные. Гном потянулся к своей бутылке. Рядом стояло большое плоское блюдо, на котором высилось несколько еще не раскупоренных бутылок и горка копченой селедки, которую он подхватывал с блюда прямо зубами. Потом Фьялар тяжело сел на пол. Некоторое время слышалось только хриплое дыхание.

— Скаал! — возгласил он, поднимая бутылку.

— Ваше здоровье, — откликнулся я.

— Стойте, стойте, джентльмены! Сперва тост за здоровье Ее Величества Королевы! — встрял Фотервик-Боттс.

— Прошу прощения. — Я поднялся. — За королеву.

— Каку таку королеву? — нахмурился Фьялар. — Шведскую Сигрид Гордую? Да, то была великая леди. Терпеть не могла всяких мелких королишек, которые сватались к ней. Загоняла их в сарай и палила. Токо дым шел! Вышла замуж за датского Харальда Синезубого¹. Заставила его завалить на море короля Норвегии Олафа Тригвассона. Йа, за такую королеву как не выпить, черт ее дер!

Прежде чем Фотервик-Боттс успел возразить, я добавил:

— Я привез чертежи.

Гном разложил их на рабочем столе и прижал по краям деревяшками и кусками железа. Мои глаза уже привыкли к сумраку, а Фьялар прекрасно видел почти в полной темноте. В целом мне понравилась идея аль-Банни. Я неплохо разбираюсь в строительстве, к тому же мне помогали двое надежных ребят из Твердыни. Тем более план корабля сильно напоминал конструкцию обычной метлы. Разница заключалась в более мощных силах, которые мы собирались использовать, и нужно было сделать так, чтобы эти силы не разнесли такой маленький транспорт вдребезги и пополам. В этом мы рассчитывали на мастерство гнома.

Фьялар тут же растер мою гордость в прах.

— Че это за дурацкая коробка над двигателем? — прорычал он. Кстати, он сказал не «дурацкая», а поглубе.

— Кабина, — ответил я. — Для команды.

— Кабина? — рывкнул он так, что во все стороны полетела слюна. И тут же сказались последние годы перед тем, как он Уснул: — Господи Иисусе, вы посылаете двоих человек, и ты собираешься выстроить им царские палаты? Может, еще шлюх засунем туда, чтобы носили им мед и укладывали баиньки? У тебя что, дырка в голове? Морьякам не нужны были никакие кабины!

¹ Правил в Дании во второй половине X в.

Они же и до орбиты не дотянут! Клянусь Фреей, вы, люди, полные придурки!

Я поднял руки, успокаивая его.

— Потише, ладно? Мне самому это не слишком нравится. Эта штука здорово затруднит полет, но ведь это не роскошь. Ты не послал бы в битву небооруженных людей?

— Йа, берсеркеров.

— Это викингское словечко, — вставил Фотервик-Боттс. — Чистые тебе сумасшедшие. Никакой дисциплины. Никакой подготовки. Но как дерутся! Полное бесстрашие. Фузи-Вузи тех дней.

— Астронавты — не берсеркеры, — сказал я.

— Эх, если бы их можно было построить, — вздохнул Фотервик-Боттс. — Они бы выкосили всех перед собой, эти северные варвары. Конечно, поставить над ними нормальных командиров — и дело в шляпе.

— Они должны вернуться живыми и невредимыми, — простонал я. — Я думал, Фьялар, что ты все понимаешь. Мы же объясняли! Между Землей и Луной воздуха нет. Наши люди не смогут там дышать.

— Йа, но есть же жидкий кислород, — проявил он образованность. — Они будут пить воздух из рога, ладно?

— Не ладно! Там такое давление, что у них кровь польется из ушей. И ультрафи... и солнечные лучи их зажарят. — Я уж не стал говорить о радиации, абсолютном холоде и рентгеновских лучах. Даже Волшебный народец избегает солнечного света. Только демоны чувствуют себя в космосе, как дома. — Их нужно защитить металлическим панцирем.

— Так пусть они наденут шлемы и кольчуги, я видал такое в кино, — стоял на своем Фьялар. — Я сделаю такую небесную ладью, что она домчит до Луны за два-три часа.

Он не врал. Ускорение и сила тяжести — не проблема. Благодаря разработкам аль-Банни корабль будет находиться в симпатической связи с самой структурой космического пространства. Все, что находится на борту, должно ускоряться равномерно, разве что придется встроить какой-нибудь «сбрасыватель скорости», чтобы наши космонавты не повылетали из кресел на поворотах.

— Ездят же люди без седла, — продолжал Фьялар. — Если вы присобачите эту штуковину, они будут лететь в десять раз дольше. И управлять так труднее.

— Но мы не можем обойтись простыми скафандрами, — упирался я. — Ты что, не понимаешь, в чем смысл этой миссии?

Я едва удержался, чтобы не добавить «упрямый осел». Это было бы несправедливо. Даже если бы я выучил столько же, сколько пришлось учить ему, я не смог бы справиться лучше.

— Они отправятся неизвестно на сколько. Опустятся на неизвестную территорию и встретятся с неизвестным врагом. Даже для простой разведки необходимо оружие, магическое оборудование и... место, где они могут укрыться, чтобы передохнуть, поесть и поспать.

— А я говорю, что строить эту вашу кабину — все равно шо громоздить высокую надстройку на длинный корабль. Ветер цепляет ее, так что под днище надо приделывать противовес... Йа, противовес! Так мы добирались до Ирландии, Гренландии и Виноградской страны.

— Именно, — поддакнул Фотервик-Боттс. — Нужна просто-та. А как же? Один раз, когда мы шли по датскому взморью... Вот уж не помню, что это была за страна, то ли Фризия, то ли еще что... Мой хозяин Эйнар-Боров...

— К черту! — взорвался я. — Я ломал голову над этими чертежами бог знает сколько времени, и я докажу...

Дверь распахнулась, впуская в комнату веер солнечных лучей, которые тут же заслонил чей-то силуэт. Все разом замолчали. В кузницу вошел Балавадива.

— Здравствуйте, джентльмены, — спокойно сказал он. — Я не помешал?

— Н-нет, что вы, — промямлил я. — Давно мы вас не видели.

— Добро пожаловать, — прогудел Фьялар, сорвал зубами крышечку с очередной бутылки и протянул ее гостю: — Садитесь.

— Салют! Я весь внимание, — вежливо звякнул Фотервик-Боттс.

Балавадива улыбнулся:

— Вольно, генерал.

Он взял бутылку и присел рядом со мной на мешок с углем. Никогда я еще не встречал человека, который так легко осваивался бы в незнакомой обстановке.

— Спасибо.

Он подхватил с подноса сельдь. Я решил, что, взяв еще одну, не объем нашего хозяина. Пиво пришлось в самый раз.

Фьялар сразу перешел к сути разговора.

— А че это вы пришли, когда так долго где-то были?

— Всего пару недель, — заметил Балавадива.

— А казалось, что дольше, — пробормотал я.

— Да, вы же были заняты, правда? Я прошу извинить меня за

отлучку. Пришлось. Но, кажется, я вернулся вовремя. Я слышал, как вы спорили. По-моему, я могу решить вашу проблему.

— А? — выдохнул я.

— Хаа? — хрюкнул гном.

— Здорово, клянусь богом! — завопил Фотервик-Боттс.

Священник помрачнел. Мне показалось, что тени стали гуще, что огонь сжался в горне, а мехи глухо зашумели, как морской прибой.

— Эта история началась давно, — медленно произнес Балавадива. — Я могу поведать вам только небольшую ее часть. Много месяцев назад мы, зуни, ощутили присутствие злых сил. Они усиливались с каждым днем, но мы никак не могли определить, что это за силы и чего они хотят. Хотя в середине лета луна была слаба, мои ученики ничего не смогли обнаружить. Остальные тоже.

Я не разбирался в их сезонных обрядах. Знаю только, что иницилируемый проходил испытание огнем, водой, священным дымом...

— Потом произошла катастрофа в Твердыне. Вы знаете, что мы не сидели сложа руки. Но этого было недостаточно. Боги не подали нам ни знака, ни прорицания. Помните, Стивен, что сказал нам Кокопелли? Остальные боги не забыли нас, но ничего не отвечали. Тогда я обратился к Гваделупской Богоматери.

Это была святая покровительница местной католической миссии. Эту церковь отреставрировали, вырезав в мраморе обычаи и деяния зуни. Эти люди умели видеть проявление богов — или бога — в разных формах.

— Я молился на вершине Дова Йаланне, — тихо произнес Балавадива. — Мне было ниспослано видение, а потом я нашел рядом орлиное яйцо, совсем свежее. А ведь в это время года орлы не кладут яиц. Это знак и талисман.

Он помолчал.

— Я вернулся к моим собратьям. После увиденного мы смогли провести новый, более сильный обряд.

Я сидел, не смея пошевелиться.

Балавадива улыбнулся. И заговорил уже обычным голосом:

— Короче, мы поняли, что нашей защиты недостаточно. Так что нужно снова собираться и проводить новый обряд. — Он протянул мне конверт, который все это время держал в руке: — Передай это твоей жене, Стивен. — И добавил, немного торжественно: — Это священо. Но ваша жена все объяснит.

ГЛАВА 31

Я позвонил Джинни и сказал, что вернусь к обеду или чуть позже.

Влетая в дом, я завопил:

— А у меня есть подарок... — и запнулся. В зале ко мне повернулись две рыжеволосые головки. — О, привет!

— Я решила, что Куртис тоже захочет присоединиться к нам и послушать о твоих успехах, — пояснила жена.

С тех пор, как Джинни помогла астронавтке, они с Куртис успели стать закадычными друзьями. Ничего удивительного, это сближает не хуже общего дела.

— Гм, а... — замялся я.

Молодая женщина поднялась, чтобы пожать мне руку.

— Не волнуйтесь, — сказала она. — Я знаю, что вы должны держать язык за зубами. Твердыня потихоньку сворачивается, пресса следит за нами неусыпным оком и время от времени каркает под руку. Кое-кто финансирует частные исследования, но они продвигаются еле-еле. Доктор аль-Банни решил, что мы должны быть готовы ко всему. И совсем немногим рассказал о вас.

— Ясно.

Понятное дело, что мы держали нашего шефа в курсе всех наших успехов, он даже навестил как-то гномью кузницу. Аль-Банни имел полное право знать обо всем, чтобы вовремя прикрыть нас или отстегнуть необходимую сумму. Более того, он уже приставил ко мне парочку надежных инженеров, с которыми мы потом работали над чертежами.

— Им можно доверять, — добавила Джинни. — Они чувствуют личную ответственность за это дело.

Куртис Ньютон грустно улыбнулась.

— И мне сказали, что вам понадобятся двое человек команды. Надеюсь стать одной из них.

— Лучше и не придумаешь, — облегченно выдохнул я.

— Меня готовили в одиночку. Так что пока я не могу никого порекомендовать.

— Другим пилотам мы ничего не рассказывали, — сказала Джинни. — Я первая подписалась за это. Нам не нужны ни законопослушные граждане, которые при первом случае побегут докладывать властям, ни радостные щенки, которые растреплют обо всем за кружкой пива.

Я помахал конвертом.

— Вот это может все изменить, — заметил я. — Фьялар рвал на себе бороду и слышать не желал о капсуле для команды, но тут пришел Балавадива и передал вот это.

Зеленые глаза моей жены засветились.

— Я знала, что он уходил в Поиск. — И добавила уже громче и тверже: — Сперва пообедаем. Я накрою стол за пару минут. А вы пока поболтайте.

Она вышла.

Мы с Куртис замялись — болтуны из нас неважные.

— Как жизнь? — сделал я первый шаг.

— Серединка на половинку, — поморщилась она. — А если честно, то ужасно. Не хотелось ныть, но я так завидую вам с Джинни. Вы заняты делом.

— А ты отдыхала.

— А мечта всей моей жизни рушится. — Она ударила кулаком по колену. — Нет, не ныть! Я не одна, все еще будет... но, Стив, если бы все было иначе!

Поскольку она сама смутилась от такого взрыва чувств, я тоже смутился. И никак не мог придумать подходящего ответа. Начал водить глазами по комнате, пытаясь отыскать хоть какую-нибудь подсказку. И увидел две книги на краю стола, возле пустого кресла Джинни.

— А что это такое?

— Не знаю, — ответила Куртис, тоже страдая от долгого молчания. — Когда я пришла, Джинни как раз читала их.

— Обе из библиотеки. — Я потянулся к книгам, пока мой язык трепало на автопилоте. — Сперва я их не заметил. Сидел над чертежами все время, кроме субботы, тогда я водил Бена на футбол. Она тоже была занята, консультации... Так что последнее время мы почти и не разговаривали. — Чтобы не выглядеть последним идиотом, я раскрыл титульный лист. — Гм, сборник японских народных сказок, под редакцией Лафкадио Херн. Ну и имечко. А вот эта, потолще, «Повесть о Гендзи», перевод...

Эдгар, который до того спокойно дремал на жердочке, встрепенулся, расправил и заорал:

— Кар-р-р!

— Ты чего это? — удивился я. — Что-то учуял?

— Хаа, проклятие, черт, черт! Кар-р-р!

Не успел я встревожиться, как вернулась Джинни.

— Кушать подано, — пригласила она. Мы с Куртис облегченно вздохнули и отправились вслед за ней на кухню.

Жаркое, салат и тосты, все это залитое белым вином, не ос-

тавило от нашего смущения камня на камне. Я рассмешил Куртис, пересказав похищение Фьялара из Норвегии. Она с нетерпением ждала возможности познакомиться с гномом. Нам пришлось предупредить, что он не любит гостей. Опять же, чем меньше его беспокоить, тем скорее он закончит работу. Лучше дожидаться, пока все будет готово. Она согласилась.

— Мне приходилось общаться с разными шишками. Являются в самый разгар работы и заставляют трепаться о всякой ерунде. Позировала с ними перед камерами.

— И о чем вы разговаривали?

— Так, вежливо расшаркивались. Хотя некоторые пытались вести себя по-человечески.

Мы пообедали, а потом направились в мастерскую Джинни. Немного волновались, но это было приятное волнение. Жена разложила на столе несколько листов бумаги, которые вынула из конверта, и склонилась над ними. Мы присели рядом, едва дыша.

Это был рукописный английский текст с редкими вкраплениями зунийских слов и парой схем. Через минуту Джинни покачала головой и отодвинулась от стола. Я — чуть позже.

— Пока читаешь, вроде понятно, — задумчиво произнес я, — но как только пытаешься ухватить смысл — выходит полная ерунда. Как во сне.

— А это и есть сон, — медленно сказала Джинни. — Видение. Можешь считать его высокотехническим или глубокорелигиозным, как пожелаешь. Но Балавадива не стал бы посылать его мне, если бы не был уверен, что я... смогу понять, как это расшифровать.

Она откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Пошевелила губами, потом уставилась в противоположную стену пустым взглядом. Прошлась по комнате, заглянула в справочники, полистала блокноты, в которых она записывала свои уроки с зунни. Покружилась, размахивая руками. Мы с Куртис терпеливо ждали. Нам не было скучно, скорее страшно.

Наконец моя ведьма встряхнулась, сложила бумаги обратно в конверт и потянулась. Мы подскочили, словно ужаленные.

— Ну?! — не выдержал я.

Джинни одарила нас сияющим взглядом.

— Все ясно! — победно заявила она. — Священники зунни узнали, как делать, скажем, магические амулеты, которые заменят все системы жизнеобеспечения, кроме подачи пищи и воды. Так что нам не нужны ни скафандры, ни кабины!

— Как? — пораженно воскликнула Куртис. — Ты уверена?

— Если уверен Балавадива, то и я тоже. Сделать это просто, и всегда можно проверить заранее, разве не так?

— Ну, да, — склонила голову Куртис.

— Ну и как... Господи, как же это сделать? — спросил я.

— Чтоб тебе было понятней, милый, можно сказать, что эта система основывается на паранормальных законах стихий — как обычная метла использует ветер и воздушные потоки для полета. Но это заклятие более сильное. Оно создает поле, через которое не могут проникнуть ни давление многих атмосфер, ни холод или жар, ни вредное излучение или радиация. — Как инженер, я сразу представил себе тонюсенькую сеть, которая не пропускает заряженные частицы и протоны. Хорошо, в атмосфере еще можно извернуться... — Воздух восстанавливается, обновляется, нужен только источник воды и запас пищи. — «А-а, — подумал я, — система химической очистки».

— Едва ли ученые НАСА, даже самые одаренные из них, смогут создать что-либо подобное.

— Едва ли, — прошептала Куртис.

— Понимаешь, их поддерживают сакральные силы, — тихо пояснила Джинни. — Зуни сделали это открытие не научными методами, а путем молитв, постов, обрядов и жертвоприношений. И пошли на это даже не ради нас, а ради своей земли и своего народа, своих детей и внуков. Их боги редко отвечали на мольбы, но никогда не бросали свой народ в беде. Ведь они — тоже часть мира. И помочь людям — это восстановить равновесие. Но это уже и наша задача.

Снова все замолчали. Сквозь ставни пробивались тонкие солнечные лучи.

— И что? — отважился переспросить я.

— Ну, время у нас есть, — улынулась Джинни. — Для этих амулетов необходимы определенные составляющие. Кое-что предоставят зуни. Но нам нужно будет набрать воды из всех четырех океанов.

— Из каждого? — удивилась Куртис.

— На сегодняшний день они называются Атлантическим, Тихим, Северным Ледовитым и заливом Мехико. Подрядим людей Барни, пусть побегают. Я напишу инструкцию, как правильно набирать и перевозить воду. Зуни соберут тотемных животных, означающих семь направлений, включая орла — Вверх. А нам нужно добавить кротовьи шкуры — Вниз — мы ведь собираемся покинуть Землю... и вернуться. Я думаю, что это мы по-

ручим тебе, Стив. Потом я объясню, что нужно сделать. Следующим шагом будет подготовка наших собственных душ.

— Подготовим, — деревянным голосом промолвила Куртис. Джинни погладила ее по руке.

— Я знаю, что для тебя это самая трудная часть.

Вскоре астронавтка уехала, заявив, что не желает путаться под ногами. Мне показалось, что она измоталась сильнее, чем показывала. Такие совещания, как сегодняшнее, требуют полного напряжения сил. Я сам устал. И Джинни.

Закрыв дверь за нашей гостьей, мы вернулись в прохладный зал. Мой взгляд опять упал на книги, сложенные на столе.

— Эй, — вспомнил я, — откуда такой внезапный интерес к Японии?

— Что? — замялась она, что само по себе было необычно. Когда она заговорила, голос ее дрогнул. — Ну, просто интересно.

— Да ну?

Мы никогда не стыдились признаваться друг другу в собственном невежестве. Моя жена получила классическое образование, а я нахватался потом по верхам, зато бывало, что мне попадались книги, о которых она даже не слыхала. Жить с тупицей, вероятно, невыносимо скучно. Потому мы старались баловать друг друга новыми книгами.

— Ну, например, — немного фальшиво начала она, — Лаф-кадио Херн был американским журналистом, который жил в конце девятнадцатого века. Он полюбил Японию, поселился там, прижился и писал об этой стране и ее культуре, пытаясь объяснить ее прелесть западному читателю.

— Ладно. А вторая? Там японский автор.

— Да, Мурасаки. Она была придворной дамой при дворе Хэйан в одиннадцатом веке. Ее «Генджи Моногатари» — первый роман, если несколько расширить рамки понятия «роман».

— Значит, там рассказывается о неизвестном нам мире.

— Да, там все другое. И все-таки можно понять... — Она осеклась.

Я взял ее за локоть.

— Чего ты так зациклилась на этой теме? У нас ведь и так много работы.

Она глядела в сторону, сжав кулаки.

— Каприз. Конечно, это бесполезные книги. Мне не хочется спорить. Но они — очаровательны сами по себе.

Тут Вэл и Бен вернулись из школы и спасли ее. А может, и меня.

Когда спустилась ночь, я стал волком и отправился на охоту. Вчера я навестил Фьялара, и мы обсудили с ним новшества. На обратном пути я заскочил в магазин «Корма для домашних любимцев» и купил баночку ночных жуков. Потом выпустил их в нужном месте. Теперь я вернулся сюда.

Джинни говорила, чтобы я охотился в облике человека. Я шел по парку, а вокруг лежал спящий город. Под деревьями лежали густые тени, фонари освещали только узкие аллеи. Над головой светили далекие звезды. На востоке начинало сереть — готовилась встать луна. Воздух был тих и прохладен.

Колдовское зрение позволило мне мгновенно заметить слабое движение в холмике земли. Я запустил туда прихватку. Из ямки, роняя комья земли, вылетел крот. Я подхватил его на середине пути. Теплое мягкое тельце извивалось у меня в руке.

— Прости, маленький братец, — прошептал я, как меня учила Джинни, — и благодарю тебя за твой дар.

Прижав нос к его мордочке, я быстро сломал зверьку шею, вдыхая его предсмертный выдох. Положил тушку у ног.

Потом принялся ждать. Остальные собратья покойного спрятались, но скоро они вернуться к наживке. Мне нужно было семь шкурок.

В середине недели мы отмечали пятнадцатилетие Валерии. Утром, когда она еще не ушла в школу, мы приготовили шикарный завтрак и решили отпраздновать ее день рождения скромно, по-домашнему. А в субботу устроим вечеринку для ее друзей, а сами уйдем.

Она была такой юной — хрупкой, неброско одетой тихоней (временами) — и такой прекрасной! На меня нахлынули воспоминания. Свартальф тоже расчувствовался. Он вспрыгнул к Вэл на колени и мурлыкал, пока ей не нужно было уходить. Мы с Джинни проводили дочку до дверей и долго махали вслед. Эдгар кричал: «Удачи!», Бен улыбался, а Крисса радостно пищала.

Потом нас позвали дела. Я слетал к зуни и отдал Балавадиве кротов. Он благословил их и куда-то унес. Потом мы долго беседовали за кофе. Отчасти о деле, но в целом просто так. Он сказал, что будущее ему неизвестно. Нет, он, конечно, верит, что боги не допустят неудачи. (Вселенная так разнообразна, что уследить за всеми ее проявлениями под силу только Единому богу, Творцу Всего Сущего.) Боги наверняка знают о злых Созданиях в их собственной стране, но если вспомнить столь сомневавшегося в нас

Кокопелли, то они едва ли осознают их опасность. Им может казаться, что это дела белых людей, ведь они боги индейцев, а не бледнолицых. Мы, люди всех народностей, должны рассчитывать только на себя. Жена была права — это наша забота. И дорогу в космос мы проложим только собственными руками. Тогда они могут послать нам помощника. Балавадива знал, что однажды нам уже помогал христианский святой. И все равно, исход дела не предопределен. Как бы все не закончилось катастрофой планетарного масштаба.

Я кивнул. Бывало, что силы зла захватывали Землю на целые века.

Но в основном мы вспоминали прошедшую войну, рассказывали случаи из жизни и смешные анекдоты. Что бы ни случилось, прошлого у нас не отнять, как и этих славных минут с другом.

Попрощавшись, я залетел в кузницу — узнать, как идут дела. Посреди пути в глаза сразу бросился натянутый тент — футов под сто, который белел среди зеленой травы и желтых цветов. Уилл Грейлок выбил разрешение устроить здесь мастерскую. Он стал очень скрытным после нашей последней встречи. Я опустился перед шатром.

Он вышел поздороваться. В легком, удобном для пустыни костюме. Под тентом я заметил разложенные инструменты и оборудование.

— Привет, Стив. Я надеялся, что или ты, или Джинни скоро будете здесь.

Я повертел головой, но не заметил ни следа агентов ФБР. Ну, их присутствие и не обязательно. Они могли прицепить на помело Уилла сканер и следить за всем прямо из Галапа. А метла у него наверняка есть. Никто, кроме индейцев или местных американцев, не дойдет сюда пешком.

Говорил он бесцветным тоном, а рука, которую я пожал, была вялой. Бледная, несмотря на яркое солнце, кожа обтянула скулы, глаза лихорадочно горели. «Проклятие, — подумал я. — Его снова прихватило».

— Как поживаешь? — машинально спросил я.

— Потихоньку, — пожал он плечами. — Хочу вот понаблюдать за луной, тут не мешают городские огни.

Я подумал о демонах, которые могут предпринять неизвестно что.

— Надеешься, что удастся узнать побольше?

— Возможно.

Я посмотрел на бледно-желтый шар, который только появился на еще голубом небе.

— А чем занимаешься днем?

— А чем тут заниматься? Но я нашел себе занятие. Метеориты.

— Что?

— Те куски, которые выдало нам НАСА... вернее, аль-Банни. Мне кажется, что им не придали должного внимания. Если такой попадет в корабль — тому хана.

Я кивнул.

Многие люди обычно не задумываются, зачем к метле прилагаются крупинки песка. А они не позволяют помелу взлетать слишком высоко. Гонщики используют камешки с определенных мест, чтобы летать быстрее позволенного. Но разбираются в этом вопросе немногие. А ведь для космических полетов это тоже необходимо.

— Я хотел бы полностью убедиться, что эти камни залетели к нам с Луны, — продолжал Уилл. — Да, я знаю о химическом анализе и магических тестах. Но только представь, что их неверно идентифицировали. Некоторые из этих обломков могли прибыть неизвестно откуда, некоторые — с пояса астероидов, или их принесла на своем хвосте комета. Им придадут силы поднять корабль, и куда они его понесут?

Я содрогнулся, вспомнив несчастные случаи на заре развития полетов на метлах.

— Тогда ты лучше всех сможешь разобраться и все проверить.

— Можешь организовать, чтобы их привезли ко мне?

— Думаю, да. Не уверен только, что мне дадут лунный камень. Потом, конечно, ты сможешь взглянуть на него...

— Под строгим контролем. Я все понимаю. Наверняка он действительно окажется лунным. Но нужно проверить и остальные, это пригодится для будущих путешествий.

— А почему бы тебе не вернуться в Галап? Там гораздо удобнее.

— Там слишком шумно, я предпочитаю тишину и одиночество.

— Как хочешь. Я поговорю с ребятами из Твердыни. Вряд ли они откажут. Кстати, сегодня у Вэл день рождения. А ты ее лучший в мире дядя. Будет ужин с мороженым и тортом со свечами. Приглашены только свои.

Он вскинул руки, словно защищаясь:

— Простите, но я не могу. Сегодня августовское равноденствие. Я могу получить... очень важные результаты.

Я не стал настаивать. Не ждать же Уиллу еще год. Пообещал передать его извинения и улетел. В кузницу. Там я с радостью убедился, что работа не стоит на месте.

Фьялар не знал усталости, работая с нечеловеческим напряжением. Кроме того, ему не пришлось делать абсолютно все самому. Например, мы выбили из НАСА титановый сплав для прутьев и двигателя. Достаточно грамотный профессионал легко может поставить туда кристалл с духом. И так далее.

— До полной луны я сделаю большую часть, — сообщил гном. — Можно будет проверить, летает ли метла и не сожрет ли ее Лунный Гарм. Ясное дело, это только остов. Мясо я наращу опосля. — Он потер руки. — Хаа, но это мясо влетит вам в копеечку!

Я сразу начал подсчитывать. Волколаки всегда хорошо ориентируются в фазах луны.

— Значит, полнолуние. В следующий вторник, так? Может, назначим первый испытательный полет на следующую субботу?

Фьялар расправил широкие плечи. Огонь в горне полыхнул и загорелся ярче.

— Никаких писак! — прорычал он.

— Ты имеешь в виду прессу? Естественно, нет. Будем только мы, наши помощники и их близкие.

Какой подарок для Валерии!

По крайней мере, мне тогда так казалось.

ГЛАВА 32

Если бы операцией «Луна» руководило НАСА или какая иная мощная корпорация, первый полет нашей метлы стал бы Событием. Дальновидение, газеты, журналы и ведущие разных шоу целый месяц перебивали бы косточки нам и нашим делам. Заголовки пестрели бы названиями «Наш Путь к Звездам», «Наш Прорыв» и «Презревшие Земное Притяжение», а уж о Куртис Ньютон вынюхали бы все — от ее личной жизни до ее пристрастия к ликерам. В эту субботу газетчики и зрители заполнили бы стартовую площадку, и яблоку негде было бы упасть. Толкали бы речи. Брали интервью. Оркестр. Речи. Ковровые дорожки. И снова речи.

А так нас было совсем немного. Мы особо не прятались, но и не трепали языками попусту. Поскольку мы были маленькой частной компанией, то особое ударение ставилось на «частной»

и «маленькой». Если бы нас заподозрили, то спасения не стало бы от политиков и общественности. Если бы нас было больше, то защита против демонов могла и не сработать. Наверняка они только и ждали удобного случая, чтобы расправиться с нами.

Мы решили, что лучше всего поступить, как предложила Джинни. Если мы предоставим метлу, которая часто и успешно летала, никто не посмеет навалиться на нас с правилами и запретить проект. Мы рассчитывали принимать активное участие в дальнейших разработках. Ну, и собрать сливки — гонорар за открытие, авторские, проценты от использования — и разделить между участниками. А зуни, кроме всего прочего, могут с толком использовать те миллионы долларов, которые им причитаются.

Но победа не исчисляется деньгами. Это победа аль-Банни — космическая программа снова действует, она получила новый толчок. И всего человечества в целом. Мы долетим до Луны и очистим ее от зла, которое так долго скрывалось и растревляло души интеллектуалов, расистов, параноиков и злобных дураков вроде тех, что подняли Халифаты на войну.

Ладно, возможно, мы и преувеличивали, хотя то, что беспокоило Балавадиву и Фу Чинга, беспокоило и меня. Экспедиция должна докопаться до истины. Против общего врага мир будет вынужден объединиться. Хотя, может, это и пустые мечтания.

Но я знал наверняка, что слишком многое зависит от успеха нашей маленькой метлы. Я заставил себя расслабиться и веселиться со всеми.

Мы стояли небольшой группой позади кузницы. Утро было солнечным, хотя и прохладным. Дул легкий ветерок, донося запахи шалфея и, увы, какой-то вонючей травы. Дова Йаланне возносила в голубое небо свою красно-белую вершину. Свет и тени перемежались на ее склонах. Джинни стояла рядом со мной, из-под ее шапочки выбился непокорный локон. По другую сторону стояли Вэл и Бен. Мы оставили Криссу дома — никогда нельзя быть уверенным, что все пойдет хорошо, — на попечение Анны Беккер, которой мы заплатили достаточно, чтобы она потом не жалела о том, что пропустила взлет первой космической метлы.

Уилл стоял в сторонке. Молча. Неделя в пустыне, под жарким солнцем, выкрасила его в бронзу, а спокойствие и тишина, казалось, снова вернули мир в его душу. Но он так ни разу и не улыбнулся.

К нашему разочарованию, Барни Стурлусон и его жена не смогли приехать. Его вызвали в Вашингтон для очередной драки.

Представителями НАСА были Куртис, которая должна пилотировать наш корабль, и мой коллега Джим Франклин, который устанавливал связь и контрольную панель. Они тоже стояли в отдалении, являя собой красивую пару — шоколадный мужчина и белая высокая женщина. Они весело болтали, так что я даже заподозрил, не наклеивается ли между ними роман. Вот было бы неплохо.

Балавадива и двое почтенных стариков-священников также держались в стороне. Не потому, что чуждались остальных, а потому, что были заняты, хотя по виду и не скажешь. Они не стали красоваться перед зрителями, а потому не надели церемониальных нарядов.

В целом обстановка была очень непринужденной. Но меня охватило странное радостное чувство, не совсем обычное для презентации полета метлы. Оно было сродни благоговейному трепету.

Меня отвлек голос Бена:

— Пап, а насколько высоко полетит метла?

— Чтобы было видно, как она себя ведет, — ответил я.

— А если все будет хорошо, мы тоже сможем полетать?

— Балбес, — обозвала его Вэл неуверенным голосом. — Это же проверка.

— Но ведь это просто метла, правда? — не унимался ее брат. —

И управляется так же, как «Форд» или «Линкольн», разве нет?

— Скорее как крутая «Мазерати».

Вэл жадно впитывала все, что мы ей рассказывали, и просила еще. Ведь наша метла отправлялась туда, где странствовал сам магистр Лазар!

— Она пройдет низко над землей, — пояснила Джинни. — Люди еще ни разу не летали на космических кораблях. Мы должны убедиться, что все в порядке.

— Мы, — тихо прошептала Вэл. И посмотрела на Куртис с завистью и восхищением.

— Хей, а вот и она! — воскликнул Джим Франклин. Мы сразу же забыли обо всем. Все, кроме зун и, возможно, Уилла, который стоял с каменным лицом.

Фьялар сам вынес свое творение. Оно было не таким уж и тяжелым для него, так что придется потом накладывать антиугонное заклятие. И все-таки шагал он медленно, а усы раздувались от затрудненного дыхания. На поясе гнома висел Фотервик-Боттс. Скорее не висел, а волочился по земле.

Фьялар что-то рывкнул, выдвинулись парковочные ножи.

Метла вырвалась у него из рук и встала горизонтально. Мы радостно завопили, счастье переполняло наши сердца.

Она была так прекрасна, как любое совершенное творение. Двигатель отливал синевой и был покрыт чеканкой. Я сразу вспомнил, что барды любили сравнивать мечи с огнем и змеями. Единственный кристалл управления был не гладким, а фасетчатым, и свет разбивался в нем множеством радуг. Под ним золотился переключатель связи. Каждый титановый прут в хвосте метлы был любовно отполирован.

Но наша красавица предназначалась не для Земли. Парковочные ножки представляли собой сверхпрочные хваталки с крюками на конце, поскольку грунт, на который ей придется садиться, может оказаться твердым и неподатливым. Помело не должно перевернуться при посадке. Не было никаких кресел, только два седла с удобными стременами и седельными сумками: ничто не должно было мешать всадникам быстро покинуть метлу или вскочить обратно. Кроме того, такое решение позволяло использовать вес тела для тонких маневров. Единственная фара на конце рукояти была прикрыта свинчивающимся колпачком, а над ним красовался крест из четырех орлиных перьев.

Фьялар сказал правду. Это был голый остов. Корма недоделана, кронштейны торчат во все стороны. Да и весь дизайн оставял желать лучшего. Нужно еще найти место, куда прицепить регистрационный номер и прочие прибабасы, которые положены по закону. Но самое главное — это...

Видимо, у нас с Джинни мысли сошлись, потому что она прошептала:

— Защита.

А вот об этом мы еще не думали. Военный пулемет на подвижной турели? Да злобный шэнь... или куй и остальные демоны просто со смеху помрут! Волшебный меч — это уже кое-что. Я сам работал подобным оружием, когда побывал в Нижнем Континууме, и убедился в его эффективности. Но ведь колдун или ведьма справились бы гораздо лучше, не так ли? Маг должен разбираться в природе демонов и способах борьбы с ними. Я представил Фу Чинга с развевающейся клочковатой бородой, который восседает позади Куртис... И покачал головой.

Да, нашему пилоту требовался помощник, так как на Луне их могут поджидать более грозные опасности, чем радиация и вакуум. Эта работа под стать волшебнику или священнику, который сможет управлять космическим кораблем и будет готов к самым невероятным сражениям с чудовищами... Ни одного варианта.

Если бы у нас было два-три года в запасе, может, мы кого и нашли бы или подготовили.

Я прикинул собственные шансы и решил, что они невелики, разве что совсем припечет. Джинни... Вот уж нет! В прошлый раз нам ничего не оставалось, как исправить нарушенное равновесие Сил. И для этого больше всего подходила пара — мужчина и женщина, Инь и Янь.

Я очнулся от раздумий. Фьялар как раз поднимал меч. Он взмахнул оружием над корпусом метлы и рывкнул что-то на старонорвежском, а потом перевел на английский:

— Нарекаю тебя «Небесным Странником»!

— Ты чего? — зашипел Фотервик-Боттс. — Нужно называть его «Святым Георгием»! Чтобы без промаха разил драконов, демонов и всякую нечисть, а?

Фьялар насупился, но промолчал. Поскольку мы не вели никаких записей, то и не подумали о названии для корабля. Сомневаюсь, что подобная мысль приходила в голову и нашим зуни. Как-то ночью Джинни призналась, что хотела бы назвать космическую метлу «Сова», в честь ее ордена. Так я и буду величать наш корабль.

Вперед выступила Куртис.

— Это неважно, — пропела она и погладила корпус метлы. — Главное, что это наша птичка, и она просто замечательная. Спасибо вам, мистер Фьялар.

Гном зарумянился, так что нос его запламенел, словно маков цвет. Хотя он и был закоренелым холостяком, внимание красивой женщины польстило и ему.

— Пожалуйста. — Он протянул ей ключи. — Ведите ее в небеса и передайте от меня привет Тору.

— Боюсь, что сегодня не получится, — улыбнулась Куртис.

Балавадива спас ее от вдохновившегося гнома.

— Все готово для проверки? — спросил он. — Доктор Грейлок, прошу вас.

Уилл непонимающе глянул на него. Потом словно вернулся к реальности из некой мрачной бездны.

— Что? А, да. Прошу прощения.

Он нырнул под тент. Там недавно установили сейф с осколками метеоритов и записями об их происхождении. Уилл пополнил эти записи. Пару раз, возвращаясь из резервации зуни, мы с Джинни видели отсветы эдисонок и магических огней под этим тентом. Уилл трудился в полном одиночестве, и мы решили ему не мешать. Джинни надеялась, что работа исцелит ее брата.

К тому же это была важная работа — если не для настоящего, то для будущего точно. Мы надеялись дожить до тех времен, когда люди полетят на другие планеты. А для этого необходимо отыскать метеориты, которые кружились когда-то возле тех планет. Лучше проявить предусмотрительность и позаботиться об этом заранее.

Пока остальные священники хором молились, Балавадива свинтил колпачок с носовой части метлы. Под ним открылась выемка, заполненная застывшей морской пеной. Священник осторожно вложил туда две половинки орлиного яйца, которое нашел на Дова Йаланне после вещего сна. У меня мурашки пробежали по спине и зашевелились волосы на затылке.

Вернулся Уилл. Он нес желтую крупинку, которую передал Балавадиве. Священники зуня тщательно осмотрели ее, а потом благословили. Балавадива положил крупинку в выемку и завинтил колпак.

Это была простая песчинка. Но в ней таилась могучая сила, которая должна коррелировать с магическими импульсами, толкающими метлу вверх. И контролировать их. Когда мы все проверим и решим отправить метлу в дальний полет, песчинку заменят на камешек с гор, потом — на кусочек земли, спекшейся от удара метеорита. С ним метла сделает круг по орбите нашей планеты.

И лишь потом наступит черед лунного камня, хотя корабль не уйдет сразу же к Луне, а попытается выйти за пределы земного притяжения. Кусочек луны лежал пока в специальной коробочке, запертой всевозможными заклятиями. Наверняка Уилла это задевало, но он молчал.

Сегодня все неприятности отодвинулись на задний план.

— А теперь вы, капитан Ньютон, — промолвил Балавадива.

Зуня передала ему ящичек. Маг кивнул Куртис и открыл его. Чуть дрожащими руками она достала содержимое. С виду ничего особенного: коричневатый меховой мешочек, сшитый из шкуры американского зайца. На нем была бисером выложена крылатая фигурка в маске, а вокруг фигуры были пришиты перья. Известно, значил ли этот символ что-то для зуня или они создали его специально для нас.

Внутри находились крохотные бутылочки с водой семи океанов, шкурки кротов и прочие предметы, о которых я ничего не знал. Их освящали пением и молитвами. Именно этот мешочек и был волшебной защитой для наших астронавтов.

— Прими и надень, — промолвил Балавадива. — Здесь за-

ключена сила Возлюбленных Близнецов. В путешествиях они одарят тебя чистым воздухом, теплом и здоровьем. Это щит против всего, что ждет тебя за пределами Земли. И с ним ты всегда вернешься домой.

— Благодарю, сэр.

А что еще тут можно ответить? К мешочку был пристегнут ремешок. Куртис перебросила ремень через левое плечо и застегнула.

Балавадива отдал ящичек Джинни.

— Остальное — для тебя, — неожиданно будничным тоном сказал он. Или для него священнодействие и было самым обычным делом? — Ты лучше всех знаешь, как это сохранить.

Вся банда Матучеков сгрудилась вокруг Джинни и устремила взоры на ящичек. Там лежало еще с дюжину мешочков. Вэл сразу же протянула руку, чтобы погладить мягкую шерстку.

— Я думаю, что более безопасного места, чем стоянка нашего корабля, не найти, — заметила Джинни.

— Такие махонькие, — пропищала Вэл. — Вы, наверное, сделали их из крольчат?

Балавадива пристально поглядел на нее.

— Что еще раз доказывает: малышей нужно как следует защищать.

— А-а, — протянула Вэл, так и не поняв, к чему это он сказал. Я захлопнул ящик и отнес его под тент.

Когда я вернулся, торжественная часть закончилась и началось веселье. Зуни тоже ухмылялись и, как мне показалось, отпускали шуточки на своем языке. Фьялар и Фотервик-Боттс распевали какую-то викингскую песню. Горланили они еще похлеще Эдгара. Дети скакали.

Куртис надела наушники и повесила на шею микрофон. Проверила работу контрольного шара. Джим посылал ей воздушные поцелуи. Астронавтка выпрямилась, вскочила в переднее седло и застегнула страховочные ремни.

Уилл стоял без кровинки на лице. Джинни подошла к нему.

— Разве ты не рад? — спросила она.

— Конечно, рад. Но я придержу свою радость, пока Куртис не вернется.

— Вернется! Мы проверили, нет ли поблизости злых духов. Поставили защиту. Так что сегодня ничего страшного не случится.

Никто не в силах все предусмотреть.

Куртис вставила ключ и включила базовое заклятие.

— Вперед! — воскликнула она и опустила руки на кристалл

управления. Его фасетчатые грани засветились. Метла вздрогнула.

И взлетела. Парковочные ножки подогнулись. «Сова» набрала высоту.

Переговорное устройство держал Джим. Вместо наушников был подключен динамик.

— Привет, — сказал он. — Все в норме?

— Еще как! — долетел до нас голос Куртис. — Не управление, а мечта. Обзор великолепный. Что там у нас с высшим пилотажем?

К Джиму подошел Балавадива.

— Полетай вокруг священной горы, пожалуйста. И чуть выше.

— Вы уверены? — удивилась Куртис. — Можно?

— Вы никого не обидите, капитан Ньютон. Мысленно благодарите богов. Они услышат вас.

Вскоре корабль скрылся за громадой Дова Йаланне. Мы ждали, затаив дыхание.

Потом яркое пятнышко засияло над вершиной. Оно поднялось все выше и выше.

— Со мной кто-то разговаривает, — тихо произнесла пилот. — Но не словами. Но я знаю, что должна взлететь так высоко, как сумею. — И тут страх в ее голосе исчез. — Значит, к стратосфере, ребята. Эге-ей!

Пятнышко скрылось из глаз. Еще бы, какая высота! Там Куртис уже не могла бы дышать без амулета.

— Как ты? — хриплым голосом спросил Джим.

Они переговаривались без пауз. На такой высоте радио работало бы не хуже. Но когда метла уйдет за орбиту, скажутся преимущества магической связи. Радиоволны передаются с определенной скоростью, но мысль мгновенно покрывает огромные расстояния, двигаясь с бесконечной скоростью. Конечно, меня всегда учили, что «бесконечная скорость» — полная чушь, но никому еще не удавалось измерить скорость мысли.

— Здорово! — прозвенел голос Куртис. — Наша птичка летает, она живая, настоящая! Небо становится темным, почти фиолетовым. И солнце не бьет в глаза. Спасибо, мистер Адамс... ой, Ба-ла-ва-ди-ва! Отсюда видно даже несколько звездочек. Земля закружается. Она дышит... Можно я полетаю еще чуть-чуть? Ну пожалуйста!

— Класс, — прошептала Вэл. — Эх, вот бы и мне полетать.

Я положил руку на плечо дочери.

— Когда-нибудь, лапочка, ты полетаешь.

— А я вот что подумал, — начал Бен.

— О чем, дорогой? — спросила Джинни.

— Пока у нас тренировочный полет, это понятно. Но что они будут есть на Луне?

— Воду и еду они возьмут с собой. Мешочек, который надела капитан Ньютон, позволяет кушать и пить, как дома.

— Но ведь туалета там нет.

— С этим еще проще, — усмехнулась Джинни. — Астронавты будут... гм, облегчаться прямо в вакуум.

— Ничего себе небесные тела, — захихикала Вэл.

Спустя некоторое время, которое нам показалось вечностью, Куртис спустилась. Она была настоящим профессионалом и не только наслаждалась полетом, но и проверяла все системы. Пилот не устояла перед искушением заложить несколько крутых виражей. Обычное помело развалилось бы на части, но сталь гномьей закалки выдержала испытание с блеском. А конструкция, придуманная аль-Банни, удержала астронавтку в седле. Ускорение никак не сказалось на Куртис, разве что немного вжало в сиденье.

Правда, она потом призналась, что нелегко было ориентироваться в пространстве без привычных рывков и торможений. Приходилось полагаться только на зрение. Правда, контрольный кристалл повиновался малейшему ее желанию и с готовностью показывал любые виды. И для такого опытного пилота, как Куртис, этого было достаточно.

— Захожу на посадку! — наконец крикнула наша валькирия. Взметнулась туча пыли.

Куртис спрыгнула с седла. Каждый из зрителей желал обнять героиню дня. Зуни просто пожали ей руку. И Уилл.

— Вот это представление! — вопил Фотервик-Боттс, которого воткнули в песок для равновесия.

Фьялару пришлось встать на цыпочки, чтобы обнять Куртис. Обнять он пожелал ее всю сразу, потому Джим быстро оттащил настырного гнома. Я поздравил Куртис, а потом поцеловал Джинни в засос. Она страстно ответила на поцелуй, насколько позволяли приличия.

Мы все вместе затащили «Сову» обратно в кузницу. Никто не стал цепляться к Куртис с расспросами. Позже она напишет отчет, на который мы будем опираться в дальнейших разработках. А пока следовало отметить наш успех.

Первым выступил с предложением я:

— А давайте-ка, леди и джентльмены, отправимся в «Буффало» и откупорим пару бочонков.

Всеобщее ликование. Тогда мы еще не знали, чем закончится этот день.

ГЛАВА 33

Зуни вежливо отказались. Они собирались праздновать вместе со своим племенем. Оно и к лучшему. Индейцы справляют свои праздники слишком торжественно.

— Извините, но я лучше лягу спать, — сказал Уилл.

— Жаль, — честно признался я. — Что, снова прихватило?

— Просто устал. — Он скрипел, как несмазанная машина. — Сам виноват. Загнал себя до полусмерти. Отправляюсь домой и отдохну.

— Правильно, — согласилась Джинни. — По меньшей мере, неделю. А потом поищем тебе хорошего доктора — невропатолога или еще кого.

Он передернул плечами.

— Посмотрим. А пока соберу инструменты и сложу тент.

— Я помогу, — предложил Джим.

— И я, — добавила Куртис. Вот такие они у нас.

Я было дернулся, но Джим покачал головой:

— Спасибо, мы и сами управимся.

Да, загрузить вещи Уилла на старенькое «Вольво» будет трудно. А еще мне показалось, что Джим хочет побыть вместе с нашей астронавткой. Бедняга Уилл в расчет не шел. Они направились к тенту.

— А-хой! Наконец я попаду в город! — взревел Фьялар. — Клянуся щечками Фреи, давненько я уже сижу на голодном пайке. Там виски есть? А пиво, шоб хорошенько промочить глотку?

— Э-э, погоди-ка, — испугался я. — Наша операция слишком секретная. Если тебя увидят...

Гном взорвался от негодования:

— Шо, я для вас плохой? Как работать — так пожалуйста, а как сидеть рядом с вами на пиру — так пошел вон?! — Фьялар взмахнул кулаками. — Локи меня побери, если я не вел себя как жентльмен! Шо, не веришь? Так я сейчас тебе докажу. Эйнвиги!

— Эй, я вообще ничего не имел в виду... Я просто... Чего-чего?

— Ниче! Не бойс, не хольмганг. Выбирай оружие. Я возьму

молот и клещи, шоб вырвать твой длинный нос перед тем, как разmozжу твою башку!

Дети оцепенели. Потом Вэл завизжала:

— Только попробуй!

Не успела она вклиниться между нами, как появилась Джинни.

— Фьялар, милый, ну пожалуйста, — замурлыкала ведьма. — Ты не понял, что хотел сказать Стив. Мы прекрасно понимаем, как напряженно ты трудишься и что тебе необходимо хорошенько отдохнуть. Придет день, когда мы... когда все наше королевство засыпет тебя дарами и воздаст по заслугам. Но пока лучше не привлекать к себе внимания.

Ярость гнома улеглась. Зато нахлынула обида.

— Я выгляжу по-дурачки, да? — Мне сразу же стало его жаль. — Не волнуйся, милая леди. Любого, кто попробует насмехаться надо мной, я раздавлю, как жука.

Естественно, оставлять его было никак нельзя.

— Все в порядке, — заверила гнома моя жена. — Ты едешь с нами. Стив просто хотел сказать, что после трудов ты измазался и пропитался дымом. Так выглядит настоящий труженик, но мы будем восседать в... пиршественной зале, самой лучшей в городе. Почему бы тебе не вымыться и не сменить одежду? Тогда городские девушки сразу увидят, какой ты красивый и мужественный.

Ее улыбка довершила дело.

— Йа-йя! Прости, Стив, я просто сбрендил! Ты должен выражаться понятно, вот как я. Подождите минуту, я скоро управлюсь.

И рванул в кузницу.

— Великолепно! — воскликнул Фотервик-Боттс. — Подкрепиться, а? Осмелюсь заметить, что вы не запланировали никаких увеселений. Но ничего страшного. Я буду рассказывать вам разные истории. Или петь песни. Мрачные баллады, как и приличествует героям. Или марши. «День-ночь, день-ночь, мы идем по Северу!» Или праздничные гимны.

Я так и сел, где стоял.

— О нет! В «Буффало», конечно, заглядывают ковбои, но носить в нем оружие запрещено, и... — Ладно, Фьялар еще сойдет нам с рук. Там, где мы будем праздновать, люди не любят совать нос в чужие компании и едва ли начнут звать полицию. Но меч, который безостановочно болтает и орет песни... — Боюсь, ничего не выйдет. Это противозаконно.

— Что? Холодное оружие запрещено? Что это за проявление материализма... вернее, живизма? Кровь господня! Я не потер-

плю, вы меня знаете. Вот вернется Фьялар, послушаем, что он скажет в ответ на подобную несправедливость.

— Хорошо, что Фьялар успокоился, — прошептал я Джинни. — Если он действительно разозлится, он бросит все к чертям и уедет, если не хуже.

— Приносим вам свои извинения, сэр, — снова бросилась в атаку Джинни. — Без сомнения, это очень глупый закон. Но в таком случае, храбрый Бронегрыз, должен же кто-то остаться здесь и охранять корабль. Враги не дремлют.

К сожалению, это услышал Балавадива. Он подошел поближе и сказал:

— Это имело бы смысл, если бы мы оставляли корабль надолго. Но ведь гном завтра вернется. За ночь защитные заклинания не ослабеют. А чтобы не залезли грабители, достаточно просто запереть дверь. Я попрошу ребят последить за кузницей. Если что случится, они будут тут как тут.

— Да нет, — прошептал я, — вы не поняли, в чем тут дело.

Он укоризненно посмотрел мне в глаза.

— Да, ситуация щекотливая. Но Возлюбленные Близнецы отворачиваются от тех, кто лжет друзьям.

— Ладно, — вздохнула Джинни. — Устроим вечеринку у нас. Надеюсь, что мы не будем сильно шуметь и соседям не придется вызывать полицию. Девочек позвать не получится, но, думаю, бочонок пива поправит дело.

И все равно Фотервик-Боттса пришлось долго уговаривать. Он еще брюзжал, когда вернулись Джим и Куртис. Метла Уилла стояла уже загруженная под завязку, но он внезапно решил остаться. На наши удивленные взгляды он ответил:

— Знаете, мне резко полегчало. Я, конечно, еще отдохну дома, но сейчас лучше остаться и еще поработать. У меня есть несколько метеоритов, и я ими займусь.

— Вот и отлично, — обрадовалась вся наша семья.

Теперь пришла очередь известить остальных о перемене планов, да так, чтобы не травмировать и без того пострадавшие чувства Фотервик-Боттса. Все загалдели. Тут вернулся Фьялар. Он искупался и натянул новые джинсы, которые мы недавно подогнали под его фигуру. На ноги он нацепил плетеные сандалии, из которых торчали его волосатые пальцы. Наверняка он сшил эти сандалии сам. Еще когда мы летели из Норвегии, он заприметил в летном порту гавайские рубашки и потребовал пополнить ими гардероб. Эта была фиолетовой, в кошмарный розовый цветок. На голову гном водрузил мексиканское сомбреро. Вместе с

кузнечными инструментами он вывез из своей пещеры огромный, размером с него самого, норвежский флаг. Теперь гном грациозно перебросил флаг через левое плечо. На полотнище, конечно, был крест, но все-таки норвежский.

— Эге-ге-гей! — загремел Фьялар. — Двигаем, ребята! Девочки уже ждут не дождутся нас!

— А мы передумали, — сообщил я.

— Чего? — ошетинился гном. — Шо, застыдились меня? Боятесь, шо вас увидят вместе со мной, да? Думаете, шо я — вшивый дверг, хотя я одет как король, а вы — как последние нищелюды?

— Нет-нет-нет, дорогой, — возразила Джинни. — Мы решили, что лучше посидеть дома. Ты славно поработал и заслужил хороший отдых.

— Отдых? — скривился гном. — Вы че, думаете, шо я заматался настоко, шоб сидеть в креслице и хлебать чаек? Черта с два! Я месяц махал молотом и теперь собираюсь повеселиться вволю...

В разговор вступил Уилл. Он заговорил мягко и вкрадчиво:

— Естественно, любая несправедливость по отношению к нашим благородным друзьям — просто ужасна. Но и вправду, генерал Фотервик-Боттс, едва ли вам понравится эта таверна. Я там бывал, сэр, и поверьте мне, это неподходящее место для высокопоставленных офицеров и настоящих джентльменов. Низкопробное общество, гам, шум, никакого почтения к старшим. Этот кабак может устроить только невежественных колонистов.

— Кого это он называет колонистами? — насторожился Фьялар.

— Не тебя, а нас, — театральным шепотом сообщил я.

— А вот дом Матучеков вы уже видели, — продолжал Уилл. — Вы знаете, какой он тихий и уютный. — «Да ну?» — удивился я. — Вы посидите, расслабитесь, заведете умный разговор об искусстве, литературе и научных исследованиях. Если я не ошибаюсь, сегодня по дальновизору будут транслировать балетную постановку театра Санта-Фе.

Мы фыркнули, но Уилл вздохнул:

— Веселитесь, генерал. Я бы хотел принять вас у себя дома. Но, увы, в следующий раз. Я так много слышал о вас и давно мечтал познакомиться поближе.

— Да? — оживился Фотервик-Боттс. — Заинтересовались? Вы? А мне сказали, что вы всю жизнь просидели на гражданке. И это я еще мягко выразился.

— Но я очень интересуюсь историей. Я слышал, что вы... были очевидцем многих исторических событий. И вам известно

то, чего нет в хрониках и что ускользнуло от внимания археологов. Я мечтаю как-нибудь расспросить вас.

— Э-э, что? Вы имеете в виду... битвы?

— Вот именно! Какая редкая возможность услышать рассказ от очевидца событий и настоящего специалиста в военном деле. Я готов слушать часами. И даже целыми днями, если вы, сэр, согласитесь погостить в моем скромном холостяцком доме.

— Да хоть сегодня, — выпалил Фотервик-Боттс с плохо скрываемой радостью.

— Ключнул, — прошептал Бен. Валерия захолопала в ладоши. Фьялар расцвел, радуясь и за свое детище, и за себя самого. Куртис и Джим взялись за руки. Мы с Джинни переглянулись. Я не знал, как мы сможем отблагодарить ее брата. А в глазах жены стояли слезы. Уилл снова стал прежним.

Уилл повернулся к гному.

— Я хотел бы продолжить исследования дома, — сказал он. Ничего, меч ему не помешает — Уилл умеет слушать, не слыша. — Можно мне взять два метеорита с собой?

— Йа, пожалуйста, — весело ответил Фьялар. Он провел Уилла в кузницу и подождал, пока тот выберет себе камни. Так было предписано правилами.

— Проклятые фебруны, — проворчал гном, когда они вернулись, — не доверять такому славному парню. Совсем свихнулись!

«Да-а, а ведь защита стоит на ящике, а не на метеоритах», — подумал я и сам устыдился своих мыслей.

Уилл торжественно вложил Фотервик-Боттса в ножны. Насколько вообще можно торжественно засунуть кого-то в длинную узкую дыру. Фьялар захолопнул единственную дверь кузницы и запер ее. Закрыл ставни на окнах. Потом мы направились к нашей метле. Джим, Куртис и Уилл — к своим.

Неожиданно Уилл помчался обратно.

— Пойдите! Подождите!

Мы остановились.

— Простите меня, — крикнул Уилл. — Я, старый дурак, забыл свои заметки. Можно я заберу их с собой?

Поскольку в правилах ничего не говорилось о записках, Фьялар спокойно отдал Уиллу ключ. Тот передал нам меч и отпер кузницу. Оставив дверь нараспашку, он нырнул внутрь. Минут пять мы стояли и болтали о своем. Потом Уилл вышел с папкой бумаг, замкнул дверь и вернул ключ Фьялару.

— Хорошо, что вовремя вспомнил о документах, — заметил

он. — Сегодня я сам не свой. Вот, заставил вас жариться на солнце.

— Ага, — засмеялся гном, — пиво бы сейчас было в самый раз.

И передал ключ Джинни. Мне показалось, что этим жестом он снимал с себя всяческую ответственность до конца дня.

Уилл и Фотервик-Боттс отбыли.

— Отважный парень, — сказал я. — Что ж, давайте повеселимся, раз уж Уилл пожертвовал собой ради нас.

И мы полетели в Галап.

ГЛАВА 34

Мы опустились на небольшую стоянку позади «Буффало». Солнце стояло в зените, и нам не терпелось спрятаться в тень.

Это было обширное и приземистое здание, стойка бара сделана в старинном стиле, а вдоль стен расположены столы и лавки. Скатерти в красную клетку, дешевые столовые приборы, солома на полу и всего два дальнови́зора, которые работали тихо, если только не транслировалось какое-нибудь важное событие или матч, — вот вам «Буффало». Над стойкой висела пара чучел — звериных голов, по стенам — картины с мирными ранчо, а на потолке красовались сотни желтеющих визиток. В этом заведении всегда была прекрасная кухня и доброжелательное обслуживание. По обыкновению на обед сюда набились как семьи, так и служащие, забежавшие на перерыв. «Буффало» открыли, когда начала строиться Твердыня, и здесь обычно бывало много рабочих. Сейчас в Твердыне настали тяжелые времена, потому никто из знакомых мы не заметили. Поскольку нас было семеро, мы сдвинули два стола вместе.

Разговоры вокруг перешли в недовольный гул, когда Фьялар развернул свой флаг и установил во главе стола. Может, в Миннесоте или Сиэтле публика восприняла бы подобную выходку с восторгом, но в Нью-Мехико контингент иной. Мы с Джинни обменялись понимающими взглядами. Я сел по одну сторону от Фьялара, она — по другую. Может, таким образом мы сумеем держать его в рамках. Возле меня устроился Бен, возле Джинни — Вэл. Джим и Куртис сели друг напротив друга.

Когда официант принес воду в графине, тарелки и прочее, шум вокруг нас затих. Я приободрился. Может, слух о нашем появлении и не достигнет ушей полиции. Хотя туристический

сезон закончился, в этом штате гости бывали круглый год, и местные жители привыкли не обращать внимания на чужаков.

Фьялар тотчас же разбушевался:

— Простая вода? Да за кого они нас принимают?

— Это знак вежливости, — шикнула Джинни. — Чтобы ты утолил жажду. Подожди минутку. Разве ваш народ не считается бесстрастным и терпеливым, как горы?

Обычное заблуждение: точно так думают, что все индусы — святые, а все итальянцы — темпераментные любовники. Но гнома проняло, и он утихомирился.

Симпатичная темноволосая девушка принесла меню.

— Привет, — улыбнулась она. — Выпьете что-нибудь, пока будут готовить заказ?

— Привет, Кончита... — начал я. Мы познакомились с официанткой во время прошлых визитов. Место было приятным, и мы бывали здесь часто.

— Йа, скотч! — вмешался Фьялар. — Двойной. Два двойных. Хозяева таверн сейчас страшно прижимистые.

— Он приехал из северной Миннесоты, — быстро забубнил я. — Немного, гм, грубоват. Но честный *hombre*¹. — Прежде чем гном потребовал объяснений, я обратился к остальным: — Пиво? — Все кивнули. — Хорошо, кувшин пива. А детям...

— Пусть не стесняются, — снова встрял Фьялар. — Я плачу. Мед, ром, все на свете для юной леди и отрока.

— Кока-колу, — хором ответили они.

— Хаа? Никогда не слышал. Ну, смотрите не нажирайтесь и не лезьте в драку.

Мы принялись разглядывать меню.

— Это че такое? — рыкнул Фьялар. — Какая-то белиберда.

Мы объяснили, для чего меню и что там написано. Свиную отбивную котлету он одобрил.

— Эт' я понимаю. Такое, наверно, в Валгалле едят.

Жареная говядина пошла хуже — не сама по себе, а ее количество. В Норвегии слишком мало пастбищ, и коров в основном держат ради молока, питаюсь их мясом лишь изредка. Потом говядину стали завозить из других стран.

— Эх, чей это набег был так удачен, что он перебил целое стадо? Почему ты мне раньше не сказал?

Такая снедь, как картофель во фритюре, салаты и консерви-

¹ Здесь: парень (*исп.*).

рованная кукуруза, оказалась выше его разума. Тогда мы предложили гному попробовать все самому и выбрать по вкусу.

Кончита принесла полный поднос. Сразу же поставила перед Фьяларом виски и улыбнулась:

— Добро пожаловать на Запад.

— Спасибо, — порозовел гном. — Клянусь ляжками Фреи, ты штука аппетитная!

И хлопнул ее по заду. Сдается мне, он просто желал выразить свое одобрение, но шлепок получился увесистым, так что по всему залу прокатилось эхо. Кончита вскрикнула.

Джинни успела подхватить поднос, прежде чем вся посуда ссыпалась на стол.

— Святые угодники! — завопил я. — Ты, осел, я сейчас выволоку тебя отсюда!

Куртис и Джим тоже выразились, но помягче, и мы вместе стали просить у Кончиты прощения.

— Ладно уж, простите, — проворчал гном. И опрокинул стакан в глотку. — Йа, нужно было сперва спросить твоего господина. Тогда уж пригласить тебя сесть со мной, а уж потом...

— Попустись, Христа ради! — заревел я.

Фьялар кивнул.

— Йа, здесь поклоняются Крису, так? Я не хотел обижать никаких богов. Вот мне заплатят, я сразу куплю козленка и прирежу его на алтаре вашего Христа.

— Я жутко извиняюсь, Кончита, — проблеял я, беря ее под локоть. — Мы и не думали... Клянусь, это больше не повторится... Мы, гм, хотели бы возместить...

Последняя фраза оказала нужное воздействие. Кроме того, Кончита всегда умела держать марку.

— Хорошо, Стив, сочтемся. Это был своего рода комплимент, да? — Она понизила голос. — Знаешь, мне его отчего-то жаль. Он наверняка ужасно одинокий. И такие маленькие люди обычно долго не живут.

— Ты прощен, — холодно сообщила Фьялару Джинни. — Радуйся, что ты в христианской стране.

— Да ну? А че я не встретил ни одного монаха? Йа, ладно. Я тоже всех прощаю. Такой уж я отходчивый парень.

Мы снова сели. Кончита протерла бокалы и поставила кувшин с пивом на стол.

— Ага! — обрадовался Фьялар. — Вот чего мне не хватало!

Он протянул длинную мослатую руку, сгреб кувшин и припал прямо к горлышку. Когда сосуд опустел наполовину — а за-

няло это не более тридцати секунд, — он поставил его на стол и удивленно спросил:

— А че, вы не хотите пива?

— Принеси нам еще один, — попросил я официантку. — Нет, лучше сразу два.

Она прихватила еще две вазочки с печеньем. Фьялар сразу же опустошил ближайшую. Дети забеспокоились и подтянули к себе оставшуюся. Гном покровительственно улыбнулся.

— Нравится ваше питье? — поинтересовался он.

— Очень, — ответил Бен. И предложил: — Хотите попробовать?

— Спасибо. Ты вправду благородный юноша.

Бокал почти исчез в его волосатой лапе.

Вероятно, древние норвежцы понятия не имели о маленьких глоточках. Гном опрокинул содержимое бокала — кока-колу, кубики льда и прочую ерунду — в глотку. Сразу же все это полетело через стол.

— Фу-у-у! Клянуся всеми жабами Хель, чем американцы прогневили богов, что пьют такую муть?

Мы вытерли стол, воздерживаясь от комментариев, и принялись обсуждать меню. Кончита принесла Бену другой бокал, а нам — два кувшина с пивом. Настроение сразу улучшилось. В конце концов, мы же отмечаем нашу маленькую победу. Фьялар разошелся. Он рассказал ужасно скабресный анекдот про Одина и великаншу, зато потом ударился в воспоминания о прежних веках, и это было по-настоящему интересно. Мы слушали о прошлом, удивительном, но теперь навсегда затерянном мире.

Поспел обед. Не ожидая ничего путного от застольных манер гнома, Джинни заказала для него еду, которую можно было брать руками, — ребрышки, курицу по-французски и тосты. Беседа текла своим чередом. Дети вносили вежливые, но разумные замечания. К сожалению, никто, даже я, не заметил, что гном все чаще заказывает себе пиво, потом виски, потом снова пиво, и так до бесконечности.

Наконец Кончита унесла грязную посуду и поинтересовалась, хотим ли мы что-нибудь на десерт. Взрослые сыто покачали головами, а Вэл и Бен затребовали мороженого. Фьялар тоже пожелал попробовать незнакомое лакомство.

— ...сказания называют великанов самым древним народом, — вещал Фьялар, — но мы, гномы...

Официантка поставила перед ним вазочку. Гном ткнул пальцем в мороженое и облизал его.

— Хо, хорошо, — одобрил он. — Чем кормили этих коров? Но тут нужна добавочка. — И опрокинул остатки виски в мороженое. — Мы, гномы, были владыками мира. Самыми лучшими кузнецами и магами. Сами боги покупали наши вещи. О нас знали все. В «Эдде» есть список наших имен. Нет списка всех великанов, даже всех этих зачуханных богов, зато двергар...

Он сунул ложку в вазочку и поднес ко рту. Естественно, алкоголь растопил лакомство. Густая коричневая жижа полилась на бороду гнома.

— Что за троллиные шутки? — возопил Фьялар. — Кто наложил на меня заклинание? Да я вобью его по уши в землю! Я...

— Тише, тише! — На нас начали оборачиваться. Я схватил разбушевавшегося гнома за руку. Он не заметил. Тогда я ухватил его за усы и притянул его голову к своему лицу. — Никто не колдовал и никто не думал вредить тебе, балбес! Ты что, никогда не видел, как тает лед? Или не пил воды?

Гнев Фьялара уступил место сентиментальности. Но даже тогда я не обратил внимания на тревожный сигнал.

— Лед тает весною, — заныл он. — Весь мир скорбит о смерти Бальдра. И мороженое тоже? Оно такое сладкое. Я выпью его слезы. — Он поднял розетку и отхлебнул. — Отличный супчик! Еще!

Чтобы утихомирить гнома, я подал знак Кончите. Она осторожно подошла.

— Список гномов. Внимайте! — Он поднял указательный палец. — Первыми идут Мотсогнир и Дарин. Потом Нии, Ниди, Нордри, Судри, Аустри, Вестри, Альтиов, Двалин...

— Еще мороженого, — прошептал я. — И счет, пожалуйста.

— ...Вейг, Гандальв, Виндальв, Трайн...

— Ау de mi¹, кажется, у вас проблемы? — посочувствовала официантка. — Бармен уже ворчит, чтобы его выставили. Надеюсь, до этого не дойдет.

Я пожал плечами.

— Я тоже, иначе будет хуже. Мы сами все уладим. Мне очень жаль. Обещаю, что больше подобное не повторится.

«По крайней мере, не здесь».

— ...Фили, Кили, Фундин, Нали... — Фьялар поводил окосевшими глазами по сидящим за столом. — Я вам не наскучил? Не хочу никому наскучить. Друзья не должны скучать за одним столом. Я шас закончу.

¹ Здесь: о, горе! (исп.).

И затараторил:

— Хефти, Вили, Ханар, Свиор, Фрар, Хорнбори...

Куртис наклонилась ко мне.

— Ну, он ведь постоил наш корабль, — снисходительно прошептала она.

— А работа еще не закончена, — добавил Джим.

— ...Альв, Ингви, Эйкинсьяльди, Фьялар... Фьялар — это я.

Я был там, я...

Кончита принесла новую вазочку и счет.

— Фрости, Финн, Гиннар! — Гном вырвал блюдо из рук официантки. — Вот и весь сказ.

Возбуждись сверх меры, он вспрыгнул на стол. Пустые кувшины только хрустнули под его сандалиями.

— Это гномы! — возгласил он. — Жертвую тебе, старина Тор!

И запустил блюдом в стену. Жирные брызги полетели во все стороны.

— Не кровь, но тебе понравится, владыка грома!

Я как раз отсчитывал Кончите деньги. Дал еще.

— Да что я болтаю! — заорал Фьялар и затянул было песнь: — Geug ni Garm... Нет. Вы не знаете. Не понимаете. Никто не понимает. — Слезы хлынули из его глаз на бороду, запачканную мороженым и виски. Потом он добавил скрепя сердце: — Но люди продолжают сражаться! Людям нужно оружие! В Ногрв... Норвегии еще не перевелись славные воины!

Я недавно слышал, что Норвежский парламент получил Нобелевскую премию Мира.

— Будут звенеть мечи и выть волки! — кричал Фьялар. — Fram, fram, Norgmen!

Он схватил флаг и принялся размахивать полотнищем над головой, попутно смахнув с потолка целое облако пыли.

— Давайте убираться, пока никто не вызвал полицию, — предложил я Джиму. Он кивнул. Мы подхватили гнома под колени — он оказался тяжелее, чем я думал, — и понесли на выход. Вероятно, он воспринял наш маневр своего рода триумфальным шествием. Фьялар махал знаменем и скандировал кроважадные вирши.

Солнце уже заходило.

— Че? — икнул Фьялар. — Мир в огне? Уже наступил Рагнарек? Атлично!

И рухнул лицом вниз. Мы с Джимом даже не успели подхватить его.

Куртис подобрала флаг, проявив уважение к великой нации.

— И что теперь? — спросила она.

— Мы со Стивом заберем его домой, — ответила Джинни. — Уложим спать в комнате для гостей.

— Ну, ты больше всех знаешь о... Созданиях, — облегченно выдохнула Куртис. — Если что — звони.

— Мы могли бы пойти куда-нибудь сегодня вечером, — предложил ей Джим. — Если, конечно, ты не устала.

— Прекрасно. Там и отдохну, — улыбнулась она. — Спасибо за предложение. Принимаю.

— Все будет в порядке, — заверил я их. — Разве что утром, когда он проснется, нам понадобится пиво. А может, и нет.

Мы дотащили гнома до нашей метлы, попрощались с друзьями и отчалили.

— Надеюсь, что вы не расстроились, — сказал я детям. — Он славный парень и великий кузнец.

— Ага, — с юношеской надменностью отозвался Бен. — Только организм у него слабоват.

— Ни капельки! — возразила Вэл. — Ты что, не видел, сколько он в себя залил? И ни разу не вышел в туалет.

«Охо-хо! — подумал я. — Лучше растолкать его и засунуть в сортир перед тем, как уложим его спать».

То одно, то другое — прошло немало времени, прежде чем мы с Джинни сели в прохладной гостиной нашего дома и перевели дух. Няня уже ушла. Крисса спала, притом тише, чем Фьялар. Мы убедили Бена хранить в тайне все, что он видел и слышал, и не говорить никому, даже Дэнни Голдштейну. Сын удалился к себе с книгой под мышкой. Вэл вышла проверить почту.

Она вернулась, оглушительно хлопнув дверью.

— Счет за газ, — провозгласила дочка. — Что-то от «Корпорации Корн и Банион»... длинный список... наверное, за какую-то партию товара. Еще «Советы юношеству по уходу за собой». Тут сказано, что можно выиграть пять миллионов долларов. А это... ой, это мне.

Она зарделась и быстро спрятала конверт за пазуху. От Ларри, догадался я. И забеспокоился, как любой отец юной девушки.

— Что еще, милая? — светло улыбнулась Джинни.

— А? А, да. Записка от ветеринара, нам пора проверить Свартальфа... Еще какой-то мусор... Эй, тут из И-Опаньки!

— Откуда?

— Из ИОПН, налоговой инспекции.

— Не груби.

— Я цитирую папу, — усмехнулась Вэл. — Он выразился еще круче.

— Ну, давай сюда, — сказал я. Пульс участился. Может, они извещают, что у нас все в порядке? Я вскрыл конверт и прочел уведомление.

Тишину нарушило пророческое карканье Эдгара.

— Так, что у нас плохого? — ровным голосом спросила Джинни.

Я протянул ей письмо.

— Они утверждают, что у нас долг на сумму свыше тридцати тысяч долларов плюс штраф. — Вэл была уже достаточно взрослой, чтобы спокойно воспринять это сообщение. — Подозревают какой-то криминал и заговор с «Норнами». Подпись — Альгер Снип.

ГЛАВА 35

— Ничего удивительного, — сказал Барни, когда мы позволили ему домой. Выглядел он ужасно — глаза запали, под ними обозначились темные круги, правая щека подергивалась в нервном тике, а голос был сорван.

— Так почему ты нас не предупредил? — возмутился я.

— Я не знал, чего именно от них ждать. А то, конечно, предупредил бы. Стив, я просто не в себе — они меня уже вторую неделю мутыжат.

— Что, так плохо?

— Посуди сам: повсюду инспекторы, они везде суют свой нос, цепляются ко всем служащим, требуют отчеты и расписки десятилетней давности. И им наплевать — секретные это сведения или нет. Я много чего не сказал в прошлый раз, ребята, — просто не хотел сваливать на вас свои проблемы. Похоже, они разбирают фирму по косточкам.

— Но как они все это объясняют, дьявол их побери? Ты вечно жаловался на налоги, но платил аккуратно и вовремя, как мы. Разве нет?

— Я тоже так думал. Моя компания всегда легко проходила любую аудиторскую проверку. Но эта... Например, вы знаете, что мы вели дела с некоторыми фирмами или режимами, которые уже почили в бозе, вроде «Панчатантрис, лтд» в Индии или Демократическая Корейская Республика. Теперь мы не можем сыскать хоть кого-нибудь, кто мог бы подтвердить, что наши

деньги пошли именно туда, куда мы записали в отчете. Но самое страшное, что конца и края нет этому лабиринту... этим джунглям... этой кошмарной круговерти всяких правил. Мои адвокаты хватаются за голову и признаются, что понимают лишь малую часть всех этих инструкций и запретов. У меня такое ощущение, что сами инквизиторы в них плавают. Но налогоплательщик виновен, пока он не доказал обратное.

— Не знаешь, чего они взъелись на нас с Джинни? Говорят, что мы не сообщили им о тех деньгах, которые ты выслал нам в августе. Но ведь это не так!

— Естественно, — вздохнул Барни. — Деньги предназначались операции «Луна». Я перевел их на ваше имя просто для удобства. У вас же остались записи?

— Само собой, — ответила Джинни. — Мы собирались отчитаться за них в следующем году. А нас обвинили, что мы подчистили ведомость и еще нарушили какой-то параграф... Забыла. Несколько раз прочитала, и все равно ничего не поняла... Что-то об отмывании денег. Но ведь банк уже подал сообщение о переводе.

— Я сам займусь этим, — оживился Барни. — Что бы ни случилось, «Норны» вас прикроют. Если так пойдет и дальше, вам незачем тонуть со всем кораблем.

У Джинни глаза наполнились слезами. Я сам жалобно заморгал.

— Спасибо, старина, — прошептала жена.

Потом я вспомнил о штрафе и разозлился.

— Это просто травля какая-то! — вскипел я. — Твой конгрессмен может чем-нибудь помочь? — О нашем я и не заикался. Его только-только избрали, и единственный вес, который он имел в обществе, было его толстое брюхо.

— Старается, но говорит, что столкнулся с кем-то сильным и изворотливым.

— Получается, кто-то целенаправленно копает под нас?

— Ну, я бы не стал впадать в манию преследования, — острожно заметил Барни. — Я считаю, что это началось как простая рутинная проверка, а потом покатилося, как снежный ком, разрастаясь с каждой минутой. — «И кто же подталкивает этот снежный ком?» — Инквизиция полагает, что напала на след крупных махинаций. Чем больше голов добудет инквизитор — тем лучше для его карьеры. — Он помолчал. — Но и вправду некоторые просто мечтают развалить «Норны». Конкуренты. Политики, чьих противников мы поддерживаем. Ненавистники космических про-

грамм. Кто-нибудь из вышеперечисленных, объединившись с такими же, спокойно мог направить по нашему следу инквизицию.

— Что касается нас, — кивнула Джинни, — сдастся мне, это дерьмо Сний решил устроить нам сладкую жизнь.

— Личная месть — могучая сила, — согласился Барни. — Потому Конституция загнала правительство в жесткие рамки. — Он снова вздохнул. — Ну, хватит на сегодня. Мы выкарабкаемся. Спасибо, что рассказали о первом полете нашего корабля. Так и нужно работать.

«Если нам дадут», — хотел сказать я, но сдержался. Мы еще перебросились парой фраз, чтобы развеять гнетущую атмосферу, и отключились.

Хотя мы с Джинни из кожи вон лезли, чтобы не напугать детей, ужин прошел безрадостно. Потом Вэл уложила Крису спать, рассказав ей очередную сказку о том, как Грязновласка победила хитрую ведьму Ягу Мыльная Нога, которая пыталась убедить всех, что люди сделаны из грязи.

Мы с Джинни спали этой ночью отвратительно. А дети выспались — утром они встали с ясными глазами и румяными мордашками. Ну, юность берет свое, и хотя храп Фьялара сотрясал стены дома, они спали как убитые.

Когда гном наконец проснулся, он тоже был в прекрасной форме и боевом настроении.

— Доброе утро, доброе утро, доброе утро, — прогудел он, заглядывая за воскресную газету, которой я попытался прикрыться. — Вот уж прекрасное утро! — Я едва справился с искушением задушить его на месте. — М-м, чую аппетитные ароматы. — Мы как раз доели бекон и пирожки. — Мое брюхо воеет, как голодный Гарм, и скрипит, как колесница Тора. Начнем с рюмашечки скотча, а?

Джинни начала подниматься.

— Ничего, — остановил я, — сам справлюсь.

В еде гном особо не привередничал, да и мне хотелось чем-нибудь заняться. Я повел Фьялара на кухню, выдал ему «рюмашечку» и захопотал у плиты.

Гном направил на меня свой длинный нос, повел им по сторонам и нахмурился.

— У тебя рожа вытянулась, как мидгардский червь¹. Че случилось? У твоих врагов праздник?

Мне не хотелось снова пускаться в описание забот и портить

¹ Ермунганд — мировой змей в скандинавской мифологии.

себе завтрак. Но, рано или поздно, рассказывать все равно придется. Так что лучше сделать это сразу.

— У меня проблемы с налогами.

— Хаа, так отлупцуй их хорошенько, пусть знают! За волосы — и по заднице! А че ты раньше не сказал? Или жалко делиться?

Я оторвался от сковороды и уставился на него:

— О чем ты говоришь?

— О наложницах, конечно. А че они хотят? Подарков получше?

Да, его английский еще оставлял желать лучшего.

— Нет, я имел в виду, гм, подношения, которые мы платим.

— А, дань. Йа. Каждый год вы платите королю, чтобы он кормил свое войско, посылал дары другим королям и оплачивал скальдов. Если вы не платите, тогда на ваши земли приходит его войско и наводит порядок огнем и мечом.

— Здесь все гаже. Но в основном — верно.

— И чего ему надо? Вряд ли меха и янтарь. Может, кожа? Я видел здесь стада коров.

— Деньги. Наверняка ты слышал о таком.

— Золото или серебро, — кивнул Фьялар. — И че такое? Не можешь наскрести из казны? Или ваш король слишком жадный? Тогда вам следует восстать против него.

Вы пробовали объяснить полному дилетанту, что такое подоходный налог? Особенно за готовкой завтрака? Вскоре кухню заволокло едким дымом, мясо подгорело, зазвенел сигнал тревоги. В кухню ворвалась Джинни и сразу же сбежала.

К счастью, Фьялар безропотно сжевал хрустящие кусочки. А может, просто проявил деликатность — в прежние времена священной обязанностью гостя было слопать предложенное угощение — или был слишком голоден. Одним словом, он подмел с тарелки все, как голодный волк. Кто-кто, а я знаю, что говорю. Потом принялся внимательно слушать и задавать вопросы. Хотя гном и был существом неопытным в этих делах, зато далеко не дураком.

Поев, он снова налил себе виски, сел на место и философски рыгнул.

— Да-а, — протянул он. — Подлые людишки дергают закон за ниточки, заставляя делать все, что им вздумается.

— Не думаю, что все это задумано заранее, — не очень уверенно сказал я. — Так уж случилось. Конгресс... э-э, такая штука... — и сразу представил себе какую-то бесформленную, безмозглую «штуку», — ...определяет, кто должен платить и почему.

Но сборщики, гм, дани навывдумывали собственных сложных законов... хотя сами считают, что все в порядке.

Фьялар повел широкими плечами.

— Какая разница? Тебе чего надо — чтобы закон был на твоей стороне. Как в Исландии. Одного мужика за дурное дело приговорили целый год не отходить от дома на расстояние полета стрелы. Враги заманили его дальше. И убили, не нарушив закон. Но его сын отправился в квест искать могучий лук и нашел. Он выстрелил из дома, и стрела пролетела дальше, чем отходил его отец. Значит, враги нарушили закон, и сын смог сквитаться за отца.

— Ах, если бы все было так просто, — вздохнул я. — Такое впечатление, что дело даже не в нас с Джинни. Кто-то метит в операцию «Луна» и ее помощницу — фирму «Норны». Как бы наш полет к Луне не провалился!

Мы мечтали добраться до луны, но никогда не забывали о скрывающихся там демонах.

— Че? — заревел Фьялар. — Все псу под хвост? Остов уже готов, и получится, что он даже не будет закончен?

Он грохнул кулаком по столу. Тарелка подпрыгнула. Я увидел нашего гнома новыми глазами. Да, он, конечно, работал за приличную мзду. Но я даже представить себе не мог, насколько он загорелся общей идеей.

Я попытался объяснить ему все «за» и «против», насколько вообще понимал сам. Но он попросту отмахнулся.

— Нам нужен могучий лук! — заявил он. — Не стрелять в кого-то. Это не дело. А слово... прочтение закона, которое докажет, что мы правы, и никто не посмеет вякнуть против.

— Барни Стурлусон привлек самых лучших экспертов в налоговых операциях, какие только есть в стране, и все равно они не справляются, — мрачно сообщил я. — Конечно, в конце концов они могут доказать нашу правоту и выиграть дело. Но на это уйдут годы и куча денег, а инквизиция кормится налогами. И мы-то спасемся, но операция «Луна» загнется ко всем чертям. Без явного успеха с нашей стороны проект «Селена» тоже можно будет списывать со счетов.

— Значит... — Фьялар с минуту что-то бурчал себе под нос. Постепенно комната проветрилась, так что можно было спокойно дышать.

— Мимир! — закричал гном.

— Что? — переспросил я, потрясая звенящей головой.

— Голова Мимира. Мудрец, который отвечает на все вопро-

сы. Вперед! — Фьялар одним прыжком достиг двери. — Расскажем твоей женке, она-то ведьма. У тебя мозгов не хватает, а она знает все.

Я был слишком озадачен, чтобы возмущаться, так что просто пошел за ним. Мы направились к мастерской Джинни.

Выслушав нас, она просияла:

— Мимир!

На полках нашлись и «Старшая Эдда» и «Младшая», а также «Хеймскрингла»¹ и многое другое. Джинни зарылась в книги. Мы с Фьяларом молча стояли и ждали.

— Мимир или Мим... мудрец, хранитель источника в корнях Иггдрасиля. Был послан в качестве заложника к ванам. Там ему отрубили голову и вернули асам, из-за чего между богами снова вспыхнула война... Один забальзамировал голову и оживил ее. С тех пор он часто советовался... Вельва сказала в прорицании о гибели мира: «Один держит совет с головою Мимира». А в начале времен Мимир дал Одину напиться воды...

Она отложила последнюю книгу и повернулась к нам.

— Да, — пробормотала моя жена, — я чувствую... вернее, предчувствую, что нужно этим заняться как следует. Потому что в этом мне чудится залог спасения.

Я вздрогнул. В прошлом я получил веские доказательства того, что предчувствиям Джинни нужно доверять.

— Значит, другая вселенная? — спросила она у Фьялара. — Параллельный континуум, отдаленный в гиперреальности, где живут ваши боги и Мимир.

— Гм, че не знаю — то не знаю, — опешил гном. — Мудрено как-то ты говоришь. Все, че я знаю, это то, что я был там и видел корни Иггдрасиля. Другие гномы рассказывали мне, что голова Мимира до сих пор лежит там. И мне кажется, что такая умная женка, как ты, сможет добраться туда. А я видел Великое Древо и как оно росло все выше и выше.

Джинни кивнула. Она медленно и глухо промолвила, отчасти для нас, отчасти для себя:

— Это мироздание было однажды для нас закрыто. Наверное, легче добраться туда из северных земель. Фактор веры... Христианство сильно изменило мир. Каким-то образом, Создания вроде тебя, Фьялар, остались здесь, а в иной реальности появились их двойники.

¹ «Круг земной», историческое сочинение Снорри Стурлусона, XIII век, повествующее о конунгах Норвегии.

«И Нижний Континуум — Ад — стал более близким», — с содроганием подумал я. Но, как и любая вера, древненорвежская религия отступила перед лицом Единого Бога, хотя я даже боялся думать о Его природе.

Таким образом, Мимир жил до сих пор, по крайней мере в одной из вселенных. Джинни может выяснить, как туда попасть. Скорее всего, путешествие пройдет легче, чем наше прошлое проникновение в Инферно. Если Мимир был главным советником первого из местных богов, значит, он великолепно разбирался в поэзии скальдов и знал толк в исландских законах...

Может, и в налоговой системе США?

Видимо, Джинни пришла к тому же выводу.

— Мы беремся! — зазвенел ее голос. — Стив, можешь взять на себя сегодня все домашнее хозяйство? — И убрать Фьялара из-под ног, понял я. — Может, до вечера я разберусь с этим вопросом. А пока меня не беспокоить. Ни при каких обстоятельствах!

В дверь позвонили. Я пошел посмотреть, кого там принесло. Гном потрусил следом. Но нас опередили Вэл и Бен. Принесло Балавадиву.

ГЛАВА 36

— Добро пожаловать, сэр, — поздоровался я, когда справился с удивлением. Конечно, ради такого гостя Джинни отложила исследования. Мы провели священника в гостиную и заварили кофе. Эдгар пощелкал клювом, потом почтительно склонил голову. В комнату влетел Свартальф, затормозил, на мгновение вздернул хвост, а потом сел на задние лапы, стараясь выглядеть настоящим сфинксом. Фьялар растянулся рядом с ним на ковре. Вэл с Беном хранили почтительное молчание. Только Крисса подскакала к священнику и залезла ему на колени. Он улыбнулся и потрепал ее рыжие кудряшки. Малышка засмеялась и сползла к его ногам, хотя обычно терпеть не могла, когда ее гладили по голове.

Я растерялся — как начать разговор? «Чем обязаны столь почетным визитом?» — звучит слишком напыщенно и фальшиво. Балавадива, как всегда растрепанный, был одет в легкую рубашку, вытертые джинсы и затасканные до полной неузнаваемости туфли. Он прилетел на стареньком запыленном «Форде». Но он явился без предупреждения, значит, причина была серьезной.

— Надеюсь, в пуэбло все в порядке? — наконец нашелся я.

— Пока да, — кивнул Балавадива. — Зато не в порядке у вас.

— Ну, рыдать в жилет мы не собираемся.

— Он и так мокрый, — пошутил он. — Беда не приходит одна. — Он посмотрел на детей. — Не хотелось бы пугать вас. Но незнание зачастую еще хуже. Решайте.

— Лучше все знать, — стиснула кулачки Вэл. Голос ее прозвучал тонко, но уверенно. — Сэр.

— Да, лучше знать, — согласился Бен. — Сэр.

— И мне, и мне, — залепетала Крисса. Едва ли она что понимала, но наверняка предпочла бы остаться с нами, чем отправляться в детскую, к игрушкам. Или она уже начинала соображать? Малышка обхватила колени священника.

— Тогда подождем вашу маму, — сказал он. И сменил тему: — Как повеселились вчера вечером?

Вэл не сдержалась и хихикнула.

— Мистер Фьялар напился, — наябедничал Бен. — Это было весело.

— Ниче подобного, — возмутился гном. — Чуток выпил. Когда напиваются, то воют, как вы иногда, плывут в Италию, берут папу за бороду, остальных убивают, все рушат и палят, насилию...

— Неважно, — перебил его я. — Вволю наелись и поболтали. А как праздновали зуни?

— Превосходно. — Балавадива пустился в красочные описания. Я заметил, что дети увлеклись и думать забыли о своих страхах.

В соответствии с обычаями пуэбло Джинни готовила на кухне закуски. Она вернулась, поставила еду на стол и присела рядом со мной. И сразу же подобралась и превратилась из жены и хозяйки в специалиста.

Балавадива быстро закончил рассказ. Закаменел и обвел нас тяжелым взглядом.

— Этой ночью мне приснился сон, — медленно произнес он. — Потому я здесь.

Вероятно, он заметил сомнение на моей физиономии, потому что добавил:

— Есть сны и сны. Большинство — ничего не значат. Но иногда приходят сны, которые вы зовете вещими.

— Их сразу отличаешь, — согласилась Джинни.

С полминуты Балавадива молчал. Казалось, что тепло и свет больше не льются в наш дом вместе с солнечными лучами.

— Я не могу пересказать вам все, — продолжил он. — И не

должен. Пока. Но обязан предупредить, что наше время истекает. Враг уже знает о наших планах и собирает силы. Он уже пошел в наступление.

— Йа, эт' точно, мать их так! — вырвалось у Фьялара.

И где это он успел набраться местной ругани? Может, во время строительства кузницы?

— На данный момент мы и вправду сидим в глубокой за... яме, — поспешил добавить я. — Хотя вряд ли наши противники связаны с демонами.

— Судя по всему, нет, — согласилась Джинни. — Хотя демоны наверняка приложили свою длинную руку.

— Потом расскажете, — молвил Балавадива. — Но пока ваши неприятности — только начало. У демонов на Земле есть помощники, но луна скоро войдет в полную силу, так и их силы возрастут. Они объединятся, чтобы сокрушить нас — всех, кто может им противостоять.

Я с ужасом посмотрел на Крису, Вэл и Бена. Старшие сидели, широко открыв глаза и тяжело дыша. Нам, родителям, придется многое им объяснять, да так, чтобы не напугать их еще больше. И успокаивать — Бена даже дольше, чем Вэл.

Крисса бросилась ко мне. Я посадил ее на колени и крепко обнял.

— Ты говоришь именно о нападении?

— Наверняка это будет не война в прямом смысле, как Халифатская, — заметила Джинни. — Демоны слишком хитрые. Скорее, они подавят нашу магию, сломят веру в Свет и поработят души...

— Тихе-тише, крошка, — запричитал я над малышкой. — Никакая бяка не укусит тебя.

— Когда они воцарятся в наших душах, мы сами примемся уничтожать друг друга, — закончила Джинни невыразительным и тусклым голосом.

— Примерно так, — кивнул Балавадива. — Нам нужна помощь Сил, которые способны справиться с демонами. Чем скорее, тем лучше. Это было во сне. — Он посмотрел мне в глаза. — Мы с тобой должны найти их, Стивен.

— Чего?

Я вскочил, едва не уронив дочку на пол.

Пока я садился обратно, он пояснил:

— Нам придется пока отступить. Я обучу тебя некоторым вещам. Потом мы вместе воззовем к Силам.

— Но так-так-так, — затарахтел я, как старый драндулет, — я ничего не соображаю... Жена...

— Ты — глава этого дома и ты — директор операции «Луна». Мы отправимся Древним Путем.

— Но Джинни... Мы с ней... Мы хотели прорваться в другую вселенную. Я не могу бросить ее одну. — Я взял себя в руки. — И не брошу, черт возьми!

— А? — подскочила Вэл. — Другая вселенная? Как магистр Лазар... Как вы раньше... — Глазки девочки забегали, она что-то задумала. — А почему бы маме не подождать, пока ты вернешься, па?

Я заколебался.

— Вообще-то да. Ну, и долго мы будем... отступать?

— Несколько дней. — Балавадива нахмурился. — Может, это все время, какое нам отпущено. Сейчас, когда луна истаяла до половины, лучшее время для Поиска. Я не могу обещать, что Силы, на которые я рассчитываю, придут, но сейчас самое подходящее время для вызова. Такое повторится только через несколько месяцев. — Он замялся, отчего я испугался еще больше. — И не обещаю, что эти Силы смогут нас защитить или сломить Зло. Но враг скоро, очень скоро будет готов нанести удар. Нам нужна любая помощь. Так что молитесь своему христианскому богу.

Крисса подала голос из-под моей руки:

— Иисус любит нас.

В этом я не сомневался. И не сомневался в том, что Всемогущий может разрешить наши заботы одним словом. Но не станет этого делать. Однажды Бисмарк сказал, что бог помогает дуракам, пьяным и Соединенным Штатам Америки. Естественно, шутка. Рано или поздно удача изменяет. Мы, смертные, всегда должны справляться с невзгодами своими силами. Ведь эти силы дарованы нам свыше. И каждый ведет бой за свою душу в одиночку.

— Мы должны испробовать малейшую возможность, — хрипло промолвила Джинни. — А что, если я останусь ждать тебя, ничего не предпринимая, операция «Луна» погибнет? Не лучше ли использовать все шансы? Мы ничего не знаем о нашем противнике. А если голова Мимира действительно может дать дельный совет? И мы сумеем отразить атаку?

— А если нет? Сперва надо добраться до этой головы и вернуться обратно живыми! — закричал я.

— Именно это я собираюсь сегодня выяснить.

— Да ниче страшного, — заговорил Фьялар. — Вряд ли мы наткнемся на троллей, разве что заблудимся среди корней. Главное — не напороться на дракона Нидхегга.

— Да постоит вы... — начал я, но тут тихо и размеренно заговорил Балавадива, и я заткнулся.

— Во сне я видел, как вы, Вирджиния, странствуете по необычным местам. Я таких никогда не встречал. Может, объяснишь, куда вы собираетесь?

На некоторое время разговор стал труден. Так всегда бывает, когда лоб в лоб сталкиваются три культуры. Большую часть я не запомнил, но это и неважно. Под конец Балавадива узнал пару моментов «Эдды», а я обещался прибыть к нему завтра утром.

От обеда он отказался:

— Спасибо, но вам, Стивен, нужно готовиться, а вам, Вирджиния, работать. Я лучше полечу домой и поговорю с собратьями. Может, их молитвы и заклинания помогут вам.

Если она отправится, подумал я. Втайне я надеялся, что Джинни поймет невыполнимость задачи. Ах, этот паскудный гном!

Но вряд ли. Я сам считал, что идея замечательная, пока не обнаружил, что должен отпустить ее одну.

В дверях Балавадива остановился и бросил взгляд на детей.

— Ради них. Всегда ради... До завтра, Стивен. Прощайте, Вирджиния.

Он взял обе ее руки и дохнул на них. Потом — на мои. Это был очень значимый жест, полный добра и любви. Священник развернулся, подошел к своей метле и отбыл.

Джинни сообщила, что обедать не собирается, и заперлась в мастерской. Мои сборы заняли не много времени. Дети стояли и наблюдали, как я складывал вещи. И молчали. Я предложил устроить пикник. К счастью, Фьялар сказал:

— Не, я лучше побуду здесь. Может, Джинни пригожусь.

— А тебе не скучно будет ждать? — спросил Бен, припомнив, видно, как гном хлестал виски и пиво.

— Не-а. Я погляжу ваш... дальноvizор, правильно? — Фьялар поскреб бороду. — Но перед тем, как мы отправимся, я хочу, Стив, сделать для тебя еще одни ключи от кузницы и лунной метлы.

Я провел его в гараж, где лежали наши инструменты. Его сильным, опытным рукам не нужен был шлифовальный станок, а только плоскогубцы и напильник. А несколько заготовок под ключи лежали тут же. Естественно, он собирался еще заковать их, но для этого вообще ничего не понадобилось. Гном что-то

пробубнил над заготовками, я даже не расслышал, на каком языке он пел. Так что не то что грабитель, но и я сам не смог бы повторить заклинание. Я взял ключи и спрятал их в своей комнате.

Дети ходили за нами по пятам. Потом они помогли мне приготовить снесь для пикника. Крисса возилась с едой дольше всех, но никто не жаловался. Мы чувствовали себя единым целым.

Государственный парк «Красная скала» был как раз подходящим местом для серьезного разговора. Мы сидели в тени дерева, наслаждаясь теплым и чистым воздухом и разглядывая песчаные красноватые горы вдаль. Все вокруг дышало покоем и тишиной. Вспомнив о секретности, я рассказал детям о ситуации в целом, особо не вдаваясь в детали. И не стал углубляться в перечисление опасностей, которые нас ждут. Я сказал, что Балавадива — человек хороший, но пессимист. Зуни не представляют себе, насколько мы, американцы, сильны. Не забываете, как мы разгромили Кайзера и Халифат, и даже побороли самого Врага! Что касается ближайшего будущего... ну, мама отправится в далекое, но не опасное путешествие. Если вообще отправится. Не в Ад же, в конце концов. Просто спросить совета. Что-то вроде визита к врачу... нет, к адвокату... нет. Все равно что зайти к дяде Уиллу и спросить про звезды.

Вэл и Бен немного успокоились. Можно не сомневаться, что болтать они не будут. Крисса и так все забудет, тем более кто особо прислушивается к ее лепету? Собственно, она ничего не поняла, кроме того, что мы волнуемся. И до сих пор дула губки. Вэл быстренько развеяла ее опасения, рассказав очередную историю про Грязновласку и поросенка.

Потом мы прекрасно пообедали, поиграли и попели песни. Сходили в музей и немного полазили по холмам. Три часа промелькнули незаметно. Жаль, что не больше. Но зато дети слишком устали, чтобы снова беспокоиться. Наконец, когда солнце уже садилось, мы вернулись домой.

Нас встретил взрыв поистине лошадиного ржания.

— Ха-ха-ха!

Фьялар катался по полу, бил себя кулаками по бокам и дрыгал ногами. По дальновизору показывали «Фауста» Гуно на английском. Поскольку это моя любимая опера, я поинтересовался, чего смешного он там нашел.

— Этот мужик, про кого спектакль, он помирал и пел! — провыл гном, вытирая слезы. — Он пел и пел. Упал-встал, упал-встал, упал, подрыгался, как рыба на песке, и снова запел! Щас палят живьем его бедненькую девку, так она тоже поет!

Да, на вкус и цвет...

— Моя жена тебя звала? — спросил я.

— Йа, один раз. На пару вопросов. Она скоро выйдет и скажет, шо я был прав. А у вас больше нет комедий?

В нашей музыкальной коллекции было несколько видеокассет. Я подумал было о «Кольце Нибелунгов» Вагнера, но решил, что у Фьялара живот треснет от хохота. От мучительного выбора меня спасла Джинни.

Лицо — блее мела, руки дрожат, но глаза полыхают зеленым огнем.

— Готово! — громко объявила она. — Отправляемся, Фьялар.

— Я знал, — ухмыльнулся гном.

Джинни взяла меня за руку. Ее пальцы были как лед.

— Все будет хорошо, любимый, — прошептала она. — Я убедилась, что переход вполне возможен. Обычно он закрыт. Не осталось носителей веры, и временные линии разошлись. Но вместе с Фьяларом, с его уверенностью и помощью, я пройду легче... чем в прошлый раз. И там не будет врагов.

«Неужели? — мысленно простонал я. — А тролли, драконы, великаны и прочая честная компания? Одноглазому тоже веры мало». Но дети стояли рядом, и я сдержался. Наш мир тоже не совершенен. Пьяные гонки на метлах, может, еще и хуже.

Наступили сумерки. Тихо бормотал дальноvizор. Джинни расправила плечи.

— Мы должны подготовиться. Сначала позаботимся о детях. Нужно позвонить Уиллу и узнать, не может ли он снова переехать к нам.

Лучшее лекарство против тревоги — чем-нибудь заняться. Мы позвонили ее брату и сказали, что сейчас залетим. Оставив Валерию за старшую, мы взяли с собой Эдгара и вылетели. Небо налилось чернотой, и окошки домов внизу засветились огоньками. Сигнальные огни встречных метел казались веселыми светлячками. Воздух был холоден, как нежеланный поцелуй.

Уилл провел нас в свой заваленный книгами кабинет, поставил на столе чашки и чайник и лишь потом сел рядом. Выглядел он неважно, даже улыбка была какой-то деревянной. Но он с готовностью согласился снова пожить у нас, добавив: «Если вас, конечно, не беспокоит постоянный надзор ФБР. А в чем дело?»

Мы с Балавадивой обсудили, что стоит рассказывать остальным. И я поведал о том, что отправляюсь с ним искать помощи

против демонов. Может, он что-нибудь предложит? Но Уилл мигом заledenел.

— По-моему, это сущий бред, — процедил он.

— Почему? — удивился я. — Тебе что-то известно?

— Нет. Но вспомните, что было, когда вы попытались договориться с одним из этих Созданий.

— Зато он не пытался нас убить! — вспыхнул я и тут же пожалел. Он мог воспринять мои слова как намек. — Прости, Уилл. Ляпнул, не подумав. Тебя же обвиняли в содействии демонам, почему ты не хочешь, чтобы мы сняли подозрение?

— Можете считать, что у меня проснулась интуиция. Это сомнительное предприятие.

— Боюсь, что мы, инженеры, в интуиции не разбираемся, — попытался пошутить я. — Я все равно решил. Терять нам нечего.

Возможно.

Он повернулся к сестре.

— А ты?

Его вопрос прозвучал как «Et tu?». Странно, но почему?

Джинни покачала головой.

— Нет, я буду разбираться с этой налоговой шумихой. Придется... уехать из города.

— А куда?

Фьялар открыл было пасть, но Джинни дернула его за плечо, так что у гнома щелкнули зубы.

— Лучше пока не говорить, а то, боюсь, не получится.

В ее голосе звучала боль. Нелегко было решиться утаить от Уилла правду. Все равно что дать понять, что мы не доверяем ему. Хотя и просим о помощи. Но что если неосознанно, случайно он служит проводником для...

— Ясно, я ведь под подозрением, — пожал он плечами. — Агенты постоянно прослушивают мои разговоры. Надеюсь, они повеселились.

— Ничего противозаконного, — поспешил оправдаться я.

Неловкое молчание первым нарушил Фьялар.

— А и где Бринбитр?

— А, Фотервик-Боттс? Он... в лаборатории, — смущенно улыбнулся Уилл. Эта улыбка осияла его лицо, как солнечный луч, выглянувший из-за туч. — Хотите забрать его с собой?

— Лучше не надо, — поморщился Фьялар. — Он там не бывал, может еще чего ляпнуть невпопад. Он же не такой тактичный, как я. И если мы вляпаемся во что-нибудь, оружие нам не поможет.

Вот это новость! Улыбка Уилла увяла. Он прищурился.

Я совсем уже было хотел предложить уходить, чтобы прекратить этот треп, как Джинни крикнула:

— Какая глупость, Фьялар!

К ее явному облегчению, гном добавил:

— Нужно повесить меч в кузне, чтоб приглядывал и в случае чего бил тревогу.

Уилл снова оживился.

— Чудесно! Так вы его сразу заберете?

— Что, много болтает? — понимающе спросил я.

Уилл потупил взор.

— Я и представить себе не мог, как много. У меня сил больше не было его слушать. А выражается, как последний йоркширский сапожник десятого столетия.

Джинни сочувственно улыбнулась.

— Бедный братик! Ты нас просто спас, спасибо!

— Не, сегодня не заберем, — встревожился Фьялар. — Он подумает, что вам надоели его рассказы, и обидится. Он такой чувствительный.

— Скажи ему, что устал и ляжешь спать рано, — предложила Джинни. Выглядел он действительно паршиво. — Мы с Фьяларом утром заберем его. А ты собери вещи, чтобы переехать сразу, как только я улечу.

Лицо Уилла снова застыло в знакомую маску.

— Конечно. Можете на меня рассчитывать.

Я забеспокоился, и Джинни потом призналась, что тоже насторожилась. Но пока Уилл вел себя вполне обычно. Психоскопия доказала, что улики против него подтасованы. ФБР тоже проверило все вдоль и поперек, пытаясь отыскать ниточки к настоящим преступникам.

Дети обожали дядю Уилла, в последний раз он все делал правильно... А в случае чего Вэл уже достаточно взрослая, чтобы знать, кого звать на помощь. Джинни призналась, что рассказала дочери о болезни дяди. Так, на всякий случай.

Так что мои слабые возражения против экспедиции к Мимиру были отмечены как несостоятельные.

Уилл отклонил наше предложение пообедать вместе, сославшись на усталость. Мы вернулись домой и провели чудный семейный вечер. И радость наша не была поддельной или вымученной. Потом мы с Джинни остались наедине и попрощались по-своему.

ГЛАВА 37

На этом месте история разветвляется на три сюжета. Я восстановлю два из них, которые урывками дошли до меня позже. Кое о чем пришлось только догадываться. О своем путешествии я тоже могу рассказать немного. Оно врезалось в мою память, но я дал слово хранить некоторые подробности в секрете.

Джинни встала раньше меня и уже хлопотала, когда я только-только разлепил глаза. Пораньше, насколько позволяли приличия, она навестила Уилла. Он открыл дверь полностью одетый.

— Надеюсь, что не разбудила тебя, — виновато сказала Джинни.

— Нет, я уже пару часов на ногах, — ровным голосом ответил он.

— Ты мало спал сегодня? — спросила Джинни, вглядываясь в его изможденное лицо.

— Так получилось. А где гном?

— Я хотела справиться побыстрее, а его пришлось бы сперва вытаскивать из постели, а потом еще поить кофе.

— А куда потом?

— Ну, вот заберу меч, отвезу в кузницу. А то, если эти двое сойдутся, они мне все уши прожужжат. А потом гном примется критиковать мою работу, хотя все получилось на славу.

— Какую работу? — насторожился Уилл.

— Ну, помнишь, мы хотели оставить Фотервик-Боттса охранять кузницу и поднять зуну по тревоге, если что случится? Но меня не устраивала наша сигнализация. Зуну сейчас заняты — собирают урожай. И могут замешкаться. И если это «что-то» окажется не простым воров или случайным гостем, они растеряются, не зная, как поступить. Тем более что Балавадивы — который лучше всех разбирается в происходящем — не будет несколько дней. Мне пришло в голову провести прямую связь между мечом и Стивом. Сможет ли он или нет прибыть лично, но всегда даст дельный совет. Мне нужно успеть все сделать, пока он еще здесь.

Уилл, видимо, рассмотрел эту идею со всех сторон, прежде чем отвечать.

— Да, нелишняя предосторожность. Сейчас принесу наш «поющий меч».

Иногда в нем просыпалось прежнее остроумие.

Он принес Фотервик-Боттса, не вынимая его из ножен. Джинни попрощалась с ним и вышла в холодное осеннее утро.

Когда она опустила метлу у кузницы, рядом никого не было. Кусты и дикие цветы отбрасывали длинные тени. Красно-белая Дова Йаланне спокойно дремала. Звенели насекомые. Где-то у горы выводил трели дрозд.

Открыв кузницу дубликатом ключей, Джинни вошла, но дверь закрывать не стала. Хотя в помещении посветлело, но все равно по углам залег сумрак. Тихо мерцала в углу «Сова», величественная и прекрасная. Джинни вынула меч, а ножны положила на стол. Сталь блеснула в солнечных лучах.

— Что это такое, я вас спрашиваю! — воскликнул меч. — Я думал, что Грейлок пригласил меня в гости. И тут он дает мне от ворот поворот. Еще девяти вечера не было. Засунул меня в ножны прямо на середине рассказа о заварушке на пустошах Барми!

— Прости, — ответила Джинни. — Это мы приехали, и он вышел нас встречать. Но дело было срочное. Ты же понимаешь.

— Срочное? Ха! Он-то ничего мне не сказал. Естественно, что я все понимаю. Что же я за оружие, если не понимаю срочных дел? Ну, отвечай! Для чего вообще создано оружие, если не для срочных дел? Ну, еще для парадов и всяких так клятв и присяг, да. Но главное — это битвы! Но когда вы ушли, Грейлок меня не вынул обратно. Это что, так у вас в Америке гостей припевают?

— Он очень устал. И лег спать.

— Гр-р-рм, встал-то он рано, можешь мне поверить. И даже не пришел пожелать мне доброго утра. Бросил меня, как какую-то железку. Нахал! Уф! Фу!

— Наверняка он был слишком занят. — Джинни прислонила меч к стене. — Он надеялся снова послушать тебя сегодня.

— Правда? Чушь! Если бы он действительно интересовался... Как он мог? Я как раз рассказывал, как разделал того засранца от левого плеча до правого бедра. Вкус отвратительный, доложу я вам. Наверное, эта тварь месяцами не мылась. Вонял, как собака. Ну, какое мыслящее создание не будет с нетерпением ждать продолжения истории? Никакое, кроме самого законченного гражданского уroda!

— Генерал! Сэр, мне нужна ваша помощь, — жалобно воззвала Джинни.

Меч тотчас же утихомирился.

— Что? Правда? Вам нужна моя помощь, миледи? Почему же вы сразу не сказали? К вашим услугам, мадам! Направьте меня на врагов, и я кишки им выпущу. Отправлю прямо в глотку к Дьяволу. Простите за солдатскую прямоту.

— Спасибо за предложение, но дело в другом. По крайней мере, пока. Нам нужно... мы просим вас постоять здесь на страже несколько дней, пока нас не будет. Вы не знаете усталости. Если кто попытается взломать дверь или еще что, вы поднимете тревогу и позовете зуну.

— Вас не будет? — насторожился меч. — Никого? И гнома? И где вы будете?

— Ну, отправимся по разным делам.

— По делам? Каким? Наверняка что-то опасное. Я чую тревожный запах. — Меч запнулся. — Вы... отправляетесь в квест?

— Что-то в этом роде.

— Квест! И оставляете меня болтаться тут, как поганый хвост какой-то грязной буренки? Чтоб я орал «На помощь!» толпе местных придурков? Нет уж, клянусь распятием и молотом Тора! — взревел он. — А если вы думаете, что я соглашусь, плохо вы знаете Фотервик-Боттса!

Джинни быстро прикинула, как убедить упрямое Создание в том, что этот караул — почти почетный.

— Напротив, сэр. Наш квест — это поход за знаниями. Как паломничество. Да, это именно паломничество. А здесь — крепость, которую наши враги непременно попытаются взять. Вы, окруженный полчищами неприятеля, одинокий страж...

— Вы говорите — страж? — чуть снизил громкость меч.

— А когда станет совсем невмоготу, вы затрубите в рог, так сказать, совсем как Хеймдаль на стенах Асгарда или Роланд в ущелье Ронсеваль.

— Гм, кажется, я начинаю улавливать вашу мысль, миледи. Страж, значит? И вызову подкрепление? А потом присоединюсь к сече, точно!

— Мы сразу подумали о вас. Вы — единственный, кто может так громко затрубить в рог и призвать на помощь.

Так она его и уговорила. Повесила меч на два крюка над рабочим столом, а потом установила и проверила сигнализацию. Это было нечто вроде прямого телефона между кузницей и домом заседаний зунийского пуэбло. Там постоянно кто-нибудь находился — дежурил или занимался какой-нибудь домашней работой. Он должен поднять по тревоге местную полицию. И крепких парней в качестве подкрепления. Еще эта система звонила галапскому шерифу. Хотя там мы никого не предупреждали — секретность, — но на звонок они обязательно откликнутся.

Но мы считали, что вряд ли наши враги предпримут массовый налет. На них работало всего несколько человек, а может,

всего один предатель, которого мы так и не нашли. Что касается демонов и других Созданий, защитные чары стояли прочно. Джинни не стала говорить Фотервик-Боттсу, что мы оставляем его лишь ради дополнительной меры предосторожности — отпугивать нежелательных гостей вроде залетных страховых агентов или коммивояжеров. И чтобы спасти Уилла, который и так, бедняжка, еле дышит.

Это мы так считали.

Джинни проверила состояние «Совы». Не касаясь ее ни руками, ни чарами, поскольку это было чревато.

Потом она церемонно попрощалась с Фотервик-Боттсом и понеслась домой на всех парах. Когда она явилась, я как раз готовил завтрак для детей. Она взяла дело в свои руки и быстро соорудила великолепное кушанье. Она всегда все делает великолепно.

Мы постарались выглядеть спокойными, когда провожали Вэл и Бена в школу. А что такого? Я собирался на небольшую прогулку, а мама сегодня никуда не улетает. Но я стоял в дверях и смотрел вслед детям, пока они не повернули за угол.

Вернувшись в дом, я увидел, что Джинни выходит из моей мастерской. За ней топала малышка Крисса.

— Я положила дубликаты ключей на место, — объяснила Джинни. — На случай, если они тебе понадобятся, пока нас с Фьяларом не будет.

У меня сразу упало настроение.

— Эй, ты же говорила, что вернешься раньше нас!

— Возможно. Мне еще нужно многое подготовить. Но никогда нельзя знать наверняка, как пойдут дела.

Она улыбнулась и погладила меня по руке. Солнце, бившее в окна, зажгло рыжие искорки в ее волосах и любовно обрисовало ее тело под одеждой. — Не волнуйся, милый старый волк. Пошли, у меня кое-что есть для тебя.

Мы прошли в гостиную. Из кармана пиджака, который Джинни оставила на стуле, она вынула два кристаллических диска по дюйму в диаметре. Я рассмотрел их. Ничего особенного, простые диски для записи повседневных заклинаний.

— Связь, — пояснила жена. — Потому я и проснулась ни свет ни заря. Этой ночью меня осенила идея, после того как мы... — Она покосилась на Криссу. — Перед тем как заснуть. Это простая телефонная линия, но прослушать ее невозможно. Естественно, необходимо установить ее до того, как ты улетишь.

Черта с два это была «простая» линия. Я мог только догады-

ваться, сколько времени и сил она потратила на изготовление. И мой восторг сразу увял.

— Мы сможем переговариваться по ней, пока ты будешь в другой вселенной?

— Боюсь, что нет. Никто еще такого не проделывал. — Я вспомнил, что экспедиции в другие миры проводились очень редко. Некоторые так и не вернулись. — Прослушать ее нельзя, потому что я зачаровала оба выхода на контрольный шар «Совы», а он уникален. Потому мы можем разговаривать с тобой на любом расстоянии — в нашем континууме — и ни одни уши не услышат нас.

— Если только не захватят «Сову»... Но об этом мы уже позаботились, правда? — Во мне снова проснулся инженер. — Слушай, какая удобная штука для переговоров с кораблем, когда он взлетит! Не нужно устанавливать всю эту аппаратуру для передачи звука в безвоздушном пространстве.

— Да, это телепатическая связь, хотя при наличии воздуха можно просто переговариваться. Например, когда кого-нибудь из нас понадобится срочно разбудить.

— Здорово. Э-э, но Балавадива предупредил, что наше путешествие будет скорее духовным.

— Я знаю. Действительно, было бы неловко, если бы в самый ответственный момент я стала орать у тебя над ухом. Я в основном рассчитывала пустить этот прибор в ход, когда мы вернемся домой.

— Ага, и пойдем на врагов войной. Все равно хорошо, что эта штука уже готова. Спасибо, солнышко.

Крисса вцепилась в мою ногу. Я погладил ее по голове.

— Хей, крошка, бояться нечего. Это просто игрушечный телефончик. Потом мы и тебе дадим послушать, идет? Бяка далеко. Еще дальше, чем Грязновласка от мыла. Хочешь посмотреть, как мы делаем бриллианты?

Мы взяли ее с собой в мастерскую. Джинни вытащила кучу колец, цепочек и прочей дребедени. Большинство из этих талисманов могли брать в руки только маги. Джинни меня уже подготовила, и мы вместе принялись за работу. Справились быстро. Оба диска мы оправили и подвесили на цепочки. Я надел один из них Джинни на шею. Если бы не дочка, я обязательно сопроводил бы это движение чем-нибудь более приятным.

Выходя из мастерской, мы услышали бас Фьялара. Гном наконец проснулся. Он желал знать, куда мы запропастились и где его завтрак.

Noblesse oblige¹ и тому подобное. Мы накормили голодного гостя и оставили за няньку, а сами отправились на разных метлах к зуни. Второе помело должно было остаться в пуэбло и дожидаться моего возвращения. Долго мы там не задерживались. Хотя гном — существо добродушное, доверять ему ребенка на долгое время было рискованно. Например, по той же доброте душевной он вполне мог угостить девочку пивом.

Опустившись возле церкви, мы пошептались, быстро поцеловались и разошлись.

ГЛАВА 38

По совету Балавадивы я прихватил с собой только необходимый минимум вещей и спальный мешок. Само собой разумеется, что под одежду я надел вязаный костюмчик и прихватил поляризатор. Когда я спросил священника, не взять ли оружие, он ответил:

— Нет. Пользы от него никакой, зато можем кого-нибудь оскорбить.

Он ждал меня возле дома, рядом с тяжело нагруженной метлой. Запас еды и его личные вещи заняли немного места, но вот большие глиняные оллы² с водой, переброшенные по обе стороны рукоятки, были громоздкими и тяжелыми. Мы забрались на сиденья его помела, взлетели и взяли курс на восток.

Я сообщил ему о том, что мы оставили в кузнице Фотервик-Боттса.

— Хорошо, — одобрил Балавадива. — Мы не можем послать туда даже подростка — слишком много работы. Да и Танец Кукол на подходе, а потом — Шалако.

Хотя он произнес эти названия небрежным тоном, я знал, как это важно для него. Зуни жили своей религией. Не в первый раз я задумался, не следует ли и нашей семье стать такими же ревностными христианами? Может, этот человек — святой, ниспосланный нам для просветления? Но вряд ли кто его... направил. Он просто услышал наш зов и пришел на помощь, такой уж он человек. А если бы мы были синтоистами, не явился ли бы к

¹ Положение обязывает (*лат.*).

² В Латинской Америке — большие глиняные сосуды для питьевой воды.

нам кто-то типа Сусаноо¹? Вот, к слову, в Кайзерской войне по обе стороны фронта воевали солдаты, одинаково верующие в Христа. И если он действительно желал, чтобы ему молились, почему допустил столько боли, горя и ужасов в этом мире? Эти вопросы волновали людей еще со времен пророков Израиля — три тысячи лет тяжелых раздумий. А я на такие темы думать не привык. Вот сейчас, например, я доверился старому магу племени зуни.

— А куда мы направляемся? — решил спросить я.

— Приблизительно на то место, где мы встретились с Кокотелли.

У меня желудок подпрыгнул к горлу, когда я вспомнил, что последовало за нашей прошлой экскурсией.

— Те, кого я надеюсь вызвать, иные, — добавил Балавадива. — Мужайся.

Когда ветер потеплел и внизу начали расти склоны гор, он сказал:

— Нам можно спуститься на место и разгрузить метлу. Но потом придется отлететь обратно и вернуться уже пешком. — Он повернулся ко мне: — Не беспокойся, на этот раз на нас никто не нападет. Враги не станут повторять прежних ошибок. Да и Вирджинии с нами нет. Думаю, что прежде всего они хотели вывести из строя именно ее.

— И вас, — добавил я, проглотив вставший в горле ком.

— Обо мне речи не идет.

Об остальном я не могу рассказать, разве что самое незначительное. Но я попробую, придерживаясь обещания молчать об определенных деталях.

К тому времени, как мы дошли пешком до оставленных в горах вещей, солнце уже опустилось низко. Я распаковывал и раскладывал наше оборудование и припасы, а Балавадива собрал хворост, соорудил костер и благословил его. После того как он просветил меня насчет правильной манеры поведения и нужных молитв, мы поели. Я прошел обряд очищения как помощник священнослужителя. Пока солнце дотлевало на закате, мы отбивали поклоны. Потом мы сели и следили, как на небе загорались необыкновенно яркие звезды. Он многое мне поведал. Перед тем как ложиться спать, мы вознесли приветствие восходящей луне.

Понимаете, я вовсе не сменил религию. Мы верили в разных богов. Просто я пытался принести хоть какую-либо пользу.

¹ Изначально — японское божество, культурный герой.

Вторник стал тяжелым днем.

В среду я потихоньку начал применять полученные знания и, что важнее, начал кое-что ощущать.

То же самое продолжалось и в четверг. И в ночь на пятницу они пришли.

Луна была во второй четверти и взошла всего на час позже, чем вчера, поскольку в Урожае убывала, чтобы возродиться в Охотнике. Ее свет не полностью скрыл сияние Млечного Пути, озарив каждый кустик, травинку и камешек холодной белизной. За нашим лагерем горный склон резко обрывался в темноту, чтобы вознестись на той стороне глубокого ущелья. Пламя костерка окрасило все вокруг кровавым отблеском. Мы с Балавадивой переоделись в килты, широкие пояса и изукрасились ритуальной раскраской. Ветер охлаждал мою обнаженную кожу, качал перьями наших священных посохов. Мы проводили обряд в полном молчании, и окружающая тишина словно помогала мне войти в образ.

Невозможно описать, что случилось потом. Даже если бы я не обещал хранить молчание, я все равно не нашел бы ни слов, ни образов, ни чувств.

Шепот ли ветра, мелодия ли флейты неведомого горбуна? Был гром, который почудился мне с безоблачного неба, или это били барабаны?

Я почувствовал их приближение сам не знаю как. Балавадива разбросал священную пищу на то место, где они должны были появиться. И словно сама ночь спустилась к нам, темнота загустела и оформилась в две фигуры.

Они оказались невысокими, но необычайно мускулистыми и гибкими, как пумы. И уродливо-прекрасными. Одеты, как охотники, — в кожаные туники и штаны, за плечами у них висели луки и колчаны, но на поясах весело гремели тыквы-долбленки, и длинные перья на кожаных шапках кивали в такт. Каждый держал в правой руке копье, а в левой — щит. Рисунки на щитах оказались мне неизвестны, мой взгляд долго плутал в линиях, кольцах и символах, пока я с усилием не отвел глаза. Священник хорошо меня подготовил, так что я знал, кто встал перед нами, — Святая Двойня — Возлюбленные Близнецы, Боги войны.

И начался разговор.

...Возлюбленным известны наши заботы и наши мольбы.

...*Со слов Флейтиста. Мы знаем, что Койот сошелся с чужими Созданиями. И что с того? Мы снова и снова зажигали сердца наших людей. снова и снова они терпели поражение. Их боевые*

кличи больше не звучат. Их земли пали под пятой тех, кто не любит Землю-Мать и оскверняет ее. Почему мы должны помогать захватчикам?

Близнецы были богами не только пуэблос. Им поклонялись по всему Западу и далеку к Югу. Майя рассказывали, как глубоко под землей они играли в мяч с Владыками Мертвых. Все знали, что именно Близнецы вывели праотцев человечества из царства тьмы на солнечный свет. Здесь заключалось зерно истины, нечто подобное можно встретить и в «Книге Бытия».

...Не оставляйте нас, молю!

...Насколько крепка ваша вера теперь? После того как Флейтист донес до нас весть, мы отправились на поиски. Да, на Луне живет ужас, и он злобен. Но, может, он очистит мир, и те, кто свят душой, уцелеют и начнут новую жизнь?

...То, что они несут, — хуже, чем смерть, хуже, чем боль и утраты. Послушайте, что скажет мой друг.

Близнецы пронзили мою душу холодным взглядом.

И сам не знаю как, но я нашел в себе... нет, не мысли, они их сразу прочли... нашел в себе силы молвить хоть слово. Я заговорил неуверенно и неловко, но совершенно искренне.

...Господа, разве этот мир — худший из всех возможных миров? Неужели мой народ и правду такой ужасный? Задолго до нас по этой стране прокатывались волны иноземцев. Разве они всегда мирно уживались с теми, кто попадался им на пути? Кто истребил мамонтов, гигантских бизонов и медведей, и саблезубых тигров, американских лошадей и верблюдов, да любую крупную дичь, которая вовремя не успевала понять, кого нужно бояться? Кто в этой части страны истощил землю до такой степени, что пришлось кочевать в другие места? Неужели ни одно племя не старалось вытеснить соседнее с их земли, пустив в ход убийства, пытки, насилие и плен?

...А сейчас... Разве плохо иметь возможность носить очки, если у тебя испортится зрение? А книги для чтения, вставные зубы? Уже не нужно часами размалывать зерно в ступке. Женщины остаются в живых после очередных родов, а дети вырастают и заводят своих детей.

...Да. Мы, белые, творили страшные дела и совершали страшные ошибки. И совершаем до сих пор. Мы ведь тоже люди. Но все больше и больше белых стараются стать лучше. Мы выработали некоторые общечеловеческие законы, например, Билль о правах. И...

...И, черт возьми, мы не собираемся опускать руки и выхо-

дить из игры! Я сказал: мы — тоже люди. Хорошо, если вы и ваш народ встанут вместе с нами против общего врага. Это имеет смысл. Им тоже грозит опасность. Если мы вместе победим, победа будет общей. Если проиграем... то погибнем вместе, но избежим Ада!

Я расправил плечи.

...Простите, господа. Но, со всем уважением, я сказал, что думал, и останусь при своем!

...Он говорит правду, — молвил Балавадива.

...Мы видим... Да, чудовищное зло поднимается в нашей стране и на Луне, на священной Луне. Флейтист не поверил, но все равно рассказал об этом. Мы творили обряды, слушали, смотрели и узнавали. За эту встречу мы многое узнали. Мы поговорим с Другими.

Могут ли боги тревожиться или даже пугаться? Кто я такой, чтобы судить об этом? Я рассказываю то, что увидел, услышал и запомнил. А что было истиной, что воображением...

...Мы вызовем Койота и слушаем его. Он коварный, порою глупый, но не злой в глубине души. И он — один из Творцов.

...Но даже мы, все вместе, не сумеем изгнать демонов, живущих за границей. Они слишком чужие нам и слишком сильные. Люди снова должны принять участие в спасении мира... если вам и нам это удастся...

И Близнецы ушли. Потянуло морозом, звезды льдисто засияли над головой.

— Мы что, так и не узнаем, смогут ли они нам помочь? И как? Где? — нарушил я тишину. Из рта вырвалось облачко пара.

— В зависимости от обстоятельств, которые они тоже не могут предугадать. Я надеюсь, что снова увижу вещий сон. — Балавадива положил руку мне на плечо. — Давай спать, Стивен. У нас был тяжелый день и очень тяжелая половина ночи.

Внезапно я ощутил, как устал. Еле хватило сил заползти в свой спальный мешок.

Сон, который я увидел, был смутный, но вовсе не кошмарный, как я ожидал. Постепенно он сменился привычным, ничего не значащим сновидением. Я проснулся от неясного чувства страха. Открыл глаза. Светили звезды, повсюду стояла полная тишь. Щека замерзла. Я перевернулся на другой бок и снова уснул.

Хотя кулон с переговорным устройством, который мне дала Джинни, был магическим предметом, снимать его я не стал. Именно он разбудил меня окончательно.

— Папа! Мама! Помогите! — закричал тонкий, отчаянный девичий голосок. — Пожалуйста! Вы слышите меня? Кто-нибудь, помогите!

ГЛАВА 39

Проводив меня, Джинни три дня вкалывала как лошадь. Впрочем, никто не станет так гонять бедное животное. Переместиться в другой континуум — космос, вселенную, реальность — это вам не слетать в другую страну или даже не наведаться к доктору Фу Чингу. Особенно если вы хотите вернуться домой живым и здоровым. Фьялар многое знал о тех местах и мог помочь в случае чего мастерством и грубой физической силой. Но ей пришлось взять на себя заботы о магии, разведке, подготовке и так далее.

Конечно, гном уже бывал там. Но очень давно, когда симпатические силы человеческой веры держали канал открытым и две реальности совмещались с помощью скандинавской религии. Кроме того, Фьялар ходил туда не один, а с толпой других гномов, и вели их верховные маги. Большинство гномов жили там и, вероятно, живут по сию пору. Те, кто обосновался на Земле, шли к богам просить помощи в их трудах.

Когда христианство заполонило северные земли, им пришлось дожидать свой век здесь. Фьялар пришел в первобытный восторг из-за того, что снова сможет увидеть прежние места. Оттого рвался помогать. И презрел всякую опасность.

Кроме всего прочего, Джинни затребовала полную информацию о налогах «Норн» и все сохранившиеся документы. Она не стала объяснять Барни, зачем это ей понадобилось, чтобы не заморачивать ему голову в самый разгар собственных неприятностей. Но Барни верил ей и так. Она также упорядочила всю документацию, касающуюся операции «Луна» и семьи Матучек. Потом послала запрос в базу данных на полный свод законов США о налогообложении. Хотя современное оборудование позволяло делать записи на атомарном уровне, для этого потребовалось двадцать четыре часа. На следующий день Джинни получила увесистый двухфунтовый кристалл.

За это время она успела слетать в Альбукерке. В центральном хозяйственном магазине Джинни купила небольшой сарай для инструментов, в разобранном виде. Залетев домой за Фьяларом и его сумкой со всем необходимым, она оставила гнома и свою по-

купку на специально присмотренном участке. Приказав гному собрать сарайчик и готовиться, она вернулась домой и приготовила ужин. Это был вечер среды.

В четверг утром Джинни проводила Вэл и Бена в школу. Хотя она и заверила детей, что все идет по плану и через пару дней она вернется домой, но в детали вдаваться не стала. Гном тоже помалкивал. Маленькие стойки крепились и не выдавали своих чувств. Но я могу представить их героическое «Ну, пока!». И описывать эту душераздирающую сцену не буду.

Она позвонила Уиллу, и он вскоре прибыл с чемоданом в руках. Джинни даже смогла найти в себе силы улыбнуться.

— Надеюсь, что вещи тебе не пригодятся. Если повезет, я управлюсь за одну ночь. — Она помолчала. — Если задержусь, не волнуйся... и успокой детей... или Стива, если он вернется раньше меня.

— Может, дашь телефон для связи на крайний случай?

— Прости, Уилл. Не могу, — покачала она головой. — Ты знаешь номер нашего доктора, полиции. Я буду слишком занята, чтобы отвечать на звонки.

Он провел ее до гаража. Встревоженная Крисса потрусилась следом. На заднем сиденье «Ягуара» уже стояли несколько коробок. Уилл ткнул в них пальцем:

— Наверное, багажник уже забит? Не много ли багажа для такого короткого путешествия?

— Это специальное оборудование.

— Чтобы справиться со всеми налоговыми инспекторами? — Он заметил, как сестра поджала губы. — Как пожелаешь. Может, когда-нибудь все расскажешь. Счастливого пути.

— По-по-пока, мамочка, — пропищала Крисса.

Джинни обняла и поцеловала крошку. Эдгар перелетел с ее плеча на метлу и демонстративно отвернулся. Он не одобрял любые проявления сентиментальности, если только они не относились к нему лично.

Когда Джинни отпустила Криссу, Уилл склонился к племяннице.

— Давай пойдем в дом, детка, — предложил он. — Хочешь, расскажу тебе новую сказку? А потом, если будет желание, сходим в парк, на детскую площадку.

Джинни махнула рукой, и двери гаража разъехались в стороны. Она забралась на метлу и вывела ее на улицу. Брат и дочь махали ей вслед.

Это был одинокий перелет к пику Тейлор, в пустынное оди-

нокое место на северном склоне горы. Никто не запрещал останавливаться здесь и строить временный домик, выложенный изнутри гофрированным железом. Туристы обходили это место стороной: во-первых, сюда не вела ни одна дорога, а во-вторых, здесь не было источника воды. Создания тоже не особо любили здесь бывать. Но Джинни заботилась не только о секретности. Ей не хотелось, чтобы кто-то пострадал, если враги решат напасть на нее сейчас.

Как и любой лицензированный маг, Джинни знала законы физики, включая и законы сохранения. Природа не терпит пустоты — еще как не терпит, говорят специалисты по квантовой механике. Если в какой-нибудь континуум переходит определенное тело, сюда должна перейти плюс-минус равная ему масса в зависимости от затраченной энергии. Когда Джинни, Фьялар, Эдгар и необходимое оборудование перенесутся в другой мир, на этом месте возникнет несколько сот фунтов древней Норвегии. И останется лежать до их возвращения.

Неизвестно, что это будут за фунты, но, скорее всего, просто куча земли и камней. Таким образом решается и второй закон термодинамики. Он более гибок. И окружающая среда, типа воздуха и почвы, спокойно может заполнить освободившуюся энтропийную нишу. Поскольку демоническая основа хаотична, сгодится всякий хлам. Джинни очень хорошо помнила, как для одного демона хватило ящика с песком нашего Свартальфа. Но настоящая жизнь высокоорганизована. Потому понадобится перенести с той стороны хотя бы примитивный вид живой материи. Не обязательно это должны быть жуки или растения. В книгах упоминаются и более простые существа.

Джинни корпела над этими книгами в колледже. Там же она изучила верования народов мира, историю и антропологию. Чем больше символов знает ведьма, тем сильнее ее заклинания. Когда-то, в игровом настроении, она с подружкой сочинили балладу на мотив «Джесси Джеймс». Они прозвали свое творение «Детской Эддой». Вначале хор выводил:

Иггдрасил, где вспыхнули девять миров,
Ты лучший из земных даров.
Здесь норны, полубоги, боги устроили парад.
Дракон глодает корни,
Орел сидит на кроне,
Четыре оленя, белка — вот и весь зоосад.

Шутили. Кто же знал, что когда-нибудь придется наведаться в те края?

Поскольку Фьялар много чего помнил и являлся носителем

веры, Джинни рассчитывала сотворить заклинание, которое позволит им очутиться сразу неподалеку от Мимира. Временем также отчасти можно управлять. Когда наступит пора возвращаться, они могут сделать так, чтобы в нашем мире прошло всего несколько часов — или дней — примерно столько, сколько проведут они в той реальности.

Для начала нужно было установить укрытие над пещерой, в которой Джинни собиралась колдовать. Потом она пригодится для того, чтобы хранить «обменный материал». Теплилась надежда, что в таком пустынном месте никто не тронет залог их возвращения.

Джинни вынула волшебную палочку. Гном с удовольствием оглядел спутницу, хотя одета она была по-рабочему — курточка, джинсы, сапоги, из-под мятой шляпы струятся свободно распущенные волосы. На поясе болталась фляжка, с другой стороны — аптечка и кошель с предметами первой необходимости. А за спиной висел рюкзак, куда она побросала все остальное. Гном был одет в похожий костюм, но более средневековый.

— Пожди, — остановил Фьялар. — Ты виски взяла?

— Я же вчера оставляла тебе бутылку.

— Так то вчера. А шо, если меня укусит ядовитая змея?

— У меня есть аптечка, — отрезала Джинни. — А еще бутерброды, пирожки с мясом и два термоса с горячим кофе. О, еще шоколадные конфеты. Ты славно потрудился, вот тебе конфетка. — Она вынула из кармана куртки сладость и так быстро всунула Фьялару в пасть, что тот не успел отвернуться. — Остальные нужно будет поделить на порции. Они восстанавливают силы.

С минуту она постояла, окидывая взором окружающие холмы и равнину, которая раскинулась у подножья горы. Там зеленел можжевельник, наполняя теплый воздух сладким ароматом. По бескрайней синеве неба плыли снеговые кучи облаков. Над разноцветным пустынным пейзажем парили, раскинув крыла, два грифа. То там, то тут виднелись следы человеческой деятельности. Джинни вздохнула и повернулась к гному:

— Начнем.

Фьялар помог ей разгрузить метлу. В это путешествие Джинни прихватила с собой гораздо больше, чем в наш прошлый поход в Преисподнюю. В основном это было специальное защитное оборудование, чтобы в пещеру никто не забрался, пока они странствуют по другой реальности. А пентаграмма, окруженная освященными свечами, не позволит никакой силе из иных миров — или даже самого Ада — прорваться в наш. Да и Койот или

его дружки могли опять пуститься шутить по-своему, так что преграда должна удержаться и против них.

Не знаю, что именно делала моя жена, чтобы попасть в мир Фьялара, но вполне могу догадаться — ветви дуба, терновника и ясеня, покрытые рунами, плюс заклятия, жесты и свежая лошадиная кровь, пролитая из рога на землю...

В пещере воцарился мрак. Потом вспыхнула молния, грянул гром, гора затряслась под ногами, волны ударились о берег морской, закипел водоворот, что-то закричал хор мужских голов — и наши путешественники шагнули в самое сердце тьмы.

ГЛАВА 40

Они стояли посреди бескрайней пустоши. Вокруг клубился туман, завиваясь кольцами. Серый свет едва пробивался сверху. Тишина.

— Кар-р-раул! — завопил Эдгар, сорвался с плеча Джинни и начал суматошно метаться туда-сюда. Клюв у него не закрывался, предвещая беду, ужас и провал всей операции.

— А ну, иди обратно, — позвал его Фьялар. — Какой же ты помощник, кода обгадился со страху?

Эдгар заткнулся, обиделся и вернулся. По пути он смачно ляпнул пометом на голову Фьялара.

— Чтoб тебя Сурт¹ зажарил до черноты, паскудник! — возмутился гном.

Джинни не стала напоминать, что Эдгар и так черный. Перебранка успокоила ее, руки стали меньше трястись. Она огляделась.

Неподалеку из-под земли выглядывала часть корня. Он казался серебристо-серым округлым холмом. Влажная и холодная жижа под ногами была невообразимо яркого зеленого цвета. Там, где корень соединялся со стволом, уже почти ничего не было видно. Дерево было слишком широким, чтобы охватить его взглядом, — ствол простирался налево и направо, куда хватало глаз. Где-то вверху Джинни смутно различила развилки нескольких сучьев. А еще выше — сумеречное дрожание листьев.

А еще она ощутила тепло вечной, мощной и неизменной жизни. И как будто расслышала далекий посвист ветра, гулявшего

¹ Сурт — огненный великан в скандинавской мифологии.

по мирам. Кажется, даже уловила неземной отблеск прекрасного света, который сиял ярче, чем солнце. Вот он, Иггдрасиль, Великий Ясень, чьи корни уходят глубже смерти, а крона касается звезд. Земля, на которой Джинни жила раньше, исчезла и теперь казалась всего лишь кратким полузабытым сном.

Фьялар помог ей стряхнуть благоговейный страх и прийти в себя.

— Гляди, — буркнул он. — Вон кусок, который нас заменил.

— А, да. — Джинни разглядела широкую полосу почвы, с которой словно бы содрали верхний слой торфа и перегноя. — А какие животные попали к нам, интересно? Наверное, пролетавшие птицы?

Фьялар наклонился. За все века он жил ближе к природе, чем Джинни.

— Не-а, вот следы. Они ведут к нам, но никуда не уводят.

Эти следы были крупнее человеческих, да они и не принадлежали человеку — когти...

— Вражьи козни, — прошептал Фьялар. — Кажись, мы поймали саму Рататеск!

Джинни мгновенно представила себе гигантскую белку, которая прыгает по пещере и стрекочет. Ну, по крайней мере, она не разнесет весть о них по всему Древу — от дракона в корнях до орла на вершине...

— Наверно, мы отпугнули волков, медведей и всех других, — предположил Фьялар. — Они не знали, что происходит. А может, их тоже подхватило. Вот уж тихо тут будет, пока не вернется Рататеск.

— Нам лучше поторопиться. — Даже ей самой собственный голос показался странным. Но Джинни скрепя сердце продолжала: — Нужно найти источник. Наверное, он где-то рядом.

Она достала из чехла волшебную палочку. Звездный свет на ее конце немного разогнал полумрак.

— Кра, — приободрился Эдгар. — Хорошая птичка. Черт побери.

Путешественники направились поближе к стволу. Там, где соединялись два корня, раскрылась зияющая пасть пещеры. Фьялар пригляделся к еле заметному следу на коре.

— Кажись, по этой тропке Один ходит советоваться с Мимиром. Йа, надо двигать. Не хотелось бы встречаться с ним, особенно ночью.

«Неплохо это он отозвался о щедром Всеобщем Отце, как пишут в книгах», — подумала Джинни. Настоящий Один девять

дней висел на Древе — в уплату за руны силы. Отсюда оно и получило свое имя — Иггдрасиль, «Конь Ужасного». И потому людей, которых приносили Одину в жертву, обычно вешали. Еще его прозывали Повелителем виселиц. Да, языческие боги — не слишком приятные люди.

А вот некоторые божества индейских пуэблос... Некоторые...

И Джинни двинулась в нору.

Тоннель спускался вниз. Белесые корешки свисали по стенам прохода, по глиняному полу струилась, что-то шепча, вода. Половину коридора заполонила толстая и плотная, как ковер, паутина. Фьялар прорвал ее, и тотчас им навстречу выскочил огромный паук величиной с собаку. Эдгар заверещал и бросился в атаку. Забил крыльями и заколотил клювом. Паук в страхе ринулся в темноту. Эдгар торжественно вернулся на плечо Джинни.

— Храбрая птичка, — похвалила она. — Герой!

Птичка зыркнула на хозяйку и предъявила счет. Джинни вздохнула и дала ему конфету. Ворон подхватил лакомство клювом, а лапой принялся сдирать обертку. Джинни замешкалась, подбирая оброненные бумажки. Даже языческие боги не любят, когда в их владениях мусорят.

Спустившись еще ниже, они оказались в каменном тоннеле. Вода стекала по камешкам и продолжала что-то бормотать. Холлод подземелья начинал пробираться до костей. В свете фонарика изо рта вырывался пар.

— Далеко еще? — спросила Джинни.

— А я че, знаю? Мы, гномы, здесь сроду не бывали.

Но продолжал твердой поступью спускаться.

Кажется, сияние волшебной палочки побледнело. Как и окружающий путешественников мрак. Впереди забрезжил свет. Джинни ускорила шаг, ее сердце тревожно заколотилось. Проход повернул и закончился.

Перед ними открылась пещера. Джинни ничего не могла бы сказать о ее размерах, кроме того, что это помещение было огромным. Светились сами стены, распространяя вокруг ровное и ясное сияние. Неподалеку виднелось каменное кольцо, которое, вероятно, и было долгожданным источником. Рядом располагался огромный валун высотой в рост человека. С одной стороны он был покат. Наверху что-то лежало.

Фьялар замер. Придя в себя, он стащил вязаную шапочку. Эдгар склонил голову. Джинни погасила палочку. Она не стала проявлять никаких знаков уважения. Нервы натянулись как струны — цель близка.

Джинни медленно подошла к валуну, гном следовал за ней по пятам. Шли молча. Приблизившись, Джинни разглядела вырезанные в камне руны, но прочесть их не смогла. Ведьма подошла, насколько осмелилась, и встретилась глазами с головой, которая лежала на камне.

Может, голова как-то заколдовала свой алтарь, чтобы никто близко к нему не подходил? Неизвестно. Голова Мимира казалась больше обычной человеческой головы, хотя Джинни не могла бы точно установить ее размеры. Длинные седые волосы и борода струились по каменному постаменту. Кожа — живая — обтягивала выпирающие скулы. Глубоко посаженные глаза, полускрытые косматыми бровями, не светились, как обычные живые глаза, — со дня своей смерти Мимир не знал слез. Один забальзамировал голову и вернул ей сознание. Но не осталось того, что могло плакать, смеяться, бояться или любить.

Джинни услышала, как застучали зубы Фьялара. Потом гном взял себя в руки, проскакал вперед и поклонился, подметя бородой пол. И произнес приветствие на старонорвежском.

Голова разлепила губы. Между ними показался иссохшийся язык. Мимир молвил несколько гортанных, тяжелых фраз. Говорил он со странным шипением. Джинни даже не стала гадать, как он вообще может разговаривать без горла и без легких. Меч же разговаривал.

Джинни не стала изучать древнее наречие. За время работы она использовала много терминов из старонорвежского, которые, как она надеялась, знал и Мимир. Ведьма вынула из кармана магический кристалл, который мог работать переводчиком. Она взмахнула над камнем палочкой и произнесла активирующее заклятие.

Кристалл полыхнул светом. Голова прошипела:

— Я знаю твой язык. Убери свою игрушку.

Она повиновалась.

— Честь и слава, Мудрейший, — на удивление твердым голосом произнесла Джинни. — Я Вирджиния Грейлок-Матучек, ведьма. Я прошла сквозь время и пространство, чтобы испросить твоей помощи.

От более напыщенного стиля она решила отказаться. Мимир запросто мог понять всю его фальшь и обидеться. Кто его знает, вдруг наложит заклятие немоты? Она расскажет только голую правду!

Голую... Пикантная мысль. Джинни едва сдержала хихика-

ные. Но зачем бестелесной голове мысленно ее раздевать? Хотя кто ее знает?

— Значит, ты не из Девяти миров. Я знаю, чувствую, слышу, — прошипел Мимир. — Ты что, думаешь, я — простой труп, которого можно поднимать, когда тебе вздумается, и расспрашивать?

— Нет-нет-нет! — воскликнул Фьялар. — Вы вовсе не простой, сэр!

Джинни ткнула гнома в бок.

— Конечно, нет, милорд, — сказала она. — Мои друзья и близкие в большой беде. Вражеские колдуны задали нам загадку, которую никто в мире не может разрешить. Если мы не отыщем ответа, вся наша работа пойдет прахом. А мы собираемся сражаться со злыми троллями. Зная, что с вами советуется сам Один, я решила довериться вам. В нашей стране все помнят и чтят имя Мимира и его доброту... гм, и мудрость.

— Гм-м, — голова повела глазами. — С тобой птица Одина.

— И дары, сэр, как и положено гостям.

Джинни слегка выделила слово «гостям», чтобы напомнить Мимиру о священном долге гостеприимства.

— Возможно, они вам пригодятся, — сказала Джинни, снимая рюкзак и доставая подарки.

Выбирала она их придирчиво. Золота здесь и так полно. Оружие и одежды голове ни к чему. Что тогда? Зуни вырезали из минералов и полудрагоценных камней красивые фигурки — людей, животных. Хотя это были местные фетиши, они часто выставлялись на продажу. Джинни прихватила несколько вещичек — гататого быка, пенковую овцу, оленя из доломита, рыбку из черного мрамора, гадюку из змеевика... И выставила подарки на камень перед головой.

Мимир оглядел дары.

— Да, чудесная работа, — признал он. — И действительно заграничная. Я поразвлекаюсь, разглядывая их. Но ты должна мне рассказать о них побольше.

— С радостью, милорд, после вашего мудрого совета.

Наконец мертвая голова выказала хоть какие-то чувства. По крайней мере, она подняла брови.

— Совет? Какой еще совет? То, что ты принесла, обязывает меня выпроводить вас живыми после того, как вы утолите мое любопытство. И все.

Джинни не стала спрашивать, как же он может им повредить.

— Ваша мудрость простирается дальше ветвей Иггдраси-

ля, — поспешно промолвила она. — И я уверена, что загадка вас заинтересует. В нашем мире никто не может ее решить, ни один смертный человек. Я пришла потому, что знала — Мимиру это по силам!

Голова задумалась. Наступила тишина, нарушаемая только сопением Фьялара. Впервые Джинни видела испуганного гнома. Если он чувствует больше ее, ведьмы, какими же силами может владеть Мимир?

— Так, — проворчала голова, — пришла ты издалека. Задача для меня новая и неизвестная. Никто, кроме Одина, не отваживается спускаться сюда. Это тоже кое-что да значит. Должен признаться, что сидеть тут одному так скучно... Ладно. Садись и расскажи, в чем дело. Может, я смогу тебе помочь.

Джинни едва не заплясала от радости.

— Спасибо, милорд!

— Естественно, — ответил Мимир. — Ты же заплатишь за совет.

Фьялар застонал. Эдгар встопорщил перья. У Джинни мороз пошел по коже.

— Заплатить? — прошептала она. — И что за цена?

— Глаз.

Джинни содрогнулась.

— Нет! Вы... вы, наверное, шутите, милорд.

«Вряд ли, — пронеслось у нее в голове, — он потерял чувство юмора вместе с телом». И добавила:

— Разве достойно, милорд, заламывать цену за доблесть?

— Один заплатил. С тебя я не могу взять меньше.

— Адвокат! — каркнул Эдгар.

Цена была слишком высока. Хотя Джинни чувствовала, что спорить бесполезно.

— Его глаз лежит в источнике мудрости. Каждый день я пью из него.

«Интересно, как?» — мрачно подумала ведьма. И представила себе, как голова катится вниз и хлебает, выпучив глаза... И каким же образом Мимир отличает день от ночи?

— Я... Я не готова...

— Если у тебя дрожат пальцы, глаз может выклевать твой ворон, — предложил Мимир. — Правый или левый, на твой выбор, — галантно добавил он.

Новое видение было еще глупее.

— Эдгар? Он же проглотит его.

Мысль заработала. Эдгар крикнул: «Адвокат». Он ведь был

не просто вороном, а помощником. Его нечеловеческая природа укрепляла заклятья Джинни. И бывало, что ворон знал, о чем говорил.

Джинни припомнила хитрости исландской правды.

— Но Одину нужно было больше, чем мне, — возразила она.

И тут же вспомнила шуточные куплеты — как давно это было! — «Детской Эдды»:

Сказал Один Миму: «Я бы хотел попить».

Ответил Мим: «Отдай свой левый глаз.

Ты припозднился к моему источнику,

И эта плата будет в самый раз».

Да, такое лучше не петь. Хотя поэзия высоко ценилась в Старой Норвегии.

Поэзия. Шекспир. «Венецианский купец».

Она выпрямилась, покрепче сжала палочку и сказала:

— И если тебе нужен глаз, то нужна ли тебе кровь? Едва ли.

Кажется, Мимир опешил:

— Что воинам небольшая потеря крови?

— Речь не об этом. Дело есть дело. Ты назвал цену. Не забывай, что мне не нужен мед, мне нужны лишь твои слова.

— А какие слова можешь дать мне ты? — воскликнул оракул.

Но Джинни уже была готова. Стихи во славу хозяина — сам по себе великий дар.

— Я не скальд, милорд, — ответила Джинни, с надеждой в голосе, — но я постараюсь восславить тебя в стихах.

— А можешь? — обрадовался Мимир.

— Их форма несколько отличается от той, что используют ваши барды, — пояснила ведьма. — Короткие рифмованные строки. Но наши люди считают, что именно так нужно выразить основные истины.

— Я слушаю, — вдохновилась голова.

Джинни повторила про себя стихи, набрала в грудь воздуха и произнесла:

Мудрый Мимир, хранитель источника,

Не поделится медом беспочвенно.

Хоть и дряхл старичок,

Но отсутствие ног —

Не помеха храненью источника.

Фьялар поднял руки, словно защищаясь. Джинни ждала.

— Гм... как необычно, — признал Мимир. И через мгновение добавил: — Никто не слагал обо мне стихов. Да! У тебя воис-

тину скальдический дар, ведьма. Я готов выслушать твою загадку.

Джинни перевела дух, ноги дрожали. При необходимости она заплатила бы названную цену — ради меня и наших детей. Но необходимость отпала.

— Вы мои гости, — молвил Мимир. — Еды у меня нет, но можете сесть и выпить из источника. Я бы тоже попил.

«Только не это!» — подумала Джинни. Если она выпьет... Но отказываться от приглашения — значит нарушить дояг гостя. Ну почему она не прихватила виски, как просил Фьялар?

— Мы недостойны испить мед мудрости, — ответила она. — Не желаете ли отведать то, что мы принесли из наших краев?

Мим фыркнул. Вероятно, досадовал, что фокус не удался. А ведь он может снова возмутиться и отказаться говорить.

Джинни достала термос:

— Не хотите ли попробовать, милорд?

Она отвинтила крышечку и налила в нее кофе.

Ноздри Мимира затрепетали, уловив незнакомый аромат.

Он высунул язык. Джинни поднесла крышечку к его губам.

Кофе моментально исчез.

— Ух! — весело выдохнула голова. И ее губы — не может быть! — растянулись в улыбке. — Это не из Валгаллы! Откуда? А еще есть?

— Есть. Два кувшина.

— Отлично, — промурлыкал Мимир. — К сожалению, здесь нет скамьи для вас, но все равно. Устраивайтесь поудобнее. Спрашивай, детка. А потом еще выпьем, идет?

— Йа, — проворчал гном. — Я мог бы догадаться.

Джинни поздно сообразила, что он прав. В конце концов, Мимир был скандинавом. Скандинавом, впервые отведавшим кофе. Ясное дело, что напиток взбудрил его.

С этой минуты разговор протекал более благожелательно. Разве что он длился слишком долго. Мимира нужно было ввести в курс дела, а значит, последовала череда вопросов и долгих объяснений. Через несколько часов Джинни дико устала, Мимир же усталости не знал. Она боялась попросить сделать перерыв, чтобы мудрец не расхолодился. А Мимира не интересовало, когда его гости ели последний раз и когда спали. Зато он вылакал весь кофе, до капли. Эдгар спрятал голову под крыло. Фьялар разложил спальный мешок и задрях. Джинни крепилась. Силы покидали ее, сидеть на камнях стало уже невыносимо.

Затем она почти что не говорила. Она сидела или изредка

поднималась, чтобы расправить затекшие мышцы, пока Мимир углубился в налоговые законы. Он признал, что эта задача посерьезней знаменитого вопроса Эдды: «Что прошептал Один Бальдру, когда Бальдра положили на погребальный костер?» Мимир ворчал, бормотал и жевал бороду. Может, он просто тянул время, чтобы выклянчить весь напиток?

Но в конце концов — в конце бесконечной вечности — он выдал ответ. Он рассказал суть вопроса — на мгновение Джинни вспыхнула от радости, чтобы тут же погрузиться в черную печаль, — и объяснил, как это сделать. Джинни записала его совет на два магических камня.

После этого ей ничего не оставалось, как сказать:

— Спасибо, милорд.

— С удовольствием, миледи, — ответил Мимир. — Должен предупредить, что вы ведете войну с Силами, которых тут нет. Но, по твоим словам, они могущественны. Я считаю, что один из врагов захватил власть над вашим другом, спрятавшись так глубоко, что вы не можете его отыскать. Будь осторожна... и поищи способ убить его.

Джинни вздрогнула.

— Еще я советую вам отдохнуть прежде, чем вы отправитесь обратно, — продолжил Мимир. — Предсказывать мне не дано, но я чувствую, что тебя ждет великая битва. Можешь поспать здесь.

— Благодарю, милорд. Но мы лучше отдохнем наверху.

— Да, здесь спать холодно и твердо, — согласился Мимир. «И мрачновато», — подумала Джинни, но промолчала. — Тогда прощай. Можешь спокойно вернуться сюда, если у тебя возникнут еще какие-нибудь вопросы. И принеси кофе, хорошо?

ГЛАВА 41

Вэл провела ужасный день в школе. Все ее мысли были заняты родителями, то есть нами. Со мною отправился могучий и знающий маг, но вдруг случится что-то непредвиденное: например, за нами движутся полчища злых Созданий? Мама сказала, что с ней все будет в порядке, но ни словом не обмолвилась, чем она будет заниматься... Эти гадкие боги такие коварные! Каждый день они нажираются в своей Валгалле и устраивают драку. И почему родители нарываюются на опасности — демоны, да еще и налоговая служба! А она сама, Валерия Матучек, должна сидеть и слу-

шать мисс Прикетт, которая препарирует «Дэвида Копперфильда», словно эта книга — лягушка под скальпелем. Невыносимо!

Потому, когда на уроке истории мистер Накамура спросил ее, кто из испанских конкистадоров завоевал Мексику, Вэл ляпнула: «Койот». На грамматике миссис Кальтфус отпустила какую-то шутку, и у Вэл вылетело из головы спряжение «venefacio». Магия была ее любимым предметом, но в магической лаборатории они занимались пиромантией — в основном, чтобы научиться безопасно пользоваться огненными заклятиями. И пламя Вэл выбросило зеленые искры. Девочка подула на него и произнесла заклятие контроля, но перепутала слова. Огонь разросся, принял форму большой руки, показал ей средний палец и погас.

Это dokonало Вэл. Она не сдержалась и зарыдала. Все уставились на нее. Ларри Веллер двинулся к Вэл. Она замахнулась, словно хотела ударить его. Бедняжку разобрало не только горе, но и гнев.

Мистер Эскобедо отвел ее в сторонку.

— Ты заболела, Валерия? — мягко спросил он. — Ты никогда раньше не допускала ошибок в работе.

— Я... простите, — шмыгнула она носом, вытирая глаза. — Нет, я не заболела, но...

Голос изменил ей.

Поскольку учитель был человеком мудрым и душевным, то не стал ее расспрашивать.

— Думаю, что тебе нужно отдохнуть сегодня, — сказал он. — Ничего страшного. Каждый может перетрудиться. Я сообщу остальным учителям. — Он улыбнулся. — Надеюсь, что завтра с тобой все будет в порядке.

— С-спасибо.

И вышла — с мокрыми щеками, но гордо поднятой головой.

Пока Вэл ехала на велосипеде домой по залитым солнцем улицам, она немного пришла в себя. Нехорошо пропускать геометрию. Они как раз проходили теоремы Пифагора — замечательная штука. Но, может, она и тут что-нибудь испортила бы. По крайней мере, она спокойно прогуляет урок полового воспитания. Этот вопрос становится ужасно нудным, когда за него берется мистер Туппер.

Нытье и ворчание еще никому пользы не принесло. Даже может навредить тем, кого она любит, — всякая там зловредная симпатика... Неизвестно. Они еще это не проходили. И эта мысль, что это возможно, привела ее в ужас.

Так, она запрется в своей комнате и успокоится. Может, пе-

речитать о приключениях магистра Лазара? А после ужина поставить какую-нибудь музыку, чтобы поскорее заснуть? Глядишь, папа и мама вернутся, когда она проснется, и принесут груды сокровищ, за которыми отправлялись?

Ветерок колыхал головки цветов на клумбе у соседней. Они еще не увяли, и листья пока не начали опадать. Тут ее коснулось легкое дыхание зимы. Оно сулило белоснежные снега, снеговиков, снежных ангелов, игру в снежки, лыжи, санки, огонь в камине, где жарятся каштаны... И если они с Ларри отправятся в горы и он украдет один поцелуй — нужно устроить так, чтобы это казалось его собственной идеей, — то она поднимет шум, но сердиться не будет.

Еще до конца не успокоившись, но все же приободрившись, она доехала до дома. Завела велосипед в гараж, свистнула двери — та открылась — и зашла в кладовую. Ее мокасины позволяли ходить практически бесшумно.

— Эй! — позвала Вэл. Нужно объяснить дяде Уиллу, почему она дома. Хотя раскрывать, что у нее на душе, она не собиралась. Бедный дядя, ему и так плохо. Продумывая речь, она вышла из кухни в коридор.

Из зала долетел его голос:

— ...и предупредите ваших агентов, чтобы не пролетали там. Заклятия известны только строителям, но магия там сильная. На данный момент я не знаю, где они прячут ключи от здания и корабля. Предположительно, они находятся у двух разных людей и они держат их...

Выл вошла в комнату. Уилл сидел за телефоном. На экране виднелось лицо Альгера Снипа.

— Ах! — вырвалось у Вэл.

Уилл резко обернулся. В его застывшем лице не было ни кровинки. Он дернулся было, чтобы прикрыть экран рукой.

— Закрываем вопрос, — быстро сказал он.

— Мы рассчитываем... — начал Снип.

— Простите, — перебил его Уилл. — У меня проблемы. Личного характера. Мы поговорим позже. — Он отключился и снова повернулся к Вэл.

Мир пошатнулся и рухнул.

— Что это значит? — закричала она.

— Почему ты так рано вернулась? — каменным голосом спросил он.

— Мне стало плохо... Меня отпустили... Но дядя Уилл...

— Да, не повезло, — сказал он в пространство. — Ты заболела?

— Нет, я просто боялась и волновалась... Ты с ним?

— Ясно. — Он некоторое время молча размышлял. Потом его лицо смягчилось, но так и не стало прежним — веселым, надежным и любящим.

Он поднялся, подошел, но остановился в ярде от нее, словно не желая нависать.

— Я не хотел рассказывать это ни тебе, ни Бену с Криссой, — глухо молвил дядя. — Зачем добавлять новые страхи к тем, что уже мучают вас? Когда вернутся ваши родители, они со всем разберутся. — Он вздохнул. — Что ж, ты уже услышала достаточно. Буду честен. Но пообещай, что ничего не расскажешь брату и сестре.

Выбора не оставалось.

— Обещаю, — сказала Вэл.

— Хорошо, — Уилл выдавил улыбку. А когда-то он говорил что-то типа «Отлично, солдат!» и хлопал ее по плечу. — Звонили из налоговой инспекции. Инквизитор желал поговорить с твоими родителями. Когда я сказал, что они уехали из города, а куда — не знаю, он, естественно, исполнился подозрений. Их контора наложила арест на имущество операции «Луна». И завтра они заберут корабль.

— И не могут подождать пару дней? — ужаснулась Вэл.

— Вероятно, нет. Так потребовало их начальство.

— Но откуда они узнали?

— Твои родители и их помощники не очень-то тщательно хранили тайну, — пожал плечами Уилл. — Инквизиция могла сопоставить известную ей информацию и догадаться обо всем. Или попросту запросить ФБР. Не забывай, что я до сих пор у них под подозрением. В любом случае изничтожить такую маленькую группу, как наша, много легче, чем, например, «Норны».

— Но вреда от этого даже больше! И почему ты взялся им помогать?

— А что было делать? Врать? Да, я пытался их остановить. Сказал, что не имею понятия, как работает корабль, но пробный полет показал, что он очень... гм, многообещающий. Так что лучше играть в открытую. Представь себе, что какой-то агент попытается взлететь на нашей метле и не справится с ней, может, даже убьется. Разве это поправит дело? Тем более что Снип — не демон, а простой государственный служащий. У него самого семья и дети, и он делает свое дело, как его понимает. Не будем такими злыми, Валерия.

— И предателями тоже!

Она развернулась и сбежала к себе.

Что было дальше, я могу только воображать — я мужчина, а не юная девушка. И бурная юность моя давно миновала. Без сомнения, Вэл долго рыдала у себя на кровати. Наверное, Свартальф муякал и терся у нее под дверью, пока она его не впустила. Он тоже залез на постель и терся о девочку своей большой черной головой, пока она не свернулась калачиком вокруг кота. Возможно, он даже прилизал ее встрепанные волосы. Нет, сентиментальным он никогда не был. Котам это вообще не свойственно. Но время успело обкатать этого старого сурового паразита.

И всю свою жизнь он был помощником ведьмы. Он разбирался в магии, баталиях, различал сущность как тьмы, так и света. А однажды служил вместилищем для духа, который при жизни был так же неистов, как сам кот. И вместе они отправились в Ад и сумели выйти победителями. Как бы там ни было, но полностью отходить от дел наш Свартальф не собирался. Он помогал дочери ведьмы и волколака шаг за шагом овладевать собственным Искусством.

Возможно, кот что-то предвидел. Или он просто жаждал пуститься в еще одно, последнее, приключение. Его мурлыканье вряд ли было простым утешением расстроенной девочке. Может, именно он подсказал ей какую-то идею. Вэл только восприняла эту мысль, и постепенно в ней созрело — или мгновенно осенило? — решение.

К ужину Вэл умылась, расчесалась и спокойно вышла к столу.

Уилл, как всегда, приготовил что-то восхитительное. Но ужин прошел невесело. Бен и Крисса чувствовали напряженность между старшей сестрой и дядей. Это только усилило неловкость. Уилл пытался развеселить племянников, но безуспешно. Ему доставало прежнего добродушия. Его шутки были тяжеловесны и плоско, как Фотервик-Боттс.

— Твоя сестра, Валерия, наверняка желает послушать сказку на ночь, — наконец сказал он.

— Простите, — пробормотала Вэл, не отрывая глаз от тарелки. — Что-то сегодня у меня вдохновения нет.

На лобик Криссы набежало облачко, которое грозило пролиться дождем из глаз.

— Ну, пожалуйста, — взмолилась крошка.

— Ничего, я сам попробую, — предложил дядя.

Вэл подняла голову.

— Нет, я передумала.

Сказка начиналась кошмарно — за Грязновлаской погнался

вампир. Она бы спаслась, перейдя через текущую реку, но не хотела лезть в воду. Убегая, Грязновласка увидела итальянский ресторан и нырнула внутрь. Вампир не мог пройти под распятием, которое висело на входе. Он бегал снаружи и облизывался. Грязновласка заказала чесночный суп, вышла и дохнула вампиру прямо в лицо. Он кинулся наутек, по пути превратившись в летучую мышь. Но запутался в словах и по ошибке превратился в компьютерную мышку. Поскольку теперь он не мог ни двигаться, ни говорить, то остался таким навсегда. Грязновласка отдала его первому же программисту, которого встретила. И вернулась домой, потому что от чеснока у нее началась изжога.

Крисса заснула вполне удовлетворенная.

Вэл спустилась к дяде и Бену, которые смотрели дальновизор. Там шло довольно смешное шоу, но никто из них не засмелся ни разу. Задолго до конца передачи Вэл пожелала родственникам спокойной ночи и ушла к себе.

Она завела часы на четыре утра, установила тихий подъем, переделалась в пижаму и юркнула в постель. Свартальф растянулся рядом. В полумраке его глаза светились желтым огнем. Вэл долго не могла уснуть, а потом провалилась в неприятную дремоту.

К ее огромному облегчению, будильник наконец протянул руку и потряс девочку за плечо. Хотя спала она отвратительно, но проснулась сразу — настороженная, готовая к действию. Прокравшись вниз — если застукают, можно отговориться, что шла в туалет, — она обнаружила, что свет нигде не горит и все спят. Вернувшись, Вэл зажгла эдисонку — магию лучше пока не использовать.

— Кис-кис, Свартальф, — прошептала она. Кот выгнул спину и распушил хвост.

Вэл быстро оделась — белье, теплая рубашка и жакет, джинсы, шерстяные носки, мокасины и шляпа от солнца. В задний карман положила кошелек со всеми деньгами, что у нее были. Свартальф тихо бежал впереди, когда она пошла в мою мастерскую и достала ключи от кузницы и космического корабля. Дядя Уилл не знал, где они спрятаны, а она знала.

Все тихо. Бедный дядя так много спит. Лучше не будить его. Он может запретить эту вылазку. В таких вопросах на него, как и на родителей, лучше не полагаться.

Конечно, они будут беспокоиться. Плотно закрыв дверь кухни, она наговорила на автоответчик: «Простите, но я должна спасти нашу лунную метлу. Она будет в мастерской. Со мной все

в порядке. Позже позвоню. Я люблю вас. Вэл». В глазах все поплыло. Вэл быстро заморгала. Нет, хватит! Больше реветь она не будет.

Еда. Она соорудила несколько бутербродов, завернула и спрятала в карман жакета. Сласти тоже пригодятся — для поддержания сил. Она ухмыльнулась. Самый лучший повод стащить коробочку «Батончиков Венеры» или «Эльфийских холмов». Прищи, конечно, полезут, да ничего.

В кладовой она нашла огонек Святого Эльма и достала несколько фляг, наполнила их водой и подвесила к поясу. Выключив свет на кухне, Вэл тихо прокралась в гараж. Свартальф бесшумно, как призрак, шел следом.

Обе метлы семейства Матучек отсутствовали. Огонек высветил «Вольво» дяди Уилла. Девочка подняла кота — ох и тяжелый же! — и посадила на переднее сиденье.

— Ладно, хитрюга, — проворчала она, — ты в курсе. Давай, делай свое дело.

Она наградила кота простым заклинанием, которое выучила в школе. Получилось не очень, особенно если учитывать, как ослабили ее сегодняшние неудачи на уроках. Свартальфу было плевать на моральные принципы. За время работы с Джинни он научился у нее кое-каким штукам. И для того чтобы завести метлу, ему понадобилась заклялка Вэл, простая песенка-мурлыканье и пара помахиваний хвостом.

Девочка подавила слабый писк совести и забралась на сиденье. Да, подложила я свинью дяде Уиллу! Она собиралась сперва отправиться на своем велосипеде, но тридцать миль в темноте — это вам не фунт изюма. Да и опоздать можно. А метлу она просто берет взаймы. Дядя Уилл запросто слетает туда с кем-нибудь и вернет свое имущество. Он простит, когда узнает, зачем Вэл понадобилась его метла. А вдруг нет? И полиция обязательно пронюхает, что у нее нет водительских прав. А вдруг нет?

У Вэл определенно был дар. Очень осторожно она приказала двери открыться. И направила метлу на улицу.

А как же феверуны? Если они наблюдают... Но тогда их детекторы покажут, что из дома вылетел не дядя Уилл, а ведь мама наложила чары, чтобы никто не мог узнать, что происходит в доме. Едва ли они полетят за ней. Но сердце тревожно сжалось.

Город остался позади. Страхи и сомнения тоже. Все больше воодушевляясь, Вэл летела на юг. Половинка луны висела высоко и озаряла путь. Среди бессчетных звезд ярко выделялся Млеч-

ный Путь. Земля под ногами казалась сплошным темно-серым ковром. Холодный воздух перехватывал горло и заставлял кровь быстрее струиться по жилам:

Нет, она не позволит страшилам из Инквизиции наложить лапы на «Сову» и обратить в прах все наши мечты. Она уведет ее в надежное место. Тот скрытый каньон, где мы так славно отдохнули... Можно спрятать метлу под деревьями и вернуться домой на автобусе. Или позвонить... Нет, лучше не надо. Нужно держать местонахождение корабля под большим секретом. Пока мама и папа, дядя Уилл и уважаемый дядя Барни не убедят закон в своей правоте. Никто не будет виноват в пропаже метлы, а кто взбодрит... нет, возбудит дело против ребенка, который просто пошутил? Главное, чтобы «Сова» не попала им в руки. И пусть страшили кусают себя за локти.

В юности все кажется таким простым и понятным!

Восток уже начинал сереть, когда она пролетела над пуэбло зуни. Впереди показалась Дова Йаланне. Вэл полетела медленнее. Дыхание паром вырывалось изо рта. Вот и кузница! Она начала снижаться.

Свартальф прыгнул вниз и тут же окропил ближайший кустик. Вэл сошла с метлы и вытащила из кармана ключи. От волнения долго не могла попасть в замочную скважину.

Наконец дверь открылась, и девочка шагнула в непроглядный мрак. Огонек выхватил из тьмы стройное тело «Совы». И отразился от висящего неподалеку меча.

— Кто здесь? — услышала Вэл. — «Qui vive?», если ты нормандец. Стой и назови себя!

— Это я, — дрожащим голосом ответила Вэл. — Не надо поднимать тревогу. Все а-а-атлично.

— А? Принцесса? Какого черта ты здесь делаешь в этот проклятый час? Должен сказать, что юным леди опасно, я повторяю — опасно выходить без эскорта по ночам. Я помню, как-то на Стромсей... вот уж заварушка была после этого...

— Тише, пожалуйста, тише! — Она подобралась к Фотервик-Боттсу поближе. — Вы позже мне расскажете, сэр. А сейчас мы должны бежать.

— Чего? — возмутился меч. — Оставить мой пост? Дезертировать, как... как... как дезертиры? Не пойдет. Это не по-британски. И не по-норвежски. Вот!

— Вас ведь назначили охранять космический корабль, — заметила Вэл. — Нас предали. Скоро сюда придут враги и украдут его. Я хочу...

— опередить их. Да, подходящее слово — «опередить». Или лучше сказать: «обойти»? Как вы считаете, «опередить» или «обойти»?

— Лучше поскорее отсюда убраться.

— Ясно. Отступление на заранее подготовленные позиции. Стратегический маневр. Конечно, я должен вас сопровождать.

— Понятное дело. Они не захватят тебя, дорогой наш друг.

— А то можно встретить их в дверях, — предложил Фотервик-Боттс. — Твоя мать хорошо помахала мною, разве что никого не убила. Давай попрактикуемся, пока не нагрязнули враги, и...

Вэл вложила меч в ножны.

Прицепив оружие к поясу, она поискала амулеты. На всякий случай. Конечно, она не собиралась переться прямо в стратосферу. Тем более что едва ли туда можно забраться, когда под приборной панелью лежит простой кусочек земли. Куртис, да и остальные говорили, что в низком полете «Сова» ничем не отличается от простой метлы, разве что летает гораздо быстрее.

Папа часто говорил, что инженерам приходится много думать о... как же там? ...о запасе прочности. Следовать его советам — все равно что лететь с ним рядом.

Она нашла амулеты и повесила один за спину. Постояла над вторым, поменьше. Да, Свартальфу тоже не помешает запас прочности. Внезапно она припомнила замечание Балавадивы о том, что малышам необходима защита. Было ли это предчувствие, предостережение, догадка или что-то еще? У нее мурашки пошли по спине.

Вэл еще чуть помешкала, отыскивая переговорный кристалл, и надела его на шею. Нужно быть готовой ко всему...

Свартальф не возражал, чтобы она нацепила амулет ему на спину. Он с готовностью вспрыгнул на свободное сиденье. Даже усом не повел. Может, у него тоже предчувствие? Она решила, что никакое ускорение не вышибет зверя из седла. Правда, скорее это была чужая мысль, скользнувшая по границе ее сознания.

Вэл взобралась на переднее сиденье. Фотервик-Боттс позвякивал о фляги. Девочка вставила ключ.

— Поднимайся, — скомандовала она, проглотив ком в горле. — И лети вперед.

«Сова» выскользнула из кузницы.

— Стой.

Вэл соскочила, заперла дверь и снова села на место.

Ее рука направила метлу на северо-запад, на высоте ста фу-

тов. Поднявшись в воздух, она активировала карту в контрольном кристалле и задала цель. «Сова» полетела вперед.

Потом начала подниматься все выше и выше.

— Эй, постой! — завизжала Вэл. — Стой! Назад!

Ускорение никак не ощущалось. От этого становилось еще страшнее. За защитным экраном гудел ветер. Гул перешел в свист, который становился все тоньше. Вокруг раскинулось звездное небо. Впереди возникла луна. Внезапно за спиной вспыхнуло солнце. Земля словно проваливалась в какую-то бездонную дыру.

Вэл схватилась за ключ. Он не поворачивался. Корабль не слушался ни жестов, ни приказов. Едва сдерживаясь, чтобы не впасть в панику, Вэл включила коммуникатор.

— Мама, папа, помогите! — закричала она. — Вы слышите меня? Кто-нибудь, помогите!

ГЛАВА 42

— Вэл! — заорал я. — Это ты? Что случилось? Ты где?

— Я не з-знаю... Метла улетает.

— Что? — Я наконец отбился от своего спального мешка. — Какого дьявола? — «Именно что Дьявола!» — О, я хотел сказать...

Балавадива уже вскочил. Схватил меня за руку, и я сразу же успокоился. И мир вокруг встал на свое место. В ночном небе блестели звезды, но восток понемногу светлел. Холодный воздух проник в самую душу, вытеснив панику и суету.

— Все хорошо, лапочка. Успокойся. Я здесь. Тебе грозит какая-нибудь непосредственная опасность? Ты ранена? Ты в плену?

Последняя фраза всколыхнула во мне гнев. Если только какая-нибудь паскудная тварь...

— Расскажи мне все, и мы поможем.

— Нет, я... мы... мы живые и здоровые. Мы со Свартальфом и... и меч.

Я услышал, как она гулко сглотнула. На одну бесконечную минуту наступила тишина. Потом Вэл заговорила ровным, спокойным, почти монотонным голосом:

— Земля большая, огромная, но быстро уменьшается. Почти вся лежит в темноте. Я вижу скопления огней. Наверное, это города. Некоторые похожи на жемчужные бусы... Тонкая яркая ок-

руглость, вся бело-голубая. Над ней — солнце... теперь выше... Я могу смотреть прямо на солнце и не отводить глаз. Как будто сквозь фильтр. Это тоже способность амулета, а? Везде полным полно звезд. Никогда не видела их так много. Они вокруг меня! А по всему небу протянулся Млечный Путь.

— Господи! — подпрыгнул я. — Ты в космосе?

— Д-да. И лечу все быстрее.

— Ты на борту «Совы»? И летишь к Луне?

— Нет, мы летим куда-то в сторону, Земля, Солнце и Луна остались сзади, — уже не таким уверенным голосом отозвалась дочь. — Вот мне приходится поворачивать голову, чтобы посмотреть на них.

Мои мысли полетели вскачь. Я постарался отрешиться от горя и страха, которые заполнили мою душу. Заговорил спокойней:

— Тогда тебя действительно несет в глубокий космос. Вероятно, вектор ускорения направлен строго вверх. И скорость возрастает с каждой секундой. Без паники. Думай! Что привело к такому положению вещей и что ты сделала не так?

Она начала отвечать сразу по сути дела. «Моя девочка», — с нежностью подумал я.

— Налоговая служба собиралась наложить арест на метлу и все наше имущество, пока вы с мамой не вернулись. Но это же все испортило бы! Я решила отвести «Сову» подальше и спрятать. Тогда у вас будет время, чтобы придумать что-нибудь. Но как только я взлетела, она понеслась прямо вверх. Панель управления пустая. Ничего не работает, кроме связи.

У меня сердце сжалось. Захотелось защитить ее, прижать к груди. Только не Вэл, только не она! Но время дорого.

— Такого, конечно, быть не должно. По идее, ты полетела бы, куда намеревалась. Или, если бы метла и правду вышла из-под контроля, она понеслась бы сразу к Луне. Что-то не так. Ладно, давай попробуем справиться. Слушай и повторяй за мной.

Я начал диктовать ей заклинания контроля, для которых не нужно было специального оборудования. Тщетно, они не сработали. Взошло солнце. За спиной Валерии Земля начала просыпаться. Она сказала мне, в каком созвездии сейчас находится Луна, и я вычислил, что корабль мчится уже с двойным «g». Да, не так мы представляли себе первый полет на Луну!

По крайней мере, часть оборудования работала, поддерживая функционирование метлы. В противном случае... Нет, лучше об этом не думать.

— Хорошо, — сказал я. — Значит, изменились один-два ос-

новых параметра. Отсюда я не смогу установить, какие именно. Мы с Балавадивой в горах зун. И наша единственная связь с внешним миром — ты. Мама еще не вернулась, иначе она уже дала бы о себе знать. Наша метла осталась в нескольких милях отсюда. Я по-быстрому доберусь до нее, если стану волком. На это уйдет примерно час. — А метла уже будет подлетать к Луне! — Ты же захватила с собой амулеты? Придется потерпеть, лапочка. Я не смогу отвечать тебе во время бега, разве что рычать иногда. Но рассказывай все, что происходит, я запомню. Чем больше мы будем знать, тем быстрее мы вернем тебя домой.

Я не стал добавлять: «Если только вернем».

— Конечно, — ответила девочка. — Мне ужасно жаль, что все так получилось. Спасибо, папа. Люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю.

— Я буду ждать, — тихо молвил Балавадива. — И молиться.

— Спасибо, — пробормотал я.

— Прежде чем ты обернешься, Стивен, выпей пару кварт воды. Даже оборотни могут страдать обезвоживанием.

— Отличная мысль! Спасибо еще раз.

Вылив в брюхо целое озеро, я снова заполз в спальный мешок, накрылся с головой и оборотился. Балавадива хлопнул меня по спине, благословляя. Я ринулся вперед.

Кусты, камни, земля быстро пролетали под лапами. В сторону брызнул кролик. Солнце поднималось все выше. Воздух потеплел и наполнился ароматами осеннего утра. Легкие работали, как кузнечные мехи, втягивая и выталкивая воздух. Я ничего не замечал вокруг.

Вэл продолжала рассказывать, что произошло. Мой волчий мозг не поспевал за деталями, но все запоминал. Глотка пересохла и горела. Волчье сердце изнывало, хотело завывать и позвать подругу. Но она была далеко. Да и дыхание нужно беречь.

Когда наконец я доскакал до метлы, то рухнул рядом, высунув язык. Сердце выпрыгивало из груди. Волки быстро исцеляются. Вскоре я сумел подняться, заползти в багажник и снова стать человеком.

— Как дела, Вэл? — прохрипел я.

— Так же, — ответила дочь. — Разве что Луна и Земля стали тоненькими дисками, а Солнце сейчас — между ними. Везде звезды. Знаешь, космос такой красивый! — Мне послышался легкий смешок. — Даже Свартальфа проняло. Кажется, он испугался. Запрыгнул мне на колени и тарашит желтые глазищи. А как ты, па?

— Начинаю действовать.

— А мама?

— Еще нет. Мы сразу узнаем, когда она вернется.

— Не только мы! И Снип, и НАСА, и все-все. — И добавила дрогнувшим голосом: — Если только...

— Без всяких «если!» — перебил я. — Вернется. Сейчас я подберу Балавадиву, проанализируем твои сведения и начнем собирать народ. Если что изменится, сообщай. Понятно?

— Понятно.

— Я свяжусь с тобой, как только выпадет возможность. Не хочу надоедать, но...

— Что ты! Здесь так одиноко. — Помолчала. — Я в порядке. Честно, в порядке.

— Если захочется поболтать, вытащи Фотервик-Боттса.

Поскольку меч разговаривал не ртом, а магически порождал звуковые волны, он мог воздействовать на кристалл связи, который, в свою очередь, передавал звуки на коммуникатор на шее Вэл, а уж тот шептал ей в уши. Как и мне. Не слишком изящное решение с точки зрения инженера, но «Сова» — лучшее наше творение. И работает оно исправно. Работало.

— Наверное, выташу, — вздохнула Вэл. — Ему тоже одиноко.

— Ладно, малышка, — не придумал ничего лучшего я. — Я в пути. Держись.

Я быстро долетел до нашего лагеря, прокручивая все, что рассказала Вэл. Там выпил еще воды и съел предложенный Балавадивой хлеб. Оказывается, я успел зверски проголодаться. Священник уже собрал вещи. Мы не стали тратить время на погрузку, прихватив только священные предметы и самое ценное. Я оделся. Взлет.

— Ха! — прозвенело у меня в ушах. — Прочь от мира людей, а? Прямо в Небеса. Без обид, юная леди, но сомневаюсь, что ты успела причаститься. Да и как же мы с котом? Да, тут не обошлось без злых сил. Воняют, как дохлая лошадь. Видал я уже такое в зачумленном городе. Ну-ну, спокойствие, только спокойствие! Пока мы не разбились ни о какие хрустальные сферы. И что мы отработываем? Ты что-то говорила о засаде? Прекрасно, значит, это муштра, своеобразный урок, да? Сперва мы покажем им пару приемчиков...

Я сделал звук потише. Если Вэл захочет связаться со мной, то покричит.

Мои мысли вернулись к Фотервик-Боттсу, словно желая отсрочить неприятный момент решения проблемы. Сперва мы с Джинни хотели вернуть меч на место, в церковь Святого Осваль-

да. Но, познакомившись с ним поближе, мы не могли обречь несчастного на одиночество и молчание еще на несколько десятков — или сотен? — лет.

Мы решили потом признаться во всем и молить о прощении. Надеюсь, мы его получим, если с помощью верного меча сумеем победить куй. Если.

Но даже если победа будет за нами, разносить об этом весть мы погодим. Прошлый поход в Ад и так попортил нам жизнь. Теперь мы собирались вернуть Фотервик-Боттса на место. Потом Фрогмортон обратит на редкий экземпляр внимание ученых и предложит исследовать его. Естественно, тут откроются его способности. А мы дадим слово не упоминать друг о друге.

Что бы ни случилось, будущее Фотервик-Боттса предопределено. Он — настоящее сокровище для историков. Я уже представлял, как наш меч читает лекции по всему миру — тем более что банкеты его вовсе не интересуют, — а потом получает степень профессора. Единственным неясным моментом оставался вопрос, что он изберет — какой-нибудь знаменитый университет или военную академию.

При условии, конечно, что останется в целости и что мы победим в этой войне.

Я обо всем забыл, когда мы сели у дома Балавадивы. Он опередил мою просьбу, молвив:

— Звони отсюда, Стивен. Нельзя терять ни минуты. А я пока все подготовлю.

Индейцы, которые уже возились на огородах, удивленно поглядывали на нас. Я бросился к двери.

— Прошу прощения, миссис... Адамс, — извинился я перед женой Балавадивы. Никогда не мог запомнить ее индейского имени. Стыд-то какой! Но сейчас не те обстоятельства. А может, английский вариант даже более уважительный? Ладно. Я подбежал к телефону и набрал номер нашего дома.

На экране появилось заспанное лицо Уилла.

— А... Стив. Что такое? Ты меня разбудил.

— Жаль, что не раньше! — рявкнул я. Он уже должен был встать, приготовить завтрак и поднять детей. Если только не доверил все это Вэл. Нет, он никогда не перекладывал заботы на чужие плечи. Но в последнее время Уилл сам на себя не похож.

Подозрения, которые мы с Джинни отрицали, возродились во мне с новой силой. Ну что с того, что психоскопия доказала, что Уилл чист? Половина меня застонала: не может быть! Вторая половина продолжала разговор:

— Срочно буди Бена и Криссу. Собери их вещи, зубные щетки и прочее. Я попрошу Голдштейнов приглядеть за ними.

Холодный голос рассудка подсказал мне: «Объясни!»

— Не обижайся, Уилл. Но мне не хотелось бы, чтобы за наши долги расплачивались дети.

— Неужели демон? Ты же говорил, что ваш дом под защитой? Здесь они в большей безопасности, чем где-нибудь еще. Тем более что он под наблюдением.

— Я знаю. Ни ты, ни феюруны не знают, на что способны демоны. К тому же нам нужна твоя помощь.

Если он не предатель — Господи, пусть так и будет! — его знания могут нам пригодиться. В противном случае детей нужно держать от него подальше.

— А почему ты не упомянул Валерию?

— Потом расскажу. — Он может наткнуться на ее запись. Пусть считает, что она что-то натворила, и я испугался. Испугался ее, а не его. — Слишком долго объяснять. Собирай Бена и Криссу. Сэм и Марта Голдштейн зайдут через пару минут. Или кто другой, если я их не застану. Или полиция. Двигайся! А потом жди моего звонка. Задание ясно?

Он неуклюже кивнул.

Я сразу же позвонил Голдштейнам. Подошла Марта.

— Привет, Стив. Как дела? Честно говоря, ты выглядишь ужасно. Что-то случилось?

— Именно. Пока не могу рассказать. Но Джинни уехала, а нашим младшим нужно где-нибудь побыть некоторое время. И забрать их надо прямо сейчас.

— У вас пожар или... — Улыбка исчезла, уступив место спокойной готовности. — Хорошо. Свободная кровать у нас есть, а еще кроватка для Криссы — там спала Эстер, когда была маленькой. Я скажу Сэму, и он сразу отправится. Не беспокойся, Стив. Мы только будем рады. Особенно Дэнни, когда его друг Бен переселится к нему.

— Не отправляйте моих ни в школу, ни в ясли. Пусть сидят в доме. Это всего на пару дней, пока не вернется Джинни.

Она сразу все поняла.

— Они в опасности? Это все из-за того, что взяли за Темные силы?

— Не мы, Марта. Они сами нас нашли.

— Тихо, Стив, — подняла она руку. — Вы с Джинни никогда ничего плохого не делали. Если ты не против, я позову рабби Левингсона, и он наложит на наш дом новое благословение?

— Против? Б-благослови вас бог, — прохрипел я, смахивая слезы.

Потому я и обратился к этой семье. Не только из-за их гостеприимства и доброжелательности — они верующие, и активно верующие. Силы зла не могут проникнуть сквозь благую защиту, которая покрывает их дом.

Их могут взять в осаду. Но едва ли демоны пойдут на такое открытое выступление. Наш с Джинни дом — другое дело. Его защищает магия, то есть технология, которую может осилить другая технология. Тем более что именно на нем сосредоточено внимание врагов.

А может, его уже взяли изнутри.

Нет, будем считать, что пока не взяли. И не возьмут. Ну, пожалуйста! Что может стоить моя молитва, не обращенная ни к кому? Если бы мы могли верить так же искренне! Но мы такие, какие есть: для нас вера — могучая сила, если это настоящая вера. Она не знает сомнений и колебаний. Разум здесь ни при чем. Сэм, например, более образован, чем я, — много читает, лучше разбирается в математике и так далее. Все дело в психологии.

Хватит! Что дальше? Вернуть Вэл из космоса. Для этого нужно проверить все расчеты. Иначе и в истерику впасть недолго.

Я бросил взгляд на часы. Увы, в Твердыне пока еще никого нет. Хотя особой помощи оттуда ждать не приходится. Они, конечно, посочувствуют, но многие ли знают и понимают, что такое операция «Луна»? Нет. Они начнут спорить, мне придется поехать на совещание...

Аль-Банни скорее всего в Вашингтоне, и перерыв на обед еще не скоро. Я нашел в справочнике номер его офиса и попытался связаться. Его не было. Отчитавшись перед Конгрессом (в который раз!), он взял отпуск на выходные и улетел в неизвестном направлении. Понятно. Я бы и сам так поступил.

Но к понедельнику Вэл, как комета, улетит на миллиард миль. И амулеты уже не смогут удерживать всю радиацию и космическую пыль. Но прежде у нее выйдет вся вода и еда.

А и чем может помочь аль-Банни? Он просто передал операции «Луна» начальные разработки, которые уже сильно видоизменились. Я сам разбирался в них лучше, чем он. Экспериментальный путь всегда более точен, чем теоретические разработки. Джим Франклин работал с нами, но только по связи, которая как раз в порядке. Нам нужны Джинни и Фьялар. Когда я смогу связаться с ними?

Тут меня поразила новая мысль.

Сперва я позвонил Голдштейнам. Они уже забрали детей, которые вели себя тихо, но были очень напуганы. Потом связался с Уиллом.

Он уже нашел запись Вэл. И предстал передо мной бледным и дрожащим.

— Валерия и вправду это сделала? — прошептал он. — Да, моей метлы нет. Но она... Что слышно от нее?

Я начал выкручиваться.

— Корабль сошел с ума. Ее несет в открытый космос. Именно в открытый. Не знаешь, как ее вернуть?

— Нет... — замялся он. — Откуда? Это невероятно.

— Пока оставайся дома. Нам не нужны февруны, которые путаются под ногами и всюду суют нос, — не упустил я возможности напомнить Уиллу о его стражах. — Думай. Или молись.

И отключился.

Вошел Балавадива. Он нависал надо мной, как дамоклов меч.

— Мы с коллегами отправимся искать знаний. Может, Возлюбленные ответят нам.

К чему лишние слова благодарности? Он и так понимал мое состояние.

— Хорошо, я буду в кузнице. Только там я могу хоть что-нибудь сделать — планы, чертежи, инструменты. Может, найду причину поломки. И пойму, как вернуть корабль.

— Боюсь, что дело не только в технике, но твои труды тоже не будут напрасными. Иди и работай.

И успокой свои нервы.

— Я еще раз позвоню.

Я набрал номер Куртис Ньютон.

— Привет! — обрадовалась она. — Ты как раз вовремя. Я собиралась ехать в Твердыню и плевать там в потолок весь день. — Как и Марта, она быстро сообразила, что дело нечисто. Рыжая голова склонилась ближе к экрану. — Эй, что-то не так?

Я объяснил. Под конец нервы не выдержали, и я распустил сопли.

— Т-ты лучше всех знаешь «Сову». И ты... ты хороший техник. Не можешь приехать и помочь мне все проверить?

— Господи, Стив! — воскликнула пилот. — Меня что, нужно упрашивать? Конечно! Ты в кузнице? Я скоро буду. Вот только заскочу на кухню.

— Чего?

— Бедняга, ты и поесть забыл бы. Я соберу для нас что-нибудь — кофе и бутерброды. Нужно работать на свежую голову и сытый желудок. Наверное, не помешает и пара бутылок пива.

ГЛАВА 43

Солнце поднялось еще выше. Стало теплее, но ненамного, поскольку дул восточный ветер. На горизонте клубились облака, иногда белоснежные кипы проплывали прямо над головой. На Дова Йаланне попеременно играли свет и тени, так что казалось, будто гора тоже плывет по небу.

Но мы с Куртис по сторонам не глядели. Были заняты. В кузнице, кроме инструментов Фьялара и рунных камней, находилась целая лаборатория, с помощью которой мы проверяли готовность нашей лунной метлы. Здесь были лекало, вольтметр, карты Таро, лозоискатель, вычислительная машина, кусочки погребального покрова мумии и микроскоп. Я взялся за работу.

Влетела Куртис. Сочувственно улыбнулась и спросила:

— Могу я поговорить с девочкой?

— Через это, — я протянул ей прибор, подкрутив звук.

— ...косо, — услышали мы. — Щита-то у тебя нет... чуть в сторону... чтоб мой клинок мог не только ударить, но и прикрыть тебя. Я не какая-то тра-та-та рапира, но тоже кой-чего могу. Да, вот так. Нет, рубящим... Нет, впоперек. Слабо, но, если повезет, ты снесешь ему нос. Еще раз. Еще. Пошла-пошла, вот так...

— Что там происходит? — вытаращила глаза Куртис.

— Она взяла с собой говорящий меч, — объяснил я. — И нашего старого кота.

— Гм, я знала, что он болтун, но не до такой степени... — Куртис поднесла к губам коммуникатор и прошептала: — Здравствуй, Валерия Матучек. На связи Куртис Ньютон. Отложите тренировку и слушайте. — И добавила чуть мягче: — Как дела, милочка?

Фотервик-Боттс запнулся. Потом раздался дрожащий голос Вэл:

— Это вы, капитан Ньютон? М-мы живы. Только до сих пор летим. Земли почти не видно за Солнцем. Н-но вы...

Я представил, как по щеке девочки катятся слезы радости. Она была готова молиться своему кумиру.

— Хорошо. Мы с твоим отцом постараемся развернуть корабль и вернуть тебя домой. Для начала нам нужно понять, поче-

му так случилось. Будем задавать тебе разные вопросы. А еще попросим провести несколько наблюдений, идет?

Голос Вэл слегка, но зазвенел:

— Так точно, мадам!

— Продолжай работу, Стив, — обратилась Куртис ко мне. — Я сама вникну в детали.

Я послушно вернулся за стол и принялся настраивать приборы. Краем уха я прислушивался к разговору.

— Отлично, — наконец сказала Куртис. И снова повернулась ко мне. — У меня есть пара предположений, но нужно все проверить. Ты лучше знаешь, как обращаться с этими штуками.

— А ты лучше знаешь, что нужно искать.

Я склонился над кулоном-коммуникатором, который до сих пор висел на шее пилота. Прекрасный вид, но наслаждаться им было некогда.

— Это техническая загвоздка, Вэл. Нужно над ней попотеть. Не думай, что мы тебя бросаем. У нас есть время, чтобы спасти... чтобы вернуть тебя домой.

— Конечно, папочка. Эй, генерал Фотервик-Боттс, прошу прощения, но я должна вернуть вас в ножны. Свартальф, если ты не прекратишь вонзать когти в мои колени, тебе придется вернуться в свое седло!

Не стану описывать следующие несколько часов. Для вас это предстало бы в виде длинного списка проверок и расчетов, а мне вспоминать об этом тяжело. Дважды мы просили Валерию провести наблюдения. Ей приходилось оставлять сиденье и тянуться сперва к корме, потом к носу корабля. Нет, я слишком живо вижу перед собой ее хрупкий силуэт на фоне безжалостных звезд. Одна ошибка — и моя дочь растворится в темной глубине космоса.

Конечно, Куртис успокаивала меня и клялась, что эта задача по силам любой девочке.

— Неужели ты думаешь, что я стала бы просить ее, если бы не была уверена? — возмутилась она. И все же...

— Я открываю колпак... Достаяю... Камень... Ой, я падаю!

— Держись обеими ногами за помело, как я тебе и говорила, — ответила Куртис. — Не отпускай его, что бы ни случилось.

— А что происходит?

— Свободное падение. Когда извлекают камень, ускорение падает. Тебя еще толкает магическим полем, но, если ты не будешь ни за что держаться, можешь вылететь. Собственно, теперь ты в невесомости. Голова не кружится? Не тошнит?

— Н-нет. Просто я удивилась. Такое ощущение... забавное.

«Что за девочка!» — воскликнул я.

— Я чуть не упустила камень, но вовремя сжала пальцы.

— Молодец! Посмотри на него. Опиши.

— Тут или яркий свет, или темнота. Но... Он черный, весь в буграх. Если поднести его поближе, видно... какие-то маленькие вкрапления.

Лицо Куртис застыло в белой маске.

— Хорошо. Положи его в карман и возвращайся в седло. Хорошенько пристегнись.

— Сначала пристегну Свартальфа.

Я ударился в панику.

— Эй! — заорал я. — Это тебе не...

Куртис нетерпеливо махнула мне рукой.

— Все, — ответила Вэл через минуту. Я чуть не помер от облегчения.

— Прекрасно, — продолжала астронавтка. — Я не стала пугать тебя, чтобы ты не разжала пальцы. Это хондрит. Он не земного и не лунного происхождения.

Я бросился к полке, отпер ее, распахнул дверцы и снова хлопнул. Точно, одного экземпляра не было. Наклейка над пустующим местом насмешливо сообщила мне: «...вероятно, попал на Землю в результате столкновения нескольких астероидов, по некоторым параметрам можно судить, что прибыл он из более отдаленных областей, где-то в районе пояса Киперы...» Из-за орбиты Нептуна!

— Мы думали, что там до сих пор частичка Земли, — простонал я. — Значит, кто-то заменил их, чтобы... чтобы...

У меня перехватило горло.

— Чтобы корабль вышел из-под управления, — кивнула Куртис. — Можно, конечно, было сменить заклятие, но такого еще никто не делал. Следующий полет, как ты помнишь, планировалось провести на низкой высоте. Маневры. И скорее всего, пилот не взял бы с собой амулет. Смерть наступила бы в считанные секунды, а корабль умчался бы в космос. Вернуть его мы не смогли бы. Конец операции «Луна», как и проекта «Селена».

— Но кто...

— Потом. Валерия, ты меня слышишь? Ты жива и здорова. Мы сможем вернуть тебя!

— Знаю, — храбро ответила дочка. — Папа и мама вернули меня из Ада, помните? А уж это — пустяки.

— Не совсем, — признался я. — Мы еще не придумали, как это сделать. Но обязательно придумаем! Держись.

— По крайней мере, она больше не уносится на кошмарной скорости, — пробормотала Куртис. — А разворот...

Из кулона раздался новый голос:

— Стив? Мы с Фьяларом вернулись. Что тут... Что случилось?

— Джинни! — возликовал я. — Ты в порядке?

— Разве что хочу есть. Что у вас стряслось?

Куртис, я и Валерия объяснили. Еще не дослушав до конца, они с Фьяларом ринулись к нам.

— Ах, если бы мы вернулись раньше! — с мукой в голосе воскликнула жена. Потом взяла себя в руки и твердо продолжала: — Наш поход был успешным, только очень утомительным. Мы решили сперва отдохнуть, прежде чем возвращаться, и проспали в корнях Иггдрасиля. Если бы я только знала, если бы могла догадаться...

— Откуда? — успокоила ее Вэл.

— И ты не знала, когда вернешься, — напомнил я.

— И чего тут натворят Рататеск, или кто тут был, — вставил гном. — Пещерка выстояла, но жить тут уже нельзя.

Джинни оставила причитания на потом и сразу перешла к делу.

— Мы будем у вас через полчаса. Позвони Балавадиве и сообщи ему.

Я попытался, но жена сказала, что он только что вышел. На обряд отправился, решил я.

— Позвонить Уиллу? — поинтересовался я.

— Нет! — ледяным голосом ответила жена. Мои подозрения снова ожили.

Прежде чем они прочно укрепились, Куртис произнесла:

— О-о! Да у нас гости.

Я выглянул в окно. Тени от облаков скользили по пустыне. Ветер клонил траву. Рядом с нашим транспортом приземлялись метла и грузовой ковер. Из-под них поднялись тучи пыли. В каждой машине сидело двое человек. Трое — крепкие ребята, одетые хорошо, но скорее смахивающие на подсобных рабочих. Четвертый — худенький мозгляк с портфелем.

Я кое-что вспомнил.

— А-а! — И продекламировал надпись, которую когда-то видел на могиле какого-то англичанина: — Я ждал, что это случится, но не так скоро.

— Что? — спросила Куртис.

— Наше расчудесное правительство. Это щупальце налогового спрута. Только их нам и не хватало.

— Ну, их ждет сюрприз! — захохотала Вэл.

Злость прочистила мне голову. Я открыл дверь. Альгер Снип резко остановился. Его спутники еще сделали пару шагов. Они перли кувалду, лом и магическую отмычку. Вокруг них даже слегка похолодело.

— Мистер Матучек! — взвизнул Снип. — Что вы тут делаете?

— Я бы хотел услышать это от вас, — парировал я.

Он расправил тощие плечи.

— У меня ордер на арест нелегального космического аппарата и других материалов.

Джинни спешила к нам. Она сказала, что их поход прошел успешно. Нужно выиграть время. Прислонившись к косяку, я вкрадчиво начал:

— Не могли бы вы назвать причину? Наверное, вам не покажется странным мое любопытство?

— Вы получили уведомление, что вы, ваши коллеги и ваша работа находится под расследованием...

— Да ну? — перебил его я. — Прошу прощения, но последние заботы несколько замутили мне память. Дайте вспомнить. — Я принялся закатывать глаза, загибать пальцы и чесать в затылке. — Гм, действительно, что-то припоминаю. Но ведь мы — честные, законопослушные граждане. Мы можем считать, что налоги, которые мы выплачиваем, непропорционально больше того, что мы получаем взамен от государства, а методы сбора налогов вообще выходят за все рамки. Но всегда честно и аккуратно платили.

— Это спорный вопрос, мистер Матучек. Пожалуйста, дайте нам пройти.

Обормоты, которых приволок Снип, пали было духом, сообразив, что силу применять не придется, но тут снова воспряли.

— Конечно, конечно. О справедливости можно только мечтать. Нужно еще разобраться, что такое эта справедливость. Естественно, мои претензии к системе в целом — полностью философские. Платон о таком и не думал. Но он был тоталитаристом, и по его «Республике» это ясно видно. И идеалистом, ведь он объявил весь окружающий мир не более чем идеей, отражением истинного архетипа. Вы знаете, так часто бывает. Мысль, что наше восприятие реальности первично ведет к концепции человека как живого создания, но, скажем, не какой-то декартов-

ской монады, а личности. С собственными правами. Например, Локк... — разошелся я, припомнив уроки в колледже.

— Я не собираюсь обсуждать с вами философию! — почти кричал Снип.

Я кивнул.

— Или, как сказала Клеопатра Антонию: «Я не снизойду до спора».

— Или вы, мистер Матучек, отойдете в сторону, или я прибегну к помощи закона!

Не успели его лоботрясы облизнуться, как я приглашающе махнул рукой.

— И в мыслях у меня не было мешать вам выполнять свой долг. Я же так и сказал. Проходите в наше логово. Чувствуйте себя... как дома. Но сперва, чтобы, так сказать, покончить с церемониями, позвольте представить вам одну даму. Куртис, выйди на минуточку.

Она вышла.

— Доброе утро, — безразлично произнесла пилот.

— Куртис Ньютон, познакомьтесь, пожалуйста, с мистером Альгером Снипом из Инквизиции Годового Дохода. К сожалению, я незнаком с остальными джентльменами. Если вы назоветесь, господа, я представлю и вас тоже.

— Неважно, — щелкнул зубами Снип. — Доброе утро, мисс Ньютон.

— Капитан Ньютон, — поправил я. — Знаменитая астронавтка. Вы должны были видеть ее по дальновизору. Она много летала еще до возникновения космической программы. Была испытателем «Боингов» и установила личный рекорд...

— Да-да, позвольте пройти.

— Конечно. Куртис, зайди, пожалуйста, обратно. Теперь я. Дверь, знаете ли, такая узкая, но ведь и средств у нас не так уж много. Ну, вы в курсе. Я должен пояснить, что капитан Ньютон навестила меня, чтобы решить некоторые проблемы. Знаете, у нас и вправду возникло несколько проблем. — Я скривился. — Очень неприятных.

Валерия вздохнула, а Джинни зарычала.

Агенты вошли. С минуту они слепо моргали. Несмотря на облачность, на улице стоял яркий день по сравнению с кузницей. Фьялар обожал полумрак.

— Но... но где же корабль? — проблеял Снип.

— Вот это мы и пытаемся узнать, — мягко ответил я. Что

было почти правдой — мы еще не установили его точное местоположение.

— Что, кто-то вломился и увел его? — поинтересовался один из здоровяков.

— Нет, ее увели специально, — заявил я, поскольку выдержка моя истощилась. — Ради благих целей. Но потеряли.

Снип пронизал меня взглядом. Его спутники нахмурились.

— Вы хотели предотвратить арест? — рявкнул он.

— Каким же образом? Вы же нас не предупреждали. И, кстати, кто предупредил вас?

— Не нужно усложнять дело, мистер Матучек. Я предупреждаю вас. И вас, капитан Ньютон. Мы выясним вашу причастность к похищению.

Я заметил, как Куртис сжалась. И разъярился. Но попытался пока решить все мирным путем.

— А как же Четвертая поправка, мистер Снип?

— Это решит суд. А пока прокурор был полностью на нашей стороне. — Снип повернулся к громилам. — Грузите все на ковер. А я пока начну допрос.

Он достал из кармана миниатюрный записывающий камень.

— Мистер Матучек, капитан Ньютон, рекомендую вам отвечать быстро и правдиво.

Мои глаза метнулись к шкафу в углу. Там можно прекрасно разместиться и обернуться...

— Нет, Стив! — воскликнула Куртис, хватая меня за руку.

— Я тут! — крикнула Джинни, появляясь как раз вовремя, чтобы предотвратить побоище.

Она проскочила в кузницу. Эдгар расправил черные, как ночь, крылья и зловеще нахохлился. Фьялар выпятил бороду и упер руки в бока. Его нос угрожающе пламенел.

— А... миссис... доктор Матучек, — вякнул Снип, пятясь назад. Его подручные замерли. — Добро пожаловать. Мы тут...

— Не нужно приглашать меня в мой же собственный дом. И я знаю, зачем вы тут. Слушайте, Снип и вы, остальные. Слушайте внимательно. Иначе крупно пожалеете.

Она бросила в его дрожащую руку записывающий камень.

— Я только что вернулась от очень мудрого советчика. Он проанализировал не только наш случай пункт за пунктом, но и весь налоговый кодекс США. Возьмите это в свой департамент и прослушайте. Копия — у мистера Стурлусона из «Норн», и еще одна — у меня. Вам потребуется некоторое время, чтобы уследить за расчетами и логическими построениями, но, уверяю вас,

они непробиваемые! Вы узнаете, что мы совершенно правы. Не стану утверждать, что мы поняли все до конца. Это не в человеческих силах. Более того, там есть много противоречий. Но оказывается, что никто из нас не владеет никаким имуществом. А компания «Норны» переплатила государству за последние три года пятьдесят тысяч долларов. Сюда входит и операция «Луна», которая вообще подлежит государственным субсидиям. Мы с мужем как частные лица переплатили в казну более девятисот долларов. Так что ждем возврата.

— В-вы их получите, — прохрипел он. — Но сперва нам нужно в-все проверить. Это только слова.

Он собрался.

— А пока...

— А пока, сэр, — рявкнула Джинни, — вы задерживаете спасение нашей дочери, ни в чем не повинного ребенка! — Кажется, Валерия хихикнула. — Ваше несвоевременное вмешательство может погубить ее. Она увела корабль. Пока закона об уgone кораблей не существует. Максимум, что ей могут вменить, это полет без прав. Но это уже не по вашей части. Это уже по части дорожной полиции. Вообще-то тоже спорно, ведь это не обычный транспорт. И если даже вы подадите в суд, мы выиграем!

— Что... что... что вы имеете в виду?

Джинни сказала только, что корабль вышел из-под контроля и улетел в космос. Снип поморщился. Его дуболомы заворчали и поиграли мускулами, но Фьялар достал из-под стола молот и вроде бы невзначай принялся помахивать им, бросая на чужаков хищные взгляды.

— И конгрессмены, и оба сенатора узнают об этом, — закончила Джинни. — Мы бы хотели утаить все от средств массовой информации. Но только представьте, что начнется, если у нас не получится ее вернуть. Вы торчите здесь и мешаете нам спасти дочь, с каждой минутой она улетает все дальше и дальше. И если уж нам придется пойти на крайние меры... — Джинни достала волшебную палочку. Звездочка на ее конце зловеще замерцала. Я оскалил зубы. — Суд оправдает нас. Вам лучше вернуться в департамент и изучить записи, которые я так любезно вам предоставила.

— Но... но я не знал, — заскулил Снип. — Прошу прощения! У меня у самого дети... Простите!

— До свидания, сэр, — сказала Джинни, указывая на дверь.

— Крах! — каркнул Эдгар.

Они убралась. Солнце выбило у Снипа слезу. Я почти про-

никся к нему симпатией. Я не сомневался, что Шестнадцатую поправку продиктовал сам Дьявол, но его исполнители были обычными людьми, даже неплохими. Просто не смогли нигде найти работу.

Метла и ковер улетели.

Джинни облегченно вздохнула. И оттаяла.

— Свалили. Ну, как ты, милая?

— Нормально, — откликнулась Вэл. — Мама, прости меня.

Я втянула вас в неприятности.

— Ерунда. Главное — вызволить тебя. Мы сможем, но лучше не терять времени на сантименты. — Джинни повернулась к Куртис. — Передай кулон Стиву, пожалуйста. Я пригласю свой. Мы примемся за дело, а Стив составит компанию Вэл.

— И я, — прогудел Фьялар. — Я отдам ей сердце, песни, рассказы и мудрость.

— Нет, ты нужен нам как консультант. — Он минуту тарашился на Джинни, потом сообразил. — Будешь объяснять то, что нам непонятно. Ты — мастер, Куртис — пилот, я — маг. Вместе мы найдем решение. Какое счастье, что с ней Фотервик-Боттс и Свартальф! Они оба послужат нам вместо камней — мы притянем их.

Эдгар перепорхнул на стул. Я забился в угол и заговорил с дочкой. Не стану описывать наш разговор. Она держалась молодцом. Я боролся с приступами оптимизма и черной тоски.

Джинни несколько раз прерывала нас, переспрашивая о положении планет. Когда Вэл убрала камень, чертова метла могла начать падать на Солнце.

В кузнице потемнело — в проеме двери показался чей-то силуэт. Я вскочил и столкнулся с Балавадивой. Он вернулся в селение и получил мое сообщение. Джинни объяснила, что его магия тут не пригодится, но умоляла быть рядом, поскольку вскоре могла понадобится его помощь. Мы вышли с ним из кузницы и снова стали развлекать Вэл. Он рассказывал ей о чудесных тайных местах, которые покажет, как только все закончится. На востоке начали клубиться темные тучи. Выл ветер. Похолодало.

Кузницу озарило сияние. Потом словно пропела труба.

— Эй! — воскликнула Вэл. — Метла... поворачивает... Солнце, Земля... Они впереди! Папа! Мама!

Подошла Куртис.

— Получилось, — выдохнула она. — Обратное ускорение... Она возвращается, Стив.

Потом из домика выскочила Джинни. Она не стала прыгать и кричать, как остальные. Ее лицо заставило нас онеметь.

— На это уйдет семь-восемь часов, если не больше. А пока нам нужно заняться одним очень важным делом. Куртис, Фьялар, посторожите здесь? Стив... Балавадива... Сэр, вы можете полететь со мной?

ГЛАВА 44

В ушах свистел ветер. Внизу проносились дороги, холмы и поросшие травой долинки. Эдгар сидел на плече Джинни, клюв — вперед, как носовая фигура корабля. Мы с Балавадивой разместились на заднем сиденье «Ягуара». Он безотчетно стискивал в руках походную сумку, которую принес из селения.

Когда метла набрала высоту, Джинни повернулась к нам. Ее вид меня даже напугал.

— Я виновата, — каменным голосом промолвила она. — Обо всем можно было догадаться с самого начала. Но я предпочитала не думать о нем.

— Как и я, — прошептал я, усиленно моргая. И слизнул капельку соленой влаги, закатившейся в уголок губ. — Мне казалось, что Уилл не мог этого сделать.

— Все было против него.

— Нет, но... нас хотели убить... Это не мог быть он! Незаметно выйти из дома и вернуться, украсть ковер, стрелять в нас... Помнишь, я когда-то взял его с собой пострелять по мишеням? Все чуть со смеху не лопнули.

— Очевидно...

— Это не он.

— Очевидно, это сделал не он. А тот, кто захватил над ним власть.

— Он же прошел психоскопию.

— Это не простой демон. Теперь я считаю, что это вообще не демон. Он прячется слишком глубоко, действуя на Уилла как скрытый вирус. Когда он активизируется, то захватывает брата полностью — тело и сознание. Уилл не знает, что происходит, а потом просто не помнит ничего.

— Верно, — кивнул Балавадива. — Иначе давно бы все рассказал или просто бы покончил с собой, если бы не нашел другого выхода. Только его душа все понимает. И исполняется ужасом и тоской.

— А-а, эта депрессия, — вспомнил я. — Но когда эта тварь овладевает им, ей приходится здорово потрудиться, чтобы скрыть свою сущность.

— Ни один демон не сумел бы управлять им так виртуозно, — заметила Джинни. — Эта зараза точит саму душу.

«Чем бы эта дрянь ни оказалась, — подумал я, — она наверняка неплохо попрактиковалась, прежде чем добраться до Уилла. Когда она заполонила его и начала использовать, то проявилась только в виде ночных кошмаров. И все».

— Ей пришлось подсадить ему ложные воспоминания, — печально сказал я.

— Наверняка. Сейчас я понимаю, как сильно он волновался. Для его деятельного ума те моменты, когда им владела тварь, должны представляться чем-то вроде лакун, пробелов. Одно это способно свести с ума кого угодно. — Джинни покачала головой. — Но Уилл не из тех, кто сваливает на своих ближних собственные тревоги.

Моя горечь постепенно растворилась в жажде мести. Словно из ножен со свистом вылетел воображаемый меч и изготовился к бою.

— Эта гадость... теперь я вспоминаю... она заставила Уилла подменить камни в метле. Когда он вернулся в кузницу. А потом...

— Я думаю, что он собирался вернуться. Этот паразит умеет стрелять и прятаться так, как другим демонам и не снилось. А те ему помогали. Но они не из Америки. И, в принципе, эту страну не знали, а постепенно вынюхивали через сознание Уилла, который и сам человек непрактичный. И наблюдали. Ясно, что, если «Сова» улетит черт знает куда и убьет пилота, расследование установит причастность Уилла. Едва ли демон решился бы его покинуть — только в случае крайней нужды. Где он найдет такого знающего и восприимчивого носителя? Есть еще один момент. Я не стала ничего говорить Снипу, но когда Валерия застала Уилла... вернее, его тело... за разговором по телефону, то не налоговая позвонила ему, а скорее наоборот. Он связался с ними и предложил арестовать корабль.

Джинни оставила свой кулон Куртис. Из моего донесся голос Вэл:

— Да, он... оно предупреждало мистера Снипа, чтобы никто не пытался лететь на «Сове».

— Ага, — по-волчьи осклабился я. — Естественно, он хотел разорить нас и «Норны», чтобы корабль пылился в запасниках.

— Но почему дядя Уилл, прежний дядя Уилл, позволил какой-то нечисти забраться в себя?

— Потому что он был — и остается — таким наивным и чистым, — ответил Балавадива. — Его разработки и прежняя связь с Волшебным народом привлекли внимание врага. Они решили заполучить его на свою сторону, потому что доктор Грейлок имел прямое отношение к космической программе. Одержимый демоном, он превратился в их главное оружие. Мы полностью доверяли ему, а его работа значила слишком много для всех.

— Он никогда не считал нужным наложить на себя защиту, — горестно добавила Джинни. — А я сама не догадалась!

— Бога ради, хватит самобичевания, — взмолился я. — Кто мог предугадать такое? Главное теперь — вылечить его!

Ее голос снова закаменел.

— Это я и собираюсь сделать с вашей помощью.

Балавадива наклонился над моим кулоном.

— Валерия, — мягко попросил он, — тебе лучше не слушать остальное.

— Я никому не расскажу, — возразила девочка.

— Я знаю, но тебе будет тяжело это слушать. Тем более что пора связаться с капитаном Ньютон.

— Действительно, — согласился я. — Вешай трубку, лапочка. Мы позвоним тебе, как только сможем.

На мгновение Джинни смягчилась и нежно пропела:

— Пока, милая. Удачи! Мы любим тебя.

Я щелкнул выключателем. И мне показалось, что это хрустнула чья-то шея.

— Вы считаете, что мы сумеем изгнать эту штуку? — спросил Балавадива. Сперва его вопрос показался мне дурацким, потом я сообразил, что выполнить задуманное не так-то просто.

— Я думаю, что у нас есть шанс, — ответила Джинни. — Но сперва Уилла необходимо защитить.

Впереди, в разрывах облаков, показался Галап. Джинни снизила скорость до разрешенной в пределах города. Трасса была забита транспортом — приближалось время обеда.

«Без сомнения, демон сейчас контролирует Уилла, — подумал я. — И постоянно держал его в узде последние два дня. А мы оставили детей с ним!» Заколело в сердце.

«Но зачем ему вредить детям, тем более что это может выдать его с головой?» Сейчас Бен и Крисса в безопасности. Вэл находится в паре миллионов миль отсюда и мчится домой. Домой! Она увела его метлу. Тем более что на хвосте Уилла висит ФБР.

Да, демон уже околдовал их один раз и вырвался из-под надзора. Но это — в доме Уилла. Я надеялся, что чары, опутывающие наше жилище, настолько сложные, что помешают выкинуть подобный номер. И эта тварь не подозревает, что мы — особенно Джинни — задумали. А когда я забрал детей, то сделал вид, будто до сих пор доверяю Уиллу. Собственно, тогда я действительно верил ему. Видимо, гад решил просто залечь на дно и ждать подходящего случая.

В черных тучах сверкнула молния. Мы опустились возле дома и сошли.

— Я пойду вперед и отвлеку его, — сказала Джинни. — Ты, Стив, войдешь через минуту и схватишь его. Уилл наверняка будет сопротивляться. Постарайся не поранить его.

И вот перед нами уже не Медуза Горгона, а прежняя милая Джинни. Она трянула рыжими кудрями, словно сбрасывая с плеч тяжкое бремя. Расцветилась улыбкой. Даже не знаю, как это ей удалось — с помощью магии или просто невероятным самообладанием. Балавадива молча ждал. Я сжал в кулак всю свою волю, чтобы не завить и не броситься в атаку сломя голову.

Почти вприпрыжку Джинни подошла к дому и распахнула дверь.

— Привет, Уилл! — позвала она. — У меня для тебя новости!

Я не стал тупо пялиться на часы, а принялся отсчитывать секунды про себя. Один слонопотам, два слонопотама, три слонопотама...

Дверь осталась открытой. Краем уха я ловил обрывки разговора.

— ...мы развернули налоговиков. И связались с Вэл...

«Шестьдесят!» Я двинулся вперед. «Спокойнее, спокойнее. Не спугнуть бы».

Уилл и Джинни стояли друг против друга. Он заметил меня и отрешенно кивнул, продолжая внимать ее рассказу.

— ...не можем понять, в чем дело. Но у меня есть идея. Так что ты нам очень нужен.

Мне показалось, что его седой ежик чуть встопорщился, а зеленые глаза настороженно вспыхнули за оправой очков. Подойдя поближе, я уловил слабый запах тревоги и... неужели злобы? Он кивнул.

— Конечно. Все, что в моих силах.

«Все, что в силах демона, чтобы предотвратить возвращение метлы и погубить нашу дочь!»

Тихо, как кошка, вошел Балавадива и закрыл дверь. Я прыгнул Уиллу на спину.

Поймал его за руки, заломил за спину и придержал левой рукой. Правой я обхватил его за горло и сцепил руки вместе.

— Что... что такое? — беспомощно и растерянно промямлил Уилл. Да так похоже на прежнего Уилла, что я едва не выпустил его и не рассыпался в извинениях.

Но Джинни опередила меня:

— Держи его крепче, Стив! Горию, мы изгоним тебя. Уилл, если ты можешь меня слышать и понимать, то знай — мы собираемся освободить тебя.

Он завизжал сквозь оскаленные зубы. И принялся вырываться. Лягнул меня в голень. Попал.

«Постарайся не поранить его». Демон разошелся не на шутку. Чуть не выломал себе кости из суставов. Я подставил ему подножку, толкнул в плечо и попытался смягчить падение. Упал сверху, придавив своим немаленьким весом.

Джинни метнулась в кладовую. Вернулась с мотком веревки. Слезы струились по ее щекам. Балавадива помог связать нашего пленника.

— Потихе, — зарычал я. — Хочешь, чтобы февруны услышали и прибежали на подмогу?

Он утихомирился. Разинул рот, тяжело дыша. Слюна стекала на бородку. Очки слетели. В нем ничего не осталось от прежнего Уилла. Ненависть плескалась в его глазах.

Джинни расправила плечи.

— Отлично. Теперь ведите его в мою мастерскую.

Мы с Балавадивой потащили несчастного. Эдгар, который сидел на своей жердочке, спустился вниз и запрыгал перед нами. Джинни, которая вошла первой, задернула шторы. Мы положили обмякшее тело на кушетку. От его ярости не осталось и следа. Его пробил холодный пот. Только ребра взлетали и опали да жуткие глаза неотступно следили за нами.

Джинни разложила на столе книги и всякие приборы. Балавадива раскрыл свою сумку. Ворон уселся на край стола. Все трое казались нездешними странными тенями, творившими в сумерках какой-то зловещий обряд. Я стоял в сторонке, слушая, как колотится сердце. Во рту пересохло.

— Как ты думаешь, кто его захватил? — шепотом спросил Балавадива.

— Горию, — так же тихо ответила Джинни. — Я начала догадываться уже давно, еще когда Уилл рассказывал о своих кошма-

рах... Но попыталась отбросить свои подозрения. Не вышло. Тогда, больше ради успокоения, я прочитала некоторые японские книги. Много сошло. Я все равно колебалась. Но Мимир сделал больше, чем просто решил проблему с налогами... — Она умолкла.

— Я тоже встречался с Силами, — заметил Балавадива. — Ты вернулась изменившейся. Так что ты упомянула? Это... шень, куй или как там его зовут в Китае?

— Не совсем. Он мог стать ками, высшим духом, но его злобность не позволила ему возвыситься. Призрак, заблудшая душа — обычно женская, — которая старается отомстить живущим за свои прошлые страдания. Гори доводил людей до безумия и самоубийства. Как и остальная паранормальная природа, во время Долгого Сна они бездействовали, но старые сказания упоминают их. После Пробуждения некоторые снова вернулись... или возникли новые.

«И демоны вовлекли их в свой заговор», — закончил про себя я.

Джинни твердо продолжала:

— Я подозреваю, что мы имеем дело с тем, что осталось от принцессы Тамако. Надеюсь, скоро мы будем знать наверняка.

Я никогда не видел прежде, чтобы Балавадива колебался.

— Но некромантия отвратительна.

— Некромантия — чушь, по крайней мере, так считают у нас. Но душа, дух... Да, я признаю, что о них мы ничего не знаем, кроме того, что это существует. — Джинни говорила не за себя, и почему-то это меня успокаивало. — Я придерживаюсь мнения, что она формируется в живущем организме как часть энергетической вселенской сети и воспроизводит ее матрицу. Вы можете сказать, что это точка зрения материалистов. Но вы не можете не признать, что душа, как и все остальное, подчиняется общему закону. Называйте этот закон как хотите — закон природы и логики или бога и высшей морали. Демонов необходимо изгонять. А нам предстоит изгнать призрак.

Балавадива кивнул. Он что-то пробормотал на зунийском и перекрестился. Они взялись за работу.

Прошло два часа, которые я снова затруднился бы описать. Не только не могу, но и не должен. Пока я стоял, замерев на месте, они совещались, сверялись с книгами, строили планы и готовились. Иногда они вовлекали Эдгара, но в каком качестве — мне неизвестно... Все-таки он был частью природы, потомком птиц Одина и Творца, в которого верили северо-западные ин-

дейские племена. Один раз они возложили руки мне на голову, и я провалился в бездонную пропасть.

Обморок прошел. Я сидел на полу и ждал. В глубине души я чувствовал себя таким же одиноким, как и Валерия. Даже больше — она была там не одна.

Маги зажгли благовония и пучки сухих трав. По комнате поплыл горький дымок. Волшебная палочка Джинни разогнала сумрак. Балавадива шаманил. Он легонько постукивал правой рукой по маленькому барабанчику, а левой потрясал трещоткой с перьями. Мне послышался отдаленный голос флейты и топот танцующих ног. Маги встали по обе стороны Уилла, а помощник вернулся на плечо Джинни. Началось колдовство.

Из горла Уилла вырвался дикий крик. Лицо неузнаваемо изменилось. Он забился и наверняка перерезал бы себе веревками руки. Я едва сдержался, чтобы не броситься ему на помощь.

Слава богу, не понадобилось. Зазвучали две песни — одна на латыни, другая — на смеси зунийского и навахо. Взлетели вверх сплетенные руки, ворон расправил крылья, словно готовясь спуститься в самый Ад. Вспыхнуло голубое пламя, рассыпалось искрами и пропало. Завыл ветер — предвестник грозы. Пол задрожал под ногами. И призрак покинул тело Уилла.

Я увидел образ женщины, слабый и прозрачный, как туман на ветру, — одежда и волосы развевались, а рот был полон острых зубов. Мне почудилось, что она закричала, и в крике этом слились ярость, боль и отчаяние. А может, это всего лишь мое воображение. Не знаю. И знать не хочу. Достаточно того, что она убралась.

Уилл обмяк. Глаза закрыты, дыхание постепенно выравнивается, а лицо — просто лицо спящего человека. Эдгар перелетел на книжную полку. Его чуть качало от усталости. Джинни прислонилась к дверному косяку и расплакалась. Я подскочил и обнял ее. Балавадива произнес завершающую молитву. Оглянувшись, я заметил, что он вовсе не успокоился.

Для нас минула вечность, на часах прошло несколько минут — мы с Джинни даже не успели разжать объятия, — и Уилл проснулся. Он вздохнул и близоруко захлопал глазами. Джинни бросилась к брату.

— Ну, ну как ты? — выпалила она.

— Свободен, — прошептал Уилл. — Страха... больше нет... как проснуться после кошмарного сна... наяву... Как я могу отблагодарить тебя...

Она поцеловала его в лоб.

— Не нужно, милый. Успокойся. Отдохни. Поспи. Может, ты чего-то хочешь?

— Наверное, сперва развязаться, — предположил я. Проза жизни, а что поделаться? — Можешь повернуться на бок? Я распустил узел. Прости, что скрутили тебя. Надеюсь, я был осторожен?

— Вы спасли меня, вернули из Ада...

Я освободил его от пут.

Он зашевелился, поднял голову.

— Лежи спокойно, — приказала Джинни. — Ты только что выздоровел от напасти вроде рака. Тебе нужно время, чтобы окончательно поправиться. Может, выпьешь чего или съешь? Наверняка тебе нужно много пить.

— Постой-постой, — взмолился он. — Я помню... не все забыл... О чем она думала и что делала. Что говорила *им* и слышала в ответ.

— Потом, Уилл. Ты свободен. Вэл возвращается домой. Все хорошо. Ляг, отдохни.

— Не могу, — прошептал он. — Пока не... Вы должны знать. *Они* идут по вашему следу. Знают далеко не все. Не знают, где ты, Вирджиния, была и что делала, ни о связях шаманов с богами... Но им известно все остальное. И они уже начали действовать. Валерия...

Уилл осекся. Его голова поникла, он обессиленно растянулся на кушетке.

Балавадива подошел к нам.

— Это правда, — хрипло сказал он. — Этим утром, во время Поиска, я что-то почуял. Когда мы сейчас творили заклинания, Возлюбленные снова заговорили со мной. И я услышал их. Демоны не смогли погубить вашу дочь, но могут захватить ее.

«Изменив вектор сил», — с ужасом понял я.

— Не знаю, что нам предпринять, — закончил маг. — Валерия опустится не на Землю, а на Луну. А там ее уже будут ждать.

ГЛАВА 45

— О нет! — вырвалось у меня.

Джинни повернулась к священнику.

— Ты точно знаешь? — отрывисто бросила она.

— Лучше бы не знал.

Она снова отбросила в сторону сантименты, ее вела холодная ярость.

— Мы должны были догадаться, — ровным голосом промолвила жена, хотя слезы снова показались у нее на глазах. — Все ясно. Они хотели разрушить «Сову», а тут вмешалась Вэл. Они не могут сбить корабль с курса, но он предназначен для посадки на Луну, а Луна обладает мощным магическим потенциалом. И «Сове» придется сесть. Мы можем помешать им?

— Это уже по вашей части. Но боюсь, что нет.

— Могут ваши Создания нам помочь?

— Я выйду под открытое небо и помолюсь.

Балавадива собрал свои пожитки и вышел. Минуту спустя, пока мы с Уиллом обменивались взглядами, в прихожей хлопнула дверь.

Я встряхнулся и выдавил:

— Могу я помочь как инженер?

— Ты всегда на посту, Стив. — Джинни ласково коснулась моей щеки. — Подумаем, что тут можно сделать.

— Позвоним Куртис.

— Конечно.

Она подошла к телефону, который стоял на столе, и набрала номер. На экране появилось лицо астронавтки — бледное и напряженное.

— Дух оставил Уилла, — сообщила Джинни. — В смысле, он освободился.

— Здорово! — обрадовалась Куртис. — Вэл, ты слышишь?

Девочка издала ликующий вопль.

— Но есть и дурные новости, — продолжала Джинни. — Прости, детка, но это тайна. Мы потом тебе все объясним. Отключи коммуникатор, Куртис.

Пилот так и сделала. Джинни выложила факты. Куртис выдала пару словечек, которые вогнали меня в краску.

— Да, девочка должна все узнать, но очень осторожно. Мы обязаны остановить гадов.

— Какие-нибудь предложения? — с надеждой спросил я.

— Пока никаких. Без навигационных приборов Вэл не может сообщить мне, где находится. Я попытаюсь выяснить положение корабля через обсерваторию. Если получится, то наши коллеги-зуни могут привлечь на помощь своих богов. А там поглядим. Честно говоря, я пока не представляю... Когда вы будете здесь?

— Выжму из метлы все. — Джинни поглядела на брата. — Нет, прости. Мы не сможем прилететь сразу.

— Почему? — просипел он. — Лети. Со мной все в порядке.

Я глянул на бледное, залитое потом лицо и ответил:

— Ерунда, братец. Ты только-только начинаешь очухиваться. Тебе нужны покой и уход. Не говоря уже о попытках снова закабалить тебя.

Он вздрогнул. Спорить не стал — то ли выдохся, то ли испугался.

— Все равно нужно дождаться Балавадиву, — добавил я. — Мы перезвоним позже, Куртис.

Я набрал номер Голдштейнов.

Марта увидела мою рожу, набрала в грудь побольше воздуха и спросила:

— Так, Стив, что на этот раз?

— Не могу объяснить, но... мне так неловко просить, но не можете вы подержать у себя еще одного беженца пару дней?

— Беженца? У вас что, война или погром? — Она не шутила. — Можешь привозить кого угодно. И сколько угодно.

— Спасибо и... благослови вас господь!

— Помогите вам бог, Стив, Джинни. Сэм на работе, но я сама все приготовлю. Можешь не спрашивать — дети в порядке, хотя, естественно, встревожены. Они будут рады увидеть вас. Я тоже.

Как хорошо делать хоть что-то! Мы собрали личные вещи Уилла. Я помог ему добраться до нашей метлы и сесть в кресло.

Марта, Бен и Криса встречали нас у входа в дом Голдштейнов. Дети перепугались, увидев состояние дяди. Я объяснил им, что дядя Уилл болел, а теперь выздоравливает; что нам с мамой необходимо снова уехать, но мы скоро вернемся и все будет хорошо. Я давно наловчился скрывать свои чувства — во время войны и бесчисленных сражений в покер. Отконвоировав Уилла до кровати, я помог ему переодеться в пижаму и лечь в постель.

— Спасибо, — прошептал несчастный.

— Мы — одна семья.

— Да. Для Грейлоков это большая честь. — Он слабо подмигнул. — Ты дал нам такие замечательные хромосомы!

— Этим вечером начинается шаббат. Мы будем молиться за вас, — пообещала Марта, когда я уходил.

Она наспех обняла меня, чмокнула в щеку и отпустила.

Я вернулся домой и застал Джинни за книгами.

— Ничего не могу найти полезного, — отчаянно сообщила она.

Балавадива вернулся через несколько минут. У меня зачастило сердце.

— Я прикрыл глаза и принял видение, — мертвым голосом сказал он. — И слышал голоса. Возлюбленные Близнецы и Койот

постараются сделать все, чтобы справиться с тварью, которая поганит Землю.

Он помолчал.

— Это единственное, что им по силам. Они ведь не Единый Истинный Бог. И сила их ограничена. Мы, люди, должны сами принять участие. Они не могут помешать кораблю сесть на Луну. Но могут песней вернуть ее потом домой — если Валерия справится с управлением и если она избежит уготованной западни. Демоны наверняка бросятся в погоню. Возлюбленные постараются либо увеличить скорость корабля, либо отвлечь врагов. Если погоня достигнет Земли, они будут сражаться. Но мы должны быть там лично, во плоти, готовые пожертвовать собственной жизнью.

Я быстренько провел подсчеты — единственное, что мне оставалось в подобной ситуации.

— При двух «g» Валерия долетит до Луны примерно... примерно в девять-десять часов. Если она снова взлетит, при таком же ускорении, то до Земли ей лететь часа полтора.

— Вряд ли она сумеет взлететь так быстро и набрать нужную скорость. Демоны будут ей мешать.

— А если поместить в колпак новый камень? Что-нибудь земное. Цепочку, перочинный нож или что-то в этом роде?

— Да, это поможет делу, — согласилась Джинни. — А лучше, если это будет что-нибудь из паранормальной среды. Может, Волшебный народец даст ей что-нибудь?

Я поморщился.

— Вряд ли. Но у нас будет время поговорить с Вэл. Может, кого осенит идея. Где мы встречаемся с союзниками, Балавадива?

— На святой горе. Там Возлюбленные черпают силу.

— Заметано. Когда вылетаем?

Священник медленно покачал головой.

— Ты не понял, Стивен. Дова Йаланне — священное место. Мы не можем сразу сесть на ее вершине, это кошунство. А для нашей миссии это означает полный провал. Все не так просто. Мы должны принести жертву. Кусочек пищи или даже собственную жизнь, чтобы воссоединиться с Силами, которые выше тебя. Потом мы поднимемся пешком до самой вершины. Начало жертвы, которую мы готовы принести. А уж какова будет сама жертва — это мне неизвестно.

Так, шесть или семь часов тяжелого подъема в гору.

Балавадива не строил из себя пророка, он просто излагал, как обстоит дело. Тем не менее я предпочел бы кого-нибудь

более практичного, кто попросту объяснил бы, что нужно делать. Это оказалась Джинни, которая нервно бросила:

— Когда мы выступаем?

Он нахмурился. Маг не привык к концепции белых, что времени всегда в обрез.

— Мы должны придерживаться определенного маршрута. Я расскажу вам, как найти нужную тропу. Встретимся примерно в три тридцать. Похоже, нам будут мешать. Не демоны ли послали такую погоду? Или это простое совпадение? Или проверка, часть нашей жертвы? Не знаю.

— Ладно, — сказал я. — В половине четвертого. А пока, надеюсь ты поймешь, мы постараемся повернуть «Сову» своими силами.

— Пробуйте, — согласился Балавадива. — Но я считаю, что это — наш единственный шанс.

— Вперед!

— Постой, Стив. Пораскинь мозгами. Мы голодные, уставшие, так что едва ли мы справимся, если не перекусим и не поспим. А вы, сэры?

— Все мы люди, — кивнул Балавадива.

Мы соорудили бутерброды и съели их, по пути обсуждая детали предприятия. Позвонили Куртис. Она сообщила, что наблюдения из обсерватории подтверждают опасения мага. Она сама долго ломала голову, но так ничего и не придумала.

— Позови Валерию, — попросила Джинни.

У меня не хватает мужества описать наш разговор с дочерью. Скажу только, что она восприняла сообщение как настоящий маленький солдат. Мы предложили достать Фотервик-Боттса и продолжить тренировку. Вэл заметила, что Свартальф уже точит когти о свое седло. И распрощались.

Джинни наложила сонные чары, которые должны разбудить нас в нужное время. И мы уснули.

Кто-то добрый говорил со мной во сне. Но я не помню, кто и что именно.

Заметно приободрившись после сна, мы стали готовиться к походу. Уложили в рюкзаки еду и снаряжение, включая плащи от дождя, спальные мешки и фляги с водой. Джинни предусмотрительно захватила походный рюкзак Вэл.

Прихватив Эдгара, мы добрались до кузницы в три. Балавадива полетел на своей метле дальше — ему еще нужно было собраться самому. Подозреваю, что не только для этого. Я, Джинни, Куртис и Фьялар засели совещаться, но безрезультатно.

— Если и есть какой-нибудь способ, мы так скоро его не найдем, — вздохнула Куртис. — А может, его и вовсе нет. Ладно, отправимся на паломничество.

— Вы тоже идете? — ничуть не удивившись, спросил я.

— Йа, — прогудел гном. — Я попрошу Тора поразить молотом этих троллей.

— А почему нет? — отозвалась Куртис. — Я христианка. Не слишком ревностная, но посещаю миссию каждое воскресенье. Я буду молиться.

«Как и Голдштейны, — подумал я. — И Фотервик-Боттс, который в каком-то роде католик. И мы, и Уилл. И Балавадива, самый крепкий в вере из всех нас. И Валерия, бедный невинный ребенок».

Мы заперли кузницу, сели на метлы и полетели.

ГЛАВА 46

Балавадива ждал нас у начала тропы. Он был тоже одет походному, разве что на лицо легла тонкая паутина раскраски, а из-за пояса выглядывал магический жезл. Я решил, что остальные священные предметы он положил в заплечный мешок. Мы двинулись в путь.

Голая красноватая скала высилась над песчаной пустыней. Отвесные склоны поднимались все выше и выше, за много столетий ветер вырезал на них причудливые узоры. Вдалеке виднелись небольшие плато, а потом стены снова вздымались вверх, до самой вершины. Отсюда, от подножия, мы видели только общую картину — неприступную гору, которую мы должны преодолеть.

Небо затянули тяжелые свинцовые тучи. Солнце не могло пробиться сквозь их покров, и земля окрасилась странно-желтым светом. Завывал ветер. С каждой минутой его вой становился все громче. Похолодало.

— Вам лучше оборотиться, Стивен, — прокричал Балавадива, сиюсь заглушить рев непогоды. — Нам может понадобится ваша сила во время подъема и после.

Досадно, ведь у волка свои пределы. Джинни взяла меня за руку. Мне стало легко и спокойно.

Я передал ей кулон с коммуникатором. Джинни поцеловала меня. Я вернул поцелуй. Я запомню эти минуты до конца жизни... кроме Эдгара, который тербил клювом мои волосы, скло-

нившись с плеча хозяйки. Естественно, с самыми лучшими побуждениями.

— Вы идите, — предложил я, — а я догоню.

— Лучше отправиться, пока мы не устали, — кинула Куртис, — и погода еще не разгулялась. — Она оглянулась на Фьялара, который накинул самый маленький плащ — Бена — и ворчал, что он-де слишком длинный. — Все нормально?

— Йа, — буркнул он. — Вот уж Тор повеселится.

Он понятия не имел, что такое наши грозы. Они обычно разражаются летом, но могут налететь и в октябре. Нет, сегодня погода испортилась неспроста.

Мои товарищи начали подъем. Они вскоре исчезли за камнями. Я забрался в багажник, прикрыв его сверху сброшенной одеждой. Холод пробрал до костей. Посветил поляризатором и обернулся. Можно было особо не прикрываться, вокруг и так было темно.

Волья шерсть и волчья кровь согрели меня. Я выскочил из багажника и завыл громче ветра. Вокруг пахло влажной землей, травой, оленем... Я полетел как стрела.

Тропа была вытоптана многими поколениями шаманов. Но неопытный следопыт вполне мог не заметить ее. Узкая, неприметная, она вилась меж камней вверх, как змея, готовая ударить. Может, зуні ходили по другой, более удобной тропке. Может, именно этот опасный маршрут должен стать частью нашей жертвы, нашего искупления. Не знаю. В моем зверином облике я вообще думал мало. И уже позабыл о вопросе. Я гнал вперед.

Вскоре я настиг спутников и приноровился к их шагам. Всем им уже приходилось подниматься в горы, и шли они медленно, размеренно и осторожно, чтобы не оступиться и не споткнуться. Берегли силы. Фьялару приходилось чаще переставлять короткие ножки, но он был выносливей остальных. В правой руке гном сжимал молот, который прихватил из кузницы. Дань религии, символ колдовства или просто нехитрое орудие битвы? Он ухмыльнулся, увидев меня. Джинни погладила меня по голове, Куртис потрепала по шее, Эдгар каркнул: «Привет!» Балавадива, который шел впереди, оглянулся и приветствовал меня улыбкой. Мы шли.

Иногда мои спутники останавливались передохнуть, попить воды из фляжек и вбросить в рот пару горстей изюма. Джинни налила мне воды в углубление в камне, чтобы я мог свободно лакать, и дала кусок хлеба. Мы почти не разговаривали, тем более

что голоса заглушал рев ветра. По сигналу священника мы снова поднимались и продолжали путь.

Небо стало совсем черным. То тут, то там разрывались молнии. Каждая белая вспышка высвечивала бесконечный склон горы. Гром гремел, как чудовищные колеса телеги, которая все ниже спускалась с небес на землю. Грохот отзывался в каждой клеточке тела. Ветер стонал, выл и рычал.

Пошел дождь, ударил град, выхлестывая из наших тел последние искры тепла. Он леденил кровь, застилал глаза, сбивал дыхание. Мы не услышали крика Балавадивы, зато заметили, как он махнул рукой на очередную голубую вспышку. И сделали как он — растянулись на земле, чтобы не стать мишенью для молний. Фьялар замахал молотом.

— Развлекаешься? — заревел он. — Но, Тор, это уже не смешно, чесслово!

Я решил, что гном говорил по-английски, чтобы приободрить нас. Эдгар спрятался под камень.

По тропинке хлынул поток воды. Бурный ручей, глубиной не больше дюйма, но ярости ему было не занимать. Земля, на которой лежала Куртис, моментально пропиталась водой и подалась. Она заскользила в сторону, к краю откоса, а внизу ждали острые камни. Пилот попыталась ухватиться за ближайший валун, но тот покатился следом.

Я подобрался и прыгнул. Лапы заскользили по вязкому месиву. Я ухватил плащ Куртис и потянул. Она замерла на самом краю обрыва. Я изо всех сил пытался удержать женщину в этом неустойчивом положении.

Поток все хлестал. Потом совершенно неожиданно, как и началось, это безумие прекратилось. Дождь и град прошли, ветер успокоился, небо просветлело, ручей иссяк. Мы с Куртис — оба на четвереньках — отползли подальше от края.

Она встала и обняла мою промокшую шею.

— Я снова твой должник, Стив, — хрипло прошептала она. — Надеюсь, ты будешь почетным свидетелем на моей свадьбе... я уговорю жениха... а потом крестным отцом.

Даже в волчьем обличье я был тронут.

Я выдал что-то вроде: «Шашибо» и помахал обрубком хвоста. Джинни подняла мою морду и поцеловала прямо в нос.

— Могучий Греттир не смог бы справиться лучше! — воскликнул Фьялар. Балавадива благословил меня.

Мы начали карабкаться дальше. Мы с гномом представляли еще то зрелище — его борода и моя шкура обвисли и покрылись

грязью. Ничего, терпеть можно. Ледяной ветер доставлял другим больше неприятностей, но плащи защитили их от дождя и теперь кое-как не давали промерзнуть. Правда, ни Джинни, ни Куртис сейчас не смогли бы занять первое место на конкурсе красоты.

Стало чуть полегче. Узенькая тропка превратилась в широкую каменную ложбину, разве что усеянную лужами. Тучи отступили, открыв ясное голубое небо. Ветер утих. Стало слышно лишь скрип камешков под подошвами и хриплое дыхание. Стало холоднее, но это был добрый холод — словно порыв морского ветра.

Солнце закатилось за Аризону. Ночь наступила внезапно, выкатив на небо мириады звезд. Они давали достаточно света, чтобы видеть проход, зато все остальное потонуло во мраке. Поскольку я был зверем, то мог бежать быстрее своих спутников. Но я шел рядом с женщинами и настороженно прислушивался.

Время от времени они заговаривали с Валерией. Девочка была исполнена надежд. В ее возрасте никто не верит, что может умереть. Она поспала, крепко затянув ремни, поела и выпила воды, позаботилась о Свартальфе и прилежно занялась упражнениями с Фотервик-Боттсом. Когда голубой шар Земли и серебристый — Луны — приблизились, она вообще приободрилась.

Но Луна стала расти, заслоняя собою все небо, так что стали ясно различимы все кратеры и горы на поверхности.

— Она опускается, — сказала Джинни. Голос жены дрогнул.

— Мы не успеем, — горестно выдохнула Куртис. — Если бы мы точно знали положение корабля...

— Боги-боги, — простонал Фьялар. — Долго нам еще тащиться?

— Два часа, если не собьемся с тропы, — тяжело уронил Балавадива. — На вершине нам еще нужно будет добраться до места, где собрались Возлюбленные Боги. Когда девочка сядет на Луну, они затянут призывную песнь. Неизвестно, сможет ли она снова взлететь без земного предмета в ускорителе и будет ли лететь быстро. Я не уверен, что для этого подойдет любой предмет, который она достанет из кармана.

— Я скажу ей, — добавила Джинни. — Если она не сможет вернуться, то пусть попытается изменить полет, сядет в другом месте. На светлой стороне Луны могут жить только демоны. Она должна дотянуть до темной стороны.

— В любом случае мы должны успеть раньше, — обыденным голосом сообщил священник. — Пока мы ничем не можем ей помочь. Если дойдет до сражения, мы должны быть на месте.

— Значит, вперед!

ГЛАВА 47

Мне снова предстоит восстанавливать ход событий из рассказов, догадок и предположений, из собственных воспоминаний очевидца, которые слишком смутны. Неужели вся наша история писалась так же?

«Сова» начала скользить по направлению к поверхности Луны, которая уже не висела впереди, а была под ногами. В мягком свете Земли Луна пестрела серыми равнинами и черными впадинами. Наша прекрасная планета висела высоко на востоке, сияя океанами и белыми завихрениями облаков. Полярные шапки сверкали, а посередине виднелась зеленовато-коричневая Азия. От этой красоты у Вэл выступили слезы на глазах. Она постаралась разглядеть огни городов, но скорее то были просто слезы, повисшие на ресницах.

Радость пополам со страхом — первая посадка на Луне! И эти гады не доберутся до нее прежде, чем корабль остановится, а потом она двинется домой.

Изящные лунные горы остались позади. Вэл направила метлу к низкой каменной гряде, за которой начиналась темнота.

— Море Спокойствия, — услышала девочка голос Куртис. — Может, это добрый знак? Все равно, лучше садиться в восточных горах, подальше от Солнца.

— Именно, — раздался голос матери. — Постарайся, Вэл.

«Сова» повиновалась легче, чем в атмосфере Земли. Естественно, если учитывать разницу в гравитации... Она еще покажет! Не доросла до водительских прав, да? Ха!

«Сова» ринулась вперед. По ее приказу. Когда корабль коснулся поверхности Луны, чары, которые влекли метлу, исчезли. Все, что нужно было Вэл, это какой-нибудь предмет земного происхождения, чтобы положить в ускоритель. И тогда боги зун призовут корабль на Землю.

— Хай-я! — воскликнула девочка. И бросила взгляд на корму. Свартальф выгнул спину и распушил хвост. Она не могла слышать его мяуканья, но знала, что кот кричит: «Вот он я! Только подойдите, и я растерзаю вас на рыбные консервы!»

Внезапно метла резко остановилась. Вэл вывалилась из седла. Пепельная лунная пустыня и Земля завертелись перед глазами. Метла рванула вперед и снова запнулась. Она обо что-то ударилась. Взметнулась черная пыль.

— Вэл! — закричала Джинни. — Где ты? Что случилось?

Девочка села, потирая голову. Она упала рядом с метлой. Пыль быстро осела — не было воздуха. Она покрывала всю поверхность легким, почти невидимым покровом. Свартальф выпрыгнул на землю и подбежал к Вэл — испуганный и взерошенный.

— Валерия, Валерия... — А потом Вэл услышала отдаленный вой отца.

Она пришла в себя. Встала и огляделась.

— Мы во что-то врезались. Что-то невидимое. И упали.

— Ты цела?

Вэл пощупала руки-ноги, согнула пальцы.

— Кажется, да.

Она ведь была такой легкой сейчас. Метла затормозила на скорости примерно пяти миль в час, а амулет помог не получить ни единой царапины. Учитывая низкую гравитацию, это было все равно что падение с высоты в полметра на Земле. Слава богу, она успела отстегнуть ремни, когда пошла на посадку. Если бы метла свалилась сверху, то переломала бы ей пару костей.

Джинни подавила слезы и спросила:

— А корабль?

— Сейчас гляну. — Вэл подпрыгнула, зависла и медленно опустилась. — Кажется, в норме.

— Еще бы, — фыркнул Фьялар. Наверное, вся компания сгрудилась вокруг кулона. — Я честный мастер. Сам Велунд-Кузнец мог бы у меня поучиться!

— Если мы до сих пор разговариваем, значит, кристалл не разбился, — заметила Куртис. — Хорошо. Можешь лететь дальше?

— Ну, метла лежит на боку, — сообщила Валерия. — Но вряд ли она весит много. Я переверну ее.

— А обо что вы могли удариться? — поинтересовался Балавадива.

— Н-не знаю, сэр. — Вэл схватилась за меч, который висел на поясе. — Я могу пощупать.

— Не трогай, — скомандовала Джинни. — Демоны идут по следу. Может, это ловушка!

— Мне кажется... — начал Балавадива.

— Ой! — выдохнула Вэл.

Прикосновение, легкое, как летний ветерок, нежное, как поцелуй, — в губы, глаза, щеки, руки. И появились *они*. Семь мужчин и женщин, ниже ее ростом, хрупкие, большеглазые, с серебристыми волосами и в мерцающих развевающихся одеждах, хотя ветра не было и в помине... Казалось, что Земля просвечивает сквозь сами тела. За ними высилась ажурная стена с башенками,

шпилями и изящными арками. Полукруглые ворота жемчужно поблескивали. А слева зияла дыра. Стена оказалась тоненькой, почти невесомой.

Свартальф заткнулся. Он сел рядом с Вэл — настоroje, но не похоже, что он собирался биться.

— Волшебный народ, — прошептала Вэл. — Они показались мне!

— Тише, — шикнул Балавадива на своих товарищей. — Не мешайте им. Просто слушайте. И продолжайте идти.

— Привет, — тихо молвила Валерия. — Вы слышите меня, люди? Мне очень жаль, что я испортила вашу стенку.

Она услышала ответ — нежную напевную мелодию, похожую на птичий щебет или шум ручья.

— Ты не виновата. Разве ты могла знать? Добро пожаловать.

— А вы...

— Да. Теперь мы знаем, кто ты и почему оказалась здесь. Это судьба. Но что случится потом — нам неизвестно.

— Вы когда-то показались дяде Уиллу...

— Да, твоему родственнику. Потому что мы поняли, что люди могут последовать за нами на Луну. Хотели предупредить их. Если они попадут сюда, то разрушат наш мир. Мы не можем постоять за себя. На Земле слишком много наших врагов. Мы не понимаем людей, которые не молятся за свои души, а лишь рыщут по миру, подстраивая его под себя. Он был сама юность, чистый, как истинный сын Адама, а сердце его уже обратилось к небесам. Мы надеялись стать ему друзьями.

— Так и было, — вздрогнула Вэл. — Но потом его захватили поганые демоны.

— Мы с печалью прочли это в твоём сознании и рады, что он уже свободен. Но ты, дитя, в страшной беде.

— А... а когда они будут здесь?

Мужчина, который говорил с ней, нахмурился. Сдвинутые брови не шли его лицу, созданному для безоблачного счастья.

— Мы не знаем. Но если они ждали тебя, то едва ли находят-ся все в одном месте. Потому что могли догадаться, что с Земли тебе подадут мудрые советы и ты можешь найти убежище. Они бродят по всей поверхности. Ведь охотники делают именно так?

Вэл кивнула.

— Их не так много. Не больше ста, а может, и меньше.

— Да ну?

В разговор вступила женщина.

— Мы успели изучить их с тех пор, как они высадились здесь, — мрачно усмехнулась женщина.

«А ведь скорее всего это число верное», — подумала девочка. Быть такого не может, чтобы Китай, Япония, Тибет и остальные страны наводняли полчища демонов. Большинство Созданий добры, остальные — нейтральны, некоторые проявляют злобный нрав, но лишь временами. Разве сказки этому не учат нас? Добро всегда побеждает, иначе зло давно захватило бы весь мир.

Тогда как эти демоны, куй, они, лешие и баньши могли принести столько вреда?

«А им особо стараться не пришлось», — мелькнуло у Вэл. Так всегда бывает в природе — паранормальной или обычной, неважно. Один серийный убийца терроризирует весь город. Один безумный диктатор загоняет всю нацию в камеры пыток и концентрационные лагеря. Один лжепророк подбивает фанатиков расправляться с миллионами невинных людей. Господи, да один честный, но въедливый бюрократ...

Вэл не сдержалась и захохотала. Она вспомнила Альгера Снипа.

Ее привели в чувство озадаченные вопросы Волшебного народа. И девочка сообразила, что смех был отчасти истерическим. Однако он подействовал на нее, как холодный душ.

— Потому они не разрушили наши дома и нас самих, — сказала женщина. — Мы сбегает от них и прячемся, как прячемся от солнечных лучей. Их слишком мало, чтобы прочесать всю Луну, и они редко наталкиваются на наши поселения. Мы либо сооружаем защиту, либо сбегает к остальным.

Она взмахнула рукой. Ворота распахнулись, и Вэл предстало чудесное видение садов, где под цветущими деревьями росли небывалые цветы, били белопенные фонтаны и мерцал пруд. Среди этого великолепия высилось одно-единственное здание, такое же прекрасное, как все вокруг, — непривычной конструкции, но величественное, как Тадж-Махал.

— Наши дома и мы сами невидимы для всех, кто желает зла.

Ничего удивительного, ведь эти Создания так эфирны, так легки. Наверняка их дома созданы из чего-то невесомого, может быть, звездного света и чар?

— Иногда злые существа случайно находили наши укрытия, вот как ты... Хотя едва ли твое появление здесь случайно. Тогда они все уничтожают. Временами их колдовство обнаруживает наши следы, и они ловят нас... Я не стану говорить, что тогда бывает. Если бы у демонов было время, они извели бы нас до единого.

«Как люди, истребившие некоторые популяции редких животных», — вспомнила Валерия.

— И из своей лунной крепости они всегда будут вредить роду человеческому.

«Да, тут много демонов и не понадобится. Полным-полно людей, которые станут для них легкой добычей, как сказал бы папа. А некоторые предпочтут перейти на их сторону».

— Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы вернуть тебя домой. А потом нам и самим нужно спастись.

— Спасибо! — возразилась Вэл.

— В тебе — вся наша надежда.

Свартальф подпрыгнул и зашипел. Вэл не услышала. Тогда кот впился когтями в ее джинсы. Валерия глянула на друга и обнаружила, что зверь изготовился к драке — в черной вздыбленной шерсти заблестели глаза и зубы.

Валерия быстро повернулась. Из-за горизонта по равнине, под маняще сияющей Землей, спешили три тени. Они неслись огромными прыжками. Первый — безволосый гигант в одной набедренной повязке, из низкого лба торчал острый рог, а рот раздирали длинные клыки. Вторая — чешуйчатая обезьяна с раздвоенной головой и возбужденным фаллосом. Последним скакал человеческий скелет, шелкая челюстями. Воплощения ночных кошмаров, ставшие реальностью.

— Они здесь! — крикнула Валерия в кулон своим недостижимым родным и близким. — Самый ближний... Они бросаются...

Она услышала мой вой. Для страха не оставалось времени. Отрешенно, словно наблюдая за собой со стороны, Вэл достала меч из ножен.

— Ага! — зарычал Фотервик-Боттс. Испуганный Волшебный народец попятился за стену. — Бог поможет нам!

И принялся ворчать:

— Что-то ты не торопилась, юная леди. Думаешь, мне приятно было сидеть в ножнах и молчать, когда у меня каждую секунду рождался новый план действий? Где субординация, я вас спрашиваю? Такое никогда не случилось в армии Вдовы! — Он наконец обратил внимание на врагов. — Экая гадость! Наверняка не аборигены. Пусть подбегут поближе. Помни, никаких «мельниц», никаких верчений над головой, чтобы не оставлять открытым живот. Целься в шею, руки, бедро. Если придется пустить в ход колющий удар, бей под ребра... Эгей! Попались!

Демоны ринулись в бой.

Свартальф сжался, впился когтями в кожу гиганта, быстро вскарабкался ему на голову и принялся выдирать глаза.

Обезьяна оказалась жутко проворной тварью. Она прыгала взад-вперед, уворачиваясь от клинка. Скалила зубы и беззвучно объясняла, для чего ей такой фаллос.

— Давай, Вэл, покажи им! — завопила Куртис, словно сидела на футбольном матче сборной родного колледжа. Я больше не мог выть, а орать мне не позволяла волчья пасть. Фьялар яростно размахивал молотом. Эдгар бил крыльями и каркал. Джинни творила заклятия, а Балавадива поднял жезл и возносил молитвы... но какая в этом польза?

Скелет напал справа. Щелкнул зубами и толкнул девочку фалангами пальцев.

Обезьяна оскалилась и приготовилась прыгнуть.

Три туманные фигурки закружились рядом и на минуту лишили тварь возможности видеть — Волшебный народец вступил в бой. Макака замахала когтистой лапой. Фигурки развеялись, как дым.

— Позвоночник, — скомандовал Фотервик-Боттс.

Вэл нанесла удар. И едва удержала меч в руках. Скелет развалился на две половинки. Они подергались пару мгновений и замерли. Потревоженная пыль осела на кости.

— А теперь эту маленькую дрянь в чешуе, пока она размахивает лапами и света белого не видит, — приказал меч. Вэл ударила наискось. На землю хлынула черная кровь, оттолкнулась от поверхности и каплями поплыла в космос.

— Тот громила, — пролаял меч. Он чувствовал себя как рыба в воде.

Гигант катался по земле, пытаясь избавиться от Свартальфа. Кот отпрыгнул, но снова бросился в атаку. Вэл собрала все силы и полоснула демона поперек брюха. Вывалились внутренности, полилась кровь. Демон скрючился и застыл.

— Я... мы победили, — громко крикнула Вэл. Потом упала на колени. Ее вырвало.

— Господи, что с тобой, миледи? — удивился Фотервик-Боттс. — Ты же порубала их всех. Клянусь Иисусом, ты настоящая дева-воительница! Никогда не видел женщину лучше тебя. Да и мужиков не так много. Мои комплименты!

Свартальф поднял хвост. Он беззвучно прошипел триумфальную песню.

— Вэл, как ты? — взмолилась мать. — Соберись. Вам пора лететь. Они скоро вышлют подкрепление.

— Ага.

Открылось второе дыхание. Девочка поднялась на ноги, выпрямилась и подошла к «Сове».

— Я должна поднять корабль и положить в него что-нибудь земное, — объяснила она вернувшемуся Волшебному народцу. Во рту стоял противный привкус, горло саднило. Она прополоскала рот водой из фляги, сплюнула...

— Да, тебе нужно быстро улетать, пока не подбежали остальные, — услышала она тихое пение. — Но они бросятся в погоню. Все до единого.

«Еще бы», — подумала она. Для демонов настал час истины — пан или пропал. Если она вернется на Землю и расскажет все, что узнала, на Луну вскоре полетят экзорцисты. Но если она не долетит, многие ли поверят на слово ее родителям? По крайней мере, начнутся пересуды, долгая болтовня, а демоны тем временем добьют все космические программы — и конец.

— Это наше общее дело, — прошебетали феи.

— Если собираешься сунуть меня обратно в ножны, сперва протри, — вмешался Фотервик-Боттс. — Военная аккуратность, понимаешь ли.

Вэл достала носовой платок и вытерла клинок.

— И больше не тяни, сразу вынимай меня, — добавил меч. — Пока мы выиграли первое столкновение, но не войну. Я видел, как проигрывались битвы — из лишней самоуверенности. Вот, к примеру, когда мы воевали с варягами...

Вэл засунула меч в ножны и бросила платок. Он медленно опустился на землю.

— Поспеши.

Валерия ухватила за рукоятку метлы и вернула ее в прежнее положение. Двинула ногой в руны на подножке, и парковочные лапки сложились. «Сова» встала.

Вэл принялась шарить по карманам. Что бы положить вместо камня направления?

Вокруг столпился Волшебный народ.

— То, что есть у тебя, не подходит. В нем нет силы. Создания на Земле не смогут придать тебе нужного ускорения. Враги достигнут вас на полпути.

Валерия подумала и ответила:

— Я должна попытаться.

— Но мы тоже дети Земли. Мы ее создания. Иногда мы возвращаемся домой, к лесам и нетронутой росе. Она тоже наша мать.

Девочка подошла к носу корабля и открутила колпак. Она решила положить туда серебряный доллар, давнишний подарок ко дню рождения, своеобразный талисман.

Прекрасная девушка подплыла к ней.

— Я Ринна, — пропело чудесное Создание. — Я заберусь сюда. Мы вместе долетим до Земли.

Девушка уменьшилась в размерах и скользнула в углубление. Валерия растеряла все слова благодарности. И просто завинтила колпак.

Остальные феи торопливо поцеловали ее — нежно и с любовью.

— Мы должны идти. Всего хорошего, всего тебе хорошего.

Они исчезли. Вэл запрыгнула в седло. Свартальф заскочил на свое место.

На горизонте возникли новые тени.

Вэл взлетела.

ГЛАВА 48

К тому времени мы уже поднялись на вершину. На минуту остановились, чтобы перевести дух и вознести к небу наши слезы, молитвы и чаяния. Мы едва дышали. Вокруг царила тишь и холод. Звезды сияли на небосклоне, а Млечный Путь застыл рекою, тронутый льдом.

— Наша девочка свободна, — прохрипела Куртис.

— Не, это девочка Стива и Жинни, — возразил Фьялар.

— Сегодня Вэл — наше общее дитя, — покачала головой Джинни.

— Хорошо сказано, — согласился Балавадива. — Общее для всех людей доброй воли. Зло не тронуло ее. Но нам пора идти.

Он снова повел нас вперед. Хотя здесь росли только редкие кусты и невысокая травка, идти было тяжело. Джинни не стала наделять нас колдовским зрением и даже простыми огоньками Эльма. Балавадива ничего не сказал. Ведь это была священная гора. Что не помешало Фьялару вполголоса ругаться на старонорвежском, когда он стукнулся пальцами ног о камень. Острым волчьим слухом я уловил пару выражений из уст Куртис, которые едва ли приличествуют дамам.

Сам я шел легко, меня вел нос, уши и усы. Джинни тоже было проще — в ее руке блистала волшебная палочка. Зато остальные были сосредоточены на дороге, а мы — на тревогах за Вэл.

Я был почти счастлив, что звериное сознание притупило мой собственный разум. Тоска и боль — вот что я испытывал, но храбрился. Зато бедняжка Джинни переживала за двоих.

Вэл сперва была занята взлетом. Потом Джинни позвала ее и спросила, как дела.

— Лечу быстро, — ответила дочь. — Луна уменьшается почти на глазах, а Земля растет. А б-больше... н-ничего не видно... сзади.

— Конечно, ты уже далеко, — ободрила ее Куртис.

И мы подумали: «Началось!»

— Она летит на огромной скорости, — сказал Балавадива. — Может, демоны не смогут ее догнать.

— Благодаря маленькой фее, — добавила Джинни.

— Да, — согласился Балавадива. — Но неужели ты думаешь, что тут обошлось без Возлюбленных Богов?

— Прости. Это они... Но Ринна согласилась добровольно. Разве не так? Как же нам ее отблагодарить?

Я вспомнил детство. И как наяву услышал голос отца: «Ты не сможешь расплатиться за некоторые добрые дела. Постарайся сам сделать для них доброе дело». Очистить Луну от демонов — я сразу представил волка, рвущего врагов зубами и когтями, — а потом восстановить некоторые парки с нетронутой росой на Земле, чтобы Волшебный народец мог чаще навещать свою мать.

— А теперь тише, — приказал Балавадива.

— Мы позже позвоним, милая, — договорила Джинни. — И ты звони, если что-то случится. Но не бойся. Мы любим тебя.

Я лизнул руку жены, словно она как-то могла передать мою ласку дочери. Эдгар хрипло закурлыкал.

Мы продолжали путь.

Прошло примерно сорок пять минут. Наконец дорожка уперлась в рощицу вечнозеленых деревьев, которая росла вокруг открытой полянки. Звездный свет лился на траву, можжевельник и развалины каменного дома. Я вспомнил, что все племя зунни когда-то скрывалось от врагов на Дова Йаланне. Как когда-то, в седые времена Великого Потопа...

Тишина, холод, пустота. Балавадива остановился и махнул нам рукой. Мы подошли.

И тут Эдгар брякнул:

— Че, богов нет?

И где он набрался такой наглости?

— Тише, ты! — шикнула Джинни. — Приношу нижайшие извинения, — сказала она, обращаясь к нашему проводнику.

Он улыбнулся.

— У них тоже есть чувство юмора. — И серьезнее добавил: — Они наблюдают и ждут. Откройте ваши сердца, смирите дух, внимайте.

Он вынул из заплечного мешка килт, пояс и надел их.

Над нами раскинулась вся Галактика, словно небесные крылья. Джинни и Эдгар склонили головы. Куртис сложила руки на груди и что-то забормотала. Фьялар стянул шапочку, опустился на колени и поднял молот так, как христианин поднял бы крест.

Я тоже почувствовал их присутствие и исполнился благоговейным трепетом. Словно голос в храме... нет, не так. Они были не Единым, но многим, не всемогущими, но сильными — друзья и сторожа жизни, которая была дана не ими. Будучи животным, я не мог чувствовать так, как человек, и понимал далеко не все. Но я опустил голову и поджал обрубок хвоста, преклоняясь перед высшими духами.

Все закончилось.

— Они пока оставили нас, — объяснил Балавадива, — чтобы мы успели приготовиться и подумать. А потом настанет наш черед исполнять предназначение.

К Фьялару быстро вернулся его повседневный прагматизм.

— Мы не можем помочь детенку, пока она летает в небе, — проворчал он. — Если тролли отстали, то кто-то вроде вас, герр Балавала, может отвести ее в безопасное местечко. А мы... — Он потряс молотом. — Я б раскроил парочку черепов, не без того.

— Если Валерия сбежит, едва ли они нападут на нас, — заметила Джинни. — Слишком рискованно — главный приз уже потерян.

— Боюсь, что они летят за ней по пятам, — поморщилась Куртис. И повернулась к священнику: — Как вы считаете?

Он растерялся:

— Я... не знаю. Я думал... Если она летит с прежней скоростью...

— Неизвестно. Маловато данных, чтобы вычислить наверняка. Но со слов Вэл, корабль летит довольно шустро. Допустим, на пределе. Могут ли демоны догнать ее, Джинни?

— Не знаю. Но и у демонов есть свои пределы. Если бы здесь был Фу Чинг, он мог бы просветить нас. Но, насколько я помню, могут. И какой им смысл отказываться от погони?

— А че, они могут, — предположил Фьялар.

Она отмела его оптимистичное высказывание.

— Надеяться на это не стоит. Мы можем только надеяться и молиться, чтобы Вэл сумела ускользнуть от них.

— Ей придется снизить скорость, когда она войдет в атмосферу, — напомнила Куртис. — В целом на все про все уйдет два с половиной часа. Нет, больше. Луны пока не видно. А спастись она может только здесь. Ей понадобится изменить направление... сделать виток. Мне нужно будет с ней связаться.

— Могут ли демоны остановить ее во время витка? — беспокойно спросил Балавадива.

— Могут, — ответила Джинни. Я вздыбил шерсть и ощерил зубы.

— Мы что-нибудь придумаем, — раздался новый голос. — Если надумаем.

Мы оглянулись. Из-за деревьев к нам подошел незнакомый мужчина. Хотя он был одет на западный манер — широкополая шляпа сдвинута на затылок, лоб перевязан яркой банданой, простая белая рубашка, пояс с серебряной пряжкой, узкие джинсы и высокие кожаные ботинки, — но был индейцем. Или не был? Слишком уж он высокий и стройный для местных племен, слишком тонкий и прямой у него нос. Может, это игра теней, но его образ немного колебался, как миражи в пустыне.

Куда девалась обычная выдержка Балавадивы?

— Саски! — воскликнул маг.

— Он самый, — поклонился незнакомец. — Или Койот. К вашим услугам, леди и джентльмены.

И пропал. На его месте появился волк поменьше меня, поджарый, остроухий и длинномордый, с пушистой шерстью, которая при дневном свете была бы песочно-коричневой. Глаза его хитро стреляли по сторонам. Койот высунул язык и ухмыльнулся.

Балавадива поднял свой жезл, Джинни — свою палочку, а Фьялар — молот. Эдгар каркнул и взмыл в воздух, я приготовился к атаке. Куртис отступила на шаг. Она поднесла к губам кулон и пересказывала Вэл, что происходит.

Койот мигом вернулся в человеческое обличье.

— Эй, трусишки, полегче! У меня и в мыслях не было вредить вам. Просто решил представиться.

Джинни и Балавадива переглянулись. Он кивнул. Ведьма шагнула вперед, чтобы проверить полубога. Мокрые волосы потрескивали от искр, которые слетали с ее палочки. Я потрусил рядом.

— И в мыслях не было? — переспросила она. — Именно вы, сэр, втянули нас в неприятности. Вы связались с общим врагом человечества — с созданиями Ада. И помогли им свести на нет

проект «Селена». И не ваша заслуга, что тогда никто не погиб. А теперь демоны гонятся за невинной девушкой. Она в смертельной опасности. Вы не просто так сюда зашли, верно? Какое еще зло вы собираетесь призвать?

— Хей, да вы спятили! — Каяться или просто извиняться он и не думал. — Успокойтесь. Просто мы разные. Вы — это вы, а я — это я.

Он снова обернулся койотом, вероятно, чтобы продемонстрировать разницу. Я втянул его запах и оскалился.

Он снова стал человеком.

— Да я просто пошутил. Хотя должен сказать, что если вы простите меня, то я встану на вашу сторону. — Потом он заговорил медленно и веско: — Как вы посмотрите на чужаков, которые врываются в ваш сад, напускают собак на живность и скот — на цветы? Мои люди не особо счастливы тем, что вы сделали с их страной. И с ними.

— Мы никогда не были твоими людьми, Саски, — заявил Балавадива. — Ты ни о ком не заботился, кроме себя самого.

Койот на мгновение несколько раз поменял облик, превратившись в расплывчатую тень.

Став человеком, он ответил:

— Вы так говорите, словно я непричастен к Творению. Конечно, Мелика считает это чушью, и многие из вас верят. Истина изменчива, как я только что вам доказал.

— Ты сам сказал: мы — это то, что из нас сделала история. Ты предал нас, встал на сторону врага всего сущего.

— Ну, это спорный вопрос. — Койот поднял раскрытую ладонь. — Ладно, мистер, я ошибся. Да, не в первый раз. Признаю. Разве вы, ребята, никогда не делали ошибок?

Я сразу вспомнил многочисленные истории про него — острые волчьи чувства подстегнули память. Его называли Трикстером, а еще Растяпой: многие его шикарные на первый взгляд планы оканчивались плачевно, иногда смертью, но он всегда восставал из мертвых, отбрасывая полученные уроки.

Джинни, вероятно, тоже это вспомнила, потому что усмехнулась.

— Так ты хочешь нам помочь? Тебе только позволь.

Он выудил из кармана бумагу и табак, ловко скрутил сигаретку и чиркнул спичкой о каблук.

— Я тут посоветовался с Возлюбленными, — спокойно сказал он и выпустил дым. — Угу, выходит, эти парни собрали нехилую

банду, и, ясное дело, это не в наших интересах. Это частная драка или я могу присоединиться?

Из кулонов на шеях Куртис и Джинни вырвался крик.

Перепуганный Койот тут же оборотился. Гм, не полностью. Я никогда не видел койотов с сигаретой в зубах.

— Я их заметила! — завопила Валерия. — Оглянулась и... Они — как туча пыли с темной стороны Луны... Мама, папа, это они?

Джинни обреченно взглянула перед собой и сказала:

— Едва ли кто другой.

Я взвыл. Эдгар закаркал.

— Милая, продолжай полет, — поторопила Джинни. — Не останавливайся. Мы здесь, мы собрали всех друзей, чтобы спасти тебя.

— Минуточку, — промолвила Куртис и заглушила свой коммуникатор. И подала Джинни знак сделать то же самое. — Если их видно невооруженным глазом, значит, они летят быстрее, чем корабль. Конечно, точных вычислений я не могу привести, но скорее всего они догонят ее прежде, чем она сядет. Особенно если перехватят на витке.

Койот принял человеческий вид.

— Прошу прощения, мадам, — сказал он, внезапно повеселев. Его глаза засияли как звезды. — Юной леди не потребуется два часа для посадки. Даже учитывая верчение, которое вы упомянули.

— Господи, но как? — воскликнула Джинни.

— Ну, ей не нужно сбавлять скорость до самого конца. Скажите, пусть выжимает из железки все, на что та способна. Банда не догонит ее.

Я протестующе рыкнул. За меня ответила Куртис:

— При двух гравитациях? Вы хоть представляете, на какой скорости она летит? Если она резко остановится, наши защитные экраны не выдержат. Ее просто раздавит!

— Иа, — тяжело добавил Фьялар. — Думаю, что лодка разлетится на куски. Сталь хороша, ниче не скажешь, но меч Зигмунда Велсунга сломался о копьё Одина.

— Демоны наверняка замешкаются, — сказал Койот. — Они, конечно, могут выдержать большие перегрузки. Но на это уйдет время, а ваша девчушка попадет в поле действия Возлюбленных Близнецов. Неужели вы думаете, что они не обеспечат ей мягкую посадку? Сядет как на перинку!

Джинни нахмурилась. Я тоже призадумался, хотя в моем со-

стоянии это было затруднительно. А как же закон сохранения энергии? Все эти гигаджоули должны же куда-то деваться?

Но Койот был умным Созданием. И, без сомнения, знал, на что способны высшие духи. И...

— Не забывайте, банда висит у нее на хвосте, — предупредил он. — Но мы их встретим. — Он захихикал. — Да, мы их встретим.

Джинни вздернула подбородок.

— Нужно попробовать, — бесцветным голосом произнесла она. — Это наш единственный шанс.

— Думаю, да, — отозвался Балавадива.

ГЛАВА 49

На мгновение мы воспрянули духом. Хоть что-то решилось. Мы стояли и слушали, как Куртис объясняет Вэл, как осуществить маневр, который приведет ее в Америку, к нам. Задним числом я поразился: пилотирование без карт, без инструментов, по чужой подсказке было невероятным чудом! Но Джинни возразила, что совместными усилиями местных Созданий и феи на борту корабля ситуация решилась в нашу пользу.

Потом мы просто ждали. Корабль прибавил скорости, так что демоны не смогли перехватить его на витке. Вот чего мы не могли предугадать — это где они встретятся.

И когда Вэл снова заговорила с нами, ее голос дрожал:

— Они уже близко. Где-то в миле. Я не могу на них глядеть. Но я уже вынула меч.

— Предаем души наши в руки Твои, Господи, во имя Спасителя нашего Иисуса Христа, — произнес меч. — Помни, руби направо и налево, или они прорвутся с незащищенной стороны. Чем бы все ни закончилось, эти засранцы не скоро позабудут, с кем имели дело. Святой Георгий, вперед!

И снова Вэл:

— Они... они... да, они отстают. Они отстают! Медленно, но... точно, отстали!

Я завыл. Койот засвистел. Эдгар каркнул:

— Кар! Хорошая птичка. Налоговая — никогда!

— Им пришлось сбавить скорость, — сообщила Куртис. Демоны не могли прослушать наши переговоры. — Но они нагонят на повороте. Не ждали, что ты будешь нестись до самой Земли. Думали, что ты пройдешь над атмосферой, и там они тебя схватят. Если ты резко затормозишь, а они будут лететь сразу за тобой,

то не успеют отвернуть, и им придется спускаться до самой поверхности.

— Все еще надеюсь поймать тебя, — закончил Балавадива.

— Ну, я же говорил! — хихикнул Койот.

Фьялар пожевал свои усы.

— Ежли получится, — пробормотал он. — Не знаю. Не знаю, и все. Заклятия, экраны, защита...

— Да, поплачь, милая, — сказала Джинни, услышав звуки рыданий. — Ты заслужила это право.

Время тянулось невыносимо.

И в мгновение ока закончилось.

— Земля такая огромная, — сказала Вэл. Голос взволнованный, но уже не дрожащий от слез. — На полнеба. Темная, моря и облака как серебро, по краю — голубая... наверное, воздух. Солнца нет, но половинка Луны видна. Земля растет, все быстрее и быстрее.

Когда она на такой скорости войдет в атмосферу...

Но она знала.

— Вы меня поскорее остановите. — Судорожный глоток. — А если... если не получится, загадайте желания на падающих звездах.

У нас не было других желаний.

И тут появились Возлюбленные Боги.

Они заняли всю поляну. Их тела светились, хотя и не закрывали собой небесный свод. Балавадива поклонился. Мои спутники тоже склонили головы, как и при первых шагах на эту поляну, когда богов еще не было видно. Их присутствие было сокрушающим. Койот тоже снял шляпу.

Близнецы, Боги войны, стояли, выпрямившись во весь рост, — квадратные, уродливые и прекрасные. В руках они держали копья и щиты. Рядом стоял Кокопелли, горбатый странник, подняв к губам флейту. Остальных я узнал по книгам, рисункам, куклам и костюмам на праздниках.

Воин Салимо-бейя, чье лицо скрывалось за воротником из вороньих перьев, сжимал в руке длинный хлыст из юкки, которым он стерег Длиннорогих. Ху-дуду, тоже в маске, натягивал лук. Кремневые великаны выстроились в ряд и стояли неподвижно, как скалы. Факел крошечного бога огня пылал рядом с семью птицеголовыми Шалако, которые были в два раза выше любого человека. Гротескные, измазанные грязью, замерли священные шуты. И дальше, дальше, строго по старшинству —

хранители и ревнители людей и земли пришли защищать все, что дорого и свято.

Ко-коши, первые танцоры в году, подняли трещотки и еловые ветки. Зазвучала флейта Кокопелли. Откуда-то откликнулись барабаны и гортанные заклинания. Ноги поднялись и опустились. Все начали танец, не сходя с места и почти не двигаясь. Шуты задрогались и заулюлюкали. Земля задрожала.

Валерия опускалась на планету. Защитные экраны отталкивали молекулы воздуха. И воздух закипел вокруг нее.

Нечто похожее на гигантскую руку протянулось к кораблю. И приняло удар на себя. Вэл обнаружила, что находится в какой-то миле от горы, снижаясь быстрее, чем орел за добычей.

Энергия искала выход. Небо заворчал, земля дрогнула. Шутам досталось больше всех. Они высоко взлетели и рассыпались в разные стороны. Их восторженные вопли добавили неразберихи. Вот это забава! Они попадали на верхушки деревьев и скатились на землю живыми и невредимыми.

«Сова» неслась как стрела. Духи, должно быть, помогли Вэл удерживать управление. Но без нее, без ее мастерства им бы это не удалось. Ее размытый силуэт мелькнул на фоне ночного неба, как призрак на Хэллоуин. Девочка до сих пор сжимала меч.

— Лети в дом, — прокричала Джинни, чтобы заглушить музыку и гам. — И садись. Оставайся там.

Балавадива говорил, что в доме находится алтарь для молящихся и жертвоприношений. Развалины были святым местом. Метла затормозила и аккуратно влетела в дверь. Балавадива заступил вход. Рядом с ним встали два духа.

— Эгей! — завопил Койот. — А вот и разбойнички!

И именно он предложил:

— Давайте не будем их разочаровывать. Проредим это стадо! Высшие духи согласились.

Свартальф проскочил между ног Балавадивы. Шерсть кота стояла дыбом, глаза сверкали как угли, он орал боевые песни своей юности.

Из дома донесся раскатистый бас:

— Что это за фарс? Я требую уважения! Я еще поставлю вопрос в Парламенте. Тут грядет битва, а меня не берут. Вот проиграете, будете знать!

— Он прав, — заметила Куртис. И поспешила к двери. — Прошу прощения.

Она вошла в дом. Я уверен, что пилот улучила момент, чтобы

обнять и поцеловать нашу девочку, прежде чем вернуться с Фотервик-Боттсом.

— Так-то лучше, — проворчал меч. — Вы обратили внимание, как я муштровал вашу девушку? А как иначе, черт возьми? Ладно, голову выше, выполняйте мои приказы и, ради всех святых, женщина, бей на поражение!

— В колледже я занималась фехтованием, — ответила астронавтка. — Это, конечно, не одно и то же, но я постараюсь.

Фьялар поигрывал молотом, задрав голову к небу. Звездочка на палочке Джинни загорелась ярко-белым огнем. Эдгар присел на голову Шалако. Гигант даже не заметил ворона. Я высунул язык, чтобы охладиться перед предстоящей жаркой битвой.

Над головой вспыхнули огненные метеоры. «Это они», — мелькнуло у меня в голове.

*...ma 'lesi tewanane
a-winakwe
awan tse 'makwin aka
tetse 'makponolkwina...*

— Молитва перед боем, — прошептала Джинни.

И демоны посыпались на нас. Куртис и Койот оказались правы. Они не могли предвидеть, что Вэл будет лететь прямо до самой поверхности, так что не успели затормозить. Хотя их магические силы превышали человеческие, они не смогли удержаться и последовали за кораблем сквозь атмосферу. Если бы озверевшие демоны схватили ее у Земли, то разорвали бы в клочья, а корабль увели.

Я подумал о противовоздушной артиллерии — ходили слухи, что в армии появилось нечто посильнее простых серебряных зарядов, — но спохватился: Вэл наверняка бы погибла, пока мы продирались бы сквозь бюрократов, политиков и...

Так мы и стояли: смертные, которым с рождения присуши силы, чтобы победить зло; оружия, которых параприрода наградила сознанием; боги этой земли и ее жителей.

Демоны заметили нас слишком поздно.

И бросились в атаку. Их было около ста, ими двигало презрение к остальным, к тем, кто не пошел на сторону Сатаны. Я увидел страшных и прекрасных Созданий, жестоких и безумных, объединившихся в общем вихре смерти и разрушения. От них веяло холодом, страшным холодом. И они шли на нас.

Никто не может воспринять бой в целом. Это сутолока и неразбериха, страх и ярость, удары и защиты, выстрелы и прикрытия. Мир сужается до ближайших противников и ближайших

друзей. Иногда мелькает видение отдаленного участка битвы, которое врезается в память до конца жизни. Который может наступить неожиданно быстро — после первого же пропущенного удара и удивленного понимания, что ты умираешь. Может, мне как волку удалось запомнить больше, чем я запомнил бы в облике человека. Но все равно все сражение слилось в серию быстро сменяющихся фрагментов.

На меня бросился человекоподобный демон. На мгновение я решил, что передо мной Фу Чинг — высокий, тощий, с вытянутым лицом, в ярких императорских одеждах и шапочке, с невообразимо длинными ногтями. Нет. Когда я прыгнул, эти ногти полоснули по спине, как ятаганы. Мой вязаный костюмчик повис клочьями. Я схватил демона за одежду у горла. Это оказалась не одежда, а его тело. В глотку хлынула ледяная кровь. Когда мы упали на землю, сражаясь, он не издал ни звука и не стал менять форму.

Мои раны были глубокими, но я их почти не замечал. Они заросли, пока я пластал врага. Вскоре тот замер и опал, осталась лишь пустая оболочка. Я выкашлял отвратительный вкус из пасти и огляделся.

Неподалеку невысокий квадратный демон в кольчуге казался добродушным охранником храма. Если не считать выпученных глаз и оскаленной пасти. Он замахнулся изогнутой саблей на Фьялара. Гном отбил удар молотом. И ударил сам. Попал в грудь. Затрещали кости. Фьялар неустанно молотил, вбивая демона в землю.

Свартальф сцепился с котом вдвое больше его. «Пшел с моей территории!» Они сплелись в шипящий, когтистый клубок. Во все стороны летели клочья шерсти и капли крови. Нашему старичку досталось. Но он мужественно не отпускал демона и рвал его зубами. Я подскочил и одним махом оторвал тому голову.

Свартальф вылез из-под трупа и рассержено зыркнул на меня. Чего это я лезу, когда не просят? Раны кота выглядели терпимо. Мимо прошмыгнули твари, смахивающие на крыс. Свартальф бросился вдогонку. Эдгар полетел следом.

Что-то вроде человека семи футов ростом бросилось на Куртис. У него была кабанья морда вместо головы. Наклонившись, существо попыталось схватить пилота.

— Ха, открыта охота на свиней! — завопил Фотервик-Боттс.

Взлетел клинок и мигом укоротил огромные клыки. Чудище попятилось. Куртис перехватила рукоять двумя руками и всадила меч прямо в брюхо демона. Он завыл, упал на колени и обмяк.

— Отлично! — похвалил хозяйку меч. — Вот тебе и отбивная.

На Койота наступал демон в виде кошмарной женщины с иглоподобными зубами и длинными когтями на паучьих руках. Нижняя часть тела была как у акулы, так что Создание плыло по воздуху, как по воде. Койот ослабился. Демон нацелился. Койот превратился в койота, зверька невысокого. «Оп-ля, — наверное, подумал демон, — надо взять пониже». Койот снова стал человеком. Потом опять койотом. И опять человеком. И койотом. Когда демон окончательно запутался, Койот забежал сбоку, вскочил на тварь, как на дикого мустанга, и свернул ей шею.

Вдалеке волшебная палочка Джинни рассыпала искры направо и налево. Она сражалась с какой-то нечистью, которую я не мог разглядеть как следует. В ужасе я бросился на помощь. Этот неясный призрачный силуэт, летящие по несуществующему ветру волосы и одежды, беззвучный вопль, разинутый рот... Я похолодел. Битва меня уже не интересовала.

Моя подруга, хозяйка, жена была в опасности. Я узнал эту тварь. И забыл обо всем.

Я бежал слишком медленно. Но все равно ничем не мог бы помочь. Джинни взмахнула левой рукой, выкрикнула заклинание. Палочка полыхнула. Горио дернулась в последний раз и расплылась утренним туманом.

Я подбежал к своей ведьме. Пот лился по ее лицу и капал на рубашку. Она тяжело дышала. Палочка дрожала в руке. Но когла жена заговорила, голос ее звучал твердо:

— Надеюсь, что я дала покой принцессе Тамако.

Мы огляделись. Демоны снова и снова шли на приступ дома, где укрылась Валерия. И откатывались от дверей, которые защищали Балавадива и его соратники. Им еще приходилось удерживать девочку в доме. Ей не терпелось выйти и вступить в драку.

Близнецы бушевали, пронзая врагов копьями. Свистели стрелы. Бог огня прыгал под ногами и поджигал демонов факелом. Великаны топтали нечисть ногами, клоуны взлетали как резиновые мячи, не давая никому из противников сбежать. Шалако разили острыми клювами.

И высоко в небе я внезапно различил призрачную фигуру, словно сама душа Земли помогала нам. Шесть полукруглых ног очертили небосвод и в зените сошлись на странном теле... Водомерка? Мне почудилась гигантская паутина, которая соединяла звезды воедино... Бабушка Паучиха, самый могущественный добрый дух хопи? Даже в Эдгаре, глупом Эдгаре было что-то от великого северо-западного Ворона. Даже Койот...

Мои близорукие глаза увидели поднимающуюся над деревьями луну.

И демоны дрогнули. Их охватила паника. Они ринулись прочь, как искры из угасающего костра, если на него дунуть.

Силы покинули нас. Нахлынула усталость и страшный холод. Джинни отложила палочку, обхватила себя за плечи и задрожала. Я потерял о жену, пытаюсь передать остатки тепла. Фьялар важно зашагал к нам, Свартальф запрыгал через поверженные тела. Эдгар опустил на землю и принялся охорашиваться, будучи радуюсь, что снова можно стать обычной птицей.

Подошла Куртис. Фотервик-Боттс дрожал в ее руке.

— Неплохое представленьеце, — задумчиво изрек меч. — Просто-таки урок военной истории. Точно, это нужно занести во все учебники.

Куртис обессиленно опустилась рядом с нами.

— Вот это резня, — вздохнула она.

Мне показалось, что пропела труба и зазвучал величественный хор. По небу разлилось сияние. Прекрасные крылья распростерлись над созвездиями. Нимб вокруг чела озарил небесное лицо, в глазах светились мудрость и сочувствие. Он простер руку. Останки врагов и кровь пропали со священной поляны. Последние удирающие демоны обратились в ничто.

Он исчез.

— Камбиэль, — выдохнула Джинни. — Пятый архангел. Который покровительствует исследователям.

Неужели наши деяния и наши мечты значили для мироздания больше, чем мы думали?

— ...Прощайте, — услышали мы. — Благословляем вас.

Койот, Шалаки и Возлюбленные Боги ушли. Мы остались одни на Дова Йаланне.

Балавадива вывел Валерию за руку.

— Будет неплохо, если «Сова» отвезет нас к нашим метлам, — сказал он. — Пора возвращаться домой.

Я присел на задние лапы и провыл свою радость на чистую, незамутненную луну.

СОДЕРЖАНИЕ

ОПЕРАЦИЯ «ХАОС». <i>Роман. Перевод Д. Громова, О. Ладыженского</i>	5
ОПЕРАЦИЯ «ЛУНА». <i>Роман. Перевод И. Непочатовой</i>	243

Литературно-художественное издание

Пол Андерсон

ОПЕРАЦИЯ «ВНЕЗЕМЕЛЬЕ»

Редакторы *А. Хромова, С. Лопухова*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Художник *И. Варавин*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *В. Авдеева*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.09.2000.

Формат 84×108 ¹/₃₂ Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,9. Уч.-изд. л. 34,9.

Тираж 12 000 экз. Зак. № 2385.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»
Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.
Интернет/Home page — www.eksmo.ru
Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой:

Книжный клуб «ЭКСМО»

101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

Магазин «Академкнига»
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1
Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Унитрон индастри». Книжная ярмарка в СК «Олимпийский».
г. Москва, Олимпийский проспект, д. 16, метро «Проспект Мира».
Тел.: 785-10-30. E-mail: bookclub@cityline.ru

Дистрибьютор в США и Канаде — Дом книги «Санкт-Петербург»
Тел.: (718) 368-41-28. **Internet: www.st-p.com**

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90
Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86
Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

ГУП ОЦ МДК «Дом книги в Коптево». Тел.: 450-08-84
Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 31/1

Отпечатано в Тульской типографии.
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Любите читать?

Нет времени ходить по магазинам?

Хотите регулярно пополнять домашнюю библиотеку и при этом экономить деньги?

**Тогда каталоги Книжного клуба
“ЭКСМО” – то, что вам нужно!**

*Раз в квартал вы **БЕСПЛАТНО** получаете каталог с более чем 200 новинками нашего издательства!*

Вы найдете в нем книги для детей и взрослых: классику, поэзию, детективы, фантастику, сентиментальные романы, сказки, страшилки, обучающую литературу, книги по психологии, оздоровлению, домоводству, кулинарии и многое другое!

Чтобы получить каталог, достаточно прислать нам письмо-заявку по адресу: **101000, Москва, а/я 333.**

Телефон “горячей линии” **(095) 232-0018**

Адрес в Интернете: **<http://www.eksmo.ru>**

E-mail: **bookclub@eksmo.ru**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ

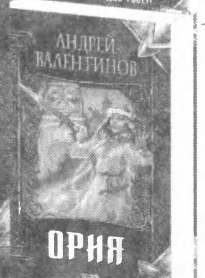
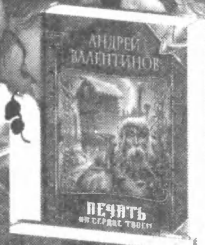
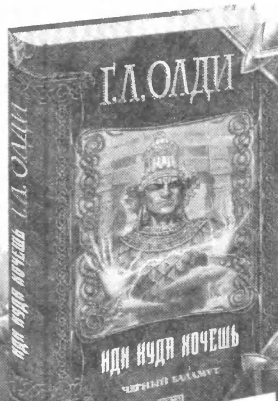
Нить времен

**Золотой фонд
философского боевика**

«Нить времен» ведет по лабиринту пространства и времени.

Клубок разматывается, нить запутывается, заводит то в непроходимые дебри, то на бескрайние равнины.

Найдите выход из этого лабиринта, но не забывайте – у каждого он свой...

НОВИНКИ ОСЕНИ 2000:

Г.Л. Олди «Одиссей, сын Лаэрта» кн. 1

Г.Л. Олди «Одиссей, сын Лаэрта» кн. 2

А. Валентинов «Овернский клирик»

А. Валентинов «Диомед, сын Тидея» кн. 1

А. Валентинов «Диомед, сын Тидея» кн. 2

Все книги объемом 500-650 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

Издательство
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

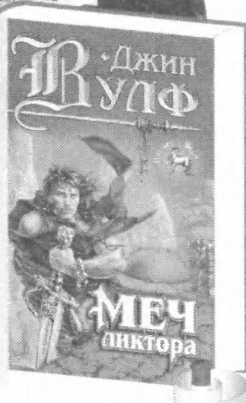
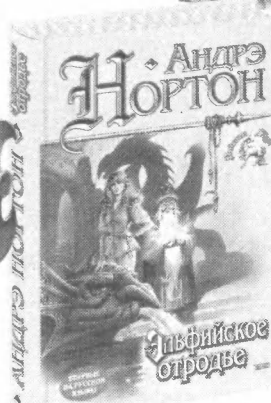

СЕРИЮ

Знак Единорога

Старая добрая фэнтези

- ❖ Многослойные и масштабные Миры, судьбы которых порой висят на волоске;
- ❖ Битвы Света и Тьмы, которые расшатывают вековое Равновесие;
- ❖ Волшебные истории, фантастические приключения гномов, эльфов, хоббитов, орков и других обитателей этих мест.

НОВИНКИ ОСЕНИ 2000:

Р. Желязны «Одержимый магией»

Р. Желязны «Лорд Демон»

К. Льюис «Хроники Нарнии» в 2 тт.

Все книги объемом 500-650 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

издательство
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ **АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ**

**Остросюжетная фантастика
высшего качества.**

**Только новинки от отечественных
мастеров жанра!**

- Прорыв сквозь пространство и время
- Встречи с обитателями других цивилизаций
- Сражения на земле и в космосе

Что обязательно понадобится
при этом?

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ –
без него в такие приключения
лучше не пускаться!

НОВИНКИ ОСЕНИ'2000:

В. Головачев «Гарантирую жизнь»
О. Дивов «Толкование сновидений»
Ю. Брайдер, К. Чадович «Дисбат»
А. Ливадный «Ковчег»

Все книги объемом 450-700 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

Издательство
ЭКСМО

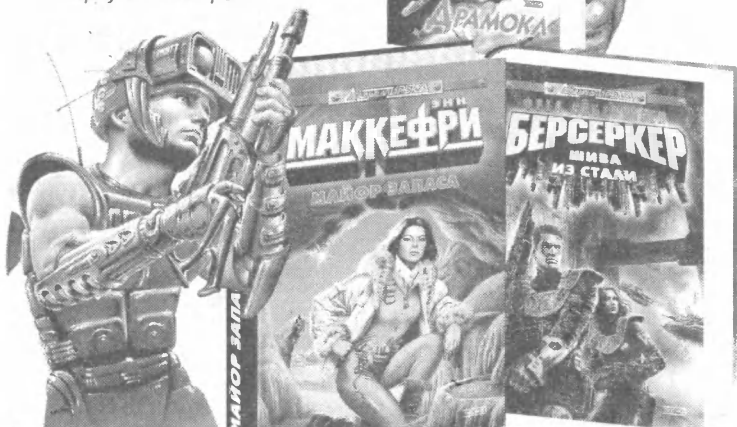
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ

ТАЛЬНАГЛЫРЫСА

**Лучшие образцы зарубежной
остросюжетной фантастики!**

- Межгалактические полеты,
дальние форпосты космоса;
- Головокружительные
приключения межзвездных
путешественников;
- Сражения не на жизнь, а на
смерть;
- Произведения, проверенные
временем, и новые хиты от
виртуозов жанра!

НОВИНКИ ОСЕНИ '2000:

П. Андерсон «Операция «Внеземелье»

Р. Хайнлайн «Кукловоды»

Г. Гаррисон «Враг у порога»

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ТАДЪН ДЪКРЪСА

ISBN 5-04-005740-7

9 785040 057405 >

ПОЛ
АНДЕРСОН

ОПЕРАЦИЯ
«ВНЕЗЕМЕЛЬЕ»